

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АПРѢЛЬ 5664 4

1882

61-5

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
19 APR 1966

№ 4

СОДЕРЖАНИЕ:

1. АНТОНИО ФОСКАРИНИ. Трагедія
Д. Б. Никколини. Переводъ . . . В. КРЕТОВСКАГО (исседомль).
2. ОЧЕРКИ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ
ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКѢ . . . И. АННЕНСКАГО.
3. МОЛЧАНІЕ ПОЭТА. (Изъ Людвигъ
Кондратовича). Стихотвореніе . . . ОМУЛЕВСКАГО.
4. ДЕПУТАТЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАР-
ТІИ. Романъ. (Окончаніе). . . . РОБЕРТА БИРА.
5. ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЫБОРЫ. Очеркъ. . . В. ПОТАПЕНКО.
6. НОВЫЯ ГРЕЗЫ. Стихотвореніе . . . И. ЛЕУБОВИЧА.
7. КОНТРАБАНДИСТКА. Равсказъ.
(Переводъ съ французскаго).

(См. на оборотѣ).

8. ОЧЕРКЪ ВОЗВРЪНІИ НА ОБЩЕ-
СТВЕННУЮ НАУКУ. (Окончаніе) . Я. Ч—АГО.
9. ВА ПРАВДУ. Романъ (Главы XI—
XIV) . . . . . КАРЛА ФРАНЦОЗА.
10. КРЕСТЪ. Стихотвореніе . . . . . К. НЕЛЛЕГРИНИ.
11. СТЕПАНЪ ОГОНЬКОВЪ. (Изъ раз-
сказовъ о неудачникахъ) . . . . . Н. ЗАСОДИНСКАГО.
12. СМЕРТЬ. Стихотвореніе . . . . . К. НЕЛЛЕГРИНИ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

13. ВЪ ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Н. КОЛЬЦОВА.
14. ЛЮБОПЫТНАЯ ИСПОВѢДЬ . . . . . К. С.
(„Лоринъ“. Романъ графа П. А. Валуева).
15. НОВЫЯ КНИГИ.
В. М. Маркевичъ. Переломъ. Правда и исторія. Въ 2-хъ томахъ. Сиб.
1882.—Деревенскіе будни. Н. Златовратскаго. Сиб. 1882.—Темная во-
да. Романъ въ трехъ частяхъ. П. Лычева. Сиб. 1882.—Лекціи зоологій
профессора Поля Вера (Paul Bert), переводъ съ французскаго докторъ
Л. Н. Симонова. Предисловіе проф. И. Р. Тарханова. Анатомія и Физіо-
логія. Съ 402 рис. въ текстъ. Сиб. Изданіе И. П. Билибина и Коми. 1882 г.
16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ . . . . . К. Ш.
По поводу московской политич. гоненій.
17. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЛЬ-
ГИНЪ. (Некрологъ).
18. ПЕРІОДЪ ЗАТИШЬЯ. ПОДЗЕМ-
НЫЙ РАЙ. (Политическая и обще-
ственная хроника) . . . . . ЖИВА.
19. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ. Въ сумасшедшемъ домѣ. ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.
20. ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ
ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . И. ЦЕРРИКОВОЙ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1882 ГОДУ.—Книжныя магазинны
Н. И. Мамонтова въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1882 г.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

„ДЪЛО“ будетъ издаваться по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 15 лѣтъ, при томъ-же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, подъ редакціей Н. В. Шелгунова и при непосредственномъ участіи въ редакціонныхъ трудахъ Н. Ф. Важина и К. М. Станюковича (Откровеннаго Писателя).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ останутся прежніе.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Альбовъ (М. Н.), Ардовъ, Варыкова (А. П.), Воборннинъ (П. Д.), Гальфранкъ, Жига, Кольцовъ (И. Г.), Ленскій (В. П.), Мечниковъ (Л. И.), Москвинъ (А. Л.), Михаловскій (Д. Л.), Минаевъ (Д. Д.), Наумовъ (Н. И.), Омуловскій, Откровенный Писатель, Потапенко (И. Н.), Плавскій Плещеевъ (А. Н.), Протопоповъ (М. А.), Русановъ (Н. С.), Станюковичъ (К. М.), Харламовъ (И. Н.), Шашковъ (С. С.),

Шелгуновъ (Н. В.), Шефтель (М. И.), Шпажинскій (И. В.),
Якубовичъ (П. Ф.) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ ЖУРНАЛА «ДѢЛО»:

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	16 » — »
Съ пересылкою иногороднымъ	17 » — »
Съ пер. за-границу во всё государство и страны.	19 » — »

Подписка принимается: въ С.-Петербургъ, въ Главной конторѣ
редакціи журнала «ДѢЛО», по Надеждинской ул., домъ № 39.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную высылку
журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Глав-
ной конторѣ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 4 .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ В. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1882

A
P51av 236.4 (1882/4)

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1868	годъ съ пересылкою	10 р.
” 1869	” ”	10 ”
” 1871	” ”	10 ”
” 1872	” ”	10 ”
” 1874	” ”	10 ”
” 1876	” ”	8 ”
” 1877	” ”	10 ”
” 1879	” ”	10 ”
” 1880	” ”	9 ”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересылкою по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1882 года.

АНТОНІО ФОСКАРИНИ.

ТРАГЕДІА Д. В. НИКОЛИНИ.

Переводъ В. Брестовскаго (псевдонимъ).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Альвие Фоскарини, дожъ.
Антоніо Фоскарини, его сынъ.
Лоредано
Контарини } государственные инквизиторы.
Бадозеро
Бельтрамо, начальникъ темницъ.
Кавалеръ изъ свиты дожа.
Посланный инквизиторовъ.
Сенаторы и патриціи.
Терева Наваджеро, жена Контарини.
Матильда, ея подруга.

Дѣйствіе въ Венеціи, 1622 г.

АКТЪ I.

ЗАЛА СОВѢТА.

I.

Дождь, Контарини, Лоредано, Бадозеро, Сенаторы.

Дождь.

Сенаторы, патриціи, напрасно
Я отговаривался старостью, когда
Вы возлагали этотъ санъ высокій
На голову мою; она въ бояхъ
Подъ шлемомъ посѣдѣла. Посвящаю
Венеціи остатокъ дней моихъ;
Лишь-бы достало силы поддержать

Величіе законовъ нашихъ древнихъ.
 Послушайте-жь меня, какъ гражданина.
 Дождь—властелинъ одной своей порфирой,
 И воля у него единственная—воля
 Отчизны.—Я отъ имени отчизны
 Вамъ говорю и не прошу, чтобъ небо
 Во мнѣ смирило личную заботу,
 Но чтобы даровало силу слова
 Достойнаго республики.

Ба до зро.

Позволь намъ

Твое услышать мнѣнье, государь.

До жъ.

Внимайте.—Каталонья и толпы
 Грабителей либурнскихъ подѣлили
 Добычу... О, она еще дымилась
 Горячей кровью нашей! На пиру
 Побѣдномъ, нечестивомъ, какъ трофей,
 Въ посмѣшище, лежала голова
 Венеціанскаго вождя,—на ужасъ
 Италиі, на смѣхъ ея врагамъ!..
 Филиппъ въ томъ непричастенъ, какъ король,
 Но гордый кастильянецъ, геній рабства,
 Радъ гибели людей свободныхъ... мысль
 Онъ радъ-бы оковать!—Войной разбита,
 Италиа и нравственно разбита;
 Завѣтъ отцовъ забывъ, переняла
 Она своихъ тирановъ новыхъ нравы;
 Въ обычаѣ ужъ нынѣ то, что прежде
 Считалось преступленьемъ. Своего
 У ней одно: пороки. Нѣтъ богатствъ—
 А всюду роскошь. Громки имена—
 Подъ ними униженіе. Погоня
 За почестью и—рабство!—Злодѣянье
 Жизнь Генриха-Четвертаго прервало.
 Возвеселилась ненависть, отъ вѣка
 Непримириная, когда великій
 Унесъ съ собой въ могилу свѣтъ свободы,
 Судьбы Европы и ея надежды.
 У насъ тогда посмѣлъ возстать Бедмаръ,
 Но бодрствовалъ Совѣтъ и ковъ распался...—
 Венеціа, владычица морей,
 Во вѣки ты должна свѣтити огнями

Своими всѣмъ волнамъ подвластнымъ Богу
 Адриатики! Родина, оплоть
 Италиі несокрушимый, вѣрный!
 Ужель на твой опустошенный берегъ,
 Ругаясь надъ тобой, сойдетъ испанецъ
 И якоря забросить съ кораблей
 Въ развалины твоихъ священныхъ храмовъ?..—
 Отцы, еще опасность не прошла!
 Какъ намъ сберечь отчизну?

Лоредано.

Государства

Не падаютъ предъ внѣшними врагами,
 Когда, какъ тѣло, ужь въ себѣ не носятъ
 Задатковъ смерти. Намъ поручено
 Исслѣдовать, Совѣту-же извѣстно
 Какими средствами поднять возможно
 Республику больную. Времена
 Несчастливы: она не переноситъ
 Ни боли, ни лекарствъ; насъ величаютъ
 Тиранами льстецы презрѣнной черни,
 И лѣзутъ въ государственные люди,
 Желая правосудію безсилія
 И безнаказанности злу... Нѣтъ, предки
 Не такъ жилали. Вынося смиренно
 Святое иго непреклонныхъ, равныхъ
 Для всѣхъ законовъ, граждане умѣли, —
 Чего въ Италиі понять не могутъ! —
 Повиноваться и повелѣвать.
 Дни мудрости сіяли славой. Мы
 Прогнали флотъ французскій; вмѣстѣ съ тѣмъ
 И гордость Фридриха смирили. Врагъ
 Настроилъ крѣпостей, а мы на нихъ
 Знамена Льва-Крылатаго подняли.
 Востокъ дрожаль передъ рываньемъ стража
 Европы, — а въ защиту отъ Европы
 Соединенной противъ насъ, всталъ геній
 Адриатики, мощный и единый... —
 Другія времена, другіе нравы!..
 Отъ насъ хотять простора преступленью;
 Судья, а не виновный ненавистенъ;
 Къ лѣтамъ нѣтъ уваженья, мудрый опытъ
 Слыветъ безумьемъ. Лишь одинъ, Отцы,
 Стоитъ священный этотъ трибуналь,

Закономъ мститель, лишь его топоръ
 Во мракѣ бодрствуетъ, — порока ужась,
 Невинности защита, — только имъ
 Вѣчна республика. Такъ наши предки
 Установили. Нынѣ, да не будетъ
 Ихъ недостойнъ нашъ Совѣтъ Верховный!
 Пусть жалость уступаетъ правосудью,
 Пусть наказаніе, какъ громъ Господень,
 Страшнѣе падаетъ на высихъ... — Войско
 Несчастное дрогнуло подъ Изонцо
 Въ глазахъ Европы. Радовался врагъ...
 Порадовались также итальянцы,
 Позоръ Италиі!.. — Кровавый миръ
 Мы заключили. Должно наблюдать
 За чужеземными послами. Въ мирѣ
 Они привыкли ловко воевать,
 Скупая государственныя тайны.
 Издайте-же законъ: такъ-какъ извѣстно,
 Что золотомъ предателя не свяжешь,
 То всякій изъ патриціевъ, кто дружбу
 Въ бесѣдѣ выкажетъ къ послу чужому,
 Иль тайно ночью въ домъ къ нему войдетъ, —
 Казнится смертью.

До жъ.

Родину люблю я

Не менѣе чѣмъ ты, но признаю
 Другой законъ... и онъ съ твоимъ несходенъ,
 Незыблемъ онъ, начертанъ въ книгѣ вѣчной,
 Гдѣ челоуѣкъ его стереть не можетъ!
 Случайность и ошибку въ преступленіе
 Ты обращаешь; ты разишь невинныхъ,
 Ища виновнаго. Иль такъ легко
 Власть проявлять Совѣту Трехъ, который,
 Безвѣстный всѣмъ, повелѣваетъ, судить,
 Доносить, осуждаетъ?.. О, Отцы!
 Мы непреклонны — будемъ правосудны!
 Побольше доблести, а подозрѣнья
 Поменѣе! Чтобъ не звучали правдой
 Укоры чужеземцевъ, будто власть
 Дана у насъ немногимъ, а свободы
 Нѣтъ никому, что незаконно имя
 Республики тамъ, гдѣ Сенатъ — тиранъ
 Жестокій и безсмертный..

Контарини.

Дождь, ты только
Лишь первый подданный. Сенатъ тебѣ
Напоминаетъ это.

Бадоеэро.

Контарини,

Увлечшись личною враждой, не служить
Отечеству. — Сенаторы! стоащій
Въ главѣ правленія — кормчій; долженъ онъ,
Властительно, подъ ревомъ грозной бури,
Презрѣть напрасный крикъ пловцовъ и бросить
Ихъ драгоценности на жертву волнъ. —
Бѣды грозятъ Венеціи. Ни миръ,
Ни мысль — въ Востокъ, въ защиту христіанства,
Крылатою Льва когти занустить —
Не веселать ее. Тотъ врагъ, что вѣчно
За нами сторожить съ вершины Альпъ,
Забывъ свои лѣта и близость гроба,
Какъ юноша мечтаетъ о захватахъ.
Другіе, жалкіе, испанцамъ служатъ, —
Рабы себѣ владыкъ не выбираютъ!
Но знаютъ всѣ: Италія, вотъ, здѣсь,
Въ Венеціи; — и дерзкая кичливость
Здѣсь чувствуетъ предѣлъ свой... такъ, дробясь,
Напрасно бьется море въ наши стѣны,
Соперницы стѣнъ Рима. — Попытались
Разрушить эти славные остатки
Величія Италіи... Ко сну
Я не смыкаю глазъ, не вспоминая
Предательства Бедмара. Бредъ мой полночь
Всѣхъ ужасовъ той ночи. Блескъ оружья,
Свѣтъ факеловъ, неистовства и ярость...
Женъ, матерей за волосы влекутъ...
Младенцевъ на груди ихъ убиваютъ...
Грабитель, пьяный кровью и виномъ,
Допрашиваетъ нашихъ дочерей
Объ именахъ отцовъ, чтобы позорнѣй
Досталось поруганье... и свирѣпо
Хочетъ, и мечемъ ихъ гонить въ пламя
Пылающихъ дворцовъ, — такъ возвращая
Подъ кровь родительскій... На обгорѣлыхъ
Развалинахъ, облитыхъ кровью, сволочь
Наемная считаетъ деньги, много-ль

Испанія за подвигъ заплатила...
 Все будто предо мной!.. — Отцы, издайте .
 Законъ ужасный какъ то пламя! дайте
 Безсилію Итали примѣръ
 Какъ справедливымъ быть!

Контарини.

Къ голосованью!

Дождь.

Я голоса не подаю, хотя
 Долгъ гражданина превозмогъ надъ чувствомъ;
 Но годы охлаждають: сердце въ битвахъ
 Не трепетало, а теперь трепещеть... —
 Въ Гельвеціи посломъ былъ сынъ мой; нынѣ,
 Отозванный, онъ возвращенъ. Позвольте,
 Чтобъ прежде чѣмъ онъ вамъ отдасть отчетъ
 Въ дѣлахъ, старикъ-отецъ могъ радость
 Вкусить въ его объятіяхъ неожиданныхъ.
 Путь возвышенія прегражденъ ему
 Закономъ; я возвышенъ, — онъ нисходитъ:
 Сынъ дождя ужъ не можетъ быть посломъ
 Въ чужой странѣ, но для отца въ томъ счастье:
 Я думалъ смерть найти въ бою; теперь,
 Въ суровыхъ помыслахъ о ней, отрадна
 Надежда, что глаза мои закроетъ
 Рука единственнаго сына.

Контарини.

Принять

Законъ.

Дождь.

Такъ объяви его.

Контарини (читаетъ:)

„Патрицій,

„Который къ чужеземному послу
 „Ночной порою въ домъ войдетъ, иль будетъ
 „Съ нимъ разговоръ имѣть, — повиненъ смерти“.

Дождь.

Совѣтъ распущенъ.

(Сенаторы расходятся).

Лоредано (выходя, Контарини:)

Контаренъ, узнаешь,

Что дождю старая вражда готовить.

II.

Домъ, кавалеръ его свиты.

Кавалеръ.

Вашъ сынъ.

Дождь.

Чтобъ не входилъ сюда никто.

Отъ государства тайнъ я не имѣю;
Прошу свободы лишь въ дѣлахъ домашнихъ,
Какъ гражданинъ и какъ отецъ.

(Кавалеръ уходитъ).

III.

Домъ.

Онъ пылокъ,

Великодушень, откровенень... Годы
Еще не выучили покоряться!
Онъ ненавидитъ эту власть... что хочетъ
Унизить насъ презрѣннѣ рабовъ!..
А я... Я долженъ укрощать стремленья,
Внушать благоразумный трепеть, долженъ
Сказать ему: Тебѣ закрыто все,
И подвиги, и дѣятельность; вяло,
Безвѣстно дни потянутся твои...
И эту гибель духа называютъ
Порядкомъ!

IV.

Домъ, Антонио.

(Они нѣсколько разъ обнимаются).

Дождь.

Мало, мало, сынъ! Еще
Обнимемся!.. Ты ѣхалъ моремъ? Ты
Не вспомнилъ, что тревожусь я?.. Какъ сладко,
Обнявшись, плакать, въ милое лицо
Всмотрѣться утомленными глазами...
Ты мой на вѣкъ! Ты возвращень отцу
И отнять у Венеціи...

Антонио.

Я радъ

Вдали отъ дѣлъ общественныхъ остаться

И жить семейной честной жизнью, здѣсь,
 Въ странѣ, гдѣ честнымъ людямъ въ наказанье
 Придумали почетъ... — Отецъ, ты-ль это?
 Въ герцогской мантии, въ нарядѣ рабства?
 И городъ, и дворецъ тебѣ тюрьма!
 Послѣдній властью, первый притѣсненный!
 На дождь учатся презрѣнью сана
 Царей! Дождь — гордости патриціанской
 Полезная потѣха, какъ илоты
 Спартанскимъ дѣтямъ...

Дождь.

Нѣтъ. Я подчиненъ,
 Но не безславно, — подчиненъ закону.
 Я саномъ — царь, правами — гражданинъ.

Антонио.

О, человекъ достойный лучшихъ дней
 И лучшихъ поколѣній, не скрывайся!
 Республика-ль у насъ? Здѣсь существуютъ,
 А не живутъ. Здѣсь называютъ жизнью
 Страхъ постоянный, страхъ, передъ которымъ
 Всѣ равны, и патрицій и плебей;
 Здѣсь низкій рабъ одно мечтаетъ, какъ-бы
 Тираномъ сдѣлаться...

Дождь.

О, старый споръ!

Примѣръ Гельвеціи тебя настроилъ
 Противъ порядка нашего, и ты
 Пережѣнить его мечтаешь. Сынъ,
 Италіи прекрасной не пристали
 Тѣ доблести; ихъ вызвала нужда...
 Людей немного, большинство ихъ — стадо.
 Венеція тамъ, гдѣ смиряетъ страхъ
 Плебея и патриція.

Антонио.

А если

Она сочтетъ тирановъ — страхъ пройдетъ. —
 Не знаю, какъ, пороками растлѣнный,
 Народъ находитъ снова путь къ свободѣ...
 Не знаю, дождь. Но, воинъ и отецъ!
 Чѣмъ можешь оправдать ты произволь?
 Онъ замысли казнить до исполненья,
 Онъ правосудье искажаетъ въ месть...

Дождь.

Мы сильны тѣмъ, что думаютъ о насъ.
Хвалю спасительный порядокъ.

Антонио.

Жертвы

Безвѣстныя невѣдомыхъ тирановъ
Не могутъ воплемъ возразить тебѣ
На похвалы. Холодная волна,
Безжизненно стоящая межъ этимъ
Дворцомъ несчастнымъ и тюрьмою, стонетъ
Надъ головой страдальцевъ, заглушая
Малѣйшій отзывъ голосовъ печали.
Туда и смерть идетъ неслышно, тамъ
И крови нѣтъ слѣдовъ...

Дождь.

Ошибка наша:

Чернь любитъ власть отважную на казни;
Ей наша кажется трусливымъ мщеньемъ.
Но иначе не можетъ быть... — Я здѣсь
Не вижу слишкомъ частыхъ наказаній.
Довольства, роскоши, пировъ, веселья
Полна Венеція.

Антонио.

Да. — По нѣмому

Веселію народовъ притѣсненныхъ
Суди объ ихъ порокахъ. Есть неволя
Безъ крови и цѣпей; тиранство есть
Премудрое: прощаетъ, унижая.
Изъ сердца крадутъ всякій честный смыслъ
Примѣры праздныхъ богачей... развратъ
И угнетенье! Грязь ихъ сладострастья
Безрадостнаго — бѣдному плебею
Убытокъ или стыдъ... О, среди казней,
Быть можетъ, человекъ возсталъ-бы... Горе
Тому, кто убиваетъ, усыпляя!

Дождь.

Горячая душа! печаль и время
Учители, а память старыхъ бѣдъ —
Совѣтникъ въ трудной жизни. Такъ повѣрь
Отцовской опытности... иль припомни,
Какъ слово смѣлое опасно. Знаешь —
Мнѣ Лоредано врагъ...

А н т о н і о .

Гіена въ тогѣ;
Глаза налиты кровью, ротъ надменный
Кривится для презрительной усмѣшки;
То тихо, то поспѣшно, блѣднотлицый
Проходитъ, будто замышляетъ зло
Или отъ совѣсти бѣжитъ; когда,
Народнымъ шумомъ улица полна,
И весело, — явился онъ — трепещуть,
Сторонятся, и вмигъ кругомъ молчанье
Могильное...

Д о ж ъ .

Воюсъ и Контарини.

Душою низкій, видомъ величавый,
Онъ понялъ, какъ ему опасенъ ты,
И ненавидитъ насъ. — Ему не въ радость
Недавній бракъ съ Терезой Наваджеро...

А н т о н і о .

Что ты сказалъ?

Д о ж ъ .

Чему ты удивился?

Что красота, и молодость, и прелесть
Достались старости? Плебеи могутъ
Жениться по любви, а нашихъ равныхъ
Соединяетъ гордость и расчетъ.

А н т о н і о .

Она могла...

Д о ж ъ .

Досадуешь, что врагъ
Богатствами наслѣдницы владѣетъ?
Утѣшься: я найду тебѣ невѣсту
Богаче, выше родомъ...

А н т о н і о .

Перестань!

Д о ж ъ .

Утѣшь отца... Уже я смѣюсь, уже годы
Забыты! Я возьму на руки сына
Сыновняго!.. Тебѣ нельзя бояться
Такой судьбы, какъ Контарини.

А н т о н і о .

Что?..

Дождь.

Онъ руку получилъ, не сердце; волю
Отца исполнила Тереза...

Антоніо.

(Меньше

Виновна, но зато — несчастнѣй)...

Дождь.

Съ горя,

День ото дня, она все таетъ...

Антоніо.

Боже!..

Дождь.

Напрасно мужъ старается понять
Безмолвную тоску...

Антоніо.

(Ужели... любить?..)

Дождь.

Оставимъ ихъ...

Антоніо.

Нѣтъ!..

Дождь.

Что тебѣ за дѣло

До ихъ печалей. Ты отца утѣшь.

Намъ двумъ просторенъ слишкомъ этотъ домъ.

Антоніо.

Развеселить, разсѣять ужасъ заль,
Гдѣ днемъ и ночью бродитъ инквизиторъ, —
Въ чьихъ это силахъ? Грозную пустыню
Создалъ сенатъ для дожа, засадилъ
Его въ просторную тюрьму...

Дождь.

Ты знаешь,

Что мѣсто здѣсь опасно, — такъ я больше

И слушать не хочу. — Дѣла зовутъ... —

Сыновняя любовь тебя научить

Быть осторожнѣй, юноша отважный.

(Уходить).

V.

Антоніо.

О, что это?.. И мысли, и любовь —

Все скоровано! Надъ всѣми гнетъ, съ плееевоъ

До сыновей патриціевъ! Недаромъ
 Тирановъ называютъ здѣсь Отцами... —
 О, Контаренъ, ты побѣдилъ! ужаснѣй
 Ты мщенія не могъ придумать... — Узникъ,
 Я — узникъ... спалъ, чудесный видѣлъ сонъ,
 Къ видѣнью жарко протянулъ объятъ...
 На звонъ цѣпей проснулся... О, Тереза! —
 Какъ дорого мнѣ было это имя;
 Всѣ, кто его носилъ, мнѣ были милы,
 Теперь... — О, если-бы ее увидѣть!.. —
 Она, быть-можетъ, побоится страстной
 Любви моею... Но тотъ-же я, Тереза!
 Безгрѣшно я любилъ тебя, могу
 Любить и безнадежно... — Въ лодкѣ, ночью,
 Помчусь туда, гдѣ волны тихо плещутъ
 Въ завѣтныя ступени. — Предъ разлукой,
 Я, помню, развлеченія искалъ,
 Слагая пѣсни... а она въ слезахъ
 Пѣвала ихъ... — Въ ночи, когда душа
 Свѣтлѣй, а сердце крѣпче болью сжато, —
 Напомню ей пѣснь скорби и любви...

А К Т Ъ II.

Зала во дворцѣ Контарини.

I.

Контарини, Тереза.

Контарини.

Ты все печальна, все молчишь; на ласки
 Не отвѣчаешь, прячешь даже вздохи.
 Свободу смерти ты зовешь, жена, —
 Въ могилу учишься смотрѣть смѣлѣе...
 Тебя еще какъ-будто что-то держитъ, —
 Воспоминанье... Такъ въ душѣ злодѣя
 Живетъ воспоминанье преступленья...
 Я отгадалъ? Надежда есть? Смутилась?..
 О, если только я открою тайну
 Слезь этихъ! Если я добьюсь угрозой
 Чего не могъ добиться лаской! Если
 То, что я думаю...

Тереза.

Я вамъ вѣрна.

Контарини.

Не вспоминай, какъ въ вѣрности клялась!
Твоя рука, принявъ кольцо, дрожала,
И слово замерло, которымъ мы
Несчастно связаны. Подъ покрываломъ, —
Красой невесты, — ты скрывала слезы,
Краснѣла не отъ робости...

Тереза.

Могла-ли

Я радостно отцу повиноваться?
Прахъ матери едва похоронили;
Надъ нимъ въ слезахъ молилась я, блѣдна,
Въ одеждѣ черной. Ты меня увидѣлъ;
Ты вздумалъ нарядить меня въ алмазы,
Повелъ отъ гроба къ алтарю... О, еслибъ
Не брачнымъ, а отшельницы покровомъ
Святымъ я облеклась... я на пути
Цвѣтущей юности нашла лишь горе!
Я радостей, чѣмъ жизнь мила, не знала!..
Ты не жалѣлъ-бы обо мнѣ. Мой взоръ,
Въ святомъ приютѣ, обратился-бъ къ небу,
Зовущему всѣхъ скорбныхъ...

Контарини.

Не всегда

Ты смотришь только въ небо; часто въ землю
Ты потупляешься, смутясь, блѣднѣя,
Когда пытаюсь я тебя проникнуть.
Напрасно жду улыбки, хоть недолгой,
Хоть ласковаго взгляда въ утѣшенье,
Хоть слова добраго, чтобъ развлекло
Отъ государственныхъ заботъ...

Тереза.

Веселье?

Мнѣ?.. Мой домъ опустошила смерть!
Мать праведница, вслѣдъ за ней отецъ...
О, тосковать о той, что здѣсь осталась,
Недолго вамъ, родные... если только
Тоскуютъ тамъ, гдѣ ждете вы меня!..

Контарини.

Когда въ отцовскомъ домѣ скорбь твоя
Такимъ воспоминаніемъ священнымъ

Питается, — я этот домъ оставлю.
 Въ Венеціи сосѣдство иностранца
 Опасно, а твой садъ весь на виду
 Испанскаго посла. — Но не надѣюсь,
 Чтобъ съ перемѣной мѣста стало лучше.
 Ты все бѣжишь меня; ты съ наслажденьемъ
 Въ угрюмой пустотѣ, въ молчаньи, бродишь
 Одна, тоскою грѣшной призывая
 Какое-то невѣдомое счастье.
 Ты грѣшница; все обличаетъ грѣхъ:
 Тревога, томность, блѣдность, тяжкій сонъ;
 Въ ночи не спишь твоя печаль, но, рядомъ,
 Мое не засыпаетъ подозрѣнье...
 О, не обманешь!..—Городъ веселится—
 Тебѣ нѣтъ праздника по вкусу; съ лаской
 Тебя зовутъ подруги—все напрасно;
 Дивится чернь:—„Что-жь не видать нигдѣ
 Супруги Контарена?“.. Ты могла-бъ
 Между патриціанокъ погордиться
 Богатствомъ, родомъ и дарами мужа;
 Могла-бы надъ душою господина
 Повластвовать красой недолговѣчной...—
 Вотъ, развлекись, забудь печали: праздникъ
 Готовать дожу. Сынъ его вернулся,
 Что былъ посломъ въ Гельвеціи...

Тереза.

(О Боже!..)

Контарини.

(Дрожить... краснѣть...)

Тереза.

Лореданъ... (уходить.)

II.

Контарини.

Все ясно!..

О, разумъ предъ случайностью—ничто!..
 Все ясно. Я прочелъ въ душѣ преступной...
 А я искалъ причины слезъ! Не понялъ,
 Что ненависть скрыть легче чѣмъ любовь...

III.

Контарини, Лоредано.

Контарини.

Я въ горѣ, другъ...

Лоредано.

Мнѣ не до частныхъ дѣлъ.—

Всю ночь читаль я строга страницы,
 Начертанныя мудростію предковъ
 И страхомъ ихъ спасительнымъ,—и много
 Постигъ я въ этой книгѣ тайной, намъ
 Однимъ открытой. Инквизиторъ, слушай
 Что можешь и что долженъ.

Контарини.

Говори.

Лоредано.

Мы притворяемся спящими должны,
 Но видѣть все, все слышать, все собирать
 Какъ драгоценности,—слова, движенья,—
 Вздохъ подмѣчать; за роскошью разврата
 Внимательно слѣдить: въ его весельи
 Бываетъ бредъ; тогда проникнуть можно
 Въ душевную пучину: мигъ одинъ
 Вдругъ обнажаетъ скрытое годами
 И помыслъ схваченъ. Мы—опора власти
 Великой, полной ужаса и тьмы.
 Она подобна ночи силой тайны,—
 Затѣмъ, что сила всякая есть—тайна...

Контарини.

Премудрость предковъ скрыла, будто тучей,
 Престоль нашъ. Трепеща, предполагаютъ,
 Спросить не смѣя, кто изъ Десяти
 Верховной властью облеченъ. Преступникъ
 Стоитъ передъ судьей, судьи не зная.
 Мы, какъ Господь, невидимо присущи.

Лоредано.

Но этого все мало. Огнь съ небесъ
 На грѣшныхъ падаетъ неожиданно: должно
 Умѣть искусно скрыть за чтѣ и какъ.
 Все неизвѣстное—страшище. Должно,
 Чтобъ о судѣ верховномъ говорили:
 —,Все знаетъ, не прощаетъ ничего".

Тѣмъ сохранится наше обаянье:
 Всевѣдущій не можетъ ошибаться.—
 Да будутъ приговоры правосудья
 Незримаго, какъ приговоры неба,
 Ничѣмъ повятыю смертныхъ не доступны,
 Чтобы причинъ не смѣлъ искать никто.

Контарини.

И безъ того, поникнувъ головой,
 Влѣдѣя, руки къ небу поднимая,
 Рабъ шепчетъ:—,Тѣ, что свыше...“ Чѣмъ еще
 Быть выше намъ? Народъ безумный въ Богѣ
 Тирана видитъ, а въ тиранахъ—Бога.
 Я знаю власть свою. Ты долженъ помнить,
 Какъ ненавижу я...

Лоредано.

У насъ одна

И власть, и ненависть. Но ты счастливецъ:
 Ты можешь кровь врага пролить... Но—дождь!..
 Съ какою радостью всегда я вижу
 Въ сенатѣ, на стѣнѣ, между оружьемъ,
 Топоръ, которымъ палъ Фальеро...—Нѣтъ,
 Поднять его опасно! Всѣ такъ слабы;
 Благоразумно сдержана вражда...—
 Довольно жерты намъ вдвоемъ одной...—
 Хоть помню день, когда его отецъ
 Мнѣ бросилъ слово дерзкое... на радость
 Моимъ врагамъ!.. во мнѣ оно стрѣлой
 Засѣло...

Контарини.

Какъ я погублю его?

Лоредано.

Вотъ, въ львиной пасти я нашелъ записку.
 Возьми, прочти.

Контарини (читаетъ:)

—,Антоній Фоскарини—

„Врагъ государства; мыслить ниспровергнуть
 „Венеціи священную опору—
 „Власть Трехъ...“ — Чтò-жь дѣлать?

Лоредано.

Еслибъ я его

Не ненавидѣлъ, то однимъ-бы словомъ,—
 Такимъ, какихъ забыть нельзя,—прервалъ

Весь дерзкій замысль. Но,—пускай заснегъ
Надъ бездною. Тогда его столкнуть
Туда, гдѣ нѣтъ надежды.

Контарини.

Ты словоенъ?

Но этотъ замысль...

Лоредано.

Если инквизиторъ

Боится,—то казнить.

Контарини.

Но что-жь ты сдѣлалъ?

Лоредано.

Вписалъ, какъ подозрительнаго, въ книгу
Гдѣ то, что писано, смываютъ кровью.

Контарини.

Ты мщенья ждешь отъ времени... Быть можетъ,
Отцовскую обиду позабудешь...

Лоредано.

Забуду? Нѣтъ, она въ моей душѣ.
Ты смерть готовишь сыну, я—отца
Наказываю жизнью... Жизнь долга,
Когда ея часы считаетъ скорбь.

Контарини.

И у меня нѣтъ радости. Жена
Томится, изнываетъ... и причину
Я объясняю... Моего врага,
Быть можетъ, любить...

Лоредано.

Тѣмъ пріятнѣй мщенье.

Имъ нашей западни не избѣжать.—
Ты все еще по-юношески бредишь?
Любовью нѣжишься? Жена, признайся,—
Владыки не боится, непокорна?

Контарини.

Любовь...

Лоредано.

Не вѣдаю, что это. Ты
Живешь, какъ тысячи тебѣ подобныхъ,
А я—одинъ...—Тебя въ совѣтѣ ждуть.

(уходитъ.)

IV.

Контарини.

Онъ инквизиторомъ родился, я—
 Сталъ инквизиторомъ. Какъ драгоценность,
 Онъ бережетъ свой непреклонный гнѣвъ
 И веселъ тайной. Ни мольбы, ни время,
 Ни жалость душу грозную не тронуть;
 Въ ней входа нѣтъ для чувства. Прегрѣшить
 Онъ можетъ, но не мелкою виной,
 А преступленіемъ могучимъ...—Я,—
 Жестокій оттого, что самъ страдаю,—
 У всѣхъ покой-бы отнял, потому
 Что мнѣ покоя нѣтъ...—Я ухожу,
 Но мыслью я слѣжу за ней...

V.

Тереза, Матильда.

Матильда.

Не вмѣстѣ

Мы выросли, но я тебя узнала
 И полюбила. Если наскучаетъ
 Мой разговоръ, иль слишкомъ я смѣла,—
 Дай хоть съ тобой поплавать.

Тереза.

О, мой другъ!..

Матильда.

Какое слово милое!..—Что сдѣлать,
 Чтобы тебѣ полегче стало?

Тереза.

Нѣтъ,

Мнѣ отъ всего тяжелѣ.

Матильда.

Дай, сберу

Подъ подерывало волосы.—Устала?—
 Позволь ухаживать; мнѣ это—счастье...
 Я въ спальню провожу тебя; ты вся
 Измучена; прилягъ на брачномъ ложѣ...
 Ты поблѣднѣла...

Тереза.

О, все, что ни слышу—

Обида!

Матильда.

Боже мой... прости... Разсѣйся...

Тереза.

Мученье! Горе!..

Матильда.

Успокойся!

Тереза.

Нѣтъ!

Ни въ чемъ живомъ отрады нѣтъ!

Матильда.

Въ природѣ?..

(Ведеть ее къ отворенному балкону, откуда видна лагуна. Долгое молчаніе.)

Тереза.

О, хорошо... Мракъ, тишина... и легче.—

У горя есть свое веселье...—Слушай...

Что это? Погребальные напѣвы...

Далекій ропоть...

Матильда.

Море, тамъ, за Лидо,

Подъ вѣтромъ вѣчно бьется, будто стонетъ;

Но здѣсь тиха лагуна и дворцы

Какъ въ зеркало глядятся...

Тереза.

Та блаженна,

Что родилась не въ нихъ.

Матильда.

Рыбакъ съ женой,—

Послушай,—съ берега на берегъ пѣсню

Перекликаются.

Тереза.

Едва разстались,

Онъ къ ней опять съ любовью поспѣшить...

Счастливы!

Матильда.

Про Эрминію поютъ.

Тереза.

Печаль любви... Пѣснь переходитъ въ стонъ

И умираетъ на волнахъ.

Матильда.

Смотри,

Гондола черная; плыветъ все ближе.

Гребецъ чуть шевелитъ весломъ, и пѣсва

Другая... Можетъ быть, ночной пѣвецъ
Томленья сердца выражаетъ милой.
Коварная, быть можетъ, невѣрна...

Тереза.

Что ты сказала?

Матильда.

Слушай.

Антонио Фоскарини (за сценой).

Въ часъ горькій,—въ часъ послѣдняго свиданья,—
То видѣлъ Богъ!—

Ты подала мнѣ руку на прощанье,
Любви залогъ...

Тереза.

Этотъ голосъ...

Не виновата я, не заслужила
Упрека!.. Ужасы родной земли,
Опасность жизни собственной,—его
Принудили уѣхать...

Матильда.

Ты дрожишь...

Тереза.

Ты знаешь... Дурно мнѣ. Колѣна гнутся...

Матильда.

Уйдемъ отсюда.

Тереза.

Да... Нѣтъ, не могу!

Пѣснь тайной силой охватила душу
И держать... держать здѣсь...—Ты весела,
Ты молода; въ щекахъ горитъ румянецъ...
Ты не поймешь...

Матильда.

Но я тебя люблю!

Довѣрься мнѣ... Прижмись ко мнѣ...

Антонио (за сценой).

У ногъ твоихъ, волѣнопреклоненный,
Я замиралъ,

И жизнь, и свѣтъ, и все, что есть въ вселенной—
Все забывалъ...

Матильда.

Краснѣешь?

Лицо закрыла... Милая!.. Рыданья?..

Антонио (за сценой).

Но словъ любви, что ты мнѣ прошептала,

Нельзя забыть;
 Въ странѣ чужой душа отраду знала—
 Все ихъ твердить.
 — „Твоя, на вѣкъ твоя!“ ты говорила,—
 „На вѣкъ ты мой!
 „Пусть эту клятву темная могила
 „Возьметъ со мной!“..

Матильда.

Ахъ, эту пѣсню, помню, пѣла ты.
 Теперь въ пыли замолкла арфа...

Тереза.

Пѣла?

Я пѣла?..

Матильда.

Къ арфѣ ты склонилась; звуки
 Вдругъ прервались и слезы покатались
 На струны...

Тереза.

Пѣсня сердцу отвѣчала.

Я плавала, не вѣдая о чемъ..
 Исходовъ много странныхъ у печали.

Матильда.

Ты умереть хотѣла съ этой пѣснью...

Тереза.

Матильда, слушай!..

Антонио (за сценой).

Разстались мы... Но что въ моемъ страданьи?
 Къ чему упрекъ? Къ чему напоминанья?
 Ты измѣнила, я забыть... Забыть!..
 Не свидимся мы больше, дорогая!
 Я смерть найду; она не пощадитъ...
 Но я умру, любя, умру—прощая,
 И снова твоихъ мой образъ не смутитъ!..

Тереза.

Горе, горе мнѣ!..

Въ гробъ за тобой и я пойду...—Я брежу?..
 Что я сказала?

Матильда.

Не скрывай: ты любишь.

Тереза.

О, Боже мой...—Прости. Я словъ боюсь.
 Дыханье здѣсь подслушиваютъ...—Знай-же:

Тотъ, что поетъ, что въ пѣснѣ смерти просить—
Сынъ дожа...

Матильда.

Благородный Фоскаренъ?

Тереза.

Молчи!.. Всего не знаетъ Контарини,
Но ненавидить.

Матильда.

Слышала: обида...

Тереза.

О, не обида! Жажда дѣлать зло!

Матильда.

Но что онъ можетъ противъ Фоскарини?

Тереза.

Что можетъ? Хитрая вражда и честность
Безпечная...

Матильда.

Но ты чего-же хочешь?

Тереза.

Спаси его! Онъ гордъ, настойчивъ... онъ
Считаетъ недостойнымъ покориться
Благоразумью робкому... Онъ долженъ
Бѣжать отсюда.

Матильда.

Но такой совѣтъ

Онъ приметъ только отъ тебя одной.

Тереза.

Что?.. Говори!

Матильда.

Твоя любовь чиста,

Не вѣдаетъ путей порочныхъ, пошлыхъ;
А колебанья, скрытность, можетъ быть,
Къ несчастью поведутъ...

Тереза.

Бѣги за нимъ!

VI.

Тереза.

Не отъ раскаянья дрожу я... нѣтъ!..
Онъ правъ, несчастенъ,—я его спасаю.
Свидѣтель—совѣсть, а судья мнѣ—Богъ!

А В Т Ъ III.

Сады дворца Контарини.

I.

Антонио.

Да, здѣсь.—Сюда летала мысль моя
 Съ вершины горъ Гельвеціи.—Ничто
 Не измѣнилось... Лишь не та Тереза.—
 Въ тѣни деревьевъ этихъ въ первый разъ
 Мы видѣлись... И вздохъ ея, и слезы...
 Теперь она другія слезы льетъ.—

Вотъ, здѣсь она сидѣла; долго, долго
 Смотрѣла мнѣ въ лицо... а я, безъ словъ,
 Молилъ, ждалъ слова, и оно слетѣло,
 Чуть слышное: „люблю тебя...“ и тихо
 Она мнѣ руку въ руку уронила...
 О, здѣсь святыня!..

Отъ чудесныхъ дней

Осталась только память: жилъ когда-то,
 Когда-то могъ любить...—Идутъ...

Мнѣ страшно.

Вблизи отъ ней мнѣ страшно не бывало.—
 Подъ вѣтромъ листья зашептали.—Если
 Матильда обманула? если это—
 Напрасная надежда?..—Мнѣ надежда?
 Разбито все, въ грядущемъ мракъ и ужасъ!..—
 Огонь вдали... блеснулъ... опять исчезъ...
 Какъ сердце бьется... и въ глазахъ темно...
 Она, она!

II.

Антонио, Тереза.

Антонио.

Тереза!

Тереза.

Вы, синьоръ...

Антонио.

Ты-ль это? Ты меня такъ не звала!
 Нѣтъ, ты меня не любишь!

Тереза.

Не люблю?..

Пришла-ли-бъ, если-бъ не любила?.. Видишь,—
Смотри въ лицо,—какъ я перемѣнилась,—
И по лицу суди, что тамъ, на сердцѣ,
Счастлива-ль я...

Антоніо.

О, никогда еще

Прелестнѣй для меня ты не казалась!
Но можешь-ли повѣстись, что какъ прежде
Ты все моя? Меня ты не любила...
Иль тотъ, кто отвратительною цѣпью
Сковалъ тебя, умѣлъ найти угрозы
Страшнѣ смерти...

Тереза.

Да!..—Но мой отецъ

Не былъ жестокъ. Любовь къ тебѣ могла-бъ
Придать мнѣ силы, но любовь къ отцу
Всѣ силы отняла. Я скрыла все...—
Въ ту комнату далекую, гдѣ мать
Скончалась на моихъ рукахъ, гдѣ я
Родилась, обреченная на горе,
Отецъ повелъ меня, сурово-грустный.
Со смерти матери не отворялась
Та комната; дверь застонала. Онъ
Сѣлъ у пустой постели и смотрѣлъ.
—„Здѣсь насъ она оставила“,—сказалъ онъ:—
„Здѣсь взоръ ея, покоясь на тебѣ,
„Послѣднею слезою омрачился.
„Здѣсь, обратясь къ Тому, Кто въ лоно звалъ,
„Томясь, она раскинула объятія,
„И, видѣвъ я, небесный свѣтъ сіялъ
„На лицѣ скорбномъ и святомъ... Какое-жъ
„Священное тебѣ осталось слово,—
„Послѣднее,—когда уже напрасно
„Она тебя искала взоромъ, слыша,
„Что ты, припавъ къ ея ногамъ, рыдала?..
„Она тебя хладѣющей рукой
„Благословила:—Будь отцу покорна...
„И ты клялась, и слышалъ Богъ, и образъ
„Его пречистый, предъ тобой стоящій.
„Она взяла его, къ нему приникла

„Устами, испустила душу... Съ неба,
„Она все видитъ...“

Антонио.

Что-жъ ты отвѣчала?

Тереза.

Я плакала. Онъ продолжалъ:—„Ты сердца
„Еще любви не отдавала...“—Тутъ
Онъ пристально взглянулъ. Я опустила
Глаза; лицо горѣло.—„Сердца ты
„Еще любви не отдавала, можешь
„Легко повиноваться; бракъ тебѣ
„Готовлю знаменитый—съ Контарини...“

Антонио.

О!..

Тереза.

—„Гордеца я не люблю, но власть
„Ужасная...“ Онъ смолкъ и вдругъ мнѣ въ ноги
Упалъ, и цѣловалъ ихъ, и рыдалъ...
Я не могла поднять его... О, голосъ
И будто слышу!—„Голову мою
„Согнула старость, гробъ зоветъ, но все-же,—
„Все слишкомъ высока она, пряма
„Для той тюрьмы, которую готовить
„Нѣмая злоба Трехъ... О, не ищи
„За что!.. Увы, быть можетъ, слишкомъ много
„И дѣчери открылъ я!.. Ты одна
„Меня спасти замужствомъ этимъ можешь
„Отъ ужасовъ таинственныхъ темницъ,
„Отъ...“— Я охолодѣла... онъ явился
Передо мной... ужъ тамъ, въ холодной тѣмѣ;
Онъ ползалъ по плитамъ, искалъ, дрожа,
Даянье жалости безчеловѣчной—
Оглодокъ хлѣба... цѣпь, влачась, звенѣла...
Во мракъ онъ уходилъ все дальше, дальше...
Въ соломѣ грязной, жалкой... спотыкался
На кости жертвъ непогребенныхъ... онъ...
Онъ проклиналъ меня!.. Смертельный ужасъ,
Любовь къ отцу,—прости,—все превзошли—
И я тебя забыла... О, прости,
Я въ этотъ мигъ тебя забыла!

Антонио.

Дальше!

Тереза.

Ты знаешь все...

Антонио.

Чего же не гнететь

Могущество чудовищное?—Городъ
Презрѣнный, ты все терпишь! Ты не даромъ
На тинѣ выстроень...—О, правда Божья!
И ты не разверзаешь безднѣ подъ этимъ
Судилищемъ, не жжешь огнемъ небеснымъ
Властителей—убійцѣ, чтобы отъ нихъ
И памяти не стало!..—Нѣтъ! Да будетъ
Вѣчна ихъ память, вѣченъ ихъ позоръ!

Тереза.

День роковой насталь,—но онъ меня,
Отдавъ другому, у тебя не отнялъ...
Какъ слышитъ осужденный, что готовятъ
Помость для казни,—слышала я звонъ
Колоколовъ, зовущихъ въ храмъ. Женихъ
Повель меня... Его я не видала,—
Ты, ты одинъ стоялъ въ глазахъ! Безъ чувства,
Безъ памяти, безъ словъ, охолодѣвъ,
Я на порогъ упала, ухватилась
За двери дома Божьяго, надѣясь,
Что не отворятся онѣ, поймутъ
Мое страданье, сжалятся... Меня
Толкнули къ алтарю. Предъ Богомъ стала
Я съ мыслью о тебѣ...—Мракъ, глубина,
Величье храма, противъ алтаря—
Могила матери, обряды, пѣнье,
Торжественность великой жертвы, душу
Наполнили мнѣ чувствами, которыхъ
Не рассказать, не счесть... Мнѣ мысль мельнула:
Я предстою предъ Тѣмъ, Кто видитъ все;
Въ моей душѣ читаетъ Онъ, сравнить
Обѣтъ мой живой и мой замысль тайный.
Когда-бъ и въ силахъ я была,—должна-ли
Связаться словомъ съ тѣмъ, безчеловѣчнымъ?..
Но я взглянула на отца...

Антонио.

Молчи!

Молчи! Довольно! Не любовь во мнѣ,
А бѣшенство!.. Обязанность! Обѣтъ!..
У жертвъ обязанностей не бываетъ!

Объѣтъ насильный не записатьъ въ небѣ,—
Его слезами ангелы смываютъ...

Тереза.

Чего ты хочешь? Чтобы я бѣжала?
Скиталась, опозорена?.. Во мнѣ
Любилъ ты добродѣтель... Уважай
Терезу Контарини.

Антонио.

Хорошо,

Что ты напомнила... Прости, забылся...
И накажу себя. Свой долгъ исполнить
Тотъ, кто тебя несчастной сдѣлалъ.

Тереза.

Нѣтъ!

Постой! Люблю тебя! Душа сказала,—
Но прежде... Нѣтъ... О, для меня живи!
Онъ—врагъ твой, знаешь? Ненависть, и съ ней
Власть тайная... Бѣги его! Опасность
Ужасна, если страхъ мой такъ великъ...
Ты благороденъ; въ городѣ проклятомъ
Ты жить не можешь, не сумѣешь биться
Изъ-за могущества, искать не станешь
Въ минутныхъ упоеніяхъ порока
Забвенія любви прекрасной нашей...
Разлука, время...

Антонио.

Такъ любовь пройдетъ

Въ разлукѣ? Но, бывало, въ тяжкій часъ,
Къ кому-жъ, какъ не къ тебѣ, душа летѣла
Привычно, какъ въ пріютъ? Что подрѣшило?
Мысль о тебѣ! Мелькнетъ случайно радость—
Зову тебя! Мерещится,—вотъ ты,
Со мною объ руку, со мною вѣчно,
И вѣчно—все прелестнѣй! На утесахъ
Заоблачныхъ, чѣмъ ближе небеса,
Тѣмъ ближе ты казалась, чище неба,
Мила, какъ первый день любви... Ты плачешь?
Прижмись ко мнѣ, плачь на моей груди!

Тереза.

О, будь сильнѣй меня...

Антонио.

Моя святыня!

Погибни, кто тебя осудить!.. — Жить!

Я долженъ жить, любимый, и не вѣдать
 Блаженства... Торжествуй, о, произволь!
 Ты переполнилъ горечью и гнѣвомъ
 Года моихъ надеждъ!.. — Твоихъ совѣтовъ
 Я не могу принять; изъ состраданья
 Къ отцу, я долженъ оставаться здѣсь;
 Но если случай иль чужая воля
 Пошлютъ меня подъ небеса другія,
 По-прежнему, я буду...

Тереза.

Ненадолго!

Конецъ мой близокъ. Память и печаль —
 Вотъ, что тебѣ останется, — и скоро! —
 Отъ той, что ты любилъ. Лишь для тебя
 Еще я медлю на краю могилы...
 Ты — горькихъ дней моихъ одна забота,
 Одно желанье. Но, пока жива, —
 Тебѣ — всѣ помыслы, тебѣ — всѣ чувства,
 Молитвы — за одно съ тобой... Ты въ горѣ,
 Но ты свободенъ. Страстью безупречной
 Мы къ чистымъ радостямъ приучены,
 А у такой любви свои бываютъ
 Вознагражденія; отрадны слезы,
 Когда мы взоры обращаемъ къ небу,
 Туда, гдѣ нѣтъ тирановъ, гдѣ на вѣкъ
 Господь соединяетъ тѣхъ, кого
 Здѣсь люди разлучили... — Не должны
 Мы больше видѣться...

Антоніо.

Ужель ты въ силахъ
 Разстаться? Этотъ вздохъ — послѣдній? Должно
 Довольствоваться часомъ невозвратнымъ,
 Единственнымъ, отпущеннымъ для счастья?
 Теперь я понялъ вѣчность: пусть приходитъ
 Вся тьма отчаянья и испытаній —
 У смерти ужасовъ не остается!..

III.

Тереза, Антоніо, Матильда.

Матильда.

Бѣги, вотъ Контаренъ!.. — Туда ужь поздно,
 Полна дорога фавеловъ...

Антоніо.

Сюда?

Матильда.

Дворецъ...

Антоніо.

Молчи!

Тереза.

Постой! Дворецъ испанскій —

Тамъ смерть тебѣ...

Антоніо.

А здѣсь — тебѣ позоръ.

Я выбралъ; честь твою не промѣняю

На жизнь свою...

Тереза.

Но мечь совѣта Трехъ?

Тебя въ измѣнѣ обвинять! Послушай...

Я все открою Контарини. Я

Одна преступна. Пусть убьетъ меня.

Я заслону тебя... я не стыжусь

Твоихъ объятій...

Антоніо.

Только и объятій, —

И во всю жизнь! — готовила судьба...

Я ихъ обязанъ оттолкнуть...

Тереза.

Постой!

О, выслушай!..

Антоніо.

Живой я не отдамъся;

Смерть легкая, мгновенная...

Тереза.

Постой!

Антоніо.

Молись, чтобъ Богъ меня простилъ...

(убѣгаетъ).

IV.

Тереза, Матильда.

Тереза.

Постой...

Онъ убѣжалъ... Онъ такъ взглянулъ...

Матильда.

Смотри,
Вотъ Контарень... — Хоть въ первую минуту...

V.

Матильда, Тереза, Контарини, слуги съ факелами.

Контарини.

Вотъ, наконецъ, она! Изъ цвѣтниковъ
Уйти осмѣлилась!

Матильда.

Ее въ прохладу
Я увела насильно.

Контарини.

Слишкомъ много
Загадокъ у печали этой. Я
Открою все. Потупилась отъ срама,
Обманщица? Заплачешь непритворно...

(раздается pistolетный выстрѣлъ.)

Тереза.

Творецъ, прости... Онъ умеръ!

(падаетъ на руки Матильды.)

Контарини.

Умеръ? Кто?
Кто, говори? Кто?.. Дурно ей?.. Наперсницъ
Допрашивать не стоитъ! — Преступленье
Еще не ясно, казнь вѣрна. — Въ совѣтъ!

А Б Т Ъ IV.

Зала, гдѣ собираются инвизиторы.

I.

Антонио, Бельтрамо.

Антонио.

Рука дрогнула... Видно, не всегда
Смерть удается и при сильной волѣ. —
Оставь; пусть кровь течетъ.

Бельтрамо.

Надѣнуть цѣпи...

Антоніо.

Да! Смерть здѣсь — состраданье. — Ты вздохнулъ? —
Совѣтъ въ тебѣ ошибся!

Бельтрамо.

Я воспитанъ

У Бадозро. Онъ меня назначилъ
На эту должность тяжкую.

Антоніо.

Теперь

Глаза мнѣ развязали; вмѣстѣ съ болью
Вернулось и сознаніе. Скажи,
Какими переходами глухими
Меня ввели сюда?

Бельтрамо.

Мостъ перешли...

Его зовутъ—Мостъ Вздоховъ... Имъ приводятъ
Преступниковъ въ верховный судъ. Онъ рядомъ
Съ дворцомъ...

Антоніо.

Дворецъ отца, темница сына...

Одна стѣна насъ раздѣляетъ!.. Мысль
Едва страхнула отупленье смерти —
Передъ глазами — ужасъ. Этотъ мракъ
Кругомъ — тиранами придуманъ тоже?

Бельтрамо.

Ночь въ половинѣ.

Антоніо.

Ахъ, какъ ждетъ отецъ!..

Бельтрамо.

Неясный свѣтъ сюда еще заходитъ.
Когда-бъ онъ могъ сойти *туда*, въ могилы
Къ живымъ, — они сочли-бъ его за солнце
Во всемъ его величїи...

Антоніо.

О, знаю!

Бельтрамо.

Разъ, я сходилъ въ тѣ бездны, слышалъ вздохъ
Предсмертной муки, стоны, звонъ цѣпей,
Вопль бѣшенства, отчаянья, проклятій...

Антоніо.

Кто судьи? Назови мнѣ этихъ трехъ.

Бельтрамо.

Бадозръ, Лоредано; третій, худшій...

Антоніо.

Кто?

Бельтрамо.

Контарини.

Антоніо.

Контарини!..

Бельтрамо.

Прежде

Онъ не былъ такъ свирѣпъ, но раздраженъ
Недавнимъ бракомъ... Какъ она прелестна,
Когда-бъ ты видѣлъ!..—Темнота рѣдѣтъ;
Огни... Вотъ инквизиторы. Ты долженъ
Уйти...

II.

Контарини, Лоредано, Бельтрамо.

Контарини (входя.)

Я поскользнулся. Мокрый полъ...

Бельтрамо.

Вы знаете, что Фоскарини раненъ.

Лоредано (тихо Контарини.)

Къ крови врага пріятно поскользнуться.

Контарини.

Не мною пролита и слишкомъ мало.

Лоредано.

Преступнику я смерти не хочу,
Пусть только онъ сойдетъ туда, гдѣ люди
Влюбляются въ свободу, гдѣ могилы
Уму научать. (Бельтрамо)—Отвести его
Въ тюрьму; гордецъ тамъ голову наклонить
И поразмыслить.

III.

Контарини, Лоредано.

Контарини.

Нашъ! Дверь заперлась!

Лоредано.

Не знаешь, что подвигнуло его

Идти противъ закона?

Контарини.

Яр.. Не знаю.

Лоредано.

Со мной хитрить? Скрываться от меня?
 Глупец! Отъ знатока людскихъ пороковъ?
 Ужь много лѣтъ я сторожу свободу
 Разврата, данную рабамъ, чтобъ крѣпче
 Увѣковѣчить рабство ихъ; видалъ,
 Какъ ненаказанный проступокъ въ сердцѣ
 Родить злодѣйство. Ты-же, между дѣломъ,
 Безумною любовью занялся,—
 И смѣешь думать, увлеченный самъ,
 Что властвовать способенъ надъ страстями
 Другихъ людей? Твоя жестокость—пыль;
 Жестокость должно возводить въ искусство.
 Жена преступна... и еще жива?
 Пусть только благодушный Бадозеро
 Провѣдаетъ, и ты всего лишень,—
 Отмщенья, чести, ты—потѣха черни;
 Злодѣйство крупное развратнымъ страшно,
 А мелочь—ихъ смѣшить.

Контарини.

О, Богъ мой, какъ-же

Мнѣ безопаснѣй наказать ее?

Лоредано.

Между сокровищами власти нашей
 Есть ядъ,—вѣрнѣе всякаго оружья.
 Давно-бы могъ ты имъ зажать уста
 Своей невѣрной. Умный инквизиторъ
 Пренебрегаетъ явной казнью. Тайна—
 Богъ государствъ.

Контарини.

За нею смотреть. Пусть

Сперва умереть любовникъ. Я потомъ
 Спокойнѣй выберу и казнь и время.
 О, еслибъ раньше отравить ее,
 Когда въ душѣ ея чуть зарождался
 Развратный помыслъ! И тогда-бъ, изъ бездны,
 На встрѣчу Фоскарини вышла тѣнь
 Зовущая...

Лоредано.

Но если онъ расскажетъ

То, что ты хочешь скрыть?..

Контарини.

Любовникъ нѣжный!

Честь не допустить... и притянуть въ смерти!
 Мнѣ добродѣтель нравится.

Лоредано.

Глупецъ!

Онъ вѣрить въ добродѣтель!

IV.

Контарини, Лоредано, Бадозеро, Бельтрамо.

Бадозеро (печально).

Приведите

Несчастливаго.

Лоредано.

Здѣсь царство правосудья
 Неумолимаго; вздыхать здѣсь могутъ
 Одни преступники.

Бадозеро.

Ужасный случай!..

Всевышній свѣтъ, сойди и въ насъ вселись,
 Руководи во тьмѣ суда земного,
 Къ тебѣ взываемъ...

Контарини.

(Я взываю: Мщенье!)

V.

Контарини, Лоредано, Бадозеро, Бельтрамо, Антонио Фоскарини.

Бельтрамо.

Вотъ подсудимый.

(По знаку Лоредано, Бельтрамо подводитъ Антонио къ столу, у котораго сѣли инквизиторы, а самъ отходитъ въ глубину сцены.)

Лоредано.

Какъ тебя зовутъ?

Антонио.

Вы знаете.

Лоредано.

Здѣсь я тебя не знаю.

Бадозеро.

Таковъ законъ.

Антонио.

Антоній Фоскарини,

Сынъ дожа.

Лоредано.

Нашъ топоръ казнить и дождей.

Но если научилъ тебя отецъ
Такому уваженію къ законамъ,
Ты, можетъ быть, получишь и прощенье.

Антоніо.

Ты хочешь, чтобъ я обвинилъ отца?
Убить меня ты можешь, обмануть—
Не думай.

Лоредано.

Ты не цѣнишь нашу милость:

Преступникъ государственный казнится
И безъ суда. Проступокъ явный; судьямъ
И колебаться нечего: ты сквачень
Въ саду испанскаго посла; ты, въ страхѣ,
Самъ на себя скорѣ обратилъ
Оружье запрещенное. На пыткѣ,
Сознанья я и спрашивать не стану;
Спрошу лишь, кто сообщники...

Контарини.

Зачѣмъ?..

Я не люблю... И боль не скажетъ правды.

Лоредано.

(Другъ, милосердіе твое понятно!)

Антоніо.

Терзайте тѣло, духъ не въ вашей власти,—
И, если вы посмѣете назвать
Признаемъ—стонъ кровавыхъ устъ... надѣюсь,
Умру безъ стона.

Бадзаро.

Отвѣчай покорно

Судьямъ безстрастнымъ...—Именемъ отчины
Священной, нашей общей... честью предковъ,
Героевъ и мужей совѣта... славой
Стѣнъ этихъ дорогихъ, что защищала
Своею кровью твой отецъ великій!
Я заклинаю—сжался надъ собой
И объясни...

Антоніо.

Я понялъ. Мой отвѣтъ

Тебя достоинъ. Предъ тобой—измѣнникъ?
Взгляни-жъ сюда: вотъ, на его груди
Слѣдъ злости чужеземца, слѣдъ удара

Испанской шпаги,—Вѣришь? Не люблю
Я родины моей?

Контарини.

Мятежнѣе всякій

Любовью этой хвастаетъ.

Лоредано.

А намъ

До этихъ благородныхъ ранъ нѣтъ дѣла.—
Что должно, отвѣчай.

Бадэро.

Ты, можетъ быть,

Не зналъ закона?..—Уважи, чѣмъ можно
Спасти тебя.

Антонио.

Мнѣ нечего сказать.

Бадэро.

Но такъ себя ты признаешь виновнымъ...

Антонио.

Я защищаю честь, не жизнь.

Лоредано (Бадэро)

Ужель

Ты можешь сомнѣваться въ преступленьи?
Онъ въ подозрѣннѣ давно.

(Указываетъ на книгу, гдѣ записыва-
лись имена подозрительныхъ лицъ.)

Вотъ, здѣсь

Вся жизнь его. Хранятъ страницы эти
Все—праздныя слова, и смѣхъ, и взгляды.
Вина записанная здѣсь—вѣчна:
Ей нѣтъ забвенья. Здѣсь одна строка
Краснорѣчивѣй обо всемъ напомнить
Чѣмъ совѣсть, задремавшая въ покоѣ
Средь безнаказанности.—Онъ преступнѣй
Чѣмъ знаетъ самъ.—Я, Фоскаренъ, тебя
Въ измѣнѣ государству обвиняю.

Антонио.

Какъ? вмѣстѣ и судья, и обвинитель?

Лоредано.

Я—все.—Онъ покушался уничтожить
Совѣтъ верховный, этотъ страхъ злодѣевъ.
Сената милосердье (роковое
Для насъ!)—ему прощенье даровало
И, болѣе того, его посломъ

Назначило; но дерзкій, надъ закономъ
 Ругаясь, непочтительныя рѣчи
 Произносилъ противъ Совѣта Трехъ...
 Равно преступны—кто сказалъ, кто слушалъ,—
 Хотя-бъ самъ дождь.

Антонио.

Свидѣтелей представь.

Лоредано.

Судья и такъ все знаетъ.

Антонио.

Да, ты правъ;

Не обвиняютъ, а клеветуютъ здѣсь;
 Доносчики, и жертвы, и тираны—
 Все спрятано въ потьмахъ...

Лоредано.

Вотъ, вотъ она—

Вы слышали?—хваленая свобода
 Отважныхъ словъ, волнующихъ народъ!
 Та, что законы предастъ презрѣнью,
 Въ сомнѣнье вводитъ шаткую покорность,
 Раствлѣнемъ мнѣній отнимаетъ силу
 У государства и, отъ мудрыхъ узъ
 Освобождая мысль, все разрушаетъ
 Разборомъ дерзкимъ! Что-жъ бываетъ дальше?
 Мысль—а за ней вражда и заговоръ...

Антонио.

Мысль—заговоръ?.. О, такъ я виноватъ!

Контарини.

Въ сенатѣ ты горячій былъ ораторъ,
 Что-жъ скоро такъ примолкнулъ?

Антонио.

Рабъ—народъ

Отъ страха нѣмъ, а здѣсь—одно молчанье
 Достоинно человѣка.

Бадозро.

Споръ пустой!..—(Вельтраю.)

При совѣщаньи онъ не долженъ быть;
 Отвесьте его.

VI.

Бадозро, Контарини, Лоредано.

Бадозро.

Почтенные собратья,

Онъ кажется виновнымъ, но спокоенъ;
Въ лицѣ не измѣнился, благороденъ
И гордъ...

Лоредано.

Преступникъ дерзокъ,—это новость?

Бадозро.

Какъ мы, онъ ненавидитъ чужеземцевъ;
При имени испанцевъ, онъ вздрогнулъ
Въ негодованьи...

Лоредано.

И вздрогнулъ при нашемъ,—

Но только иначе.

Бадозро.

Но онъ съ послемъ

Не говорилъ...

Контарини.

Могъ говорить! Довольно!

Бадозро.

Закона мечъ удержанъ несогласьемъ
Судей, а въ случаяхъ подобныхъ должно
Прибѣгнуть къ власти дожа. (Бельтрамо)

Попросить

Его скорѣе.

(Бельтрамо выходитъ).

Контарини.

(Сколько проволочекъ!)

Лоредано.

О, времена, о, нравы!.. Вотъ забота
О благѣ общества!.. Здѣсь позабыто,
Что нашъ священный долгъ—быстрѣйшей карой
Предупреждать проступокъ!—Тотъ, это страшень—
Всегда виновенъ. Будь онъ хоть невиненъ,
Я-бъ наказалъ его, уже за то,
Что оскорбилъ его, подозрѣвая:
Онъ, мнѣ въ отмщенье, можетъ стать злодѣемъ...—
То, что вы ищете,—глубоко слишкомъ
И темно скрыто... О, когда-бъ я былъ
Владыкой помысловъ! прозрѣть, схватить
Въ зачаткѣ...

Контарини.

Утонченная жестокость—

Призвать отца судьей надъ сыномъ!

Бадозро.

Какъ?

Ты сострадаешь?..

VII.

Домъ, Бельтрамо (уходить, введя дожа), Бадозро, Лоредано, Контарини.

Лоредано.

Безъ причины важной,
Недремлющее правосудье, дождь,
Непрервало-бы снова твоихъ. Въ ночи
Не слышно намъ не проползеть измѣна.
Власть наша бережетъ и твой покой...
И я когда-то спалъ... печаль обиды
Спать отучила.—Вотъ преступникъ.—Дождь,
Онъ коротко тебѣ знакомъ.

VIII.

Антонио, Бельтрамо, Домъ, Бадозро, Лоредано, Контарини.

Дождь.

О, Боже!..

Позорь!..

Контарини.

Онъ схваченъ во дворцѣ испанскомъ.
Когда-бъ не милость Бадозро, тайно
Его-бы мы казнили нашей властью,
А дождь не зналъ-бы и спросить не смѣлъ.

Бадозро.

Не нужно лишней строгости. Спокойно,
Безгнѣвно правосудіе, и милость
Да будетъ силою закона.—Дождь,
Мы спрашивали, но напрасно, что
Могло привести его туда. Заставь
Его прервать упорное молчанье,
И если обнаружится, что онъ
Невиноватъ (мы въ томъ убѣждены),
То меньшее наложимъ наказанье.—
Я настоялъ, чтобъ принять былъ законъ;
Когда-бъ я могъ смягчить его!.. Но если
Онъ будетъ все молчать...

(Инквизиторы уходятъ.)

IX.

Дождь, Антоніо.

Дождь.
О, нѣтъ и словъ...

Ужасно!..

Антоніо.

Я не виноватъ, отецъ.

Дождь.

Ты увѣряешь? Развѣ я не знаю,
Что дерзкія надежды волновали
Твой умъ, что молодъ, пылокъ ты и гордъ,
Что въ сторонѣ чужой ты научился
Законы наши ненавидѣть...

Антоніо.

Да,

Хотѣлъ я уничтожить этотъ срамъ.
Среди безмолвной трусости раздался
Въ Италіи свободный голосъ мой;
Тираны дрогнули, рабы смутились...
Зло побѣдило. Я ушелъ скитаться
Въ горахъ Гельвеціи. Надъ ледниками,
Въ виду величія природы строгой,
Неподцененной власти человѣка,
Я чувствовалъ присутствіе свободы, —
На вѣки изгнанной отъ береговъ
Адріатики, гдѣ сіяетъ солнце
И все мрачить неволя. На чужбинѣ
Отвыкъ отъ трепета и отъ молчанья,
Забылъ о темныхъ козняхъ и доносахъ
Венеціи... Мнѣ и въ тюрьмѣ все горы
Мерещатся и образъ дорогой...

Дождь.

Теперь ты на себѣ извѣдалъ, дерзкій
Нововводитель! Ты своей враждой
Довелъ себя до бездны. Вы хотите
Общественному разуму поставить
Закономъ вашу собственную волю,
А все кричите о правахъ народа.
Власть Трехъ намъ дорога: она равняетъ
Подъ общій страхъ патриціевъ, плебеевъ
И дожескій вѣнецъ...

Антонио.

Здѣсь нѣтъ народа;
 Есть—онѣмѣлая толпа, стонъ боли,
 Но и предъ смертью словъ свободныхъ нѣтъ:
 Ихъ заглушаетъ казнь...—Къ чему-жь ихъ тратить?
 Смотри кругомъ и ужасайся. Я
 Не ужасаюсь и твержу одно:
 Невиновать я.

Дождь.

Докажи.

Антонио.

Людей

Боятся эта тайна, но не Бога.

Дождь.

Ты преступилъ законъ.

Антонио.

Другой есть, выше.

Дождь

Представь свидѣтелей, что правъ ты.

Антонио.

Совѣсть

Моя и Богъ.

Дождь.

Ты все твердишь о Богѣ,
 А въ гробъ ведешь отца. Безчестье...

Антонио.

Нѣтъ!

Во вѣки будутъ именемъ однимъ:

„Честъ—Фоскарини!“

Дождь.

Все противъ тебя.

Антонио.

Здѣсь осужденъ, оправданъ тамъ.

Дождь.

И сына

Я долженъ осудить и міру дать
 Примѣръ, передъ которымъ; трепеща,
 Благоговѣю...

Антонио.

Дождь, чего-жь ты медлишь?

Добавь скорѣ ужасы примѣровъ
 Семейныхъ; пусть у рабства тоже будетъ
 Свой Врутъ.

Дождь.

Ты мой единственный! Утѣха
И гордость матери.. Она блаженна:
Не дождала! ее убило-бъ горе,
Теперь ей стыдъ не страшенъ... Какъ ждала,
Что въ сынѣ намъ воскреснетъ слава предковъ,
Что нашу старость онъ поддержитъ... О,
Скорѣй, окрась порфиру эту кровью,
И на землѣ ужь ни единый сынъ
Поднять чела къ престолу не посмѣетъ!
Казни-же одиночествомъ! Казни
Отчаяньемъ! Я старъ, осмѣянъ, рабъ,
Я беззащитенъ во дворцѣ, тутъ... рядомъ
Съ тюрьмою, гдѣ убьютъ тебя... Не плачешь?
Молчишь?

Антонио.

Молчу, но плачу.

Дождь.

Сынъ...

Лишь слово—ты спасень!

Антонио.

И обезчещень.

Дождь.

И такъ, преступна тайна?

Антонио.

Нѣтъ.

Дождь.

Зачѣмъ-же

Скрываться отъ отца? Сама природа
Въ отцахъ—даетъ друзей. Молю тебя...
О, непреклоненъ и жестокъ,—вотъ доблесть
Матежниковъ!..—Съ испанцами задумалъ
Соединиться, родину сгубить?..
Теперь понятно, почему тебѣ
Противенъ бракъ, святяя имена
Отца и мужа, почему и страсти
Твоя душа холодная не знала;
Кто не любилъ, въ томъ состраданья нѣтъ...

Антонио.

О, ты меня терзаешь...

Дождь.

Притворяться?

Къ чему?.. Я за тобою! Стыдъ и казнь—

Все за одно. Я городъ возмущу
 Тебѣ въ отмщенье...—Пусть съ земли исчезнетъ
 Мой образъ; пусть дадутъ мнѣ, какъ Фальеро,
 Въ чертогѣ дождей—гробовой покровъ
 Съ позорной надписью...—Прочь, роковая
 Повязка! Кровь Фальеро выпилъ прахъ,—
 Я этимъ прахомъ сѣдины покрою...
 Окаменѣй, природа, изумляйся:
 Отецъ у ногъ сыновникъ!

Антонио.

Боже! Встань...

Дождь.

Нѣтъ! Говори!

Антонио.

Когда-бъ я могъ... Отецъ,

Узналъ-бы ты...

Дождь.

Что?

Антонио.

Я невиновать.

Я не безчестенъ.

Дождь.

Жизнь тебѣ я далъ,

Избавь меня отъ подозрѣнья!

Антонио.

Только

Тебѣ могу открыть... Но если тайна

Сорвется у тебя передъ судомъ,—

Знай, я не сынъ тебѣ...

Дождь.

Мольбы и слезы

Ихъ побѣдятъ! Скорѣй, дай мнѣ обнять

Невиннаго...

Антонио.

Нѣтъ, не могу. Ты будешь

Еще несчастнѣй. Ты высоко цѣнишь

Честь и, какъ я, смолчишь передъ судомъ

Безчестнымъ.

Дождь.

О, такъ прочь! Садись, вотъ, тамъ!

Ты хуже Контарини!

Антонио.

Контарини!..

Дождь.

Отцу ты смерти хочешь?

Антоніо.

Знаетъ Богъ...

Я долженъ молча умереть.

Х.

Дождь.

Ушелъ?..

О, какъ спасти его?...—Отецъ небесный,
Услышь отца! Вложи судьямъ жестокимъ
Невѣдомое чувство—состраданье..
Господь, въ Твоихъ рукахъ сердца людей!

А Б Т Ъ V.

ЗАЛА ИНКВИЗИТОРОВЪ; ДЕКОРАЦІЯ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

I.

Дождь.

Молилъ, доказывалъ... до слезъ унизилъ,
Достоинство,—не дожда, дождь ничто! —
Но человѣка, и... спасу-ли сына?..
Жду слова: жизнь иль смерть? Одна надежда
На Бадозро: обѣщаль пощаду,
Когда не воспретить законъ...—Законы!
Ихъ не отцы писали. Подозрѣнье
Придумало ихъ въ безграничномъ страхѣ,
Шепнувъ тиранамъ:—„Бей, иль погибай,—
Рабъ все выносить, иль на все способенъ“...
И слово кровью вписано, и въ тайну,
Какъ въ ночь, погружено...

II.

Дождь, Бельтрамо.

Дождь.

Бельтрамо... Что?

Бельтрамо.

Уйдемъ, несчастный.

Дождь.
 Бадозерь?..
 Бальтрамо.
 Законы!..

Дождь.
 А сынъ?

Бельтрамо.
 О, не зови! Ужь Лоредано
 Его минуты счель.
 (показываетъ на песочные часы).

Какъ скоро прахъ,—
 Подобье челоуѣка,—часъ одинъ
 Еще покажетъ... сынъ твой будетъ тамъ,
 Гдѣ времени ужъ нѣтъ.

Дождь.
 Песокъ, быть можетъ,
 Ты чувствуешь? Остановись!.. Законы
 Природы здѣсь нарушены: здѣсь сынъ
 Безъ жалости къ отцу...—Творецъ! Быть можетъ,
 Еще могу, слезами...—Я хочу
 Проститься съ нимъ!

Бельтрамо.
 Постой. Согласны судьбы—
 И дождь уже не властенъ.

Дождь.
 Я отецъ!
 Отецъ его, злодѣи!

Бельтрамо.
 Нѣтъ родныхъ
 У государственныхъ преступниковъ.

Дождь.
 А я,
 Безумный, ждалъ, что на минуту жалость
 Войдетъ въ вертепъ проклятый... Ты, доносчикъ,
 Не сострадалъ, а сторожилъ...

Бельтрамо.
 Служу
 Той власти, дождь, которой ты подвластенъ.
 Пойдемъ.

Дождь.
 Куда? На смерть? О, такъ добры
 Не будутъ инвизиторы...—Сынъ знаетъ?..

Бельтрамо.

Жалѣлъ, что много обѣщаль тебѣ,
И радостно услышалъ приговоръ.

Дождь.

Творецъ!

Бельтрамо.

(Вотъ онъ. Съ отцомъ, ему встрѣчаться
Запрещено...) Пойдемъ. Обнимешь ты...

Дождь.

Его?

Бельтрамо.

Подножье алтаря Господня.
Надежды больше нѣтъ.

III.

Антонио.

Благая мысль

Пришла врагамъ. Я одиноко умру.
Но вырваться насильно изъ объятій
Отца... Богъ милосердъ, что пощадилъ
Отъ испытанья.—

Тамъ, гдѣ веселятся

Позоромъ и грѣхомъ,—я умираю
За честь, какъ человекъ. Блаженный мигъ!
Жизнь—за него!—

Жить для *меня* не дали;

Я за *нее* умру. Я на помостѣ
Моею кровью имя начерчу,
Прилгну, и съ поцѣлуемъ... Боже! если
Послѣдній трепетъ вышлетъ на уста
То имя роковое?...—Нѣтъ! Душа,
И улетаю, превозможетъ тѣло,
Не выдастъ... Рѣшено, и я спокоенъ.

IV.

Контарини, Лоредано, Бадозро, Антонио.

Бадозро (къ Антонио).

Есть оправданья?

Антонио.

Нѣтъ.

Бадозро.

Винювень?

Антонио.

Да.

Я преступилъ законъ.

Бадозро.

Подумай: смерть...

Антонио.

Все знаю.

Бадозро.

И другое наказанье...

Антонио.

Какое?

Лоредано.

Посрамленіе.

Антонио.

На васъ!..

Грядущее, судомъ неумолимымъ,
Отмститъ за все! Вамъ обвиненье—воплъ
Жень, матерей, дѣтей, отцовъ... и съ нимъ—
Мое безмолвіе!

Контарини (къ Бадозро.)

Ты оправданья

Ждалъ и дождался—оскорбленья. Я
Предвидѣлъ это.—Повелѣнья наши
Должны быстрѣе исполняться; медлить
Намъ унизительно.

Бадозро (къ Антонио).

Скажи... Ты думалъ

О правосудіи небесномъ?

Антонио.

Жертва

Суда людей надѣяться должна
На милость Бога. Вѣрую въ Того,
Кто больше всѣхъ любилъ и пострадалъ.
Всю ненависть бросаю здѣсь. Прощаю
И вамъ. Молюсь, чтобъ кровь моя не пала
На васъ, и вашихъ чадъ и на отчизну...

Лоредано.

Онъ струсилъ, бредитъ передъ смертью. Люди
Проходятъ, а республика—вѣчна.

Антонио.

Богъ вѣченъ...—Въ тьмѣ глубокой и нѣмой,
Зачатый временемъ и преступленьемъ,
Лежитъ день рововой Адриатики...

Онъ предо мною. Смерти не сомкнуть
 Очей души... Надменный городъ! вижу, —
 Твой Левъ Крылатый, старостью разбитый,
 Смѣшной, смиренный... Въ гнѣвѣ—смерть прекрасна!
 Падеть, не испустивъ рыканья...

Лоредано.

Смѣешь,

Въ цѣпяхъ, хулить республику?

Антоніо.

Она

Сама умереть въ цѣпяхъ, рабыней...

V.

Лоредано, Контарини, Бадозро, Антоніо, посланный инвизиторомъ.

Посланный.

Шумъ,

Возстанье на большой лагунѣ...

Лоредано.

Какъ?

Въ Венеціи—возстанье?

Посланный.

Повторяютъ

Одинъ призывъ...

Лоредано.

Чье имя?

Посланный.

Фоскарини.

Контарини.

А бунтовщикъ намъ тутъ бѣды пророчить!

Антоніо.

Я ничего не знаю, только вижу—

Убійцы блѣдны.

Лоредано.

Помощь далеко,

Смерть—здѣсь.

Контарини.

Велѣтъ сторожевой галерѣ

Чтобъ навела орудья на толпу.

Лоредано.

Толпа затихнетъ раньше... Фоскарини

Казнить; пускай скорѣй палачъ покажетъ

Съ балкона трущъ его кровавѣй. Вотъ

И весь отвѣтъ толпѣ. (Къ Бадозро:) Но если ты
Промедлишь подписаньемъ приговора—
Я обвиню тебя въ измѣнѣ.

Контарини.

Да!

И я!..—Долой, пустая вещь! Песокъ твой
Для мщенья слишкомъ медлит!

(бросаетъ о землю песочные часы.)

Часъ прошелъ!

Бадозро.

Я подпишу; таковъ законъ. Но знайте—
Ни гнѣвъ народа, ни чужая сила
Не могутъ измѣнить моихъ рѣшеній;
Угрозы я не боюсь. (Посланному:) Ступай къ народу;
Предъ знаменемъ республики смирится
Матежь.—Но этотъ смертный приговоръ
Я запрещаю исполнять, покуда
Мѣдь, возвѣщая время, не пробьетъ
Назначеннаго часа. Онъ ужь близокъ.—
Смерть человѣка мы рѣшили, судьи;
Тутъ всѣ отсрочки коротки.

Лоредано.

Тутъ дѣло

Идетъ о государствѣ; — (указываетъ на Антонио) онъ —
ничто.

Ты отвѣчаешь-ли за промедленье?

Бадозро (указывая на Антонио).

Пока—отвѣсть его. (Входитъ стража).

Антонио (уходя).

Опять задержка!

Контарини (встаетъ. Одному изъ
стражи:)

Возьми... Послушай... Понялъ ты?

(передаетъ ему приговоръ. Стражь
уходитъ).

Лоредано.

Онъ первый

Умретъ, какъ-бы ни кончился матежь...
Не мы одни умремъ напрасно!.. Если-жъ
Чернь, въ страхъ, покорится,—я умѣрю
Ея восторги, я устрою ей
Порядокъ, тишину, пустыню... Кровь
Свою я отдаю-бы, чтобъ воскресить

Величіе судилища...—Но должно
Подумать какъ отечество спасти.
Я обвиняю дожа: онъ сообщникъ...

Б а д о з е р о .

Шумъ все растетъ.

К о н т а р и н и .

Ужели ты не слышишь?

Л о р е д а н о .

Прислушивайтесь! Трепещите! Я
Здѣсь остаюсь! Я требую... На вѣки
Позоръ тому, кто не умретъ на мѣстѣ!

Б а д о з е р о .

И вдругъ все стихло!..

VI.

Контарини, Лоредано, Бадозеро, посланный.

П о с л а н н ы й .

Чуть завидя знамя,

Чернь дрогнула, умолкла, разошлась;
Толпа разбилась на кружки, рѣдѣетъ,
Разбродится, отцы бѣгутъ дѣтей...

И только...

К о н т а р и н и .

Кто еще остался? Дерзкій!..

П о с л а н н ы й .

Осталась женщина. Ей силы дало
Отчаянье; среди угрозъ, оружья,
Она бѣжала, призывая дожа...

К о н т а р и н и .

(Ужь не она-ль?..) Схватить ее! Въ тюрьму!
Чтобы никто не видѣлъ...

Б а д о з е р о .

Но, быть можетъ,

Она причиной мятежа...

К о н т а р и н и .

(О, Боже!..)

VII.

Дожъ, Тереза (подъ покрываломъ), Лоредано, Контарини, Бадозеро,
посланный.

Д о ж ь .

Сообщница!

Контарини (женѣ):
 Не смѣй снять покрывала!
 Бадоэро.

Кто ты?

Дождь.
 Откройся! Промедленье — смерть!
 Бадоэро.

Твоя жена!

Контарини.
 Пришла стыдомъ хвалиться?
 Тереза.

Его любовь — несчастье, а не стыдъ.
 Отъ дѣтства я надѣялась, что буду
 Его женой... Смертельная опасность
 Отца — рѣшила иначе. — Онъ вѣренъ
 Мнѣ воротился, а меня нашель
 Женой другого. Негодуя, страстный...
 О, безъ надежды страстный!.. онъ желалъ
 Лишь смерти... Знаю всѣ его желанья!..
 О, знаю, ваша ненависть грозить
 Ему погибелью... любовь и жалость...

Контарини.
 Ты лжешь! Давно-бы не была въ живыхъ,
 Когда-бъ посмѣла...

Тереза.
 Отъ меня онъ слышалъ
 Одни лишь честныя слова; предъ Богомъ
 Могу ихъ повторить. Онъ насъ засталъ...
 (указываетъ на мужа.)
 О, гнѣвъ твой мнѣ не страшень!.. Оставалась
 Одна дорога — чрезъ дворецъ испанскій,
 Но о себѣ не думалъ Фоскаренъ;
 Онъ бросился...

(бьетъ три часа.)

Дождь.
 Скорѣй! Чась роковой!
 Тереза.

О счастье, я спасла его!

Контарини (останавливаетъ дождя.)
 Твой сынъ
 Недалеко. Я провожу. Идемъ. (Женѣ):
 Къ чему такая поздняя стыдливость?
 Пойдемъ. Отецъ не разлучитъ васъ больше,

А я соединю на вѣкъ.

(Черная занавѣсъ въ глубинѣ сцены раздвигается. Видѣнъ трупъ Антонио. Контарини замахивается кинжаломъ на Терезу. Бадозро его удерживаетъ.)

Бадозро.

Злодѣй!

Тереза.

Антонио!

Дождь.

Творецъ!

Бадозро (Контарини:)

Лишенъ ты власти:

Ты казнь ускорилъ, ты дерзнулъ въ судъ
Поднять оружіе...

Лоредано.

А ты не въ правѣ

Считаться выше: насъ законъ равняетъ
И эта кровь...

Контарини (женѣ.)

Перемѣняю казнь:

Живи!

Тереза.

Мнѣ пережить его любовь?
Нѣтъ, я свою свободу заслужила!
Смерть отдастъ меня ему...

(Схватываетъ кинжалъ Контарини и закалывается.)

Бадозро.

Пойдемъ

Со мною, дождь. Сенатъ узнаетъ все.
Я самъ раскрою ковы мрачной власти,
Попру ее... и судъ грядущихъ лѣтъ
За жертвы отомстить своею правдой!

ОЧЕРКИ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

Введение.

Политическая экономія переживаетъ въ настоящее время состояніе, носящее на себѣ всѣ признаки кризиса. Ученіе смитовской школы, которому такъ долго принадлежала господствующая роль, почти совсѣмъ потеряло свой авторитетъ. Въ его положенія внесено столько поправокъ, дополненій и измѣненій, многіе изъ его основныхъ пунктовъ настолько разшатаны критикою, что вся система оказывается несостоятельною и нуждается въ полной перестройкѣ.

Рядомъ съ этимъ распаденіемъ старой политической экономіи мы встрѣчаемъ и движеніе, направленное къ созданію новаго ученія, болѣе отвѣчающаго потребностямъ нашей эпохи. Но такое ученіе до сихъ поръ не сложилось еще окончательно и не успѣло завоевать себѣ общаго признанія.

Мы находимся, такимъ образомъ, на рубежѣ между двумя періодами развитія экономической науки. Тѣмъ не менѣе уже теперь мы можемъ различить основныя черты будущаго экономического синтеза, который долженъ замѣнить собою старую систему, пришедшую въ ветхость. Современная литература заключаетъ въ себѣ рядъ серьезныхъ попытокъ обновленія науки, положившихъ прочныя основанія для такого синтеза и намѣтившихъ тотъ путь, на которомъ можетъ быть найденъ выходъ изъ настоящаго, критическаго состоянія политической экономіи.

Ознакомленіе съ нѣкоторыми изъ этихъ попытокъ и составитъ предметъ послѣдующихъ этюдовъ.

Новое движеніе въ экономической наукѣ образуетъ два главныя теченія: одно изъ нихъ представляется группою писателей

такъ-называемаго отрицательнаго направленія, другое — реальною или этическою школою. Представить полную характеристику обоихъ этихъ направленій научной мысли, во всѣхъ ихъ отгѣнкахъ, мы не имѣемъ ни возможности, ни намѣренія. Наша задача гораздо тѣснѣе. Мы ограничимся только немногими, типическими представителями того и другого и постараемся разъяснить: какое относительное значеніе можетъ принадлежать каждой изъ названныхъ школъ въ дѣлѣ пересозданія на новыхъ началахъ экономической науки.

Но прежде всего, чтобы ориентироваться въ вопросѣ, мы считаемъ необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ причинъ, которыми вызванъ настоящій кризисъ политической экономіи.

Послѣдовательная смѣна экономическихъ системъ можетъ обусловливаться двумя категоріями причинъ, именно: причинами практическаго и теоретическаго характера.

Какъ и всякая общественная наука, политическая экономія находится въ самой тѣсной зависимости отъ явленій практической жизни. Строй того общества, среди котораго развивается то или другое ученіе, преобладающіе въ немъ въ данный моментъ интересы, неизбѣжно отражаются и на характерѣ этого ученія. Толчекъ къ созданію экономическихъ теорій всегда давался и дается фактами дѣйствительной жизни; наука является только истолковательницею тѣхъ интересовъ, которые выдвигаются жизнью, она формулируетъ и приводитъ въ систему требованія, вытекающія изъ фактическихъ условій окружающей дѣйствительности. Въ этой тѣсной и непосредственной зависимости экономической науки отъ жизни лежитъ и ея сила и ея слабость. Съ одной стороны наука неизбѣжно получаетъ, такимъ образомъ, практическій характеръ, она отвѣчаетъ, худо или хорошо, на тѣ запросы, которые ставятся жизнью, служитъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ, реальныхъ потребностей, а не обращается въ одну лишь „игру ума“, въ рядъ спекуляцій, не имѣющихъ никакого, или только очень слабое отношеніе къ тому, что волнуетъ и занимаетъ окружающее общество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль теряетъ до извѣстной степени свою самостоятельность, она замыкается и ограничивается кругомъ существующихъ условій; теоретическіе выводы зачастую являются простыми копіями дѣйствительныхъ отношеній, которымъ лишь придана абстрактная и общая форма. Теорія безсильна на много опередить ходъ дѣйствительныхъ событій. Пока тотъ или другой экономическій строй не достигаетъ извѣстной, довольно высокой степени развитія, пока сама жизнь не дастъ достаточныхъ

фактовъ для его оцѣнки, всѣ попытки опредѣлить теоретическимъ, выводнымъ путемъ характеръ и значеніе явленій, наблюдаемыхъ въ ихъ первоначальныхъ фазахъ, оказываются въ огромномъ большинствѣ неудачными. Поэтому всѣ экономическія системы имѣютъ только условное, временное значеніе. Онѣ должны слѣдовать за ходомъ экономической жизни и видоизмѣняться сообразно ея развитію. Чѣмъ быстрѣе это развитіе, тѣмъ быстрѣе должно идти и движеніе внутри экономической науки.

Но существуетъ и другой рядъ причинъ, обуславливающихъ измѣненія въ направленіи экономическихъ системъ. Политическая экономія находится въ зависимости не только отъ фактовъ окружающей дѣйствительности, но и отъ общаго состоянія знаний. Вліяніе этого послѣдняго фактора, проявляющееся преимущественно на *формальной* сторонѣ экономическихъ ученій, на методахъ и приемахъ изслѣдованія, представляется постоянно возрастающимъ. Каждый шагъ впередъ въ развитіи нашихъ знаний увеличиваетъ и сознаніе взаимной связи, существующей между всѣми отдѣлами этихъ знаний. Въ настоящее время мы дошли уже до пониманія науки какъ одного органическаго цѣлага, всѣ части котораго находятся въ тѣсной зависимости одна отъ другой. Естественно, зависимость эта проявляется всего замѣтнѣе въ близкихъ, однородныхъ научныхъ дисциплинахъ.

Обѣ названныя группы причинъ—и перемѣны въ существующемъ экономическомъ строѣ, и измѣненіе въ общемъ состояніи знаний—играютъ значительную роль въ томъ кризисѣ экономическихъ воззрѣній, при которомъ мы присутствуемъ въ настоящее время.

Политическая экономія, въ томъ видѣ, какъ она излагается писателями господствовавшего до послѣдняго времени направленія, установлена трудами англійскихъ экономистовъ-классиковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Ученіе Смита, Мальтуса и Рикардо заключаютъ въ себѣ въ существенныхъ чертахъ весь научный ея арсеналъ, весь тотъ циклъ идей, изъ котораго и до сихъ поръ не вышла ортодоксальная политическая экономія.

Но и общія условія экономической жизни того времени, когда складывалась классическая экономія и направленіе теоретическихъ научныхъ воззрѣній отличались самымъ существеннымъ образомъ отъ условій нашей эпохи. Современная жизнь выдвинула такія задачи, такіе вопросы, на которые мы вовсе не находимъ отвѣта въ ученіи классической экономіи, вопросы, оставшіеся внѣ поля ея зрѣнія. Съ другой стороны наши представленія о способахъ точнаго научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій приняли иной характеръ, нежели они имѣли въ концѣ прошлаго вѣка.

Когда появилось великое твореніе Адама Смита— „Опытъ о богатствѣ народовъ“—представляющее собою основной и наиболѣе полный синтезъ всей господствующей системы, экономическая жизнь передовыхъ націй западной Европы вступала еще въ тотъ фазисъ развитія, характеръ котораго вполне выяснился только въ наше время. Смитъ жилъ наканунѣ періода господства крупной промышленности и капиталистическаго производства. Точно также и его ближайшіе пріемники и завершители ученія—Мальтусъ и Рикардо—были свидѣтелями только первой поры этого періода.

Время созданія политической экономіи совпадало съ тѣмъ великимъ кризисомъ въ исторіи западной Европы, который имѣлъ результатомъ паденіе «старого порядка», основаннаго на принципѣ авторитета, и установленіе новаго, либеральнаго строя государственныхъ и общественныхъ отношеній. Господствовавшія стремленія эпохи, систематически сформулированныя передовыми умами того времени, сводились къ требованію наибольшаго простора, наибольшей свободы для вѣчной дѣятельности и устраненій всѣхъ задерживающихъ эту свободу остатковъ средневѣковаго феодальнаго строя: цеховъ, корпорацій, монополій, привилегій и т. п. «Старый порядокъ» изжилъ свой вѣкъ. Онъ поддерживался только рутинною и силою и составлялъ главное препятствіе прогрессивнаго развитія общества.

Что касается собственно экономической жизни, то здѣсь одновременно происходилъ и другой кризисъ, который долженъ былъ еще болѣе содѣйствовать тому измѣненію въ господствующемъ режимѣ, который вызывался общими условіями исторической жизни. Великія механическія изобрѣтенія конца прошлаго вѣка дали громадный толчекъ развитію промышленности и неизбежно вели къ измѣненію самой ея формы. Машинное производство требовало крупныхъ размѣровъ предпріятій; оно не могло уживаться съ средневѣковою регламентаціею, съ цеховымъ строемъ, правилами объ ученичествѣ и т. п. Въ государственномъ покровительствѣ промышленность, ставшая твердо на ноги, уже не нуждалась: оно отзывалось на ней только съ невыгодной стороны. Уничтоженіе правительственной опеки, абсолютная свобода промышленной дѣятельности являлись необходимымъ условіемъ роста промышленности, прогресса производства.

Интересы производства сходились, такимъ образомъ, съ общими требованіями времени и давали имъ могучую поддержку. Все говорило въ пользу замѣны стараго, изжившаго строя общества другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ тѣмъ потребностямъ, тѣмъ интересамъ, которые всего громче и настоятельнѣе давали о себѣ знать.

Внутреннія противорѣчія, которыя неизбежно долженъ былъ

заключать въ себѣ этотъ новый строй, основанный на господствѣ *формальной* свободы при существованіи огромнаго *матеріальнаго* неравенства между общественными классами еще не обозначились въ то время вполне ясно. Не мудрено, что эти противорѣчія не сознавались и мыслителями, пытавшимися вывести тѣ послѣдствія, которыя должно было влечь за собою пересозданіе общества на началахъ свободы. Требования настоящей минуты отводили глаза отъ опасностей, которыя могли предвидѣться въ будущемъ. Недостатки существующаго строя были въ глаза, несостоятельность его доказывалась осязательными фактами дѣйствительности, слабыя стороны строя будущаго могли быть только угаданы. Интересы третьяго сословія, истолкователями которыхъ являлись лучшіе умы эпохи, заслоняли собою потребности еще не выступившаго активно на историческую сцену четвертаго сословія, потребности, которыя не могли быть удовлетворены однимъ лишь политическимъ, правовымъ пересозданіемъ общественныхъ отношеній. Осуществленіе въ жизни начала полной свободы, господства соперничества и свободного договора считалось вѣрнымъ залогомъ *всеобщаго* благосостоянія.

Такова была фактическая обстановка, при которой создавалась политическая экономія. Эта обстановка не могла не положить своего отпечатка на характеръ и направленіи науки. Ярче всего этотъ отпечатокъ замѣтенъ на ученіи Адама Смита.

Смитъ является выразителемъ и глубокимъ истолкователемъ тѣхъ именно экономическихъ интересовъ, тѣхъ потребностей, которыя наиболѣе настоятельно выдвигались въ его время жизнью. Это были, какъ мы видѣли, интересы *производства*, переросшаго существовавшія формы экономической жизни и нуждавшагося въ иномъ строѣ отношеній. Главное содержаніе смитовскаго ученія и составляло разъясненіе этого несоотвѣтствія между потребностями промышленности и строемъ жизни, основанномъ на регламентаціи, монополіяхъ и правительственной опеке. Смитъ привелъ въ систему и далъ общія основанія тѣмъ требованіямъ, которыя ставились жизненною практикою. *Безусловная свобода*, которой добивалась промышленность, была краеугольнымъ камнемъ смитовской экономической политики.

Доказательства необходимости этой свободы, которыя мы находимъ въ „Опытъ о богатствѣ народовъ“, имѣютъ двойственный характеръ. Съ одной стороны Смитъ опирался въ своихъ выводахъ на критику существующихъ отношеній, правительственной системы и экономическихъ ученій, съ другой—на нѣкоторыя общія теоретическія положенія. Поэтому сочиненіе А. Смита отнюдь не имѣетъ такого абстрактнаго, дедуктивнаго характера, какъ уче-

нѣкоторыхъ послѣдующихъ экономистовъ. Вся его критическая часть онована на анализѣ дѣйствительныхъ, конкретныхъ фактовъ.

Общая теорія, составляющая *положительную* сторону смитовскаго ученія и лежащая въ основѣ всѣхъ его выводовъ объ относительно благодѣтельныхъ результатахъ свободы промышленности есть теорія тождества, гармоніи личныхъ и общественныхъ интересовъ въ промышленной сферѣ. Въ обществѣ, предоставленномъ самому себѣ, каждый стремится естественно къ наибольшей личной выгодѣ, но при этомъ незамѣтно для себя работаетъ для общей пользы. Общество есть сумма индивидовъ, народное богатство есть сумма частныхъ богатствъ. То, что содѣйствуетъ благосостоянію отдѣльныхъ индивидовъ, ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ благосостоянію цѣлаго, стремленіе частныхъ лицъ увеличить сумму мѣновыхъ цѣнностей, находящихся въ ихъ распоряженіи, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и росту народнаго богатства. Существуетъ извѣстный объективный, безсознательный процессъ хозяйственной жизни, который направляетъ къ достиженію цѣлей общаго блага частныя усилія, имѣющія въ виду только личную выгоду.

„Всякій человѣкъ—говоритъ Смитъ—старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала: правда, что онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ *естественно и необходимо* заставляетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества.

„Во-первыхъ, всякій человѣкъ старается имѣть свой капиталъ какъ можно ближе къ себѣ, слѣдовательно, онъ оказываетъ предпочтеніе, насколько это зависитъ отъ него, народной производительности, лишь-бы онъ получалъ обычную или даже нѣсколько меньшую прибыль, доставляемую капиталомъ. Поэтому при одинаковой или почти одинаковой прибыли всякій оптовый купецъ естественно отдаетъ предпочтеніе внутренней торговлѣ предъ внѣшнею для внутренняго потребленія и внѣшней торговлѣ для внутренняго потребленія предъ перевозочною“.—„Но капиталъ, помѣщенный во внутреннюю торговлю, необходимо приводитъ въ дѣятельность большее количество народнаго труда и доставляетъ занятія и доходъ большому числу населенія, чѣмъ такой-же капиталъ, употребленный на внѣшнюю торговлю, а капиталъ, помѣщенный въ послѣднюю, имѣетъ тѣ-же преимущества предъ капиталомъ, употребленнымъ на перевозочную торговлю. Стало-быть, при одинаковой или почти одинаковой прибыли каждый человѣкъ естественно старается дать такое назначеніе своему капиталу, которое оказы-

вается самымъ выгоднымъ для народной производительности и составляетъ занятіе и доходъ наибольшему числу жителей*.

„Во-вторыхъ, всякій человѣкъ, употребляющій свой капиталъ наивыгоднѣйшимъ образомъ для народнаго труда, необходимо старается направить этотъ трудъ такимъ образомъ, чтобы изготовляемые имъ произведенія имѣли наибольшую цѣнность“.— „Но ежегодный доходъ всякаго общества совершенно равенъ мѣновой цѣнности всего годового производства его труда, или, вѣрнѣе, доходъ этотъ и есть эта самая мѣновая цѣнность. Поэтому, такъ-какъ каждый человѣкъ старается всѣми силами: 1) употребить свой капиталъ наивыгоднѣйшимъ образомъ для народнаго труда и 2) направить этотъ трудъ такимъ образомъ, чтобы онъ произвелъ возможно большую цѣнность, то каждый человѣкъ неизбѣжно старается, насколько можетъ, увеличить годовой доходъ общества. Правда, что обыкновенно онъ вовсе не имѣетъ этого въ виду и даже не подозрѣваетъ до какой степени онъ можетъ быть полезенъ обществу. Отдавая предпочтеніе туземному труду предъ иностраннымъ, онъ рассчитываетъ только на собственную безопасность, а давая труду этому такое направленіе, чтобы онъ произвелъ возможно большую цѣнность, онъ думаетъ только о собственной своей прибыли; *въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, онъ направляется невидимою рукою къ достиженію цѣлей, о которыхъ онъ вовсе и не помышляетъ*, и для общества не всегда бываетъ невыгодно отсутствіе такихъ цѣлей въ частномъ человѣкѣ. Преслѣдуя свою собственную выгоду, онъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если-бы заданъ такую цѣль“ *).

Вмѣшательство государства въ этотъ естественный процессъ, съ цѣлью руководить имъ и искусственно направить въ ту или другую сторону, не можетъ принести ничего кромѣ вреда.

„Что касается до вопроса о томъ — говорить Смитъ вслѣдъ за приведенными выше разсужденіями—чтобы знать, какая отрасль народнаго труда должна быть преимущественно приведена въ дѣятельность капиталомъ, и какая общааетъ наибольшую цѣнность, то очевидно каждый человѣкъ, сообразуясь со своими средствами, лучше разсудить объ этомъ, чѣмъ какой-бы то ни было государственный мужъ или законодатель. Государственный человѣкъ, который принялъ-бы на себя трудъ указывать частнымъ лицамъ, какъ они должны употреблять свои капиталы, мало того, что занялся-бы совершенно бесполезнымъ дѣломъ, но онъ присвоилъ-бы себѣ власть, которую безразсудно было-бы поручить не только

*) Иссл. о природѣ и причинахъ богатства народ. Т. I, 261—64 (русск. пер.).

одному лицу, но какому-бы то ни было совѣту или сенату; власть эта нигдѣ не можетъ быть до такой степени опасна, какъ въ рукахъ человѣка, который настолько безуменъ и самонадѣянъ, что воображаетъ себя способнымъ къ ея отправленію* *).

Къ сожалѣнію правительства по бѣльшей части держались совершенно противоположныхъ воззрѣній. Путемъ разныхъ поощреній и стѣсненій они постоянно стремились искусственно привлечь капиталы къ той или другой отрасли дѣятельности. То обрабатывающей промышленности, то земледѣлію отдавалось исключительное предпочтеніе. Но всѣ мѣры, предпринимаемыя въ такомъ духѣ, никогда не достигали цѣли.

„Всякая политико-экономическая система, стремящаяся то чрезвычайными поощреніями привлечь къ каковой-нибудь отдѣльной отрасли труда большее количество капиталовъ общества, чѣмъ какое естественно направилось-бы къ ней, то чрезвычайными стѣсненіями насильственно отклонить отъ каковаго-нибудь отдѣльнаго рода труда ту часть капиталовъ, которая притекла-бы къ нему сама собою, въ сущности ниспровергаетъ собственную цѣль, къ которой сама стремится. Она не только не ускоряетъ, но замедляетъ движеніе общества къ дѣйствительному благосостоянію и возвеличенію; она не только не увеличиваетъ, но уменьшаетъ дѣйствительную цѣнность годового производства земли и труда.

„За совершеннымъ отстраненіемъ всѣхъ этихъ системъ—говорить Смитъ—построенныхъ какъ на поощреніяхъ, такъ и на стѣсненіяхъ, является сама собою и вполнѣ готовою *простая и нехитрая система естественной свободы*. Всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, имѣетъ безспорное право слѣдовать по пути, указываемому ему его личнымъ интересамъ и употреблять по своему благоусмотрѣнію свой трудъ и капиталъ вмѣстѣ съ трудомъ и капиталомъ всякаго другого человѣка или цѣлаго класса людей. Государь освобождается черезъ это совершенно отъ обязанности, для исполненія которой и нѣтъ никакой возможности, не подвергая себя неизбѣжному и непрестанному обману, и для надлежащаго исполненія которой не достанетъ никакой человѣческой мудрости и никакихъ познаній, чтобы при ихъ содѣйствіи руководить трудомъ каждаго человѣка и направлять его самымъ выгоднымъ образомъ для цѣлаго общества. При системѣ естественной свободы государю остается исполнить три обязанности, въ высшей степени, правда, важныя, но ясныя, простыя и доступныя для обыкновеннаго пониманія. Первая состоитъ въ защитѣ общества отъ всякаго насилія и нашествія со стороны

*) Опытъ о бог. нар. т. I, (р. пер.).

другихъ независимыхъ обществъ. Вторая состоитъ въ возможной защитѣ каждаго члена общества отъ несправедливости и притѣсненій со стороны другого члена общества или въ установленіи справедливаго суда. Наконецъ, третья его обязанность состоитъ въ приведеніи въ исполненіе и въ поддержаніи общественныхъ предприятий и нѣкоторыхъ учреждений, которыя не могутъ быть исполнены и содержимы на счетъ одного или нѣсколькихъ людей, такъ-такъ доставляемая ими прибыль не выручитъ расходовъ одного или нѣсколькихъ частныхъ лицъ, но относительно всего общества доставляемая ими польза можетъ болѣе чѣмъ вознаградить за сдѣланные расходы* *).

Итакъ, свободная, не связанная правительственною опекою дѣятельность промышленныхъ силъ, руководимыхъ единственно внушеніями личнаго интереса, сама собою естественно приведетъ къ достиженію наибольшаго, возможнаго для даннаго общества уровня національнаго богатства и *общаго благосостоянія*. Смитъ не проводитъ рѣзкаго различія между этими двумя понятіями и нерѣдко употребляетъ термины: „богатство“ и „благосостояніе“ какъ тождественные, одинъ вмѣсто другого. Тѣ-же причины, которыя содѣйствуютъ прогрессу производства, вызываютъ и болѣе благосостояніе массъ. Благосостояніе это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ велика будетъ та доля общаго продукта, которая идетъ на содержаніе труда, а величина этой доли прямо обуславливается тѣмъ, прогрессируетъ-ли общество въ промышленномъ отношеніи и насколько быстро идетъ этотъ прогрессъ. Чѣмъ быстрѣе происходитъ накопленіе капитала, тѣмъ быстрѣе возрастаетъ и заработная плата; такъ-что степень довольства массы населенія находится въ прямомъ отношеніи къ прогрессу производства. Всякій успѣхъ въ области производства отражается и на благосостояніи народа. Мы можемъ видѣть это на дѣйствіи, оказываемомъ *раздѣленіемъ труда*, которому промышленность преимущественно обязана своимъ развитіемъ.

„Огромное увеличеніе количества произведеній во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ—говоритъ Смитъ—вытекающее изъ *раздѣленія труда* въ благоустроенномъ обществѣ, вызываетъ общее благосостояніе, разливающееся до самыхъ послѣднихъ классовъ народа. У каждаго работника является излишекъ въ произведеніяхъ его труда, которымъ за удовлетвореніемъ своихъ потребностей онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію; а такъ-какъ прочіе работники находятся въ такомъ-же положеніи, то у него находится возможность обмѣнить значительное количество изготовленныхъ

*) Изсл. о природѣ и причинахъ бог. нар., т. II, 608 (русск. пер.).

имъ произведеній на значительное количество предметовъ, ими изготовленныхъ, или, что то-же, на цѣну этихъ предметовъ. Онъ можетъ снабдить этихъ работниковъ тѣмъ, что имъ нужно, и вза-мѣнъ получить отъ нихъ необходимые предметы, *такъ-что по всемъ классамъ общества разливаются всеобщее довольство*“ (I, 107—108).

Приведенный отрывокъ можетъ служить образчикомъ того оптимизма, которымъ отличаются воззрѣнія Смита на отношенія прогресса производства къ интересамъ распредѣленія. Нѣтъ надобности доказывать, что факты дѣйствительности, которые теперь, при полномъ развитіи капиталистическаго строя, бьютъ въ глаза каждому, далеко не подтверждаютъ иллюзіи творца „Богатства народовъ“ относительно благодѣтельнаго вліянія раздѣленія труда на благосостояніе массъ.

Вообще часть книги Смита, которая посвящена распредѣленію богатства, разработана гораздо менѣе, нежели ученіе о производствѣ. Въ этомъ послѣднемъ Смитъ стоитъ на принципиальной почвѣ: онъ говоритъ не только о существующихъ фактахъ, но и о томъ, каковъ *долженъ быть* строй общества для наибольшихъ успѣховъ промышленности. Ученіе о распредѣленіи отличается инымъ характеромъ. Смитъ принимаетъ непосредственно, какъ фактъ, существующій порядокъ распредѣленія. „Общая масса годовой производительности земли и труда каждой страны—говоритъ онъ—или, что то-же, общая сумма ихъ цѣнности разбивается на три части: *поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ*, и составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ народа, изъ которыхъ одинъ живетъ рентой, другой—заработной платой и третій—прибылью. *Эти три великія подраздѣленія составляютъ три первоначальные основные класса каждаго просвѣщеннаго общества*, доходъ которыхъ въ результатѣ даетъ средства существованія всему народонаселенію“ *). Всѣ выводы Смита относительно законовъ распредѣленія продукта основаны на предположеніи неизмѣннаго существованія этого строя, опирающагося на институтъ частной собственности и на отдѣленіи владѣнія орудіями производства отъ рабочей силы. При этомъ, какъ уже было замѣчено, Смитъ не доказываетъ необходимости такой именно формы экономическихъ отношеній, а принимаетъ ее какъ фактъ. „Въ первобытномъ состояніи общества—говоритъ онъ—предшествовавшемъ обращенію земель въ собственность и скопленію капиталовъ, все произведеніе труда безраздѣльно принадлежало работнику. Онъ не зналъ ни землевладѣльца, ни хозяина, съ которы-

*) Исл. о прыр. и прич. богатства нар. I, 477 (русск. пер.).

ми-бы ему приходилось дѣлиться^{*}. Но это первобытное состояніе „не могло продолжаться послѣ того какъ введена была поземельная собственность и произошло скопленіе капиталовъ. Оно прекратилось задолго до того времени, какъ производительная сила труда достигла значительной степени совершенства, такъ-что было-бы дѣломъ бесполезнымъ изслѣдовать болѣе раннее дѣйствіе этого состоянія на вознагражденіе за трудъ или на задѣльную плату“ *). И дѣйствительно, Смитъ нигдѣ въ своемъ изслѣдованіи не предполагаетъ возможности иной системы распредѣленія, кромѣ трехчленной, господствовавшей въ его время въ англійскомъ обществѣ. Повидимому, эта система представлялась ему столь-же „естественной“, какъ и система промышленной свободы, не стѣсняемой правительственною регламентаціею.

Дальнѣйшую разработку политическая экономія получила въ трудахъ *Мальтуса* и *Рикардо*. Но общее направленіе ея, намѣченное выше, осталось неизмѣннымъ.

Мальтусъ въ своемъ „Опытѣ о законѣ народонаселенія“ пытался дать научное объясненіе существующему неравенству въ экономическомъ положеніи различныхъ классовъ общества и бѣдности массы населенія въ богатыхъ и промышленныхъ государствахъ. Какъ извѣстно, онъ видитъ главную причину этой бѣдности въ дѣйствіи *естественнаго закона*, по которому населеніе стремится къ возрастанію болѣе быстрому нежели средства его пропитанія. Несоотвѣтствіе уровня населенія съ уровнемъ средствъ существованія—вотъ главный источникъ зла, которое поверхностные наблюдатели относятъ къ несовершенству законовъ и учреждений. Бѣдность массъ со всѣми ея послѣдствіями составляетъ неизбѣжное явленіе, если размноженію населеній не поставлено границъ. Только тѣ средства для борьбы съ нею могутъ быть дѣйствительными, которыя воздѣйствуютъ на основную причину ея, сдерживая естественную наклонность населеній къ чрезмѣрному возрастанію. Главнѣйшимъ изъ такихъ средствъ слѣдуетъ признать благоразумное воздержаніе недостаточныхъ людей отъ вступленія въ бракъ и отъ дѣторожденія. Такимъ образомъ въ рукахъ самаго рабочаго класса находится орудіе для улучшенія своего матеріальнаго положенія.

Оставаясь вѣрнымъ точкѣ зрѣнія интересовъ производства, Мальтусъ предостерегаетъ, впрочемъ, рабочихъ отъ слишкомъ ревностнаго слѣдованія его наставленіямъ. „Привычки къ благоразумію въ брачныхъ отношеніяхъ—говоритъ онъ—если онѣ зайдутъ слишкомъ далеко среди рабочаго населенія страны, зависящей,

*) Иссл. о прир. и прич. бог. нар. I, 190—91 (русск. пер.).

главнымъ образомъ, отъ мануфактуръ и торговли, могутъ оказаться вредными для интересовъ этой страны. По естественному закону размноженія населенія усилившійся спросъ можетъ вызвать на рынокъ новое населеніе не прежде какъ чрезъ 16—18 лѣтъ, между тѣмъ какъ капитализація дохода путемъ сбереженія можетъ идти гораздо быстрѣе. Такимъ образомъ всегда существуетъ *опасность* (!), что фондъ на содержаніе рабочихъ будетъ возрастать быстрѣе чѣмъ населеніе“ *).

Таковы главные выводы Мальтуса. Внося извѣстную оговорку и поправку въ ученіе Смита (именно смягчая смитовскій оптимизмъ), Мальтусъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему новую поддержку и дальнѣйшее развитіе: онъ старается доказать безсиліе законовъ и учреждений помочъ темнымъ сторонамъ современной экономической жизни и опять-таки выставляетъ теорію *естественнаго*, неизбежнаго порядка экономическихъ явленій.

Рикардо является завершителемъ классической системы политической экономіи. Въ его трудахъ система эта получила свой окончательный характеръ и въ отношеніи методологическомъ и въ отношеніи самаго содержанія. Рикардо наука обязана глубокимъ анализомъ мнѣвыхъ отношеній, теоріею цѣнности, представляющею собою ключъ для пониманія явленій капиталистическаго строя экономической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рикардо даетъ намъ анализъ отношеній между тремя великими общественными классами, на которые распадается современное общество и между которыми распредѣляется продуктъ національнаго труда: классомъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Анализъ этотъ чуждъ уже оптимистическаго оттѣнка, свойственнаго смитовской теоріи. Рикардо рѣзко выставляетъ взаимное противорѣчіе интересовъ этихъ классовъ, антагонизмъ между прибылью и заработной платою съ одной стороны, между прибылью и рентою съ другой. Выводы Рикардо объ этомъ неразрывно связанномъ съ самымъ существованіемъ трехчленнаго распредѣленія продукта взаимномъ антагонизмѣ составныхъ элементовъ буржуазнаго общества, имѣли огромное значеніе для дальнѣйшей *критической* разработки экономическихъ идей. Они служили исходною точкою для большинства социалистическихъ, отрицательныхъ теорій. Но самъ Рикардо остается еще на старой, непосредственной точкѣ зрѣнія по отношенію къ основамъ современнаго ему экономического строя. Подобно Смигу онъ считаетъ ихъ незыблемыми, *естественными* основами каждаго развитаго общества. Далекій отъ всякой попыт-

*) „Principles of Pol. Economy“, 254, 319—20. См. К. Марксъ, Капиталъ, гл. XXV.

ки отыскать исходъ изъ выясненнаго имъ внутренняго антагонизма интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, Рикардо формулируетъ этотъ антагонизмъ какъ естественный, неизмѣнный законъ экономической жизни.

Въ практической части своего ученія Рикардо стоитъ на одной почвѣ со Смитомъ: онъ точно также считаетъ безусловную свободу промышленности лучшимъ средствомъ для осуществленія возможно быстрого прогресса производства и для достиженія наибольшаго, возможнаго при данныхъ условіяхъ, уровня общаго благосостоянія. „При системѣ безграничной свободы торговли—говоритъ онъ— каждая страна естественно посвящаетъ свой капиталъ и свой трудъ такому употребленію, которое наиболѣе для нея выгодно. Это изслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ благомъ всѣхъ. Поощряя промышленность, вознаграждая изобрѣтательность, успѣшно пользуясь отдѣльными силами природы, оно способствуетъ наиболѣе выгодному и экономическому распредѣленію труда: увеличивая въ то-же время общую массу произведеній, оно распространяетъ всеобщее благосостояніе и посредствомъ общихъ узъ интереса и сообщеній связуетъ между собою въ одно универсальное цѣлое народы всего цивилизованнаго міра“ *).

Прогрессивный ростъ производства является и для Рикардо стимуломъ и необходимымъ условіемъ возвышенія уровня благосостоянія. Рикардо дѣлаетъ, однако, и въ этомъ случаѣ шагъ впередъ относительно Смита. Онъ не утверждаетъ уже, что ростъ капитала и возвышеніе чистаго дохода промышленности всегда соединяются и съ увеличеніемъ фонда, предназначеннаго для рабочей платы, усиливаютъ *спросъ* на трудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень его вознагражденія. Отъ Рикардо не ускользнуло, что съ развитіемъ механическаго производства становится все значительнѣе доля капитала, которая обращается въ орудія производства, машины и ростъ которой отнюдь не возвышаетъ спроса на рабочія руки. Со свойственнымъ ему безпристрастіемъ Рикардо— въ противность мнѣнію первоначально поддерживаемому имъ самимъ—въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей книги сознается, „что увеличіе *чистаго* продукта страны совмѣстимо съ уменьшеніемъ *валоваго* продукта, и что поводы къ употребленію машинъ всегда достаточны для того, чтобы обезпечить примѣненіе ихъ, если послѣднее увеличить чистый продуктъ, хотя оно можетъ и часто должно уменьшать какъ количество, такъ и цѣнность валоваго

*) Сочиненія Д. Рикардо. Перев. подъ ред. Н. Зябера. Вып. 1-й. Кіевъ 1871 годъ, стр. 88.

продукта". Поэтому, говорить онъ, „мнѣніе, поддерживаемое рабочимъ классомъ, что употребленіе машинъ наноситъ часто ущербъ ихъ интересамъ, основано не на заблужденіи и предрасудкѣ, а находится въ соотвѣтствіи съ истинными началами политической экономіи“ *). Но и въ этомъ случаѣ, точно также какъ въ теоріи цѣнности и при опредѣленіи общихъ началъ регулирующихъ распредѣленіе продуктовъ, Рикардо не развиваетъ всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ установленнаго имъ положенія. Оцѣнить вполне роль, которую играетъ въ современной экономической жизни прогрессивный ростъ постоянного капитала, разъяснить истинный смыслъ этого новаго, намѣченнаго Рикардо, внутреннего противорѣчія въ хозяйственномъ строѣ выпало на долю позднѣйшихъ мыслителей.

Рикардо былъ послѣднимъ крупнымъ представителемъ классической экономіи. Въ томъ видѣ, какой приданъ былъ имъ смитовскому ученію, ученіе это сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ.

Резюмируемъ вкратцѣ самыя общія черты, характеризующія направленіе политико-экономической системы Смита и его ближайшихъ преемниковъ.

Обыкновенно ее называютъ „либеральною“ системою, такъ-какъ практическія ея требованія сводятся къ проповѣди безусловной свободы промышленной дѣятельности. Затѣмъ смитовскому ученію не рѣдко даютъ названіе „анархическаго“ или „индивидуально-атомистическаго“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на первый планъ выдвигается одинъ и тотъ-же признакъ: именно отрицаніе необходимости всякаго посторонняго, государственнаго вмѣшательства въ частно-хозяйственныя отношенія, всякихъ внѣшнихъ регулятивовъ частной, индивидуальной промышленной дѣятельности. Этотъ признакъ дѣйствительно присущъ ученію всѣхъ представителей смитовской школы; но его едва-ли можно считать признакомъ принципиальнымъ, опредѣляющимъ собою весь характеръ системы. Либеральный принципъ есть исходный пунктъ экономической политики смитовской школы, но требованія экономической политики опирались на общія положенія экономической теоріи. Въ этихъ теоретическихъ основахъ ученія и нужно искать опредѣляющаго его направленіе момента. Такимъ моментомъ, по нашему мнѣнію, является *отожествленіе интересовъ національнаго богатства и народнаго благосостоянія*, кѣторое дѣлаетъ смитовскую экономію собственно *теоріею наибольшаго производства*. Интересы производства — вотъ центръ, къ которому тяготеютъ всѣ изслѣдованія, всѣ выводы этой экономіи. Возможность несовпаденія и даже про-

*) Ibid., 298.

тивоположности этихъ интересовъ съ интересами *народнаго благосостоянія* сознавалось еще весьма смутно и отрывочно. Во всякомъ случаѣ ей не придавалось существеннаго значенія. Поэтому ни одинъ изъ экономистовъ-классиковъ и не становится определенно и систематично на точку зрѣнія этихъ послѣднихъ интересовъ. Всѣ они исходили изъ того предположенія, что вмѣстѣ съ прогрессомъ богатства *цѣлаго общества* развивается и общее довольство среди *всѣхъ* его членовъ и все свое вниманіе обращали на выясненіе условій, способствующихъ этому прогрессу. Главнѣйшимъ изъ такихъ условій являлась въ ихъ глазахъ промышленная свобода, которая и становилась, такимъ образомъ, краеугольнымъ камнемъ экономической политики.

Другою наиболѣе общою чертою классической экономіи слѣдуетъ признать *не посредственное*, некритическое отношеніе къ основаніямъ существующаго экономическаго строя. Тѣ три класса, между которыми распредѣлялся продуктъ національнаго производства въ современномъ имъ обществѣ — владѣльцы земли, орудій производства и рабочей силы, представлялся въ глазахъ творцовъ политической экономіи тремя элементарными группами каждаго развитаго общества. Задачею науки оставалось лишь опредѣлить законы, которыми регулируется распредѣленіе продукта между этими классами, „показать, въ какомъ отношеніи пропорціи, приходящіяся на долю каждаго изъ нихъ подъ именемъ ренты, прибыли и задѣльной платы, видоизмѣняются въ зависимости отъ плодородія почвы, отъ накопленія капитала и населенія и отъ ловкости, способности и орудій, употребляемыхъ въ земледѣліи *)“.

Объ указанныя черты находились въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями времени.

Мы уже говорили, что въ ту эпоху, когда складывалась политическая экономія, борьба между трудомъ и капиталомъ, такъ обострившаяся въ наши дни, еще не принимала крупныхъ размѣровъ. Четвертое сословіе еще не выдѣлилось изъ третьяго, которое, въ значительной степени искренно, считало свои интересы интересами всего общества. Исторія разоблачила впоследствии это заблужденіе, но въ то время оно было всеобщимъ. А интересы „третьяго сословія“ дѣйствительно совпадали съ интересами національнаго богатства, которые выдвигались на первый планъ политической экономіею.

Съ другой стороны всѣ революціонныя бури прошлаго вѣка касались только *формальной* стороны общественныхъ отношеній; *матеріальныя* основы общества оставались неизблемыми. Напро-

*) См. Рикардо. Сочиненія, вып. 1-й, предисловіе (XXI), Киевъ, 1871.

тивъ того, принципъ собственности получилъ въ то время еще болѣе безусловное значеніе и признаніе, чѣмъ онъ имѣлъ при старомъ порядкѣ.

Чтобы выяснитъ дальнѣйшія характеристическія особенности смитовской школы, мы должны перейти къ разсмотрѣнію ея методическихъ приѣмовъ.

И здѣсь мы точно также находимъ отпечатокъ условій того времени, когда создавалась экономическая наука.

Если мы припомнимъ общій характеръ умственного движенія прошлаго вѣка, мы должны будемъ отмѣтить въ немъ двѣ характеристическія черты; съ одной стороны наклонность къ *философскимъ построеніямъ*, къ отысканію общихъ *законовъ*, опредѣляющихъ сущность разсматриваемыхъ явленій, а съ другой — недостаточность фактическихъ данныхъ для обоснованія этихъ построеній. Непосредственнымъ результатомъ этого являлась преобладаніе вывода надъ наблюденіемъ, теоріи надъ фактическимъ изслѣдованіемъ. Затѣмъ дальнѣйшимъ, косвеннымъ слѣдствіемъ такого направленія мысли должна была неизбѣжно явиться наклонность къ чрезчуръ абсолютному формулированію научныхъ положеній. Выводы, получаемые абстрактнымъ путемъ, всегда носятъ на себѣ характеръ безусловности; только при широкой фактической подкладкѣ нашихъ построеній мы можемъ оставаться постоянно въ предѣлахъ *относительнаго* знанія.

Эти характеристическія черты научнаго направленія XVIII столѣтія ни въ одной отрасли знаній не проявлялись такъ ярко, какъ въ общественныхъ наукахъ. Восемнадцатому вѣку принадлежитъ великая заслуга внесенія философскаго элемента въ обществовѣдѣніе. Но тотъ научный арсеналъ, которымъ располагали творцы общественныхъ теорій прошлаго столѣтія, слишкомъ несоотвѣтствовалъ громадности преслѣдуемыхъ ими задачъ. Отъ этого во всѣхъ соціологическихъ построеніяхъ того времени преобладалъ отвлеченный, умозрительный характеръ. Недостатокъ фактическихъ данныхъ восполнялся смѣлостью гипотезъ. Законы общественныхъ явленій *выводились* изъ общихъ свойствъ *человѣческой природы*. *Естественное право, естественная политика*, точно также какъ *естественная нравственность* и *естественная религія* — вотъ тѣ задачи, которыя привлекали къ себѣ мысль прошлаго вѣка. Понятно, что то, что было *естественно*, что вытекало изъ самой природы вещей, должно было быть примѣнимо всегда и всюду. Поэтому естественное право являлось абсолютною нормою справедливаго, естественныя условія государственнаго или общественнаго строя опредѣляли собою безусловно лучшую форму правленія и т. д. Но для того, чтобы построить естественныя и неизмѣнныя законы обществен-

ныхъ явленій, исходя отъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, необходимо было предположить, что эта природа представляется неизмѣнною, что человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни остается однимъ и тѣмъ-же. И дѣйствительно, это предположеніе, сознательно или несознательно, присутствуетъ въ большинствѣ теорій XVIII в. Разсуждая объ отдаленныхъ эпохахъ, философы принимали человѣка такимъ-же, какимъ онъ являлся въ ихъ время, съ тѣми-же побужденіями, наклонностями, идеями. Только этимъ и можно объяснить себѣ кредитъ, которымъ пользовались такія гипотезы, какъ теорія первоначальнаго общественнаго договора. Вообще историческое пониманіе было въ очень малой степени свойственно этой эпохѣ. Аналитическая мысль могла ориентироваться въ кругѣ явленій, существующихъ въ данный моментъ, могла отличить ихъ основныя свойства отъ случайныхъ, но она была бессильна прослѣдить ихъ генезисъ; отсюда то, что было справедливо при данныхъ условіяхъ, въ извѣстное время—формулировалось какъ безусловная истина, вытекающая изъ „естественныхъ“ свойствъ вещей.

Методъ политической экономіи представляетъ собою типическій примѣръ научнаго мышленія XVIII в. въ его сильныхъ и слабыхъ сторонахъ.

Произведенія Адама Смита и его ближайшихъ преемниковъ, опредѣлившія собою дальнѣйшее направленіе экономической науки несутъ на себѣ существенно философскій характеръ. Политическая экономія задавалась принципиальными, общими вопросами, она ставила себѣ цѣлью отыскать общіе законы экономическихъ явленій. До сихъ поръ еще не оцѣнена по справедливости великая заслуга творцовъ экономической науки въ области теоретическаго знанія, заслуга, заключающаяся въ глубоко научномъ возрѣніи ихъ на общую задачу изслѣдованія общественныхъ явленій. Они не только твердо выставляли принципъ *законосообразности* этихъ явленій, но и представили одну изъ первыхъ и для ихъ времени наиболѣе удачную попытку прослѣдить и указать на фактахъ существованіе такой законосообразности.

Путь, которымъ политическая экономія шла при установленіи своихъ законовъ, былъ общій путь научныхъ изслѣдованій того времени—именно путь *дедуктивнаго построенія*. Рядъ ея заключеній представлялъ собою рядъ логическихъ *слѣдствій*, выводимыхъ изъ нѣсколькихъ общихъ началъ, принятыхъ за исходную точку анализа.

Въ самомъ общемъ видѣ способъ разсужденій экономической науки можетъ быть сформулированъ такимъ образомъ:

Экономическія явленія представляются результатомъ воздѣй-

ствія человѣка на извѣстныя условія данной среды. Въ дѣятельности своей человѣкъ руководится самыми разнообразными побужденіями; мы можемъ, однако, отличить нѣкоторыя преобладающія, постоянныя побужденія, которымъ до извѣстной степени подчиняются всѣ прочія. Такъ въ той части своихъ поступковъ, которые имѣютъ предметомъ созданіе и распредѣленіе богатствъ, главнымъ, руководящимъ побужденіемъ человѣка является *личная выгода*, эгоистическіе его интересы. Поэтому если мы будемъ разсуждать такимъ образомъ, будто-бы человѣкъ слѣдовалъ *исключительно* только одному этому побужденію—не принимая въ разчетъ всѣ прочія—то наши предложенія о томъ, каковы были-бы его поступки при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, хотя и не совпадутъ вполне съ дѣйствительностью, но во всякомъ случаѣ будутъ близки къ ней. вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе побочныхъ сложныхъ вліяній помогаетъ намъ повять изучаемыя явленія въ ихъ общемъ, элементарномъ видѣ.

Какъ человѣческія побужденія представляются сложными и разнообразными, такъ точно подобное-же разнообразіе мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыми обуславливается дѣятельность человѣка. Построить какіе-нибудь выводы, принимая во вниманіе *всѣ* эти обстоятельства, въ ихъ нерѣдко крайне сложныхъ комбинаціяхъ, было-бы совершенно невозможно, даже и при предположеніи постоянства и простоты побужденій, которыми руководствуется человѣкъ въ своей дѣятельности. Но и здѣсь на помощь намъ можетъ явиться тотъ процессъ отвлеченія. Мы можемъ отличать извѣстныя постоянныя, существенныя условія среды экономической дѣятельности человѣка отъ случайныхъ и побочныхъ. Отбрасывая эти послѣднія и принимая въ разчетъ только обстоятельства общія, постоянныя, мы будемъ имѣть предъ собою *типическую*, элементарную среду экономической дѣятельности человѣка. Если-же мы представимъ себѣ, что человѣкъ, дѣйствуя въ условіяхъ этой среды, повинуется *исключительно* побужденіямъ личнаго интереса и постараемся выяснитъ, какой характеръ приметъ его промышленная дѣятельность т. е. дѣятельность направленная на созданіе, распредѣленіе и потребленіе богатствъ мы выведемъ *типическія* формы, *законы* экономическихъ явленій.

Наши выводы, сдѣланные для гипотетической среды и при устраненіи всѣхъ другихъ мотивовъ промышленной дѣятельности кромѣ стремленія къ богатству, конечно, не могутъ быть непосредственно приложимы къ данному конкретному обществу. Въ нихъ должны быть внесены извѣстныя поправки, извѣстныя осложненія, согласно съ тѣми добавочными обстоятельствами, которыя не были приняты въ разчетъ. Но во всякомъ случаѣ выводы эти,

основанные на анализѣ коренныхъ, наиболѣе общихъ условій экономическихъ явленій, должны представлять собою *приближеніе* къ дѣйствительному ходу вещей.

Вотъ общій методъ, второму слѣдовала политическая экономія. Что методъ этотъ вообще былъ пригоденъ для научныхъ построеній свидѣлствуютъ факты. Идя намѣченнымъ путемъ, экономисты конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія создали рядъ общихъ, теоретическихъ положеній, которыя и донинѣ служатъ краеугольными камнями экономической науки *). Адамъ Смитъ установилъ понятіе о *трудѣ*, какъ источникѣ и создателѣ богатства и выяснилъ главныя условія, которыя дѣлають трудъ производительнымъ; рядомъ съ этимъ онъ намѣтилъ нѣсколько другихъ весьма существенныхъ экономическихъ положеній, точнѣе и полнѣе установленныхъ послѣдующими писателями (напр., понятіе о естественной и рыночной цѣнѣ, заработной платѣ, прибыли, рентѣ и т. д.). Опираясь на выводы Смита и развивая ихъ далѣе, Рикардо удалось выяснить понятіе *цѣнности*, составляющее самый капитальный пунктъ для пониманія явленій экономической жизни, основанной на обмѣнѣ продуктовъ. Рикардо показалъ, что источникъ цѣнности заключается въ *трудѣ*, потраченномъ на производство продуктовъ. Трудъ, воплощенный въ продуктѣ, есть и образователь цѣнности и главный ея регуляторъ. Рикардо-же обязаны мы и разъясненіемъ общихъ законовъ, опредѣляющихъ распредѣленіе продукта (въ обществѣ, основанномъ на институтѣ частной собственности надъ землею и орудіями производства) и уровень заработной платы, прибыли и ренты. Наконецъ, Мальтусъ если не разрѣшилъ, то *поставилъ* капитальный вопросъ объ отношеніи роста населенія къ наличному уровню и приращенію средствъ пропитанія и далъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ указаній по этому вопросу. Нѣтъ спора, что выводамъ Мальтуса нельзя придавать того безусловнаго значенія, которое приписывалось имъ нѣкоторыми экономистами. Мальтусъ не раскрываетъ предъ нами „естественнаго закона“ населенія, но тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ, условныхъ предѣлахъ его выводы имѣють полный смыслъ и несомнѣнную важность.

Но вполне признавая всю плодотворность, которую имѣлъ абстрактно-дедуктивный методъ въ трудахъ творцовъ экономической

---

*) Мы должны, впрочемъ, повторить уже сдѣланное выше замѣчаніе: среди экономистовъ-классиковъ только одинъ Рикардо можетъ считаться частнымъ и полнымъ представителемъ дедуктивнаго метода. Выводы Смита и Мальтуса въ значительной степени подкрѣплялись фактическими наблюденіями, хотя принципиально и систематически ни тотъ, ни другой не стоялъ на индуктивной почвѣ.

науки, мы не можемъ все-таки не сказать, что этотъ методъ представляется не достаточнымъ и что при исключительномъ или почти исключительномъ пользованіи имъ научные выводы неизбежно получаютъ нѣсколько односторонній характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный рядъ важныхъ вопросовъ остается вовсе внѣ поля зрѣнія науки.

Не слѣдуетъ забывать, что абстрактныя построенія, получаемыя выводнымъ путемъ изъ гипотетическихъ данныхъ, составляютъ только *однѣз моментъ* въ общемъ процессѣ изслѣдованія экономическихъ явленій. Въ цѣломъ процессѣ этотъ—конечною цѣлью котораго должно быть во всякомъ случаѣ разъясненіе *дѣйствительныхъ, конкретных* фактовъ общественной жизни—заключаетъ въ себѣ три ступени: во-1-хъ, предварительное установленіе надлежащихъ посылокъ для выводовъ—различеніе *главнѣйшихъ* побужденій, руководящихъ челоуѣкомъ и *типическихъ* условій среды; во-2-хъ, самое построеніе общихъ экономическихъ законовъ, и въ 3-хъ, исправленіе полученныхъ выводовъ сообразно условіямъ конкретной дѣйствительности. Первая и послѣдняя ступень изслѣдованія требуютъ фактическаго наблюденія; дедуктивный характеръ свойственъ лишь посредствующему его моменту.

На этотъ моментъ и направлено было главное вниманіе политической экономіи; онъ обнималъ собою почти все содержаніе науки. Но не меньшее значеніе, конечно, принадлежитъ и двумъ другимъ ступенямъ изслѣдованія экономическихъ явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы безукоризненны ни были наши выводы, ихъ пригодность во всякомъ случаѣ опредѣляется правильностью первоначальныхъ посылокъ: если мы за точку исхода примемъ факты *не типическіе*, то тѣ заключенія, которыя будутъ выведены изъ нихъ самымъ правильнымъ путемъ, все-таки не дадутъ намъ нивагого ключа къ дѣйствительному пониманію вещей. Представимъ себѣ, напр., рядъ разсужденій, основанныхъ на предположеніи, что челоуѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ руководится побужденіями самоотверженія, или будемъ строить наши выводы по отношенію къ обществу, средній размѣръ и свойство потребностей котораго постоянно измѣняются, — мы получимъ „воображаемую“ теорію, быть можетъ, и остроумную, но во всякомъ случаѣ слишкомъ далекую отъ дѣйствительности.

Классическая экономія одну изъ точекъ исхода для своихъ выводовъ нашла готовою въ философскихъ системахъ того времени. Это была *теорія эгоизма*, господствовавшая въ XVIII в. Философія прошлаго столѣтія сводила всѣ челоуѣческія побужденія къ своекорыстному чувству, какъ ихъ основному началу. Воззрѣніе это несомнѣнно было односторонне, но въ примѣненіи специально

къ фактамъ промышленной дѣятельности побужденія личнаго интереса во всякомъ случаѣ являлись факторомъ чрезвычайно важнымъ. Поэтому, сдѣлавъ стремленіе къ богатству *центральнымъ* пунктомъ въ ряду причинъ, опредѣляющихъ направленіе экономической дѣятельности людей, политическая экономія стояла на реальной почвѣ. Но слабую ея сторону въ этомъ отношеніи составляло то, что теорію эгоизма она принимала *слишкомъ безусловно*, оставляя не только временно, но и *совсѣмъ* безъ вниманія прочія побужденія. По этому всѣ тѣ категоріи экономическихъ явленій, которыя вызываются чувствомъ солидарности, общественными инстинктами людей, не могли найти въ ней правильнаго освѣщенія.

Другою исходною точкою при построеніи экономическихъ законовъ служили для смитовской школы главныя условія *современнаго* ей общественнаго строя. Издѣсь, господствовавшія въ XVIII в. возрѣнія о „естественныхъ“ формахъ общественныхъ отношеній, значительно упрощали задачу распознаванія постоянныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, составлявшихъ *типичную* среду промышленной дѣятельности человѣка. Извѣстные институты и прежде всего институтъ частной собственности — считались фактами первоначальными, постоянными. Политическая экономія безъ дальнѣйшаго изслѣдованія клала ихъ въ основу своихъ выводовъ о постоянныхъ, „естественныхъ“ законахъ экономическихъ явленій. Строй общественныхъ отношеній, основанный на существованіи частной собственности на землю и орудія производства и обусловленное фактомъ собственности дѣленіе продукта на ренту, прибыль и заработную плату брались за прототипъ *всякой* хозяйственной организаціи. Вслѣдствіе этого теоретическіе выводы политической экономіи неизбѣжно являлись до извѣстной степени односторонними: всѣ они имѣли значеніе только для обществъ *одного типа*, сходныхъ въ коренныхъ своихъ чертахъ съ тѣмъ, которое служило моделью для экономистовъ. Но и независимо отъ такого служенія научнаго горизонта, даже въ предѣлахъ того поля изслѣдованій, которое обнималось политической экономіею, слишкомъ безусловный характеръ посылокъ долженъ былъ отразиться и на качествахъ заключеній. Принимая извѣстные общественные факты какъ „естественныя явленія“, не отдавая себѣ отчета, насколько они составляютъ продуктъ исторической жизни и представляются лишь *правовыми* институтами, политическая экономія и въ дальнѣйшихъ своихъ построеніяхъ оставалась на той-же точкѣ зрѣнія. Послѣдствія, вытекающія изъ дѣйствія причинъ „естественныхъ“, точно также должны были представляться „естественными“. И дѣйствительно, мы видимъ, что политическая экономія всѣ свои выводы

формализовала какъ безусловныя, зависящія отъ самой природы вещей, а не отъ тѣхъ искусственныхъ правовыхъ нормъ, которыя выработывались исторіею въ данномъ обществѣ.

Всѣ эти отличительныя черты экономическихъ построений смитовской школы, конечно, нельзя еще считать вытекающими изъ самаго существа дедуктивнаго метода изслѣдованія экономическихъ явленій. Слишкомъ исключительный и односторонній характеръ заключеній классической политической экономіи обуславливался ея основными посылами, которымъ придано было слишкомъ абсолютное значеніе. Гипотетическое построеніе мыслимо и съ сохраненіемъ за нимъ въ надлежащей мѣрѣ условнаго, относительнаго характера.

Не трудно видѣть, однако, что даже и при совершенной правильности исходныхъ точекъ абстрактной аргументаціи, самое существо изслѣдуемыхъ вопросовъ ставить извѣстные предѣлы для ея пригодности. Въ самомъ дѣлѣ, пока дѣло идетъ объ установленіи самыхъ общихъ, основныхъ законовъ науки, выводы, полученные при соображеніи дѣйствія однихъ лишь *главнѣйшихъ* факторовъ, могутъ явиться вообще близкими къ дѣйствительному положенію вещей, такъ-какъ при большомъ количествѣ явленій, обнимаемыхъ даннымъ общимъ закономъ, второстепенныя, осложняющія вліянія должны взаимно уравновѣшивать другъ друга. Но чѣмъ далѣе подвигаемся мы впередъ на пути изслѣдованія, переходя все къ болѣе и болѣе частнымъ и сложнымъ задачамъ, тѣмъ болѣе значеніе получаютъ эти побочныя вліянія, тѣмъ болѣе сложныхъ и существенныхъ поправокъ требуютъ наши абстрактные выводы. За извѣстною чертою является, наконецъ, болѣе выгоднымъ *перевернуть* порядокъ изслѣдованія, т. е. *начать* съ наблюденія сложныхъ феноменовъ дѣйствительности и построенія эмпирическихъ обобщеній и затѣмъ уже отъ *следствій* восходить къ ихъ причинамъ.

Классическая экономія не достигла еще этого предѣла. Задачи ея, какъ мы уже говорили, сводились, главнымъ образомъ, къ разъясненію основныхъ проблемъ науки, къ установленію такихъ общихъ положеній, которыя должны были служить исходными точками для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Къ этой категоріи вопросовъ абстрактный методъ школы оказывался наиболѣе примѣнимымъ, но на дальнѣйшихъ ступеняхъ науки неизбежно должна была сказаться необходимость существеннаго его видоизмѣненія и развитія индуктивныхъ процессовъ изслѣдованія, не игравшихъ видной роли въ построеніяхъ творцовъ политической экономіи.

Мы должны, наконецъ, указать еще одну черту абстрактно-дедуктивнаго метода, дѣлающую его недостаточнымъ для всесторон-

наго анализа экономическихъ явленій. Если мы даже и допустимъ, что методъ этотъ можетъ дать намъ возможность правильно вывести законы экономическихъ явленій для каждаго состоянія общества, его во всякомъ случаѣ нельзя признать пригоднымъ для выясненія тѣхъ причинъ, которыми опредѣляется послѣдовательная смѣна этихъ состояній, для установленія *генезиса* общественныхъ формъ. Политическая экономія выводитъ свои заключенія, *предполагая* существованіе института собственности и распределеніе общества на три класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ. Но какъ можно *выводнымъ путемъ* опредѣлить тѣ причины, которыя вызвали существованіе такого строя? Экономисты не разъ пытались, впрочемъ, давать такія объясненія. Особенно многочисленны были попытки обоснованія умозрительнымъ путемъ права собственности; но позднѣйшія точныя историческія изысканія до очевидности выяснили полную несостоятельность подобныхъ попытокъ. Вообще для уясненія хода *развитія* экономической жизни, для пониманія экономическихъ явленій *въ процессъ ихъ происхожденія*, методъ, господствующій въ классической экономіи, не давалъ никакого ключа.

Поэтому всѣ вопросы, обнимаемые этою стороною науки, неизбежно оставались внѣ поля зрѣнія классической политической экономіи. Политическая экономія въ этомъ отношеніи раздѣляла общую судьбу всѣхъ общественныхъ теорій XVIII вѣка.

Уже изъ приведеннаго общаго очерка направленія и метода классической экономіи мы видимъ, что существовали извѣстныя внутреннія причины, лежація въ самомъ характерѣ экономическаго ученія Смита и его преемниковъ, которыя необходимо вызвали дальнѣйшее развитіе и видоизмѣненіе этого ученія.

Выводы политической экономіи основаны были на нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, которыя не доказывались, а *предполагались*. Проверка этихъ предположеній должна была составить задачу позднѣйшихъ экономистовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ предстояло отнести надлежащее мѣсто въ наукѣ индуктивнымъ процессамъ, устранивъ исключительно абстрактность приемовъ смитовской школы.

Тѣ крупныя явленія, которыя имѣли мѣсто въ ходѣ экономической жизни и въ области теоретической мысли, съ тѣхъ поръ какъ политическая экономія сложилась въ господствующую школу дѣлали еще болѣе настоятельною необходимостью внесенія существенныхъ поправокъ и дополненій въ ея выводѣ.

Многіе капиталныя положенія и въ теоретической, и въ практической части экономической системы Смита и его преемниковъ

были если не совершенно опрокинуты, то настолько поколеблены фактами дѣйствительности, что требовали новаго критическаго ихъ обоснованія и пересмотра. Такъ прежде всего принципиальный пунктъ экономической теоріи,—ученіе о необходимости тождественности прогресса производства и роста общаго благосостоянія,—не только не нашелъ себѣ подтвержденія въ фактическомъ ходѣ вещей, но, напротивъ того, многіе факты послѣдняго періода экономической исторіи Европы сдѣлали очевиднымъ существованіе извѣстнаго антагонизма между обоими порядками явленій, по крайней мѣрѣ при настоящемъ строѣ общественныхъ отношеній.

Хозяйственная жизнь западной Европы въ XIX в. представляетъ картину громаднаго, небывалаго развитія производства; но „разлитіе общаго довольства въ массахъ населенія“, о которомъ мечталъ А. Смитъ, далеко не являлось и не является его спутникамъ. Напротивъ, имущественное положеніе массы населенія скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось и относительно, и безусловно со времени наступленія золотого вѣка промышленности. Факты поразительной нищеты населенія, идущей рядомъ съ накопленіемъ промышленныхъ капиталовъ и вызываемой тѣми-же самыми причинами, которыми обуславливалось и это накопленіе, встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ самыхъ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ западной Европы. Въ виду подобныхъ фактовъ возрѣнія смитовской школы, не различавшей интересовъ національнаго богатства и интересовъ общаго благосостоянія, требовали самой тщательной провѣрки. Оставаться при убѣжденіи о *безусловномъ* тождествѣ тѣхъ и другихъ интересовъ политическая экономія не могла, оставаясь на научной точкѣ зрѣнія.

Точно также невозможно было и сохраненіе отличавшаго смитовскую школу *непосредственнаго* отношенія къ основаніямъ существующей общественной организаціи. Уже одно обнаруженіе въ экономической жизни принципиальныхъ противорѣчій, внутренняго антагонизма между интересами производства и распредѣленія неизбежно наталкивало на вопросъ о томъ, не возможенъ-ли строй отношеній, устраняющій такія противорѣчія; дѣйствительно-ли существующее дѣленіе общества на классы, интересы которыхъ рѣзко противоположны другъ другу, представляетъ собою нѣчто столь абсолютное и непреложное, какъ это полагала классическая экономія. Но существовали и болѣе вѣскія причины, выдвигавшія этотъ вопросъ на первый планъ: *рабочее движеніе* ставило его ребромъ въ самой жизни на практикѣ.

Наконецъ, и практическая часть политической экономіи—экономическая политика смитовской школы—нуждалась въ такомъ-же пересмотрѣ, какъ и теоретическія основанія ученія. Центральнымъ

пунктомъ этой политики являлось проповѣдь безусловной свободы промышленной дѣятельности. При господствѣ этой свободы дѣйствіе естественныхъ причинъ должно было, по мнѣнію экономистовъ, само собою довести трудъ до высшей степени производительности и доставить обществу наибольшую сумму богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неизбежное слѣдствіе роста богатства, должно было явиться и возвышеніе уровня общаго благосостоянія.

Идеаль стремленій экономистовъ въ значительной степени осуществился въ послѣдующую эпоху. Экономическая свобода, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ западной Европы, сдѣлалась существующимъ фактомъ. Но дѣйствительность далеко не подтвердила тѣхъ надеждъ, которыя возлагала классическая экономія на благодѣтельное дѣйствіе начала свободного соперничества предоставленныхъ самимъ себѣ частныхъ интересовъ. Даже и въ области *производства* это начало оказалось регуляторомъ не вполне удовлетворительнымъ. Если оно являлось могучимъ стимуломъ для развитія и роста промышленности для удешевленія производства, для приданія ему космополитическаго, всемірнаго характера, то съ другой стороны нельзя отрицать, что именно безграничное господство конкуренціи придаетъ всему ходу современной индустріи какой-то лихорадочный характеръ, чуждый всякой правильности и устойчивости. Установленіе равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, между требованіями рынка и условіями снабженія подъ вліяніемъ соперничества происходитъ путемъ непрерывнаго колебанія въ размѣрахъ и направленіи производства, то сжимающагося, то снова расширяющагося. *Экономическіе кризисы*, со всѣми ихъ бѣдственными результатами, сдѣлались обычнымъ, какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ современной экономической жизни, оборотною стороною періодически повторяющагося ненормальнаго оживленія промышленности.

Еще менѣе состоятельнымъ начало безусловной свободы явилось въ сферѣ распредѣленія. „Свободная борьба“ между единицами и группами, обладавшими далеко не равными силами, привела не къ водворенію всеобщей гармоніи интересовъ, а къ полной побѣдѣ болѣе сильнаго надъ слабымъ. Образование крайнихъ противоположностей въ имущественномъ положеніи было ея неизбежнымъ результатомъ. Господство экономической свободы вызвало наружу и обострило внутреннія противорѣчія, зародышъ которыхъ лежалъ въ самыхъ основахъ общественной организаціи, построенной на разъединеніи рабочей силы и орудія производства; оно выдвинуло впередъ *соціальный вопросъ*, но оказалось совершенно безсильнымъ для его разрѣшенія. Для этого требовались иные *ори-*

ническіе принципы, установленіе которыхъ и должно было составить задачу новой теоріи экономической политики.

Наравнѣ съ основными теоремами науки нуждались въ преобразованіи и ея методическіе приемы.

Смитовская экономія находилась въ соответствіи съ общимъ направленіемъ научнаго мышленія своего вѣка, но послѣдующее научное движеніе создало совершенно инныя воззрѣнія на задачи и способы изслѣдованія общественныхъ явленій.

Насколько XVIII вѣкъ можетъ быть названъ вѣкомъ философскихъ теорій, настолько-же и девятнадцатому подходитъ названіе вѣка положительнаго знанія. Громадное накопленіе фактическаго матеріала во всѣхъ отрасляхъ знанія составляетъ самую выдающуюся сторону современной науки. Если въ XVIII вѣкѣ теоретическая мысль нерѣдко шла гораздо далѣе, чѣмъ это дозволяли факты, на которые она опиралась, то въ наше время наука грѣшитъ скорѣе противоположною крайностью: ея слабую сторону составляетъ чрезмѣрная склонность къ эмпиризму и къ исключительному пользованію индуктивными приемами изслѣдованія.

Другая характеристичная черта умственнаго движенія XIX вѣка, рѣзко отличающая его отъ направленія вѣка предъидущаго, проявляется въ томъ преобладающемъ значеніи, которое принадлежитъ во всѣхъ современныхъ научныхъ построеніяхъ *принципу развитія*, совершенно чуждому философіи XVIII столѣтія. Установленіе этого принципа составляетъ, быть можетъ, наиболѣе важное научное приобретеніе нашего вѣка въ теоретической области. Красною нитью проходитъ онъ чрезъ три величайшія созданія научной мысли XIX вѣка: діалектическую философію Гегеля, положительную философію Конта и теорію эволюціи Дарвина. Каждая изъ названныхъ теорій представляетъ собою попытку систематическаго приложенія закона развитія или по всей совокупности явленій (діалектика Гегеля), или къ отдѣльнымъ ихъ группамъ (законъ трехъ состояній Конта и законъ трансформизма Дарвина).

Объ указаннаго стороны научнаго направленія XIX вѣка—и развитіе эмпирическихъ знаній и генетическій характеръ въ философскихъ построеніяхъ—находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Понять процессъ развитія явленій и сдѣлать изъ изученія его главное содержаніе науки было возможно только благодаря накопленію массы фактическихъ наблюденій и эмпирическихъ данныхъ. Но и здѣсь повторилось обычное въ исторіи науки явленіе—синтетическая, философская мысль опередила нормальный ходъ научнаго обобщенія, Гегель *предугадалъ* то, что было раскрыто впоследствии строго научнымъ изслѣдованіемъ. Быть можетъ, именно въ этомъ совпаденіи гегелевскихъ построеній съ общимъ направ-

леніемъ научной мысли, не нашедшимъ еще въ то время строго научныхъ формъ для своего выраженія и слѣдуетъ искать тайну того безпримѣрнаго вліянія, которое имѣла діалектическая философія. Діалектическая схема Гегеля представляла собою метафизическую постановку закона развитія, къ установленію котораго вела вся совокупность положительнаго знанія.

Характеръ, приданный политической экономіи смитовскою школою, находился въ полномъ противорѣчій съ указаннымъ общимъ направленіемъ философской мысли XIX вѣка. Изученіе процессовъ развитія всего менѣе обращало на себя вниманіе классической экономіи. Напротивъ того, всѣ ея усилія направлены были на раскрытіе общихъ, *постоянныхъ* законовъ экономической жизни; она исходила изъ предположенія неизмѣнности челоуѣческой природы и существованія „естественнаго“ порядка общественныхъ отношеній.

Мы видѣли, что и методическіе приемы, господствовавшіе въ политической экономіи, оказывались пригодными только въ предѣлахъ того круга вопросовъ, которыми задавалась смитовская школа: прослѣдить генетическое развитіе экономическихъ явленій и установить законъ этого развитія, *понять существующій строй экономическихъ отношеній, какъ одинъ изъ фазисовъ въ общемъ ходѣ экономической жизни* было невозможно при помощи абстрактно дедуктивнаго метода, составлявшаго единственное орудіе экономической науки. Поэтому для того, чтобы стать въ уровень съ тѣми требованіями, которыя выдвигались прогрессивнымъ развитіемъ научной мысли, политическая экономія прежде всего должна была отрѣшиться отъ исключительности своихъ методическихъ приемовъ и дать широкое мѣсто индуктивному изслѣдованію экономическихъ явленій, какъ въ настоящемъ ихъ видѣ, такъ и въ ихъ историческомъ происхожденіи.

Если измѣненія въ направленіи философской мысли вызвали необходимость обновленія метода политической экономіи, то съ другой стороны накопленіе фактическихъ знаній, характеризующее нашу эпоху, давало экономистамъ средства для такого обновленія.

Особенное значеніе въ этомъ отношеніи слѣдуетъ приписать прогрессивному движенію, имѣвшему мѣсто въ двухъ родственныхъ политической экономіи отдѣлахъ знанія—*исторіи* и *статистикѣ*. Уже въ настоящемъ своемъ состояніи и исторія, и статистика доставляютъ важный матеріалъ для индуктивнаго построенія экономическихъ законовъ; но, безъ сомнѣнія, цѣнность этого матеріала еще болѣе возростетъ, когда *экономическая исторія* и *экономическая статистика* станутъ предметами систематическаго изученія.

Историческія изысканія послѣдняго времени въ значительной

степѣни освѣтили предъ нами условія общественной жизни въ раннія эпохи. Мы имѣемъ массу фактическихъ данныхъ относительно способовъ производства и распредѣленія богатствъ на разныхъ ступеняхъ исторической жизни и относительно различныхъ формъ общественной организаціи въ разныя эпохи. Эти данныя уже теперь позволяютъ намъ прослѣдить генезисъ многихъ сторонъ современнаго хозяйственнаго строя и установить сравнительно позднее происхожденіе такихъ институтовъ, которые еще недавно считались необходимыми, „естественными“ условіями всякаго общественнаго состоянія. Укажемъ для примѣра на институтъ собственности. Но историческое изученіе экономическихъ явленій важно и не только потому, что оно даетъ намъ возможность установить процессъ ихъ происхожденія и постепеннаго развитія: оно кромѣ того помогаетъ намъ и понять связь этихъ явленій съ другими сторонами общественной жизни. Наблюдая послѣдовательное измѣненіе экономическихъ фактовъ, параллельно съ измѣненіями въ политическихъ условіяхъ, въ состояніи знаній, въ литературѣ, въ нравственномъ и религіозномъ сознаніи общества, въ его нравахъ и обычаяхъ—мы можемъ выяснить отношенія, существующія между всѣми этими группами общественныхъ явленій и взаимную ихъ зависимость другъ отъ друга.

Не менѣе важнымъ подспорьемъ для экономической науки представляются и данныя, добытыя статистическими изслѣдованіями.

Статистическое изученіе общественныхъ фактовъ отличается двумя характеристическими чертами отъ обыденнаго наблюденія. Во-первыхъ, оно даетъ намъ возможность *точно* измѣренія наблюдаемыхъ фактовъ; эта точность имѣетъ огромное значеніе преимущественно въ такихъ вопросахъ, гдѣ вліяніе предвзятыхъ идей и субъективнаго настроенія изслѣдователя дѣлаетъ особенно легкими односторонніе выводы, а экономическая наука, имѣющая дѣло съ самыми живыми и жгучими интересами общества, представляетъ массу подобныхъ вопросовъ. Во-вторыхъ, статистическое изученіе облегчаетъ отдѣленіе существенныхъ элементовъ изучаемыхъ явленій отъ второстепенныхъ и случайныхъ. „*Средніе статистическіе выводы*“, получаемые путемъ наблюденія и сопоставленія большихъ количествъ однородныхъ фактовъ, даютъ намъ *типы* этихъ явленій, освобожденные отъ случайныхъ ихъ признаковъ. Чѣмъ обширнѣе рамки наблюденія, чѣмъ больше число фактовъ положено въ основу вывода, тѣмъ точнѣе этотъ выводъ и тѣмъ ближе статистическая „средняя“ величина къ дѣйствительному *типичному* характеру изслѣдуемаго явленія. Законъ большихъ чиселъ имѣетъ здѣсь полное примѣненіе: случайныя черты наблюдаемыхъ единичныхъ фактовъ, при большомъ количествѣ этихъ

фактовъ, взаимно уравниваютъ другъ друга, такъ-что *средній выводъ* изображаетъ только общіе, присущіе всѣмъ единичнымъ явленіямъ даннаго порядка признаки. Такимъ образомъ статистическій приемъ даетъ изслѣдователю то-же оружіе, какое политико-экономы ищутъ въ *интетическомъ* построеніи. Онъ доставляетъ ему возможность ориентироваться въ сложномъ агрегатѣ явленій конкретной дѣйствительности и выяснитъ основныя, существенныя ихъ черты. Но при этомъ въ статистикѣ этотъ процессъ абстракціи, установленіе посредствующихъ обобщеній происходитъ путемъ чисто *объективнымъ* и, такимъ образомъ, представляетъ наиболѣе гарантій своей точности и безпристрастія.

Все изложенное дѣлаетъ очевиднымъ, что политическую экономію Смита и его ближайшихъ преемниковъ отнюдь нельзя было считать наукою законченною въ своихъ общихъ основаніяхъ и нуждающеюся только въ частныхъ достройкахъ и поправкахъ. Напротивъ того, позднѣйшимъ экономистамъ предстояла задача коренного обновленія науки и съ матеріальной, и съ формальной стороны.

Такое обновленіе, такое органическое пересозданіе экономической науки являлось, конечно, не *отрицаніемъ*, а дальнѣйшимъ *развитіемъ* системы классической экономіи, переходомъ ея съ *непосредственной* на *критическую* точку зрѣнія.

Но господствующая школа не носила въ себѣ силъ для выполненія подобной задачи. Знамя реформы поднято было отрицательными ученіями.

Соціальный вопросъ, выдвинутый на первый планъ экономической жизнью нашего вѣка, не встрѣтилъ въ лицѣ послѣдователей Смитова ученія такихъ-же глубокихъ истолкователей, какимъ были творцы классической системы политической экономіи по отношенію къ вопросамъ производства; разъясненіе истиннаго смысла и причинъ внутреннихъ противорѣчій современнаго хозяйственнаго строя и всѣ болѣе серьезныя попытки найти выходъ изъ этихъ противорѣчій—были дѣломъ мыслителей, не принадлежащихъ къ сонму „ортодоксальныхъ“ экономистовъ, мыслителей, представлявшихъ собою „еретиковъ“ въ области политической экономіи.

Точно также и обновленіе политической экономіи въ методическомъ отношеніи,—по скольку оно имѣло мѣсто какъ фактъ и поскольку онъ сформулированъ какъ требованіе—совершалось *внѣ* господствующей школы.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія сложилась и замкнулась, около половины нашего вѣка, въ господствующую, ортодоксальную школу, изъ нея исчезъ живой, творческій духъ. Экономисты, считавшіе себя продолжателями Смита, не внесли ничего существенно новаго въ тотъ арсеналъ научныхъ идей, который они

наслѣдовали отъ классической экономіи. Напротивъ того, въ большинствѣ своемъ они скорѣе извратили истинный смыслъ смитовскаго ученія. Только очень немногіе экономисты сумѣли сохранить научное безпристрастіе Смита и Ривардо и остаться на научной высотѣ въ то время, когда въ лицѣ большинства своихъ представителей, политическая экономія сдѣлалась прислужницею правящихъ классовъ, тенденціознымъ ученіемъ, поддерживающимъ узкіе интересы буржуазіи.

Первое мѣсто среди этихъ немногихъ научныхъ экономистовъ безспорно принадлежитъ Дж. Ст. *Миллю*, послѣднему крупному, выдающемуся представителю смитовской школы.

Но, несмотря на всѣ свои несомнѣнныя научныя заслуги, Милль не былъ тѣмъ реформаторомъ, въ которомъ такъ нуждалась экономическая наука. Великое его значеніе какъ экономиста, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ *созналъ* тѣ требованія, которыя предъявляла экономической наукѣ современная жизнь и пошелъ имъ на встрѣчу; но Милль не пересоздалъ политическую экономію такъ, чтобы она стала въ уровень съ этими требованіями, онъ только смягчилъ слишкомъ безусловный характеръ старой системы и внесъ въ нее нѣкоторыя частныя измѣненія.

Трактатъ Милля хорошо извѣстенъ русской публикѣ (онъ нашелъ въ русской литературѣ гениальнаго истолкователя и критика); поэтому мы считаемъ возможнымъ, не вдаваясь въ подробности, ограничиться только нѣсколькими словами въ поясненіе сказаннаго.

Самыя крупныя поправки и дополненія, которыя внесены Миллемъ въ ученіе классической экономіи, относятся къ тѣмъ частямъ этого ученія, которыя посвящены распредѣленію богатствъ. Шагъ впередъ, который сдѣланъ Миллемъ относительно своихъ учителей, заключается въ категорическомъ и ясномъ установленіи понятія объ условности и зависимости отъ человѣческаго произвола порядка распредѣленія богатствъ. Милль совершенно чуждъ представленія о какой-бы то ни было „естественной“ системѣ распредѣленія. „Распредѣленіе богатствъ—говоритъ онъ—есть чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли-бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если-бы того захотѣли люди“ *). Поэтому современная организація промышленности, основанная на владѣніи землею и капиталомъ по принципу частной собственности, не

*) Основаніе полит. экон. т. II, 250. (Сиб. 1873).

представляется ему чѣмъ-то неизмѣннымъ; онъ охотно допускаетъ, что она можетъ быть замѣнена совершенно иною и даже должна-бы быть замѣнена, если-бы было доказано, что тѣ темныя стороны, которыя мы видимъ въ настоящей экономической жизни, не различны съ самымъ принципомъ этой организаціи. „Если-бы—говорить онъ—надобно было дѣлать выборъ между коммунизмомъ, со всѣмъ его рискомъ и нынѣшнимъ состояніемъ общества, со всѣми его страданіями и несправедливостями; если-бы существованіе частной собственности имѣло необходимымъ своимъ послѣдствіемъ такое распредѣленіе продуктовъ труда, какое мы видимъ нынѣ,—распредѣленіе, почти всегда обратно пропорціональное труду, такъ-что наибольшія доли достаются людямъ, трудъ которыхъ почти только номинальный, и т. д., по уменьшающейся пропорціи, съ уменьшеніемъ вознагражденія по мѣрѣ того, какъ трудъ становится тяжелѣе и непріятнѣе, до того, что, наконецъ, утомительнѣйшій и изнурительнѣйшій физическій трудъ не имѣетъ вѣрной надежды на приобрѣтеніе первыхъ потребностей жизни—если-бы выборъ былъ только между такимъ положеніемъ дѣлъ и коммунизмомъ, то каковы-бы ни были затрудненія коммунизма, велики или малы, они были-бы лишь песчинкою на вѣсахъ этого сравненія“ *). Но, по мнѣнію Милля, мы далеко не имѣемъ достаточныхъ основаній относить всѣ эти темныя стороны на счетъ самаго принципа собственности. Бѣдственное положеніе массъ въ самой значительной степени объясняется не социальными, а естественными причинами, именно стремленіемъ населенія къ чрезмѣрному возрастанію. Затѣмъ, что касается собственно социальныхъ условій, то здѣсь источникъ существующаго зла лежитъ не въ самыхъ принципахъ, на которыхъ зиждется современный строй, а въ ихъ дурномъ примѣненіи. Конечно, говоритъ Милль, не совмѣстно съ закономъ частной собственности, чтобы всѣ начинали карьеру съ совершенно одинаковыми средствами. „Но если-бы на смягченіе неравенства, возникающаго изъ естественнаго дѣйствія этого принципа, было обращено, не колебля самаго принципа, столько-же всевозможныхъ заботъ, сколько было обращено на усиленіе этого неравенства шансовъ; если-бы законы стремились благопріятствовать разлитію, а не сосредоточенію богатства, помогать раздѣленію большихъ массъ его, а не старались предотвращать ихъ раздробленіе, то принципъ частной собственности оказался-бы не имѣющимъ необходимыми своими послѣдствіями тѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ бѣдствій, которыя во мнѣніи почти всѣхъ социалистскихъ писателей нераздѣльны съ нимъ“. Задачею

*) Основ. полит. экон., II. 259 (Спб. 1874).

политической экономіи и является отысканіе такихъ формъ и такихъ способовъ примѣненія основныхъ началъ современнаго строя общества, которыя не вели-бы въ упомянутымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Конечно, въ будущемъ современный строй можетъ уступить мѣсто другому; но—говоритъ Милль—, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣка, мы можемъ пока сказать, что *политико-экономъ довольно долго еще долженъ будетъ, главнымъ образомъ, заниматься условіями существованія и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ*, и что главною цѣлью стремленій при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія служить не низверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полного участія въ ея выгодахъ каждому члену общества" *).

Вотъ основная точка зрѣнія Милля. Ею опредѣляется и направление его ученія. Милль пытается найти средство для устранения существующаго разлада экономическихъ отношеній — отрицать или игнорировать который, подобно другимъ экономистамъ, Миллю не дозволяла присущая ему научная добросовѣстность—не удаляясь отъ принципиальныхъ основаній настоящаго строя жизни. Институтъ частной собственности надъ землею и орудіями труда и начало свободнаго соперничества, какъ главный регуляторъ промышленности, остаются краеугольными камнями его системы. Онъ считаетъ, однако, необходимыми извѣстныя преобразованія въ современной организаціи собственности, которыя, не нарушая самаго принципа, примиряли-бы его съ требованіями справедливости. Главнѣйшимъ изъ такихъ преобразованій представляется *ограниченіе права наследства*, въ видахъ предупрежденія скопленія собственности въ немногихъ рукахъ. Съ другой стороны рядомъ съ началомъ свободнаго соперничества Милль допускаетъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели классическіе экономисты, вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь и высказываетъ убѣжденіе въ великомъ значеніи принципа *ассоціаціи*, союза для установленія нормальнаго, справедливаго строя хозяйственныхъ отношеній. Но главнѣйшими условіями для возвышенія и поддержанія уровня общаго благосостоянія въ глазахъ Милля остаются: воздержаніе населенія отъ чрезмѣрнаго размноженія и распространенія въ массахъ воспитанія, создающаго разумныя привычки.

Невозможно отрицать, что многія изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Миллемъ при анализѣ условій распредѣленія и при разборѣ теорій социалистическихъ писателей, отличаются и справедливостью

*) Ibid. 268.

и глубиною; тѣмъ не менѣе въ цѣломъ его попытка согласить доктрины классической экономіи съ новыми задачами, выдвинутыми развитіемъ экономической жизни, далеко не оказалась удовлетворительною. Безусловно принимая законъ населенія Мальтуса (для доказательства котораго Милль не внесъ ничего существенно новаго), онъ сводитъ къ *естественнымъ* причинамъ значительную долю того, что какъ доказало изслѣдованіе писателей отрицательной школы, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить—принадлежитъ чисто-*соціальнымъ* условіямъ. Милль не разглядѣлъ, что въ настоящее время мы можемъ говорить не объ *абсолютномъ*, а только объ *относительномъ* перенаселеніи, которое вызывается не скупостью природы, а направлениемъ производства и распредѣленіемъ покупательной силы въ обществѣ. Точно также недостаточною является и другая часть его разсужденій, посвященная разъясненію вліяній общественнаго строя на распредѣленіе богатствъ. Миллю положительно не удалось доказать, что внутренний антагонизмъ труда и капитала, интересовъ народнаго благосостоянія и національнаго производства и рѣзкія неравенства современнаго буржуазнаго строя могутъ быть изложены (поскольку вообще они зависятъ отъ *соціальныхъ* причинъ) безъ измѣненій самыхъ основаній этого строя и руководящихъ началъ настоящей экономической политики. По-крайней-мѣрѣ тѣ улучшенія въ существующихъ учрежденіяхъ и частныя мѣры для исправленія вредныхъ результатовъ начала конкуренціи—вродѣ ограниченія наслѣдствъ, или государственнаго урегулированія внезапныхъ поворотовъ въ промышленности—если даже оставить въ сторонѣ вопросъ, насколько возможно ихъ осуществленіе, способны вести развѣ только къ *смягченію*, а никакъ не къ устраненію внутреннихъ язвъ современнаго общества. Они запечатлѣны тѣмъ же духомъ компромисса, который отличаетъ и всю экономическую теорію Милля.

Если мы не находимъ у Милля внутренняго обновленія, въ которомъ такъ нуждалась экономическая наука, то еще менѣе его можно искать у другихъ писателей смитовской школы. Большинство этихъ писателей мы можемъ подраздѣлить на двѣ группы. Къ одной принадлежали тѣ, бѣльшую частію англійскіе, экономисты, которые принимали ученіе классической экономіи въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ Рикардо, эти экономисты образовали такъ-называемую манчестерскую школу. Они не на волю не подвинули впередъ теоретическую сторону ученія, но и не исказили его. Альфу и омегу ихъ экономической политики составлялъ принципъ безусловной свободы промышленной дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Соціальный вопросъ въ построе-

ніяхъ этой школы не занималъ почти никакого мѣста. Другую группу составляли писатели, причислявшіе себя къ ученикамъ Смита, но отклонявшіеся отъ ученія Рикардо, принятаго манчестерцами. Въ противность послѣднимъ они пытались внести въ науку нѣчто самостоятельное, „новое“, но это новое толкало политическую экономію не впередъ, а назадъ. Наибольшею извѣстностью изъ числа писателей названной группы пользовался *Бастіа*, проповѣдникъ пресловутой „гармонической теоріи“, настоящимъ творцомъ которой былъ, впрочемъ, не онъ, а американецъ *Кэри*. Теорія эта, на которой въ одно и то-же время основывались и протекціонистскія воззрѣнія Кэри и безусловно фритредерскіе взгляды Бастіа, стремилась возродить и возвести въ систему наивный оптимизмъ, пробивавшійся у Смита и опрокинутый болѣе строгимъ анализомъ Рикардо. Мы видѣли, что у Смита такой оптимизмъ находилъ очень много оправданій, но проповѣдь «всеобщей гармоніи интересовъ» въ вѣкъ ожесточенной борьбы между общественными классами, въ вѣкъ обнаруженія самыхъ рѣзкихъ противоположностей въ экономическихъ отношеніяхъ, могла объясняться только предвзятою тенденціею. Дѣйствительно, въ рукахъ Бастіа и его многочисленныхъ сторонниковъ, политическая экономія приняла крайне тенденціозный характеръ. Мѣсто научнаго анализа заступило пристрастное проповѣдываніе интересовъ буржуазіи.

Нѣтъ надобности говорить, что ни „манчестерцы“, ни „гармонисты“ далеко не стояли на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя, какъ мы видѣли, выдвигались предъ политическою экономіею самымъ ходомъ исторической жизни. Точно также очень не много для разрѣшенія этихъ задачъ внесли и тѣ писатели, которые стояли внѣ обѣихъ названныхъ группъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ (напр., Тюнену) наука обязана раскрытіемъ весьма цѣнныхъ частныхъ истинъ, но измѣненіе общаго направленія политической экономіи, преобразование ея изъ ученія о наибольшемъ производствѣ въ ученіе о наибольшемъ благосостояніи всѣхъ членовъ общества было дѣломъ слишкомъ превосходившимъ ихъ силы.

И въ методологическомъ отношеніи позднѣйшіе представители смитовской школы не подвинули науку впередъ. Тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе серьезно и научно относились къ своей задачѣ, пользовались тѣмъ-же методомъ, какъ экономисты-классики, со всѣми его сильными и слабыми сторонами. Въ рукахъ Дж. Стюарта Милля и писателей одного съ нимъ направленія политическая экономія сохраняла вполне характеръ абстрактно-дедуктивной науки. Попытки преобразования экономического метода исходили изъ того лагеря экономистовъ, который всего менѣе спосо-

бень былъ создать что-нибудь дѣйствительно научное: имъ задались, главнымъ образомъ, французскіе экономисты школы Бастіа. Еще со временъ Сэя французскіе писатели высказывались противъ абстрактности Ривардо и его школы; политическая экономія должна была, по ихъ словамъ, имѣть дѣло съ дѣйствительными, конкретными фактами, а не съ отвлеченными категоріями. Но такъ какъ эти проповѣдники конкретнаго метода имѣли очень смутное понятіе о правильной индукціи, то всѣ ихъ построенія не имѣли никакой научной цѣны. Это были только крайне поверхностныя обобщенія наблюдений, сдѣланныхъ безъ системы, „на-глазъ“. Въ то время какъ экономисты-аналитики старались найти дѣйствительно общія, *типичныя* стороны экономическихъ явленій и только ихъ принимали въ расчетъ при своихъ выводахъ, эмпирики строили экономическіе „законы“ на первыхъ попавшихся подъ руку, случайныхъ фактахъ во всей ихъ конкретной сложности. Подобный quasi-индуктивный методъ былъ очень удобенъ для преслѣдованія тѣхъ тенденціозныхъ, партіонныхъ цѣлей, которыми задавалась политическая экономія Бастіа и его учениковъ, но онъ имѣлъ очень мало общаго съ наукой.

На той почвѣ, какъ французскіе эмпирики, стоитъ и новѣйшій „реформаторъ“ экономического метода, англичанинъ Маклеодъ. Маклеодъ стремится точно также сдѣлать изъ политической экономіи индуктивную науку и точно также мало сознаетъ въ чемъ должна состоять истинная индукція. Вслѣдствіе этого и онъ не идетъ далѣе внѣшней, феноменальной стороны экономическихъ фактовъ, хотя не менѣе Бастіа склоненъ къ установленію „всеобщихъ“ законовъ экономическихъ явленій. Особенность Маклеода заключается въ томъ, что онъ открыто признаетъ за политической экономіей тотъ характеръ, который она давно уже получила въ рукахъ буржуазныхъ экономистовъ—характеръ *лабочной* науки. Маклеодъ не хочетъ имѣть дѣло ни съ чѣмъ, кромѣ явленій общаго; только эти явленія могутъ составлять предметъ изслѣдованія „индуктивной“ политической экономіи, все остальное содержаніе науки онъ выкидываетъ за бортъ. Уже по этому крайнему суженію научнаго горизонта можно судить, какое научное достоинство имѣетъ та „индукція“, которая приводитъ къ подобнымъ результатамъ.

„Индукція“ Маклеода была крайнимъ предѣломъ научной деградации, до которой дошла политическая экономія; но деградация эта началась гораздо раньше. Разъ господствующее ученіе перестало развиваться и идти впередъ, оно необходимо должно было постепенно падать; а это паденіе, въ свою очередь, дѣлало неиз-

бѣжнымъ наступленіе того научнаго кризиса, при которомъ мы теперь присутствуемъ.

Резюмируемъ въ нѣсколькихъ словахъ все изложенное выше.

Мы видѣли, что общее направленіе и содержаніе политической экономіи въ періодъ ея созданія находилось въ тѣсной связи и зависимости отъ главныхъ условій окружающей дѣйствительности.

Мы видѣли далѣе, что въ настоящее время условія эти рѣзко измѣнились, но политическая экономія не сумѣла приспособиться къ нимъ и переформироваться рядомъ съ ними. Отъ этого она осталась позади жизни.

Экономисты классической школы принимали непосредственно главныя основанія существующаго строя хозяйственныхъ отношеній (институтъ частной собственности и трехчленное дѣленіе продукта) и исходили въ своихъ выводахъ изъ положеній, что *при этомъ строе* интересы производства и распредѣленія національнаго богатства и народнаго благосостоянія представляются тоже естественными. Вслѣдствіе этого вниманіе направлено было по преимуществу на разъясненіе условій, способствующихъ наибольшему производству. Главнымъ изъ такихъ условій, они считали полную свободу промышленной дѣятельности. При отсутствіи всякихъ вѣшнихъ стѣсненій и правительственной регламентаціи свободная дѣятельность промышленныхъ силъ, руководимыхъ единственно влчшеніями личнаго интереса, должна была, по ихъ мнѣнію, сама собою, естественно привести къ достиженію возможнаго для даннаго общества уровня національнаго богатства и общаго благосостоянія.

Факты экономической жизни послѣдняго времени показали, что приведенныя положенія не могутъ считаться безусловно вѣрными. Напротивъ того, мы видимъ, что при господствѣ полной экономической свободы, при регулированіи хозяйственныхъ отношеній исключительно, или преимущественно налогомъ не стѣсняемаго соперничества, въ обществѣ, построенномъ на владѣніи землею и орудіями производства по принципу частной собственности, неизбежно вскрывается и обостряется рѣзкій антагонизмъ какъ между интересами различныхъ классовъ, такъ и между потребностями успѣшнаго производства и справедливаго распредѣленія, *накопленія* богатствъ и развитія общаго благосостоянія.

Такимъ образомъ самымъ ходомъ экономической жизни обнаружено было внутреннее противорѣчіе въ ученіи творцовъ политической экономіи. Противорѣчія этого не въ силахъ были разрѣшить позднѣйшіе представители господствующей школы. Вслѣдствіе это-

го политическая экономія неизбѣжно должна была придти къ тому кризису, въ которомъ она находится теперь.

Какъ съ *матеріальной* стороны—въ отношеніи своего содержанія и направленія—политическая экономія складывалась подъ вліяніемъ общихъ условій экономической жизни, такъ со стороны *формальной* — въ отношеніи методовъ и приѣмовъ изслѣдованія — она находилась въ зависимости отъ общаго состоянія знаній.

И здѣсь условія нашего времени существенно разнятся отъ условій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, когда складывалось ученіе господствующей экономической школы.

Политическая экономія Смита и его ближайшихъ приѣмниковъ была наукою абстрактно-дедуктивною, стремящеюся вывести изъ общихъ свойствъ человѣческой природы и „естественныхъ“ основъ общежитія постоянныя, естественныя законы экономическихъ явленій. Въ настоящее время общее направленіе научной мысли ставить экономической наукѣ требованіе разъяснить *генезисъ* общественныхъ формъ, понять существующій строй какъ *одинъ изъ фазисовъ* въ общемъ ходѣ развитія экономической жизни. Для того, чтобы выполнить эту задачу, политическая экономія должна была отрѣшиться отъ исключительности своихъ методологическихъ приѣмовъ и дать широкое мѣсто индуктивному изслѣдованію экономическихъ явленій, какъ въ настоящемъ ихъ видѣ, такъ и въ процессѣ ихъ происхожденія.

Но и въ этомъ отношеніи господствующая школа не оказалась на уровнѣ тѣхъ требованій, которымъ она должна была удовлетворить. Поэтому опять-таки она неизбѣжно шла къ кризису.

Очертивъ причины, вызвавшія настоящій кризисъ экономической науки, мы должны теперь перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ попытокъ, которыя дѣлались для того, чтобы найти выходъ изъ этого кризиса.

Какъ мы уже упоминали, всѣ эти попытки могутъ быть подраздѣлены на двѣ большія группы.

Къ одной изъ нихъ принадлежатъ всѣ тѣ ученія, которыя видятъ главный источникъ внутренняго противорѣчія между интересами производства и распредѣленія, замѣчаемаго въ современномъ обществѣ, не столько въ самыхъ *основахъ хозяйственной организаци*, сколько въ направленіи *экономической политики*. Начало свободаго соперничества частныхъ интересовъ, не можетъ считаться, по ихъ мнѣнію, удовлетворительнымъ регуляторомъ хозяйственныхъ отношеній и должно быть существенно видоизмѣнено и дополнено другими, *органическими* началами. Отысканіе этихъ новыхъ орга-

ническихъ началъ экономической политики и составляетъ главную задачу учений этого направленія.

На этой точкѣ зрѣнія стоитъ *реальная или этическая школа* политической экономіи.

Другую категорію новыхъ экономическихъ учений составляютъ такія ученія, по воззрѣніямъ которыхъ единственнымъ исходомъ изъ внутреннихъ противорѣчій существующаго строя можетъ быть только измѣненіе самыхъ основаній этого строя, т. е. прекращеніе частной собственности надъ землею и орудіями производства и возвращеніе общества къ старому хозяйственному типу *коллективной* собственности, видоизмѣненному сообразно съ условіями настоящаго времени.

Такова общая точка зрѣнія *научнаго социализма*.

Въ методологическомъ отношеніи обѣ названныя школы (по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей) стоятъ принципиально на одной почвѣ; обѣ онѣ требуютъ, чтобы политическая экономія отказалась отъ безусловнаго характера своихъ выводовъ и дала широкое мѣсто изслѣдованію процессовъ развитія существующаго строя экономическихъ отношеній.

Мы остановимся первоначально на этической школѣ и затѣмъ перейдемъ къ научному социализму. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы обратимъ вниманіе какъ на общее направленіе и содержаніе учений, такъ и на ихъ методологическіе приемы.

Кромѣ того, для полноты нашего обзора намъ придется сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ попыткахъ методологическаго обновленія политической экономіи, которыя стоятъ внѣ связи съ обѣими названными направленіями научной мысли. Главнымъ образомъ мы должны будемъ коснуться при этомъ вызваннаго контовскою системою стремленія слить политическую экономію съ общею соціологію и новѣйшихъ опытовъ перенесенія въ общественную науку дарвиновской теоріи эволюціи.

Н. Анисимовъ.

МОЛЧАНІЕ ПОЭТА.

(Изъ Людвигъ Кондратовича).

· Посвящается моей семьѣ.

О, правда-ль, пѣснь моя—даръ лучшій межъ дарами!—
Что я остылъ душой, состарѣлся мечтами?
Что скоро ты меня покинешь, имъ во слѣдъ,
Какъ бабочка цвѣтокъ, утратившій свой цвѣтъ?
Иль сердцу стать пора, взамѣнъ страданій жгучихъ,
Какъ храму ветхому — гнѣздомъ мышей летучихъ?
Разсчитывать на міръ — охъ! призрачный расчетъ:
Какъ громъ, онъ въ щепень васъ сначала разобьетъ,
А послѣ наградить за пылъ неосторожный,
Счастливымъ сдѣлавши, какъ камень придорожный.
О, счастье это пусть не снится и врагу.
Я жить хочу и пѣть, борцомъ я быть могу;
Проникнутый огнемъ, хочу я всею силою
И муки чувствовать, и трепеть сердцу милый;
Цвѣты-ли надо мной, терновникъ-ли, — иду
На свѣтъ биться я, какъ рыба на льду.

Бороться?.. Ужь прошли тѣ годы молодые...
Неправда! я сберегъ порывы огневые!
Почемъ вы знаете, что старъ я? По лицу?
Не вѣрете: то вулканъ, притихнувшій къ концу;
Что гордой я къ землѣ поникнулъ головою?
То дума иль дремъ гнететь ее порою;
Что смолкла пѣснь моя? — О, знаетъ-ли народъ,
Что эху надобенъ прерывъ для новыхъ нотъ?

Толпа сбѣжалася на путь мой и, ливуя,
Кричитъ, что старъ я сталъ, что пѣть ужъ не могу я.

Но я могу. О, пѣснь крылатая моя!
 Не допусти, чтобъ въ міръ съ позоромъ вышелъ я!
 Не покидай меня! — вѣдь я киплю восторгомъ,
 Достоинства пѣвца не унижалъ я торгомъ,
 Касавшаяся струнъ рука моя чиста,
 Потворство рабское не шло мнѣ на уста,
 Не гнулъ я голову предъ сильными людьми
 И смѣлыми еще въ лазурь смотрю глазами;
 А мысль моя, съ пути не сбита толпой,
 Живетъ въ согласіи и съ небомъ, и съ землей...
 Я Бога не хую, тельца не обожаю,
 Все доброе люблю, все злое проклиная:
 За что-же старостью карать мой бодрый духъ
 И немотю грудь, влокающую вслухъ?

Что я не старъ, не нѣмъ — мнѣ чувствуется живо:
 Эй, пѣсни! грянемте, попржнему, на диво!
 Попробую, — громка еще ты, пѣснь моя!
 Пусть лира нестройна — ее настрою я.
 Мы снова грянемъ такъ, что эхо отзовется
 И въ полѣ, и въ лѣсахъ, вездѣ, гдѣ сердце бьется,
 Пробудить мирный сонъ долины и высотъ:
 О! въ старческой груди нѣтъ силъ такихъ и ноть.
 Поймутъ-же, наконецъ, завистливые люди,
 Что мощны легкія моей невзрачной груди.

Но мало этого: въ день Страшнаго Суда,
 Съ другими и пѣвца потребуютъ туда,
 Гдѣ, предъ градущими и прошлыми вѣками,
 Отмѣрятъ такъ и вамъ, какъ мѣряли вы сами,
 И скажутъ: „Дайте мнѣ, сыны мои, отчетъ!
 На чемъ взростили вы дѣяній вашихъ плодъ?
 На тучной нивѣ-ли, на камнѣ-ли, гдѣ птицы
 Уносятъ сѣмена и жжеть ихъ лучъ денницы?
 Разцвѣлъ-ли вашъ посѣвъ цвѣтами свѣтлыхъ думъ?
 Иль ваши плевелы людской глушили умъ?
 Гдѣ, пѣснями, до слезъ вы трогали каменья
 И въ ядъ вносили змѣй способность изцѣленья?
 Къ какимъ источникамъ, подъ пѣсенъ этихъ строй,
 Съ овцою мирною шелъ волкъ на водопой?
 Людская пѣснь не то, что птицъ веселыхъ пѣнье:
 Дана вамъ власть чудесъ—и гдѣ-жъ ихъ проявленье?
 Не мѣткою стрѣлой, измѣнчивой подчасъ —

Творецъ вооружилъ могучимъ словомъ васъ,
 Что, дѣйствуя быстрѣй оружія Немврѣда,
 Безъ промаха въ сердца вонзается народа.
 Вы были призваны для миссіи святой,
 Я ликъ вашъ озарилъ величія лучами,
 Вдохнулъ я въ вашу грудь духъ власти надъ умами...
 О, если не свершили миссіи вы той,
 Не будетъ вамъ дано покаянiя ни минуты!
 Не для того-ли съ васъ и снялъ я рабства путы?
 А вы, наемнику подобныя, порой
 Творили чудеса для прихоти людской
 И, расточивъ зерно, вамъ данное, бесплодно,
 У труженика хлѣбъ вкушали всенародно!..
 Рабы лѣнивыя! о, прочь вы отъ меня!
 Сгорайте въ пламени душевнаго огня!"

Да, въ совѣсти моей я слышу этотъ голосъ!
 Лицо горитъ стыдомъ, поднялся дыбомъ волосъ.
 Ужасно быть пѣвцомъ — отвѣтственность страшна:
 О, Боже! да не пью ту чашу я до дна,
 Да не прельстятъ меня мечты и пѣсни снова!
 Пойду работать я за пахаря любого,
 Пойду пасти воловъ, какъ пасъ въ былые дни,
 Тупой, безсмысленный, прилежный, какъ они!..

Но что я вымолвилъ! — дрожу и цѣпещю!
 Вѣда тому, кто палъ подъ ношею своею!
 Ужъ лиръ если разъ отдался я вполнѣ,
 Какое-бы ни былъ судъ—ей мѣсто лишь при мнѣ!
 Не жить мнѣ безъ нея, безъ пламеннаго слова, —
 Духъ Божій! будь со мной—пою я бодро снова!

О, духъ мой творческій! о, пѣсня ты моя!
 Предъ нами цѣлый міръ вопросовъ бытія, —
 Не будемъ-же воснѣтъ въ позорномъ мы застоѣ,
 Поддержимъ дольше въ насъ то пламя молодое,
 Что въ силахъ растопить сѣрдце остывшихъ ледь,
 Хоть пусть оно намъ грудь отважную сожжетъ.
 Любить все доброе, преслѣдовать все злое —
 Лишь такъ дано свершить намъ чудо неземное...
 И если насъ борьба подавить на землѣ,
 Прекрасно пасъ съ вѣнцомъ заслуги на челѣ!

Омулевскій.

ДЕПУТАТЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ.

РОМАНЪ.

Роберта Вира.

ГЛАВА XII.

Въ сѣрость домикъ съ дракономъ на воротахъ еще тише и сумрачнѣе, чѣмъ прежде. Врагъ, столько разъ отбитый, теперь, кажется, уже готовъ вступить въ него побѣдителемъ. Союзники, призванные упрямой старухой противъ гнетущаго республиканца съ косою въ рукахъ, многозначительно качаютъ головою и заявляютъ, что ихъ наука бессильна. Сама старуха, безпомощная, лежитъ на своемъ смертномъ одрѣ, пригвожденная къ нему ужасной болѣзнию. Но она все еще не сдается, все еще не хочетъ признать себя побѣжденною. До тѣхъ поръ, пока это тяжелое, порывистое, точно вымученное дыханіе, будетъ вздвигать эту грудь, въ ней все еще будутъ горѣть и любовь, и ненависть, и злорадство, и всѣ человѣческія чувства и страсти, какъ искры отъ догорающаго пламени.

Одна изъ этихъ искръ отъ времени до времени какъ-то странно вспыхиваетъ въ единственномъ живомъ глазу больной, когда она устремляетъ его на женщину, сидящую у изголовья. При слабомъ вечернемъ освѣщеніи, чуть проникающимъ сквозь спущенныя шторы, почти нельзя узнать послѣдней. Но глазъ, привыкшій къ темнотѣ, разглядѣлъ-бы и эту толстую, неуклюжую фигуру, и эти крупныя, нѣсколько заплывшія жиромъ, черты, а также не покидавшее ихъ выраженіе смущенія, робости, нерѣзительности, по которымъ можно было безошибочно узнать Ветти Гартгаммеръ.

Природная застѣнчивость, перешедшая подъ вліяніемъ долгихъ лѣтъ зависимости въ полную безотвѣтность, теперь, у постели умирающей тетки, превратилась въ какое-то непреодолимое нравственное оцѣпеніе. Оно еще усиливалось неотвязной мыслью о тайной цѣли ея прихода, а такъ-же сознаниемъ ея непригодности къ осуществленію этой цѣли.

Не мало, впрочемъ, свалилось на голову Бетти горестей, способныхъ смутить и потрясти даже человѣка, съ гораздо болѣе сильными характеромъ.

Послѣ ужаснаго объясненія съ мужемъ, раскрывшаго передъ нею все ихъ отчаянное положеніе, она, слѣдуя его приказанію, въ тотъ-же день собралась ѣхать въ Зоннабургъ. Но въ это самое время рабочіе привели раненаго Августа. При видѣ его мертвенно блѣднаго лица, перевязанной головы и крови, проступавшей сквозь бѣлое полотенце, Бетти чуть не упала въ обморокъ. Ухаживая за мужемъ, она совершенно забыла на время даже всѣ болѣе серьезныя заботы и горести, поглощавшія ее часть тому назадъ.

Августъ очень скоро оправился. Легкое кровоупусканіе, которому онъ подвергнулся, было даже полезно для него, такъ-какъ предохранило, быть можетъ, отъ воспаленія мозга. Но Бетти всю ночь не могла сомкнуть надъ нимъ глазъ, прикладывая мокрая полотенца къ его ранѣ. Въ этому присоединилось безпокойство за здоровье дѣтей, у которыхъ замѣчались нѣкоторые симптомы свирѣпствовавшей въ этой мѣстности дѣтской болѣзни.

Не удивительно, что на другой день она была блѣдна и измучена, точно послѣ болѣзни. Между тѣмъ Августъ, подерѣвленный сномъ, не желалъ ни за что откладывать поѣздки, такъ-какъ дѣло шло, быть можетъ, о будущности дѣтей, и потому въ тотъ-же день они поѣхали вдвоемъ въ Зоннабургъ.

Здѣсь Бетти должна волей-неволей продѣлать комедію возвращенія брилліантовъ, что повлекло за собою нѣкоторую проволочку, потому-что ея мнимый кредиторъ уѣхалъ въ Мартинсбадъ по дѣламъ и вернулся только послѣ обѣда.

Когда Бетти подала, наконецъ, мужу свои брилліанты вмѣстѣ со всѣми прочими драгоценностями, оставшимися еще въ домѣ, онъ вздохнулъ свободнѣе, радуясь, что счастливая случайность поправила безтактность его жены. Посовѣтовавъ ей, однако, впе-

редъ быть осторожнѣе и хорошенько обдумывать свои поступки, не полагаясь на слѣпое счастье, онъ на-скоро распрощался съ нею и поѣхалъ на вокзалъ, чтобы не пропустить ближайшаго поѣзда. Продажу брилліантовъ можно было совершить, не возбуждая подозрѣнія, только въ большомъ городѣ.

Гартгаимеру казалось до такой степени естественнымъ, что жена по одному его слову жертвуетъ наслѣдственными украшеніями, что онъ даже не считалъ нужнымъ поблагодарить ее. Ей самой не приходило въ голову считать свой поступокъ заслуживающимъ благодарности, потому-что она не допускала и мысли о возможности отказать ему въ чемъ-бы то ни было. Онъ потребовалъ — и этого было достаточно, чтобы она отдала, не задумываясь, не только брилліанты, но и самую жизнь.

Послѣднее она, пожалуй, сдѣлала-бы даже несравненно охотнѣе, чѣмъ взять на себя исполненіе трудной и страшной миссіи, возложенной на нее мужемъ.

Сперва тетка вовсе не хотѣла принять ее. Она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Пусть Бетти приходитъ, когда ей будетъ полегче или когда она вернется „изъ горъ“ — такъ-какъ старуха, подобно многимъ больнымъ, находящимся въ ея положеніи, строила всевозможные планы насчетъ будущаго. „Торопитесь еще нечего, я еще не умираю“, приказала она передать своей племянницѣ.

Въ такомъ-же тонѣ было и первое привѣтствіе, которымъ она ее встрѣтила, когда, по просьбѣ Марцелины и Лены, трепещущая Бетти впущена была, наконецъ, въ ея спальню.

— Ты пришла узнать скоро-ли, наконецъ, меня свезутъ на кладбище? проговорила она прерывающимся голосомъ, сохранившимъ, однако, всю свою прежнюю рѣзкость. „Будь спокойна, нѣжная душа, эта радость не за горами!“

— Тетущка! Чѣмъ я это заслужила? воскликнула Бетти, заливаясь слезами.

— Ну, перестань. Ты всегда была глупой и доброй дѣвкой! сказала старуха смягчаясь.

— Дай вамъ Богъ встать поскорѣй и быть такой-же здоровой, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ! отъ всей души воскликнула Бетти.

Больная кивнула головой. Она сама думала, что до сихъ поръ

плохо лечилась. Теперь-же она поѣдетъ въ горы, на минеральныя воды. Это многимъ помогло; чистый воздухъ вылечитъ одышку.

— Не знаю только, ѣхать-ли мнѣ въ Альтпраксъ или въ Хурвальденъ. Въ Тиролѣ, какъ говорятъ, очень плохи гостиницы, а въ Швейцарію слишкомъ далеко; боюсь черезчуръ утомиться.

Пока все шло хорошо. Лена сдѣлала Марцелинѣ знакъ, что будто хочетъ сказать ей что-то и, отозвавъ ее въ сосѣднюю комнату, плотно затворила за собою дверь.

— Мнѣ кажется, что когда тетка говоритъ съ родной племянницей, третьему нечего носа совать, проворчала она.

Марцелина давно уже привыкла не обращать никакого вниманія на выходки ключницы. Въ настоящемъ случаѣ къ тому-же она была права. Такіе близкіе родственники, можетъ быть, и сами не желали имѣть при своемъ разговорѣ свидѣтелей.

Такимъ образомъ все устроилось какъ нельзя лучше и Бетти оставалось только перевести разговоръ на предписанную мужемъ деликатную тему. Но чѣмъ болѣе она объ этомъ думала, тѣмъ сильнѣе стучало у нея въ вискахъ и тѣмъ больше путались ея мысли. Волненіе ея все росло по мѣрѣ того, какъ тетка развивала подробности своихъ путевыхъ плановъ.

Наконецъ, старухѣ показалось подозрительнымъ такое упорное молчаніе. Она взглянула на племянницу своимъ единственнымъ глазомъ и съ разстановкой проговорила:

— Ты находишь... что это будетъ слишкомъ дорого стоить?.. Что эти деньги слѣдовало-бы лучше приберечь?.. Молодымъ всегда кажется, что старики тратятъ на себя лишнее...

— Если это полезно для вашего здоровья, то о чемъ-же тутъ говорить, отвѣчала Бетти совершенно искренно.

— Ты такъ думаешь? Ну а что если это все напрасно. Если тутъ только трата денегъ?..

— Тетущка! обидѣлась Бетти.

— Да, да, иначе мужъ не послалъ-бы тебя. Или ты, можетъ быть, станешь отпираться, что пришла по его приказу? Развѣ маріонетка имѣетъ свою волю? Дернуть ее за одну проволоку— повернется направо, за другую—налѣво.

— Мнѣ хотѣлось навѣстить васъ и поблагодарить за все, что вы для меня сдѣлали.

Эти слова, сказанныя отъ чистаго сердца, казалось, тронули больную.

— Охъ, мало я для тебя сдѣлала... проговорила она съ легкой ироніей.—Слѣдовало-бы лучше исполнить свои родственныя обязанности и внимательное смотрѣть за тобою. Не усмотрѣла... Ну да гдѣ-же удержать молодыхъ птичекъ. Чуть оперятся — сейчасъ хотять попробовать свои крылья. Заиграетъ птицеловъ на дудочкѣ—сейчасъ и летить глупая птица прямо въ силки... Что-жъ, ты сама выбрала свою долю. Захотѣла быть курицей, ну и кудахтай, кудахтай до могилы... А что твой мужъ? Все еще въ сорочьемъ парламентѣ? Или, распутивъ хвостъ, рассказываетъ всему курятнику, что ему удалось выстрекотать?

— Вы очень несправедливы къ Августу, тетушка. Его труды въ парламентѣ... вотъ хоть-бы, напримѣръ, желѣзная дорога...

— Да, да желѣзная дорога! Конечно, это его ружь дѣло... Тверди только почаще, пока сама не повѣришь... Да, что и говорить—настоящая жарь-птица твой Августъ... Эхъ, милая, читала я всѣ его рѣчи въ парламентѣ; избитыя фразы, избитыя фразы и ничего больше... Впрочемъ, этого и слѣдовало ожидать... Пусть какъ глиняный идолъ... И изъ-за этого онъ бросилъ домъ, пустил прахомъ хозяйство—не думай, объ этомъ трещать уже на всѣхъ перекресткахъ—бросилъ семью, дѣтей... Бѣдныя дѣтки... больно подумать, что съ ними станется...

Бетти была уязвлена до глубины души этими жестокими нападками, тѣмъ болѣе, что послѣ вчерашняго объясненія она утратила уже свою непоколебимую вѣру въ непогрѣшимость своего Августа и изъ словъ тетки видѣла ясно, что печальное состояніе денежныхъ дѣлъ мужа уже не составляетъ ни для кого тайны. Она обрадовалась, что хоть въ одномъ можетъ опровергнуть тетку.

— О, онъ прекрасный отецъ, горячо вступилась она.—Онъ постоянно думаетъ о дѣтяхъ и готовъ даже на разлуку съ ними, если это нужно для ихъ пользы.

— Вотъ какъ!

— Онъ все готовъ сдѣлать для ихъ воспитанія. Онъ даже говорилъ мнѣ, что думаетъ отдать ихъ въ пансіонъ.

— Въ самозъ дѣлѣ? Какъ видно, теперь завелись уже пан-

сіоны даже для сосуновъ... А кто-же за нихъ платитъ бюджетъ? Ужь не мнѣ-ли придется?

Эти слова, сказанныя довольно добродушнымъ тономъ, имѣли видъ родственнаго предложенія, хотя на самомъ дѣлѣ старухѣ хотѣлось только позондировать племянницу.

Бетти увидѣла устремленный на нее взглядъ, свѣтившійся какъ-нить-то страннымъ огнемъ. Привыкнувъ къ темнотѣ, она могла разглядѣть теперь и страшно исхудалое лицо больной, на которомъ еще острѣе торчали длинный носъ и костлявый подбородокъ. Кругомъ все было мрачно и таинственно. Какія-то тѣни, точно привидѣнія, мелькали по стѣнамъ и снова прятались въ черные углы. Бетти въ ужасѣ схватилась за ручки кресла. Ей пригрезилось, что она стоитъ лицомъ къ лицу со смертью, подкрадывающейся къ этой постели. На мгновеніе у нея мелькнула мысль, что тетка уже умерла. Она чуть не крикнула. Но слабый шопотъ прогналъ видѣніе:

— Какъ ты думаешь? спросила больная.

Бетти вспомнила наказъ мужа и собралась съ силами. Его она все-таки боялась больше всего на свѣтѣ.

— О, если-бы въ самомъ дѣлѣ вы что-нибудь пожелали сдѣлать для малютокъ... начала она запинаясь.

— А, наконецъ-то! Ну, ну смѣлѣй. Говори-же, что мнѣ повѣлѣваетъ твой владыка?

— Вы сами тетушка... заговорили объ этомъ... я-бы никогда не посмѣла...

— Не вилай... Я этого жду съ самого начала... Говори-же, чего угодно отъ меня господину Гартгаммеру?

— Мой мужъ полагаетъ... что мнѣ... то есть я и дѣтки...

Бѣдной женщинѣ было ужасно трудно выразить свою мысль. И отчего это Августъ не далъ ей на этотъ счетъ соответствующихъ наставленій? Онъ все умѣетъ такъ хорошо изложить и доказать... Она-же, простодушная женщина, можетъ только испортить все дѣло своей неумѣлостью... Но все-таки онъ ужасно разсердится, если она ничего не скажетъ. Нужно попробовать!

— Онъ полагаетъ, что мы, то есть я и дѣтки были немного обдѣлены... Такъ-какъ въ семействѣ Лангенековъ заіоратствъ **не** существуетъ, то по справедливости все имущество слѣдовало-бы **раздѣлить** на равныя части...

Больная, слушавшая все время, притаивъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова, съ мучительнымъ усиліемъ приподнялась съ постели. Ужасная улыбка искривила ея впалый ротъ. Бетти оцѣпенѣла, не смѣя продолжать. Но старуха закивала своей сѣдой головой:

— Чортъ возьми! Такъ, такъ! Совершенно справедливо! На равныя части! Да, да... Какъ прекрасно рассудилъ... На равныя части! Понимаю...—Она чуть слышно засмѣялась и еще сильнѣе закивала головою...—Онъ полагаетъ, что теперь я должна заглядеть ошибку... Да, да—по справедливости! О, можетъ быть покойнымъ. Я уже все сдѣлала. Будетъ много доволенъ; всякому достанется что ему слѣдуетъ... По справедливости... Я все уже предъусмотрѣла. Онъ вѣкъ будетъ меня помнить... Миѣ очень пріятно видѣть... что я не ошиблась... въ его благородномъ образѣ мыслей... и родственной любви...

Съ глухимъ стономъ она опрокинулась назадъ, сильно махнувъ лѣвой рукой, и такъ и застыла...

Съ громкимъ крикомъ Бетти вскочила и бросилась къ звонку. Но, прежде чѣмъ она успѣла прикоснуться къ нему, Марцелина и Лена уже вбѣжали въ комнату.

— Она умираетъ, умираетъ! кричала испуганная женщина и нѣсколько времени всѣ думали, что для больной наступили послѣднія минуты.

Припадокъ продолжался дольше чѣмъ во всѣ прошлые разы. Обѣ женщины начинали уже терять надежду, когда нѣсколько капель лекарства, влитыя больной въ ротъ, заставили ее, наконецъ, очнуться. Лена воспользовалась этимъ облегченіемъ, чтобы начать настоятельно уговаривать свою госпожу послать за капелланомъ. Нѣсколько разъ она уже заговаривала объ этомъ съ больною, но та каждый разъ отказывалась, говоря, что спѣшить еще нечего. Теперь, когда языкъ отказывался уже служить ей, она сдѣлала отрицательный знакъ рукою.

Бетти между тѣмъ была такъ потрясена всей этой сценой, что сама ежеминутно готова была лишиться сознанія. Марцелина должна была поддержать ее, чтобы она не свалилась съ ногъ.

— Это у васъ отъ спертаго воздуха, сказала дѣвушка.— Вы не привыкли; отведите ее, Лена, въ другую комнату. Стаканъ холодной воды и свѣжій воздухъ ей помогутъ.

Затѣмъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— И пошлите за докторомъ. Припадокъ былъ очень силенъ и можетъ повториться... Мы-же совершенно одни...

— Да, да, проворчала ключница, не обращая никакого вниманія, слышитъ-ли ее больная или нѣтъ—капеллана не нужно, а доктора нужно. По мнѣ такъ пора-бы о спасеніи души подумать, а то того и гляди отойдетъ безъ покаянія.

Затѣмъ Лена вывела едва стоящую на ногахъ Бетти въ соединенную комнату, гдѣ остановилась лишь на минуту, чтобы дать молодой женщинѣ вздохнуть. Она провела ее внизъ и только здѣсь, отворивъ окно, полувопросительно сказала:

— А знаете, я думаю, не послать-ли мнѣ самой за капелланомъ? Господинъ Гартгаммеръ тоже полагаетъ, что онъ скорѣе всѣхъ съумѣетъ подѣйствовать на ея совѣсть. Въ такой часъ никто не посмѣетъ загородить дорогу духовному лицу. Молодого барина нѣтъ. А съ мамзелью ужъ я управляюсь. Ахъ, Господи Іисусе! Точно у нехристей живешь.

Внезапное появленіе Іорга заставило старуху онѣмѣть, словно ее стукнули обухомъ по головѣ, хотя молодой человѣкъ, взбѣжавшій быстро по лѣстницѣ, очевидно не могъ слышать ея словъ.

О присутствіи сестры онъ узналъ уже отъ Христіана. Но онъ очень удивился, заставъ ее внизу. Когда-же ему было рассказано обо всемъ случившемся, онъ самъ принялся ухаживать за сестрой. Здѣсь ей нельзя было оставаться; сквозь открытое окно хлесталъ дождь. Комнаты давно уже не провѣтривались и въ нихъ пахло погребомъ. Онъ провелъ ее въ одинъ изъ жилыхъ покоевъ перваго этажа, гдѣ она нашла воду, вино и все нужное.

Снявъ съ нея шляпу, онъ помогъ ей улечься на диванъ и самъ подложилъ подъ голову подушку. Онъ подаль ей водни, смочивъ полотенце, приложилъ къ ея вискамъ, и успокоился только тогда, когда она сказала, что ей легче. Она крѣпко схватила его руку и долго не выпускала ее. Придвинувъ другою рукою стулъ, онъ сѣлъ съ ней рядомъ:

— Ты добръ Іоргъ, о, какъ ты добръ! тихо проговорила она и на минуту закрыла глаза.

Онъ отвѣчалъ ей только легкимъ рукопожатіемъ. Открывъ снова глаза, она закончила рядъ своихъ печальныхъ размышле-

ній восклицаніемъ:—Ахъ, если-бы и онъ убѣдился, наконецъ, въ этомъ!

— Не думай объ этомъ Бетти, успокаивалъ онъ ее какъ ребенка;—это меня больше не огорчаетъ. Въ жизни приходится привыкать къ несправедливымъ мнѣніямъ о себѣ. Только малодушные не могутъ удовольствоваться приговоромъ собственной совѣсти.

— Таковы всѣ вы мужчины! Вамъ ни до кого нѣтъ дѣла... Но подумай только, какъ было-бы хорошо жить всѣмъ въ мирѣ. Ахъ, если-бы только ты могъ убѣдить его, что не желаешь намъ ничего дурного!

— Въ этомъ я никого убѣждать не могу, отвѣчалъ Іоргъ съ холоднымъ спокойствіемъ. Да и что возразить противъ ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія?

— Тебѣ стоитъ только сказать одно дружеское слово, протянуть первому руку.

— Чтобы онъ оттолкнулъ ее? Ты не знаешь чего просишь милая сестра. Ты привыкла вѣчно сносить оскорбленія за оскорбленіями,—я не хочу тебя обидѣть, но это такъ—и потому ты не можешь больше понимать какъ оскорбленія отзываются въ душѣ у другихъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ, потому-что ты только станешь волноваться понапрасну.

— Ахъ, у меня и такъ ужъ голова идетъ кругомъ... Неужели ты полагаешь, что кто молчитъ, тотъ ни о чемъ не беспокоится? Всего тяжелѣе именно то, что приходится сдерживать въ себѣ и горе и волненія.

— Что съ тобой? Мнѣ рассказывали сегодня въ Петербургѣ о взрывѣ мины и о несчастіи, постигшемъ твоего мужа. Но онъ, говорятъ, отдѣлался сущими пустяками. Надѣюсь, что ему не грозитъ ничего серьезнаго?

— О, это меня ужасно перепугало, но это-бы еще ничего, вздохнула она.—Докторъ говоритъ, что никакой опасности нѣтъ. Августъ долженъ только нѣкоторое время беречься. Но этого-то онъ и не хочетъ дѣлать. У него желѣзная натура—это правда, но нельзя-же такъ налегать на нее; я боюсь какъ-бы поѣздка не повредила ему. Уже какъ я его просила, чтобы онъ подождалъ хоть одинъ день—ни за что не хотѣлъ. Можетъ быть, и взаправду что-нибудь очень спѣшное. Ахъ, Боже мой, я ничего хорошенько не знаю, но ужъ вѣрно дѣло плохо, если онъ со мной объ этомъ

заговорилъ. На меня напалъ такой страхъ, что когда его привели окровавленнаго домой, я въ первую минуту подумала, что онъ самъ надъ собою что-нибудь сдѣлалъ. Это было очень дурно съ моей стороны и въ душѣ я попросила у него прощенія, что я могла подумать о немъ такую вещь. Нѣтъ, Августъ не такой человѣкъ, чтобъ насъ однихъ бросить. Я вся холодѣю, когда подумаю объ этомъ. Дѣло, конечно, не до такой степени скверно, но на душѣ такъ тяжело, такъ неспокойно!

Горгъ сталъ настаивать, чтобы она высказалась яснѣе. Уже изъ того, что она сказала, онъ могъ догадываться, что всѣ его прежнія опасенія оказываются справедливы. Но этого ему было мало.

Бетти была такъ возбуждена, что не могла уже лежать на софѣ. Она сѣла и, держась за голову руками, принялась рассказывать, прерывая нѣсколько разъ свою рѣчь слезами, все, что она узнала отъ мужа о положеніи ихъ дѣлъ. Не пропустила она также и комедіи съ брилліантами.

— Хорошо-ли ты поступила или нѣтъ, что все ему отдала, въ этомъ я тебя не судья, сказала Горгъ, внимательно слушавшій ея тяжелую исповѣдь. Думаю только, что лучше было-бы не прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, потому-что ими никогда почти не пособишь бѣдѣ, разъ дѣло зашло такъ далеко. Но, можетъ быть, не все еще потеряно? Можетъ-быть, я-бы могъ помочь вамъ чѣмъ-нибудь, если-бы только онъ довѣрился мнѣ какъ родственникъ?..

— Въ томъ-то и горе, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ! вскричала Бетти;—никому не позволить онъ вмѣшиваться въ свои дѣла.

— Но вѣдь это и твои дѣла, а я тебя братъ.

— Тебѣ меньше чѣмъ кому-бы то ни было.

Она стала теперь припоминать всѣ успокоительныя завѣренія мужа, чтобы отклонить брата отъ пугавшаго ея вмѣшательства.

— Наши дѣла вовсе не до такой уже степени безнадежны. Лишь-бы только теперь какъ-нибудь перебиться, а потомъ все, можетъ быть, поправится. Съ тѣмъ, что намъ достанется отъ тетки, можно будетъ снова стать на ноги и обезпечить дѣтей. Дорогія земледѣльческія усовершенствованія Августа начнутъ приносить

плоды. Наконецъ, его самого должны же когда нибудь оцѣнить, и почему знать...

Она dokonчила свою фразу мысленно. Но такъ-какъ братъ угрожно молчалъ, она вдругъ съ безпокойствомъ вскинула на него глаза и прочла на его лицѣ сомнѣніе и недоувѣріе.

— Ты, можетъ быть, думаешь... тебѣ, можетъ быть, кажется... пролепетала она, запинаясь,— что наслѣдство можетъ ускользнуть у насъ изъ руки?

— Допустимъ, что это случится.

— Но тетя сама сказала мнѣ, что... Она снова оборвалась на полусловѣ. Въ ту самую минуту, когда она собиралась изложить основанія своей увѣренности, эта увѣренность вдругъ исчезла подъ наплывомъ зловѣщихъ воспоминаній. Она схватилась за голову и слезы закапали изъ ея глазъ. „О, она говорила такимъ страннымъ голосомъ... У нея было что-то такое въ лицѣ... У меня и тогда же мелькнуло въ душѣ дурное предчувствіе“... бормотала она сквозь слезы. Потомъ она вдругъ встала, схватила его за руку и нѣсколько мгновеній смотрѣла ему въ лицо, не рѣшаясь ничего выговорить.

— Скажи... ты уже все знаешь?... прошептала она, наконецъ, чуть слышно.

Юргъ положилъ ей руку на плечо.

— Я ничего не знаю, сказалъ онъ успокоительнымъ тономъ.— Но у тетки не разъ вырывались замѣчанія, изъ которыхъ я заключаю, что завѣщаніе ея не соответствуетъ вашимъ надеждамъ. Но не огорчайся этимъ Бетти. Можешь быть увѣрена, что ни ты, ни твои дѣти ничего отъ этого не потеряете. Разумѣется, будутъ приняты мѣры противъ новой растраты— но что-бы мнѣ ни досталось—мы все подѣлимъ по-братски.

Бетти замотала головою и зарыдала еще громче.

— Нѣтъ, никогда! Онъ ни за что не согласится. Онъ сказалъ, что лучше утонетъ, чѣмъ схватится за твою руку; лучше умереть съ голоду, чѣмъ приметъ что нибудь отъ тебя!

— Но вѣдь не ему я это и предлагаю, а тебѣ, сестра!

— Онъ со мной разведется. О, ты не знаешь какъ онъ непреклоненъ. Какую сцену онъ мнѣ сдѣлалъ, когда я только занялась, что къ тебѣ всегда можно обратиться за помощью... Нѣтъ

нѣтъ. А вторично я не рѣшусь взять ее у тебя тайкомъ... Все будетъ кончено между нами, если онъ узнаетъ...

— Но вѣдь это безуміе! Ты готова лучше погубить себя и дѣтей, чѣмъ разойтись съ нимъ?

— Онъ мой мужъ!

Пораженный глубиною этихъ простыхъ словъ, стоялъ Горгъ передъ своей сестрой. Упрекъ, внушенный ему за минуту возмущившимся разсудкомъ, замеръ на его губахъ.

— Что-же будетъ, спросилъ онъ въ безпомощномъ недоумѣніи, если, какъ я имѣю основаніе предполагать, ваша доля въ наслѣдствѣ, окажется очень не значительной?

— Тогда все погибло! простанала Бетти. — И меня, меня-же онъ обвинить въ нашемъ несчастіи. Меня-же станеть упрекать въ томъ, что я не сдѣлала или не постаралась склонить тетку на нашу сторону и противодѣйствовать твоему вліянію.

— Моему вліянію?

Только теперь Бетти сообразила, что проговорила. Она сдѣлала попытку поправиться, взять свое слово назадъ или по крайней мѣрѣ смягчить его, но запуталась еще больше, смутилась окончательно, такъ-что Горгъ безъ труда могъ понять въ чемъ именно его подозрѣваютъ.

— Такъ, стало-быть, онъ считаетъ меня способнымъ вынудить въ свою пользу завѣщаніе? рѣзко проговорилъ онъ вставая.

— Я этому не вѣрю! Клянусь тебѣ, что не вѣрю! рыдала Бетти.

— Но онъ...

Глаза его сверкали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Грудь дышала порывисто.

— О, что я за несчастная женщина! воскликнула Бетти, лояя руки. — Я умѣю только раздувать вражду между вами! Горгъ, Горгъ, не смотри такими страшными глазами. Прости ему! Не думай о мести! Онъ человѣкъ погибающій, раздраженный, измученный... Когда раненный врагъ посылаетъ тебѣ въ слѣдъ оскорбительное слово, развѣ ты вернешься назадъ, чтобы добить за это лежащаго на землѣ? — Прости ему... и такъ достаточно горя обрушилось на его голову, и если ты захочешь дать ему почувствовать твой гнѣвъ, то меня-же ты сдѣлаешь еще несчастнѣе, чѣмъ я теперь.

Горгъ подавилъ въ себѣ бѣшенство, готовое уже прорваться наружу.

Его безграничная любовь дала тебѣ даже силу краснорѣчія, сказалъ онъ съ удивленіемъ. — Но тяжело, повѣрь мнѣ, сносить подобное подозрѣніе...

— А развѣ тебѣ не достаточно голоса собственной совѣсти?

Возваніе къ его собственнымъ словамъ не могло не произвести своего дѣйствія на Горга. Онъ принялся всячески успокаивать взволнованную сестру.

Докторъ Лейхнеръ явился къ нему на помощь. Онъ зашелъ разспросить Горга о ходѣ послѣдняго припадка, прежде чѣмъ отправиться къ пациентѣ. Однако, серьезное выраженіе лица этого обыкновенно веселаго и довѣрчиваго человѣка заставляло предполагать, что онъ имѣетъ сообщить что-то необыкновенное и только не рѣшается сдѣлать этого при незнакомой дамѣ.

По просьбѣ Горга онъ осмотрѣлъ также и Бетти, ея пылающее лицо, отяжелѣвшія вѣки и мутные глаза съ перваго взгляда обнаруживали признаки начинающейся лихорадки.

— Пустяки, пустяки, повторяла она; — это отъ возбужденія.

— Напротивъ, сударыня, возразилъ докторъ; — ваше возбужденіе одинъ изъ симптомовъ болѣзни. Совѣтую вамъ быть осторожной, если не желаете нажать чего-нибудь серьезнаго.

Горгъ объявилъ, что ни за что не отпуститъ Бетти сегодня въ Шарбицъ, и, не обращая вниманія на всѣ ея просьбы, пошелъ распорядиться, чтобы ей устроили ночлегъ въ домѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, докторъ, выходявшій изъ комнаты фонъ Брюкнеръ, встрѣтилъ Горга въ глубокой задумчивости, ходившаго взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ подошелъ къ нему съ намѣреніемъ что-то сообщить.

— Теперь у насъ двѣ пациентки въ домѣ, сказалъ Горгъ.

— Завтра будетъ одна, отвѣчалъ докторъ серьезно.

— Вы хотите сказать, что сестра будетъ уже здорова?

— Не ручаюсь; я замѣтилъ у нея не простое временное нерасположеніе, а начало какой-то серьезной болѣзни... Я говорю, прибавилъ онъ, смотря прямо въ глаза Горгу, — о другой пациенткѣ которую мы, вѣроятно, потеряемъ сегодня ночью!

— Ахъ, Боже мой!

— Я васъ приготовилъ къ этому. Сегодня утромъ я уже былъ

почти увѣренъ въ такомъ исходѣ. Припадокъ повторился — вѣроятно вслѣдствіе какаго-нибудь нравственнаго возбужденія — и ускорилъ конецъ. Она лежитъ безъ сознанія, пульсъ сто-двадцать слишкомъ. Полагаю, что припадокъ не повторится, хотя думаю, что она угаснетъ спокойно... Приблизительно около полуночи...

Хотя Іоргъ и былъ приготовленъ къ этому извѣстію, однако, оно все-таки страшно потрясло его. Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ онъ настолько оправился, что могъ снова заговорить.

Вспомнивъ объ осторожномъ намекѣ доктора, что причиной припадка было, по всей вѣроятности, какое-нибудь нравственное потрясеніе, Іоргъ спросилъ, думаетъ-ли онъ, что припадокъ можетъ повториться.

— Очень вѣроятно, если что-нибудь снова сильно взволнуетъ больную.

— Въ такомъ случаѣ я беру на себя отвѣтственность... По моему нѣтъ ничего безжалостнѣе относительно умирающаго какъ поставить, такъ-сказать, значекъ на циферблатѣ часовъ и объявить: вотъ когда ты умрешь.

Докторъ Лейхнеръ кивнулъ головою.

— И сколько разъ это ускоряло самую смерть, согласился онъ. — Нужно только видѣть, какой ужасъ выражается въ глазахъ больного, когда предложить, хотя-бы самымъ осторожнымъ образомъ, вопросъ: не желаетъ-ли онъ помириться съ Богомъ... Впрочемъ, спохватился онъ, — мы вступаемъ въ философскій разговоръ, а мнѣ пора. Меня ждутъ у очень тяжелаго больного. Я могъ отлучиться только на нѣсколько минутъ. Иначе я провелъ бы здѣсь ночь, хотя помочь больше не въ силахъ...

Пожавъ другъ другу руки, они расстались.

Іоргъ взялъ свѣчу и пошелъ на верхъ. Его мѣсто было теперь у постели умирающей, которую онъ не могъ оставить на чужихъ рукахъ. — Чужихъ?

Онъ засталъ Марцелину въ комнатѣ смежной со спальней. Она сидѣла, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и что-то вышивала, опустивъ абажуръ, чтобы свѣтомъ не раздражать больную.

— Спать! тихо прошептала она, откладывая въ сторону свою работу. — Она совершенно спокойна, и потому я вышла сюда. Легче не спать за работою. И потомъ сидѣть, сложа руки, въ темно комнатѣ такъ тоскливо.

Легкая улыбка, съ какой были сказаны послѣднія слова, мгновенно исчезла съ лица Марцелины, лишь только она взглянула на Гюрга.

— Что съ вами? спросила она.— На васъ лица нѣтъ. Что случилось?

— Ничего, ничего!

— Можетъ быть, вы насчетъ сестры беспокоитесь? Такъ это пустяки, повѣрьте. Она просто испугалась припадка, съ непривычки. Или не сказалъ-ли чего докторъ насчетъ тетушки? прибавила молодая дѣвушка съ волненіемъ.

Гюргъ ласково принялся успокаивать ее. Онъ не хотѣлъ сообщать ей заранѣе рокового приговора.

— Какъ вы измучились! сказалъ онъ, смотря на ея блѣдное, истощенное ночными бѣднѣями, лицо.— Вы совсѣмъ не щадите себя.

— Это моя обязанность.

— Нѣтъ, обязанность не простирается такъ далеко, сказалъ онъ почти нетерпѣливо.— Вы, того и гляди, свалитесь съ ногъ отъ чрезмерныхъ усилій.

— Я дѣлаю это охотно...

Онъ взялъ ее за руку.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, милая Марцелина, за это доброе слово, проговорилъ онъ задушевымъ тономъ.— Вы ухаживаете за этой бѣдной женщиной, — почти замѣнявшей для меня мать, — не какъ чужая, а какъ родная дочь. Да будетъ благоденственна эта рука!

Онъ поднялъ къ губамъ ея руку и тихо поцѣловалъ.

Смущенная, сконфуженная, точно молоденькая дѣвочка при первой любозности, она пролепетала, вырывая руку:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ. Не то я снова сдѣлаюсь такой-же какъ была.

Онъ тоже отступилъ назадъ.

Время и мѣсто вовсе не соотвѣствовали подобному объясненію.

— Сегодня у меня къ вамъ просьба, проговорилъ онъ совершенно другимъ тономъ.— Уступите мнѣ на сегодняшнюю ночь ваше мѣсто.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ мы подѣлимъ наши обязанности, отвѣчала она.— Я пойду къ вашей сестрѣ.

Безъ шума собрала она свою работу и тихо выскользнула изъ

комнаты. У двери она обернулась и, дружески кивнувъ головою, прошептала.

— Спокойной ночи!

ГЛАВА XIII.

Ночь.

Нигдѣ ни звука. Только маятникъ пророчно тикаетъ, словно страшно торопится. А время между тѣмъ тянется мучительно медленно. Вотъ часы зашипѣли. Иоргъ медленно поднялъ голову и сталъ считать. „Разъ... два... три... Одиннадцать“!

Отъ времени до времени онъ поглядываетъ на больную, лежащую на кровати пластомъ, точно мертвая. Только рука ея, вытянутая поверхъ одѣяла, чуть-чуть пошевеливается, обнаруживая, что жизнь еще не отлетѣла отъ этого полумертвого тѣла.

Иоргъ перенесъ лампу въ спальную и поставилъ ее на комодъ, за спинку кровати, такъ-что свѣтъ чуть проникалъ за плотный, слегка откиннутый шелковый пологъ.

Самъ Иоргъ, придвинувъ кресло къ постели, уже нѣсколько часовъ сидѣлъ въ немъ съ неподвижностью мертвеца, застыншаго въ одной позѣ. Онъ прислушивался къ голосамъ, раздававшимся въ его собственномъ сердцѣ, и присматривался къ тѣнямъ, выступавшимъ на мгновение на черномъ фонѣ открытой въ сосѣдную комнату двери. Тѣни эти то облакались въ краски жизни, то снова блѣднѣли и таяли въ пространствѣ, уступая мѣсто новымъ видѣніямъ.

Иногда это были далекія страны, имъ посѣщенныя или-же только заинтересовавшія его воображеніе. Иногда это были сцены изъ окружающей жизни, воспроизводимыя съ фотографической точностью, причеиъ лица давно забытыя переиѣшивались съ вчерашними знакомыми. Ему видѣлась Марцелина, то смущенная и робкая, какою она только-что попрощалась съ нимъ, то, мгновенно измѣняя форму, являлась передъ нимъ въ образѣ горнаго охотника, какъ въ Мартинсбадѣ, то снова преобразалась въ залитую луннымъ свѣтомъ лѣсную фею, какою она мелькнула передъ нимъ въ саду въ тотъ незабвенный вечеръ... Вотъ передъ нимъ сидитъ Бетти, и ея жалобы снова раздаются въ его ухахъ... Но всѣхъ докучливѣе преслѣдовалъ его зять — надменный и заносчивый —

бросавшій ему въ лицо, съ язвительной усмѣшкой, обвиненія во всевозможныхъ несправедливостяхъ и обидахъ и, наконецъ, въ гнусныхъ интригахъ изъ-за наслѣдства: обвиненія до такой степени возмутительныя, что у Гюрга кровь закипала каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ объ этомъ. Тогда, чтобы успокоить себя, онъ начиналъ думать о бѣдной женщинѣ сдѣлавшейся жертвой этой слѣпой вражды... Да, эти злополучныя подозрѣнія причинили уже не мало бѣдъ, и теперь они разлучаютъ самыхъ близкихъ родственниковъ, когда все спасеніе ихъ въ дружескомъ союзѣ. Что будетъ, если этотъ упрямый и самолюбивый человѣкъ, на несчастіе свое и своей семьѣ, не захочетъ идти ни на какія компромиссы? Какъ въ такомъ случаѣ помочь ему? „Лучше утонетъ, лучше умереть съ голоду чѣмъ принять его помощь!“ Да, въ своей безумной ненависти онъ способенъ на это, и даже больше: онъ заставитъ раздѣлить свою участь женщину, безсилно отдавшую себя и дѣтей въ его полное распоряженіе.

Августъ рассчитывалъ выпутаться изъ бѣды при помощи наслѣдства, которое достанется ему отъ тетки. Но Гюргъ зналъ почти навѣрное, что его надеждамъ не суждено осуществиться. Намеки старухи на этотъ счетъ были слишкомъ прозрачны. Когда-же эти мечты будутъ разбиты — что долженъ почувствовать несчастный, стоящій уже на краю пропасти? Конечно, вѣтъ себя отъ бѣшенства, онъ накинется на того, кого считаетъ виновникомъ этой послѣдней тягчайшей обиды, подтверждающей всѣ его прежнія обвиненія. Гюргъ видѣлъ предъ собою своего врага, съ ехидной насмѣшкой указывающаго на него пальцемъ.

„Видите, я зналъ, что онъ меня надуетъ на наслѣдствѣ!“ говорить онъ, и толпа, всегда завидующая счастливымъ и цинически вѣрящая всему низкому, кивала, въ знакъ согласія, головою и обвиняла „бездушнаго эгоиста, способнаго ограбить родную сестру и беззащитныхъ дѣтей“.

Гюргъ слышалъ эти голоса. Каждое слово, какъ ножомъ, рѣзало ему сердце. Предъ нимъ вставалъ Августъ, съ презрѣніемъ отвергающій предлагаемый ему подарокъ... И толпа снова на сторонѣ врага; она удивляется и рукоплещетъ гордой непокорности и смѣется надъ Гюргомъ, обвиняя его въ трусости, если даже онъ откажется отъ всего наслѣдства.

„Местъ за потерю депутатскаго мѣста!“ раздавались въ его

ушахъ коварныя замѣчанія. „Не смогъ сладить на выборахъ, такъ доканаль у постели умирающей, это вѣдь гораздо легче“!

Іоргъ задрожалъ отъ бѣшенства. О, какъ-бы ему хотѣлось вызвать всѣхъ этихъ гнусныхъ клеветниковъ къ барьеру... Очевидно, не всегда голосъ собственной совѣсти достаточно для душевнаго спокойствія. Вдругъ раздался какой-то шумъ: не то замершій шопотъ, не то вздохъ. Всѣ видѣнія исчезли. Іоргъ снова очутился въ комнатѣ умирающей... Онъ заботливо наклонился къ теткѣ. Глазъ ея былъ открытъ.

— Подай... начала она съ видимымъ усиліемъ, но тотчасъ же остановилась, какъ-будто встрѣтивъ непреодолимое препятствіе.

— Что вамъ подать, тетушка? нѣжно спросилъ Іоргъ, схвативъ почти неподвижную руку, лежавшую поверхъ одѣала.

Больная взглянула на него, точно стараясь что-то припомнить. Потомъ она докончила свою мысль, но такъ странно, что Іоргъ не зналъ, относится-ли послѣднее слово къ прежней мысли или-же составляетъ начало какого-нибудь новаго бреда разстроеннаго мозга.

— Сургучъ!.. прозвучало какъ-то дико среди ночной тишины.

— Сургучъ? Зачѣмъ вамъ сургучъ? Вы хотите что-нибудь запечатать?

Онъ не получилъ никакого отвѣта. Больная снова погрузилась въ оцѣпененіе. Іоргъ влилъ ей въ ротъ нѣсколько ложекъ вина, которымъ она подерѣплялась отъ времени до времени. Вино оказало свое дѣйствіе.

Больная пробормотала еще нѣсколько невнятныхъ словъ, но мало по малу ея слова и мысли стали болѣе связными.

— Грейцль... проговорила она послѣ нѣкоторой паузы... Позови Грейцля...

— Вы забыли тетушка, что Грейцль уѣхалъ и еще не вернулся. Онъ пріѣдетъ и расскажетъ вамъ что видѣлъ и слышалъ. Это вамъ будетъ очень интересно.

Онъ успокоивалъ ее какъ маленькаго ребенка, печально улыбаясь внутренно своему обману. Гдѣ-то она будетъ, когда вернется ея старій другъ!..

— Жаль, что его нѣтъ... проговорила больная послѣ небольшой паузы. Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ?..

— Да уѣхалъ... Жаль, сказалъ Іоргъ, стараясь вторить ея

мыслямъ;—съ нимъ такъ пріятно поговорить, онъ такъ хорошо рассказываетъ.

— Не дасть слова сказать, все самъ трещить... возразила старуха значительно живѣе.

Іоргъ былъ удивленъ ясностью мысли, обнаруживавшейся въ послѣднихъ словахъ. Оцѣпенѣніе, казалось, совершенно разсѣялось. Мозгъ ожилъ, а съ нимъ вѣстѣ и тѣло. Можетъ быть, докторъ ошибся относительно близости катастрофы? Каждый лишній день въ жизни дорогихъ для насъ людей кажется намъ подаркомъ неба.

Однако, возвратившееся на минуту сознание, казалось, снова отлетѣло отъ больной. Іоргъ не получилъ никакого отвѣта на нѣсколько шуточныхъ замѣчаній относительно путешествія Грейпла и даже глазъ больной снова закрылся, но на этотъ разъ не на долго.

Съ безпокойствомъ Іоргъ сталъ замѣчать въ больной признаки все усиливающагося возбужденія. Губы ея зашевелились, точно сидясь что-то произнести. Затѣмъ раздалась невнятные, отрывочные слова и звуки. Молодой человѣкъ взялъ больную за руку, тревожно прислушиваясь.

— Георгій!.. Святой Георгій!.. нѣсколько разъ пробормотала старуха.—Затѣмъ глазъ ея вдругъ широко раскрылся съ выраженіемъ ужаса. Больная едѣлала нѣсколько бесплодныхъ попытокъ поднять голову. Іоргъ поправилъ подушки.

— Ну что, теперь лучше, тетушка? спросилъ онъ. Но она его не слушала.

— Они хотятъ... прогнать Георгія... изъ моего дома... жметъ больная такъ быстро, какъ ей позволяло прерывающееся дыханіе. — Но я не позволю, нѣтъ, нѣтъ! Возьми его... пока они не ворвались!

Очевидно, начинался бредъ. Іоргъ сталъ уговаривать тетку успокоиться. Но онъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторить свои слова, потому что въ первый разъ больная его не слыхала. Наконецъ, она взглянула на него какимъ-то дикимъ и страннымъ взглядомъ.

— Будьте покойны, все останется какъ было, сказалъ онъ.

Она кивнула головой.

— Такъ, такъ...—Однако, старуха снова заметалась.—Смотри, она здѣсь!.. прогони ее!.. вонь, вонь!.. Видишь уже хватаетъ... Гони ее!.. Это онъ ее подослалъ, коршунъ—шарбицкій коршунъ,

онъ уже точить когти... Не пускай его въ домъ св. Георгія — это рыцарскій домъ! Не хочу, чтобъ въ немъ свилъ себѣ гнѣздо коршунъ — гони его, Горгъ... Слышишь... гони!

Если это и былъ бредъ, то въ немъ ясно отражалось настроеніе духа больной. Горгъ понялъ теперь, что ее беспокоитъ и чего она хочетъ.

— Вы обижаете Бетти, тетущка; она васъ искренно любитъ. Мужъ ея тоже не скверный человѣкъ...

Онъ хотѣлъ-бы сказать: „раздѣлите наслѣдство“, но у него не поворачивался языкъ, чтобы произнести эти слова, которыя такъ жестоко напомнили-бы больной о смерти. Но тетка точно угадала его мысли.

— Знаешь, она требуетъ, чтобъ я раздѣлила наслѣдство... по справедливости, проговорила она на этотъ разъ довольно связно. Онъ стоялъ тамъ за дверью и подсказывалъ ей, — я слышала! Хорошо, хорошо — по справедливости! Чье все это? Мое! Бому я обязана отдавать въ этомъ отчетъ? Никому! Я могу дѣлать съ этимъ все, что захочу. Слышишь, какъ онъ вопить: „по справедливости!“ Да, да, такъ пусть и будетъ — любовь за любовь, ненависть за ненависть!

Злой смѣхъ, сопровождавшій послѣднія слова, перешелъ внезапно въ какой-то дикій вой.

— Вотъ онъ, вотъ онъ идетъ! Онъ хочетъ меня ограбить. Шкатулку! Скорѣй шкатулку!.. Больная находилась въ такомъ состояніи, что Горгъ счелъ за лучшее исполнить ея желаніе. Взявъ со стола ключъ, онъ подошелъ къ комоду и, вынувъ оттуда шкатулку, поставилъ ее на кровать къ теткѣ.

— Открой, открой! простонала она, тщетно стараясь найти на шеѣ ключикъ. Горгъ помогъ ей и, снявъ съ ея шею ключъ, всунулъ его ей въ руку. Но старуха была не въ силахъ открыть шкатулку, такъ-что Горгъ долженъ былъ это сдѣлать самъ. Но лишь только онъ откинулъ крышку, больная съ какой-то жадностью схватила пакетъ съ надписью: „Мое завѣщаніе“ и подала его ему.

— Возьми, спрячь! повторяла она испуганнымъ голосомъ, — не то они отнимутъ. Пусть все достанется тебѣ одному. Не хочу пускать въ свой домъ коршуновъ, они сорвутъ Георгія — рыцаря Георгія!

Когда Горгъ взялъ пакетъ изъ рукъ тетки, она замѣтно успокоилась.

— Теперь хорошо, хорошо! прошептала она. — Спасибо, спасибо! Она спокойно выпила глотокъ вина, поданнаго Гюргомъ, и тихо положила голову на подушку.

— Вамъ, можетъ быть, хочется заснуть? спросилъ Гюргъ. — Не нужно-ли поправить подушки?

Онъ наклонился надъ нею, такъ-что она должна была почувствовать его теплое дыханіе; она широко раскрыла слегка прищуренный глазъ и взглянула на него съ какимъ-то удивленіемъ.

— Мнѣ хорошо, спасибо! отвѣчала она, опуская вѣко.

Въ комнатѣ снова наступила тишина. Только дождь уныло барабанилъ по стеклу, да маятникъ проворно тикалъ на комодѣ. Вотъ зашипѣли часы. Гюргъ, неподвижно сидѣвшій въ креслѣ, машинально началъ считать. Двѣнадцать!

Снова изъ мрака зіяющей двери выступали туманныя видѣнія. Но теперь между ними не было уже ни одного свѣтлаго образа. Прохладныя рощицы и смѣющіяся долины не манили больше къ отдыху. Ничья дружеская головка не кивала, проносясь мимо. Только ненависть, злорадство, зависть съ искаженными лицами толпились вокругъ него, грозя ему своими костлявыми кулаками.

Ему казалось, что онъ слышитъ слово за слово все, что говорила тетка, но только теперь ей возражалъ чей-то голосъ, сперва издали, потомъ все ближе и ближе. Вдругъ Августъ очутился у постели умирающей; та привстала и между ними начался дикій и свирѣпый споръ, причемъ каждый требовалъ, чтобы онъ вступилъ съ нимъ въ союзъ противъ другого.

Такъ шли часы за часами, и только когда на комодѣ снова раздалось знакомое шипѣніе, онъ очнулся и машинально сталъ считать: одинъ, два!

Гюргъ встрепенулся, точно отъ сна. „Вѣроятно около полуночи“, мелькнули у него слова врача.

„Какъ жестока природа, заставляющая человѣка ждать смерти другого! подумалъ онъ. — Что можетъ быть ужаснѣе, какъ считать часы и минуты, зная, что вотъ тогда-то дорогой человѣкъ долженъ умереть и ты ничѣмъ не можешь предотвратить смерти“.

Онъ наклонился надъ больной. Какъ она была спокойна! Даже дыханіе, которое онъ прежде такъ ясно слышалъ, теперь было совершенно незамѣтно... Сердце его сильно екнуло! Онъ прикоснулся...

Все было кончено.

Рука, скользнувъ съ одѣяла, бессильно опустилась внизъ. Она была холодна, какъ ледъ. Губы застыли; пламя свѣчки, поднесенной къ нимъ, не пошевелинулось. Желтое лицо неподвижно обрисовывалось на бѣлыхъ подушкахъ. Она угасла безъ боли, безъ страданій, тихо, беззвучно. Не простившись!.. Горгу показалось, какъ-будто что-то сжимаетъ ему грудь. Последнее самое нѣжное, самое задушевное слово не было произнесено и никогда... никогда уже произнесено не будетъ!

Охваченный глубокимъ, жгучимъ горемъ, Горгъ наклонился, поцѣловалъ холодный лобъ и слезы горячей струей полились изъ его глазъ. Онъ зналъ, что это должно было случиться, но только теперь понялъ, какую пустоту оставила въ его сердцѣ эта потеря.

Итакъ, вотъ все, что осталось отъ человѣка!

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, Горгъ взялъ въ руку шнурокъ, висѣвшій надъ постелью больной, чтобы позвонить Лепу и уже натянулъ было его, но тутъ ему пришло въ голову, что онъ разбудитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сестру и Марцелину. Онъ тихо выпустилъ изъ рукъ шнурокъ. Зачѣмъ тревожить ихъ? Чѣмъ позже онъ узнаютъ, тѣмъ лучше. Онъ самъ сходить за служанкой.

Взглядъ его упалъ на шкатулку, все еще стоявшую на постели. Горькая улыбка скользнула по его губамъ.

Вотъ сокровище, изъ-за котораго такъ сильно волновалась бѣдная женщина, даже въ послѣднія минуты своей жизни. А теперь...

Нерѣшительно и робко, точно совершая кражу, взялъ онъ шкатулку и поставилъ ее снова въ комодъ. Но тутъ ему вспомнилось завѣщаніе. Онъ вынулъ его изъ бокового кармана съ тѣмъ, чтобы положить его обратно. Но для этого слѣдовало открыть шкатулку, снявъ ключъ съ шеи трупа. Онъ былъ не въ силахъ сдѣлать это и потому рѣшилъ положить пакетъ сверху.

Но вѣдь онъ былъ отданъ ему на храненіе. Горгъ нерѣшительно взглянулъ на него. Что это? Печать сломана! Скажутъ, что онъ самъ вскрылъ пакетъ, въ минуту алчнаго возбужденія, не будучи въ состояніи дожидаться вскрытія завѣщанія законнымъ порядкомъ. А между тѣмъ развѣ не имѣлъ онъ на то права? Развѣ не ему передала покойница это злополучное завѣщаніе собственноручно?

„Въ припадкѣ умопомраченія“, шепнула ему совѣсть.

Но онъ уже подошелъ къ лампѣ и развернулъ гербовой листъ. То, что онъ прочелъ въ немъ, нисколько его не удивило. По завѣщанію, написанному теткою собственноручно много лѣтъ тому назадъ, онъ назначался ея единственнымъ наслѣдникомъ. Домъ со службами поступалъ въ его полное и безусловное распоряженіе, равно какъ и остальное недвижимое и движимое имущество. Ему предписывалось лишь выдать незначительную долю наслѣдства нѣкоторымъ родственникамъ и близкимъ. Племянницѣ своей Бетти покойница завѣщала пятьсотъ гульденовъ „на покупку траурнаго платья для себя и дѣтей“. Къ этому присоединялся еще „широкій золотой браслетъ съ тремя жемчужинами и съ большимъ медальономъ, куда она можетъ прятать, въ миниатюрѣ, парламентскія рѣчи своего супруга“.

Это было единственное мѣсто, гдѣ упоминалось объ Августѣ. Иначе можно было-бы подумать, что покойница нечаянно совершенно забыла о немъ. Очевидно, она хотѣла дать почувствовать, что умышленно исключила его изъ завѣщанія; она мстила ему даже за гробомъ.

Христіанъ и Лена также были упомянуты: каждому изъ нихъ назначалось по тысячѣ гульденовъ, „чтобы они могли откупить себя мѣсто въ богадѣльнѣ, если средства не позволятъ имъ жить, не прибѣгая къ общественной благотворительности. Ленѣ завѣщалось сверхъ того все платье и бѣлье, „чтобы во всю жизнь ей не пришлось покупать новаго“.

Такая-же сумма завѣщалась и Грейплю, какъ ея душеприказчику.

Свидѣтелями подписались: Альбрехтъ фонъ-Паришъ-Лангенекъ, покойный отецъ Йорга, и Францъ Арнольдъ, ремесленникъ, также давно умершій.

За всѣмъ этимъ слѣдовала приписка неровнымъ, дрожащимъ почеркомъ: „всѣ мои драгоценности, за исключеніемъ вышеупомянутаго браслета, завѣщаю Марцелинѣ Арнольдъ, моей компаньонкѣ, на случай, если она останется при мнѣ до моей смерти“.

Последняя приписка была помѣчена тѣмъ самымъ днемъ, когда Марцелина подумала, что она навсегда разсорилась съ покойницей и что ей придется оставить домъ.

Какъ Йоргъ узнавалъ свою тетку въ каждой строчкѣ этого завѣщанія! Какая материнская заботливость и вмѣстѣ съ тѣмъ какое упорство въ ненависти! Онъ чувствовалъ съ какимъ злорад-

ствомъ должна была она мечтать о разочарованіи „шарбицкаго выскочки“.

— О, да, разочарованіе будетъ ужасное. Но только объ одномъ не подумала бѣдная старуха, что ударъ, наносимый ею врагу, гораздо болѣзненнѣе отзовется на томъ, кого она надѣялась осчастливить.

Горъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ, схвативъ голову руками и думалъ, какой градъ клеветъ, упрековъ, проклятій обрушится на него со стороны обманутаго въ своихъ надеждахъ человѣка. А изъ-за чего? Изъ-за жалкихъ денегъ, которыхъ онъ не искалъ и которыя ему не нужны.

Что если-бы этого листка бумаги не существовало? Сколько зла было-бы устранено!

Но развѣ этотъ листокъ можетъ существовать, если онъ этого не захочетъ? Развѣ онъ не отданъ въ его полное распоряженіе? Въ головѣ его мелькнула новая мысль.

Вѣдь съ его стороны будетъ чистымъ безуміемъ, если изъ-за совершенно ненужныхъ для него богатствъ онъ допуститъ разразиться всѣмъ бѣдствіямъ, которыя онъ ясно предвидитъ. Отчего-бы ему не уничтожить это завѣщаніе, источникъ будущихъ раздоровъ? Свидѣтели умерли, никто о немъ не знаетъ, за исключеніемъ одного, быть можетъ, человѣка — Грейпла; но его легко будетъ уговорить молчать.

„Кто можетъ быть на это въ обидѣ? спрашивалъ самъ себя Горъ въ радостномъ возбужденіи. Только одинъ потерпѣвшій, другими словами, я самъ. Если другой экземпляръ завѣщанія хранится въ судѣ, то и тогда дѣло поправимо. Но этого я не думаю: покойница такъ боялась, чтобы пакетъ не былъ потерянъ, что очевидно этотъ экземпляръ единственный и потому я правъ вдвойнѣ“.

Съ этими словами онъ поднесъ развернутый листъ къ свѣчѣ. Въ одно мгновеніе поднялись огненные языки и по прошествіи нѣсколькихъ секундъ отъ завѣщанія осталась лишь вучка пепла. Горъ держалъ его, пока ему не начало обжигать пальцевъ, затѣмъ, отворивъ дверцу печки, бросилъ туда сморщенный комокъ пепла.

Онъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно. Теперь все кон-

чено. Вражда и ненависть, готовыя ворваться въ нѣдра ихъ семьи, прогнаны навсегда.

Легкій шорохъ заставилъ его быстро обернуться. Въ комнатѣ никого. Неужели это ему пригрезилось?

Онъ невольно кинулъ взглядъ на мертвую. Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Неужели справедливо повѣрье, что мертвые могутъ вмѣшиваться въ дѣла живыхъ... А что если съ ней былъ лишь одинъ изъ ея припадковъ и теперь, очнувшись, она была свидѣтельницей его измѣны?

Но нѣтъ—это предположеніе было фантастично. Покойница лежала холодная, окостенѣлая, какъ и прежде.

Подавивъ въ себѣ приступъ суевѣрнаго страха, Гюргъ взялъ свѣчу и, выйдя изъ комнаты, тихо спустился внизъ, чтобы позвать людей. Христіанъ долженъ былъ сходить за просвирней и за гробовщикомъ, исполняющимъ въ маленькихъ городахъ всѣ погребальныя обязанности. Лена должна была помочь просвирнѣ убрать тѣло. Что-же касается Бетти и Марцелины, то онъ полагалъ не сообщать имъ печальнаго извѣстія до утра. Однако, Лена на этотъ счетъ была совѣтъ иного мнѣнія. Несмотря на ея громкія увѣренія въ преданности своей госпожѣ, она не рѣшалась подойти къ ней ночью одна. Въ компаніи все-таки не такъ страшно и потому, не долго думая, она постучалась у дверей Марцелины и была чрезвычайно удивлена, когда та тотчасъ-же ее впустила. Волненіе ключницы было такъ велико, что она совершенно не обратила вниманія на странное спокойствіе, съ какимъ Марцелина выслушала сообщенное ей извѣстіе о смерти госпожи. Беззвучно вышла блѣдная дѣвушка изъ своей комнаты, осторожно затворивъ за собою дверь, чтобы не разбудить спящую Бетти. Она спустилась внизъ и безъ всякихъ колебаній вошла въ комнату покойницы. Лена, дрожа всѣмъ тѣломъ, кое-какъ плелась за нею.

Когда первый страхъ прошелъ и неподвижное лицо покойницы было закрыто простыней, ключница нѣсколько успокоилась и лишь столь мало свойственная ей болтливость обнаруживала ея волненіе.

Нужно остановить часы, чтобы они показывали часъ смерти. Лампа горитъ слишкомъ тускло. Какое платье слѣдуетъ приготовить для покойницы? и дозвоительно-ли употреблять фальшивые свѣдые локоны?—Эти и имъ подобныя вопросы занимали старую

ключницу, пока она суетливо металась по комнатѣ. Вдругъ она остановилась.

— Обратите вниманіе, какой странный запахъ въ комнатѣ, проговорила она, озираясь.—Какъ-будто что-то горитъ. Неужели молодой баринъ уронилъ огонь куда-нибудь за занавѣску? Не доставало только еще этого!

На этотъ разъ Марцелина была-бы въ состояніи дать старухѣ исполнѣе удовлетворительный отвѣтъ. Всего нѣсколько минутъ тому назадъ она стояла на этомъ порогѣ и съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, видѣла сцену истребленія документа. До сихъ поръ при одномъ воспоминаніи объ этомъ кровь застывала у нея въ жилахъ.

Услыхавъ легкій, едва уловимый, звукъ колокольчика, произведенный прикосновеніемъ Гюрга къ шнуру, Марцелина, находившаяся все время въ сильномъ безпокойствѣ, подъ вліяніемъ какого-то смутнаго предчувствія, спустилась внизъ. Сквозь открытую дверь спальни она увидѣла ярко пылавшую бумагу. Сперва это зрѣлище поразило ее удивленіемъ, затѣмъ ее охватилъ какой-то смутный, зловѣщій страхъ и она убѣжала такъ-же неслышно, какъ и пришла.

Теперь она вздрогнула, но ничего не сказала въ отвѣтъ на замѣчаніе Лени. Старуха между тѣмъ осматривала занавѣски кровати и оконъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли гдѣ огня.

— Отъ печки вѣдь это не можетъ быть, сказала она, подходя къ дверцамъ,—потому-что пахнетъ какъ-будто жженной бумагой.

Марцелина задрожала.

— Иногда жгутъ бумагу нарочно, чтобы очистить воздухъ, сказала она.

Тѣмъ временемъ Леиа, все еще опасаясь пожара, отворила дверцу печки и сунула туда руку, чтобы удостовѣриться, не тлѣютъ-ли тамъ уголья.

— Нѣтъ, мы со вчерашняго вечера не топили;—барыня не велѣла. Точно предчувствовала, что ей скоро уже не понадобится тепла.—Зола, одна зола—только клочекъ какой-то бумажки.

Она вынула руку изъ печки, подавая Марцелинѣ тонкую полоску полуобгорѣлой бумаги.

— Посмотрите, какой странный почеркъ, проговорила она, ничего нельзя разобрать. Не знаете-ли, чья это рука?

Марцелинѣ достаточно было одного взгляда, чтобы узнать этотъ

почеркъ. Сохранившіеся обрывки трехъ строчекъ содержали въ себѣ слѣдующее:

„...мянутого брасле...

„.....минь Арнольдъ, моей компан....

„при мнѣ до моей смерти

Марцелина не обратила въ эту минуту никакого вниманія на смыслъ самихъ словъ. Но предъ нею всталъ съ ужасающей очевидностью смыслъ факта, который она лишь смутно заподозрила, при видѣ страннаго поступка Іорга. Однако, тогда, послѣ перваго бессознательнаго впечатлѣнія, она съ негодованіемъ отвергла свое подозрѣніе, какъ совершенно нелѣпое. Теперь-же оно подтверждалось съ убійственной неопровержимостью. Этотъ почеркъ она отлично знала, потому-что видѣла, какъ однажды покойница лѣвой рукой подписывала одинъ документъ.

— Такъ значитъ... бормотала она, точно ошеломленная, инстинктивно хватая влочокъ обгорѣлой бумажки. — Въ ту-же минуту раздался громкій крикъ: Ленѣ показалось, будто что-то зашуршало. Но это былъ шелестъ конверта, застрявшаго между складками занавѣси и теперь упавшаго на полъ.

— Мнѣ показалось, будто покойница... пробормотала Лена, запинаясь.

Въ комнатѣ царствовала зловѣщая тишина; догоравшая свѣча то вспыхивала, то потухала, бросая на стѣну причудливыя тѣни.

— Какъ я испугалась! сказала Лена, стараясь улыбнуться. Но улыбка вышла у нея похожей скорѣе на гримасу.

Когда она взглянула на блѣдную, дрожащую Марцелину, то испугалась еще больше, привыкнувъ видѣть ее всегда спокойной.

— Нѣтъ, это пустяки—мертвые не встаютъ, проговорила Лена для собственнаго успокоенія. А куда-жъ дѣвалась бумажка?

— Не знаю... унала... отвѣчала Марцелина нетвердымъ голосомъ. Она лгала, потому-что предательская бумага скользнула въ ее карманъ въ то время, когда Лена отвернулась.

Ключница была такъ взволнована, что не обратила вниманія на ея отвѣтъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, а провести ночь съ мертвой страшно. Не хотѣла-бы я быть одной. Мнѣ-бы все мерещилось, что она вотъ-вотъ пошевелинется. Къ тому-же и умерла-то, бѣдная, безъ покаянія. Каково-то ей будетъ на томъ свѣтѣ? Ну чтожь! я тутъ

ни причесть, потому-что столько разъ напоминала объ этомъ. А знаете что, барышня? прибавила старуха оживляясь, — я лучше пойду на кухню и сварю вамъ кофе. Что-то холодно. Вы тоже ступайте лучше наверхъ къ своей больной. Пока придетъ просвирия, дѣлать все равно нечего. Да вдобавокъ и она прежде всего потребуетъ кофе. Ужь я ее знаю. Пойдемте, барышня, пойдемте.

Неспокойно прошла эта ночь въ сбромъ домикѣ. Рано утромъ, едва только взошло солнце, у воротъ раздался сильный звонокъ. Это былъ работникъ изъ Шарбица, требовавшій, чтобъ его немедленно допустили къ его госпожѣ.

Бетти уже встала. Извѣстiе о смерти тетки до такой степени потрясло ее, что когда ей сообщили о прибытiи работника изъ Шарбица, ей тотчасъ-же показалось, что онъ долженъ принести съ собою какую-нибудь ужасную вѣсть.

— Дѣти! дѣти! вскричала она.

Работникъ дѣйствительно прiѣхалъ изъ-за нихъ, хотя дѣло было не до такой степени отчаянно, какъ подумала въ первую минуту мать. Онѣ были живы; вѣроятно, даже ничего особенно опаснаго не было. Но Жюли послала сказать барынѣ, что у Эрнеста появилась корь и что навѣрное она перейдетъ и къ Матильдѣ. Кухаркѣ это досконально извѣстно.

Бетти рѣшила въ ту-же минуту ѣхать и, пославъ работника въ „Вѣднiй Крестъ“ за лошадьми, стала собираться въ дорогу. Когда, часъ спустя, Гюргъ сошелъ внизъ изъ своей комнаты, то засталъ сестру совершенно готовою къ отъѣзду. Но и Марцелина была одѣта по-дорожному и ея маленькiй сундучокъ стоялъ уже въ передней.

Удивленный, Гюргъ обратился прежде всего къ ней.

— Куда-жь это вы? спросилъ онъ, тщетно стараясь поймать ея взглядъ. Хотя лицо молодой дѣвушки было покрыто густой вуалью, однако, онъ замѣтилъ, что она чрезвычайно блѣдна.

— О, я такъ ей благодарна, отвѣчала за нее Бетти. — У меня дѣти заболѣли и Марцелина сама вызвалась ѣхать со мною. Мнѣ-бы никакъ не управиться одной. Я еле держусь на ногахъ.

— Ну, а что если вы сами заболѣете? снова обратился Гюргъ къ Марцелинѣ. — Вы такъ измучились, ухаживая за моею бѣдной теткой.

Марцелина по-прежнему молчала и, казалось, не замѣчала протянутой ей руки.

— Какъ-же ей оставаться одной въ этомъ печальномъ домѣ? снова отвѣчала за нее Бетти.

Горгъ кивнулъ головой. Объясненіе это казалось ему совершенно естественнымъ, хотя онъ и не могъ понять такой необыкновенной торопливости со стороны Марцелины.

— Въ такомъ случаѣ я запрю домъ и наложу печати, сказалъ Горгъ, — чтобы твой мужъ нашелъ все какъ было. Мнѣ очень жаль, что ты не можешь дать мнѣ адреса, куда-бы телеграфировать ему. Впрочемъ, Августъ, вѣроятно, скоро пріѣдетъ. Да вотъ еще, шепнулъ онъ ей, ведя ее подъ-руку къ экипажу, — успокойся насчетъ того, о чемъ мы вчера говорили. Опасаться тебѣ нечего. Все устроится—все!

— О, спасибо, спасибо! У меня точно гора съ плечь...

— Надѣюсь скоро съ вами увидѣться, ласково сказалъ онъ, прощаясь съ Марцелиной.

На этотъ разъ она не могла не протянуть ему руки. Но пальцы ея, казалось, окаменѣли. Ни малѣйшее движеніе не отвѣчало на его горячее рукопожатіе.

Что это значить? Что еще обрушилось на него въ это холодное сѣрое утро?

ГЛАВА XIV.

Вокругъ стола, на которомъ столько лѣтъ раскладывала пасьянсъ покойница фонъ-Брюкнеръ, вскорѣ послѣ погребенія собралась небольшая группа.

Можно было подумать, что вмѣстѣ съ теплымъ весеннимъ воздухомъ, проникавшимъ сквозь узкія, такъ давно не открывавшіяся окна, въ комнату вошелъ духъ мира и согласія, выгнавшій духовъ злобы, когда-то ее населявшихъ: смертельные враги сошлись у этого столика и спокойно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Сама комната была неузнаваема. А между тѣмъ все въ ней оставалось, какъ было прежде; только яркій солнечный свѣтъ, врывавшійся во всѣ углы и закоулки, точно стараясь вознаградить себя за такое долгое изгнаніе, освѣщаль всю эту роскошную ветшь,

придавая комнатѣ скорѣе видъ лавки старьевщика, чѣмъ жилого помещенія. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось разложенной по стульямъ и комодамъ домашней рухлядью. Даже на столѣхъ вмѣсто газетъ, гадалыхъ картъ и роговыхъ очковъ лежали шкатулки, бумаги, футляры, коробки. Уже часъ, какъ Іоргъ и Августъ, въ присутствіи судебного пристава, производили опись имущества.

Впрочемъ, роль Іорга была исключительно пассивная. Онъ предоставилъ зятю вѣдаться со всѣмъ этимъ, подъ руководствомъ Лены и Христіана.

Съ Августомъ они увидѣлись лишь передъ самымъ погребеніемъ.

Вернувшись изъ столицы, Августъ лишь на минуту заѣхалъ въ Шарбицъ, да и то только потому, что ему сообщили о болѣзни жены и дѣтей. Не безъ участія подошелъ онъ къ постели Бетти и къ немалому своему изумленію засталъ около больной Марцелину. Впрочемъ, онъ не разсердился, какъ того боялась даже въ бреду его жена. Онъ не сталъ даже бранить Жюли за то, что она не досмотрѣла за дѣтьми. Какъ и слѣдовало ожидать, уплата долга Зоненштейну и надежда на близкое наслѣдство очевидно настолько смягчили его, что онъ казался почти другимъ человѣкомъ. Онъ не могъ, впрочемъ, удержаться, чтобъ не выразить женѣ порицанія за то, что она покинула свой постъ въ такую рѣшительную минуту: разъ она заболѣла, отчего-бы не остаться у тетки? Не могъ онъ удержаться также отъ нѣсколькихъ язвительныхъ замѣчаній относительно Іорга, котораго Бетти принялась горячо хвалить за его доброту. Не хорошо было также и то, что не телеграфировали въ гостинницу, гдѣ онъ обыкновенно останавливается. Вообще Іоргу, вѣроятно, было очень на руку его отсутствіе и болѣзнь сестры. Впрочемъ, онъ надѣется, что Лена сумѣла исполнить свою обязанность. Онъ готовился къ встрѣчѣ съ шуриномъ, какъ къ рѣшительной битвѣ.

Когда на другой день, рано утромъ, онъ входилъ въ домъ Брюкнеръ, его тотчасъ-же пригласили въ комнату Іорга, которому хотѣлось объяснить съ нимъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

— Намъ придется сейчасъ идти за гробомъ въ качествѣ людей, связанныхъ общимъ горемъ, задухновеннымъ тономъ сказалъ Іоргъ; — забудемъ-же нашу вражду, Августъ. Иначе мнѣ будетъ казаться,

что мы совершаемъ святотатство. Простимъ другъ другу то, что по недоразумѣнію мы принимали за умысленныя оскорбленія.

— Что касается недоразумѣній, то этого кажется относительно меня нельзя сказать, холодно проговорилъ Августъ въ отвѣтъ на прямодушное предложеніе Іорга. Однако онъ пожалъ, хотя и нерѣшительно, протянутую ему руку. Въ глубинѣ души онъ былъ чрезвычайно польщенъ тѣмъ, что его противникъ первый заговорилъ о примиреніи и потому оказался значительно сговорчивѣе, чѣмъ можно было думать. Рядомъ шли они за гробомъ до кладбища и вмѣстѣ выслушивали соболѣзнованія знакомыхъ. Согласіе оставалось между ними тѣмъ болѣе прочнымъ, что Іоргъ предложилъ распорядиться всѣмъ своему зятю. Равнодушно присутствовалъ онъ при снятіи печатей и безучастно смотрѣлъ, какъ шарили во всѣхъ углахъ, отыскивая завѣщаніе.

На завѣщаніе пристава, что покойница вѣроятно не успѣла составить этого документа, онъ спокойно отвѣчалъ:

— Здѣсь завѣщанія очевидно не имѣется. Если впоследствии такое окажется, мы всегда подчинимся его предписанію.

— Итакъ, приходится временно признать, сказалъ приставъ, — что г-жѣ фонъ-Брюкнеръ умерла безъ завѣщанія.

— Если такъ, отвѣчалъ Іоргъ, — то особенныхъ затрудненій изъ-за этого не произойдетъ. Я и сестра — единственные наслѣдники. Иныхъ близкихъ родственниковъ у покойницы нѣтъ и потому все имущество должно быть раздѣлено пополамъ.

Что касается Августа, то онъ былъ не вполне согласенъ съ этимъ заключеніемъ. По его мнѣнію, Бетти имѣла право на вознагражденіе за недоданную ей часть отцовскаго наслѣдства. Однако, онъ понималъ, что съ точки зрѣнія закона требованія его едва-ли будутъ найдены основательными. Къ тому-же общая сумма доставшагося ему наслѣдства была настолько велика, что, по-крайней мѣрѣ на время, онъ не только успокоился, но даже внутренне былъ чрезвычайно доволенъ. Не разъ въ черныя минуты ему приходила въ голову ужасная мысль о возможности быть совершенно лишеннымъ наслѣдства взбаломошной старухой.

Гораздо труднѣе было помириться со своею участію Ленъ и Христіану.

— Какъ-же это такъ? повторяла ключница, едва сдерживая свое

негодованіе;—мы, вѣрные слуги, такъ-таки и останемся ни съ чѣмъ!

Христіанъ, въ качествѣ благовоспитаннаго лакея, только поднималъ глаза къ небу, какъ-бы призывая его въ свидѣтели совершенной несправедливости.

— Мнѣ извѣстно, сказалъ Іоргъ, — что тетка хотѣла упомянуть васъ въ своемъ завѣщаніи.

— Еще-бы, еще-бы! вскричала Лена. — Сколько разъ она мнѣ это повторяла. Я какъ теперь слышу ея слова и вдругъ — ничего. Она прямо говорила: въ моемъ, моль, завѣщаніи всѣмъ вамъ будетъ кое-что на память обо мнѣ. И теперь — никакого завѣщанія и нѣтъ. Что-жь? она значить все время смѣялась надъ нами?

— Нисколько! прервалъ ее Іоргъ, вспыхнувъ. — Мнѣ извѣстны намѣренія покойницы на этотъ счетъ. Вамъ обоимъ она назначила выдать три тысячи гульденовъ. Кромѣ того вамъ, Лена, оставлены гардеробъ и бѣлье.

— Постельное тоже? освѣдомилась Лена.

— Да, тоже, сказалъ Іоргъ, чтобы поскорѣе покончить съ этими дѣломъ. — Кромѣ того, обратился онъ къ Августу; — мнѣ извѣстно, что сестрѣ моей тетка завѣщала одинъ браслетъ; всѣ-же остальные свои драгоценности она желала оставить другой особѣ. Чтобы устранить всякія затрудненія, я попрошу тебя поставить эти вещи, а также и домъ со всей рухлядью въ мою долю.

— Это будетъ сопряжено съ большими проволочками, сказалъ Августъ, — потому-что оцѣнка — дѣло чрезвычайно затруднительное.

— О, не беспокойся, прервалъ его Іоргъ, — я вполне полагаюсь на твою честность.

— И можешь быть увѣренъ, что я не обману твоего довѣрія, отвѣчалъ Августъ, гордо выпрямляясь.

Подобную-же сговорчивость выказывалъ Іоргъ и во всѣхъ другихъ спорныхъ вопросахъ. Августъ былъ чрезвычайно польщенъ такимъ публичнымъ знакомъ довѣрія и уваженія со стороны шурина. Однако, онъ дѣлалъ видъ, что принимаетъ на себя возлагаемая на него Іоргомъ порученія какъ тяжелое бремя.

— Ты стараешься свалить на меня всѣ трудности, полушутя говорилъ онъ, покачивая головой.

— Совѣтую и тебѣ не слишкомъ обременять себя. Всѣ раз-

счета могутъ быть сдѣланы приблизительно. Изъ-за сотни-другой гульденовъ мы, конечно, не поспоримся.

— Нѣтъ, это не въ моихъ правилахъ! воскликнулъ Августъ. — Я люблю во всемъ точность. Твоего я не хочу, но и своего терять не желаю. Все должно быть рассчитано аккуратно.

— Ну, какъ хочешь, отвѣчалъ Гюргъ съ улыбкой. — Но только на сегодня уволь меня отъ этой работы. Я хочу сейчасъ-же съѣздить въ Шарблицъ справиться, какъ здоровье сестры. Надѣюсь, мы тамъ увидимся.

Очевидно, онъ торопился поскорѣй оставить этотъ домъ. Радостно вышелъ онъ изъ комнаты, дружески кивнувъ головою даже Лентѣ, которая собиралась, было, подойти къ нему, но не для того, чтобы поблагодарить „щедрого молодого барина“, а чтобы о чемъ-то спросить его. Но Гюргъ такъ быстро прошелъ мимо, что она не успѣла открыть рта, какъ онъ былъ уже за дверью.

Черезъ минуту онъ сидѣлъ уже въ экипажѣ, счастливый и довольный, благословляя тотъ часъ, когда однимъ рѣшительнымъ поступкомъ онъ разомъ разогналъ всѣ тучи, застилавшія горизонтъ.

Какъ хорошо, какъ легко онъ себя чувствовалъ! Какъ весело свѣтило солнце, какъ ярко зеленѣла трава на только-что оттаявшихъ поляхъ, по которымъ мчали его быстрые кони. Но ему казалось, что они плетутся невыносимо медленно и, если-бъ не трауръ, онъ навѣрное самъ взялъ-бы возжи въ руки. Но вотъ, наконецъ, шарблицкій мостъ. Еще минута и онъ вѣзжалъ во дворъ.

Встрѣченный незнакомымъ лакеемъ, онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и, спросивъ у удивленной горничной, гдѣ сестра, почти не стучась, вошелъ въ ея комнату.

Мать и дѣти лежали больныя, хотя опасность уже миновала.

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, Гюргъ тотчасъ-же сообщилъ Бетти о примиреніи и о дѣлѣжѣ наслѣдства, причѣмъ добрая женщина загладила навзрыдъ отъ радости. Гюргъ не боялся, впрочемъ, причинить ей слишкомъ сильнаго волненія, потому-что зналъ какъ должна была волноваться она все время подъ вліяніемъ мучительной неизвѣстности.

Пока Бетти облегчала сердце слезами, Гюргъ напрасно обводилъ глазами комнату. Наконецъ, онъ прямо спросилъ: гдѣ Марцелина? Бетти могла только сказать ему, что, слышавъ стукъ приближающагося экипажа, она взглянула въ окно, узнала его и затѣмъ

куда-то исчезла. Маленькая Матильда выдала Марцелину, сообщивъ, что тетя ушла въ садъ нарвать цвѣтовъ.

Горъ спустился по знакомой лѣстницѣ въ маленькій садикъ, принимавшій къ Шарбицкому дому. Здѣсь онъ долженъ былъ встрѣтить Марцелину. Дѣйствительно, онъ увидѣлъ ее въ глубинѣ аллеи и назвалъ ее по имени. Она-же казалось не замѣтила и не слышала его, потому-что иначе не повернула-бы въ калитку, выходящую въ поле. Но если-бы она въ самомъ дѣлѣ хотѣла убѣжать отъ него, то было уже поздно. Будучи лучше ея знакомъ съ расположеніемъ сада, Горъ вышелъ другой калиткой, такъ-что они встрѣтились въ сосновой рошицѣ, примыкавшей къ оградѣ.

Марцелина была видимо смущена. Ни въ лицѣ, ни въ глазахъ ея не было и слѣда радостнаго изумленія, о которомъ мечталъ Горъ. Сурово и даже угрюмо смотрѣла она въ землю и вся ея фигура выражала что-то недоувѣрчивое, испуганное.

— Что это, вы хотѣли отъ меня убѣжать? спросилъ онъ, полушутя.

Она съ минуту колебалась. Потомъ тихо, но твердо сказала:

— Да.

— Марцелина! вскричалъ онъ, удивленный.—Но почему-же?

— Я боюсь... и она запнулась.

— Надѣюсь не того, что я подойду къ вамъ близко.

— Именно этого.

— Что-жъ это означаетъ? Вы меня боитесь, вы не хотите протянуть мнѣ руки?

Она подняла на него глаза и онъ прочелъ въ нихъ горькій, мучительный упрекъ. Но она тотчасъ-же опустила ихъ снова, какъ-будто у нея не хватило мужества высказать то, что было на душѣ.

— Я могу заразить васъ, проговорила она, пряча руки назадъ.

— Только-то? весело вскричалъ онъ и насильно схватилъ ея руку, но она тотчасъ-же отдернула ее. Только-то? Но вѣдь я самъ сейчасъ изъ комнаты больныхъ. Если эта болѣзнь такъ заразительна, то какъ-же вы сами остаетесь здѣсь?

— Я могу быть полезна. Здѣсь мое мѣсто.

— Ваше мѣсто? И вы не знаете другого, которое вы бы могли украсить собою? нѣжно проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Нѣтъ.

— Не знаете, Марцелина? Въ самомъ дѣлѣ не знаете?

— Нѣтъ! отвѣчала она еще рѣшительнѣе, причежь глаза ея смотрѣли холодно и спокойно прямо ему въ лицо.

Этотъ отвѣтъ поразилъ его, точно ударъ въ грудь; ошеломленный, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Неужели она его не поняла? Не можетъ быть! Стало-быть, она не хочетъ его понять; не хочетъ ни однимъ словомъ, ни однимъ знакомъ отвѣтить на его признаніе.

Это глубоко уязвило его. Но въ это время у него мелькнула въ головѣ мысль, что, быть можетъ, она считаетъ легкомысленнымъ и неприличнымъ съ его стороны говорить о любви тотчасъ по возвращеніи съ похоронъ дорогого для него человѣка. Можетъ быть, привязанность къ теткѣ заставляетъ ее быть суровой къ нему.

— Я пришелъ передать вамъ послѣдній привѣтъ отъ нашей дорогой покойницы, сказалъ онъ подъ вліяніемъ собственныхъ мыслей.

Онъ не могъ понять, отчего при этихъ словахъ она внезапно вздрогнула.

— За нѣсколько часовъ до смерти тетушка снова очнулась, продолжалъ онъ.— Вы думали, что она къ вамъ равнодушна, но вы ошибались. Она сумѣла оцѣнить ваше самоотверженіе и поручила мнѣ передать вамъ на память о ней всѣ свои драгоценности, за исключеніемъ одной незначительной вещицы.

Она снова подняла на него пытливый взглядъ, какъ-будто желая проникнуть до глубины его души.

— Это сдѣлано посредствомъ завѣщанія?

На этотъ разъ онъ немного смутился. Утвердительный отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ его устъ, но онъ во время остановился.

— Такова ея воля, отвѣчалъ онъ. Я дѣйствую, сообразно ея желанію.

Глаза молодой дѣвушки не отрывались все время отъ лица Іорга, точно изъ устъ его она ожидала приговора. Когда онъ кончилъ, Марцелина закрыла глаза и отвернулась. Смертельная блѣдность покрывала ея лицо, выразившее безпредѣльную тоску.

— Что съ вами, Марцелина? спросилъ Іоргъ испуганнымъ голосомъ;— вамъ дурно? Можетъ быть, это симптомы начинающейся болѣзни?

Она тихо покачала головой.

— Можетъ быть, я вызвалъ въ васъ печальныя воспоминанія, упомянувъ о подаркѣ?

— Ничего мнѣ нужно! вскричала она рѣзко, почти запальчиво.

— Вы отказываетесь? Но почему-же?

Съ минуту Марцелина колебалась, обуреваемая самыми противоположными чувствами.

— Зачѣмъ мнѣ драгоценности? сказала она, наконецъ, болѣе спокойно. — Я никогда ихъ носить не буду.

— Никогда? Это слишкомъ смѣлое слово, возразилъ Горгъ, улыбаясь и подъ влияніемъ чувства, которымъ управлять былъ уже не въ силахъ, онъ тихо прибавилъ: — Я же надѣюсь, что придетъ день, когда мнѣ дано будетъ право надѣть на васъ собственно-ручно наши старыя семейныя украшенія — день, когда вы войдете въ Петербургъ.

Она медленно покачала головой.

— Я никогда не войду туда, отвѣчала она, но почему-то не вырывала руки, которую онъ схватилъ.

— Куда-же вы думаете идти, когда кончится здѣсь принятая вами на себя миссія?

Она глубоко вздохнула и тихо проговорила:

— Въ широкій, вольный свѣтъ.

Блѣдное лицо ея носило печать невыразимой скорби. Отвернувъ голову, она закрыла глаза рукою.

Горгъ смотрѣлъ на нее, ничего не понимая.

— Что все это значить, Марцелина? проговорилъ онъ видя себя отъ волненія, крѣпко сжимая ей руку. — Отчего вы отворачиваетесь? Что случилось? Говорите, умоляю васъ.

Слова его звучали такой любовью и искренностью, что дрожь пробѣжала по тѣлу молодой дѣвушки. Однако, она отняла свою руку и стала удаляться.

— Марцелина! крикнулъ онъ, бросаясь ей вслѣдъ, — я васъ не оставлю.

Она внезапно остановилась и повернула къ нему свое блѣдное лицо. Глаза ея, подернутые слезами, смотрѣли такъ жестко и сурово, что онъ невольно отступилъ назадъ.

— Не идите за мной, проговорила она, слегка поднимая руку. — Наши дороги идутъ въ разныя стороны.

Голосъ ея дрожалъ, но послѣднія слова звучали непоколебимой рѣшимостью.

Юргъ остановился, точно оцепѣвѣлый, и не дѣлалъ уже никакой попытки остановить или слѣдовать за быстро удалявшейся дѣвушкой.

Второй разъ онъ былъ отвергнутъ; смыслъ послѣдней фразы былъ слишкомъ очевиденъ. Между ними лежала пропасть.

Какъ это могло случиться — онъ не понималъ. Онъ ожидалъ въ отвѣтъ на свое предложеніе всего, что угодно, только не такого рѣзкаго, безусловнаго отказа. Это была уже не прежняя капризная, своенравная дѣвочка, которая когда-то отвергла его въ Мартинсбадѣ. Тяжелые уроки жизни произвели въ Марцелинѣ глубокую переѣвну, такъ-что ни на одну минуту онъ не могъ допустить съ ея стороны какого-нибудь легкомыслія. А между тѣмъ въ послѣднее время они такъ сблизились, что недоставало только послѣдняго слова, чтобы вполне соединить ихъ; но развѣ это слово не было написано въ глазахъ у обоихъ? Развѣ не одна лишь печальная обстановка мѣшала имъ произнести его громко? Чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе влокотала его кровь и тѣмъ менѣе понималъ онъ ея необъяснимое поведеніе. И онъ прекрасно видѣлъ, какихъ тяжелыхъ мученій стоило Марцелинѣ ея безповоротный отказъ. Нѣтъ, это не было повтореніемъ Мартинсбадской сцены. Онъ былъ убитъ, но не оскорбленъ поведеніемъ молодой дѣвушки.

Дрожащей рукой провелъ онъ по своему горячему лбу. Теперь онъ былъ не въ силахъ возвратить себѣ того гордаго спокойствія, съ которымъ выдержалъ первый отказъ. Увы, и самая рана, полученная имъ, была несравненно ужаснѣе. Если тогда ему съ трудомъ удалось залечить ее, то теперь, быть можетъ, ему суждено истечь кровью.

Марцелина также чувствовала себя въ этотъ разъ совершенно иначе. Она не смѣялась, не прыгала, не радовалалась своей безграничной свободѣ. Блѣдная, какъ смерть, оперлась она головой о стѣну своей неприглядной комнаты и слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ.

Все кончено, кончено на-вѣки!

Долго сидѣла она, погруженная въ свои думы, когда на дворѣ раздался снова шумъ вѣзжавшаго экипажа. Это былъ Гартгам-

меръ. Она поднялась къ больнымъ, куда почти въ одно время съ нею вошелъ и Августъ. Онъ казался въ высшей степени возбужденнымъ и съ первыхъ-же словъ выразилъ сильное неудовольствіе, что не засталъ шурина.

— Такъ онъ уже уѣхалъ? Онъ испугался какъ-бы самому не заразиться и для безопасности освѣдомился о здоровьи черезъ рупоръ.

— Онъ былъ здѣсь, возразила Ветти,—и мнѣ было очень пріятно его видѣть. Онъ принесъ добрую вѣсть.

— Добрую? Вотъ какъ! О, женщины не требовательны, прервалъ онъ ее.—Вѣроятно, какой-то тайный голосъ внушилъ ему счастливую мысль покинуть домъ прежде чѣмъ я явлюсь потребовать у него отчета въ его мошенничествѣ.

Ветти всплеснула руками.

— Августъ, что ты говоришь? Вѣдь вы помирились!

— Новый фокусъ этого негодяя.

— Мы не одни, Августъ.

— Все равно, оставайтесь! обратился онъ къ Марцелинѣ, направившейся къ двери.—Вы-то мнѣ и нужны. Отдайте мнѣ клочокъ сожженнаго завѣщанія!

— Сожженнаго за... Марцелина не могла договорить. Впервые, въ ея присутствіи, было произнесено слово, давившее ее въ теченіи двухъ послѣднихъ дней какъ кошмаръ, который она тщетно силится прогнать отъ себя.

— Вѣдь мы союзники, цинически настаивалъ Августъ.—Этотъ человѣкъ обманулъ васъ такъ-же безсовѣстно какъ и меня. Онъ вѣдь не сдержалъ собственнаго слова, когда ему не было уже никакой выгоды жениться на дочери раззорившагося человѣка. Честолюбіе и алчность,—вотъ единственные стимулы всѣхъ его поступковъ. Я давно его знаю, но что эти чувства могли довести его до преступленія,—этого я, признаться, не ожидалъ.

— Но вы ошибаетесь. Вы совершенно искажаете факты, проговорила Марцелина, пораженная объясненіемъ Гартгаммера.

Августъ взглянулъ на нее поверхъ очковъ своими зеленоватыми глазами и презрительно расхохотался.

— Неужели вы принадлежите къ тѣмъ слабымъ душевкамъ, которыя способны простить любимому человѣку все, все на свѣтѣ? Признаться, я былъ о васъ лучшаго мнѣнія.

Зачѣмъ онъ разсказалъ вкратцѣ исторію своего открытія. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явилась тутъ Лена. Когда прошелъ первый страхъ, причиненный смертью госпожи, она припомнила до мельчайшихъ подробностей всѣ обстоятельства, на которыя тогда не обратила вниманія: и запахъ жженной бумаги, и исписанный страннымъ почеркомъ клочокъ, найденный въ печи, и позднее извѣщеніе домашнихъ о смерти госпожи. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ подозрительной душѣ Гартгаммера. Но къ этому присоединился фактъ, превратившій эти подозрѣнія въ непоколебимую увѣренность. Шаря по всѣмъ закоулкамъ, чтобы найти клочокъ обгорѣлой бумажки, они нашли подъ занавѣсью кровати конвертъ съ надписью „мое завѣщаніе“, сдѣланной почеркомъ покойницы, когда еще правая рука ея не была поражена параличемъ.

Разсказъ Августа произвелъ потрясающее дѣйствіе на обѣихъ его слушательницъ. Марцелина молчала, онѣмѣлая отъ ужаса. Но Бетти, несмотря на всю свою робость, рѣшилась вступить за брата, чѣмъ еще болѣе усилила негодованіе Августа.

— Ты еще осмѣливаешься защищать его! вскричалъ онъ.

— Но подумай, Августъ, какая у него могла быть цѣль уничтожать завѣщаніе? Неужели ты считаешь возможнымъ, чтобы тетка назначила ему, своему любимцу, меньшую долю, чѣмъ мнѣ?

— Согласенъ, что на первый взглядъ это кажется неправдоподобнымъ, отвѣчалъ Августъ. Сперва я самъ такъ думалъ, однако, логика фактовъ слишкомъ убѣдительна. Завѣщаніе было уничтожено, это не подлежитъ сомнѣнію. Пустой конвертъ одинъ служить достаточной уликой. У него были ключи, онъ оставался одинъ въ комнатѣ. Зачѣмъ онъ устроилъ все такъ, чтобы оставаться въ комнатѣ безъ свидѣтелей? Онъ даже удалилъ и м-лле Арнольдъ, которая, какъ мнѣ сообщала Лена, собиралась эту ночь просидѣть у больной. Зачѣмъ онъ все это сдѣлалъ, зная, что тетка должна умереть именно въ эту ночь? Докторъ Лейхнеръ съ точностью предсказалъ ему это. Очевидно, онъ хотѣлъ воспользоваться удобной минутой, чтобы совершить задуманное дѣло. Уничтоженіе документа не могло произойти по желанію покойницы, — иначе онъ прямо могъ-бы заявить объ этомъ. Если-же онъ сдѣлалъ это самовольно, то, очевидно, не иначе какъ подъ вліяніемъ корыстолюбія. Простой дѣлежъ, очевидно, долженъ предста-

влять преимущество сравнительно съ тѣмъ, что значилось въ завѣщаніи и притомъ преимущество значительное, потому-что изъ-за пустяковъ никто не совершить такого преступленія. Заключение отсюда ясно. Покойница была женщина въ высшей степени причудливая и своенравная, отъ которой всего болѣе можно было ожидать именно чего-нибудь непредвидѣннаго, эксцентричнаго. Я не сомнѣваюсь, что она назначила тебя своей единственной наслѣдницей. Половину твоего наслѣдства укралъ у тебя твой братъ.

Марцелина чувствовала себя уничтоженной. Но самая непопѣрность обвиненій заставила ея совѣсть возмутиться противъ нихъ. Іоргъ—мошенникъ, Іоргъ—воръ!—нѣтъ, это было невозможно.

— Ваши аргументы могутъ быть какъ угодно неопровержимы, сказала она,—но все-таки выводъ ложенъ. Никогда я не повѣрю, чтобы Іоргъ былъ способенъ на низость.

Она замолчала.

Ей вздохнулось легче, точно она освободилась отъ гнетущей тяжести. Только теперь, когда Августъ съ такимъ цинизмомъ формулировалъ ея собственныя смутныя подозрѣнія, она съ омерзѣніемъ отреклась отъ нихъ.

— Какъ, вы становитесь на его сторону? вскричалъ Августъ съ удивленіемъ, которое быстро перешло въ бѣшенство.—Вы тоже? Но это вамъ не поможетъ, вы должны будете дать показаніе на судѣ и посмотримъ, рѣшитесь-ли вы отгѣкиваться подъ присягой.

— Ты хочешь привлечь брата къ суду? Покрыть срамомъ наше семейство? вскричала Бетти, заливаясь слезами.

— Онъ самъ покрылъ себя позоромъ, совершивъ такое преступленіе. Кроме того, ты должна помнить, что твоя семья—семья твоего мужа. Что-же касается до васъ, сударыня, обратился онъ къ Марцелинѣ,—то будьте увѣрены, что ваше заирательство ни къ чему не поведетъ.

— Я ничего не знаю, твердо проговорила Марцелина.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ онъ и съ злобыи смѣхомъ вышелъ изъ комнаты.

Марцелина не долго оставалась въ безцѣльномъ размышленіи о своихъ разбитыхъ мечтахъ. Она чувствовала, что ей слѣдуетъ предпринять что-нибудь, чтобы загладить несправедливость по отношенію къ Іоргу, въ которой она себя упрекала.

Отправившись къ себѣ въ комнату, она долго ходила взадъ и впередъ, обдумывая что предпринять и, наконецъ, рѣшилась написать Іоргу слѣдующую записку:

„Только-что узнала, что вамъ грозитъ непріятный процессъ, который можетъ быть удастся предотвратить объясненіемъ съ вашимъ зятемъ. Считаю нужнымъ немедленно увѣдомить васъ объ этомъ. Марцелина“.

Прежде чѣмъ запечатать письмо, она нѣсколько минутъ колебалась. Обвинительный клочокъ бумаги трепеталъ между ея пальцами. Вложить-ли его? или, можетъ быть, уничтожить? Зажженная свѣча стояла возлѣ. Одно мгновеніе и онъ превратится въ пепелъ, какъ и весь документъ, которому онъ принадлежалъ.

Но неопредѣленное чувство, удерживавшее ее столько разъ отъ уничтоженія этого клочка, и теперь остановило ея руку. Она спрятала его на прежнее мѣсто и запечатала письмо.

Затѣмъ она пошла въ деревню. Крестьянинъ, которому она его передала, дѣйствительно въ тотъ-же день пошелъ въ Петербургъ, но въ полѣ съ нимъ повстрѣчался Оскаръ и, подозвавъ его къ себѣ, спросилъ, что ему нужно. Объяснивъ въ чемъ дѣло, крестьянинъ тутъ-же передалъ управляющему записку Марцелины, обрадовавшись случаю избавиться отъ лишняго часа пути.

Но когда, поздно вечеромъ, Оскаръ вернулся въ Петербургъ, Іорга уже не было. Онъ уѣхалъ въ Триестъ, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить Грейпля, совершенно не подозрѣвая, какая гроза собирается разразиться надъ его головою.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ отъѣзда Іорга, на вокзалъ прибылъ и Августъ. Но только онъ поѣхалъ въ противоположную сторону.

ГЛАВА XV.

Чего природа не додала во время холодной и сырой весны, то она, казалась, хотѣла возратить съ лихвою во время лѣта. Къ концу іюня зной сдѣлался невыносимымъ, удушающимъ. Но едва-ли былъ онъ гдѣ-нибудь мучительнѣе, чѣмъ въ небольшой залѣ — скаго окружнаго суда, гдѣ какъ разъ въ это время происходила очередная сессія присяжныхъ.

Это не помѣшало, однако, публикѣ наполнить эту залу до такой степени, что негдѣ было упасть яблоку. Изъ-за мѣстъ чуть не дрались, потому-что не только изъ города, но и изъ окрестностей наѣхала толпа любопытныхъ, желавшихъ присутствовать при необыкновенномъ процессѣ. Дѣйствительно, поглазѣть было на что. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова сенсационный процессъ какъ по своей сущности, такъ въ особенности по общественному положенію враждующихъ сторонъ.

Обвиняемый, на котораго устремлялись сотни глазъ, свѣтившихся то злорадствомъ, то негодованіемъ, но чаще искреннимъ участіемъ — сидѣлъ блѣдный, хотя, повидимому, спокойный на отведенномъ ему мѣстѣ, посматривая отъ времени до времени на своего защитника, когда прокурорское краснорѣчіе становилось слишкомъ страстнымъ и рѣзало слишкомъ безцеремонно по живому тѣлу. Впрочемъ, нужно сознаться, преступленіе было въ самомъ дѣлѣ ужасно уничтоженіе завѣщанія съ цѣлью ограбленія родной сестры, наказуемое каторжными работами отъ пяти до десяти лѣтъ.

Искъ былъ начать роднымъ зятемъ обвиняемаго и, что всего удивительнѣе, послѣдній тотчасъ-же призналъ себя виновнымъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Это, разумѣется, должно было еще болѣе усилить интересъ къ любопытному процессу.

Въ самый день своего возвращенія изъ Триеста, гдѣ онъ не засталъ, однако, Грейля, потому-что тотъ остался въ Аоннахъ, Горгъ получилъ повѣстку отъ судебного слѣдователя, приглашавшую его явиться въ его камеру по весьма важному дѣлу. Подъ влияніемъ какого-то зловѣщаго предчувствія, Горгъ тотчасъ-же отправился къ слѣдователю, съ которымъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Здѣсь ему сообщили то, чего онъ всего менѣе могъ ожидать. По жалобѣ Августа было предписано арестовать его и снять показаніе со всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, что и было уже исполнено относительно слугъ покойной президентши.

Было совершенно излишне напоминать Горгу о его обязанности показывать сущую правду. Лишь только ему былъ поставленъ слѣдователемъ вопросъ о виновности въ его суровой юридической наготѣ, онъ счелъ постыднымъ для себя заператься или увертываться. Самъ слѣдователь былъ нѣсколько пораженъ, когда Горгъ, послѣ небольшого колебанія, объявилъ, что онъ дѣйствительно сжегъ

завѣщаніе тетки. Когда-же слѣдователь спросилъ о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку, выставивъ при этомъ на видъ подозрѣнія высказываемыя, Гартгаммеромъ, Іоргъ не могъ удержаться отъ взрыва негодованія. Кровь бросилась ему въ лицо. И если-бы въ это время противникъ его былъ здѣсь, то произошло-бы нѣчто, чего, по всей вѣроятности, нельзя было-бы уже загладить. Лишь послѣ долгихъ усилій, искренно расположенному къ нему слѣдователю удалось успокоить его. Но Іоргъ уже не могъ болѣе сдерживать себя и рассказалъ все: и свою ссору съ зятемъ, и разговоръ съ сестрой, и истинные мотивы, побудившіе его уничтожить документъ, который онъ считалъ настолько гибельнымъ для ихъ семейства.

Когда Іоргъ кончилъ, слѣдователь крѣпко пожалъ ему руку и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ:

— Для меня лично все ясно. Я васъ знаю давно и не сомнѣваюсь ни на минуту, что вы говорите сущую правду и мое уваженіе къ вамъ—если только это возможно—еще болѣе увеличилось. Но мои личные убѣжденія даютъ мнѣ лишь возможность избавить васъ отъ предварительнаго ареста и даже отъ представленія поручь. Но онѣ не могутъ имѣть вліянія на дальнѣйшій ходъ дѣла. Считаю долгомъ предупредить васъ, что ваше положеніе очень серьезно. У васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ справедливости вашего объясненія, потому-что то, которое у васъ было въ рукахъ, вы сами необдуманно уничтожили. Все, знающіе васъ, повѣрятъ вамъ, разумѣется, безусловно. Но вы должны помнить, что ваши объясненія подвергнутся жестокой критикѣ со стороны прокуратуры и истца. Совѣтую вамъ прискаты себѣ какъ можно скорѣе искуснаго защитника.

Глубоко взволнованный покинулъ Іоргъ камеру слѣдователя и рѣшилъ тотчасъ-же исполнить его совѣтъ. Онъ отправился прямо отъ него къ своему адвокату, который въ теченіи многихъ лѣтъ велъ мелкія дѣла всего его семейства.

Докторъ Бергауеръ—маленькій старичекъ съ совершенно сѣдой головою вслушивалъ своего кліента съ возрастающимъ волненіемъ. Умные, живые глаза, придававшіе этой старческой фізіономіи что-то молодое и бойкое, съ безпокойствомъ переходили отъ потолка къ полу, отъ печки къ окну. Пальцы, которыми при разговорѣ онъ имѣлъ привычку мирно вертѣть одинъ вокругъ другого, бы-

ли стиснуты въ кулакѣ и отъ времени до времени нервно вздрагивали.

Когда Горгъ замолчалъ, адвокатъ не думалъ увѣрять его, какъ это сдѣлалъ слѣдователь, въ своемъ убѣжденіи въ его полной искренности.

— Ужасно! ужасно! О, это ужасно! вскричалъ онъ.—Если-бъ хоть, по-крайней-мѣрѣ, вы догадались заператься. Ну кто васъ тянулъ за языкъ дѣлать ваше злополучное признаніе?

— Но помилуйте! Честное слово? Правда!

— Ахъ, причѣмъ тутъ правда! нетерпѣливо воскликнулъ Бергауръ. Во-первыхъ, дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы констатировать правду, хотя это и очень на руку вашему противнику, а о томъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. А это было плевое дѣло, пока вы не дѣлали вашего признанія. Нужно было только потребовать, чтобы онъ представилъ доказательства, подтверждающія его обвиненіе. Вы-же сами избавили его отъ этого безпокойства и теперь уже намъ нужно представлять доказательства, что ничего злославленного не было въ вашемъ поступкѣ. А это будетъ не менѣе трудно. Люди гораздо легче вѣрятъ дурнымъ побужденіямъ, чѣмъ хорошимъ, особливо такимъ необыкновенно хорошимъ какъ то, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Почему? По весьма простой причинѣ: они сами не считаютъ себя на это способными. Вотъ почему защита всегда гораздо труднѣе обвиненія. Нельзя пренебрегать никакимъ преимуществомъ; все нужно ставить ребромъ. Важно не то, какъ будетъ одержана побѣда, а важно, чтобы она была одержана.

— Нѣтъ, я смотрю на это иначе, отвѣчалъ Горгъ.—Я не хочу, чтобы на мнѣ могло остаться малѣйшее пятно и чтобы обо мнѣ говорили, пожмая плечами, что я „ловко выкрутился“.

— Такъ по-вашему лучше быть осужденнымъ?

Горгъ оторопѣлъ. Убѣжденный въ своей правотѣ, онъ даже не думалъ до сихъ поръ о возможности такого исхода. Его пугалъ лишь скандалъ, публичность подобнаго рода обвиненій. Лишь съ той минуты, когда его собственный адвокатъ поставилъ ему такой вопросъ, возможность быть обвиненнымъ сдѣлалась для него ясной. Бровь застыла у него въ жилахъ. На лицѣ его выразился такой ужасъ, что даже въ душѣ стараго свѣтителя шевельнулось чувство жалости.

— Я хотѣлъ только сказать, проговорилъ онъ успокоительнымъ тономъ, — что нужно пользоваться всѣмъ, что можетъ служить въ нашу пользу. Теперь придется только больше хлопотать. Можетъ быть, есть гдѣ-нибудь дублировать. Необходимо поискать его. Можетъ быть, Грейпль что-нибудь знаетъ объ этомъ. Нужно вытребовать его сюда во что-бы то ни стало. Кто были свидѣтелями?

— Оба умерли.

— Ничего! Кто-нибудь еще найдется. А пока вамъ слѣдуетъ прискать себѣ защитника.

— Я рассчитывалъ на васъ.

— На меня? Гмъ, гмъ... нѣтъ, это не подходитъ. Я охотно буду содѣйствовать своимъ совѣтами, обрабатывать матеріалъ, но я человекъ старинной школы. Для присяжныхъ я не гожусь. Тутъ нужно умѣть зубы заговаривать. Когда не хватаетъ мыслей или доводовъ, нужно умѣть пустить пыль въ глаза красивыми фразами. Вамъ слѣдуетъ пригласить одного изъ нашихъ модныхъ говоруновъ.

— Нѣтъ! сумрачно проговорилъ Іоргъ, успѣвшій тѣмъ временемъ оправиться. — Нѣтъ! если я это сдѣлаю, то всѣ скажутъ, что я постарался выбрать себѣ ловкаго защитника, потому-что дѣло мое нечисто.

— А пусть себѣ говорятъ! Вамъ что за дѣло?

Іоргъ остался непоколебимъ.

Однако, онъ вышелъ изъ кабинета адвоката совершенно не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ вошелъ туда и когда, часъ спустя, онъ вѣзжалъ въ Петербургъ голова его была не такъ высоко поднята, какъ нѣсколько времени тому назадъ. Гордая вѣра въ достаточность приговора собственной совѣсти была надломлена. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не могъ хладнокровно идти на встрѣчу ожидавшему его впереди. Онъ чувствовалъ, какъ дорога была-бы ему теперь поддержка близкаго человѣка... Кого?..

Женское имя само собой прозвучало въ его ушахъ.

Марцелина! Да, теперь онъ понялъ причину ея страннаго поведенія. Отъ Августа она узнала о позорномъ обвиненіи, висящемъ надъ его головой. Онъ долженъ былъ либо объясниться, либо отказаться отъ нея... Она была права.

Таковы были мысли, волновавшія Юрга, въ уединеніи Петербурга.

Нечего и говорить, что дѣло его не составляло ни для кого секрета. Августъ не имѣлъ никакого основанія сохранять его въ тайнѣ и, напротивъ, радовался случаю выставить всю гнусность своего политическаго и личнаго врага. Лена и ея мужъ съ своей стороны дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы распространить эти слухи между всевозможными городскими кумушками, такъ-что во всемъ Зонабургѣ только и говорилось, что объ этомъ дѣлѣ. Городъ раздѣлился на партіи. Одни стояли за Юрга, другіе за Гартгаммера, что обнаруживалось даже въ газетныхъ извѣстіяхъ о предстоящемъ процессѣ.

Многіе изъ друзей Юрга готовы были, разумѣется, выразить ему свою непоколебимую увѣренность въ его правотѣ. Но онъ самъ нарочно уклонялся отъ этого и старался по возможности не встрѣчаться съ старыми знакомыми. Поэтому онъ почти не выѣзжалъ изъ Петербурга, куда лишь отъ времени до времени навѣзжали провѣдать его самые близкіе друзья. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ Оскаръ, дружбу котораго Юргъ въ первый разъ могъ оцѣнить только теперь.

Бывшій лейтенантъ не обладалъ ни особенно блестящимъ умомъ, ни обширнымъ образованіемъ и его никакъ нельзя было назвать особенно интереснымъ собесѣдникомъ. Выругавшись хорошенько, онъ обыкновенно молча усаживался съ сигарою въ зубахъ и по цѣлымъ часамъ не произносилъ ни слова. Но Юргу это именно и нужно было. Безмолвная симпатія дѣйствовала на него успокоивающимъ образомъ, не мѣшая ему предаваться своимъ размышленіямъ.

Между тѣмъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія такое удаленіе и такое очевидное желаніе избѣгать людей было новымъ доказательствомъ виновности Юрга. Привыкнувъ видѣть, какъ завѣдомые мопенники ходятъ повсюду съ нагло-поднятою головою, публика считала такое желаніе ни съ кѣмъ не видаться за доказательство нечистой совѣсти. Такимъ образомъ, своимъ поведеніемъ Юргъ еще болѣе усилилъ предубѣжденіе противъ себя въ средѣ общества, изъ котораго должны были выйти его судьи.

Дѣйствительно, положеніе Юрга казалось не только серьезнымъ, но даже отчаяннымъ. Его защитникъ выбивался изъ силъ, чтобы

найти хоть какія-нибудь доказательства въ его пользу. Онъ перерылъ весь домъ и перечиталъ всю переписку покойницы. Но нигдѣ не оказалось ни завѣщанія, ни какихъ-бы то ни было указаній на намѣренія президентши относительно распредѣленія своего имущества. Лишь въ одномъ изъ писемъ къ Іоргу оказалось нѣсколько фразъ, обнаруживавшихъ явную вражду къ „шарбицкому выскочкѣ“, но этого было слишкомъ недостаточно, чтобы выводить заключеніе относительно намѣренія лишить его наслѣдства. Что же касается Грейпла, на котораго Бергауеръ возлагалъ столько надеждъ, то, несмотря на всѣ письма и телеграммы, отъ него не получалось никакого отвѣта. Наконецъ, отъ афинскаго консула было получено извѣстіе, что Грейплъ, если не вернулся домой, то поѣхалъ, по всей вѣроятности, дальше, такъ-какъ въ городѣ его нѣтъ.

Такимъ образомъ, безоружный и беззащитный Іоргъ долженъ былъ предстать предъ своими судьями, поддѣрпленный лишь сознаниемъ своей правоты, какъ онъ объявилъ объ этомъ съ самаго начала своему повѣренному. Съ тяжелымъ сердцемъ Бергауеръ согласился принять на себя защиту Іорга, такъ-какъ въ противномъ случаѣ Іоргъ рѣшилъ явиться на судъ безъ адвоката.

Скептическая улыбка, не сходившая обыкновенно съ губъ старика, исчезла, однако, когда онъ вступилъ въ залу засѣданія. Въ промежутокъ между его прибытіемъ въ главный городъ округа и началомъ судебныхъ преній случилось событіе, сильно поднявшее духъ Бергауера. Въ умныхъ его глазахъ мелькали какіе-то странные огоньки каждый разъ, когда онъ взглядывалъ на двухъ знаменитыхъ адвокатовъ противной стороны, пріѣхавшихъ нарочно изъ столицы, и на прокурора.

Наконецъ, обвинительный актъ былъ дочитанъ до конца и началось судебное слѣдствіе. На предложенный ему вопросъ о виновности, Іоргъ повторилъ вкратцѣ то, что уже сказалъ на предварительномъ дознаніи. Но на этотъ разъ онъ былъ чрезвычайно сдержанъ во всемъ, касающемся его семейныхъ отношеній. Онъ лишь вскользь упомянулъ о несогласіяхъ своихъ съ зятемъ, не вдаваясь ни въ какія подробности, которыя могли-бы дать пищу злымъ языкамъ. Вслѣдствіе этого, его показанія, разумѣется, потеряли много въ своей силѣ.

На вопросъ, почему онъ не скрылъ завѣщанія вмѣсто того,

чтобы сжечь его, что было-бы несравненно благоразумнѣе, онъ отвѣчалъ въ двухъ словахъ, что это не пришло ему въ голову.

Наступилъ допросъ свидѣтелей. Первымъ приглашенъ былъ Августъ. Показанія его были кратки и ограничивались передачей разговора между нимъ и Гюргомъ передъ снятіемъ печатей.

Гюргъ воздержался отъ какихъ-бы то ни было замѣчаній. Его защитникъ позволилъ себѣ только спросить, не говорилъ-ли когда-нибудь свидѣтель, что ни въ какомъ-случаѣ не принялъ-бы какого-бы то ни было подарка отъ обвиняемаго.

Августъ бросилъ презрительный взглядъ на шурина и съ гордой усмѣшкой проговорилъ:

— Я, кажется, имѣлъ къ тому достаточныя основанія.

Бергауеръ закивалъ головой въ знакъ глубокой благодарности, точно ему удалось добиться въ высшей степени важнаго признанія.

— Мнѣ больше ничего не нужно, заявилъ онъ къ всеобщему удивленію.

Адвокаты противной стороны съ улыбкой переглянулись. Старый мужицкій адвокатъ, пріѣхавшій изъ провинціи, былъ, повидимому, очень нетребователенъ, если удовлетворялся такого рода признаніями.

На самоѣ дѣлѣ, Бергауеръ былъ вовсе не такъ скромнъ и не отказалъ-бы себѣ въ удовольствіи выставить всю мелочную истительность Гартгаммера, если-бы Гюргъ положительно не воспротивился этому.

Послѣ Августа наступила очередь Лены и ея супруга. Почтенная парочка вовсе не имѣла вида „ограбленныхъ и обиженныхъ старыхъ слугъ, посѣдѣвшихъ на своемъ посту“, какъ ихъ изображалъ въ обвинительномъ актѣ прокуроръ.

Христіанъ, несмотря на подмигиванія жены, объявилъ, что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, хотя, какъ объ этомъ можно было догадываться по выраженію лица его дрожащей половины, за это его ожидала дома жестокая головомойка. Зато Лена дала волю своему языку. Она начала съ того, что во всѣхъ подробностяхъ рассказала суду свою собственную біографію, начиная съ того дня, когда она совершенно молоденькой дѣвушкой поступила на службу къ покойницѣ, царство ей небесное. Затѣмъ она изложила всѣ свои непрестанныя заботы не

только о здоровьѣ, но и о спасеніи души своей доброй госпожи. Потомъ слезливымъ голосомъ она стала рассказывать, какъ та ее любила, какъ была къ ней добра и какъ часто говорила, что не забудетъ ее въ своемъ завѣщаніи. Тутъ голосъ старухи, подъ вліяніемъ скрытаго раздраженія, сдѣлался жесткимъ и она искоса бросила злобный взглядъ на Горга. Поджигаемая своими обманутыми надеждами, она принялась излагать во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства роковой ночи.

Гартгаммеръ торжествовалъ. По лицу его можно было видѣть, до какой степени онъ убѣжденъ въ несомнѣнности своей побѣды.

Дѣйствительно, участь Горга, казалось, была рѣшена окончательно. Противная сторона не сочла даже нужнымъ вызывать остальныхъ свидѣтелей. Какъ самое преступленіе, такъ и его мотивы были совершенно очевидны. Къ тому-же, Гартгаммеръ опасался, что показанія Бетти и Марцелины могутъ скорѣй принести пользу, чѣмъ вредъ его противнику.

— Такъ-какъ со стороны защиты свидѣтелей не вызвано, сказалъ предсѣдатель, — то предлагаю приступить къ судебнымъ преніянь.

— Прошу слова, сказалъ Бергауеръ; — со стороны защиты вызванъ директоръ Зонабургской гимназіи, г-нъ Грейпль.

— Совершенно справедливо, но вѣдь онъ въ другой части свѣта, отвѣчалъ предсѣдатель.

— Онъ здѣсь, проговорилъ Бергауеръ съ пріятной улыбкой. Прокуроръ и адвокаты истца переглянулись.

Впрочемъ, заявленіе защитника не произвело ни на кого особеннаго впечатлѣнія. Только Лена одобрительно закивала головой въ глубокомъ убѣжденіи, что Грейпль лучше кого другого возстановить ея права.

Однако, съ первыхъ-же словъ подвижной маленькій старичекъ приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

Обожженный восточнымъ солнцемъ, его длинный носъ свѣтился еще ярче на его блѣдномъ, болѣзненнымъ лицѣ. Какую неистощимую тему для остроумья дало-бы это его пріятельницѣ, если-бы она не заблагоразсудила удалиться въ иной міръ, не дождавшись его возвращенія. Но она не дождалась и лицо старика, несмотря на всю свою комичность, хранило слѣды печали. Кому онъ будетъ рассказывать о массѣ необыкновенныхъ приключеній, происшедшихъ

съ нимъ за это время? Видно было, что и теперь его подмывало наложить присутствующимъ свою поучительную одиссею. Но обстоятельства заставляли его подавить въ себѣ этотъ благородный порывъ.

— Что извѣстно вамъ о послѣдней волѣ покойной президентши фонъ-Брюкнеръ? спросилъ его предсѣдатель.

— Послѣдняя воля покойницы выражена въ оставленномъ ею послѣ себя завѣщаніи, лаконически отвѣчалъ Грейпль, не желая выходить изъ рамокъ поставленнаго ему вопроса.

Предсѣдатель кивнулъ головою, какъ-бы желая сказать: „это мы и безъ васъ знаемъ“; затѣмъ, обращаясь къ свидѣтелю, проговорилъ:

— Но не можете-ли вы сообщить намъ что-нибудь относительно содержанія этого документа?

— Съ величайшей готовностію, отвѣчалъ Грейпль.

Этотъ неожиданный отвѣтъ заставилъ всѣхъ встрепенуться.

— Такъ вамъ, стало-быть, извѣстно содержаніе этого документа? спросилъ предсѣдатель съ видимымъ любопытствомъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Слова эти, произнесенные такимъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ, еще болѣе усилили всеобщее удивленіе. Но оно достигло своего апогея, когда Грейпль, опуская руку въ боковой карманъ, проговорилъ:

— У меня даже есть съ собою дубликатъ. Онъ находится совершенно въ такомъ-же состояніи, въ какомъ, передъ своимъ отъѣздомъ на востокъ, я оставилъ его на храненіе, вмѣстѣ съ прочими своими бумагами, у г-на Рихтера. Со дня приписки послѣднаго параграфа, я не вскрывалъ печати.

Онъ могъ говорить сколько ему угодно. Съ той минуты, какъ было произнесено слово „дубликатъ“, никто больше его не слушалъ. По залѣ пробѣжалъ характерный шумъ, точно отъ множества подавленныхъ восклицаній и глаза всѣхъ устремились на пакетъ, который предсѣдатель, взволнованный, быть можетъ, не менѣе публики, принималъ изъ рукъ Грейпля.

Адвокатъ Гартгаммера тотчасъ-же сообразилъ, что чтеніе документа, представленнаго единственнымъ свидѣтелемъ со стороны защиты, не можетъ быть благопріятно для его кліента. Онъ пожелалъ обезпечить себѣ, по-крайней-мѣрѣ, отступленіе и потому

протестовалъ противъ немедленнаго чтенія представленнаго дубликата, предлагая отложить засѣданіе до законной провѣрки его.

Наступилъ перерывъ. Въ залѣ царствовало величайшее возбужденіе. Только Бергауеръ спокойно сидѣлъ за своимъ пропитромъ, перелистывая, какъ ни въ чемъ не бывало, лежавшія передъ нимъ бумаги. Но насмѣшливая и довольная улыбочка, скользившая по его губамъ, когда онъ поглядывалъ на противниковъ, говорила все.

Таковъ былъ эффектный финалъ, подготовленный хитрымъ деревенскимъ адвокатомъ, чтобы поразить своихъ столичныхъ соперниковъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ сознаться, что такой исходъ былъ величайшей неожиданностью и для него самого. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда на другой день послѣ своего прибытія въ городъ, онъ получилъ отъ Грейпля телеграмму, въ которой тотъ извѣщалъ его о своемъ прибытіи, прибавляя два магическихъ слова: „веду дубликатъ“. Бергауеръ тотчасъ-же снесся съ нимъ телеграммами и такимъ образомъ Грейплю удалось пріѣхать въ городъ *** какъ разъ въ день суда. Утромъ онъ свидѣлся съ Бергауеромъ и тутъ разъяснилась причина его страннаго исчезновенія.

По приглашенію одного знаменитаго археолога, случайно встрѣченнаго имъ въ Афинахъ, Грейплъ отправился во внутренность страны, гдѣ его знаменитый другъ долженъ былъ производить какія-то интересныя раскопки. Здѣсь старшій элленистъ съ такой лихорадочной ревностью принялся за работу, что черезъ нѣсколько времени слегъ въ постель. Когда послѣ нѣсколькихъ недѣль онъ всталъ наконецъ, докторъ объявилъ ему, что онъ долженъ какъ можно скорѣе покинуть страну, которая была такъ губительна для его здоровья, хотя и дѣйствовала такъ живительно на его духъ.

Грейплъ охотно остановился-бы на минуту, чтобы рассказать своему собесѣднику объ огорченіи, съ какимъ онъ покинулъ страну классической древности со всѣми ея сокровищами. Но Бергауеръ былъ слишкомъ мало расположенъ слушать въ эту минуту подобныя изліянія и потому Грейплъ долженъ былъ прямо перейти къ разсказу о томъ, какъ онъ пріѣхалъ домой и, узнавъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ, встрѣтившагося ему на станціи,

обо всемъ случившемся, тотчасъ-же побѣжалъ въ бюро, чтобы отправить Бергауеру депешу, пришедшую такъ встать.

Вотъ какъ объяснялось внезапное появленіе Грейпля въ залѣ засѣданія.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, судъ рѣшилъ продолжать засѣданіе. Завѣщаніе было вскрыто и началось чтеніе. Съ каждымъ новымъ параграфомъ впечатлѣніе возростало. Въ залѣ царила мертвая тишина, точно всѣ боялисьдохнуть. Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о медальонѣ для храненія въ миниатюрѣ рѣчей будущаго государственнаго мужа и о покупке мѣста въ госпиталѣ, въ публикѣ пробѣжалъ легкій шорохъ, точно отъ сдержаннаго смѣха невидимыхъ гномовъ.

Когда чтеніе было окончено, нѣсколько секундъ всѣ хранили молчаніе. Вдругъ зала огласилась дикимъ хохотомъ.

— Фальшивое! крикнулъ Августъ, вскакивая съ своего мѣста и бросаясь впередъ, чтобы собственными глазами взглянуть на ужасный документъ. — Президенту и адвокату съ трудомъ удалось успокоить его.

Докторъ Бергауеръ попросилъ слова.

— Въ виду высказаннаго сомнѣнія въ подлинности завѣщанія, сказалъ онъ совершенно спокойно; — я бы попросилъ судъ предложить господамъ экспертамъ, приглашеннымъ для удостовѣренія подлинности писемъ покойной, произвести экспертизу представленнаго защитой завѣщанія. Позволю себѣ выставить на видъ, что дѣло идетъ лишь объ удостовѣреніи почерка помянутаго документа, такъ-какъ по закону собственноручное завѣщаніе признается вполне дѣйствительнымъ даже при отсутствіи какихъ-бы то ни было свидѣтелей. Впрочемъ, если того пожелаетъ противная сторона, защита ничего не имѣетъ противъ удостовѣренія подлинности подписей обоихъ свидѣтелей.

Бергауеръ предусмотрѣлъ и это обстоятельство. Онъ телеграфировалъ Грейплю, чтобы тотъ захватилъ съ собою нѣсколько соотвѣствующихъ писемъ и бумагъ. Экспертиза была окончена въ нѣсколько минутъ. Съ этой стороны защита не имѣла недостатка въ доказательствахъ. Правда, одинъ изъ присяжныхъ обратилъ вниманіе на отсутствіе свидѣтельскихъ подписей въ послѣдней припискѣ, но Грейплъ заявилъ, что она была сдѣлана покойницей лѣвой рукой на уничтоженномъ документѣ. Въ пред-

ставленною-же дубликатъ она списана, по порученію завѣщательницы, имъ, Грейпленъ. Заявленіе это вполне подтверждалось показаніемъ Лены относительно „дрожащаго“ почерка, который былъ исписанъ исчезнувшій клочокъ сожженного завѣщанія. Къ тому-же по существу своему означенная приписка не могла измѣнить общаго смысла завѣщанія.

Публика и присяжные, какъ можно было это видѣть по ихъ лицамъ, давно уже считали дѣло безповоротно рѣшеннымъ. Предсѣдателю стоило не малаго труда остановить взрывъ всеобщаго одобренія, когда прокуроръ заявилъ, что онъ отказывается отъ обвиненія.

Несмотря на энергическіе жесты своего клиента, старшій изъ адвокатовъ Гартгаммера пожималъ плечами и выразительно моталъ головой. Очевидно, онъ также считалъ свою миссію конченной. Младшій его товарищъ не хотѣлъ такъ легко признать себя побѣжденнымъ. Принявъ на себя роль общественнаго и частнаго обвинителя, онъ принялся доказывать въ длинной и хитро-сплетенной рѣчи, что несмотря на всю благопріятность для защиты этого чудомъ воскресшаго завѣщанія, обвиняемый, по его глубокому убѣжденію, не можетъ быть избавленъ отъ отвѣтственности за умышленный обманъ въ виду статьи 201 Свода уголовныхъ постановленій гласящей: „Всякій уничтожившій завѣщаніе, или иной документъ составленный не въ его пользу или не въ его исключительную пользу съ цѣлью повредить интересамъ другого, подлежить и т. д.“ Данный случай подходитъ именно подъ эту статью, такъ-какъ уничтоженіемъ завѣщанія былъ нанесенъ ущербъ одному или, точнѣе говоря, двумъ изъ его клиентовъ. По завѣщанію обонимъ старымъ служителямъ назначалось по тысячѣ гульденовъ. Правда, обвиняемый выплатилъ имъ сполна три тысячи гульденовъ. Но это было сдѣлано имъ въ видѣ подарка и потому не уничтожаетъ вышеупомянутаго правонарушенія.

Когда была окончена эта остроумная рѣчь, выслушанная съ плохо-скрываемымъ негодованіемъ, Бергауэръ всталъ и выждалъ, пока все смолкнетъ.

— Что могу я возразить? сказалъ онъ съ иронической улыбкой и послѣ короткой паузы прибавилъ:

— Ничего!

Ни одна изъ его рѣчей, произнесенныхъ во время сорокалѣт-

ней адвокатской практики, не производила такого сильного впечатлѣнія.

Президентъ, заразившись приѣздомъ, и видимо настроенный чрезвычайно благодушно, обратился къ присяжнымъ съ заключительнымъ словомъ, приглашая ихъ произнести приговоръ по совѣсти; что-же касается до резюме, то онъ не имѣлъ сказать имъ — ничего.

Постановка вопросовъ не отняла и пяти минутъ. Когда присяжные удалились въ совѣщательную комнату, прокуроръ подошелъ къ Бергауэру.

— Поздравляю васъ! проговорилъ онъ, пожимая ему руку; но отчего вы меня не предупредили?

Старикъ кивнулъ головою на двухъ своихъ соперниковъ, съ видимымъ неудовольствіемъ слушавшихъ какую-то горячую діатрибу своего кліента.

— Я, кажется, имѣлъ къ тому достаточно основанія, отвѣчалъ онъ.

Присяжные, пробывъ въ совѣщательной комнатѣ всего минуты три, вернулись и объявили, какъ никто и не сомнѣвался, единогласное: „не виновенъ“. Въ публикѣ раздались оглушительные аплодисменты, которыхъ сдержать уже не было силъ. Да никто и не пытался этого сдѣлать. Самъ предсѣдатель вышелъ изъ-за стола и сталъ горячо поздравлять Гюрга. Въ то время, какъ Августъ, всѣми забытый, съ бѣшенствомъ выбѣжалъ изъ залы, публика готова была понести оправданнаго на рукахъ: Торжество его было полное, безусловное. Тѣ, которые высказывались когда-то противъ него, теперь выражали громче всѣхъ свой энтузіазмъ, чтобы лучше скрыть стыдъ ошибки. Глубоко взволнованный стоялъ Гюргъ среди этой оваціи. Онъ пожалъ руку Бергауэру, Грейплю и другимъ своимъ друзьямъ, подошедшимъ поздравить его. Но въ лицѣ его не было ни слѣда гордаго самодовольства. Онъ чувствовалъ теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, что его оправданіе — подарокъ судьбы и онъ принималъ его скромно, какъ подарокъ.

ГЛАВА XVI.

Тяжелъ былъ этотъ день и для тѣхъ, которые, находясь въ дали отъ мѣста дѣйствія, съ мучительной тоской рисовали въ своемъ

воображеніи всѣхъ перипетіи рокового процесса, хотя далеко не въ такой формѣ, какъ онъ развивался на самомъ дѣлѣ.

Безпокойно и тоскливо билось два сердца въ Шарбицѣ. Бетти давала полную волю своей жалости къ брату и даже готова была упрекать свою собесѣдницу за ея холодное равнодушіе. Хорошая женщина не подозрѣвала, какія усилія должна была дѣлать надъ собою Марцелина, чтобы сдерживать себя. Однако, блѣдность ея исхудалаго личика и легкая дрожь тонкихъ пальцевъ, когда она напрасно силилась приняться за какую-нибудь работу—могли-бы выдать то, что происходило у нея на душѣ, если-бы сама Бетти не была настолько взволнована, что ей было не до наблюденій за другими.

Поздно вечеромъ, въ комнату неожиданно вбѣжалъ Августъ. Онъ стремглавъ помчался домой тотчасъ послѣ окончанія процесса. До-сихъ-поръ еще онъ находился подъ впечатлѣніемъ горячаго диспута съ адвокатами, на отрѣзъ отъезжавшими отъ дальнѣйшаго продолженія иска, и точно разъяренный звѣрь ворвался въ комнату жены.

— Гдѣ Марцелина? крикнулъ онъ, даже не поздоровавшись;— гдѣ она — говори. Мнѣ нуженъ ключекъ сожженного завѣщанія, который она спрятала. Пусть отдастъ мнѣ его или клянусь...

Дрожь, какъ осинный листъ, смотрѣла на него Бетти, не смѣла произнести ни слова. Только тоскливый, вопрошающій взглядъ, устремленный на мужа, показывалъ всю мучившую ее, пытку ожиданія.

Марцелина какъ-разъ за минуту передъ тѣмъ ушла въ сосѣднюю комнату укладывать дѣтей спать. Заслышавъ голосъ Гартгаммера, она такъ и замерла, боясь вдохнуть, чтобы не проронить ни одного слова. Какъ молнія мелькнула у нея въ головѣ мысль, что если-бы Августъ выигралъ процессъ, то не такъ-ли вернулся бы домой. Если-же онъ его не выигралъ... то... то... Она не смѣла продолжать дальше.

— Что съ тобой? проговорила, наконецъ, Бетти, немного оправившись.

— Куда ты ее спрятала? Говори, куда ты ее спрятала? приступилъ къ ней Августъ.— Или, можетъ быть, ее ужь нѣтъ? Она убѣжала?.. А я, дуракъ, ее выпустилъ! О, это была ловкая штука. Все было подстроено, чтобы меня сбить съ настоящей дороги, усыпить... Я былъ такъ увѣренъ... Что мнѣ значило одной

уликой больше или меньше. А между тѣмъ, все это было нарочно затѣмъ подведено, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ нея и дать ей возможность скрыть эту улику... О, я ее понимаю... Тонкая бестія...

Онъ быстрыми шагами направился къ выходной двери. Бетти уцѣпилась за его руку.

— Куда ты Августъ? вскричала она, внѣ себя отъ страха. — Ты точно не въ своемъ умѣ!

Августъ внезапно успокоился и остановился. Затѣмъ онъ медленно повернулся къ ней и, окинувъ ее подозрительнымъ взглядомъ, проговорилъ совершенно другимъ тономъ:

— Не въ своемъ умѣ? Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты ужасно взволнованъ, разстроены.

Онъ кивнулъ головой и провелъ рукою по лбу.

— Разстроены! воскликнулъ онъ, начиная уже раздражаться. — Чтожъ мнѣ по твоему слѣдуетъ пѣть и плясать? Мнѣ это теперь какъ разъ кстати!.. Прокатили, нечего сказать... Ну да и могло-ли быть иначе, если всѣ подкуплены: и мои адвокаты, и свидѣтели, и судья, и присяжные — однимъ словомъ, всѣ... Они заранѣ сговорились оправдать его.

— Оправдать? Не можетъ быть!

— Я самъ тоже думалъ. Но чего нельзя сдѣлать, если не разбираешь средствъ? Нагромождай преступленіе на преступленіе — лишь-бы у тебя были припасены хорошіе свидѣтели. А свидѣтели на базарѣ постольку-то съ головы. — Поддѣлывай документы, но только половчѣй, чтобы эксперты признали настоящимъ... Да что эксперты! и на нихъ есть такса. И на присяжныхъ, и на прокуроровъ. Ну вотъ и вынесутъ тебѣ „не виновенъ!“ Ха, ха, ха!

— Не виновенъ? Горгъ признаетъ невиннымъ?

— Какъ-же, какъ-же! Признанъ! съ презрительной усмѣшкой проговорилъ онъ.

— Ну слава Богу! вздохнула Бетти отъ всей души.

Воскликаніе это, вырвавшееся совершенно невольно изъ наблѣвшей груди бѣдной женщины, мгновенно измѣнило настроеніе Августа. Насмѣшка смѣнилась теперь бѣшенствомъ.

— Какъ, ты радуешься? вскричалъ онъ: — Тебѣ пріятно, что я убить, уничтоженъ. Ты становишься на сторону моихъ враговъ!

Но пойми, безразсудная ты женщина, что они виѣсть съ тѣмъ и твои враги. Програвъ процессъ, мы теряемъ все; понимаешь — все! Мы ницѣ и намъ ничего не останется какъ идти просить милостивно. И еще благодарить Бога!

— Я вовсе не то хотѣла сказать, оправдывалась Бетти.

Но онъ прервалъ ее на полусловѣ:

— Ужь не ты-ли и упросила Марцелину спрятать бумажку? Не ты-ли подбила ее запираяться во всемъ.— О, если бы это было такъ, я-бы задушилъ тебя своими руками.

Августъ былъ ужасенъ; въ эту минуту онъ готовъ былъ дѣйствительно исполнить свою угрозу.

Опустившись на стулъ, онъ нѣсколько минутъ молчалъ отъ волненія. Потомъ онъ снова заговорилъ самъ съ собою, но уже въ совершенно иномъ тонѣ:

— Ну, что-жь, прячь ее, сказалъ онъ со смѣхомъ.— Не безпокойся ужъ я ее найду и безъ тебя. Вся комедія, которую вы подстроили, вамъ нисколько не поможетъ. Я подамъ на кассацию въ верховный судъ. Найдемъ другихъ адвокатовъ, другихъ прокуроровъ и присяжныхъ... Вѣдь не можетъ-же онъ поддунить всѣхъ... Тогда мы еще посмотримъ, чья возьметъ... Только-бы мнѣ этотъ ключекъ завѣщанія. Затѣмъ вдругъ понизивъ голосъ, онъ прибавилъ: — О, она хитра, я знаю. Но я ее перехитрю. Ужь я кое-что придумалъ... Ловкое, ухъ, какое ловкое! Только не скажу, даже тебѣ не скажу, потому-что ты все-таки женщина и можешь меня выдать. О, будь покойна. Дѣло въ шляпѣ! Новый процессъ мы-то ужъ навѣрное выиграемъ.

Онъ очень сильно жестикулировалъ. Потомъ, совершенно не обращая вниманія на жену, онъ быстро вышелъ изъ комнаты; весь поглощенный внезапно озарившей его мыслью.

Бетти, не спускавшая съ него все время взгляда, встала и направилась въ дѣтскую, гдѣ была Марцелина. Но на дорогѣ она съ удивленіемъ остановилась. Молодая дѣвушка, казалось, исчезла, по-крайней-мѣрѣ, долго ее нигдѣ не было видно. Наконецъ, Бетти замѣтила ее въ углу. Марцелина стояла на колѣняхъ и, припавъ лицомъ къ креслу, не шевелилась.

Въ то-же время Бетти услышала плачъ маленькой Матильды.

— Что съ тобой, милая? заботливо спросила мать.

— Тетя Марцелина плачетъ и я тоже плачу, отвѣчала малютка.

Молодая дѣвушка подняла свое заплаканное лицо.

— Это отъ радости, тихо проговорила она.— Я такъ счастлива... Не сердитесь на меня, Бетти, что я забываю на сегодня о вашей потерѣ.

— О, да я и сама объ этомъ забыла! поспѣшно отвѣчала Бетти.— Да и можно-ли поставить сестрѣ въ вину, что она радуется оправданію брата. Я всегда была увѣрена, что онъ не могъ сдѣлать чего-нибудь нечестнаго.

Марцелина молча опустила голову, пораженная этими простыми словами. А она? всегда-ли она была чиста отъ подобныхъ подозрѣній?.

— Мама! пролепеталъ Эрнестъ, высовываясь изъ кровати и хватая мать за руку.— Запри дверь.

— Зачѣмъ?

— Я боюсь папы.

— Я тоже боюсь, тихо проговорила Бетти, вздрагивая. Но она испугалась собственныхъ словъ и поспѣшно пояснила: я боюсь, какъ-бы онъ не заболѣлъ. Это несчастное дѣло слишкомъ потрясло его.

Когда дѣтей удалось кое-какъ уложить спать, Бетти сказала Марцелинѣ:

— О, я его очень боюсь. У него такой ужасный дикій видъ. Какъ-бы онъ не сдѣлалъ чего надъ собой?

Марцелина покачала головой. Бѣдной женщинѣ страстно хотѣлось-бы услышать отъ нея какое-нибудь опроверженіе. Но она видѣла, что молодая дѣвушка слишкомъ поглощена совершенно другими мыслями.

Однако, Августъ, повидимому, нѣсколько успокоился. Бѣшенная сцена съ женой уже не повторялась больше. Поздно ночью онъ вернулся домой и пошелъ внизъ прямо въ свой кабинетъ, служившій ему спальней со времени болѣзни жены. Здѣсь онъ провелъ всю ночь за какой-то лихорадочной работой. Онъ писалъ, ходилъ по комнатѣ, громко разговаривая самъ съ собой. Около полудня слѣдующаго дня онъ вышелъ изъ дому съ большимъ пучкомъ писемъ и самъ отнесъ ихъ на почту. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ Марцелину съ дѣтьми въ саду. Онъ быстро пошелъ прямо къ нимъ, но, не доходя шаговъ двадцать, вдругъ остановился и

пошелъ по боковой аллеѣ, постепенно приближаясь къ нимъ и поглядывая искоса на Марцелину.

Дѣти бросили игру и стали проситься домой къ мамѣ. Такъ-какъ небо начало заволакиваться тучами и загремѣлъ громъ, то Марцелина тотчасъ-же исполнила ихъ просьбу. У крылечка Августъ какъ-будто нечаянно встрѣтился съ ними и ласково освѣдомился объ ихъ здоровьѣ. Затѣмъ онъ принялся благодарить Марцелину за самоотверженіе, съ какииъ она посвятила себя уходу за его семействомъ. Но во время этого дружескаго заявленія онъ вдругъ выхватилъ у нея изъ рукъ бумажку, которую она вертѣла между пальцами.

Это была обертка отъ конфетъ.

— Ахъ, извините! проговорилъ онъ съ сконфуженной улыбкой. Я думалъ... я думалъ, что это мое письмо... я потерялъ... Приходится писать такъ много, такъ много, что голова идетъ кругомъ.

— Вы слишкомъ много работаете, сказала Марцелина, стараясь говорить непринужденнымъ тономъ, какъ-будто не замѣтила ничего страннаго въ его поведеніи.—Вамъ-бы слѣдовало отдохнуть.

— Отдохнуть? Я никогда не отдыхаю. Только инвалидамъ нуженъ отдыхъ.

Страшный ударъ грома, раздавшійся, казалось, надъ самой ихъ головой, прервалъ его слова. Дѣти вскрикнули, Марцелина не могла скрыть своего испуга.

— Вы боитесь грозы? Напрасно, напрасно!.. Что можетъ быть восхитительнѣе ея? Электрическое напряженіе передается чрезъ нервы въ самый мозгъ. Лучшія мои мысли приходили мнѣ всегда во время бури. Прислушайтесь къ этимъ раскатамъ, какая чудная музыка! Смотрите, какъ сверкаютъ молніи. Молніи!.. О, какъ-бы я хотѣлъ быть Зевсомъ-громовержцемъ, чтобы испепелить ими весь міръ!.. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! при этомъ могли-бы сгорѣть всѣ бумажки... всѣ улики... До свиданья, m-lle Марцелина, до свиданья. Мнѣ нужно идти работать.

Августъ не вышелъ къ обѣду и приказалъ подать себѣ внизъ. Вечеромъ, уложивши дѣтей, Марцелина пошла къ себѣ наверхъ. Ей такъ хотѣлось быть одной, что она не могла даже остаться съ Бетти, хотя чувствовала какъ тяжело должно быть уединеніе для бѣдной женщины. Она сѣла и задумалась—о многомъ и вѣроятно мысли ея были не особенно веселыя, насколько можно было

судить по выраженію ея лица. Она низко опустила голову и, казалось, не замѣчала ничего происходившаго вокругъ нея. Но вдругъ она встрепенулась. Что это? Ей повезалось, будто полъ дрожить. На ночномъ столикѣ стаканъ продолжалъ стучать объ графинъ. Какой-то неясный гулъ донесся до нея издали. Такой-же точно шумъ она слышала, когда прощалась съ Бетти. Неужели это тоже громъ, какъ она тогда подумала? Но нѣтъ, гроза давно утихла, — это скорѣй землетрясеніе. Она невольно вскочила и вышла въ корридоръ. Но здѣсь ее поразило зрѣлище совсѣмъ иного рода. При слабомъ свѣтѣ ночника она увидѣла Бетти, стоявшую босикомъ у дверей комнаты Августа, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ. Заслышавъ шаги Марцелины, Бетти обернулась и, многозначительно посмотрѣвъ на нее, приложила палецъ къ губамъ. Затѣмъ она тихонько подошла къ молодой дѣвушкѣ и чуть слышно шепнула:

— Онъ опять разговариваетъ самъ съ собой. Всего я не могла разобрать, но видно, что онъ сердится. Все кого-то бранить. О, Боже мой! онъ навѣрное заболѣетъ.

— И вы тоже. Развѣ можно ходить босикомъ по каменной лѣстницѣ? Вѣдь вы только-что сами встали съ постели. Долго-ли расхвораться.

— Ахъ, стоитъ-ли объ этомъ думать!

Почти насильно Марцелина увела ее въ спальную и не оставила ее до тѣхъ поръ, пока та не улеглась и не дала ей слова, что не будетъ больше выходить.

Вернувшись къ себѣ, Марцелина еще печальнѣе опустила голову. Безграничная самоотверженная любовь этой, вѣчно оскорбляемой, заброшенной женщины, казалась ей живымъ укоромъ. Когда-то она смѣялась надъ ней, презирала ее за ограниченность; но теперь, какъ высока она казалась ей со своей непоколебимой вѣрой, — и въ кого-же? въ человѣка, который такъ беспредѣльно ниже Іорга...

Марцелина сама не знала, сколько времени она провела въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ. Ее снова пробудилъ какой-то шумъ. Но на этотъ разъ онъ уже не походилъ ни на громъ, ни на землетрясеніе. Это былъ какой-то шелестъ, шорохъ, плескъ, который она долго слышала прежде чѣмъ обратить на него вниманіе. Сперва эти звуки скорѣе убаюкивали, чѣмъ тревожили. Но потомъ они стали все громче и громче; что-то похожее на свистъ

приближающейся бури присоединилось къ нимъ. Марцелина встала что-бы затворить окно, но съ удивленіемъ остановилась, вперивъ глаза въ черную ночь. Нѣтъ, это были не отголоски далекой бури. Близко, совсѣмъ близко, почти подъ самымъ окномъ раздавался этотъ странный шумъ. Въ то-же время цѣпная собака, которая до сихъ поръ отъ времени до времени испускала жалобный вой, теперь начала отчаянно визжать, лаять и метаться. Изъ скотнаго двора тоже доносилось мычаніе коровъ, блеяніе овецъ. Все это въ такой поздній часъ должно было означать что-нибудь необыкновенное. Воображенію ея уже рисовались вору, разбойники.

— А что если это пожаръ?

Она вся высунулась изъ окна, осматривая крышу и службы; нигдѣ никакихъ признаковъ огня.

А шумъ между тѣмъ все усиливался.

Собака заметалась еще сильнѣй, на скотномъ дворѣ раздавался отчаянный ревъ. Марцелина отскочила отъ окна. Кто-то дохнулъ въ ворота и въ ухахъ ея раздался крикъ:

— Спасайтесь, спасайтесь, наводненіе!

Марцелина сбѣжала внизъ и чуть не столкнулась на крыльцѣ съ работникомъ, который кричалъ на весь домъ.

— Санна разлилась, вода уже подступила къ дому! Спасайтесь, спасайтесь!

Не успѣлъ онъ кончить, какъ Марцелина уже почувствовала всю ужасающую справедливость его словъ. Ноги у нея начали промокать; волны съ тихимъ плескомъ уже разбивались о порогъ. Въ первую минуту она точно окаменѣла отъ ужаса. Но вода, поднимавшаяся все выше и выше, заставила ее очнуться. Инстинктивно захлопнувъ дверь, какъ-бы желая преградить доступъ неумолимой стихіи, она бросилась къ шнурку колокольчика, который съывали на обѣдъ, и изъ всѣхъ силъ принялась звонить.

Августъ первымъ показался на порогѣ. Лампа, которую онъ держалъ въ рукѣ, отразилась какъ въ зеркалѣ на полу, залитомъ уже сплошь водою. Крикнувъ ему, что узнала она отъ работника, Марцелина бросилась наверхъ къ Бетти и дѣтямъ. Малютки уцѣпились за ея юбку; Бетти осыпала ее испуганными вопросами. Бѣдная женщина до такой степени приготовилась ко всякаго рода ужасамъ, что когда Марцелина рассказала ей въ чемъ дѣло, она приняла это извѣстіе гораздо спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Наводненіе! Санна выступила изъ береговъ? Что-бы это могло значить? Впрочемъ, что за бѣда, если залить всѣ поля! Залило дворъ, стояла, домъ? Какъ странно! Никогда вода такъ высоко не поднималась. Навѣрное сейчасъ начнетъ спадать. Слава Богу, что не случилось чего худшаго.

Но въ эту минуту съ плачемъ вбѣжала въ домъ кухарка съ дѣвочкой судомойкой. Онѣ были захвачены врасплохъ и проснулись только тогда, когда кухня была на половину залита водою. Въ одно мѣ бѣльѣ бросились онѣ бѣжать и едва не утонули, переходя черезъ дворъ. Сквозь отворенную ими дверь хлестала вода, которую уже ничѣмъ нельзя было остановить.

Только въ эту минуту Бетти поняла весь ужасъ своего положенія. Марцелина предложила выскочить въ садъ, а оттуда бѣжать въ деревню, расположенную на горѣ. Но уже было поздно.

— Августъ, Августъ, помоги! повторяла Бетти, ломая руки. Въ немъ одно мѣ привыкла она видѣть спасеніе.

Но онъ не откликался. Горничная вспомнила, что видѣла барина въ комнатѣ m-lle Марцелины. Что онъ тамъ дѣлалъ? Тамъ-ли онъ еще? Никто не могъ этого сказать. Оттуда ничего не было слышно.

Обманчивое-ли это эхо, или сдержанный хохотъ раздался снизу, смѣшиваясь съ плескомъ точно отъ разбѣгаемыхъ руками пловца волнъ? Никакого отвѣта. А волны все свирѣпѣе и свирѣпѣе ударяютъ о старыи домикъ, который скрипитъ и шатается подъ ихъ могучимъ напоромъ. Отчаянные крики доносятся изъ деревни. Во всѣхъ концахъ бьютъ въ набать. Ночь, черная ночь, кругомъ. Подъ ногами волны. Онѣ все растутъ и растутъ, неумолимыя, безжалостныя, какъ слѣпое чудовище, раскрывающее свою ненасытную пасть, въ которой все должно погибнуть.

ГЛАВА XVII.

Въ Петербургѣ также слышали удары землетрясенія. Хотя по ту сторону рѣки они и передались гораздо слабѣе, но не настолько, чтобы ихъ могли не замѣтить гости, собравшіеся на веселую пирушку къ хозяину.

Что касается самого Юрга, то онъ былъ противъ этой пирушки

и ему казалось даже нѣсколько обиднымъ граздновать свое оправданіе. Что было необыкновеннаго въ томъ, что онъ оказался честнымъ человѣкомъ?

Но ему не хотѣлось отказомъ обидѣть своихъ друзей и потому онъ согласился на это торжество, героемъ котораго явился, впрочемъ, скорѣе докторъ Грейплъ. Желая вознаградить себя за продолжительное молчаніе, старикъ трещалъ теперь безъ умолку, сообщая всѣмъ виѣстѣ и каждому въ отдѣльности о своихъ удивительныхъ приключеніяхъ въ странѣ классицизма.

Вечеромъ, когда гроза утихла, Оскаръ тихонько вышелъ изъ залы и, спустившись въ людскую, подозвалъ къ себѣ знакомъ нѣсколько человѣкъ, съ которыми и скрылся въ ночной темнотѣ.

Втихомолку онъ задумалъ устроить въ видѣ сюрприза маленькій фейерверкъ и рѣшилъ пустить его на самой рѣкѣ, „чтобы было виднѣе изъ Шарбица“, объяснялъ онъ Амели, состоявшей съ нимъ въ заговорѣ.

Однако, ему, повидимому, никакъ не удавалось осуществить своего проекта. Амели, отозвавшая къ этому времени Юрга къ окошку, какъ было условлено, тщетно ожидала, когда, наконецъ, взвзвѣтся сигнальная ракета. Небо было темно и Юргъ, стоявшій съ ней рядомъ, пристально смотрѣлъ въ мракъ, точно желая прозрѣть его страстнымъ взглядомъ. По временамъ ему хотѣлось протянуть руки въ пространство и крикнуть что-то имя такъ громко, чтобы оно донеслось на ту сторону рѣки, въ маленький домикъ, такъ ясно рисовавшійся въ его воображеніи. Неужели-же они навѣки, навѣки раздѣлены?.. Неужели черная ночь навсегда должна скрывать ее отъ него?—Ракета все не взвивалась. Виѣсто того въ комнату вдругъ вошелъ дворецкій, отлучившійся съ полчаса тому назадъ.

— Гарланская гора обвалилась! сказалъ онъ, входя.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ въ чемъ дѣло.

Огромный кусокъ горы оторвался и упалъ прямо въ Санну, запрудивъ ее окончательно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она прорывается сѣвось узкую разщелину, между высотинами, почти отвѣсными, берегами.

— О, эта несчастная дорога! неволью вырвалось у Юрга.—Вѣдь это имъ предсказывали съ самаго начала. Взрывы скалъ разрыхлили почву, а продолжительные весенніе дожди окончательно

размыли ее. Сегодняшняя гроза была только послѣднимъ толчкомъ. Какое счастье, что все это случилось прежде начала движенія поѣздовъ. Какая могла-бы произойти ужасная катастрофа.

Пока Гюргъ неволью рисовалъ въ своемъ воображеніи то, что такъ легко могло случиться, въ залу вбѣжалъ, весь запыхавшись, Оскаръ.

— Санна выступила изъ береговъ, крикнулъ онъ, едва переступивъ порогъ;— вода была уже высоко, когда мы подходили къ лодкамъ. Но потомъ она стала такъ прибывать, что если-бы мы не успѣли войти въ ялики, насъ, пожалуй, захлеснуло-бы. Настоящій потопъ. Послѣ грозы съ горъ стекають огромные потоки, а стока никакого... Вода поднялась уже до дороги, обсаженной ивами. Если такъ будетъ идти дальше, то черезъ часъ и ихъ зальетъ...

— Шарбицъ! вскричалъ Гюргъ, бросаясь къ окну, какъ-будто рассчитывая увидѣть его, несмотря на ночную темноту. — Шарбицъ! Если у насъ вода поднялась до дорожки, то тамъ она должна уже заливать плотину и подходить къ дому... Туда! Скорѣй!

— Но мостъ уже залило водою, сказалъ дворецкій.

— Переберемся по камнямъ если такъ!

— Но вѣдь у васъ есть лодки, напомнила Амели.—Ты, конечно, не бросилъ ихъ на произволъ судьбы, Оскаръ?

— Разумѣется, нѣтъ! Въ нихъ сидятъ Францъ съ Карломъ. Я подумалъ, что лодки могутъ намъ понадобится для прогулки завтра.

— Факеловъ! крикнулъ Гюргъ.

Въ одну минуту факелы были принесены и, не теряя времени, всѣ бросились черезъ паркъ къ рѣкѣ. Даже женщины не отставали, желая взглянуть на величественную и страшную картину.

Когда эта толпа добѣжала до берега, Францъ и Карлъ, сидѣвшіе въ лодкахъ, уже готовы были пустить ихъ по теченію и спастись въ замокъ, не имѣя ни силъ, ни мужества бороться далѣе съ бушующимъ потокомъ. Въ одну минуту обѣ лодки были снаряжены къ отплытію. Въ каждую сѣло столько гребцовъ, сколько могло помѣститься въ нихъ, и запасшись баграми и веревками, лодки отчалили отъ берега.

Съ противоположной стороны раздавались звуки набатнаго коло-

кола, каждый ударъ котораго заставлялъ гребцовъ еще сильнѣе налегать на весла.

Съ начала обѣ лодки теченіемъ понесло внизъ, и Іоргъ боялся, какъ-бы ихъ не отнесло ниже Шарбица, прежде чѣмъ имъ удастся пересѣчь потокъ. Но вскорѣ теченіе начало мало-по-малу слабѣть. Вода все прибывала ровными, мелкими волнами, но куда ни достигалъ свѣтъ факеловъ, нигдѣ не замѣтно было уже характерной скрещивающейся зыби, производимой теченіемъ. Вдругъ лодка сильно стукнулась о какую-то преграду и такъ высоко вскинулась носомъ, что чуть не опрокинулась. Это была плотина.

Пришлось сойти въ воду, чтобы перетащить лодку волокомъ на ту сторону. Грести стало еще легче, но куда направлять лодки въ непроглядной темнотѣ?

— Ахъ, вонъ свѣтится! Двѣ яркія точки!

Это навѣрное два освѣщенныхъ окна. Слава Богу, дожь цѣль! На свѣтломъ фонѣ мельнула какая-то тѣнь. Тамъ, очевидно, зашѣтели лодки съ факелами. Свѣтлая точка—вѣроятно зажженная свѣча—появляется въ одномъ изъ оконъ и нѣсколько разъ то поднимается, то опускается. Это сигналъ!

— Туда! Рулевой—направляй туда!

— Налегай на весла! Налегай!

— Помогите! Помогите! доносятся, чуть слышно, голоса.

— Плыдемъ! Плыдемъ!

Іоргъ началъ махать факеломъ надъ головою, затѣмъ, передавъ его гребцу, изнемогавшему отъ усталости, онъ самъ схватилъ весла и сталъ работать ими такъ, что уключины затрещали.

Вотъ ужъ можно различить голоса: сестринъ, дѣтскіе и ея.

„Она тамъ“, думаетъ Іоргъ, налегая на весла такъ, что чуть не лопаются его мускулы.

Вотъ, наконецъ, и дожь.

Крики сверху и снизу. Но какъ пробраться туда? Вода поднялась до половины нижняго этажа. Войти въ дожь невозможно. А до оконъ второго этажа слишкомъ высоко.

— Бъ балкону! крикнулъ Іоргъ. Заворачивай! Живо!

Одна изъ тяжелыхъ шерстяныхъ занавѣсокъ спущена сквозь рѣшотку.

— Іоргъ, ради Бога! Еще не привязано!

Голосъ въ страхѣ замолкъ. Сильно и ловко Іоргъ взбирается

на балконъ по импровизированной веревкѣ. Нѣжныя руки, подъ вліянемъ страха за дорогого человѣка, пріобрѣтаютъ сверхъестественную силу, чтобы удержать скользящую занавѣсь.

Но вотъ онъ уже перескочилъ черезъ перила...

Не произнося ни слова, они бросаются другъ другу въ объятія.

Имъ не до словъ, не до объясненій. Они понимаютъ, что отнынѣ они принадлежатъ другъ другу на вѣкъ и что никакая сила уже не можетъ разлучить ихъ.

Пусть теперь рухнетъ подъ ними домъ, пусть свирѣпыя волны поглотятъ ихъ, — что за бѣда! Жизнь исчерпана; высшаго блаженства уже никогда не дастъ она...

Вскорѣ на балконъ перекинута была веревочная лѣстница. Всѣ домашніе сошли по ней внизъ и снесли дрожащихъ малютокъ. — Только Бетти, несмотря на всѣ просьбы брата, не хотѣла послѣдовать за прочими. Она все ходила изъ комнаты въ комнату и, домая руки, звала своего мужа. Напрасно увѣряли ее, что осмотрѣли весь домъ и нигдѣ никого не нашли. Она ничего не хотѣла слушать и все повторяла: — Августъ! Августъ!

Казалось, что она лишилась разсудка. Гюргъ почти насильно втащилъ ее въ лодку.

Отвезя женщинъ въ замокъ, мужчины, наскоро подкрѣпившись, снова сѣли въ лодки, чтобы спасти, если возможно, другихъ несчастныхъ.

Переpravляясь черезъ потокъ, они замѣтили человѣка, отчаянно борющагося съ волнами. Они не могли узнать въ темнотѣ его лица, но онъ, очевидно, узналъ ихъ при свѣтѣ факеловъ и, махнувъ надъ головой чѣмъ-то бѣлымъ, съ дикимъ хохотомъ поплылъ отъ нихъ прочь. Они хотѣли погнаться за несчастнымъ, но нѣсколькими сильными взмахами онъ достигъ середины потока и его стрѣлой понесло внизъ.

Это былъ Августъ.

На другой день, когда вода спала, нашли его безжизненное тѣло у подножья одного утеса. Лицо его хранило выраженіе злобной радости. Въ кулакѣ былъ крѣпко сжатъ — ключекъ завѣщанія.

КОНЕЦЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(ОЧЕРКЪ).

Село Заброшенное молчаливо повиновалось своему избраннику у, Климентію Верзилю, несмотря на то, что партія недовольныхъ съ каждымъ днемъ росла неизмѣнно. Разочарованіе наступило, впрочемъ, уже чрезъ два мѣсяца послѣ избранія, такъ-какъ и въ это короткое время голова достаточно доказалъ свою администраторскую неспособность. Климентій Верзило былъ мужикъ зажиточный и почтенный. Самую высшую его добродѣтелью была безконечная сердечная доброта: извѣстно было за достовѣрное, что онъ мухи не обидитъ. Поэтому его всѣ любили и, что всего удивительнѣе, любили и теперь, когда его управленіе создало такъ много недовольныхъ. Правда, что въ головы онъ не годился. Онъ былъ слишкомъ мягокъ и добръ, онъ не умѣлъ даже прикрикнуть хорошенько, не говоря уже о томъ, что объ употребленіи кулака онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Во все продолженіе его президентства „холодная“ почти стояла пуста, — этотъ фактъ достаточно краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, чтобы его нужно было комментировать. Явленіе это представлялось заброшенскимъ обывателямъ до того ненормальнымъ, что одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ консерваторовъ, побивъ свою супругу въ пьяномъ видѣ и не дождавшись за это законной кары, самъ сѣлъ въ „холодную“ и отсидѣлъ тамъ цѣлую ночь. Верзило былъ „слабъ“, — въ этомъ были всѣ согласны, хотя съ другой стороны у него были и достоинства, которыя можно найти далеко не во всякомъ головѣ. Такъ напримѣръ, ни одинъ еще голова

въ день своего избранія не предоставлялъ громадѣ такого блестящаго угощенія, какъ Климентій Верзило. Мало этого: подобное празднество повторялось каждый годъ, въ годовщину избранія, и этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется то обстоятельство, что, несмотря на полную, повидимому, непопулярность, Климентій Верзило имѣлъ все-таки болѣе или менѣе значительное число приверженцевъ. Можетъ быть, здѣсь не малую роль игралъ также блестящій фейерверкъ, который Верзило во дню годовщины выписывалъ изъ губернскаго города и который затѣмъ торжественно сожигался среди ставка деревенскими парнями, съѣхавшимися туда на множествѣ „дубковъ“ и „душегубовъ“.

Наконецъ, и самая наружность Верзилы давала ему возможность дѣлать честь всякому учрежденію, избравшему его своимъ представителемъ. Громадный ростъ, высокія плечи, каріе умные глаза, орлиный носъ и густая круглая борода, на половину состоявшая изъ сѣдинъ...

Такого голову не стыдно хоть куда показать, не стыдно снять передъ нимъ шапку и поклониться, не стыдно и даже лестно быть потрепаннымъ отъ его руки „за чуприну“. Къ сожалѣнію, Верзило, по добротѣ своей, никому еще изъ заброшенныхъ обывателей не предоставилъ этой чести. Во всякомъ случаѣ, партія недовольныхъ была значительно сильнѣе, такъ-что было почти уже рѣшеннымъ дѣломъ, что Климентію Верзилѣ не быть головой.

Дѣло естественное, что надо было имѣть въ виду другого кандидата, и таковой явился въ лицѣ Фодота Крынки, извѣстнаго въ селѣ подъ именемъ Швея, т. е. портного, хотя онъ на вѣку своемъ не сшилъ ни одной пары шароваръ и не держалъ въ рукахъ иголки, кромѣ развѣ цыганской, которой зашивалъ мѣшки. Портняжествомъ-же занимался его прадѣдъ, который и оставилъ ему въ наслѣдство свое прозваніе.

Фодотъ Крынка былъ человѣкъ совсѣмъ особаго рода, и именно такого рода, что съ перваго раза его кандидатура казалась странной, невѣроятной, почти невозможной. Это былъ человѣкъ почти низкаго роста, съ рѣденькой клинообразной бородкой, рабатовымъ, курносымъ лицомъ и съ вѣчно красными глазами. Онъ былъ плечистъ и широкъ, но, обладая чрезвычайно тонкими ногами, походку имѣлъ „куриную“, вслѣдствіе чего на ходу былъ очень смѣшенъ. Одѣвался онъ всегда небрежно и грязновато, хотя имѣлъ полную

возможность одѣваться иначе. Онъ, правда, не выдавался хозяйствомъ изъ ряда среднихъ мужиковъ, но не былъ и бѣднякомъ. Любилъ выпить Ѳедотъ Крынка и въ пьяномъ видѣ бывалъ буюнъ. Всѣ эти недостатки, однако, не помѣшали ему стоять во главѣ большинства и успѣшно конкурировать съ почтеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ Климентіемъ Верзилой. И, что всего интереснѣе, самъ Крынка во все время избирательной борьбы не промолвилъ ни одного слова о своей кандидатурѣ. Онъ спокойно сидѣлъ дома или буйствовалъ въ кабакѣ, а за него и безъ его вѣдома работали его приверженцы.

Ѳедотъ Крынка имѣлъ не много достоинствъ, но эти достоинства деревни весьма цѣнили. Первое и самое главное — онъ умѣлъ сказать „умное слово“. Онъ вовсе не былъ краснорѣчивъ, и его „умное слово“ состояло всегда не больше, какъ изъ двухъ-трехъ словъ, согласованныхъ грубо, просто, по-мужичьи. Но зато какъ скажетъ Крынка эти два-три слова, такъ и перерѣшитъ весь сходъ. На сходѣ онъ обыкновенно молчитъ, и только когда уже примутъ окончательное рѣшеніе, онъ выступитъ на середину двора и скажетъ: „а я такъ вотъ какъ это дѣло понимаю!“ и тутъ-же скажется, что Ѳедотъ понимаетъ это дѣло настоящимъ образомъ. Мужики только покачиваютъ головами: „Ну, Ѳедотъ! Сто головъ одинъ передумалъ“. Климентія Верзилу недолюбливалъ Ѳедотъ: „что онъ за голова, когда его становой ни разу не распекалъ? а потому, что онъ дѣлаетъ не по-мужиковски, а по-станововски!“ Въ періодъ агитации онъ какъ-разъ запилъ и почти безвыходно сидѣлъ въ кабакѣ. Зато Климентій Верзило не дремалъ. Здѣсь надо упомянуть объ одной слабости заброшенскаго головы, слабости, впрочемъ, присущей всѣмъ великимъ людямъ. Онъ любилъ славу. Голова, что тамъ ни говори, есть во всякомъ случаѣ первый человекъ въ деревнѣ. Не быть головой — это еще не большая бѣда, не могутъ-же всѣ быть головами. Но, побывавши головой, вдругъ обратиться въ обыкновеннаго мужика — это для Верзилы была-бы кровная обида. О, онъ искренно жалѣетъ о своемъ добросердечіи, онъ готовъ на будущее время сдѣлаться строгимъ карателемъ, готовъ даже пускать въ дѣло свой кулакъ, если это можетъ послужить общественному благоустройству. Ему страшно хочется удержать за собой свой немаловажный постъ, такъ хочется, что онъ готовъ отдать за это половину своихъ достатковъ. По-

этому въ обширномъ дворѣ Климентія Верзила водка не истощается въ продолженіи вотъ уже двухъ дней; пьеть всякій захожіи безъ разбору, пьеть всякій, кому хочется выпить, и даже тотъ, кому вовсе не хочется, проходя мимо веселаго двора Верзила, не можетъ удержаться, чтобъ не зайти и не выпить. Было совершенно немыслимо оказывать предпочтеніе однимъ передъ другими, потому что въ селѣ Заброшенномъ практиковалась безусловно всеобщая подача голосовъ. Избирательнымъ цензомъ служило ни больше, ни меньше, какъ обладаніе человѣческой душой, въ существованіи которой ни одинъ изъ заброшенскихъ обывателей не сомнѣвался. Былъ даже такой случай, что одинъ мужикъ, съ роду и въ ротъ не бравшій водки, съ этого дня сдѣлался горькимъ пьяницей. „Поправилось!“ объяснял онъ потомъ эту переиъну. Зато ужъ онъ былъ самымъ рьянымъ и неизмѣннымъ приверженцемъ Климентія Верзила.

Итакъ, агитація была въ самомъ разгарѣ. Климентій Верзило уже былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣхъ, такъ-какъ ему удалось перепоить всю деревню; больше всѣхъ пилъ у него Ѳедотъ Брынка, съ которымъ Верзило имѣлъ даже особый разговоръ.

— Ага! И ты, швецъ, пожаловалъ! встрѣтилъ его Верзило.

— Пожаловалъ! отвѣчалъ Ѳедотъ, уже изрядно пошатываясь.

— Такъ ты за меня, что-ли?

— Ну, нѣтъ, братъ, я за себя! серьезно отвѣчалъ Ѳедотъ, — я, братъ, всегда за себя стою!

— И тебѣ-ли съ пьяной головой въ головы лѣзть? злобствовалъ Климентій Верзило. И затѣмъ обратился къ своимъ завѣдомымъ приверженцамъ:—И смѣшно мнѣ, и досадно, что такой соплякъ, пьянюга—мой соперникъ! Хотя-бы выставили что-нибудь порядочное! Не стыдно было-бы помѣриться!

Брынка молчалъ и пилъ.

Между тѣмъ приверженцы Верзила ходили по деревнѣ и, останавливаясь у заваленокъ, гдѣ кучками сидѣли мужики, говорили рѣчи, приблизительно въ такомъ родѣ: „ну, что, панове, казаки! лучшаго головы, какъ Верзило, и во-вѣки не найти намъ! Мужикъ онъ степенный, уважаемый и не пьющій. А этотъ паршивецъ-пьянчужка, швецъ, куда-же онъ годится? Развѣ для того, чтобъ громадѣ было чего стыдиться? Такъ тогда еще лучше обратъ въ головы Степку-дурного, что своихъ пяти пальцевъ считать не умѣетъ! Пожалѣете, громада, помяните мое слово!“

Какъ видите, средства для борьбы употреблялись самыя крайнія, агитація велась почти по-американки. Слушатели обыкновенно отвѣчали: „и безъ тебя знаемъ, что дѣлать! Чего учить вздумалъ? Есть и постарше тебя!“

— А Верзилову водку небось пьете? кололъ тогда ораторъ.

— Ну, такъ Верзилову-же, а не твою, такъ ты и проваливай ко всѣмъ чертямъ.

Очевидно, оратору оставалось только уйти.

Что-же касается приверженцевъ Крынки, то они держались нѣсколько иной политики. Они не только останавливались передъ заваленками, но и садились на нихъ рядомъ съ мужиками; уже одно это дѣлало какъ-то ихъ больше своими.

— Хе, хе! А Верзило-то нашъ водку разливаетъ! Ахъ, и хочется-же ему остаться головой!

При этомъ они безпощадно смѣялись надъ Верзилою и своимъ смѣхомъ заражали другихъ. Приведа, такимъ образомъ, всѣхъ въ веселое настроеніе, они легко уже завладѣвали симпатіями и голосами. Немедленно, они какъ-бы невзначай проводили параллель между старымъ головой и кандидатомъ. Оказывалось, что Крынка все молчитъ, да на усъ мотаетъ, и даже къ Верзилѣ во дворъ пошелъ собственно съ той цѣлю, чтобъ кое-что намотать на усъ. Оказалось также, что у него водится въ головѣ „какая-то мысль“ и что, того и жди, онъ выкинетъ пречудесную штуку. Все это было, разумеется, очень неопредѣленно, тѣмъ не менѣе набрасывало на Крынку нѣкоторую тѣнь геройства. Важно было также то, что Крынковцы ни слова не говорили о выборахъ, какъ-будто совсѣмъ о нихъ и не думали. Вообще здѣсь была пущена въ ходъ самая тонкая дипломатія.

Какъ-бы то ни было, а день выборовъ наступилъ. Это былъ обыкновенный зимній день съ небольшимъ морозцемъ и съ мелкимъ снѣжкомъ. Избиратели нарядились въ овечьи кожухи и собрались у расправы. Оба кандидата отсутствовали. Федотъ Крынка спокойно пребывалъ въ кабакѣ, а Климентій Верзило сидѣлъ дома. Онъ тщательно убралъ со двора всѣ слѣды избирательной агитаціи: длинныя скамьи, на которыхъ возсѣдали почтованные имъ избиратели, боченокъ съ водкой, стаканчики и закуску; малѣйшіе слѣды агитаціи были тщательно скрыты, въ виду того, что къ выборамъ ожидалось нѣкоторое лицо, которое, естественно,

должно было остановиться у него, Верзила, какъ должностнаго лица: Это-же обстоятельство повліяло, быть можетъ, и на то, что въ горницѣ головы господствовали небывалый порядокъ и чистота. Съ утра полъ былъ за-ново вымазанъ, такъ-что въ комнатѣ стоялъ не совсѣмъ пріятный для обонянія запахъ состава, употребляемаго съ этою цѣлью. Не забыли вымазать также и печь, причемъ на бѣломъ фонѣ при помощи синьки были выведены настоящія чудеса, искусно составленныя изъ прямыхъ и кривыхъ линий, крестиковъ, маленькихъ окружностей, треугольниковъ и другихъ геометрическихъ фигуръ. Большой дубовый столъ былъ накрытъ новой полотняной скатертью, по краямъ которой руками Ганны, старшей дочери Верзила, были вышиты граціозныя красныя пѣтухи съ синими ножками;—на широкой тесаной кровати возвышалось неимоверное количество подушекъ въ красныхъ наволочкахъ, что уже прямо обозначало, что дожъ пользуется несомнѣннымъ благосостояніемъ. Сама хозяйка, успѣвшая еще съ утра сготовить обѣдъ, нарядилась въ праздничное платье темнаго ситцу, повязавъ голову очень искусно темно-синимъ шелковымъ платкомъ, который она держала для особенно торжественныхъ случаевъ и надѣвала въ два года разъ. Она была еще не стара, отличалась плотнымъ сложеніемъ и обладала еще всѣми признаками той здоровой натуральной красоты, за которую богатый мужикъ Верзило взялъ ее себѣ въ жены. Тутъ-же присутствовала и Ганна въ красномъ сарафанѣ, къ которому очень мало шли „городскіе ботинки“ на высокихъ каблуккахъ. У нея были такія-же густыя черныя брови, такія-же румяныя полныя щеки, такія-же красивые бѣлыя зубы и густая, длинная черная коса, какъ у матери. Ганна считалась на селѣ красавицей, но была недоступна для деревенскихъ кавалеровъ. Верзило предопредѣлилъ ее въ городскія мѣщанки, и она терпѣливо ждала жениха, вполне сознавая свое превосходство. Остальныя дѣти въ обыкновенномъ грязномъ видѣ были переселены въ кухню и не принимали никакого участія въ торжествѣ.

Къ полудню послышался звонъ почтоваго колокольчика, и во дворъ Верзила вѣхала изящная коляска, запряженная тройкой. Верзило съ женой и дочкой выѣжали на дворъ встрѣчать гостя.—Влиментій былъ въ европейскомъ костюмѣ, въ бѣлой некрахмаленной манишкѣ и большихъ, смазанныхъ саломъ, салогахъ, отъ кото-

рыхъ онъ, несмотря на своя достатки и очевидное вліяніе цивилизації, все-таки никакъ не могъ отказаться. Лицо привѣтливо улыбалось гостепріимнымъ хозяевамъ и хотѣло-было выпрыгнуть изъ экипажа, но Верзило быстро подбѣжалъ къ нему и почти стащилъ его оттуда.

— Ну, что, Климентій Прохорычъ? Все-ли готово у васъ? спросило лицо, подавая головѣ свою бѣлу, чрезвычайно изящную руку, съ которой только-что была снята перчатка.

— Все, какъ есть, готово, вашей милости только дожидались! почтительно наклонивъ голову, отвѣчалъ хозяинъ.

— Ну, вотъ, и моя милость пріѣхала! небрежно замѣтило лицо.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, стройный, плечистый съ высокою грудью и станомъ кавалериста. У него былъ смѣлый молодецкій взглядъ, ухарскіе усы, которые онъ умѣлъ такъ граціозно закручивать, что дамы находили возможнымъ влюбляться въ одни только эти усы. Даже самая лысина, которая, впрочемъ, еще только робко обозначалась на его головѣ, придавала ему молодцоватый видъ. Движенія его были ловки, быстры, граціозны, разговоръ всегда занимательный, — словомъ, это былъ по всей справедливости уѣздный левъ, умѣвшій, кстати сказать, при случаѣ удѣлить себѣ львиную часть. Нѣкогда онъ былъ богатъ, потомъ сталъ побѣднѣе, причемъ нашель удобнымъ фигурировать въ качествѣ мирового посредника. Теперь-же про него извѣстно было селу, что онъ „членъ“, хотя никто не зналъ—какого именно общества или учрежденія.

Подъ этимъ именемъ онъ и слылъ, и въ качествѣ „члена“ являлся на крестьянскіе выборы и съ ловкостью бывшаго мирового посредника орудовалъ на нихъ.

Какимъ-то чудомъ въ одну минуту закипѣлъ самоваръ, развернулась на столѣ скатерть самобранная съ свѣжей икоркой, балычкомъ и разными закусками, которыя имѣли счастье быть фаворитами члена.

Тутъ-же оказалась бутылка хорошаго портвейну, котораго самъ Верзило отродясь не пробовалъ, появился ромъ, — словомъ, были на лицо всѣ данныя для того, чтобы членъ оставался въ прекрасномъ настроеніи духа. Самъ Верзило бѣгалъ и хлопоталъ съ легкостью двадцатилѣтняго юноши, бѣгала и жена его, только

Ганна была оставлена безъ дѣла, спеціально для удовольствія гостя. Она дѣйствительно доставляла гостю большое удовольствіе. Онъ говорилъ ей, что она „краса“, трепалъ ее по розовой щекѣ, измѣрялъ объемъ ея талии и приводилъ въ порядокъ „наместо“ на ея груди, словомъ, выказывалъ свою заботливость о ней.

— Ну, полно тебѣ хлопотать, Климентій Прохорычъ; садись-ка, поболтаемъ, что тутъ у васъ и какъ!? ласково говорилъ членъ, приятно облизываясь послѣ хорошей закуски, прекраснаго вина и любезности хозяйской дочки.

— Да какъ-же не хлопотать, Николай Семенычъ? Этакій гость у насъ, да еще рѣдкій гость!

— Ну, полно! Какой-же я гость! Мы товарищи, сослуживцы! Мы съ тобой на одномъ поприщѣ работаемъ, вмѣстѣ служимъ отечеству!..

— Поворно благодаримъ! поклонился Верзило, — только куда-же намъ съ вами, чтобъ на одномъ этомъ... поприщѣ?! Какъ это можно, Николай Семенычъ!

— На одномъ, братецъ, на одномъ, это я тебѣ вѣрно говорю!.. Ну, садись-ка вотъ здѣсь, Климентій Прохорычъ!

— А ежели, какъ вашей милости угодно, и на одномъ, такъ не долго это осталось намъ быть на этомъ одномъ! тяжело вздохнувъ и махнувъ безнадежно рукой, промолвилъ Климентій Прохорычъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, что кандидатъ отыскался! Не любъ я имъ — громадѣ, хотятъ швеца произвести...

— А-а! Вотъ оно что?! произнесъ членъ, прихлебывая пуншъ. — А кто это такой — швецъ?

— Это его прозваніе. Швецъ онъ по уличному, а по настоящему онъ Крынка, Федотъ Крынка! говорилъ Верзило, стоя на приличномъ разстояніи отъ стола. — А кто онъ таковъ, такъ это не мнѣ говорить; скажутъ, по злобѣ наговорилъ, а хорошаго про него, ей-Богу, сказать нечего! Да всякій, кого ни спросить, скажетъ вамъ, что Крынка — пьяница, да онъ и сію минуту въ кабацѣ сидитъ. А лучше всего спросите встрѣчнаго... Эй, ты! Карпо! Зайди на часъ въ хату! На часъ! Дѣло есть!

Верзило постучалъ въ окно шедшему мимо мужику съ фляжкой водки въ рукахъ. Карпо былъ однимъ изъ приверженцевъ

Верзили, и послѣдній зналъ это. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, что, однако, не помѣшало ему имѣть жену и четверыхъ малыхъ ребятъ. Карпо оставилъ въ сѣняхъ фляжку, прикрывъ ее черной барашковой шапкой и, войдя въ горницу, почтительно остановился у порога.

— Вотъ баринъ желаютъ знать, кто таковъ есть нашъ Крынка! обратился къ нему Верзило. — Скажи по совѣсти, Карпо! Не для меня, а для барина!

Мужикъ улыбнулся и сдѣлалъ такую мину, какъ-будто хотѣлъ сказать: „И нашли объ комъ разговаривать, объ Крынкѣ!“

— Крынка, извѣстно, пьяный человѣкъ и больше ничего, промолвилъ онъ вслухъ; — да и теперь пьяный — дерется въ кабаки!

— Странно! какъ-же онъ попалъ въ кандидаты? удивился членъ.

— Хе! Какъ попалъ?! А развѣ мало ушмена вороговъ? А они, эти вороги, чего хотятъ? Вы знаете, чего они хотятъ? Они хотятъ напакостить Климентію Верзилѣ, они готовы-бы свинью поставить въ кандидаты, только чтобы побольше ему было конфузу! Вотъ какъ они!

— Правда, правда! подтвердилъ Карпо, переминаясь съ ноги на ногу у дверей.

— Извѣстно—правда! продолжалъ Верзило, — всякій скажетъ, что это правда. А хотите знать, за что на меня такое зло? Ступай себѣ съ Богомъ, Карпо! Тебѣ, должно-быть, не досугъ! обратился онъ къ Карпу. Карпо быстро поклонился и вышелъ.

— А оттого на меня такое зло, что я на нихъ палки жалѣю, что я мало кого въ холодную сажу; да еще оттого, что вотъ ваша милость, да еще другіе хорошіе господа ко мнѣ расположеніе имѣютъ. Завидно, значить. Ну, теперь только-бы выбрали! Не будь я Климентій Верзило, если въ одну недѣлю всю деревню не пересажаю въ холодную! Будутъ они вѣдыхать по верзиловой добротѣ!

— А что, Климентій Прохорычъ! Больно хочется тебѣ остаться головой? спросилъ членъ, вставая изъ-за стола.

— Да какъ сказать вамъ, Николай Семеннычъ!. Не то, чтобы я за этиаъ головинствомъ гнался; я, благодаря Бога, и безъ него всѣмъ доволенъ; корысти отъ него не много, а хлопотъ не обе-

решься. — Да только конфузъ, Николай Семенычъ, — вотъ что больно! — Верзило не какой-нибудь Крынеа, про Верзилу всякій скажетъ, что онъ мужикъ какъ слѣдуетъ, безпорочный мужикъ. Ну какъ-же? Былъ головой, всякій тебѣ шапку снималъ и вдругъ... сами посудите! Это хоть кому обидно! Вотъ только за этииъ однимъ я и гонюсь! Вотъ и жинка моя — всякій называлъ ее головихой, и дочка тоже... и вдругъ! Обидно, Николай Семенычъ, вотъ какъ обидно!..

И Верзило печально понурилъ голову.

— Э, что тамъ!? Не печалься, Климентій Прохорычъ! успокоивалъ членъ Верзилу, подойдя къ нему и положивъ руку на его плечо. — Конечно, голосъ народа — дѣло святое; но, авось, какъ-нибудь Богъ поможетъ!

Верзило не поднялъ головы, хотя очень хорошо понималъ, что подъ помощью Божию слѣдуетъ разумѣть помощь именитаго гостя. Онъ уже торжествовалъ, соображая, что угощеніе принесетъ ему желательный результатъ.

Близъ расправы между тѣмиъ происходило движеніе. Только-что пріѣхали депутаты изъ обрестныхъ деревень и хуторовъ, которые причислялись къ Заброшенной волости. Агитація прекратилась еще наканунѣ, такъ-какъ общее мнѣніе уже до очевидности установилось.

Изъ 48 депутатовъ не больше десятка стояли за Климентія Верзилу, остальные-же безповоротно рѣшили въ пользу Крынеа. Депутаты стояли во дворѣ расправы особнякомъ, — между ними и деревенской толпой какъ-то само собой образовалось нѣкѣмъ не занятое пространство, — сейчасъ можно было угадать, что это избранныки, хотя ни у одного изъ нихъ не было ни шарфа черезъ плечо, ни какого-либо другаго знака депутатскаго достоинства. Это были болѣею частью солидные люди съ внушительными бородами, съ жирными оттопыренными усами, въ овечьихъ козухахъ, черныхъ и сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ. Стариковъ между ними было всего два-три, остальные принадлежали къ среднему возрасту. Большинство опиралось на толстыя дубинки, съ которыхъ еще не успѣла облѣзть зеленая кора. Въ воздухѣ господствовалъ запахъ овечьяго тулупа. Даже бабы, которыя не могли имѣть прямого вліянія на выборы и вышли только для компаніи, — и тѣ нарядились въ козухи — кто въ свой, а кто въ

мужнинъ. Погода вполне благоприятствовала: крѣпкій морозъ смягчался лучами яркаго солнца, иѣрно плывшаго по безоблачному заброшенному небу. Въ воздухѣ искрились, отражая въ себѣ солнечные лучи, едва замѣтныя свѣжныя песчинки, а въ дали радужными цвѣтами играло и переливалось ледяное зеркало ставка; надъ головами избирателей летали стаи воронъ, несказанно обрадовавшихся солнечному дню; словомъ, день былъ прекрасный и сулилъ избирателямъ полную удачу.

— А что, братцы, не пришлось-бы намъ стоять тутъ до поздней ночи, сказалъ кто-то изъ среды депутатовъ: — что-то нашъ голова не показывается!

— Должно-быть, осердился за Ърынку! подалъ голосъ приземистый мужикъ въ полушубкѣ, залатанномъ какъ-разъ посрединѣ спины.

— А можетъ, ему хочется лишній часокъ побыть головой! иронически замѣтилъ сѣдой, какъ лунь, депутатъ, опираясь на толстую сучковатую палку.

— Членъ у него! сообщилъ кто-то, не принадлежавшій къ числу выборныхъ.

— Аа! Вотъ она причина! А что, братцы, много горилки было выпито вчера у Верзилы? продолжалъ иронизировать все тотъ-же сѣдой депутатъ.

— Много-не-много, а ведеръ шесть слопано! отвѣтилъ парень изъ толпы.

У него до сихъ поръ еще кружилась голова отъ верзиловскаго угощенія.

— А ты чего скалишь зубы? Тебя кто выбралъ? Небойсь самъ цѣлое ведро слопалъ у Верзилы, а теперь надъ нимъ-же рыгочешь, злобно замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, приверженецъ Верзилы.

— Го-го-го-го! заготовали почти всѣ разомъ, и легко было понять, что этотъ смѣхъ, относится къ приверженцу Верзилы.

— А какъ будемъ, панове выборные, ежели вашъ Ърынка до завтра не проспится, или возьметъ да околочится съ пьяна-го? Вѣдь онъ и сейчасъ пьянъ — голова-то вашъ, голова! въ свою очередь безпощадно иронизировалъ осмѣянный верзиловецъ.

— Ничего, не бойсь, проспится! Гляди — тебя переживетъ еще! А ежели околочится, ну... тогда Верзило вашъ займетъ позицію, ужъ такъ и быть.

Опять послышалось гоготанье, и верзиловецъ, очевидно побѣжденный, больше уже не подавалъ голоса.

Толпа почтительно разступилась и въ депутатамъ подошелъ Верзило. Онъ глядѣлъ озабоченно и пасмурно, даже сердито. Онъ даже не взглянулъ въ лицо депутатамъ, а какъ-бы мимоходомъ сказалъ:

— Сейчасъ придетъ! Будьте наготовѣ! и послѣшно ушелъ въ расправу. Если-бы избиратели знали, какъ въ эту минуту тайно страдалъ бѣдный Верзило, они, не задумываясь, изъ сожалѣнія, единогласно избрали-бы его головой. Самъ Федоръ Брынка, трезвъ-ли онъ, пьянъ-ли, — немедленно положилъ-бы ему бѣлый шаръ. Правда, Верзило смутно надѣялся на членское „авось“, но эта надежда не имѣла никакой болѣе или менѣе твердой почвы; да и самая эта толпа его односельцевъ, собирающихся собственноручно развѣнчать его, своего избранника, и выводящихъ на него то враждебные, то насмѣшливые взгляды, — она дѣйствовала на его нервы удручающимъ образомъ. Когда-же ему приходило на мысль, что сейчасъ, можетъ быть, онъ перестанетъ быть головой и жена его головихой, а дочка Ганна головинной дочкой, его бросало въ холодный потъ.

Явился и членъ. Выборные сняли шапки и поклонились. Снял шапку и членъ и отвѣсилъ имъ довольно низкій поклонъ, изъ чего сейчасъ можно было увидѣть, что онъ въ душѣ демократъ, какъ онъ часто и заявлялъ дамамъ, влюбленнымъ въ его усы, когда онъ говорили ему: „Ахъ, какое у васъ, должно-быть, жесткое сердце!“

— Ну-съ, господа! Бого-же вы назначаете кандидатами? спросилъ членъ.

Сѣдой мужикъ выступилъ изъ кучки выборныхъ. Ему, повидимому, было поручено говорить за всѣхъ.

— А порѣшили мы громадой, чтобъ изъ двухъ, значить, выборъ былъ: теперешній голова нашъ — Верзило Климентій и Брынка Федотъ, а по прозванію Швець.

— Такъ-съ! Ну, Верзилу я знаю. А какъ-бы это мнѣ съ Брынкой познакомиться?! Его здѣсь нѣтъ?

Членъ, безъ сомнѣнія, сказалъ это не просто. Онъ зналъ, что Брынка въ это время пьянствовалъ и, по его соображенію, его трудно было отыскать. Выборные смущенно переглянулись. Они

также знали, что Брынка пьянъ и имъ не хотѣлось показывать своего кандидата въ такомъ видѣ.

— Да онъ, ваше высокородіе, не трезвъ! робко заявилъ недавно осмѣянный депутатъ,—и наврядъ его теперь найти...

— Чего наврядъ? А ты пробоваль искать, продажная твоя душа? Искаріотъ! раздался голосъ изъ толпы, и передъ членомъ вдругъ вынырнулъ самъ Брынка. Онъ былъ одѣтъ какъ всѣ, шапка немножко на бекрень; смотрѣлъ онъ развязно, но на ногахъ держался крѣпко и не шатался.

— Я, ваше высокородіе, и есть этотъ самый Брынка! Онъ говоритъ, что я пьянъ?! Что-жъ, немного есть этого! Только все-жъ таки я трезвъе его!

Толпа захохотала.

— Ты? удивленно спросилъ членъ, окативъ его взглядомъ съ ногъ до головы и пожавъ плечами.

— Никто другой, какъ я! твердо отвѣчалъ Брынка, чрезвычайно дерзко глядя прямо въ глаза члену.

— Ну!.. Ладно! Такъ приступимъ-же къ дѣлу. Господа выборные, я васъ попрошу за мной, въ расправу! произнесъ членъ, повернувшись на каблучкахъ къ выборнымъ.—Онъ вошелъ въ расправу, а выборные одинъ за другимъ послѣдовали за нимъ.

Заброшенная расправа представляла довольно помѣстительную хату, посрединѣ которой стоялъ продолговатый четырехугольный столъ, накрытый зеленой клеенкой. Вдоль стѣнъ шли лавки, въ углу надъ столомъ помѣщались двѣ иконы, на которыхъ рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Не подалеку отъ нихъ на стѣнѣ висѣлъ портретъ Государя. Стоило только выйти въ сѣни и повернуть налево, чтобъ натолкнуться на „холодную“, которая была не что иное, какъ обыкновенный чуланчикъ съ землянымъ поломъ и съ круглымъ отверстіемъ вмѣсто окна, куда подавались заключеннымъ „хлѣбъ и вода“. Черезъ сѣни помѣщалась хата писаря, откуда въ расправу доносился пискъ и плачь писаревыхъ дѣтей. Въ сѣняхъ поднялся шумъ, такъ-какъ депутаты переполошили писаревыхъ куръ и гусей, имѣвшихъ здѣсь зимнюю резиденцію. Заслышавъ этотъ шумъ, взбунтовался, въ свою очередь, и поросенокъ, сидѣвшій въ „холодной“, словомъ, произошло совершенно неожиданное смятеніе.

Выборные разиѣстались по лавкамъ. За столомъ возсѣдали—съ

одной стороны членъ, передъ которымъ стояла избирательная урна и сосудъ съ черными и бѣлыми шарами, съ другой—волостной писарь,—тонкій, приземистый, бритый мужчина темнаго цвѣта, съ курчавыми волосами, черными зубами и хитрыми маленькими глазками. Передъ нимъ помѣщалась огромная чернильница и цѣлая дѣсть бумаги съ транспарантомъ. Онъ всякій разъ почесывался и кривился, когда въ комнату доносился писекъ дѣтей или крикъ поросенка.

Верзило, какъ старшина, долженъ былъ присутствовать на засѣданіи, но ему было оказано снисхожденіе, въ виду волненія, которое онъ испытывалъ, и разрѣшено было явиться въ концѣ. Засѣданіе открылось рѣчью члена къ выборнымъ. „Господамъ выборнымъ“ были краснорѣчиво объяснены ихъ права и обязанности, а также растолковано значеніе черныхъ и бѣлыхъ шаровъ. Ораторъ не преминулъ также нарисовать передъ слушателями идеаль головы, который они должны были имѣть въ виду.

При этомъ онъ болѣе всего напиралъ на то, что голова долженъ быть человѣкъ почтенный, уважаемый и не пьяница. Затѣмъ онъ предложилъ начать баллотировку съ Крынки. Выборные поднялись съ мѣстъ своихъ, совершили крестное знаменіе по направленію къ образамъ и стали подходить къ урнѣ. Бѣлые шары неслышно и даже какъ-будто нѣжно вкатывались въ урну, когда-же подходили къ ней верзиловцы, то на лицахъ ихъ выражалась непритворная злоба, и черные шары стремглавъ летѣли въ урну. Писарь принялся расчеркиваться и что-то записалъ.

— Ну, госнода, Ѳедоту Крынкѣ вышло! торжественно заявилъ членъ.—Г. писарь! занесите это въ протоколъ. Большинство 38 противъ 10!

Писарь безжалостно расчеркнулся и занесъ въ протоколъ, что полагается. Депутаты опять сѣли на свои мѣста, отвѣщались, высморкались, почесали затылки и ждали новаго приглашенія. На тридцати-восьми фізіономіяхъ выражалось нескрываемое удовольствіе. Нѣкоторые тихонько переговаривались между собою.

— А что это значить — „вышло“? Это значить — Крынкѣ головой быть? спрашивали нѣкоторые изъ депутатовъ.

— Извѣстное дѣло, значить ему головой быть! увѣренно отвѣчали другіе.

— Ну, коли вышло, то и слава Тебѣ Создателю! промолвилъ

шопотомъ сѣдой депутатъ, тотъ самый, что говорилъ съ членомъ.— А теперь, братцы, надо и Климентія потѣшить; что-жъ? Пусть и ему будетъ честь!

— Богъ съ нимъ! Потѣшимъ и его! проговорили нѣсколько голосовъ разомъ.— Ужъ коли Крынкѣ вышло, такъ отчего Верзилу не потѣшить?!

— Ну-съ! снова проговорилъ членъ,—и всѣ опять поднялись съ мѣстъ.

На этотъ разъ выборные подходили къ урнѣ съ меньшою торжественностью. Они всѣ, безъ исключенія, брали бѣлые шары и твердо и увѣренно опускали ихъ въ урну.— Затѣмъ они возвращались, садились на лавку и говорили другъ другу, чрезвычайно добродушно улыбаясь:

— Пусть и ему ужъ! Что-жъ! Все-таки онъ мужикъ почтенный!

Членъ переглядывался съ писаремъ, и оба съ трудомъ скрывали на своихъ лицахъ торжествующую улыбку.

— Климентію Верзилѣ вышло единогласно! громко промолвилъ членъ, торжественно поднявшись съ мѣста.

— Господинъ волостной писарь! Занесите въ протоколъ, что крестьянинъ Климентій Верзило выборными отъ разныхъ деревень и хуторовъ Заброшенной волости единогласно избранъ головой на второе трехлѣтіе. Поздравляю васъ, господа, съ удачнымъ выборомъ.

Депутаты, повидимому, ничего не понимали и стояли какъ ошеломленные.

— Какъ-же такъ, ваше высокородіе? Крынкѣ *вышло*, а Верзило головой будетъ? спросилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Какъ-же вы не понимаете, господа? Вы сами избирали, никто посторонній не вліялъ на васъ. Крынкѣ вышло большинство 38 противъ 10, а Верзило избранъ единогласно!

Депутаты вытаращили глаза.

— Да кто-же его избралъ? недоумѣвали они.

— Да вы-же, вы сами только-что выбрали, чудаки вы такіе! объяснялъ писарь,—Крынкѣ вы положили 38 бѣлыхъ и 10 черныхъ, а Верзилѣ—всѣ 48 бѣлыхъ. Ну, понимаете?

— Бѣлыхъ!.. Черныхъ!.. 48 бѣлыхъ!.. Что за нечистая сила!? Вы-же сказали, ваше высокородіе, господинъ членъ, что Крынкѣ *вышло*, мы и думали, что Крынка, значить, головой будетъ.

Ну, думаемъ, коли Крынкѣ вышло быть головой, то Верзилю ужь что ни брось—все едино. Давай, думаемъ, бросимъ ему по бѣлому! А теперь вотъ оно что вышло!.. Истинно, что ежели Богъ захочетъ, то покараетъ...

— Господа! торжественно и официально заявилъ членъ,—баллотировка совершилась при соблюденіи всѣхъ формальностей, указываемыхъ закономъ, и въ виду портрета Его Величества, поэтому дѣло можно считать законченнымъ. Печать приложена (въ это время писарь быстро приложилъ печать), остается только подписать бумагу.

При этомъ онъ быстрымъ размахомъ пера подписалъ свою фамилію на листѣ, подsunутомъ предупредительнымъ писаремъ. Писарь всталъ и подалъ бумагу депутатамъ.

— Грамотные, распишитесь за себя и за неграмотныхъ!

Грамотные и неграмотные стояли молча и не двигались съ мѣста.

— Господа! опять торжественно возгласилъ членъ,—вы должны помнить, что баллотировка—дѣло священное. Въ виду портрета Его Величества не должно совершаться ни одно отступленіе отъ закона, и всякое нарушеніе его предусмѣтлено законодателемъ въ уложеніи о наказаніяхъ. Въ бумагѣ написана одна только правда, а именно, что Федотъ Крынка получилъ большинство 38 противъ 10, а Климентій Верзило избранъ единогласно. Вѣдь это правда?

— Да такъ оно выходитъ... Богъ ужь его знаетъ, отчего оно такъ выходитъ! замаялись депутаты, причемъ безжалостно почесывали свои затылки.—По закону оно дѣйствительно выходитъ, что и правда. Только... кто-жъ его знаетъ?

— Писать? спросили грамотные у неграмотныхъ.

— Да, должно-быть, такъ, что писать, потому—законъ. Имъ лучше извѣстно!.. нерѣшительно отвѣчали неграмотные.

И грамотные росписались. За ними расчеркнулся писарь, и дѣло было окончено. Тѣмъ не менѣе депутаты не хотѣли двигаться съ мѣста и какъ-бы недоумѣвали, на яву это съ ними случилось или во снѣ. Они даже не переговаривались между собой и какъ-бы стыдились взглянуть другъ другу въ глаза. Въ это время въ расправу вошелъ Верзило. Онъ стоялъ все время за дверью и слушалъ, поэтому въ настоящую минуту былъ совершенно красенъ отъ волненія и удовольствія.

— Ну, поздравляю тебя, Климентій Прохоровичъ! промолвилъ членъ, обращаясь къ нему и пожимая его руку. То-же самое сдѣлалъ и писарь.

— Поздравляемъ и мы васъ, Климентій Прохорычъ! нерѣшительно прогудѣли депутаты и поклонились ему.—Видно ужъ судьба такая, чтобъ тебѣ непремѣнно головой быть.

— Спасибо, спасибо вамъ, панове выборные, спасибо! съ чувствомъ промолвилъ Верзило и даже поклонился имъ въ поясъ.

Между тѣмъ въ толпѣ избирателей, шумѣвшихъ близь расправы, уже разнеслась вѣсть, что головой избранъ Верзило. Извѣстіе это вызвало невообразимый шумъ среди мужиковъ; дѣлались разныя предположенія, догадки, и, въ концѣ-концовъ, было рѣшено, что, вѣроятно, Верзило ополтъ выборныхъ въ расправѣ. Но избиратели были окончательно поражены, когда во дворѣ показались депутаты и по всѣмъ признакамъ совершенно трезвые. Они выходили медленно одинъ за другимъ съ понуренными головами, держа въ рукахъ свои барашковыя шапки. Посыпались распросы.

— А Богъ его знаетъ! Такъ оно дѣйствительно вышло, что Верзилѣ быть головой! По шарамъ такъ вышло! Ну, мы и подписали! отвѣчали они убитымъ голосомъ. „По закону“!.. „По шарамъ!..“ „Дѣло Божье“!.. Вотъ объясненія, которыя неизмѣнно давались депутатами своимъ избирателямъ...

Вечеромъ того-же дня во дворѣ Климентія Верзили происходилъ могоарычъ. Здѣсь пьянствовала вся деревня. Брынковцы покорились „закону и шарамъ“ и совершенно слились въ чувствахъ и пожеланіяхъ своему старому головѣ. Не пришелъ одинъ только Брынка. Онъ былъ оскорбленъ. Когда-же членъ, на славу угощенный Верзилой, проѣзжалъ въ своемъ экипажѣ черезъ деревню, онъ выбѣжалъ изъ кабака и крикнулъ ему во слѣдъ такое слово, что тотъ волей не волей долженъ былъ сдѣлать видъ, что не слышитъ.

Такъ окончилась избирательная кампанія въ селѣ Заброшенное.

И. Потапенко.

НОВЫЯ ГРѢЗЫ.

И вотъ опять вернулся я
На вольный Божій свѣтъ!
Но гдѣ-же воля, гдѣ-же жизнь?
Увы, ихъ нѣтъ какъ нѣтъ...
А какъ наивно вѣрилъ я,
Что море свѣта здѣсь,
Что люди — агнцы, и что міръ
Любовью дышетъ весь;
То золотые были сны
Фантазій больной,
Картины чудной стороны,
Да жаль, что не родной!..
И только сны! Я смерть молилъ
Поэта пощадить.
Ахъ, для чего такъ страстно мнѣ
Еще хотѣлось жить,
Еще любить, еще страдать,
Бороться вновь и вновь? —
Ну вотъ она, вотъ эта жизнь,
Волнующая кровь! —
Но не любви огнемъ живымъ,
Не страстью молодой,
А безобразіемъ своимъ
И дикою враждой.
О, что за сонъ тупой вездѣ
И что за ночь вокругъ!..
. . . . .
Зари все нѣтъ! Повсюду тьма,
Шумъ битвъ, вражда, корысть...
И за вопѣйку цѣлый міръ

Иной готовъ загрызть!
Для славы, власти, какъ стада,
На бойню люди шли
И часто гибли безъ слѣда...
И такъ вѣка текли!
Порой мнѣ страшно за него —
За этотъ міръ земной,
Міръ всякой пошлости и зла,
Міръ дряхлый, міръ больной!
Такъ страшно... Часто небо я
Молилъ, чтобъ пѣснь моя
Съумѣла мертвыхъ воскресить
Для новаго житія;
Чтобы напѣвъ ея живой
Проникъ въ сердца людей:
„О, братья, станемте любить
Другъ друга потеплѣй!“
Но демонъ мнѣ шепталъ: „поэтъ!
Что толку тратить дни
На грёзы дѣтскія? Въ душѣ
Ты ихъ похорони!
Ты знаешь самъ наивность ихъ...
Вѣрь: самый громкій зовъ
Любви и жизни не дойдетъ
До слуха мертвецовъ.“

И. Ягубовичъ.

КОНТРАВАНДИСТКА.

РАВСКАЗЪ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

I.

Жители Врикюра наводятъ страхъ на весь департаментъ Сомы; но на самомъ дѣлѣ они страшны только тѣмъ, кто служитъ въ полици, въ жандармеріи и въ таможнѣ.

Врикюръ—большое село, стоящее на границѣ департамента Сомы и Па-де-Кале. Въ немъ насчитывается до тысячи жителей, единственное занятіе которыхъ—контрабанда кружевами, книгами и главнымъ образомъ табаконъ.

Небольшая узкая долина, въ которой сѣрывается эта колонія неповорныхъ, имѣетъ веселый видъ и представляетъ сильный контрастъ съ Пикардской мѣстностью, отличающейся вообще своимъ однообразіемъ и тоскливостью.

Вѣдныя домишки изъ глины или дранца, покрытыя соломой и зеленоватымъ мхомъ, стоятъ въ прямой линіи на берегу ручейка, едва имѣющаго два метра ширины, и примыкаютъ къ холмику, испещренному тѣнистыми яблонями и полямъ, засѣянными хлѣбомъ и свекловицей. Далѣе тянется громадный лѣсъ, достигающій бельгійской границы.

Въ долинѣ растиаются только луга и торфяныя ямы, окруженныя тощей ивой и пушистымъ ивовымъ кустарникомъ.

При каждомъ домикѣ есть садикъ, огороженный высокими деревянными заборомъ, но нигдѣ нѣтъ стѣны. Смѣлый промыселъ,

которыми занимаются обыватели, дѣлаетъ неудобнымъ каменные постройки. И въ самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе карабкаться по стѣнѣ, чѣмъ по заборахъ, въ которыхъ устроены тайные проходы.

Среди дня, улицы и переулки Врикюра совершенно пусты; рѣдко можно увидѣть кое-гдѣ на порогѣ стариковъ, спокойно куращихъ трубки, присматривая за маленькими дѣтьми. Мужчины, женщины, молодня дѣвушки и юноши заняты своей заботой—контрабандой.

Съ восьми часовъ вечера огни тушатся. Это время преслѣдованія и борьбы. Бригада таможенныхъ разиѣщается по равнинѣ, по болотамъ и въ лѣсу.

Какъ только контрабандистъ чувствуетъ себя окруженнымъ, онъ бросается къ забору, затѣмъ въ болото и пробѣгаетъ между вѣтвями и шиповникомъ, съ гибкостью хорька, не оставляя за собой никакого слѣда. Онъ исчезаетъ, изгибая спину подъ тяжестью запрещеннаго товара, и бѣда, если таможенный или жандармъ погорячится и зайдетъ слишкомъ далеко; неизвѣстно откуда раздается выстрѣлъ и рѣдко удается найти виновнаго. Если бываетъ убитый, трупъ тутъ-же зарываютъ и этимъ все кончается.

Судъ можетъ перерыть всю деревню, арестовать, посадить въ тюрьму, допрашивать,—все безуспѣшно. Обыватели Врикюра всё за одно.

Иногда бывали прихѣры доносовъ и сознаній; но доносчикамъ и раскаявающимся приходилось очень плохо; они, обыкновенно, куда-то исчезали.

Очевидно, что Врикюръ—товарищество людей, ожесточенныхъ противъ закона, уклоняющихся отъ всякихъ таможенныхъ условий. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что жители Врикюра негодяи; они не воруютъ, не грабятъ, они просто занимаются контрабандой. Если они убиваютъ, то только для того, чтобы спасти свою шкуру; вслѣдствіе этого окружающія деревни относятся къ населенію Врикюра съ уваженіемъ.

Репутація Врикюра страшна только для крестьянъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей...

Сначала власть употребляла всё усилія, чтобы уничтожить это товарищество, но, не придя ни къ какому результату, принуждена была помириться съ его существованіемъ и довольствоваться только строгимъ наказаніемъ, въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія.

У жителей Врикюра два сильныхъ союзника: собака и лошадь. Лошади, худыя, измученныя, годныя съ виду только для живодерни, отличныя скакуны, обладаютъ необыкновенной силой и способны переносить большія тяжести.

Въ случаѣ поимки, когда администрація продаетъ лошадь контрабандиста, то цѣна этой лошади на рынкѣ доходятъ до баснословной высоты.

Что касается собакъ, то здѣсь онѣ образецъ вѣрности, мужества, смѣлости и лукавства.

II.

Въ одно мартовское утро 18..., дорожный ландо, запряженный почтовыми лошадьми, рысью приближался по направленію къ маленькой площади Врикюра.

За экипажъ слѣдовали верхомъ двѣнадцать жандармовъ; они сошли съ лошадей въ то время, какъ изъ коляски выходили четыре человѣка, одѣтые во все черное. Двое изъ нихъ были опоясаны трехцвѣтнымъ шарфомъ и держали подъ мышкой портфели. Два другіе были безъ шарфовъ и портфелей, но зато карманы ихъ были чѣмъ-то туго набиты. Замѣтно было, что въ нихъ спрятаны пистолеты.

Ни одинъ изъ обитателей не выглянулъ изъ окна, чтобы посмотреть на этотъ кортежъ. Только два мальчугана, бродившіе по берегу болота, заросшаго зеленой травой, побѣжали съ крикомъ: — Эй! эй! Жандармы!

Этого крика было достаточно, чтобы не показался ни одинъ изъ жителей деревни; всѣ спокойно ждали дома посѣщенія представителей силы и закона.

Хотя обыватели привыкли къ такого рода неожиданнымъ посѣщеніямъ, но они еще не знали, что равнину оберегалъ кордонъ, состояшій изъ пятидесяти жандармовъ, и что дѣсь окружила рота таможенныхъ.

Это была правильная экспедиція, организованная по распоряженію суда. Четверо изъ прибывшихъ съ минуту тихо совѣщались, указывая другъ другу глазами на домъ, стоявшій какъ-разъ посреди площади и отличавшійся менѣе мизернымъ наружнымъ видомъ нежели сосѣдніе дома.

Она была покрыта черепицей, а окна украшены зелеными шторами. Это была мэрия.

— Опять к намъ нашествіе! воскликнулъ мэръ, подошедшій къ дверямъ мэрии въ одно время съ прибывшими чиновниками. Она протянулъ вѣжливо руку одному изъ нихъ, пожимая плечами въ знакъ сожалѣнія.

Мэръ, мужчина лѣтъ около сорока, открытой и симпатичной наружности, казался очень огорченнѣйшей этой новой суматохой.

— Да, любезный другъ, сказалъ сердито старшій изъ бывшихъ, — да, ваши молодцы опять вчера убили одного таможеннаго близъ *Patte-d'Oie*, и около трупа найдена записная книжка, принадлежащая Сакавену.

Мэръ взялъ записную книжку, которую показалъ ему судья, и съ любопытствомъ сталъ ее перелистывать.

— Да, дѣйствительно, но что-жъ изъ этого, зачѣмъ прибѣгать къ насилію? Развѣ вы рассчитываете найти предполагаемаго преступника Сакавена? Вамъ хорошо извѣстны нравы нашихъ обывателей, и вы рискуете поднять даромъ тревогу, напрасно обезпокоивъ вашихъ молодцовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ одинъ изъ судей съ довольнымъ видомъ, — у меня есть планъ.

— Отлично, сказалъ мэръ, наклоня голову, не безъ скрытой насмѣшки надъ претензіей законника.

Оба судьи въ шарфахъ устроились въ главной залѣ мэрии и разложили на зеленую скатерть свои бумаги и портфели; около нихъ усѣлись спутники ихъ съ набитыми карманами. Мэръ сѣлъ въ углу и небрежно покуривалъ свою трубку.

— Мнѣ серьезно васъ жаль, г. мэръ, что вамъ приходится жить съ подобнымъ населеніемъ; это положительно самоотверженіе съ вашей стороны, сказалъ судья, взглянувъ на Врикурскаго мэра.

— Вы ошибаетесь, г. судья: я, можетъ быть, по вашему не много страненъ, но я люблю этотъ уголокъ Пикардіи, и это населеніе, въ сердцѣ котораго есть немного поэзіи... Это буйныя головы, я согласенъ, но они мнѣ нравятся; они неспособны сдѣлать царапины тѣмъ, кто ихъ не трогаетъ.

При этихъ словахъ судья обнаружилъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Вы ищете Сакавена, сказалъ мэръ; — вы его не найдете; не

подумайте, однако, что я одобряю ужасное преступленіе, послужившее поводомъ вашего прїѣзда; но я знаю своихъ головорѣзовъ и у васъ не окажется никакихъ доказательствъ.

— Увы! сказалъ судья,—это не первый мой опытъ, вы это знаете и на одного или двухъ виновныхъ, которыхъ намъ удалось поймать, сколько другихъ ускользнуло изъ нашихъ рукъ!

Онъ подозвалъ знакомя двухъ жандармовъ.

— Г. мэръ, не хотите-ли вы сопровождать насъ до жилища Сакавена?

— Охотно, сказалъ мэръ.

Они вышли.

Черезъ нѣсколько минутъ два жандарма привели къ судьямъ молодую дѣвушку лѣтъ двадцати.

— Вы дочь Сакавена? спросилъ судья.

— Да! ну такъ что-жъ?

— А то, сказалъ строго судья,—что я желаю васъ допросить; старайтесь отвѣчать почтительно.

Дѣвушка была очень некрасива. Ея вздернутый носъ смотрѣлъ по направленію къ потолку. Тусклые, подернутые синевою, глаза, ииѣли въ себѣ что-то апатичное. Въ безпорядкѣ падавшіе на лобъ свѣтлорусые, почти бѣлые волосы ея, походили на паклю.

Она смотрѣла на судью съ надменностью, вовсе не соотвѣтствовавшей небрежности и вялости ея манеръ.

Изъ подъ складокъ грязнаго и изорваннаго платья выступало сильное и могучее тѣло.

Она была босая, съ непокрытой головой и съ засученными до локтей рукавами.

— Гдѣ вашъ отецъ? спросилъ одинъ изъ судей.

— Ушелъ! сухо отвѣтила дѣвушка.

— Когда онъ вернется?

— Когда ему вздумается.

— Узнаете вы эту записную книжку? настаивалъ судья, положивъ передъ дѣвушкой книжку, которую нашли около трупа таможеннаго.

— Эта книжка моего отца.

— Хорошо! сказалъ допрашивающій;—вы знаете, что эту книжку нашли около убитаго.

— Что-жъ это доказываетъ?

— Это позволяет думать, что вашъ отецъ убійца.

— Гм! произнесла дѣвушка съ сомнѣніемъ.

Затѣмъ, помолчавъ, она спросила:

— Вы меня хотите арестовать?

— Можетъ быть; это зависитъ отъ отвѣтовъ, которые вы мнѣ дадите.

— Мнѣ нечего отвѣчать вамъ, сказала дѣвушка;— мой отецъ занимается своими дѣлами, я-же стираю бѣлье; дѣлайте, что вамъ будетъ угодно, я не боюсь.

— Ну, сказалъ судья, уходите.

Дѣвушка хотѣла было уйти. Жандармы подошли и связали ей руки.

— А, мнѣ надѣваютъ наручники! воскликнула дѣвушка.

— Замолчите, сказалъ съ важнымъ видомъ судья,—и, главное, слушайте.

Общее вниманіе привлекъ шумъ приближавшихся голосовъ.

Появился человѣкъ лѣтъ тридцати, подерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя жандармами.

Маленькій, коренастый, съ низкимъ лбомъ, человѣкъ этотъ былъ вдобавокъ хромъ. Онъ крѣтко, съ нѣкотораго рода презрѣніемъ, обвелъ глазами присутствующихъ.

— Кто вы? спросилъ судья.

— Вы это хорошо знаете, быстро произнесъ арестованный; я Кене-малый; съ вашего позволенія я собираю навозъ для садовниковъ; я никому не дѣлаю зла. Что вы отъ меня хотите?

— Это мой женихъ, проговорила дочь Сакавена;—и вѣроятно поэтому вы его арестовали.

Жандармы сдавили наручники, чтобы заставить молчать молодую дѣвушку.

— Мнѣ больно! закричала она.

Кене бросилъ сострадательный взглядъ на дѣвушку, затѣмъ его взглядъ повернулся съ видомъ угрозы въ сторону судьи.

— Вы хотите знать гдѣ мой будущій свекоръ, сказалъ онъ твердо;—вы вторглись въ наши семьи, вы все знаете, вы знаете, что Марта и я любимъ другъ друга и вы хотите, можетъ быть, арестовать насъ, чтобы узнать гдѣ Сакавенъ; бесполезно; господа мы не занимаемся доносами; неправда-ли, Марта?

И онъ повернулся къ дѣвушкѣ, которая слушала его съ явными знаками одобренія.

Судьи были поражены этой рѣзкой смѣлостью и въ то-же время прямою.

Въ это время въ комнату вошелъ старикъ лѣтъ шестидесяти; онъ едва держался опираясь на кизилевую палку.

— Арестуйте меня также, пробормоталъ старикъ, такъ-какъ я дѣдушка Кене.

Глаза старика были сухи, но сверкали.

Судьи и жандармы молчали.

Въ эту минуту возвратились выходившіе куда-то два сыщика, и одинъ изъ нихъ что-то тихо сказалъ судьямъ.

По знаку судей къ нимъ приблизился мэръ и на какое-то настоятельное требованіе судьи твердо и вполголоса отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что! Все, что хотите, но только не это.

Дочь Сакавена, ея женихъ и старикъ грустно и безучастно смотрѣли на всѣхъ.

— Вы свободны, сказалъ судья тономъ досады.

Онъ собралъ всѣ свои бумаги и сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ спутниками.

У дверей его встрѣтилъ мэръ и, пожимая ему руку, добродушно замѣтилъ:

— Вамъ нужно бросить эту мысль, г. судья, вы не найдете убійцы. Конечно, я вамъ буду содѣйствовать насколько это будетъ отъ меня зависѣть, но...

— А этотъ Сакавенъ? Эта книжка?..

— Вы правы, все противъ него, но его нужно поймать.

— Мы его поймаетъ. До свиданья!

Коляска поскакала въ галопъ, сопровождаемая кортежомъ жандармовъ, и выѣхала изъ деревни, которая была также пуста, какъ и при въѣздѣ.

III.

Наступившая затѣмъ ночь была ужасна.

Всѣ жители знали объ убійствѣ, открытомъ жандармами и послужившемъ поводомъ къ упомянутой выше военной экспедиціи, и не сомнѣвались, что этия преслѣдованія и поиски не ограничатся.

Во время краткихъ и совершенно безплодныхъ допросовъ, полицейскіе жандармы и ловкіе таможенныя обшаривали болѣе подозрительныя дома, ища въ одно и то-же время предполагаемаго убійцу и доказательства контрабанды съ жадностью людей, которымъ назначена премія за поимку.

Разумѣется, поиски были, по обыкновенію, безплодны. Около девяти часовъ вечера, Кене проскользнулъ въ огородъ дома Сававена и открылъ дверь въ комнату Марты.

Марта, сидѣвшая въ углу на скамьѣ около широкаго камина, была погружена въ думу; а двѣ худыя собаки, свернувшись въ клубокъ, спали у полупотухшаго очага. Висѣвшая надъ каминомъ лампа освѣщала комнату красноватымъ цвѣтомъ. Кровать, стоящая въ глубинѣ комнаты въ альковѣ, сколоченномъ изъ старыхъ досокъ, была едва замѣтна. Безупречная чистота простынь производила странный контрастъ съ бѣдной и грязной мебелью комнаты, куда вошелъ Кене.

— Шт! не поворачивая головы, сказала Марта, услышавъ неправильные шаги своего жениха, — шт!

— А что? спросилъ Кене.

— Отецъ въ саду, подъ стогомъ, но онъ долженъ бѣжать черезъ четверть часа; мы пойдёмъ его провожать, я повесу двадцать фунтовъ табаку. Друзья уже готовы.

— Но вѣдь гѣсь окружень.

— Мы это знаемъ, другъ мой, но достаточно быть посмѣлѣй.

— А мэръ?

— Мэръ? да это онъ и спасъ насъ, ты хорошо знаешь, что ему наплевать...

Раздался выстрѣлъ. Кене вздрогнулъ.

— Что это такое? спросилъ онъ.

— Я ничего не знаю. Погоди! Не шевелись!

Марта и Кене молча смотрѣли другъ на друга.

— Это нападеніе, сказала Марта; — слушай Кене.

— Да!

Хромой схватилъ висѣвшій на стѣнѣ карабинъ и осторожно сталъ приводить въ движеніе курокъ.

Марта влѣзла на скамейку и достала съ деревяннаго шкафа два пистолета, коробочку для пороха и пули; затѣмъ она взвалила себѣ на плечи тяжелую котомку.

— Теперь пойдешь, сказала она.

Объ собаки были на ногахъ, слѣдя за малѣйшими знаками молодой дѣвушки.

— Въ путь, Кене; потуши лампу.

Молодые люди вышли.

Садъ Сакавена стоялъ на покатоности и доходилъ до ручья у болота. Кене и Марта шли ощупью, вдоль забора, по правой сторонѣ.

Ночь была темная; на небѣ ни одной звѣзды, во всей деревнѣ не видно было свѣта; повсюду гробовая тишина. Въ какой-нибудь другой деревнѣ, не въ Вриккурѣ, раздавшійся выстрѣлъ поднялъ-бы на ноги всѣхъ обывателей, которые бросились-бы на помощь и поиски; а тутъ не шевельнулась ни одна душа.

Едва можно было различить легкое шуршаніе обтрепаннаго платья Марты, когда она задѣвала кустарникъ.

— Ложись на брюхо, Кене, прошептала дѣвушка;—я хочу предупредить отца.

Они легли пластомъ на землю и прижались къ забору. Проползши такимъ образомъ около двухъ минутъ, они приблизились къ стому, подъ которымъ лежалъ, свернувшись въ клубокъ, Сакавенъ.

— Отецъ, это мы... что нужно дѣлать?

— Не знаю; тѣсь окруженъ. Я хотѣлъ было переправиться на ту сторону, но въ меня выстрѣлили наугадъ, потому-что зги не видать; я вернулся.

— А табакъ?

— На мельницѣ Patte-d'Oie. Раздѣлавшись съ этимъ негодяемъ, я его туда спряталъ.

Одна изъ собакъ начала ворчать, поворачивая носъ въ сторону рѣки.

— Идутъ, должно быть, спросилъ Сакавенъ;—гдѣ Кене? Кене исчезъ?

— Кене это моя собака, ты знаешь; онъ здѣсь.

— Мнѣ необходимо бѣжать, понимаешь, а ты наблюдай за жандармами.

Сказавъ это, Сакавенъ вышелъ изъ своего убожища.

Это былъ небольшого роста коренастый старикъ съ выгнутыми ногами, съ изогнутой спиной отъ постоянного ношенія тяжести.

— Будь что будетъ, сказалъ Сакавенъ;—дочь, бѣги къ лѣсу; а ты, Кене, подожжешь снопы, чтобы привлечь вниманіе соляннхъ приставовъ. Рискнемъ перейти черезъ рѣку, ты къ намъ придешь, или останешься, какъ тебѣ будетъ угодно; но мнѣ надо бѣжать; тутъ дѣло идетъ о моей головѣ.

Отецъ и дочь подвигались медленно вдоль нвѣ и кустарниковъ.

Когда они подошли къ тростниковому шалашу, построенному для охоты за утками, Сакавенъ началъ колебаться. Марта удерживала его за полы блузы.

Лягушки, разбухенны шумомъ шаговъ Сакавена и его дочери, прыгая и квакая, убѣгали.

— Насъ поймаютъ, если мы шевельнемся, сказала тихо Марта;—сидемъ.

Они сѣли на корточкахъ за шалашемъ; шелестъ вѣтвей возбуждиль вниманіе бѣглецовъ.

Раздался выстрѣлъ и пуля просвистала мимо ушей Сакавена. Марта сильно ударила собаку, которая своимъ движеніемъ были причиной этого выстрѣла.

Раздался другой выстрѣлъ, но въ противоположномъ направленіи.

Это былъ Кене, который также прокравшись къ берегу рѣки, старался отвлечь вниманіе въ другую сторону.

Дѣйствительно, всѣ часовне наблюдавшіе за берегомъ рѣки, оставили свои посты и направлялись въ сторону, откуда имъ было отвѣчено.

Въ то-же время загорѣлось сѣно.

Кене нашелъ подерѣвленіе въ обывателяхъ Врикура, которые соединились, чтобы сбить съ толку непріятеля и помочь Сакавену достигнуть границъ.

Сакавенъ и его дочь вошли въ воду и перешли рѣчку. Едва они достигли другого берега, какъ къ нимъ присоединился Кене.

— Впередъ! впередъ! кричалъ онъ,—друзья заботятся обо всемъ, скорѣй!

— А если лѣсъ еще окруженъ?

— Мы это увидимъ! впередъ!

Они быстро карабкались по берегу. За ними пылалъ стогъ,

освѣщая большую часть долины, между тѣмъ какъ другая часть исчезала подъ красноватымъ дымомъ. Отъ времени до времени опять начиналась пальба, точно на сраженіи. Бѣглецы все шли не оглядываясь, пока одна изъ собакъ не остановилась.

Марта припала къ землѣ и также стала прислушиваться.

Въ лицѣ дѣвушки было что-то дикое.

Вдругъ раздался шумъ голосовъ.

— Сюда, говорилъ кто-то повелительнымъ тономъ, — сюда, насъ много, не бойтесь.

Голосъ приближался и въ полѣ раздавались тяжелые шаги людей; одинъ изъ солдатъ наткнулся на стволъ яблони, и отъ толчка ружье выстрѣлило.

— Осторожнѣй, дуракъ! крикнулъ начальникъ отряда.

Отрядъ сошелъ съ холма на цыпочкахъ, и когда онъ подошелъ ближе къ рѣчкѣ, Марта, Кене и Сакавентъ рискнули приподняться и, согнувшись, ползли по берегу. Войдя въ лѣсокъ, Кене ушелъ впередъ, а отецъ и дочь слѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, внимательно прислушиваясь.

Обѣ собаки шли рядомъ съ молодой дѣвушкой.

Издали все доносились выстрѣлы въ деревнѣ.

— Ну теперь, кажется, не поймаютъ, тихо сказалъ Сакавентъ; — если мы достигнемъ *Patte-d'Oie*, черезъ четверть часа мы будемъ внѣ опасности. Кене снова остановился. За нимъ остановились отецъ и дочь. Они выходили изъ лѣсу на большую дорогу.

Дорога выгибалась въ видѣ дуги и была окаймлена двумя оврагами, на половину наполненными водой.

Бѣглецы засѣли въ одинъ изъ овраговъ и стали осматривать дорогу. Они были защищены отъ всякой встрѣчи и невидимы для прохожихъ.

Проплывши въ грязи въ продолженіи двадцати минутъ, они достигли мѣста своихъ стремленій, то есть, такъ-называемаго, *Patte-d'Oie*.

Это было распутіе, гдѣ перекрещивались пять дорогъ; съ одной стороны чернѣла опушка лѣса, съ другой была равнина, посреди которой возвышалась вѣтряная мельница, гдѣ Сакавентъ спряталъ контрабандный табакъ.

Тамъ-то и нашли группу таможеннаго.

Бѣглецы стали совѣщаться.

— Миѣ необходимо перейти границу, сказать Сакавенъ своей дочери;—но нельзя оставлять товаръ на мельницѣ. Миѣ за него заплатили впередъ; нужно быть честнымъ. Разстанемся. Ты и Бене возьмите товаръ. Я ухожу; какъ разъ пора.

Сказавши это, онъ обнялъ дочь, крѣпко пожалъ руку Бене, прибавивъ:

— Теперь спасайся кто можетъ! Когда обработаемъ это дѣло, потолкуемъ о свадьбѣ, мои дѣти.

Молодые люди бросились на шею Сакавена.

— Положись на насъ, сказала Марта,—и будь остороженъ.

Контрабандистъ пустился въ путь, причесавъ все-таки въ оврагѣ. Молодые люди продолжали прислушиваться.

IV.

Въ то время какъ Сакавенъ исчезъ во тьмѣ, Марта и Бене переходили лугъ. Не доходя еще до мельницы, послѣдній сказалъ Мартѣ:

— Намъ лучше разстаться. Если насъ поймаютъ вмѣстѣ въ *Patte-d'Oie*, это будетъ новой уликой.

— Твоя правда, сказала Марта,—но я все-таки буду слѣдить, чтобъ кто-нибудь не подошелъ.

Она остановилась посреди поля и сѣла, а около нея растянулись собаки.

Бене, сильно прихрамывая, спѣшилъ къ мельницѣ; нужно было позаботиться объ упаковкѣ контрабанды, припрятанной Сакавенемъ. Онъ ловко вскарабкался по лѣстницѣ, ведущей къ дверямъ. Влѣво, у дверей, былъ устроенъ родъ деревяннаго балкона. Мельникъ Пикарь, съ бумажнымъ колпакомъ на боку, проводилъ тамъ лучшіе часы дня, куря трубку, въ то время, какъ вѣтеръ, завывая, вертѣлъ крылья мельницы. Сюда контрабандисты Врикюра складываютъ на время тяжелую кладь, которую имъ удается пронести мимо таможенныхъ.

У нихъ установлено строгое распредѣленіе обязанностей; по ночамъ они переносятъ тѣя товаровъ съ мельницы на мельницу, пока не обойдутъ опасныя пункты...

Бене нашелъ тамъ корзину, приязалъ ее къ спишѣ, быстро сошелъ съ лѣстницы и побѣжалъ по направленію къ лѣсу.

Когда онъ хотѣлъ перейти оврагъ, раздѣлявшій дорогу отъ лѣска, онъ почувствовалъ на своихъ плечахъ двѣ сильныя руки и услышалъ слова:

— Вотъ, наконецъ, одинъ!

Бене не потерялъ присутствія духа.

Онъ придавилъ пальцемъ курокъ своего карабина. Раздался выстрѣлъ. Это былъ сигналъ, данный Мартѣ.

Испуганный жандармъ сильно ударилъ его кулакомъ по голѣвѣ.

— А! а! мой милый Бене, вотъ чѣмъ ты занимаешься, губоскалилъ жандармъ.

Едва придя въ себя, ошеломленный Бене попробовалъ сопротивляться.

Освободившись отъ объятій противника, онъ пытался ударить его въ свою очередь; опасаясь, чтобы жандармъ не выстрѣлилъ ему въ лицо, онъ принялъ предосторожность, крѣпко сжавъ ему руки.

Бене былъ очень силенъ, но привязанный къ спинѣ грузъ мѣшалъ ему двигаться. Жандармъ вырвался у него изъ рукъ. Однако, выстрѣлъ обратилъ вниманіе Марты и въ то время, какъ ея женихъ боролся съ жандармомъ, она спѣшила на помощь.

Вмѣсто того, чтобы оставаться на короточкахъ, она совѣмъ растянулась на землѣ; держа въ каждой рукѣ по пистолету она ползла, такимъ образомъ, по направленію къ Бене.

Обѣ собаки ползли рядомъ съ ней; по временамъ она ласкала ихъ, какъ-бы прося быть осторожными. Эти животныя, привыкшія къ подобнымъ предпріятіямъ, прятались, дрожа отъ нѣтерпѣнія и злости.

По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ мѣсту борьбы, Марта яснѣй понимала, что тамъ происходило. Оба противника схватились въ охапку, стараясь повалить другъ друга; ноги ихъ скрестились, слышны были подавленные вздохи. Сухіе листья трещали подъ сапогами; сабля у жандарма звенѣла. Марта спѣшила, скользя, какъ змѣя. Подойдя совѣмъ близко къ борцамъ, она слегка приподнялась и стала на четверенькахъ, какъ ребенокъ, играющій въ лошадки.

Бене и жандармъ продолжали бороться.

Вдругъ она перепрыгнула ровъ и пустила на жандарма своихъ собакъ.

— Бусь! Бусь!

Кене лежалъ на землѣ, поваленный жандармомъ. Онъ собирался уже раздавить Кене ударомъ каблука, когда вдругъ почувствовалъ, что одна изъ собакъ схватила его за горло.

Марта бросилась на него и выстрѣлила въ упоръ.

— А! негодная! вскричалъ жандармъ, въ котораго не попала пуля,— васъ двое!

Кене хрипѣлъ.

Услышавъ шелестъ платья возлѣ дерева, жандармъ бросился туда, отбиваясь въ то-же время отъ собакъ, прыгавшихъ вокругъ него и кусавшихъ его съ яростью. Онъ схватилъ Марту за руку.

— Ты дочка Сакавена?

— Да, это я, сказала она,—кусь! кусь!

Собаки не выпускали жандарма.

Несмотря на неожиданность атаки, послѣдній успѣлъ выхватить саблю и старался избавиться отъ собакъ.

Въ то время, какъ жандармъ защищался противъ нападенія этихъ ужасныхъ животныхъ, Марта побѣжала къ Кене.

Онъ задыхался, такъ-какъ на немъ была корзина, мѣшавшая ему подняться.

Подойдя къ Кене, Марта помогла ему освободиться отъ тяжести, перерѣзавъ ремни, и сказала:

— Скорѣй, бѣги, Кене, пока собаки его душатъ; бѣги; здѣсь навѣрное есть гдѣ-нибудь помощь.

— Я не могу больше идти, сказалъ Кене, тяжело вздохнувъ.

— Что съ тобой?

— Я не знаю, онъ мнѣ навѣрное что-то сломалъ.

Марта подняла Кене, который пытался стать на ноги, но застоналъ и снова повалился.

— Нога сломана! вскрикнулъ Кене.

— Подожди, бѣшенно прошептала Марта,—подожди, я отищу за тебя.

Она побѣжала въ ту сторону, гдѣ жандармъ боролся съ собаками.

Когда она подошла туда, одна изъ собакъ была убита, а другая, возбужденная видомъ крови, продолжала кусать несчастнаго жандарма, который совсѣмъ измучился.

— Снѣлѣй! снѣлѣй! кричала Марта, и бросилась на него.

— На этотъ разъ ты не спасешься, сказала она, выстрѣливъ изъ второго пистолета прямо ему въ глазъ.

Жандармъ упалъ замертво. Обезумѣвшая въ борьбѣ, Марта бросилась на трупъ съ дикой радостью и стала топтать его ноги. Она наступила на выпавшую изъ рукъ жандарма саблю и, схвативъ ее, опьяненная запахомъ крови, принялась рубить трупъ; затѣмъ въ изнеможеніи упала къ ногамъ убитаго ею человѣка.

Оставшая въ живыхъ собака съ нѣжностью лизала ей лицо.

Неподвижно лежащій Кене съ безпокойствомъ ждалъ возвращенія Марты.

До того момента, когда Марта упала отъ усталости и волненія, до Кене доходилъ отдаленный шумъ борьбы. Теперь вокругъ него царствовала мертвая тишина. Не слыша больше шума, онъ съ трудомъ поднялся и тащился, какъ мотъ, отъ дерева къ дереву, по тому направленію, куда убѣжала Марта.

— Марта! кричалъ онъ полушопотомъ, — Марта! гдѣ ты? Мнѣ больно.

Марта молчала.

Тогда онъ кликнулъ собаку; оставшаяся въ живыхъ собака узнала голосъ Кене и, подбѣжавъ, стала лизать ему лицо. Кене съ отвращеніемъ отвернулся; онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ кровь, текущую съ отвисшихъ губъ животнаго.

Полный ужаса и безпокойства, онъ ускорилъ движеніе; собака указывала ему дорогу. Онъ наткнулся на тѣло Марты и началъ сильно трясти его, забнвъ о страданіи, которое причиняло ему его сломанная нога. Марта не шевелилась. Онъ пощупалъ ея сердце — оно билось сильно; положилъ ей руку на виски — они были горячи; тогда онъ укололъ ей лицо колючей травой.

Марта пришла въ себя.

— Это ты, мой Кене, сказала она съ нѣжностью, — это ты, ты не умеръ... я еге убила, вотъ пойдн посмотри тамъ...

Она протерла глаза, затѣмъ быстро и свирѣпо вскочила.

— Однако, скоро разсвѣтаетъ, уйдемъ скорѣй... насъ здѣсь увидать и возьмутъ.

— Все кончено, моя дорогая, сказалъ Кене отчаяннымъ голосомъ, — я едва могу ползти... сейчасъ пройдутъ жандармы, таможенныя, всѣ тѣ, которые атаковали деревню, и возьмутъ насъ.

— Слѣдѣй! кричала Марта;—взлѣзь на мою спину.

И она помогла ему вскарабкаться къ себѣ на плечи. Когда онъ обхватилъ ея шею, Марта побѣжала черезъ лѣсокъ. На горизонтѣ занимался день.

Изъ-за опушки лѣса видѣлась полоса освѣщеннаго дуга; слышать мельницы Patte-d'Oie видѣлся на блѣдномъ небѣ.

— Мы въ самомъ дѣлѣ погибли, сказала Марта.

— Спрячемся въ лѣсу, шептала Кене.

Онъ не могъ удержать стона.

— Тебѣ больно, Кене?

— Ужасно!..

Вдали по дорогѣ слышался конскій топотъ. Молодые люди удерживали дыханіе. Топотъ приближался.

— Стой! раздался издали голосъ начальника.

Это были жандармы, какъ предвидѣлъ Кене, возвращающіеся изъ Врикюра.

Спустя нѣсколько минутъ, глазамъ бѣглецовъ представилось ужасное зрѣлище. Пришедшій вслѣдъ за конными, отрядъ пѣшихъ жандармовъ велъ съ десятокъ обывателей деревни, связанныхъ, окровавленныхъ, хромыхъ и съ трудомъ волочившихъ ноги.

За ними слѣдовали повозки, въ сопровожденіи, покрытыхъ пылью, таможенныхъ. Всѣ лица носили на себѣ еще слѣды ужаса и бѣшенства.

— Обыскать лѣсъ! крикнулъ голосъ начальника.

Тогда отрядъ пѣхоты, сопровождавшій плѣнниковъ, образуя полукругъ, вошелъ въ лѣсъ.

Марта и Кене, прижавшись другъ къ другу, старались укрыться въ лѣсу, куда осторожно пробирались солдаты.

Бѣгство было невозможно; имъ остался одинъ исходъ: взлѣзть на дерево.

— Полѣзай на этотъ дубъ, сказалъ Кене тихимъ голосомъ Мартѣ,—я этого не могу сдѣлать, тѣмъ хуже! я поплачусь за тебя и за другихъ, но я буду бороться и убью хоть одного изъ жандармовъ будь увѣрена.

— Нѣтъ, мы умремъ вмѣстѣ; къ счастью отецъ спасетъ.

— Намъ отрубятъ голову, вздохнулъ Кене.

— Ну такъ застрѣлимся! сказала Марта.

Они бросились другъ другу на шею и оставались нѣкоторое время въ объятіяхъ.

Затѣмъ, схвативъ ножи, они приготовились - было убить другъ друга, какъ вдругъ замѣтили не вдалекѣ за собой тихо приближающихся жандармовъ.

— Можно идти прямо! Среди бѣлаго дня ни одинъ изъ этихъ разбойниковъ не осмѣлится войти въ лѣсъ, сказалъ одинъ изъ нихъ;—я усталъ, будетъ. Идемъ домой.

— Нѣтъ, подожди, здѣсь что-то есть.

Онъ нагнулся и схватилъ одинъ изъ ремней корзины Кене, лежавшей на землѣ въ сухихъ листьяхъ.

Марта вдругъ встала и подбѣжала къ жандарму.

— Ну возьмите насъ, мы больше не въ состояніи срываться. Вотъ вамъ дочь Сакавена!

Она держалась прямо и гордо смотрѣла на жандармовъ.

Кене не могъ больше двигаться.

Одинъ изъ жандармовъ прицѣлился въ нее.

— Можешь стрѣлять, если хочешь, сказала молодая дѣвушка.

— Марта, убей меня, я очень страдаю, стоналъ Кене.

Услышавъ шумъ, приближали и другіе солдаты. Дѣвушку связали, а Кене пришлось отнести въ одну изъ тѣлежекъ, гдѣ его помѣстили рядомъ съ ранеными и умирающими.

Борьба была жаркая; всѣ здоровые, сильные обыватели Брикура сражались до послѣдней минуты и потери были значительны съ обѣихъ сторонъ.

Таможенныя и жандармы, напали на деревню тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что хотѣли отомстить за одного изъ своихъ товарищей и рассчитывали схватить страшнаго Сакавена, котораго они считали организаторомъ защиты деревни.

Когда отрядъ замѣтилъ Марту, раздался общій крикъ удовольствія. Она прошла мимо, бросивъ на жандармовъ взглядъ, полный презрѣнія и ненависти.

Подойдя къ начальнику жандармовъ, она ему крикнула:

— Капитанъ, у васъ недостаетъ еще одного жандарма.

Тотъ понялъ намекъ и сталъ ее грубо допрашивать:

— Гдѣ трущъ, мерзавка?

Она повернула медленно голову по направлению къ оврагу и проговорила:

— Тамъ! Ищите, это ваше дѣло.

Спустя немного времени, принесли трупъ жандарма, убитаго Мартой.

При видѣ этого, искусааннаго собаками лица и раздробленнаго нистолетнымъ выстрѣломъ черепа, изъ котораго выглядывалъ мозгъ, всѣми, даже плѣнными, овладѣлъ ужасъ. Начальникъ отряда съ трудомъ удерживалъ ярость своихъ людей, которые хотѣли броситься на Марту, чтобы разорвать ее на куски.

— Смирно! закричалъ онъ,—мы не имѣемъ право убивать; борьба кончена; теперь вступаетъ въ свои права правосудіе.

Марта не обнаружила ни страха, ни угрызения совѣсти. На ея лицѣ можно было прочесть даже выраженіе удовольствія.

Собака слѣдовала за Мартой, незамѣтно проскользнувъ между жандармами. Вдругъ она подошла къ Мартѣ и начала лизать ей руки, которыя были связаны у нея за спиной. Одинъ изъ жандармовъ хотѣлъ ее прогнать, но собака въ бѣшенствѣ укусила его за икру.

Жандармъ крикнуть и пригвоздилъ животное къ землѣ концомъ штыка; остальные покончили съ нимъ прикладами и сбросили его ногами въ оврагъ, гдѣ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Сакавенъ, Марта и Кене брели съ такими предосторожностями.

Отрядъ пустился въ путь.

Было уже совсѣмъ свѣтло; солнце бросало свои лучи на усѣянную цвѣтами равнину и обливало золотистымъ свѣтомъ лѣсной кустарникъ. Сверкали сабли, штыки и ружейные стволы. Лошади ржали отъ удовольствія, почувавъ утреннюю свѣжесть.

Впереди всѣхъ шла Марта, окруженная жандармами. Она была испачкана порохомъ и кровью; изодранное ежевикой и замаранное грязью платье плотно прилегало къ тѣлу; солнце придавало серебряный отливъ ея свѣтлымъ волосамъ, что дѣлало ея лицо еще болѣе блѣднымъ и страшнымъ. За этимъ ираннымъ авангардомъ съ вынужденно-равнодушнымъ видомъ шли побѣжденные обыватели Врикюра. Рядомъ съ начальникомъ жандармовъ ѣхалъ мэръ Врикюра; онъ былъ верхомъ на толстой рабочей лошади, на которой сидѣлъ тяжело и неловко.

Мэръ имѣлъ грустный и убитый видъ; въ деревнѣ нибогда не

происходило такого ужаснаго погрома; онъ еще до сихъ поръ не могъ вспомнить безъ ужаса прошедшей ночи. Онъ считалъ своей обязанностью сопровождать вооруженную силу до тюрьмы, тѣмъ болѣе, что ему предстояло еще дать свои показанія.

Бѣдняга былъ возмущенъ всѣми насиліями и не могъ удержаться отъ упрека за эту облаву.

— Вѣдь говорилъ я вамъ, что слѣдователь лучше-бы сдѣлалъ, если-бы отказался отъ этого дѣла; Сакавена вамъ такъ и не удалось поймать. Я зналъ, что онъ улизнетъ.

— Да, но зато мы захватили другихъ, отвѣчалъ офицеръ; — нужно показать примѣръ и примѣръ ужасающій.

— Печально! печально! прошепталъ только мэръ, продолжая путь.

— А знаете, замѣтилъ начальникъ, — эта Марта хоть и каналья, но бѣдовая дѣвушка.

— Она, тѣмъ не менѣе, будетъ приговорена къ смерти, не правда-ли?

— И гильотирована, я васъ увѣряю;—она и ея женихъ; чортъ меня возьми, если я ошибаюсь.

VI.

Капитанъ сказалъ правду.

Дѣйствительно, три мѣсяца спустя послѣ описанныхъ нами происшествій, въ полночь, деревня Вриккуръ была занята войскомъ.

Ваталіонъ пѣхоты выстроился на маленькой площади противъ мэріи; отрядъ таможенныхъ стоялъ съ другой стороны; затѣмъ, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ подѣхала тѣлега, нагруженная бревнами, шестами и досками различныхъ размѣровъ.

Это была гильотина.

За ней слѣдовала дорожная коляска. Пріѣзжіе вышли изъ экипажа и вошли въ обширный домъ, на порогъ котораго встрѣтилъ ихъ человѣкъ со свѣчой въ рукахъ, бывший одновременно секретаремъ мэра и архиваріусомъ гражданскаго правленія Вриккура. Пріѣзжіе были палачъ, его помощники и тюремный священникъ.

Во всей деревнѣ въ окнахъ не видно было свѣта.

Люди, привезшіе гильотину, приступили къ работѣ; менѣе чѣмъ въ часъ орудіе казни было воздвигнуто. Тишина ночи нарушалась глухими звуками молотка и бряпаньемъ оружія; ни одинъ изъ обывателей деревни не трогался; всѣ знали, что для Марты и Кене наступилъ часъ искушенія.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ, лѣсомъ, равниной и проѣзжей дорогой сходились изъ окрестностей крестьяне, неся на спинѣ своихъ дѣтей, крестьянки съ корзинками въ рукахъ и господа изъ сосѣднихъ городовъ, одни верхомъ, другіе въ коляскахъ.

Въ одно мгновеніе единственная улица Врикюра покрылась толпой любопытныхъ, жаждущихъ видѣть казнь.

Этихъ людей привлекла сюда не одна только страсть къ кровавому зрѣлищу. Процессъ Саквавенъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ.

Кене и Марта держали себя на судѣ такъ твердо и даже дерево, что вся эта толпа жаждала видѣть, какъ съумѣютъ умереть злосчастные герои этой драмы.

Когда эшафотъ былъ готовъ, помощники палача, на глазахъ у толпы, напоръ которой съ трудомъ удерживали солдаты, — стали пробовать орудіе казни, бросая подлѣ лезвее косяка куски мяса. Затѣмъ они удалились въ мѣрлю. Моментъ казни приближался.

Толпа замѣтно росла. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, сидя на сырой землѣ, на-скоро ѣли и пили прямо изъ бутылокъ сидръ и водку.

Единственная гостинница Врикюра была заперта. Несмотря на возможность хорошей наживы, трактирщикъ, въ знакъ траура, не открылъ своего заведенія.

Въ семь часовъ къ эшафоту подъѣхала тюремная карета.

Палачъ съ помощниками были уже на своихъ мѣстахъ; внизу, у лѣстницы, неподвижно стоялъ съ распятіемъ въ рукахъ священникъ.

Толпа, жандармы, солдаты, таможенные всѣ оставались безмолвны.

Двери, ставни, занавѣски все было въ деревнѣ герметически заперто и завѣшено. У оконъ не было ни души. Карета стояла минутъ пять прежде чѣмъ одинъ изъ осужденныхъ вышелъ отсюда. Священникъ приблизился и сталъ у дверцы.

Толпа, не зная причины такой медлительности, задыхалась.

Осужденнымъ позволили поцѣловаться въ послѣдній разъ.

— Не бойся Кене, сказала Марта, — мы скоро освободимся; подумай, что нашъ отецъ спасенъ и что мы сегодня вѣнчаемся.

— Я не боюсь, отвѣчалъ тихо Кене.

Они братски обнялись, и двѣ головы, которымъ черезъ минуту предстояло скатиться, въ послѣдній разъ нѣжно поцѣловались.

Марта вышла первая. Волосы ея были сбриты и шея казалась слишкомъ длинной. Она пристально посмотрѣла на топоръ и смѣло взошла на первую ступеньку.

Затѣмъ повернувшись, она быстро поцѣловала распятіе, которое ей подалъ священникъ, и отдалась въ руки палача.

Блескъ топора... струя крови, брызнувшая по обѣ стороны плахи, глухой шумъ... и все кончено.

Едва палачъ поднялъ ножъ, какъ въ лѣстницѣ подошелъ, хромая, Кене. Онъ съ трудомъ шель; его сломанная нога, которую ему скверно вправили во время пребыванья въ тюрьмѣ, усиливала его страданія. Онъ имѣлъ убитый и измученный видъ. Принявъ благословеніе священника, онъ вздохнулъ свободно, равнодушно взглянулъ на толпу и... послѣдовалъ за Мартой.

Безмолвная дотогѣ толпа вдругъ загудѣла...

Спустя часъ, палача, солдатъ и любопытныхъ уже не было, и обитатели деревни начали выходить изъ своихъ домовъ.

VII.

Вечеромъ, Врикурскій мэръ, не пожелавшій присутствовать при казни, сильно взволнованный, взобрался на чердакъ.

Тамъ, на соломѣ, лежалъ старикъ и рыдалъ. Это былъ дѣдъ Кене; рядомъ съ нимъ Сакавенъ, переодѣтый въ таможеннаго, держалъ его за руку. При извѣстіи о предстоящей казни дочери, Сакавенъ рѣшился придти въ Врикуръ, чтобы взглянуть на дочь; такимъ образомъ, изъ окна чердака онъ былъ свидѣтелемъ казни.

— Я сдамся, сказалъ онъ мѣру; — я слишкомъ страдалъ.

— Вы можете еще бѣжать, спасайтесь!

— Я или сдамся, или покончу съ собой, сказалъ Сакавенъ.

Протившись съ старикомъ и съ мэромъ Врикюра, Сакавонъ ушелъ и скрылся между заборами.

На другой день Врикурскій мэръ сопровождалъ судью, нарочно пріѣхавшаго констатировать фактъ самоубійства Сакавена, котораго нашли повѣсившимся въ лѣсу.

— На этотъ разъ мы таки поймали этого негодяя, сказалъ съ довольнымъ видомъ судья.

— Да, грустно вздохнулъ Врикурскій мэръ.

И онъ отвернулся, чтобы урядкой вытереть двѣ крупныя слезы.

ОЧЕРКЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ НАУКУ.

IV.

Сила идей переживанія. — Эд. ф.-Гартманъ. — Взглядъ его на оптимизмъ. — Отзывъ о Гартмановскомъ пессимизмѣ Дюринга. — Попытка ориентироваться въ вопросѣ объ оптимизмѣ и пессимизмѣ. — Сущность общефилософскаго ученія Гартмана. — Роль на землѣ людей по его ученію. — Отношеніе его къ проповѣди о равенствѣ всѣхъ. — Другіе представители теорій, относящихся къ явленіяхъ переживанія.

Теорія развитія, примѣненная къ объясненію явленій общественной жизни, опираясь на гипотезы, конечно, далеко не въ надлежащей степени научна, и далеко не всѣ факты объясняются ею удовлетворительно. Оттого-то и мыслимо до сихъ поръ существованіе на свѣтѣ старыхъ теорій о господствѣ въ мірѣ случая, произвола, регресса и круговращенія. Мы уже сказали раньше, что держатся эти теоріи въ умахъ людей, какъ явленія переживанія. То-же повторимъ мы и теперь; добавимъ только, что это обстоятельство не даетъ намъ права относиться къ нимъ спустя рукава. Дѣло въ томъ, что подчасъ явленія переживанія въ области мысли пріобрѣтаютъ настолько яркости, что такъ-называемое образованное общество начинаетъ ихъ невольно себѣ усваивать, начинаетъ руководиться ими при оцѣнкѣ всего окружающаго и тѣмъ самымъ какъ-бы отгѣснять на задній планъ передовыя идеи своего вѣка. Только при упорномъ участіи литературы и науки, эти послѣднія снова получаютъ значеніе, и число адептовъ у теорій отживающихъ все уменьшается и уменьшается.

Изъ современныхъ намъ явленій переживанія особеннаго вниманія заслуживаетъ теорія Эдуарда фонъ-Гартмана, пессимизмъ котораго, во многомъ сходный съ Шопенгауэровскимъ, имѣлъ въ послѣднее время въ Германіи много послѣдователей, такъ-что, по выраженію одного изъ рецензентовъ, пишущихъ въ „Revue philo-

sophique⁴, въ распоряженіи его теперь все: у него свои поэты, свои живописцы, свои скульпторы, свои политическіе дѣятели. Ученіе Гартмана *) въ той его части, которая касается социальныхъ явленій, до извѣстной степени есть старая теорія круговращенія, хотя въ ней подчасъ заходитъ рѣчь и о прогрессѣ. Оживленіемъ симпатій къ своей не новой теоріи Гартманъ обязанъ, главнымъ образомъ, тому, что, трактую объ явленіяхъ общественной жизни, онъ выступилъ съ рѣзкимъ противорѣчіемъ ученію о господствѣ въ мірѣ счастья и вѣчнаго прогресса. Съ какими-бы аргументами ни являлись оптимисты, Гартманъ возражаетъ имъ на все. По его утвержденію, оптимизмъ можетъ быть трехъ видовъ или, вѣрнѣе, можетъ послѣдовательно перебивать въ трехъ фазахъ развитія. Наиболѣе грубый *тривиальный оптимизмъ* безъ дальнихъ размышленій стоитъ за то, говоритъ Гартманъ, что хорошаго на свѣтѣ больше чѣмъ дурного; подводя итогъ добру и злу, мы убѣждаемся будто-бы, что первый значительнѣе. Второй видъ оптимизма—*этическій*, по словамъ его, тоже защищаетъ положеніе, что счастье преобладаетъ въ свѣтѣ, и что это такъ, поручкой тому—существованіе въ мірѣ нравственнаго начала, хотя, быть можетъ, количество страданій, бѣдствій и больше, чѣмъ количество удовольствій, наслажденій. Третій видъ оптимизма—*религіозный* выступаетъ также сторонникомъ положенія о господствѣ счастья, несмотря на обиліе страданія, и мотивомъ къ такому утвержденію выставляетъ существованіе въ мірѣ религіознаго сознанія. По мнѣнію Гартмана, всѣ три вида оптимизма одинаково трудно поддерживать, и всѣ они встрѣчаютъ серьезныя возраженія. Тривиальный оптимизмъ всѣми уже покинутъ. Этическій оптимизмъ доказываетъ только, что какъ для индивидуума, такъ и для общества самымъ сноснымъ является существованіе, основанное на нравственности, но этимъ еще вовсе не устанавливается, что существованіе, хотя-бы улучшенное такимъ образомъ, заслуживаетъ предпочтенія передъ небытіемъ. Наконецъ, хотя религіозный оптимизмъ можетъ доставлять вѣрующимъ реальныя и очень интенсивныя радости, онъ достигается, однако, путемъ болѣе или менѣе бессознательныхъ иллюзій, и Гартманъ пророчитъ, что даже въ религіозномъ сознаніи горе, страданіе будетъ имѣть верхъ надъ радостью, какъ только иллюзіи эти исчезнутъ. Все это даетъ Гартману поводъ даже къ такого рода категорическому утвержденію: „недавнія литературныя

*) При составленіи настоящей главы мы пользовались, между прочимъ, статьёй г. Рейнаха въ „Revue philosophique“ (1879) по поводу новой книги Гартмана: „Phänomenologie des Sittlichen Bewusstseins, Prolegomena zu jeder Künftigen Ethik“. Berlin, 1879.

сужденія о пессимизмѣ дали тотъ несомнѣнный результатъ, что тривіальный оптимизмъ, со включеніемъ оптимизма, утѣшающагося приобрѣтеніями разума—наукой и искусствомъ, долженъ быть разсматриваемъ, какъ ученіе покинутое всѣми мыслящими людьми въ Германіи, что эмпирическихъ доводовъ въ пользу пессимизма не знаютъ только люди ограниченные и зараженные предрасудками, и что защищать теперь есть возможность только или оптимизмъ этической, или религіозный, такъ-какъ и тотъ и другой допускаетъ признаніе пессимизма эмпирическаго“. Для бѣльшей вѣскости этихъ положеній Гартманъ добавляетъ: „Можно убѣдиться, бесѣдуя съ людьми низшихъ классовъ, что, наперекоръ существующимъ системамъ, пессимизмъ таятся въ глубинѣ челоуѣческой природы... Эстетическое удовольствіе, внушаемое трагическимъ, есть также лучший доводъ въ пользу этого“.

По поводу приведеннаго и другихъ мѣстъ въ книгѣ Гартмана невольно поражаетесь несоразмѣрностью между его утвержденіями и тѣми доводами, которые онъ приводитъ для ихъ подкрѣпленія. Подобное заключеніе относительно пессимизма Гартмана можетъ сдѣлать всякій, строго держащійся научной почвы, но иначе думаетъ о Гартманѣ и его ученіи нѣмецкая читающая публика. Поражаясь послѣдствіями экономической борьбы, дающей себя звать въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ порядкомъ, послѣдствіями, одинаково бѣдственными и для богатаго, до сихъ поръ благоденствовавшаго меньшинства, и для голоднаго голаго бѣльшинства; поражаясь вырожденіемъ, смертью и прочими бѣдами, царящими и въ городахъ, и въ селахъ, нѣмецкое общество невольно перестаетъ вѣрить оптимистическимъ идеаламъ, и число послѣдователей Гартмана растетъ и растетъ. Гартмана, по успѣху, приобрѣтаемому имъ теперь въ Германіи, нѣкоторые, быть можетъ, нѣсколько смѣло сравниваютъ съ Гегелемъ, бывшимъ нѣмецкимъ божкомъ въ тридцатыхъ годахъ.

Но было-бы вполне неосновательно предположить, будто Гартманъ, мрачными красками рисуя современную жизнь и утверждая, что въ мѣрѣ преобладаетъ зло, по складу своихъ соціальныхъ воззрѣній и въ особенности по складу тѣхъ своихъ воззрѣній, которыя соприкасаются съ экономическими вопросами, идетъ рука объ руку съ демократическими современными ученіями. Ничуть не бывало. Гартманъ—челоуѣкъ меньшинства привилегированнаго и никогда нигдѣ не забываетъ его интересовъ. Послѣднее обстоятельство вызвало даже слѣдующій отзывъ о немъ у проф. Дюринга: „гнилые слои высшаго общества забрались, вмѣстѣ съ своею шайкой не менѣе гнилыхъ литераторовъ, подъ эгиду Шопенгауэра, разсчитывая этимъ авторитетомъ сколько-нибудь удобно укрыть свою суц-

ность и извращенность нравовъ. Эта печальная разновидность рода человѣческаго требуетъ бьющихъ въ глаза произведеній. Она находитъ удовольствіе только въ томъ, что представляетъ соединеніе фривольной легкости съ деспотическою грубостью и въ чемъ есть добрая примѣсь мистическаго и эротическаго элементовъ. Изъ среды подобнаго общества явились, помимо другихъ, фонъ-Застровъ, живописецъ *) и Эд. фонъ-Гартманъ, философъ благодаря рекламамъ. Оба они сьумѣли, каждый на свой ладъ, привлечь къ себѣ вниманіе публики. Первый доставилъ факты, второй истолковалъ ихъ сокровенный смыслъ при помощи „философіи бессознательнаго“. Феномены эти, продолжаетъ Дюрингъ, — относятся къ патологій общества и далеко оставляютъ позади себя все, что можно назвать позорной болѣзью“. Утверждая, что теперешняя цивилизація обязана своимъ существованіемъ меньшинству, Гартманъ, конечно, не могъ-бы заслужить подобнаго отзыва: противъ факта трудно спорить; но Гартманъ не ограничивается утверженіемъ только-что приведенной истины, не могущей подлежать спору, — онъ идетъ дальше и говорить, что, согласно органическимъ законамъ дифференцірованія, передовое меньшинство, чѣмъ дальше, должно становиться все меньше и меньше сравнительно съ остальной массой населенія. Въ этомъ-же утверженіи, вытекающемъ, какъ увидимъ, изъ общей схемы Гартмановскаго ученія, Дюрингъ и др. сторонники демократическихъ ученій легко могли увидѣть тенденцію, полезную привилегированному меньшинству, а послѣднее именно изъ-за этого оказалось склоннымъ видѣть въ Гартманѣ выразителя идей своего вѣка. Въ виду всего этого, пожалуй, можно не признавать за Гартманомъ значенія, если имѣть въ виду интересы большинства, но мы не должны забывать, что, такъ или иначе, характеризуя современныя воззрѣнія философій, мы не имѣемъ права забыть печальной истины о принадлежности современной цивилизаціи одному привилегированному меньшинству. Такимъ положеніемъ вещей можно быть недовольнымъ, можно, какъ мы уже показали въ концѣ прошлой главы, всѣ силы напрягать къ тому, чтобы оно исчезло и замѣнилось болѣе высокимъ, при которомъ большинство было-бы причастно всѣмъ благамъ цивилизаціи, но отрицать истины нельзя и, говоря о научныхъ направленіяхъ и теоріяхъ, искать ихъ приходится только среди того общества, которое ихъ имѣетъ, т. е. среди привилегированнаго меньшинства. У меньшинства этого божкомъ въ послѣднее время въ Германіи состоялъ Гартманъ, и мы не можемъ поэтому не вѣдаться съ ученіемъ этого новѣйшаго туманнаго философа.

*) Господинъ этотъ былъ уличенъ въ очень гнусномъ преступленіи, въ такъ-называемомъ *attentat aux moeurs*.

Смысль пессимизма, проповѣдуемаго Гартманомъ, станетъ намъ вполне ясенъ только въ связи съ ученіемъ его обще-фило-софскимъ. Очеркъ этого послѣдняго можетъ дать также точное указаніе, какого рода именно старыя идеи проявились теперь, какъ пережившія свой вѣкъ. Но прежде чѣмъ заняться этимъ, въ двухъ трехъ словахъ попробуемъ уяснить роль оптимистическихъ и пессимистическихъ ученій. Читая Шопенгауэровскія, Гартмановскія, Спенсеровскія и иныя утвержденія то о преобладаніи зла въ мірѣ, то о преобладаніи въ немъ добра, невольно, въ-концѣ-концовъ, задашься вопросомъ: да кто-же изъ нихъ правъ? Разъ подобный вопросъ поставленъ, необходимо обратить вниманіе на характеръ составленія нами представленій о мірѣ. Оказывается, что даже при составленіи представленій мы вносимъ уже въ міръ объединяющее эти представленія начало синтетическое. Таково отношеніе къ міру даже сторонниковъ матеріалистическаго, строго научнаго направленія, не говоря уже о людяхъ, приступающихъ къ наблюденію съ предвзятыми понятіями теологическаго и метафизическаго характера. Роль синтеза въ нашихъ представленіяхъ о мірѣ становится значительнѣе по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ простаго наблюденія фактовъ къ ихъ объясненію, истолкованію. Тутъ уже иногда допускается не только констатировать взаимодѣйствіе различныхъ міровыхъ явленій, достаточно непосредственное и потому доказанное, но и предполагать многое, пока ненаблюдаемое; предположеніе, гипотеза содѣйствуетъ нерѣдко въ очень сильной степени объединенію явленій, совершающихся въ мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посильному ихъ объясненію. Чтобы избѣгнуть призрачности, гадательности въ своихъ сужденіяхъ, научное мышленіе необходимо должно при указанномъ процессѣ вѣчно имѣть въ виду факты, непрерывно должно заботиться о ихъ накопленіи все въ ббльшемъ и ббльшемъ количествѣ. Искусство только можетъ, создавая идеалы, уклоняться въ гораздо ббльшей степени отъ того, что даютъ разрозненныя явленія природы, но и для него существуютъ предѣлы, угадывать которые свойственно художественному чутью его служителей *).

Какое отношеніе все только-что сказанное имѣетъ къ вопросу о пессимизмѣ и оптимизмѣ—сейчасъ увидимъ изъ примѣровъ.

Смотря съ какой-нибудь высокой точки на ландшафтъ, раскинувшійся предъ нашими глазами, мы невольно всѣмъ своимъ существомъ настраиваемся къ тому, чтобы признавать все видимое нами прекраснымъ, совершеннымъ. Только путемъ анализа можемъ мы разстроить мощное единство видимой нами картины и заста-

*) Lange, A. Geschichte des Materialismus. Т. II. S. 540 и 541.

вить себя вспомнить, что въ мирно пріютившихся въ склонамъ горъ избушкахъ, живутъ бѣдные, несчастные, что за завѣшеннымъ окошкомъ, быть можетъ, больной испытываетъ жесточайшія страданія, что подъ шумящими верхушками далекаго лѣса дикія птицы разрываютъ свою трепещущую добычу, что въ серебристыхъ волнахъ рѣки, тысячи маленькихъ существъ, едва увидѣвъ свѣтъ, уже подпадаютъ жестокой смерти. Для нашего взора, скользящаго по поверхности, и сухія вѣтви деревьевъ, и бѣдныя нивы, и сожженные солнцемъ луга—не больше какъ отгѣнки въ картинѣ, услаждающей нашъ взоръ и возвышающей наше сердце.

Не представляется-ли намъ также высокой та степень цивилизаціи, какой достигли западно-европейскіе народы? Смотри на города, съ ихъ прелестными зданіями, садами, бульварами, со всякими учеными и учебными учрежденіями, съ вѣчно суетящимися людьми, съ ихъ фабриками и заводами, имѣющими издали очень опрятный видъ, мы невольно создаемъ себѣ цѣльную картину, внушающую намъ идею о царящемъ предъ нами благосостояніи. Провѣрить это первое впечатлѣніе труднѣе, чѣмъ получить его: для этого, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, надо анализировать всѣ подробности. Послѣ-же такого анализа легко можетъ случиться, что и зданія городовъ, и сады, и бульвары ихъ перестанутъ казаться намъ удобными, что ученыя и учебныя учрежденія окажутся далеко не соотвѣтствующими тѣмъ высокимъ цѣлямъ, служить которымъ они предназначены, что затраты на нихъ больше, чѣмъ сколько они приносятъ пользы, что фабрики и заводы не только не опрятны, но, напротивъ, грязны, что царящіе въ нихъ порядки ведутъ за собой страданія, горе,—однимъ словомъ, что, кромѣ показной стороны, цивилизація имѣетъ и свою изнанку. Но и тутъ, какъ въ предъидущемъ примѣрѣ, всѣ темныя стороны опять играютъ какъ-будто-бы роль отгѣняющихъ картину темныхъ полосъ.

Въ обоихъ примѣрахъ объединяющее начало привносимъ мы изъ глубины своего сознанія и цѣльность, стройность почти насильно видимъ въ томъ, что представляется нашимъ взорамъ. Отъ полного прекраснодушія и умиленія насъ спасаетъ только кропотливое наблюденіе составныхъ частей всего наблюдаемаго цѣлаго.

Не ясно-ли теперь, что, имѣя въ распоряженіи одни и тѣ-же факты, разные люди могутъ выносить по поводу ихъ разныя впечатлѣнія? Миръ можетъ казаться средоточіемъ счастья, красоты, гармоніи людямъ, созерцающимъ его въ общей совокупности, безъ анализа его отдѣльныхъ частей, и наоборотъ—онъ представится горниломъ бѣдствій людямъ, вникающимъ въ подробности. Научная правда, конечно, скорѣе на сторонѣ послѣднихъ, но и имъ

сознаніе несовершенствъ міра было-бы недоступно, если-бы въ головахъ ихъ не было понятія объ идеальномъ.

Но какой-же выводъ отсюда можно сдѣлать объ оптимизмѣ и пессимизмѣ? Не даетъ-ли все предъидущее права утверждать, что и пессимизмъ, и оптимизмъ одинаково резонны, что возникли они, благодаря преобладанію у людей—у однихъ синтетическихъ способностей, у другихъ—аналитическихъ? Но мы воздержимся пока отъ такого заключенія и попробуемъ сперва поискать еще основаній для возникновенія двухъ различныхъ возврѣній на міръ, основаній, лежащихъ внѣ нашихъ психическихъ особенностей.

Когда Гартманъ категорически утверждаетъ, что теперь, въ Германіи, всѣ лучшіе умы покинули оптимистическія мнѣнія, нельзя не усомниться въ этомъ, но навѣрное можно сказать, что онъ не правъ, если принять въ расчетъ научныхъ дѣятелей Англіи, на примѣръ. Спенсеръ, этотъ несомнѣнно выдающійся представитель англійской философіи, довольно легко можетъ быть подведенъ къ категоріи оптимистовъ, и притомъ не къ какой-нибудь, а именно къ той, о которой Гартманъ отзывается особенно сердито—къ категоріи, держащейся мнѣнія, что счастья вообще больше на землѣ, чѣмъ горя, независимо отъ присутствія въ мірѣ нравственности и религіи. Онъ указываетъ на тотъ фактъ *), что во всемъ животномъ мірѣ страданія необходимымъ образомъ соотносительны вреднымъ для организма дѣйствіямъ, а удовольствія столь-же необходимо соотносительны дѣйствіямъ, ведущимъ къ его благополучію. Гипотеза развитія приводитъ насъ къ тому неизбежному выводу, что одаренныя чувствительностью породы организмовъ не могли явиться на свѣтъ ни при какихъ другихъ условіяхъ. Только тѣ породы существъ могли выжить, у которыхъ, въ среднемъ выводѣ, пріятныя чувствованія сопровождали дѣятельности, ведущія къ сохраненію жизни, а непріятныя сопровождали дѣятельности, прямо или косвенно пагубныя для нея. Такимъ образомъ тѣсная связь жизненныхъ процессовъ организма и пріятныхъ чувствованій считается Спенсеромъ необходимымъ условіемъ существованія всѣхъ организмовъ, а такъ-какъ человѣчество не только существуетъ, но и размножается, то мы въ правѣ заключить, что и его жизнь въ среднемъ выводѣ даетъ перевѣсъ счастья надъ несчастіемъ. То-же самое надо сказать, конечно, и объ остальныхъ существахъ, не подверженныхъ систематическому вымиранію. Выводъ-же такой рѣзко ставитъ Спенсера въ ряды оптимистовъ.

Само собою разумѣется, Спенсеръ правъ, утверждая, что и для

*) Г. Спенсеръ. Основанія науки о нравственности.

людей, и для животныхъ вообще міръ не клиномъ сошелся, что онъ представляетъ собою среду удобную для ихъ развитія, — но несомнѣнно страданію онъ отводитъ слишкомъ мало мѣста въ мірѣ. Дѣйствительно, существующія животныя породы, одолевая въ борьбѣ за существованіе, пользуются извѣстной долей счастья, но развѣ такова-же участь тѣхъ, которыя падаютъ въ этой борьбѣ, и развѣ, наконецъ, такихъ падающихъ сравнительно немного? Во все нѣтъ. Вѣдь родится на свѣтъ масса породъ, массы зародышей существуютъ въ природѣ, и изъ ихъ числа выживаютъ только очень немногіе, умудряясь приспособляться къ условіямъ существованія, закрѣпляя путемъ наслѣдственности особенности помогающія выжить въ борьбѣ съ невзгодами. И развѣ въ этомъ дѣлѣ рѣдки случаи, когда извѣстныя части человѣчества, не говоря уже о животныхъ, могутъ быть поставлены въ такія условія, при которыхъ несомнѣнный верхъ остается за страданіями, а не за удовольствіями? Показателемъ этого явленія можетъ служить вырожденіе, вымираніе или прогрессивная приостановка увеличенія народонаселенія. Съ точки зрѣнія самого Спенсера, эти явленія нельзя объяснить иначе, какъ преобладаніемъ страданій надъ удовольствіями. Такимъ образомъ, пессимисты основываютъ свое ученіе на несомнѣнныхъ фактахъ, какъ и оптимисты. Вопросъ, — кто же изъ нихъ ближе къ истинѣ — и теперь, повидимому, не можетъ быть разрѣшенъ ни въ пользу первыхъ, ни въ пользу вторыхъ. Происходитъ это, какъ не трудно видѣть, оттого, что понятіе о добрѣ и злѣ — крайне неточное, спутанное: одни и тѣ-же условія могутъ быть благоприятными для извѣстныхъ существъ и неблагоприятными для другихъ, — другими словами, то, что можетъ быть названо добромъ для одного, есть зло для другого. Понятіе о добрѣ и злѣ можетъ поэтому имѣть только относительное значеніе и никакъ не абсолютное; имъ опредѣлять существенныя особенности природныхъ явленій невозможно. А если такъ, то пессимизмъ и оптимизмъ, въ смыслѣ теорій обще-философскихъ, не могутъ быть выставляемы, какъ категоріи; и тотъ и другой умѣстны тодько для опредѣленія относительной пригодности системъ и учреждений, сохраняющихся среди людей иной разъ вопреки интересамъ вновь назрѣвшимъ, или, наконецъ, такихъ учреждений, которыя хотя и возникаютъ вновь, но несомнѣнно клонятся къ поддержанію жизни принциповъ, пригодныхъ для эпохъ не современныхъ, а давнихъ, когда имѣла еще основаніе царить борьба за существованіе въ наиболѣе грубыхъ своихъ формахъ. [Въ виду этого, мы не можемъ дарить своего сочувствія формуламъ безусловнаго историческаго прогресса, трактующимъ о чисто-человѣческихъ дѣяніяхъ. Формулы эти, какъ мы знаемъ, имѣютъ въ ви-

ду совершенствованіе не тѣхъ или другихъ народовъ, а всего человѣчества, и ради этой цѣли оправдываютъ и чуть не прославляютъ и войну, и экономическую конкуренцію и тиранію капитала, и пролетаріатъ,—всѣ эти язвы общества, всѣ эти бичи его. Сторонники формулъ безусловнаго прогресса видятъ во всемъ этомъ только факторы для полового подбора въ средѣ человѣчества и довольно беззащѣнно продолжаютъ и послѣ подобныхъ разговоровъ утверждать, что все къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ. Забываютъ они, что этимъ своимъ утвержденіемъ они много разъ оправдываютъ такіа чисто-человѣческія дѣянія, которыя вовсе не оказываются согласными съ общими міровыми законами и даже, напротивъ, противорѣчатъ этимъ послѣднимъ, силятся ихъ нарушить. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, ошибочно вѣдь принимать все, одерживающее верхъ въ борьбѣ за существованіе за лучшее, высшее; при тѣхъ условіяхъ, какія теперь даются жизнью, напротивъ, очень часто выживаютъ вовсе не достойнѣйшіе, не высшіе роды, виды, недѣлимые. Этимъ въ сильной степени побивается прекраснѣйшее оптимистовъ, трагующихъ о прогрессѣ, и трудно не видѣть, что ихъ мнимое благо міра сего настолько по меньшей мѣрѣ сомнительно, что въ виду войнъ, экономической конкуренціи, тираніи капитала, пролетаріата и другихъ бѣдъ, при помощи которыхъ благо достигается, можно даже сказать—игра не стоитъ свѣчъ!

Итакъ, еще разъ: въ мірѣ нельзя видѣть ни преобладанія добра, ни преобладанія зла; все совершающееся въ немъ добро или зло—относительно: одно и то-же явленіе въ одно и то-же время можетъ быть благопріятно для одного существа и неблагопріятно для другого. Съ нашей *человѣческой точки* зрѣнія будетъ абсолютнымъ зломъ только непониманіе окружающей насъ среды и неумѣніе сообразоваться съ ея законами: чѣмъ шире наши знанія и умѣнія, тѣмъ меньше зла будетъ въ обществѣ, зла такого, противъ котораго мы въ правѣ негодовать и по поводу котораго имѣемъ основаніе сокрушаться. Если-же все въ мірѣ однимъ людямъ представляется абсолютно хорошимъ, а другимъ абсолютно дурнымъ, то, опять-таки повторяемъ, зависитъ это отъ личныхъ психическихъ свойствъ нашихъ, отъ того, что больше овладѣваетъ нами при наблюденіи природы—синтезъ или анализъ.

Говоря объ основаніяхъ оптимизма и пессимизма, быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть о той судьбѣ, которая можетъ выпасть человѣчеству да и всему живущему на землѣ вслѣдствіе измѣненій, предположенныхъ для этой послѣдней. Быть можетъ, вдавшись въ эту область, мы усмотримъ нѣкоторое основаніе для пессимистическихъ скорбей, болѣе абсолютнаго и пото-

му болѣе широкаго размаха, чѣмъ то, которое въ разныя эпохи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по указанному выше мнѣнію нашему, можно имѣть людямъ. Быть можетъ, есть резоны для того, чтобы съ грустью глядѣть на будущность человѣчества. И предположеніе такое, конечно, станетъ для насъ достовѣрностью, если только современное человѣчество должно считать для себя великимъ горемъ отсутствіе вѣроятности на вѣковѣчное существованіе для своего потомства. Отсутствіе-же такой вѣроятности основываютъ теперь на данныхъ, доставляемыхъ астрономическими наблюденіями. Такъ, мы знаемъ, что, съ одной стороны, наблюдаемые въ пространствѣ туманныя пятна превращаются въ планеты, а, съ другой, уже образовавшіяся планеты исчезаютъ. Отсюда больше, чѣмъ вѣроятно, что и нашей солнечной системѣ, и въ частности землѣ, предстоять можетъ послѣдняя участь. Мировое пространство не есть пустое пространство, оно наполнено особой эфирной матеріей, а это важно. Комета Энке, вслѣдствіе сопротивленія, встрѣчаемаго ею при движеніи въ предѣлахъ этой матеріи, при каждомъ оборотѣ вокругъ солнца возвращается къ перигелію (Sonnennähe) на $\frac{1}{10}$ часть дня раньше. Такъ точно и земля, отъ тренія съ эфирной матеріей, неминуемо должна замедлять свое круговое вращеніе. Вслѣдствіе этого, притяженіе солнца усиливается, наша земля приближается къ нему и будетъ приближаться къ нему изъ года въ годъ все больше и больше, пока, наконецъ, черезъ миллиардъ лѣтъ, не упадетъ на него. Поэтому и въ этой мировой сферѣ нѣтъ ничего вѣчнаго: возникающее исчезаетъ, и то, что было когда-то, опять получаетъ прежній видъ. Изъ солнечной матеріи вѣдь возникла наша земля въ пространствѣ и, охладившись, стала пригодной для появленія на ней органической природы. Въ будущемъ она станетъ только неорганической массой и низринется на солнце; припадъ тамъ, вслѣдствіе соприкосновенія, въ разгоряченное состояніе, она превратится въ солнечную матерію, станетъ, другими словами, тѣмъ, чѣмъ была, и затѣмъ снова начнетъ, быть можетъ, уже разъ продѣланный процессъ развитія. „Мнѣніе, что кометы суть не иное что какъ обломки исчезнувшихъ мировыхъ тѣлъ, пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ, пишетъ одинъ изъ послѣдователей Шопенгауэра,—и только слѣпое хотѣніе все жить и жить, присущее намъ отъ природы, заставляетъ насъ склоняться къ мысли, будто земля составляетъ исключеніе изъ остальныхъ планетъ. Сколько вѣковъ до теперешняго нашего бытія не существовали мы, какъ недѣлимья, на теперешней землѣ, которая также когда-то была совсѣмъ иною. Съ какой-же стати видѣть поводъ къ горю въ томъ, что

нѣкогда мы вмѣстѣ съ землею нашею преобразимся, станемъ иными, чѣмъ теперь?" *).

Съ послѣдней мыслью, думаемъ, трудно не согласиться, а въ виду этого и перспектива стать жертвой столкновения земли съ солнцемъ не можетъ измѣнить нашего отношенія ко всему сущему.

Установивъ въ общихъ чертахъ взглядъ на пессимизмъ и оптимизмъ въ ихъ примѣненіи къ положенію людей въ природѣ, мы можемъ теперь перейти къ самой *сущности Гартмановскаго ученія*, привлекаюаго къ себѣ своими толками о пессимизмѣ цѣлыя массы послѣдователей въ образованномъ нѣмецкомъ обществѣ. Мы считаемъ нужнымъ разсказать хоть вкратцѣ всю систему его, въ виду полной невозможности совершенно выдѣлить изъ нея часть, которая намъ собственно интересна, именно ту, гдѣ устанавливается взглядъ на явленія общественной жизни.

Гартманъ въ одномъ изъ наиболѣе существенныхъ своихъ заключеній исходитъ изъ того, всякимъ замѣчаемаго, факта, что *сознательное* состояніе свойственно только живымъ организмамъ, и что, при сравненіи этого ихъ состоянія со многимъ другимъ въ природѣ, можно характеризовать, какъ *безсознательныя*, прежде всего движенія и сочетанія, происходящія въ неорганическомъ мірѣ, а затѣмъ и многочисленныя и важныя проявленія у существъ живыхъ. Не только всѣ функціи животной жизни, жизни растительной—безсознательны, безсознательно также и чувствовааніе, такъ-что сознательное состояніе возникаетъ и крѣпнеть подъ давленіемъ безчисленныхъ безсознательныхъ впечатлѣній, которыя предшествуютъ ему. Гартманъ важное значеніе придаетъ безсознательнымъ актамъ въ мірѣ, и то, что не соотвѣтствуетъ непосредственно какой-нибудь реальности, что въ цѣльномъ видѣ не существуетъ, а только въ частяхъ, которыми является все составляющее міръ, что мы, наконецъ, можемъ только постигать, какъ нѣчто противоположное сознательному состоянію нашему, именно это онъ возвеличиваетъ до степени существа существъ, называетъ единымъ всепроникающимъ и прибѣгаетъ къ нему въ своемъ ученіи и какъ къ субстанціи, и какъ къ принципу и, наконецъ, какъ къ конечной цѣли. Это существо существъ является основой всего и не есть ни чистый разумъ, ни чистая воля, но нѣчто составное изъ этихъ двухъ способностей. Съ высокой мудростью оно соединяетъ полную безсознательность, но, сверхъ того, ему можно приписать элементарное психическое чувство, именно неопредѣленное чувство безконечнаго страданія, имѣющаго своимъ источникомъ неудовлетворенное хотѣніе. Существо это, это единое

*) Otto Busch. Arthur Schopenhauer: 2 Auflage. München 1878 г. S. 96.

всепроницающее, по неизъяснимой прихоти и столь-же неизъяснимому безумію, когда-то проявило свою волю, воля эта объективировалась, стала міромъ,—другими словами, существо существъ перестало быть цѣльнымъ, единымъ, а стало расчлененнымъ. Умъ, являющийся въ этомъ процессѣ послушнымъ орудіемъ воли, не оставляетъ ее въ этой метаморфозѣ. Умъ, не что иное, указываетъ всеобщіе законы, которымъ повинуется природа вещей, онъ-же вплетается съ безконечною ясностью въ частныя проявленія безсознательнаго, онъ сопровождаетъ высокія проявленія инстинкта, гениальныя творенія, историческія революціи. Но что выиграло единое всепроницающее отъ расчлененности, въ которой оно проявляется въ теперешнемъ мірѣ? Переставши быть единымъ, лишеннымъ реальной оболочки, испытываемое имъ чувство страданія не уменьшилось, что и понятно, такъ-какъ хотя возникшій по волѣ единаго всепроницающаго міръ и есть лучший изъ возможныхъ міровъ—высокая мудрость существа существъ тому порукой,—но все-же міръ этотъ худой міръ въ самомъ своемъ основаніи. Какъ-же быть въ виду послѣдняго условія съ присущимъ человѣку стремленіемъ къ счастью? Гдѣ найдетъ онъ это счастье? Въ возвратѣ къ безсознательному единому; иного средства нѣтъ. Тогда, когда воля еще не объективировалась въ теперешній міръ, очевидно, чувство страданія міровой сущности было меньше... „Нѣсколько странно“, можемъ мы сказать по этому поводу, и не даромъ, быть можетъ, Лефевръ, авторъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій по философіи, восклицаетъ: „удивительная работа высшей мудрости, вѣчнаго дѣятельнаго всевѣдѣнія! Предстоитъ передѣлка собственнаго созданія и, въ ожиданіи момента вѣчнаго освобожденія, вторичнаго обращенія въ ничто существъ и явленій, оказывается нужнымъ“ и проч. *). Но для насъ теперь дѣло это—сторона. Намъ надо сказать, что думаетъ Гартманъ вообще о мірѣ, чтобы постичь его гаданія о судьбѣ человѣческихъ обществъ. Притомъ-же отъ метафизическихъ хитростей понятнаго ждать не приходится. Остается, значитъ, идти вслѣдъ за Гартманомъ и разбирать поочередно всѣ звенья его системы, не пускаясь въ лукавыя мудрствованія. Итакъ, продолжаемъ... Если счастье хоть сколько-нибудь станетъ осуществимѣе съ возвратомъ къ начальному безсознательному, думаетъ Гартманъ,—то неудивительно, что міровой разумъ не только пытается направлять развитіе всего сущаго въ мірѣ, но и споспѣшествовать наступленію его конца. Но наступленіе конца возможно только при стремленіи къ такой цѣли міровой воли, что станетъ возможнымъ, разъ она почувствуетъ полнѣйшую

*) Lefevre André. La philosophie. Paris, 1879. P. 406.

неудовлетворенность. При расщепленности и міровой воли, и мірового разума, сознание полнѣйшей неудовлетворенности можетъ проявиться только въ существахъ, составляющихъ міръ, и, конечно, прежде всего, если не исключительно, въ существахъ высшихъ, и въ частности у людей. И вотъ, когда существа эти сосредоточатъ въ себѣ значительную долю міровой энергіи и міроваго знанія, тогда въ ихъ лицѣ единое всепроникающее существо сознаетъ всю силу гнетущаго его несчастія, отречется самого себя и, какъ только придетъ къ этому, убьетъ себя. Вслѣдъ за самоубійствомъ при случаѣ можетъ послѣдовать возрожденіе, затѣмъ опять долгій путь развитія и всякаго рода испытаній, новая смерть, опять возрожденіе, и такъ до безконечности.

Такова система Гартмана въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ. О всѣхъ звеньяхъ ея, покажемъ, мы говорили въ совершенно одинаковой мѣрѣ: о роли человечества въ мірѣ сказано нами столько-же, сколько и обо всемъ остальномъ. Но и изъ того, что сказано до сихъ поръ о людяхъ, не трудно видѣть, что, по Гартману, въ мірѣ общественныхъ явленій неминуюемо должно царить вѣчное круговращеніе. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что міръ теперешній возникъ изъ безсознательнаго существа существъ, что несомнѣнно онъ стремится снова превратится въ это первоначальное теперь всепроникающее безсознательное, и что, по достиженіи этого прежняго состоянія, опять, быть можетъ, возродится, снова свершить извѣстное теченіе въ развитіи, и такъ далѣе и такъ далѣе... Люди оказываются частью міра, и потому, что дѣлается въ этомъ послѣднемъ, неминуюемо должно относиться и къ нимъ; имъ даже оказывается приписанной и въ ходѣ развитія, и въ осуществленіи міровой задачи (возврата къ начальному безсознательному) довольно активная роль: они выступаютъ выразителями мірового разума и даже міровой воли. Не видѣть во всемъ этомъ основа старой теоріи круговращенія—нельзя; въ послѣдней только круги были меньше и подробностямъ существованія и развитія на землѣ человѣческихъ обществъ посвящено было больше вниманія. Затѣмъ Гартманъ, какъ и наиболѣе выдающійся представитель теоріи круговращенія, Вико, признаетъ, въ предѣлахъ извѣстнаго періода, осуществленіе на землѣ людьми извѣстныхъ задачъ развитія, извѣстныхъ болѣе или менѣе постепенныхъ усовершенствованій, въ чемъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ Вико, приближается къ теоріи развитія и прогресса. Но на этомъ сходство системъ и оканчивается, въ остальномъ Гартмановское ученіе съ двумя только-что названными расходится очень значительно.

Въ послѣднемъ не трудно будетъ убѣдиться, если мы хотъ

нѣсколько подробнѣе узнаемъ ту часть Гартмановской системы, которая относится къ вопросу *о роли на землѣ людей*.

По ученію Гартмана, человѣчеству въ теченіи его исторической жизни суждено быть высшимъ проявленіемъ основнаго безсознательнаго. Сперва во всѣхъ и каждомъ преобладаетъ сила непосредственныхъ побужденій, сила хотѣнія, воли, затѣмъ-же, чѣмъ дальше, эта сила все больше и больше подчиняется другой—силѣ интеллекта, силѣ разумѣнія. Подчиненіе первой послѣдней не означаетъ, однако, собой уничтоженія первой; сила хотѣнія никогда не истребляется въ людяхъ, но подъ вліяніемъ добытаго, дознаннаго разумѣніемъ она бываетъ направлена къ болѣе высокимъ цѣлямъ. По мнрѣ того, какъ совершается этотъ процессъ, человѣчество проходитъ, по Гартману, четыре ступени развитія. Первая ступень есть дѣтскій возрастъ развитія: въ это время люди считаютъ, что счастье достижимо въ этомъ мірѣ и думаютъ, что въ ихъ распоряженіи имѣется все необходимое. Вторая ступень,—юношескій возрастъ, совпадаетъ со временемъ распространенія христіанства: тогда люди уже постигли суету міра сего и стали разсчитывать на блаженство въ загробной жизни. Подобнымъ вѣрованіемъ вѣчно жить было невозможно, и скоро человѣчество перешло въ третій фазисъ развитія, соотвѣтствующій зрѣлому возрасту: тогда люди перестаютъ отдѣлять свое счастье отъ судьбы міра и не ищутъ ничего больше за гробомъ. Наконецъ, когда эта послѣдняя мысль станетъ для людей ясной до полной отчетливости, когда человѣчество, придя въ старческій возрастъ, вполне проникнется сознаниемъ негодности міра, оно рѣшится тогда на избавленіе отъ гнетущихъ его страданій, и средство, къ которому оно въ этомъ случаѣ прибѣгнетъ, будетъ, по ученію Гартмана, пограндіознѣ тѣхъ, которыя имѣлись въ виду прежними пессимистическими системами. И Будда въ древности, и Шопенгауэръ въ новѣйшее время, оба, для избавленія людей отъ страданія, рекомендуютъ полнѣйшій аскетизмъ, строжайшее цѣломудріе; такимъ путемъ они разсчитываютъ достигнуть, съ одной стороны, полнаго уничтоженія всякихъ пожеланій въ людяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безразличнаго отношенія ихъ къ бѣдствіямъ, которыми преисполненъ міръ, съ другой—невозможности появленія на свѣтъ новыхъ и новыхъ страдальцевъ. И у Будды, и у Шопенгауэра люди заботятся только о своемъ личномъ спасеніи. Не такъ стоитъ дѣло у Гартмана: у него человѣчество является мировой силой, и ему предстоитъ убить не свое только личное хотѣніе, но хотѣніе всего міра, уничтожить всеобщее страданіе. Для этого-же необходимо, кромѣ сознанія, самаго полнаго, негодности міра, невозможности въ немъ сколько-нибудь удовлетворить свои хотѣнія,

еще два условія: надо, чтобы воли въ человѣчествѣ было сосредоточено больше, чѣмъ во всемъ остальномъ существѣ въ мірѣ и могущемъ препятствовать полному обращенію міра въ ничто—это во-первыхъ; во-вторыхъ-же, необходимо, чтобы народы земного шара могли безъ труда согласиться другъ съ другомъ, и вслѣдствіе того не представлялось-бы неудобствъ въ извѣстный моментъ принять общее рѣшеніе повсюду, гдѣ только живутъ люди. Въ четвертый фазисъ человѣческаго развитія, соотвѣтствующій старческому возрасту, всѣ эти условія будутъ на-лицо и міръ будетъ обращенъ людьми въ ничто. Въ виду такого удивительнаго конца міра и не менѣе удивительной роли людей, многіе не могутъ не сочувствовать замѣчанію нѣмца Эбрарди, по мнѣнію котораго, динамитъ можетъ оказаться непригоднымъ средствомъ для проповѣдуемаго Гартманомъ обращенія міра въ ничто; для этого, быть можетъ, понадобится особый взрывчатый составъ— Imbecillit (глуповитъ)*).

Но оставимъ курьезный конецъ и вернемся къ тѣмъ частямъ ученія, которыя въ общественномъ смыслѣ могутъ имѣть послѣдствія, далеко не маловажныя.

Гартманъ смыслъ исторической жизни ищетъ въ побѣдѣ знанія надъ природными хотѣніями; думаетъ онъ, что изъ настоящаго горестнаго состоянія своего міръ будетъ выведенъ человѣчествомъ, когда оно всецѣло проникнется сознаніемъ негодности міра и сущности существованія и когда въ немъ сосредоточится значительное количество міровой воли. Казалось-бы, въ виду всего этого, Гартманъ могъ-бы думать, что всѣ люди, изъ которыхъ слагается человѣчество, должны быть поставлены въ положеніе удобное для приобрѣтенія всѣхъ высокихъ свойствъ высшаго развитія, и такъ-какъ такое положеніе необходимо обуславливается возможностью имѣть удовлетворенными наиболѣе существенныя матеріальныя и духовныя потребности, то было-бы необходимо, чтобы онъ призналъ, что пользованіе ничтожнымъ количествомъ имѣющихся благъ могло-бы быть предоставлено рѣшительно всѣмъ; другими словами, казалось-бы, что Гартманъ будетъ склоненъ къ социалистическимъ доктринамъ. Соображеніе, что міровой переворотъ, котораго ждетъ Гартманъ, могъ-бы совершиться скорѣй при большемъ числѣ сознательныхъ личностей, тяготящихся міровымъ страданіемъ, должно было-бы склонить нашего автора къ ученіямъ, имѣющимъ въ виду развитіе всѣхъ безъ исключенія; тогда міровой воли больше скопилось-бы на сторонѣ, имѣющей содѣйствовать превращенію міра въ ничто. Но Гартманъ далекъ отъ социализма, онъ даже самый ярый врагъ его. Къ такому отношенію побуждаютъ его соображе-

*) Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. Göttingen 1878. S. 297.

нія, основанныя не на фактахъ, а на старомъ политико-экономическомъ ученіи буржуазіи. Прежде всего, конечно, онъ не упускаетъ изъ виду, что, существуя на свѣтѣ, человѣчество все больше должно стремиться къ накопленію знаній, что ему предстоитъ исполнѣ, ясно и точно уразумѣть всю массу горя, разлитаго въ мірѣ. А разъ это, а не иное что должно составлять ближайшую задачу человѣчества, ему нужна наука, нужна и высокая культура. Между тѣмъ и то, и другое будто-бы неминуемо погибнетъ съ предоставленіемъ по возможности всѣмъ и возможно большаго количества благъ. Для такой цѣли будто-бы единственно пригоднымъ средствомъ является немедленная экспроприація личной собственности въ пользу государства и будто-бы то-же произойти должно съ заработной платой, послѣ чего всѣхъ будутъ одѣлять необходимымъ для жизни по мѣрѣ ихъ нуждъ. Послѣдствіемъ-же такой нивелировки, по предположенію Гартмана, будетъ и ухудшеніе въ качествѣ труда, ибо способнѣйшіе не станутъ, говоритъ онъ, стараться работать лучше неспособныхъ,—и паденіе наукъ, ибо у ученыхъ, какъ ждетъ авторъ, будетъ отнята необходимая имъ обстановка жизни,—и совершенное прекращеніе производства такихъ высококультурныхъ предметовъ, пользоваться которыми могли только богатые люди, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, гнѣся извѣстная: въ соревнованіи-де вся сила теперешней жизни, безъ соревнованія жизнь эта будетъ клониться къ упадку. Гартманъ, торопясь убить социализмъ, даже прямо говоритъ: чѣмъ скорѣе падать будетъ цивилизація, тѣмъ скорѣе будетъ приближаться человѣчество къ идеалу, опирающемуся на принципъ равенства, и достигнетъ его въ полной мѣрѣ, вернувшись къ животному состоянію. По мнѣнію Гартмана, вся культура, съ тѣхъ поръ, какъ началась историческая жизнь и пока она будетъ длиться, покоится и будетъ покоиться на умственныхъ и вообще духовныхъ приобрѣтеніяхъ меньшинства. Уничтожить привилегированное меньшинство, по его словамъ, значитъ то-же, что уничтожить главный двигатель прогресса и повергнуть массы въ состояніе варварства. Онъ думаетъ даже, что для такой цѣли нѣтъ надобности уничтожать собственность,—довольно уничтожить право наслѣдованія. Для новѣйшаго пессимиста дѣло извѣстное, что всякій выскочка, дитя собственныхъ усилій, если и разыгрываетъ роль Мецената, то дѣлаетъ это обыкновенно изъ тщеславія, не проявляя при этомъ ни вкуса, ни ума; дѣти подобнаго человѣка бываютъ склонны къ наслажденіямъ невысокаго достоинства и не больше какъ къ вольнодумству; только третье поколѣніе, которое перестаетъ думать о способѣ приобрѣтенія своихъ богатствъ, а, напротивъ, пользуется ими, какъ преимуществомъ исполнѣ естественнымъ и до извѣстной степени прирожденнымъ ему, способно

проявлять искренній интересъ къ высокимъ сторонамъ культуры и содѣйствовать ея процвѣтанію своимъ богатствамъ. О томъ, что, по самому смыслу социалистическихъ доктринъ, о выскочкахъ не можетъ быть и рѣчи и что только-что приведенное разсужденіе о выскочкахъ, вполне, разумѣется, вѣрное, имѣетъ мѣсто въ мірѣ буржуазномъ, Гартманъ, повидимому, совершенно забываетъ. Какъ-бы тамъ ни было, однако, въ виду всего изложеннаго, для Гартмана социализмъ и прогрессъ—несовмѣстимыя понятія. Къ теории прогресса, и даже прогресса безусловнаго, въ извѣстныхъ предѣлахъ, Гартманъ, какъ видимъ, склоняется, и это уже отмѣчено нами раньше, но надо твердо помнить, что, хотя онъ и сторонникъ прогресса, однако, далеко не считаетъ формулу его охватывающею все сущее въ мірѣ, все теченіе жизни. Конечно, въ качествѣ противника социализма или, какъ онъ выражается, социальнаго эволюционизма, онъ готовъ подчинить интересы отдѣльныхъ индивидовъ такой, повидимому, высокой цѣли, какъ выработка идеальнаго абстрактнаго человѣчества. Конечно, и онъ, какъ сторонникъ формулы безусловнаго прогресса, готовъ оправдывать и восхвалять институты и дѣянія самыя поразительныя, самыя возмутительныя. какъ война, экономическая конкуренція, тиранія капитала, пролетаріатъ, всѣ эти язвы, всѣ эти бичи обществъ, ибо ничѣмъ инымъ какъ только путемъ этихъ средствъ осуществляется въ предѣлахъ неабстрактнаго человѣчества такъ-называемый половой подборъ а вмѣстѣ и усовершенствованіе, прогрессъ. Но, по его мнѣнію, какъ социализмъ преслѣдуетъ счастье низшихъ индивидовъ, такъ и прогрессъ имѣетъ въ виду какое-то одно высшее существо. Гартманъ ищетъ поэтому для себя иной болѣе широкой принципъ, подъ который можно было-бы подвести все совершающееся въ мірѣ нераздѣльно. Тутъ онъ выступаетъ даже какъ-будто не противникомъ цѣли социалистовъ, но противникомъ рекомендуемыхъ имъ средствъ для ея достиженія. Онъ спрашиваетъ: развѣ нельзя трудиться, имѣя въ виду выгоду цѣлаго и при этомъ не забывать также и нужды составныхъ частей этого цѣлаго? Міръ, вселенная, совмѣщаетъ въ себѣ и отдѣльныя низшія существа, и цѣлое человѣчество. Человѣчество, говоритъ онъ,—въ своемъ движеніи впередъ можетъ быть сравнено съ хорошо организованной арміей, воины которой суть провозвѣстники и подвижники прогресса, врачи-же—это филантропы, заботящіеся о больныхъ и раненныхъ и вообще смягчающіе острые страданія. Остается только узнать, въ какой-же цѣли можетъ стремиться эта армія. Кому затѣмъ должны быть выгодны ея побѣды? Не надо искать этой цѣли ни въ интересахъ людей, разсматриваемыхъ порознь, какъ индивиды, ни въ интересахъ человѣчества, какъ единицы коллективной; ос-

новной цѣлью подобной арміи можетъ служить нѣчто высшее и того и другого, и это высшее есть мировой процессъ съ его мировыми цѣлями.

Такимъ образомъ, противопоставивъ социализмъ прогрессу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принципу развитія отчасти, Гартманъ совершенно смѣстилъ людей, заботящихся о возможно равномерномъ распредѣленіи благъ цивилизаціи, съ той позиціи въ людскомъ строѣ, которая налагала на нихъ обязанность засыпать указанную нами въ прошлой главѣ пропасть между большинствомъ и меньшинствомъ,—пропасть, являющуюся неудачнымъ послѣдствіемъ до-теперешнихъ политическихъ отношеній и знаменующую собой недостатокъ въ количествѣ усвоенной людьми солидарности. Очевидно, стоя за указанную раньше роль социализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказываясь ставить въ главу угла узкій принципъ конкуренціи, соревнованія, мы имѣли основаніе считать, что между принципомъ развитія, по временамъ выступающимъ какъ принципъ усовершенствованія, и стремленіемъ водворить между людьми болѣе законное распредѣленіе благъ цивилизаціи не было и быть не можетъ того рѣзкаго противорѣчія, которое усматриваетъ между ними Гартманъ.

Фантастическій конецъ, навязываемый Гартманомъ міру, и не менѣе фантастическая заключительная роль человѣчества, само собой, не могутъ не возбуждать въ насъ крайнихъ сомнѣній. Какъ, откуда добылъ Гартманъ подобное заключеніе для своей системы—никто не возьмется рѣшить, и только самъ онъ считаетъ все, придуманное имъ, достовѣрнымъ. По его мнѣнію, простое наблюденіе всего творящагося въ мірѣ неминуемо ведетъ будто-бы къ признанію, что міръ погибнетъ и что обращеніе въ ничто—цѣль, къ которой стремится онъ. Думаетъ Гартманъ также, что исторія и философія всѣхъ временъ даютъ право намъ утверждать, что сознательные и безсознательные поступки людей ведутъ къ этой мировой цѣли. Люди, стремясь къ чему-то другому, оказываются въ положеніи гетевского Мефистофеля, являющагося той силой, которая хочетъ вѣчно зла и творитъ между тѣмъ добро —

Ein Theil jener Kraft,

Die stets das Böse will und nur das Gute schafft.

Изъ явленій переживанія въ области идей, примѣненіемъ которыхъ къ фактамъ общественной жизни пытаются объяснить смыслъ и значеніе всего совершающагося въ ней, мы только ограничимся приведеннымъ изложеніемъ взглядовъ Эдуарда фонъ-Гартмана на прошлое человѣчества и его текущее настоящее. Въ виду тѣсной связи съ нерадостною современностью пессимистиче-

скаго ученія этого философа, современностью, дающею себя знать горемъ, страданіемъ и угнетаемому большинству, и угнетающему меньшинству, намъ казалось особенно важнымъ подчеркнуть несомнѣнное отступленіе философвъ этого направленія отъ того основнаго научнаго тона, который представляетъ теперь собою теорія развитія въ сферѣ объясненія прошлыхъ и настоящихъ фактовъ общественной жизни. Гартманъ, конечно, не первый провозвѣстникъ пессимистическихъ доктринъ. Онъ, какъ уже мы замѣтили, во многомъ является послѣдователемъ Артура Шопенгауэра (+ 1860), ученіе котораго также нашло себѣ послѣдователей въ средѣ господствующихъ классовъ нѣмецкаго общества вслѣдъ за разочарованіями, испытанными этимъ обществомъ да и всей Европой послѣ событій 1848 года. Такъ-какъ теорія развитія, въ своей первоначальной формѣ извѣстная больше подъ именемъ теоріи прогресса, возникла задолго до того какъ окончательно сформировались идеи Шопенгауэра, то, конечно, и его ученіе, какъ Гартмановское, есть явленіе переживанія по отношенію къ преобладающему и преобладавшему тогда направленію. Мы могли бы поэтому съ извѣстнымъ правомъ ученію Гартмана предпослать ученіе его учителя. Только большая рѣзкость тоновъ и красокъ въ системѣ Гартмана да нѣсколько болѣе подробное изслѣдованіе имъ природы общественныхъ отношеній заставило насъ предпочесть его Шопенгауэру и для краткости опустить этого послѣдняго. То, что Гартманъ философъ намъ современный, а Шопенгауэръ принадлежитъ, хотя и недавнему прошлому, но все-же прошлому, также до извѣстной степени, повліяло на нашъ выборъ. Между явленіями переживанія въ затрогиваемой нами области есть, конечно, и помимо пессимистическихъ ученій ученія, болѣе или менѣе достойныя вниманія, но для нашей цѣли приводить ихъ, думаемъ, нѣтъ необходимости; притомъ-же нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже коснулись въ третьей главѣ нашего очерка, говоря вслѣдъ за Вико о Дрәперѣ и Гервинусѣ, которые, какъ извѣстно, выступили въ трудахъ своихъ сторонниками теоріи круговращенія, во времена, сравнительно недавнія.

Я. Ч—ый.

ЗА ПРАВДУ.

РОМАНЪ

Карла Францова.

ГЛАВА XI.

„Честной судья!“.. „Великій мститель!“

Не послѣ смерти героя, не въ пѣснѣ создалъ духъ народа эти эпитеты. Они появились уже въ вѣшніе дни, наступившіе за памятнымъ Вербнымъ воскресеньемъ 1839 года, и переходили изъ устъ въ уста почти одновременно съ вѣстью о рѣшеніи Тараса. Словно на крыльяхъ бури перелетала эта вѣсть изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ округа въ округъ. Черезъ недѣлю объ этомъ событіи уже знали всѣ жители Покутья и Марамароша, Подолья и Буковины, а въ Свѣтло-Христово Воскресенье, когда крестьяне въ деревняхъ собирались послѣ проповѣди передъ церковью, всюду слышались замѣчанія:

— Сегодня Тарасъ развѣтываетъ въ горахъ свое знамя!.. До какихъ ужасныхъ временъ мы дожили, если такой человѣкъ, какъ Тарасъ, долженъ былъ идти въ гайдамаки... И спасибо ему... Онъ и впредь будетъ честнымъ судьей и нашимъ мстителемъ!

Это сужденіе выработалось съ замѣчательною быстротою. Народъ, взволнованный до глубины души, почти всегда бываетъ справедливымъ судьей и вѣщимъ пророкомъ. Каждый понималъ, что тутъ произошло что-то неслыханное. Про гайдамаковъ - добровольцевъ приходилось иногда слышать и прежде; но это были большей частью молодые люди, у которыхъ ни кола, ни двора, и притомъ люди,

склонные къ самоуправству и насилію и никогда не скрывавшіе своего недовольства. Чтò было общаго между ними и этимъ миролюбивымъ, зажиточнымъ отцомъ семейства, которій когда-то представилъ дуло пистолета къ своему лбу, ради того, чтобы, крестьяне не отвѣчали на насиліе насиліемъ! Выраженіе пана Бронз, сказавшаго однажды, что Тарасъ поступаетъ какъ Христосъ, повторялось теперь всѣми. И дѣйствительно, стараясь уяснить себѣ побужденія, руководившія Тарасомъ, эти порабощенные люди какъ-будто проникали въ какую-то нечеловѣческую, божественную атмосферу. Они чувствовали, что Тарасъ руководился не жаждой мести—ему лично не нанесли никакого оскорбленія; не стремленіемъ возратить потерянное имущество—лично онъ ничего не потерялъ: нѣтъ, все это случилось только потому, что „въ этой несчастной австрійской странѣ невозможно добиться своего права“, и потому, что „нуженъ мститель“.

Съ такимъ-же горячимъ сочувствіемъ привѣтствовали рѣшеніе Тараса и горные жители. Во время своихъ странствованій онъ такъ расположилъ къ себѣ этихъ дикихъ людей, что одно извѣстіе о намѣреніи Тараса навсегда вернуться къ нимъ было для нихъ радостною вѣстью. Въ эту страстную недѣлю во всѣхъ поселкахъ, и по ту, и по сю сторону „Чернаго Озера“, то и дѣло слышались восклицанія:—„Горе бѣломундирникамъ, если они вздумаютъ преслѣдовать здѣсь нашего Тараса!“ Онъ могъ располагать, какъ преданными союзниками, всѣми безъ исключенія жителями лѣсистыхъ горъ.

Отношеніе къ нему однесельцевъ было также несомнѣнно благоприятное. Насколько этому способствовала его рѣчь, насколько—состраданіе къ его женѣ и, наконецъ, просто тщеславіе человѣческой природы,—рѣшить, правда, было крайне трудно. Нѣкоторые несомнѣнно были тронуты его рѣчью, другіе были очень довольны, что и Тарасъ, наконецъ, убѣдился, какъ бесполезно надѣяться на помощь „писакъ“; притомъ для нихъ было чрезвычайно лестно, что именно изъ ихъ среды вышелъ этотъ „мститель“, о которомъ слава разнеслась уже по всей странѣ. Куда-бы въ эти дни ни пришелъ крестьянинъ изъ Зулавцевъ,—онъ всюду былъ дорогимъ гостемъ, такъ-какъ могъ рассказать о героѣ дня. Слушатели были положительно ненасытны и съ такою готовностью платили за выпитую водку, что мужики изъ Зулавцевъ не долго ломались, ввали

на пропалую и превозносили, какъ святаго угодника, этого благороднаго, чистаго человѣка, которому они еще недавно такъ отравляли жизнь. Теперь онъ внезапно снова сдѣлался любимцемъ и предметомъ гордости всего села.

Только немногіе изъ односельцевъ несчастнаго Тараса искренно и горько оплакивали его; и притомъ тотъ другъ, который чувствовалъ эту утрату вѣроятно глубже, чѣмъ всѣ остальные, старательно избѣгалъ всякихъ разговоровъ о немъ. Съ той минуты, какъ они разстались, священникъ ни разу не произнесъ еще имени Тараса. Только попадья догадывалась, до какой степени онъ страдаетъ, но и она ошибалась, полагая, что страданія эти ограничиваются сожалѣніемъ о судьбѣ друга. Еще мучительнѣе тяготѣло на душѣ его другое, болѣе жгучее горе; врядъ-ли онъ и самъ когда-нибудь думалъ, что оно овладѣетъ его набожнымъ сердцемъ. Объ этомъ пришлось, наконецъ, узнать и его женѣ.

Дѣло было вечеромъ, въ страстную пятницу. Отецъ Левъ вернулся домой въ девятомъ часу, до смерти уставшій отъ длиннаго богослуженія. Онъ на-скоро проглотилъ нѣсколько кусковъ и тотчасъ отправился въ свою комнату. Попадья послѣдовала за нимъ и присѣла со своимъ шитьемъ возлѣ лампы. Онъ рассказывалъ взадъ и впередъ и по временамъ боркоталъ что-то себѣ подъ носъ; жена думала, что мужъ, по обыкновенію, готовится къ проповѣди; и не рѣшалась заговаривать съ мужемъ, а только посматривала на него украдкой. Обыкновенно во время приготовленія къ проповѣди, лицо отца Льва дышало выраженіемъ такого безмятежнаго спокойствія, что оно всегда вызывало въ попадѣ чувство умиленія; теперь-же черты попа выражали такое жгучее горе, что попадья испугалась и рѣшилась заговорить съ нимъ.

— Послушай, начала она, — а у самой тревожно билось сердце; — ты вѣрно готовишься къ проповѣди на Свѣтло-Христово Воскресенье!

Онъ вздрогнулъ и мрачно уставился въ пространство.

— Не могу!.. прошепталъ онъ такъ тихо, какъ-будто говорилъ самъ съ собою. — Не могу! повторилъ онъ громкимъ, отчаяннымъ голосомъ и закрылъ руками лицо.

Добрая женщина въ ужасѣ вскочила и обвила его руками.

— Левъ, прошептала она, — что съ тобой?.. Впрочемъ, я это знаю! Но хорошо-ли отдаваться такъ своему горю? Развѣ въ нашей волѣ пережъвить случившееся?!

Онъ покачалъ головою и крѣпко сжалъ ея руку, какъ-будто хотѣлъ удержаться за нее, какъ утопающій.

— Нѣтъ, жена, выговорилъ онъ, наконецъ, съ усиленіемъ, — не отъ одного горя страдаю я. Съ тѣхъ поръ какъ на моихъ глазахъ погибъ этотъ человѣкъ, — каждый разъ, какъ я хочу молиться, мнѣ кажется, что я лицеѣбрь...

— Святые угодники! вскрикнула попадья.

— Я понимаю, что ты приходишь въ ужасъ, продолжалъ онъ съ лихорадочною поспѣшностью: — это, дѣйствительно, ужасно. Но моя-ли это вина? Вотъ мы прославляемъ всеправосудіе Господа и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ судьбу этого человѣка!

— Голубчикъ! воскликнула она; — какъ часто ты, бывало, говаривалъ въ подобныхъ случаяхъ, что возмездіе за все настанетъ въ будущей жизни; отчего-же ты теперь сомнѣваешься?!

— Въ будущей жизни! повторилъ онъ тѣмъ-же поспѣшнымъ, тревожнымъ тономъ. — Да, да, жена, будемъ твердо держаться этой вѣры... Но почему-же въ этомъ мірѣ на долю одного человѣка приходится столько горя?! Жена Тараса помѣшалась, дѣти осиротѣли, а самъ онъ умереть на висѣлицѣ, потому-что... потому-что, среди всеобщей испорченности, сумѣлъ сохранить въ себѣ дѣтское, чистое сердце, потому-что твердо надѣялся на Бога и правосудіе... Это ужасно!..

Жена хотѣла обнять его, но онъ тихо отстранилъ ея руки и снова началъ ходить по комнатѣ.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ нею, приподнялъ ея заплаканное лицо и откинулъ спустившіеся на глаза волосы.

— Фрузя, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — я обещаю тебѣ, что не поддамся этимъ сомнѣніямъ; я справлюсь съ ними, но на это нужны силы и время... Иди спать, успокойся...

Жена повиновалась; она мало спала въ эту ночь; въ душѣ ея непрерывно звучала одна молитва: „Господи! смилуйся, возврати мужу моему вѣру въ Тебя!“

Когда настало утро и въ комнатѣ стало совершенно свѣтло, она нѣсколько успокоилась, увидавъ, что мужъ съ спокойнымъ лицомъ отправился въ церковь. Тогда и она рѣшилась приступить къ исполненію своей священной обязанности, — позаботиться объ Анусѣ и ея хозяйствѣ.

Не мало тревогъ причинила несчастная женщина въ эти дни своимъ друзьямъ. Последнимъ сознательнымъ словомъ, слетѣвшимъ съ ея устъ, было имя мужа и тотъ крикъ, который донесся до Тараса. Начиная съ этого мгновѣнія, ею овладѣлъ безумный бредъ отчаянія и непрерывно продолжался по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ. Ни разу уста ея не произнесли ни одной жалобы, ни слова молитвы; ни разу глаза не смочились слезою; она рвала на себѣ волосы, отказывалась отъ всякой пищи, и время отъ времени изъ груди ея вырывался дикій, отчаянный крикъ. Всякій, кому случалось видѣть Анусю въ такомъ положеніи, уходилъ въ полномъ убѣжденіи, что она лишилась разсудка; только священникъ не терялъ надежды. — „Это пройдетъ, утѣшай оныя свою жену; — у нея сердце необузданнѣе, чѣмъ у насъ, а потому и горе сильнѣе“. И дѣйствительно, постепенно эти лихорадочныя порывы отчаянія стихали; несчастная перестала убиваться и не отказывалась уже отъ пищи и питья; но это состояніе казалось друзьямъ ея еще ужаснѣе прежняго. Уста ея по-прежнему не произносили ни слова, она лежала неподвижно, на лицѣ ея, словно окаменѣвшемъ, застыло выраженіе мрачной, сосредоточенной души. Когда друзья ея или дѣти подходили къ постели, она только отмахивалась отъ нихъ рукою или гнѣвно кричала: — „Оставьте меня, не мѣшайте мнѣ думать!“ Тогда, наконецъ, и священнику измѣнила прежняя увѣренность. — „Человѣческая помощь для нея бесполезна, сказалъ оныя своей женѣ; — теперь нужно позаботиться о дѣтяхъ, которыя лишились и отца, и матери; тебѣ слѣдуетъ раза два въ день навѣдываться къ нимъ и присматривать за домою, а я стану прискивать челоуѣка, который присмотритъ за ихъ хозяйствомъ“. Подходящій челоуѣкъ нашелся, и самъ предложилъ свои услуги въ тотъ-же день: это былъ Грицко Поменко, старшій сынъ Семена. „Если я буду работать для семьи Тараса, сказалъ оныя, — то мнѣ легче будетъ помириться съ мыслью, что я не пошелъ за нимъ.“

Это случилось въ четвергъ, въ праздникъ Благовѣщенія. Ануся, повидимому, не замѣчала, что въ домѣ ея стали распорядиться посторонніе люди. И на слѣдующій день она казалась погруженною все въ то-же состояніе тупаго безучастія. Но когда попадья вошла въ ея хату утромъ въ страстную субботу, ее ожидала здѣсь неожиданная радость. Постель Ануси была пуста, а наймитка, увидѣвшая попадью черезъ окно, послѣшно крикнула ей: — „Наша хозяйка

въ хлѣву; она бранить Грицка за то, что онъ принесъ къ намъ изъ дома своего отца новую маслѣбойку“.

И дѣйствительно, направившись къ хлѣву, попадья уже издали услыхала громкій, покойный голосъ Ануси. „Я знаю, милый Грицко, что ты сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ, сказала она;—но маслѣбойку все-таки снеси назадъ и впередъ заботься только о хозяйствѣ своего отца; со своимъ собственнымъ я справлюсь и сама“. Точно такъ-же встрѣтила она и попадью; сначала выразила ей сердечную благодарность, а потомъ замѣтила:— „Не забудь только взять съ собою вотъ эту желтую косыночку; я увидала ее сегодня утромъ на шеѣ моей Терезки, а вѣдь принадлежить она твоему Генрику. Мои дѣти, слава Богу, не безпріютные сироты и чужимъ людямъ не за чѣмъ носить имъ подарки“.

Добродушная попадья нисколько не обидѣлась за этотъ выговоръ.— „Ахъ, воскликнула она;—брани меня сколько хочешь, а я все-таки счастлива, что вижу тебя опять въ добромъ здоровьи!“

— Да, отвѣтила Ануся съ тѣмъ-же спокойнымъ лицомъ и тѣмъ-же спокойнымъ голосомъ;—я видѣла, что вы всѣ считали меня за сумасшедшую, а я была въ здоровомъ умѣ, но только все время думала, справедливо-ли поступилъ мой Тарасъ. Вѣдь ты знаешь, что до сихъ поръ я считала его за самаго лучшаго человѣка въ мірѣ.

— И ты, конечно, рѣшила, что онъ не могъ иначе поступить? воскликнулъ Грицко.

— Да, отвѣтила она; — я понимаю, что сердце велѣло ему такъ поступить, и понимаю, что онъ такой человѣкъ, который не можетъ не сдѣлать того, что приказываетъ ему сердце. При этомъ я и останусь; эта будетъ служить мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ. А въ правѣ-ли онъ былъ такъ поступить или нѣтъ, до этого я, бѣдная баба, додуматься не могла. Разсудокъ говоритъ мнѣ: „Да! да!“—а сердце кричитъ: „Нѣтъ! нѣтъ!“ Если правда дѣйствительно на его сторонѣ, то Богъ ему пособить и онъ сдѣлается спасителемъ и заступникомъ всѣхъ. Если-же онъ затѣялъ неправое дѣло, то Богъ его покинетъ, и онъ умретъ на висѣлицѣ. Но что-бы ни случилось,—для насъ онъ погибъ; у дѣтей моихъ нѣтъ болѣе отца, а потому я должна быть для нихъ и отцомъ и матерью.

— И всѣ мы станемъ помогать тебѣ! воскликнула попадья.

Священникъ узналъ о перемиръ, происшедшей съ Анусей только въ полдень, когда вернулся домой къ обѣду. И онъ тоже нашелъ ее совершенно спокойною; слова ея были разумнѣе, чѣмъ когда либо, только дѣло, за которымъ онъ ее засталъ, показалось ему нелѣпнымъ; работники, подъ ея руководствомъ, очищали большой амбаръ возлѣ дома и устилали въ амбарѣ полъ мѣшками съ соломой.

— Къ чему это? спросилъ онъ.

— Для пановъ-жолнеровъ, отвѣтила она съ горькой усмѣшкой.

— Для вакихъ жолнеровъ?

— Что съ тобою батюшка? возразила она. — Неужели тебѣ еще нужно рассказывать о томъ, что произошло? Развѣ ты не знаешь, что бывшій хозяинъ этого двора провозгласилъ войну противъ цисаря и что жена и дѣти этого человѣка живутъ еще здѣсь?! Понятно, что для *нихъ* нужно будетъ посорѣе овладѣть этимъ домомъ. У врага, значить, будетъ отнята возможность тайно посѣщать жену и дѣтей; сверхъ того, быть можетъ, имъ удастся и узнать кое-что о его мѣстопребываніи или намѣреніяхъ, благодаря какому-нибудь необдуманному слову жены и, наконецъ, въ случаѣ чего, у нихъ будутъ въ рукахъ заложники...

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ отецъ Левъ; — все что ты говоришь, можетъ быть, и справедливо, но никакъ не послѣднее. Съ бабами и дѣтьми цисарь не ведетъ войны.

— Ну, да это мы увидимъ, возразила она; — во всякомъ случаѣ паны скоро пожалуютъ къ намъ; объ этомъ навѣрное уже позаботился тотъ мерзавецъ, что живетъ въ замкѣ. Вѣдь Тарасъ открыто и честно объявилъ, что начнетъ съ него. Жаль имъ только остальныхъ деревенскихъ жителей. Не легко имъ будетъ при солдатскомъ постой и вѣроятно они за это будутъ сердиться на меня и дѣтей. И это я тоже предвижу, но ничѣмъ не могу помочь бѣдѣ.

— А, быть можетъ, имъ удастся это сдѣлать, воскликнулъ священникъ, и на лицѣ его вспыхнулъ румянецъ. — Теперь я знаю, о чемъ завтра проповѣдывать въ церкви!

— Да принесетъ-ли это какую-нибудь пользу? Впрочемъ, какъ-бы то ни было, — спасибо тебѣ за доброе намѣреніе. Одно только общай имъ, батюшка, прибавила она, выпрямляясь и протягивая ему руку, — общай не возбуждать въ своихъ прихожанахъ состраданія

ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ; въ этомъ мнѣ, пока Господь сохранитъ мнѣ жизнь и здоровье, не нуждаемся.

На слѣдующій день попъ сдержалъ свое слово. Жена его радовалась, слушая его проповѣдь; никогда еще не слыхала она, чтобы онъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ одушевленіемъ. Подъ вліяніемъ этой радости она не обратила вниманія, что на этотъ разъ священникъ говорилъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно, — не упоминалъ ни о благодати, ни о справедливости Бога, а исключительно ограничился яснымъ и убѣдительнымъ толкованіемъ изреченія: „Возлюби ближняго своего, какъ самого себя!“ Когда онъ въ простыхъ, доступныхъ для всѣхъ слушателей выраженіяхъ сталъ развивать мысль, что всякій безкорыстный поступокъ, вызванный любовью къ ближнему, всегда симпатиченъ, даже если результаты его и не хороши, и что онъ не долженъ вызывать злобы по-крайней мѣрѣ въ тѣхъ, для кого этотъ поступокъ совершенъ, хотя-бы онъ повлекъ за собою вредныя для нихъ послѣдствія, — всѣ прекрасно понимали о чемъ и о комъ онъ говоритъ и были тронуты его словами. Еще большее впечатлѣніе произвелъ онъ, заговоривъ объ общемъ горѣ, которое связываетъ всѣхъ людей; о томъ, что въ мѣрѣ въ сущности нѣтъ ни одного счастливаго человѣка и что отъ этого горя существуетъ только одно спасеніе, — милосердное состраданіе всѣхъ ко всѣмъ и въ особенности состраданіе сильныхъ къ слабѣйшимъ и самымъ слабымъ, — къ вдовамъ и сиротамъ. Затѣмъ онъ разсказалъ о тяжелой долѣ одной женщины, по имени Іозефки, которая на прошлой недѣлѣ скоронила мужа. „Не будемъ воображать себѣ, воскликнулъ онъ, — что дѣлаемъ больше, чѣмъ сколько требуетъ намъ долгъ, если печемся объ этой женщинѣ, оставшейся безъ крова и безъ средствъ, и несемъ ей свою лепту. Но, какъ ни бѣдна Іозефка, — не она самая несчастная вдова въ деревнѣ. Она знаетъ, что мужъ ея присталъ къ той пристани, которая манитъ къ себѣ каждого изъ насъ; она знаетъ, что онъ избавился отъ всѣхъ мученій, которыми полна наша жизнь. У насъ есть другая вдова, у которой нѣтъ даже этого утѣшенія; относительно ея мы обязаны исполнить еще болѣе священную обязанность! Дадимъ-же Іозефкѣ наши подаянія, а наше теплое участіе, наши утѣшенія, нашу преданность, — ей, самой молодой, самой несчастной вдовѣ во всемъ селѣ и ея дѣтямъ, самымъ молодымъ нашимъ сиротамъ“.

Бабы громко рыдали, когда онъ кончилъ, да и суровныя сердца мужиковъ были глубоко взволнованы. Только Ануся, на которую обратились всѣ взгляды, тихо покачала головою какъ-будто недовольная проповѣдью, и вышла изъ церкви съ тѣмъ-же неподвижно-спокойнымъ выраженіемъ лица, которое не покидало ее все время, пока говорилъ священникъ. Никто не рѣшился заговорить съ нею; только попадья молча присоединилась къ ней и проводила ее до дома.

Когда мужики послѣ проповѣди собрались передъ церковью, то и здѣсь разумѣется, какъ всюду на пятьдесятъ миль въ окрестности, рѣчь шла только о Тарасѣ. Нѣкоторые рассказывали, что къ нему присоединилось уже болѣе ста человекъ; другіе сообщали, что крестьяне его родной деревни, Ридова, послали ему сказать, что намѣрены всѣ стать подъ его знамя и начать открытое возмущеніе; третьи передавали, что главный цисарскій писарь въ Коломиѣ упалъ отъ ужаса въ обморокъ, когда услышалъ о томъ, какъ Тарасъ объявилъ цисарю войну... Всѣ эти извѣстія принимались съ такою вѣрою, какъ-будто священникъ только что объявилъ ихъ съ кафедры. Никто также не сомнѣвался, что Тарасъ вскорѣ появится въ деревнѣ и будетъ „судить“ мерзавца.

Только относительно срока этого событія мнѣнія расходились. „По моему, это можетъ случиться только сегодня ночью, замѣтилъ мясникъ Василь;—вѣдь сегодня онъ развертываетъ свое знамя, а наказаніе управляющаго, какъ онъ самъ обѣщаль, должно быть его первымъ дѣломъ“.

Другіе противорѣчили, основываясь на различныхъ доводахъ. „Тарасъ набожный человекъ! — воскликнулъ пономарь; онъ не захочетъ работать въ Свѣтло-Христово Воскресенье!“

— Да неужели-же вы думаете, что онъ затѣветъ такое бесполезное дѣло, прибавилъ рыжій Шимко. — Вѣдь управляющаго здѣсь нѣтъ; я знаю это изъ самаго вѣрнаго источника; онъ спрятался у офицеровъ въ Заблотовѣ.

— Ну ужъ это тебѣ наврали! воскликнулъ Георгій Поменко. — Негодяй сидитъ въ своей желѣзной комнатѣ, которую онъ велѣлъ себѣ сдѣлать въ замкѣ; а потому я нисколько не сомнѣваюсь, что Тарасъ явится сегодня ночью.

— Да! пропичаль исполнитъ кузнецъ своимъ дѣтскимъ голоскомъ;—это и мое мнѣніе. Отчего-бы ему медлить? Оттого, что съ

нимъ еще мало народа! Да если нѣтъ даже и сотни, такъ вѣдь въ этомъ дѣлѣ онъ можетъ рассчитывать на содѣйствіе каждаго честнаго, смѣлаго человѣка въ Зулавцахъ!

— Стой! крикнулъ мясникъ Василь;—я и самъ честный человекъ да и смѣлости мнѣ не занимать стать, но содѣйствовать этому дѣлу я-бы не сталъ; что-же касается остальныхъ, то это тоже еще вопросъ!

— Вотъ какъ? прервалъ его капралъ громкимъ и насмѣшливымъ голосомъ;—такъ по твоему это еще вопросъ? Неужели-же вы не поможете своему герою въ его работѣ?

— Молчи! крикнули ему сыновья Семена;—прошли тѣ времена, когда можно было безнаказанно позорить Тараса. Кто это дѣлаетъ, тотъ—подлецъ; да подлецъ будетъ и тотъ, кто не позоветъ ему противъ управляющаго!

Судья Евгеній въ испугѣ бросился разнимать спорившихъ.— „Вотъ видите-ли“... началъ онъ.

— Подлецъ? воскликнулъ мясникъ Василь.—Эй, хлопцы, придержите свои языки! Отъ моего топора еще не поздоровилось ни одному быку!

— Вотъ видите-ли... началъ опять Евгеній;—гайдамакъ...

Но и на этотъ разъ ему не удалось подвинуться дальше въ своей рѣчи.

— Слушайте! крикнулъ рыжій Шимко;—слушайте меня; мнѣ кажется, что я смотрю на дѣло самымъ настоящимъ образомъ. Я не рѣшилъ еще, какъ буду дѣйствовать, — стану-ли помогать Тарасу или воздержусь отъ этого. Нужно подождать и посмотреть, какой это дѣло приметъ оборотъ. Если управляющій станетъ отчаянно защищаться и начнется кровопролитіе, то съ моей стороны было-бы глупостью подставлять свою шкуру! Вѣдь все это дѣло нисколько меня не касается. Развѣ я помѣшалъ громадѣ отстоять поле силою? Нѣтъ, это сдѣлалъ Тарасъ! Развѣ я проигралъ тяжбу? Опять-таки Тарасъ! Развѣ я провозгласилъ себя мстителемъ? Развѣ меня за это прославляютъ по всей странѣ? Все это касается только Тараса. Такъ пусть-же Тарасъ одинъ и беретъ замокъ приступомъ!.. А вотъ когда онъ справится съ управляющимъ и его наймитамъ и дѣло дойдетъ до грабежа, тогда я дѣйствительно былъ-бы дуракомъ, если-бы продолжалъ смотреть, сложа руки. Тогда и я зѣвать не стану. Развѣ упра-

вляющій не грабилъ насъ?! Вотъ видите, — это, по моему, самое настоящее...

— Стыдись! прервать его Георгій Поменко.

— Стыдись! кривнулъ и мясникъ Василь. — Что ты, съ во-рами говоришь или съ честными людьми?!

— Вотъ видите-ли... гайдамакъ... и я, какъ судья... началъ Евгеній свою рѣчь въ третій разъ, но снова былъ прерванъ и опять звучнымъ голосомъ мясника.

— Послушайте, крикнулъ этотъ статный мужикъ и выпрямился во весь ростъ;—я докажу вамъ, что я не подлець, какъ сказалъ вонъ тотъ молокососъ. Я другъ Тараса; кто осмѣлится позорить его, съ тѣмъ я съумѣю расправиться. Онъ прекрасный, рѣдкій человѣкъ, и я считаю его не за гайдамака, а за мстителя, предпринявшаго святое дѣло. Но мы помогать ему въ этомъ дѣлѣ не можемъ, потому-что мы осѣдлые домохозяева, потому-что намъ приходится подумать о женахъ и дѣтахъ. Если онъ самъ не думаетъ о своей семьѣ, такъ это съ его стороны великій подвигъ, но я не въ силахъ поступить, какъ онъ. Кто помогаетъ Тарасу, для того остается только два исхода,—тюрьма или горный лѣсъ. Поэтому я въ это дѣло вѣшиваться не стану, и такъ-же, какъ я, поступить всякій добросовѣстный человѣкъ, который не захочетъ погубить свою семью.

— Да, да! закричали мужики.—Василь правъ! Мы желаемъ, чтобы Тарасу удалось его предпріятіе, но помогать ему мы, къ сожалѣнію, не можемъ!

— *Къ сожалѣнію?* насмѣшливо спросилъ капралъ; — а спокойно смотрѣть можете?

— Да, возразили мужики, — такъ мы и поступимъ, а тебѣ, жителю нашей деревни, стыдно-бы этому удивляться. Мы хотимъ посмотрѣть на подвигъ Тараса, а потому въ эту ночь не ляжемъ спать.

Съ этимъ рѣшеніемъ они и разошлись.

Полчаса спустя, младшій работникъ Галько, служившій конюхомъ во дворѣ Ануся, въ попыткахъ вбѣжалъ въ хату къ своей хозяйкѣ. „Хозяйка“, спросилъ онъ ее, запыхавшись; — „неужели-же это правда? Мужики на селѣ рассказываютъ другъ другу, что Тарасъ съ сотнею товарищей сегодня въ полночь будетъ брать замокъ приступомъ! Всѣ хотятъ дожидаться его, но будутъ только

смотреть, потому-что боятся цисарскихъ писарей. Правда-ли это, хозяйка?"

Ануса задрожала; яркій румянецъ и мертвенная блѣдность послѣдовательно смѣнялись на ея щекахъ.

— А я почему знаю? отвѣтила она сурово и мрачно; — семья моя и домъ принадлежать деревнѣ, а не шайкѣ истителя. Именно потому, что онъ когда-то былъ хозяиномъ этого двора, — теперь между нами и имъ не можетъ быть ничего общаго! Пускай другіе смотреть, мы-же останемся дома, и горе тому, кто осмѣлится нарушить мое приказаніе.

ГЛАВА XII.

Пока жители Зулавцевъ въ волненіи ждали событій этой ночи и старались обратить томительное ожиданіе пріятною игрою фантазіи, представляя себѣ управляющаго то повѣшеннымъ, то разстрѣленнымъ, то заживо изжареннымъ, самъ панъ Гайекъ тоже находился въ волненіи, ожидая событій этой ночи. Но картины, пронесившіяся передъ его глазами, существенно отличались отъ тѣхъ, которыя рисовались мужикамъ. Дѣло въ томъ, что онъ вовсе не сидѣлъ въ желѣзной комнатѣ въ Зулавцахъ, что было-бы невозможно уже по той причинѣ, что такой комнаты въ замкѣ совсѣмъ не было — а въ комфортабельной курительной комнатѣ своей маленькой квартиры, въ Коломиѣ, гдѣ онъ останавливался, когда пріѣзжалъ въ городъ. Онъ только-что вернулся съ большого параднаго обѣда, который давалъ начальникъ уѣзда именитымъ гражданамъ, и теперь, упиваясь ароматомъ тончайшей гаванской сигары, мечталъ о другомъ предстоявшемъ въ тотъ-же вечеръ праздникѣ, на который самый богатый житель города фонъ-Антоневичъ пригласилъ небольшой избранный кружокъ. Въ виду того, что панъ Гайекъ при этомъ блаженно улыбался, а иногда съ сигарою во рту принимался выдѣлывать въ комнатѣ разныя па, можно было заключить, что его ожидаетъ на этомъ вечерѣ что-нибудь особенно пріятное; впрочемъ, помимо пріятнаго тамъ должно было произойти что-нибудь важное; на это указывало и нервное нетерпѣніе, съ которымъ онъ ежеминутно вынималъ изъ кармана свои часы, а еще болѣе серьезное выраженіе, омрачавшее

по временамъ его правильное, но уже сильно поистасканное лицо. Но это были только мимолетныя тучки, набѣгавшія на залитой солнцемъ ландшафтъ. Управляющій вскорѣ снова начиналъ улыбаться.

— Все это вздоръ! воскликнулъ онъ, подходя къ зеркалу и принимаясь закручивать кончики своихъ усовъ; въ существованіи трехъ ея добродѣтелей я убѣдился самъ... А кромѣ того, — онъ отвѣсилъ отраженію своей собственной персоны глубочайшій и насмѣшливый поклонъ, — кромѣ того, панъ Гайекъ, я совѣтовалъ бы вамъ не забывать, кто вы сами и въ какомъ находитесь положеніи. Ха-ха-ха! Онъ громко захохоталъ; такое приглашеніе къ самопознанію показалось ему презабавной шуткой. Оставаясь все въ томъ-же веселомъ настроеніи, онъ принялся расхаживать по комнатѣ, напѣвая какую-то парижскую уличную пѣсенку, пока часы не пробили восемь. Тогда онъ позвонилъ, окончилъ при помощи слуги свой туалетъ и поѣхалъ къ виллѣ нана Богдана фонъ-Антоневича.

Для параднаго вечера часъ этотъ былъ довольно ранній, и панъ Венцель, прожившій столько времени въ Парижѣ и потому считавшійся во всемъ Коломійскомъ уѣздѣ оракуломъ въ дѣлѣ свѣтскихъ приличій, обыкновенно не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ тѣхъ законовъ, которые самъ установилъ въ здѣшнемъ обществѣ. Но на этотъ разъ онъ, напротивъ, погрѣшилъ-бы противъ свѣтскихъ приличій, если-бы пріѣхалъ позднѣе; на этотъ разъ онъ считалъ своимъ долгомъ явиться первымъ гостемъ. Дѣло въ томъ, что для него этотъ вечеръ, дѣйствительно, былъ не простымъ праздникомъ, а тѣмъ особеннымъ, который обыкновенно справляется смертными только одинъ разъ въ жизни; въ этотъ вечеръ должно было быть объявлено обрученіе его съ единственною дочерью дома, вдовствующей графиней Вандой Кюнинской, урожденной фонъ-Антоневичъ, и заинтересованныя въ этомъ событіи лица уже выработали всю программу церемоній, не исключая и проявленія всевозможныхъ, приличествующихъ данному случаю, чувствъ.

Если справедливо, какъ утверждаютъ многіе разумные люди, что самымъ лучшимъ залогомъ будущаго семейнаго счастья служить взаимное уваженіе и извѣстное сходство во взглядахъ на серьезныя жизненныя обязанности, то и управляющаго и молодую

вдову можно было вполне искренно поздравить съ заключеніемъ этого брачнаго союза. Если кромѣ того справедливо, что отношенія молодого супруга къ тестю и тещѣ только въ томъ случаѣ бывають хороши, если ни та, ни другая сторона никогда не питала ни малѣйшаго сомнѣнія относительно обоюднаго нравственнаго достоинства, то можно было впередъ сказать, что этотъ человѣкъ сѣмѣетъ сохранить съ родственниками своей невѣсты самыя дружескія семейныя отношенія. Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ самаго пана Гайека, панъ Богданъ фонъ-Антоновичъ былъ самымъ прожженнымъ мошенникомъ во всемъ уѣздѣ.

Этотъ почтенный дворянинъ по весьма уважительнымъ причинамъ не любилъ, чтобы ему напоминали о его прошлой жизни; не любилъ онъ также вспоминать и о своихъ предкахъ, хотя они были честными пастухами въ Молдавіи. Съ того-же ремесла началъ свою карьеру и молодой Богданъ, но такъ-какъ онъ отличался особенною способностью туго затягивать свой кошелекъ и широко распускать свою совѣсть, то скоро сколотилъ небольшой капиталецъ, при помощи котораго могъ начать въ Браиловѣ небольшую торговлю скотомъ.

Въ это-то время его постигъ, какъ онъ обыкновенно выражался, „тяжелый ударъ“, — смерть дяди и благодѣтеля, богатаго константинопольскаго купца, который назначилъ его своимъ наследникомъ. Но въ этомъ случаѣ ему, очевидно, измѣняла память такъ-какъ этотъ богатый купецъ дѣйствительно приходился дядею, но только не ему, а одному бѣдному армянину, по имени Никита, который служилъ у Богдана. Когда этотъ бѣдный работникъ получилъ повѣстку изъ суда, въ которой приглашался явиться въ Галату за полученіемъ наследства, онъ пришелъ съ большимъ запечатаннымъ конвертомъ къ своему хозяину и попросилъ его прочитать, что написано въ бумагѣ. Панъ Богданъ прочиталъ ее, — дѣло шло о десяти тысячахъ дукатовъ, — и повелъ себя въ этомъ дѣлѣ вполне безупречно и какъ истинный филантропъ. Онъ вспомнилъ о томъ, что у бѣдняги девять человѣкъ дѣтей и что внезапное приобрѣтеніе такой большой суммы не можетъ не подѣйствовать на пастуха деморализующимъ образомъ. Поэтому онъ сказалъ Никитѣ: — „Тебѣ привалило сумасшедшее счастье; твой дядя отказалъ тебѣ десять дукатовъ!“ Разумѣется, онъ желалъ только испытать, какъ Никита сѣмѣетъ воспользоваться небольшимъ

счастьемъ, чтобы заключить изъ этого, достоинъ-ли онъ большаго. „Вѣдь если онъ промотаетъ эти десять тысячъ дукатовъ, ризсуждалъ филантропъ, — а тѣмъ временемъ отвыкнетъ отъ работы, — что тогда будетъ съ его девятью малолѣтними дѣтьми?“ Къ сожалѣнію работникъ плохо выдержалъ испытаніе; онъ вскрикнулъ отъ радости, какъ пьяный, и тотчасъ выпросилъ себѣ одинъ дукатъ впередъ. А что онъ сдѣлалъ съ этою большою суммою? Вы думаете, что онъ, быть можетъ, отдалъ ее въ ростъ подъ большіе проценты? Сохрани Боже! Этотъ мотъ накупилъ своимъ дѣтямъ рубахъ, а на остальные деньги — столько пицци, чтобы дѣти хоть разъ могли наѣсться вдоволь. А затѣмъ онъ опять пришелъ къ Богдану. Тотъ съ душевнымъ прискорбіемъ далъ ему второй дукатъ, и такъ продолжалось дѣло до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, черезъ полгода Никита не истратилъ девяти дукатовъ. Тогда нашему филантропу пришлось выдержать тяжелую борьбу съ самимъ собою. „Нѣтъ!“ говорилъ какой-то голосъ въ его сердцѣ; „нельзя обречь на гибель этихъ дѣтей!“ Наконецъ, онъ та отдалъ ему десятый дукатъ, но зато взялъ съ него росписку въ полученіи „всего наслѣдства“. А затѣмъ, наслаждаясь сознаніемъ совершеннаго имъ добраго дѣла, онъ поспѣшилъ въ Галату и заполучилъ тамъ всѣ десять тысячъ дукатовъ.

Такимъ образомъ первая крупная сумма, послужившая основаніемъ его богатства, была приобрѣтена Богданомъ, благодаря чело-вѣколюбію. Но люди, какъ извѣстно, всегда отличались склонностью чернить все лучезарное, а потому въ Браиловѣ стали объяснять его поступокъ, когда онъ случайно сдѣлался извѣстнымъ, самыми грязными мотивами. Оскорбленный до глубины души, Богданъ рѣшилъ навсегда разстаться съ коварнымъ городомъ и съ неблагодарнымъ пастухомъ и окольными путями отправился съ своими деньгами въ Австрію, гдѣ взялъ на аренду большое имѣніе. Имѣніе это находилось въ Буковинѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся границы Австріи, Россіи и Молдавіи, а такъ какъ таможенный надзоръ въ то время былъ очень строгъ, то въ головѣ каждаго предприимчиваго человѣка, жившаго около границы, должны были возникать разныя политико-экономическія соображенія. Панъ Богданъ былъ крайне предприимчивъ; онъ началъ взвѣшивать выгоды свободной торговли и покровительственной системы и, наконецъ, на основаніи глубокаго внутренняго убѣжденія, сталъ

на сторону свободы торговли и сдѣлался противникомъ всякой государственной монополіи. А такъ-какъ Австрія въ то время была государствомъ абсолютнымъ и панъ Богданъ не могъ явиться кандидатомъ на депутатскую должность, чтобы содѣйствовать осуществленію своихъ политико-экономическихъ идей, то онъ рѣшился пропагандировать ихъ, по крайней мѣрѣ, собственнымъ примѣромъ. Онъ самъ провозгласилъ свое имѣніе свободною гаванью и особенно усердно старался подорвать австрійскую табачную монополію, переправляя огромные массы этого благороднаго растенія изъ Бессарабіи и Молдавіи въ Австрію. Разумѣется, эта дѣятельность не ускользнула отъ бдительности таможенныхъ чиновниковъ, но панъ Богданъ прекрасно умѣлъ побѣждать ихъ сопротивленіе, терпѣливо высчитывая каждому изъ нихъ, по первому требованію, свои многочисленные доводы и постепенно склоняя ихъ въ пользу свободной торговли. Въ Австріи роль этихъ доводовъ играли гульдены въ Молдавіи—піастры, а въ Россіи—рубли. Но къ несчастію въ Черновицу былъ присланъ новый таможенный начальникъ, котораго невозможно было убѣдить даже тысячами доводовъ. Панъ Богданъ струсиль, а такъ-какъ онъ уже по собственному опыту зналъ склонность людей чернить все свѣтлое, то поспѣшилъ отдѣлаться отъ своей аренды и купилъ себѣ прекрасное имѣніе Горковку въ восточной Галиціи.

Ему было сорокъ лѣтъ, онъ былъ богатый человѣкъ, сердце его жаждало пламенной страсти, а петлица—почетнаго ордена. Панъ Богданъ желалъ жениться на дворянкѣ и сдѣлаться родоначальникомъ дворянскаго рода. Что касается перваго намѣренія, то его въ Галиціи почти легче осуществить, чѣмъ, напримѣръ, желаніе непременно жениться на дѣвушкѣ изъ мѣщанской среды, но за какія заслуги можно было окрестить Богдана паномъ фонъ-Антоневичемъ, это онъ и самъ врядъ-ли сумѣлъ-бы рѣшить, такъ какъ учрежденіе вышеупомянутой свободной гавани врядъ-ли было-бы найдено достаточною заслугою. Тогда-то таинственная сила, управляющая нашими сердцами, свела его съ одною дамою, которая имѣла возможность осуществить его мечты. И на этотъ разъ таинственная сила явилась облеченная въ кафтанъ ходатая по свадебнымъ дѣламъ, Симона Ребенвурцеля, который предложилъ пану Богдану руку панни Антоніи Кульчицкой. Это, правда, была небогатая и не очень ужъ молодая сирота, да притомъ изъ мелкой

шляхты, но пользовавшаяся большимъ вліаніемъ, благодаря братской дружбы, которую питалъ къ ней одинъ изъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ страны. Разумѣется, и эти чистыя отношенія были очернены и извращены въ общественномъ мнѣніи, а потому Симонъ Ребейвурцель, дѣлая пану Богдану это предложеніе, изъ предосторожности старался держаться поближе къ двери. Но къ удивленію его, панъ Богданъ остался совершенно спокойнымъ и даже сталъ увѣрять, что чувствуетъ къ этой незнакомой ему дѣвицѣ симпатію и сердечное влеченіе, но что для окончательнаго развитія этого чувства необходимы нѣкоторыя вещи. Затѣмъ онъ перечислилъ эти вещи, а Симонъ записалъ ихъ въ свою памятную книжку.

Мѣсяцъ спустя жидъ принесъ ему бумагу, въ силу которой магнатъ уступалъ своей подругѣ прекрасное имѣніе Россово. Панъ Богданъ прижалъ руку къ своему радостно бьющемуся сердцу, объявилъ, что въ его стувѣ явственно слышатся четыре слога: „Ан-то-ні-я!“, немедленно отправился къ этой дамѣ съ визитомъ и скоро сталъ бывать у нея ежедневно. Впрочемъ, до объясненія дѣла пока еще не дошло. Подъ вліаніемъ истинной любви человѣкъ становится робкимъ. Панъ Богданъ только тогда рѣшился, наконецъ, выразить въ словахъ своихъ пламенную страсть, когда жидъ передалъ ему письмо, въ которомъ магнатъ обязывался честнымъ словомъ доставить пану Богдану Антоневичу, не поздѣе, какъ черезъ годъ послѣ бракосочетанія его съ панной Антоніей Бульчицкой, австрійскій дворянскій дипломъ. Вслѣдъ затѣмъ приступили къ обрученію, а потомъ сыграли и свадьбу.

Бракъ вышелъ, разумѣется, самый образцовый. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя панъ Богданъ былъ порадованъ двумя сюрпризами, — дворянскимъ дипломомъ и бѣлокурою дочкою. Несмотря на все это, благородная чета постепенно получила доступъ въ лучшее общество. Пани Антонія была очень красива, а панъ Богданъ — очень богатъ. Сначала домъ ихъ очень понравился холостякамъ и офицерамъ, а потомъ стали ѣздить и всѣ остальное сосѣди. Съ теченіемъ времени панъ Богданъ разбогатѣлъ еще больше; теперь у него было три имѣнія да кромѣ того препотенный капиталъ, который быстро возрасталъ, благодаря его усердію.

Богданъ фонъ-Антоневичъ постарался дать своей дочкѣ Вандѣ такое воспитаніе, которое приличествовало дочери польскаго дворянина. Интеллектуальнымъ образованіемъ она обязана была одной

парижанкѣ, которая научила ее болтать немного по-французски и бречать на фортепiano. Отецъ желалъ, чтобы Ванда сдѣлалась истой полькой. Вообразите-же себѣ его ужасъ, когда въ одинъ прекрасный день въ ней обнаружили несомнѣнные признаки австрійскаго образа мыслей. Молодой офицеръ, виновникъ этого сюрприза, давно уже былъ переведенъ въ другой гарнизонъ, и панъ Богданъ принялся подыскивать подходящаго зятя. Негодяя онъ рѣшился взять только въ случаѣ необходимости и предпочелъ-бы имѣть дѣло съ дуракомъ. И дѣйствительно, ему посчастливилось наткнуться на графа Агенора Конинскаго. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ подходящій человѣкъ. Во-первыхъ, онъ былъ потомкомъ очень древняго рода, во-вторыхъ, промотался до такой степени, что съ радостью согласился на предложеніе Богдана, а въ третьихъ, это былъ добродушный малый, который нисколько не стѣснялъ своей жены. Даже фамилія графа вполне соответствовала его характеру и наклонностямъ; онъ былъ большой любитель лошадей и умеръ, вслѣдствіе несчастія, случившагося съ нимъ на какихъ-то скачкахъ.

Молодая вдовствующая графиня, изъ уваженія къ своему имени рѣшилась пожертвовать своими симпатіями къ королевско-императорской арміи и вращаться исключительно въ обществѣ польскаго дворянства; но, несмотря на такое рѣшеніе, ей не удалось завоевать уваженіе этого слоя общества. Повидимому, семья Антоневичей въ своемъ поведеніи перешла даже за тѣ широкія нравственныя границы, которыя это общество отводитъ для своихъ членовъ. Когда панъ Гайекъ поселился въ Коломиѣ, панъ Богданъ, несмотря на свое богатство, принималъ у себя въ домѣ только очень малочисленное, но избранное общество; порядочные люди уже не ѣздили къ нему. Въ этомъ году обоимъ родителямъ минуло семьдесятъ лѣтъ, графинѣ Вандѣ — тридцать, а сыну ея — одиннадцать. Пора было положить конецъ такому скандалу и подыскать чловѣка, который сужѣлъ-бы толково управлять ихъ крупнымъ состояніемъ. Въ виду такого положенія дѣлъ становилось понятнымъ, почему помѣшанный на своемъ дворянствѣ Богданъ и вдовствующая графиня Конинская втайнѣ давно уже подумывали объ управяющемъ.

Далеко не такъ легко рѣшился на этотъ шагъ самъ панъ Гайекъ. Графиня, правда, обладала тремя почтенными и хорошо извѣст-

ными ему добродѣтелями:—имѣніями Россово, Горковка и Дринковцы, а онъ самъ былъ человѣкъ, не стѣснявшійся никакими „предразсудками“. Тѣмъ не менѣе, онъ долго притворялся, что не понимаетъ толстыхъ намековъ, которые отъ времени до времени дѣлалъ ему почтенный панъ Тадеушъ, одинъ изъ друзей Богдана.— Здѣсь, въ новой сферѣ дѣятельности, ему посчастливилось приобрести и сохранить репутацію честнаго человѣка и ему не хотѣлось безъ прямой необходимости разставаться съ этимъ пріятнымъ сознаніемъ, которое къ тому-же имѣло для него прелесть новизны. Но вдругъ пришло извѣстіе о поступкѣ Тараса и повергло трусливаго управляющаго въ безпредѣльный ужасъ. Истиннымъ посредникомъ этого союза двухъ благородныхъ сердецъ былъ въ сущности не панъ Тадеушъ Базанскій, а Тарасъ Барабола.

Въ Вербное воскресенье, во время „великой радн“, пана Гайека не было въ деревнѣ. Въ этотъ день онъ уже рано утромъ уѣхалъ въ Заблотовъ, куда былъ приглашенъ на завтракъ гусарскимъ ротмистромъ фонъ - Мигали. Завтракъ вышелъ очень шумный и веселый; кромѣ офицеровъ эскадрона были приглашены и нѣкоторые молодые дворяне изъ сосѣднихъ имѣній. Панъ Гайекъ былъ веселѣе всѣхъ и сохранилъ это настроеніе даже тогда, когда общество, окончивъ завтракъ, обратилось къ карточнымъ столамъ. Управляющій ненавидѣлъ азартныя игры, а потому согласно его предложенію, рѣшили заняться серьезною, почтенною игрою—макао. Онъ держалъ банкъ и постоянно выигрывалъ; шутки и остроты такъ и сыпались съ его устъ.

Вдругъ въ комнату вошелъ деньщикъ ротмистра и съ удивленною миною доложилъ, что у дверей дожидается приказчикъ Болеславъ, который желаетъ поговорить съ своимъ паномъ насчетъ очень важнаго дѣла; онъ говоритъ, что крестьянинъ Барабола объявилъ императору войну.

Громкій взрывъ хохота послѣдовалъ за этими словами. Всѣ присутствовавшіе гости покатывались отъ смѣха, развалившись на своихъ стульяхъ. Но на пана Гайека извѣстіе это подѣйствовало совсѣмъ иначе; онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, карты вывалились у него изъ рукъ; онъ весь затрясся, вскочилъ и, запинаясь, пробормоталъ: — „Господа, вы не знаете этого человѣка... Тутъ дѣло идетъ о жизни или... Извините, мнѣ необходимо разспросить приказчика подробнѣе“...

Онъ хотѣлъ направиться къ двери, но ротмистръ, смѣясь, преградилъ ему путь. — „Нѣтъ! воскликнулъ онъ; — мы требуемъ, чтобы вы допросили этого человѣка здѣсь. Согласитесь, что война, объявленная Его Величеству, касается прежде всего насъ, офицеровъ“.

Въ комнату вошелъ исполнѣнъ-прикащикъ; лицо его было блѣдно и мрачно. Въ короткихъ словахъ онъ передалъ содержаніе рѣчи Тараса. — „Какой это человѣкъ“, заключилъ онъ, — „вы и сами знаете, пане. Черезъ недѣлю онъ хочетъ приняться за дѣло и начать съ васъ. Теперь онъ отправился въ горы, въ сторону „Краснаго Ущелья. Сегодня съ нимъ четверо товарищей, а черезъ недѣлю будетъ пятьдесятъ!“

Гости уже не смѣялись. Не столько слова, сколько тонъ исполнения привелъ ихъ въ серьезное настроеніе. Но теперь, когда онъ окончилъ, снова воцарилось веселіе и посыпались насмѣшки. — „Такъ, стало-быть, война! смѣялись офицеры; — быстрое повышение, двойное жалованье!“ А ротмистръ воскликнулъ: — „Вѣдь онъ выступитъ только еще черезъ недѣлю! Сегодня мы еще успѣемъ поиграть... Гайекъ, сдавайте и... что съ вами?“ воскликнулъ онъ вдругъ въ испугъ. „Вы падаете въ обморокъ!“

И дѣйствительно, управляющій имѣлъ такой видъ, какъ-будто въ слѣдующее-же мгновеніе собирался лишиться чувствъ. Онъ весь какъ-то осунулся; блѣдное, безкровное лицо было искажено отъ страха. Такъ онъ сидѣлъ, весь сгорбившись, въ креслѣ, голова его склонялась на столъ...

— Совсѣмъ какъ Вальтасаръ! смѣясь воскликнулъ одинъ молодой лейтенантъ; — да, любезный Гайекъ, „Мани Факель Фарестъ!“ Повидимому, у васъ совѣсть-то передъ мужиками не особенно чиста. Никакъ, вы даже плакать собираетесь!

Управляющій, дѣйствительно, разразился рыданіями. — „Ахъ! стоналъ онъ, мнѣ нужно въ городъ“... Онъ попытался было встать, но тотчасъ опять опустился на кресло. „Нѣтъ... мнѣ нужно ѣхать домой... мои бумаги... Господинъ ротмистръ! воскликнулъ онъ умоляющимъ тономъ, — приежайте солдатамъ вашего эскадрона тотчасъ сѣдлатъ лошадей, проводите меня въ Зудавцы и останьтесь тамъ! Въ противномъ случаѣ я завтра-же буду безжизненнымъ трупомъ, а замокъ мой — руиной!“

— Что за вздоръ! съ сердцемъ воскликнулъ ротмистръ. — Я

считалъ васъ за человѣка болѣе... умѣющаго владѣть собою! У васъ отъ страха видно помутился разумокъ! Развѣ вы не знаете, что я не имѣю права по собственному произволу перемѣщать свой эскадронъ?

— Такъ пусть-же на васъ падаетъ и отвѣтственность! въ отчаяніи воскликнулъ Гайекъ. — Одинъ я не поѣду домой, прибавилъ онъ, снова принимаясь стонать. Наконецъ, онъ съ трудомъ нѣсколько успокоился. — Мнѣ нужно въ городъ, началъ онъ; — насъ съ кучеромъ и съ приказчикомъ, трое, и никто изъ насъ не вооруженъ, а тѣхъ разбойниковъ, по крайней мѣрѣ, пятеро. Прошу васъ, господинъ ротмистръ надѣлать насъ оружіемъ и послать съ нами въ видѣ конвоя нѣсколькихъ гусаръ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ ротмистръ, вѣжливо, но холодно. — Это не превышаетъ моихъ полномочій.

Часъ спустя, панъ Гайекъ уже былъ на дорогѣ въ Коломию. По обѣимъ сторонамъ экипажа ѣхало по гусару, да и сидѣвшій возлѣ своего пана приказчикъ былъ вооруженъ до самыхъ зубовъ, но управляющій, несмотря на это, едва не умеръ въ дорогѣ отъ страха. Всякій разъ, когда до слуха его доносился какой-нибудь звукъ, когда на встрѣчу попадался всадникъ, онъ въ ужасѣ вскрикивалъ. Тщетно приказчикъ старался его успокоить; все, что онъ могъ сказать ему въ утѣшеніе, заключалось въ слѣдующихъ словахъ: — „Онъ объявилъ, что примется за дѣло только черезъ недѣлю, а ужъ слово его вѣрно!“

Отвѣтъ управляющаго на эти слова могъ считаться равносильнымъ самому лестному, почетному отзыву, какой когда либо былъ произнесенъ о Тарасѣ. „Ахъ! вздохнулъ онъ, быть можетъ, тѣ, кто передавали тебѣ объ этомъ, плохо разслышали его слова!“ Въ томъ, что человѣкъ этотъ всегда сдержитъ свое слово, — и въ маломъ, и въ великомъ, — не сомнѣвался даже онъ... и это было ужаснѣе всего!..

Извѣстіе это было для него совершенно неожиданно, хотя онъ давно уже зналъ объ экспедиціяхъ, которыя Тарасъ предпринималъ въ горы, о его возрастающемъ мрачномъ настроеніи, о переводѣ имущества на имя жены и дѣтей. Но всѣ эти признаки онъ истолковывалъ совершенно ложно; онъ былъ твердо убѣжденъ, что, когда придетъ отрицательный отвѣтъ отъ императора, Тарасъ лишитъ себя жизни, — и по своему даже чувство-

валь состраданіе къ этому человѣку, то-же состраданіе приближительно, какое мясникъ испытываетъ, глядя на прекраснаго быка, отъ котораго ожидаетъ себѣ большой выгоды. Теперь, когда онъ узналъ о рѣшеніи Тараса, характеръ его сталъ для него совершенно ясенъ. Хотя до него рѣчь Тараса дошла только въ отрывочномъ разсказѣ, онъ все-таки понялъ лучше, чѣмъ большинство слушателей. „Да, да, простоналъ онъ, — ангель превратился въ дьявола, а такіе дьяволы обыкновенно самыя злые“.

Наконецъ, стало свѣтать. Панъ Гайекъ рѣшился отпустить конвой и около девяти часовъ благополучно прибылъ въ Коломию. Здѣсь онъ отпустилъ и приказчика. „Думаешь-ли ты, что вслѣдствіе моего отсутствія замку грозитъ какая-нибудь опасность?“ спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ улыбаясь богатирь; — опасно можетъ быть только присутствіе пана. Тарасу хочется судить пана, а изъ панскаго имущества онъ возьметъ развѣ столько, сколько панъ, по его разсчетамъ, причинилъ ему убытка, — и ни одного гроша болѣе! Да это ему не къ спѣху; онъ навѣрное подождетъ, пока не изловитъ самого пана.

По тѣлу управляющаго пробѣжала дрожь. — „Это я и самъ думаю, сказалъ онъ; — но все-таки ты поѣзжай и тотчасъ привези мнѣ черненькій ящичекъ, который стоитъ въ моемъ стѣнномъ шкафѣ. Я-же, разумѣется, останусь здѣсь и сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы этого негодяя повѣсили, а то...“

— А то онъ повѣситъ пана, докончилъ его мысль мазурь; — это панъ справедливо замѣтилъ.

Сопровождаемый этимъ напутствіемъ, панъ Гайекъ отправился къ начальнику уѣзда, Францу фонъ-Вауеру. Разумѣется, онъ придалъ дѣлу характеръ громаднаго бунта, благодаря которому въ теченіи нѣсколькихъ дней сотни людей лишаются жизни и имущества, если не оцѣнить немедленно головы Тараса и не отправить въ горы нѣсколько полковъ.

Ворчливый старикъ разворчался больше обыкновеннаго. — „Вотъ тебѣ и на!“ проворчалъ онъ и по своей неизмѣнной привычкѣ принялся бѣгать взадъ и впередъ по канцеляріи словно левъ, заключенный въ клетку. — „Ни съ кѣмъ въ мірѣ не случается такихъ исторій, — только со мною однимъ; не даромъ я всегда говорю: лучше служить писаремъ въ Вѣнѣ, чѣмъ начальникомъ уѣзда“

въ Коломіѣ. Едва „дикій Василь“ рѣшился сдѣлать намъ удовольствіе и застрѣлился, а тутъ ужъ успѣлъ подвернуться другой молодець. Такъ это Тарасъ Барабола! Скажите пожалуйста! Не подумалъ-бы я этого про него; совсѣмъ почтенный у него былъ видъ. Впрочемъ, правосознанія у него не было ни на грошъ. Приходитъ онъ какъ-то ко мнѣ и требуетъ, чтобы судъ по собственной инициативѣ началъ процессъ изъ-за поля. По собственной инициативѣ! Что-же удивительнаго, если человѣкъ, способный сказать подобную вещь, становится гайдамакомъ! Да, въ здѣшнемъ населеніи нельзя не замѣтить большого недостатка въ правосознаніи... Да, такъ что-же я хотѣлъ сказать... Очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе и за вашъ разговоръ, господинъ управляющій, но разговоръ нашъ недостаточенъ для того, чтобы дать дѣлу официальный ходъ. Потрудитесь подать письменное заявленіе въ регистратуру; оно свободно отъ пошлины. Прощайте!”

— Схѣю-ли я спросить, когда послѣдуетъ резолюція по этому дѣлу?

— По принятому въ дѣлопроизводствѣ порядку! *Id est*: согласно съ номеромъ поступленія бумаги.

— Господинъ уѣздный начальникъ, вѣдь это самое спѣшное дѣло въ мірѣ! Я предложилъ-бы прежде всего отправить гусара изъ Заблотова...

— Гусаръ?! Гусаръ?! Старикъ всплеснулъ руками, лицо его побагровѣло. — Милостивый государь, за кого вы меня принимаете? Развѣ я генералъ, чтобы командовать гусарами? Я начальникъ уѣзда и горько жалуясь на судьбу, пославшую мнѣ эту должность!

Управляющій совсѣмъ упалъ духомъ и уже собирався отретироваться, однако, еще разъ собралъ всю свою смѣлость.

— Господинъ уѣздный начальникъ, сказалъ онъ съ театральнымъ пафосомъ; — дѣло касается моей жизни и, что для меня еще драгоцѣннѣе, имущества моего господина, графа Георгія Борецкаго. Позвольте-ли вы мнѣ, въ виду этого, предложить вопросъ относительно того, какой ходъ будетъ данъ этому дѣлу послѣ моего письменнаго донесенія?

— Оно пойдетъ законнымъ порядкомъ. *Id est*: донесеніе ваше будетъ вручено комиссару для составленія доклада; комиссаръ отправится въ Зулавцы, чтобы на мѣстѣ разузнать, что соб-

ственно говорилъ этотъ Тарасъ. Если передаваемыя вами свѣденія вѣрны, то дѣло представить преинтересное сочетаніе преступленій: богохульство, оскорбленіе величества, возбужденіе къ бунту, опасныя угрозы и клевета противъ властей. Преинтересный случай, превосходное сочетаніе. За одну рѣчь его присудятъ къ десяти годамъ, а если онъ вдобавокъ тронетъ еще и васъ, то ему не миновать висѣлицы. Ну что — успокоились-ли вы наконецъ?

Но, — странное дѣло, — управляющій, повидимому, очень мало былъ успокоенъ этими разсужденіями. — „Господинъ уѣздный начальникъ, началъ онъ взволнованнымъ голосомъ; — въ данномъ случаѣ грозитъ серьезная опасность; надѣюсь, что господинъ комиссаръ отправится завтра утромъ“...

— Завтра?! воскликнулъ фонъ-Бауеръ и опять всплеснулъ руками. — Удивляюсь, какъ еще вы не сказали: сегодня; — извините, что я не послалъ его уже вчера.. Завтра утромъ! И это говорить образованный человѣкъ! Онъ опять принялся бѣгать по комнатамъ, пока не успокоился по поводу этого вопіющаго предположенія. — Итакъ, заключилъ онъ, — *Delegatis comissarii* совершится въ возможно скоромъ времени, *id est*, не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць. Въ дѣлахъ слѣдуетъ соблюдать порядокъ!.. Заснѣтъ ииѣю честь кланяться!

Управляющій ушелъ. На томъ-же мѣстѣ, гдѣ сердце его противника впервые было уязвлено горькимъ чувствомъ разочарованія, безсильнаго возмущенія, теперь и ему приходилось испытывать тѣ-же ощущенія. Безпредѣльный страхъ, который онъ до сихъ поръ успѣвалъ только по временамъ и не надолго подавлять надеждою на быстрое вмѣшательство властей, теперь опять забралъ его въ свои когти. Едва держась на ногахъ, почти не помня себя отъ ярости и ужаса, помчался онъ внизъ по лѣстницѣ, а затѣмъ по узенькимъ улицамъ города.

Здѣсь ему бросилась въ глаза вывѣска оружейной лавки. Онъ вошелъ и купилъ себѣ двухствольный пистолетъ. „Если я попадусь ему въ руки, прошепталъ онъ, выходя изъ лавки, — то избавлю себя, по-крайней-мѣрѣ, отъ самаго ужаснаго!“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то голосъ въ его собственномъ сердцѣ кричалъ: „Лжешь, трусъ! Зачѣмъ ты хвастаешься передъ самимъ собою! Ты на это никогда не рѣшишься, никогда!“

Возмездіе за преступленія, совершенныя этимъ человѣкомъ, началось прежде, чѣмъ Тарасъ успѣлъ тронуть его пальцемъ, и оно продолжалось и возросло съ каждымъ часомъ. Даже въ болѣе спокойныя минуты управляющій не могъ не сознаваться, что положеніе его серьезное. Пока живъ Тарасъ, возвращеніе въ Зулавцы представлялось ему равносильнымъ самоубійству, а категорическое заявленіе начальника уѣзда, повидимому, обеспечивало Тарасу долгую и безмятежную жизнь. Изъ этого обстоятельства, стало-быть, для Гайсека вытекала необходимость оставить свое мѣсто; изъ Коломиіи имѣніемъ невозможно было управлять даже въ теченіи двухъ недѣль; крестьяне навѣрное не стали-бы отбывать податей и повинностей, если-бы управляющій ежедневно не понукалъ ихъ въ этому, а если-бы онъ, въ свою очередь, хотъ на одинъ мѣсяць запоздалъ высылкой обычнаго мѣсячнаго дохода, графъ тотчасъ-бы прогналъ его, не принимая во вниманіе „военнаго времени!“ Въ виду этого было-бы благоразумнѣе удалиться самому, не дожидаясь отставки; но что предпринять потомъ? Въ его черной шкатулочкѣ, правда, хранилось три тысячи гульденовъ, которые онъ, несмотря на роскошную жизнь, успѣлъ „сберечь“ въ теченіи нѣмногихъ лѣтъ своей служебной карьеры. Неужели-же тронуть этотъ капиталъ, оставить здѣшнія мѣста и отыскивать новыя занятія? Но, покинувъ Коломию, онъ не только рисковалъ-бы своимъ маленькимъ капиталомъ, но совершенно потерялъ-бы другой, несравненно болѣе цѣнный, —приобрѣтенную здѣсь почетную репутацію и возможность извлекать изъ нея денежную выгоду. До сихъ поръ имъ всуду дорожили, какъ ловкимъ, любезнымъ кавалеромъ и дѣльнымъ хозяиномъ; онъ-же съ своей стороны вполне ясно намѣтилъ себѣ цѣль: ему необходимо было добиться независимой поземельной собственности посредствомъ брака съ какою-нибудь богатою дѣвушкою. Были ужъ у него и невѣсты на примѣтѣ; —напримѣръ, Θεодора Гарасимовичъ, дочь ополячившагося армянина, и Маргарита Зунакъ, отецъ которой въ юности былъ въ Швабіи просто „Шуноклемъ“. Къ обѣимъ изъ двухъ этихъ цѣлей онъ уже до известной степени приблизился, но чтобы достигнуть ихъ окончательно, требовалось еще много времени и усилій. Теперь объ этомъ нечего было и думать! Управляющій села Зулавцы еще могъ осмѣлиться толкнуться въ эти двери, но лишившемуся мѣста

голяку это было невозможно. А долго-ли можно будетъ удержаться на мѣстѣ при подобныхъ условіяхъ?! Долго-ли можно будетъ сдерживать сплетни злыхъ людей!!

Такимъ образомъ, благодаря странному сдѣвленію обстоятельствъ, одного заявленія Тараса о своемъ намѣреніи было достаточно, чтобы смертельный врагъ его былъ положительно раззоренъ и уничтоженъ. Когда во вторникъ вечеромъ приказчикъ явился въ городъ съ шкатулкой, онъ засталъ своего господина въ самомъ мрачномъ настроеніи. То, что онъ имѣлъ передать ему, тоже врядъ-ли могло навести на болѣе веселыя мысли. „По правдѣ сказать, пане, мрачно заявилъ исполниль, — дѣла наши въ деревнѣ стоятъ плохо. Панщина прекращена; Тараса всѣ перевозносятъ, а пану, по правдѣ сказать, всякій отъ души жадеетъ петли, которую Тарасъ посулилъ пану. Я, право, еще не встрѣчалъ ни одного мужика, который былъ-бы противнаго мнѣнія“.

— Хорошо, хорошо, пробормоталъ управляющій и знакомъ приказалъ ему удалиться. Оставшись наединѣ, онъ невольно схватился рукою за шею. — Нѣтъ, это не можетъ такъ продолжаться! воскликнулъ онъ громко. — Мнѣ необходимо раздѣлаться со всей этой исторіей... я не хочу имѣть никакого дѣла съ этими собаками.

Онъ подошелъ къ письменному столу и наскоро написалъ нѣсколько строкъ. Это было письмо къ графу съ просьбою объ отставкѣ. Онъ сложилъ листъ, вложилъ его въ конвертъ и запечаталъ. Но на этомъ дѣло и остановилось. Нѣсколько разъ брался онъ за перо, чтобы надписать адресъ, но никакъ не могъ рѣшиться...

Посредничество пана Тадеуша Базанскаго, сообщившаго о пламенныхъ чувствахъ Ванды — явилось для пана Гайека самымъ лучшимъ исходомъ. Онъ женится на богатой невѣстѣ и избавится отъ мести Тараса. — На общественное мнѣніе Заблотова онъ не обращалъ вниманія, въ виду исключительности случая, заставившаго его воспламенѣть страстью къ графинѣ Вандѣ.

Въ самомъ розовомъ расположеніи духа вернулся панъ Гайекъ съ обѣда уѣзднаго начальника, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ уѣздный начальникъ сообщилъ ему пріятную вѣсть, а именно, что

войска будутъ въ Зулавцахъ не черезъ мѣсяцъ, какъ требовало обычное дѣлопроизводство, а въ эту-же ночь.

Мы не станемъ описывать торжества помолвки пана Гайека съ графиней Вандой. Правда, гостей въ виллѣ пана Антоневича было немного, зато гости были подстать почтенному семейству и пану Гайеку. Послѣ условленныхъ тостовъ общество было порадовано сюрпризомъ; домашній докторъ импровизировалъ въ честь жениха и невесты поздравительные стихи, надъ которыми онъ трудился цѣлыхъ три дня.

Но въ этотъ вечеръ пану Гайеку суждено было дожидаться еще другого сюрприза. Послѣ ужина, когда всѣ гости удалились, онъ случайно подошелъ къ открытому окну и увидѣлъ на улицѣ своего кучера Яшка, разговаривавшаго съ какимъ-то всадникомъ. Это былъ хлопецъ въ гуцульской одеждѣ. Ночь была темная и сквозь окна на улицу пробивался лишь слабый свѣтъ; тѣмъ не менѣе управляющій разглядѣлъ и узналъ лицо этого хлопца. „Боже мой!... воскликнулъ онъ въ ужасѣ. — Держите его! Ловите разбойника!“

Богданъ и Ванда испуганные вбѣжали въ комнату; но и всадникъ услышалъ крикъ; онъ далъ лошади шпоры и усакалъ.

— Кучера! воскликнулъ панъ Гайекъ въ волненіи; — прошу васъ, велите позвать моего кучера!

За Яшкомъ тотчасъ послали.

— Ты сейчасъ говорилъ съ Василемъ Сокловичемъ? спросилъ онъ его, не переставая дрожать.

— Да, пане! отвѣтилъ удивленный кучеръ.

— Развѣ ты не знаешь, что онъ принадлежитъ къ шайкѣ Тараса?

— Господи-Иесусе! воскликнулъ Яшко;— а меня онъ увѣрилъ, что нанялся въ верховные разсылные къ управляющему въ Принковцахъ; и повѣрилъ и все, все ему рассказалъ, что дѣлали мы и во вторникъ, и вчера, и сегодня. Да вотъ теперь я ему только-что говорилъ: — „Теперь, намъ, говорю, нечего бояться Тараса; мы обручились съ богатой дамой; два мѣсяца послѣ свадьбы мы проведемъ здѣсь, а потомъ переедемъ въ Дринковцы“. А онъ смѣется на это и говоритъ: „Ну, этого, говорить, еще навѣрное сказать нельзя; мало-ли что тѣмъ временемъ можетъ случиться, и притомъ очень скоро“...

— И... притомъ... очень... скоро! повторилъ управляющій и, застонавъ, опустился на ближайшее кресло.

Прежде всѣхъ оправился панъ Богданъ. „Не вѣрится мнѣ что-то, чтобы Тарасъ былъ въ городѣ и рѣшился напасть на васъ по дорогѣ въ городъ или здѣсь; но лучше быть готовымъ на все. Вы сегодня почувете у меня; я велю запереть домъ, вооружу слугъ и пошлю на гауптвахту—просить вооруженной помощи.“

Такъ онъ и сдѣлалъ, но къ сожалѣнію оказалось, что защита, на которую панъ Гайекъ могъ рассчитывать въ домѣ своего тестя, была очень не существенная. Дежурный на гауптвахтѣ поручилъ велѣть сказать, чтобы его оставили въ покоѣ и не тревожили пустыми бреднями; что-же касается слугъ, то всѣ они были ни живы, ни мертвы отъ страха и при первомъ стукѣ въ ворота навѣрное побросали-бы пистолеты. Для Богдана дѣло стало совершенно ясно. „Если Тарасъ явится, долженъ онъ былъ заявить зятю, то мы пропали. Ближайшія виллы, положимъ, находятся всего на разстояніи пяти минутъ, но на помощь намъ нечего рассчитывать“.

Волнуемые такими неутѣшительными мыслями, они взгляды вались въ ночную тишину и боязливо прислушивались къ малѣйшему звуку...

ГЛАВА XIII.

Чѣмъ дальше въ день Свѣтлаго Воскресенья солнце склонялось къ западу, тѣмъ болѣе возростало волненіе, овладѣвшее жителями села Зулавцы. Хаты и улицы опустѣли; вся громада собралась на площади передъ шинкомъ. Всѣ мужики были вооружены; слышались гнѣвные восклицанія, направленные противъ „негодяя“, спрятавшагося въ желѣзной комнатѣ; тѣмъ не менѣе громада оставалась при рѣшеніи—не принимать участія въ мести Тараса.

Изъ дворовыхъ и наймитовъ, принадлежавшихъ къ панскому двору, никто не показывался. Приказчикъ Болеславъ велѣлъ запереть ворота замка и собралъ на дворѣ всю челядь. — „Братцы, сказалъ онъ имъ, — мы не дураки, чтобы понапрасну про-

ливать свою кровь. Я не сомнѣваюсь, что Тарасъ придетъ, такъ-какъ слухъ про желѣзную комнату распространился всюду; но онъ тотчасъ-же уйдетъ, если мы отворимъ ему ворота и позволимъ убѣдиться, что тутъ нѣтъ не только самого управляющаго, но даже и желѣзной комнаты. Опасаюсь я только одного,—какъ-бы послѣ его ухода не разсвирѣпѣло это мужичье. Противъ нихъ мы будемъ защищаться, противъ Тараса-же—нѣтъ!”

Со двора Ануса тоже никто не пришелъ къ шинку; приказаніе ея подѣйствовало. Сама она сидѣла въ большой комнатѣ и держала на колѣняхъ маленькую Терезку; оба мальчика плотно прижались къ ней. Дѣти не осмѣливались говорить, такъ-какъ на лицѣ матери снова, какъ во время болѣзни, появилось выраженіе сосредоточенной, мрачной задумчивости.

Въ такомъ положеніи нашли ихъ священникъ и его жена. Обмѣнявшись привѣтствіями, всѣ снова замолкли; никто не находилъ словъ. Начать какой-нибудь обыденный разговоръ имъ казалось невозможнымъ, а того, о чемъ всѣ они думали, никто не хотѣлъ касаться. Такъ они и сидѣли молча въ большой комнатѣ, озаренной багрянымъ закатомъ; на западѣ, раскаленный, рѣзко очерченный дискъ спускался за темныя вершины горъ.

— Какъ красно! воскликнулъ маленькій Василь, протягивая рученку къ солнцу.— „Словно кровь“, прибавилъ Гальбо.

— Да, кровь, глухимъ голосомъ промолвила мать и крѣпче прижала къ себѣ мальчика.

Наконецъ, священникъ не выдержалъ. Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. „Ануса, сказалъ онъ, — развѣ я ты думашь?“...

— Почему я знаю? прервала она его рѣзко.—Развѣ я принадлежу къ шайкѣ „мстителей?“ Я вдова и обязана вести себя тихо и смиренно, чтобы сохранить дѣтямъ кусокъ хлѣба.

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. „Это умно и честно съ твоей стороны“, сказалъ онъ;—я желалъ-бы, чтобы всѣ въ деревнѣ держались такого-же разумнаго мнѣнія. Хотя рѣшено не принимать никакого участія, я все-таки боюсь, что видъ крови опьянитъ и увлечетъ толпу.

Ануса ничего не отвѣчала. Онъ тоже молча сѣлъ на прежнее мѣсто. Такъ они долго сидѣли, а сумерки становились все темнѣе и гуще.

Вдругъ всё вздрогнуло, а дѣти вскрикнули. Кто-то тихо постучался въ окошко, выходявшее въ садъ. Они посмотрѣли въ ту сторону; окно еще свѣтилось послѣднимъ отблескомъ заката; никого за нимъ не было видно. Но вотъ они ясно увидѣли, какъ снизу показалась рука и снова тихо постучала въ стекло.

— Тато! крикнули дѣти.—Священникъ всталъ.

— Молчите! сказала Ануса почти шопотомъ, но такъ внушительно, что дѣти тотчасъ смолкли.—А ты, батюшка, оставайся здѣсь! Это не онъ, а посоль его... Останься, батюшка; я жена его и должна повиноваться, если онъ зоветъ меня.

Легкій стукъ въ окно послышался еще разъ. Ануса быстро вышла за дверь, а вслѣдъ затѣмъ заскрипѣли и наружныя ворота; она вышла въ садъ.

Дѣти начали плакать; попадья прижала ихъ къ себѣ и стала вполголоса молиться. Священникъ поднялся съ мѣста и стоялъ, подавшись впередъ, какъ-будто прислушивался къ чему-то. Но ничего не было слышно, пока, наконецъ, за дверью не раздались твердые шаги Анусы. Она вошла въ комнату, держа въ рукѣ небольшую лампочку. Теперь друзья могли разглядѣть выраженіе ея лица; на немъ снова воцарилось прежнее выраженіе мрачнаго спокойствія.

— Хорошія вѣсти? спросилъ священникъ.

— Да, пожалуй, и хорошія, сказала она въ горькой усмѣшкой.—Во всякомъ случаѣ, батюшка, ты можешь оказать своимъ прихожанамъ большую услугу.

— Я готовъ. Въ чемъ дѣло?

— Отправляйся къ шинку и уговори мужиковъ разойтись по домамъ. А не то имъ плохо придется.

— Я уже пытался это сдѣлать, но напрасно. Нельзя-ли мнѣ узнать, что тебѣ велѣлъ передать Тарасъ...

— Нѣтъ! прервала она его рѣзко;—я принуждена поддерживать съ нимъ сношенія, я жена его... Но постороннихъ людей я путать не хочу. Попытайся еще разъ, батюшка; ты сдѣлаешь доброе дѣло.

Отецъ Левъ послѣшилъ проводить домой жену, а самъ опять отправился къ ожидавшей толпѣ. Но мужики стояли на своемъ:

— Мы хотимъ видѣть, какъ Тарасъ будетъ брать приступомъ замокъ; онъ выступаетъ мстителемъ за насъ, и мы имѣемъ

полное право присутствовать при этомъ.— Долгое ожиданіе и большое количество водки, выпитой за это время, еще усилили возбужденіе толпы. Всякія увѣщанія были бесполезны, и священникъ, наконецъ, со вздохомъ отказался отъ своего намѣренія.

Вдругъ вдали послышался какой-то странный гулъ, разрастающийся все болѣе и болѣе. Сначала онъ слышался не ясно, то замирая, то снова поднимаясь, какъ будто гдѣ-то, далеко-далеко, внезапно началъ низвергаться большой водопадъ.

— Слушайте! крикнула сразу сотня голосовъ.— Что это такое?.. Это онъ идетъ! крикнулъ мясникъ громовымъ голосомъ.— Нѣтъ, слушайте! воскликнулъ другой. Толпа стихла; всѣ слушали.

Гулъ становился все явственнѣе, все громче, какъ-будто въ водопадѣ съ каждою минутою прибывала вода. Проснулось горное эхо, и не было возможности разобрать, съ которой стороны раздается этотъ шумъ.

— Тысячи всадниковъ спускаются съ горы! крикнулъ чей-то голосъ.— Нѣтъ, они поднимаются изъ равнины! кричали другіе;— прислушайтесь-ка!

И дѣйствительно, разрастающийся съ минуты на минуту гулъ, доносился со стороны Прута, сопровождаемый какимъ-то другимъ, болѣе рѣзкимъ звукомъ; затѣмъ загудѣла и задрожала земля... и снова этотъ металлическій звукъ... трубный сигналъ!

— Всадники! раздался всеобщій крикъ.— Гусары! Спасайтесь!— Нѣтъ, оставайтесь! кричали другіе. Кто смѣетъ намъ запретить спокойно стоять здѣсь?!

— Спасайтесь! послышалось опять;— эти цыгане все равно, что дикіе звѣри!

Но плотной толпѣ не легко было такъ внезапно разойтись, тѣмъ болѣе, что всѣ беспорядочно метались въ разныя стороны. Темнота, возбужденіе и оглушительный гулъ, съ которымъ скакалъ во всю прыть гусарскій эскадронъ, сдѣлали всеобщее сматеніе безграничнымъ.

— Уходите! крикнулъ священникъ въ отчаяніи. Онъ сорвалъ со стѣны фаваль, горѣвшій возлѣ двери шинка, и бросился съ нимъ впередъ. Но, повидимому, было уже поздно. Авангардъ, состоявшій изъ четырехъ всадниковъ, уже прискакалъ на мѣсто. Они осадили лошадей, наткнувшись внезапно на ревушю, тѣсня-

щуюся массу; двое изъ нихъ подняли пистолеты и выстрѣлили на воздухъ...

Выстрѣлы никого не ранили, но произвели ужасное дѣйствіе на возбужденную толпу. Въ однихъ трусость дошла до смертельнаго ужаса, въ другихъ врожденное упорство превратилось въ ярость. — „Спасайтесь!“ кричали съ одной стороны. — „Мы не потерпимъ, чтобы насъ рѣзали, какъ барановъ!“ раздавалось съ другой. — „Беритесь за ружья, братья, за ружья!“ Казалось, что слѣдующее мгновеніе принесетъ съ собою всѣ ужасы смерти.

Сознаніе опасности придало священнику исполняющую силу. Однихъ изъ заступившихъ ему дорогу мужиковъ онъ отбросилъ сильными ударами кулака, другіе раступились, боясь, чтобы онъ не обжогъ ихъ горѣвшимъ факеломъ. Такимъ образомъ ему удалось пробиться до переднихъ рядовъ толпы въ то самое мгновеніе, когда на улицѣ появился эскадронъ гусаръ подъ предводительствомъ офицера, державшаго въ рукѣ обнаженную саблю. Увидѣвъ во главѣ толпы этого блѣднаго человѣка въ священнической одеждѣ съ факеломъ въ рукѣ, офицеръ смутился и командовалъ солдатамъ: „стой!“ Но, хотя дорога шла въ гору, всадникамъ удалось остановиться только тогда, когда они очутились передъ самой толпой.

— Что вы за люди? Сдавайтесь! крикнулъ офицеръ. Это былъ ротмистръ фонъ-Мигали.

Священникъ съ мольбою протянулъ къ нему руки. — „Господинъ ротмистръ, крикнулъ онъ пронзительнымъ голосомъ на нѣмецкомъ языкѣ, между тѣмъ какъ за его спиною по-прежнему раздавались дикій ропотъ и крики отчаянія;—это не шайка Тараса, а мирные жители села. Они тотчасъ разойдутся!“

— Стало-быть, разбойникъ не явился?

— Нѣтъ.

— Но мужики ждуть его, чтобы помочь ему?

— Нѣтъ, изъ любопытства.

— Я ихъ вылечу отъ этого любопытства! Скажите имъ, что я подожду пять минутъ. Всякій, кто черезъ пять минутъ окажется еще на этой площади, а черезъ десять—на улицѣ села, будетъ разстрѣлянъ.

Священникъ передалъ этотъ отвѣтъ крестьянамъ. Опять раздались отчаянные крики и проклятія. Большинство не имѣло

возможности такъ быстро покинуть площадь; меньшинство оставалось изъ упрямства и поддерживало въ себѣ воинственное настроеніе дикими, злобными криками. Напрасно убѣждалъ и умолялъ священникъ. Многіе убѣжали, перескочивъ черезъ заборы, другіе бросились къ церкви, но смятеніе все еще продолжалось.

Ротмистръ не хотѣлъ долѣе ждать. Раздалась команда, протрубили сигналъ, и гусары съ саблями на-голо ударили на толпу, которая въ ужасѣ ринулась назадъ. Священникъ былъ отброшенъ къ двери шинка; голова его ударилась о бревно; ошеломленный, обливаясь кровью, онъ едва могъ держаться на ногахъ. Онъ не въ состояніи былъ видѣть, что происходило на площади, такъ-какъ темнота была непроглядная, но звуки, доносившіеся до его слуха, наполняли сердце его ужасомъ. Много ужаснаго пережилъ за послѣднее время этотъ человѣкъ, но самое ужасное настало теперь...

Наконецъ, шумъ сталъ ослабѣвать; гусары поскакали дальше, по направленію къ дворамъ, и затѣмъ настала тишина. До слуха священника теперь доносились только слабыя стоны. Члены его были какъ-будто парализованы; изъ раны на затылкѣ струилась кровь, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, всталъ и крикнулъ въ раскрытую дверь: „Выходите, на улицѣ нужна помощь!“

Отвѣта не послѣдовало. Тѣ немногіе, которымъ удалось укрыться въ шинкѣ, притаились и не двигались съ мѣста; семья шинкаря забилась въ спальню. Наконецъ, на многократный зовъ священника явился маленькій Аврумко, держа въ дрожащей рукѣ лампочку.

— Свѣти! приказалъ ему священникъ; затѣмъ онъ вошелъ въ шинокъ, убѣдилъ сидѣвшихъ тамъ мужиковъ послѣдовать за нимъ, велѣлъ зажечь нѣсколько факеловъ и поспѣшилъ въ сопровожденіи неоправившихся еще отъ страха мужиковъ на площадь. То, что онъ увидѣлъ при свѣтѣ факеловъ, было не такъ ужасно, какъ онъ ожидалъ, но все-таки далеко не утѣшительно. Пять человѣкъ лежали на землѣ и стонали; всѣ они были болѣе или менѣе тяжело ранены: четверо—были жители села, пятый—гусарь. Самую тяжелую рану получилъ солдатъ; онъ былъ раненъ въ плечо выстрѣломъ, сдѣланнымъ почти въ упоръ. Священникъ велѣлъ внести его прежде всѣхъ въ шинокъ; за нимъ внесли старика, раненаго сабельнымъ ударомъ въ лобъ, и, наконецъ, трехъ женщинъ,

которые лишились чувствъ и были равны копытами лошадей; впрочемъ, раны ихъ, повидимому, были незначительныя.

Отецъ Левъ принялся, какъ умѣлъ, перевязывать раны. Аврумо и отставной солдатъ Максимъ Бобра помогали ему. Пока они хлопотали возлѣ раненныхъ, гусары снова вернулись на площадь. Послышался трубный сигналъ. — „Это — чтобы слѣзали съ лошадей“, шепнулъ Максимъ священнику. Велѣдъ затѣмъ дверь шинка растворилась, и вошелъ ротмистръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ.

— Факеловъ и хворосту! крикнулъ онъ шинкарю. Потомъ онъ обратился къ раненымъ.

Священникъ подошелъ къ нему. — „Господинъ ротмистръ, началъ онъ робко, — найдете-ли вы нужнымъ послать за врачомъ въ Заблотовъ?“

— Не нужно; есть фельдшеръ. Онъ приказалъ одному изъ своихъ солдатъ позвать фельдшера и наклонился надъ раненымъ гусаромъ. — „Любопытство вашихъ мирныхъ прихожанъ, кажется, зашло нѣсколько далеко, господинъ священникъ“.

Отецъ Левъ ничего не отвѣтилъ и опять опустился на колѣни возлѣ раненнаго солдата. Фельдшеръ явился, осмотрѣлъ раны и началъ разбирать свой перевязочный матеріалъ. „Мужикъ вѣроятно оправится, но нашъ солдатъ врядъ-ли. Выстрѣлъ повредилъ легкое“.

Ротмистръ гнѣвно топнулъ ногою. — „Это не пройдетъ имъ даромъ! крикнулъ онъ, обращаясь къ священнику; — да и вамъ тоже, вы меня обманули“.

Отецъ Левъ кротко и спокойно посмотрѣлъ ему въ лицо. — „Объ этомъ мы поговоримъ съ вами завтра, сказалъ онъ, — а теперь я обойду улицу; можетъ быть, и тамъ найдутся раненные.“

Ротмистръ взглянулъ на него съ удивленіемъ. — „Но вѣдь вы сами ранены!“ сказалъ онъ уже болѣе мягкимъ и какъ-будто даже смущеннымъ тономъ.

Священникъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ изъ шинка въ сопровожденіи Максима и двухъ другихъ мужиковъ. На селѣ, гдѣ только-что раздавались вопли, шумъ и грохотъ, теперь все было тихо. На площади передъ шинкомъ расположился пикетъ гусаръ вокругъ костра; другой пбмѣстился у воротъ замка. Это были единственныя двѣ свѣтящіяся точки среди глубокой темноты. Па-

труди, объѣзжавшіе деревню шагомъ, съ взведенными курками, не встрѣчали ничего подозрительнаго. Священникъ также не нашелъ больше никого, кто-бы нуждался въ его помощи; на порогѣ одной хижины онъ, правда, наткнулся на женщину, лишившуюся чувствъ; но старуха, какъ оказалось, упала въ обморокъ отъ страха и слабости.

Онъ отправился домой. Въ ужасѣ вскрикнула добродушная Фруза, когда увидѣла окровавленнаго мужа, едва державшагося на ногахъ. Обыкновенно она ахала и охала отъ всякихъ пустяковъ, но на этотъ разъ съумѣла совладать съ собою. — „Я не стану упрекать тебя, сказала она дрожащимъ голосомъ, принимаясь обмывать и перевязывать его рану; — ты не могъ иначе поступить“. Не стала она противорѣчить и тогда, когда онъ объявилъ, что не намѣренъ ложиться въ эту ночь. — „Это необходимо, сказалъ онъ, — я знаю, что мои услуги еще понадобятся въ теченіи этой ночи. Не можетъ быть, чтобы дѣло обошлось такъ благополучно; въ хатахъ навѣрное лежитъ еще не одинъ раненный, а, можетъ быть, и умирающій.“

Предчувствіе не обмануло его. Въ третьемъ часу ночи явился посланный и попросилъ его отправиться со святыми дарами къ умирающему Марку. Онъ поспѣшилъ къ хатѣ кузнеца, но было уже поздно. Отважный исполинъ, который еще нѣсколько часовъ тому назадъ такъ воинственно кричалъ въ толпѣ своимъ дѣтскимъ голосомъ, умолявъ навсегда. На площади онъ первый бросился на встрѣчу всадникамъ, былъ раненъ саблей въ лобъ и побѣжалъ домой, обливаясь кровью. По дорогѣ смертельная пуля угодила ему въ спину. Съ трудомъ дотащился онъ домой и вскорѣ умеръ. Священникъ попытался утѣшить жену, которая безъ слезъ, въ нѣмомъ отчаяніи обнимала тѣло мужа. — „Молчи, отвѣчала она мрачно; — у меня остается только одно утѣшеніе: я съумѣю владѣть его ружьемъ, когда мы станемъ сводить счеты съ палачами“.

Когда священникъ на разсвѣтѣ сталъ обходить хаты, онъ всюду встрѣчалъ то-же самое настроеніе. Только немногіе получили раны или ушибы, но во всѣхъ кипѣла жажда мести. Это мрачное спокойствіе нугало его гораздо болѣе, чѣмъ необузданный гнѣвъ, проявленіе котораго было въ нихъ такъ обыкновенно. „Противъ насъ совершенно тяжкое преступленіе, и мы съумѣемъ расквитаться“.

ся за него. Одни мы слишкомъ слабы, у насъ нѣтъ предводителя; но Тарасъ насъ не оставитъ. Въ эту ночь онъ не придетъ, потому-что управляющаго, очевидно, нѣтъ въ замкѣ; въ противномъ случаѣ негодая навѣрное выползъ-бы изъ своей норы теперь, подь охраною этихъ цыганъ. Ну, да все равно, теперь Тарасъ придетъ ради насъ“.

Въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, пришла рота пармской пѣхоты; она шла форсированнымъ маршемъ въ Черткова; солдаты были утомлены и покрыты пылью съ ногъ до головы. Гусары удалились; только раненный былъ оставленъ въ шинкѣ. Ротный командиръ оказался человѣкомъ умнымъ и гуманнымъ. Послѣ того, какъ священникъ объяснилъ ему положеніе дѣла, онъ самъ заявилъ, что ослабить, насколько возможно, тяжелый для крестьянъ постой. — „Такъ-какъ въ замкѣ есть обширныя помѣщенія и такъ-какъ я откомандированъ, главнымъ образомъ, для защиты его, то большая часть солдатъ помѣстится тамъ; остальныхъ-же я принужденъ буду помѣстять въ домѣ Тараса, согласно данной мнѣ инструкціи. Мнѣ очень жаль, что при такихъ обстоятельствахъ приходится познакомиться съ семьей этого человѣка, про которую онъ мнѣ самъ такъ много рассказывалъ.“

— Вы знаете Тараса? спросилъ священникъ съ удивленіемъ.

— Да; мое имя Евгеній Станчукъ. Я былъ переводчикомъ при его аудіенціи въ Вѣнѣ.

Съ затаенною злобою смотрѣли крестьяне, какъ „бѣломундирники“ располагались на постой, и злоба эта еще усилилась, когда они узнали, что командиръ—русинъ, поповскій сынъ. Подобнымъ-же образомъ отнеслась къ нему и Ануся. Она съ холоднымъ спокойствіемъ встрѣтила офицера, явившагося въ ея домъ со своими солдатами; но когда священникъ шепнулъ ей, что это тотъ самый человѣкъ, про котораго рассказывалъ Тарасъ, она вздрогнула и лицо ея омрачилось.

— Что съ тобою? спросилъ удивленный священникъ.—Этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ тебѣ зла. Вѣдь онъ съ Тарасомъ былъ очень ласковъ.

— Тѣмъ хуже, воскликнула она;—мнѣ жаль его. Затѣмъ она сжала губы и отвернулась.

Въ тотъ-же вечеръ мясникъ Василь и Грицко Поменко, которые день тому назадъ такъ крупно поспорили изъ-за того, какъ

должна держать себя громада, вмѣстѣ обходили хаты и оповѣщали: — „Пока на селѣ стоять „бѣломундирники“, громада собраться не можетъ, а потому мы по одиночкѣ спрашиваемъ васъ, согласны-ли вы, чтобы мы завтра утромъ отправились въ горы и отъ имени громады позвали Тараса отомстить за нанесенную намъ обиду? Обѣщаете-ли вы помогать ему?“ Всѣ домохозяева согласились, хотя многіе сдѣлали это нехота, сѣрѣя сердце. Но никто не рѣшался открыто высказаться противъ господствующаго мнѣнія.

Священникъ узналъ объ этомъ только во вторникъ утромъ, когда ходовы уже отправились въ путь, и не зналъ, на что рѣшиться. Слѣдовало-ли ему рассказать обо всемъ капитану, способствовать тому, чтобы противъ крестьянъ были приняты болѣе строгія мѣры, чтобы два честныхъ, хорошихъ человека отправились въ тюрьму, или молчать и дать совершиться бѣдѣ? Последнее показалось ему болѣе тяжкимъ несчастьемъ; онъ сообщилъ капитану о рѣшеніи крестьянъ, но не назвалъ ходовыхъ.

Офицеръ улыбнулся. — „Я зналъ обо всемъ еще вчера вечеромъ, сказалъ онъ, — даже о томъ, о чемъ вы умолчали и о многомъ другомъ, что, впрочемъ, врядъ-ли справедливо. Капраль Константинъ Туренко былъ у меня. Будьте покойны, я и безъ того принялъ всѣ мѣры предосторожности, и ваше донесеніе совершенно для меня бесполезно; все, что нужно, уже сдѣлано. Я по-прежнему буду избѣгать всякихъ бесполезныхъ принудительныхъ мѣръ и потому, несмотря на совѣтъ капрала, позволю всѣмъ желающимъ присутствовать на сегодняшнихъ похоронахъ кузнеца.“

Похороны дѣйствительно прошли совершенно спокойно. Священникъ сопровождалъ процессію, но, по желанію вдовы, не произнесъ обычной надгробной рѣчи. — „Надъ могилою моего Марка скоро прозвучитъ другая рѣчь, сказала она, — не слова, а ружейные выстрѣлы!“

Въ тотъ-же день къ вечеру опять два крестьянина, Олекса Сембровъ и старикъ Вилько Сембратовичъ, обходили все село. „Пришла вѣсть, что завтра сюда прибудетъ писарь, чтобы допрашивать насъ объ рѣчи Тараса. Тарасъ, правда, и самъ позволилъ намъ распространять то, что онъ говорилъ, но до того, что говорилось на великой радѣ, писарю нѣтъ никакого дѣла. Мы думаемъ, что не слѣдуетъ давать никакихъ показаній; соглас-

ны-ли вы на это?" Всѣ опять оказались согласными съ предложеніемъ, и на этотъ разъ согласіе давалось съ болѣе покойною душою, чѣмъ день тому назадъ.

Пока обитатели Зулавцевъ приготовлялись, такимъ образомъ, сдѣлать дѣятельность уѣзднаго комиссара необыкновенно благодарною, панъ Владиславъ Капронскій ѣхалъ изъ Коломин по направленію къ горамъ въ легкой телѣжкѣ, сопровождаемый двумя вооруженными полицейскими и канцелярскимъ служителемъ. Такъ-какъ на лицѣ его не было вывѣски, гласившей о его санѣ, то не одинъ крестьянинъ, повстрѣчавшись съ телѣжкой, останавливался и, глядя на него съ любопытствомъ и сожалѣніемъ, говорилъ про себя: „Желалъ-бы я знать, въ чемъ провинился этотъ панъ?" Ошибка была простибельна. Панъ Капронскій и позою и выраженіемъ лица поразительно напоминалъ жалкаго грѣшника, застигнутаго на мѣстѣ преступленія и безжалостно влекомаго туда, гдѣ раздаются стоны и скрежетъ зубовъ.

И съ восходомъ солнца у него не прибыло храбрости. Вѣдь онъ все болѣе и болѣе приближался къ этому ужасному селу; въ слѣдующее мгновеніе, быть можетъ, уже окажется, что Тарасъ успѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ. Только въ десятомъ часу, когда онъ встрѣтилъ у деревяннаго моста черезъ Прутъ первый патруль, у него отлегло отъ сердца. Капраль, начальникъ патруля, нѣсколько удивившись его вопросу, увѣрилъ его, что вся рота благоденствуетъ и что крестьяне спокойны.

Поднимаясь въ гору, онъ сталъ выработывать планъ кампаніи. Прежде всего необходимо было переговорить съ глазу на глазъ съ женою Тараса.—Прежде всего онъ велѣлъ ѣхать къ дому Тараса, но къ удивленію своихъ спутниковъ приказалъ остановиться на довольно значительномъ разстояніи отъ воротъ. Сердце его тревожно билось, когда онъ подходилъ къ дому. „Она, навѣрное, преопасная женщина“, прошепталъ онъ; но къ сожалѣнію избѣгнуть этой встрѣчи не было никакой возможности.

Судьба ему благопріятствовала. Анюся была одна въ хатѣ. Мрачнымъ взглядомъ окинула она комиссара, не знавшаго, куда дѣваться отъ страха.

— Я уѣздный комиссаръ, началъ панъ Капронскій.

— Помню! сказала Анюся.— Я къ твоимъ услугамъ?

Тонъ, которымъ сказаны были эти слова, взглядъ, которымъ

онѣ сопровождались, мало придали комиссару храбрости. Тѣмъ не менѣе онѣ собрался съ духомъ и поспѣшно проговорилъ: „Уѣздная управа поручила мнѣ передать тебѣ слѣдующее: мужъ твой затѣялъ преступное дѣло; до него намъ трудно добраться, — ты же, твои дѣти и этотъ домъ — въ нашихъ рукахъ. Такъ знай же, что если Тарасъ хоть пальцемъ меня тронетъ, — то есть меня или кого-нибудь другого, — то этотъ дворъ будетъ конфискованъ въ пользу казны, а тебя ждетъ тюрьма и казнь. Мы знаемъ, что ты поддерживаешь съ нимъ сношенія; передай ему это“.

Ануса спокойно выслушала эти слова, какъ-будто въ нихъ заключалось мало интересное для нея извѣстiе. „Да, да, прошептала она, — знаю я васъ!.. Хорошо, писарь, продолжала она громко, — я велю ему передать твои слова“.

— Да поскорѣе!

— Сегодня-же!

Панъ Капронскій быстро направился къ двери и, выйдя изъ дома, поспѣшилъ къ своей телѣжкѣ. „Ну, слава Богу, обошлось благополучно, подумалъ онъ. — Совсѣмъ разумная женщина! Конечно, не дурно-бы было дознаться, кого она посылаетъ съ порученіями къ Тарасу; это было-бы самымъ удобнымъ случаемъ обнаружить мѣстонахожденіе злодѣя и заслужить похвалу со стороны уѣзднаго начальника. Но нѣтъ, лучше отказаться отъ этой мысли; не слѣдуетъ мѣшать доброй женщинѣ въ исполненіи полезнаго порученія“.

Онъ приказалъ ѣхать къ судѣ. Но Евгенийъ, долго колебавшійся въ нерѣшительности, слѣдовать-ли убѣжденіямъ своего вѣрноподданнаго брата или подчиниться рѣшенію громады, наконецъ, положилъ предѣлъ этой душевной борьбѣ при помощи очень простаго средства; онъ отправился въ Заблотовъ, въ шинокъ. Константинъ, напротивъ, оказался дома и въ теченіи двухъ часовъ диктовалъ писарю самыя невозможныя поношенія противъ Бога и императора, представлявшія собою, по его увѣренію, рѣчь Тараса. Но капралъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ, давшимъ показаніе по этому дѣлу. Рыжій Шинко, напริมѣръ, вѣжливо пригласилъ комиссара сѣсть, затѣмъ самымъ обстоятельнымъ образомъ описалъ личность Тараса, но когда дѣло дошло до его рѣчи, съ крайнимъ прискорбіемъ заявилъ, что совсѣмъ ее забылъ. Остальные

не играли даже комедіи, а ирочно отказывались отъ всякихъ показаній.

Такъ тянулось время до шести часовъ. За исключеніемъ показаній капрала, въ протоколѣ, собственно говоря, не значилось ничего; тѣмъ не менѣе комиссаръ рѣшилъ двинуться въ обратный путь. Медлить было невозможно, если онъ хотѣлъ засвѣтло миновать самое опасное мѣсто дороги.

Дорога изъ Зулавцевъ въ Заблотовъ сначала направляется къ сѣверу, извиваясь вдоль берега Прута, а затѣмъ круто поворачиваетъ къ востоку и перерѣзываетъ равнину. Когда, въ сумерки, телѣжка миновала этотъ поворотъ, одинъ изъ полицейскихъ вдругъ привсталъ и началъ пристально смотрѣть на другой берегъ.

— Въ чемъ дѣло? въ ужасѣ воскликнулъ панъ Капронскій, удѣшпившись за его руку. Самъ онъ ничего не могъ разглядѣть на такомъ разстояніи.

— Вооруженные всадники, отвѣтилъ его спутникъ;—человѣкъ двѣнадцать, и всѣ въ гуцульской одеждѣ. Они только-что выѣхали изъ лѣса и въ бродѣ переправляются черезъ рѣку.

Теперь и комиссаръ могъ разобрать темныя фигуры всадниковъ на болѣе свѣтломъ фонѣ воды.—„Вернемся назадъ“, залепеталъ онъ.

— Это невозможно, замѣтилъ писарь;—они раньше дойдутъ до берега, чѣмъ мы. Поѣзжай къ Заблотову! крикнулъ онъ кучеру.

Легенкяя повозка покатила въ быстрѣе вдоль пахатныхъ полей села Дебеславцы. Но вдали уже слышался конскій топотъ; группа всадниковъ достигла берега и гналась за ними. Все ближе и ближе подвигалась погоня, а вскорѣ послышались и крики.

Комиссаръ удѣшилъ за руку полицейскаго и закрылъ глаза; онъ былъ близокъ къ обмороку.

— Стой! раздалось уже совершенно явственно.—Стой! или мы будемъ стрѣлять.

— Пошелъ! крикнули полицейскіе. Но кучеръ остановилъ лошадей, соскочилъ съ козелъ и бросилъ возжи. „Я нанимался не затѣмъ, чтобы меня пристрѣлили! крикнулъ онъ.— Да отъ Тараса и не уйдешь!“

Въ слѣдующее мгновеніе повозка была окружена. Два всадника взяли лошадей подъ уздцы, остальные расположились съ обѣ-

ихъ сторонѣ, приподнявъ пистолеты съ взведенными курками. Высокій, смуглый мужчина, съ настоящимъ „соколинымъ лицомъ“, повидимому, былъ предводителемъ: „Отдавайте ружья!“ крикнулъ онъ полицейскимъ.

Тѣ повиновались.

— Ну, теперъ намъ до васъ нѣтъ никакого дѣла. Давное намъ порученіе касается только вотъ того пана писара. Потрудись сойти съ повозки.

— Пощадите! простоналъ панъ Капронскій.

— Мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ, сказалъ предводитель, улыбаясь;— намъ поручено только доставить тебя къ нашему атаману Тарасу, который желаетъ съ тобою переговорить. Онъ-бы пріѣхалъ и самъ, да сегодня у него болѣе важныя дѣла. Такъ ужь будь такъ добръ...

Онъ направилъ на него дуло пистолета. Комиссаръ приподнялся съ мѣста, но не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Всадники должны были стащить его съ тележки.

— Умѣешь ты ѣздить верхомъ? спросилъ предводитель, подавая знакъ одному изъ гучуловъ, который держалъ за поводья свободную лошадь. „Тарасъ очень сожалѣетъ, что не могъ послать за тобою карету; зато онъ выбралъ для тебя самую смирную лошадь“.

Комиссаръ не двигался и не отвѣчалъ ни слова.

— Посадите его на лошадь! приказалъ предводитель.— Привяжите его покрѣпче, да поддерживайте, чтобъ не упалъ.

Приказаніе это было исполнено. Предводитель кивнулъ головою и обратился затѣмъ къ остальнымъ путникамъ, оставшимся на своихъ мѣстахъ:— „А вы, ступайте своею дорогою! Счастливаго пути!“

Они поспѣшили послѣдовать этому совѣту. Когда черезъ нѣсколько времени они оглянулись, толпа всадниковъ съ комиссаромъ уже исчезала въ сумракѣ наступающей ночи.

ГЛАВА XIV.

Бъ западу отъ Зулавцевъ тянется крутая и узкая горная тропинка, не безопасная даже для пѣшехода, но достаточно удобная для маленькаго, сухопараго гучульскаго коня. Рѣдко сворачи-

васть она въ тѣ глубокія, вѣчно прохладныя и сумрачныя лощины, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга террасообразныя горныя края; большею частью тропа ведетъ напрямикъ черезъ горы, такъ что за каждыиъ крутымъ подъемомъ, черезъ нѣсколько минутъ, слѣдуетъ такой-же крутой спускъ, и путникъ могъ-бы подумать, что нѣсколько не приближается къ вершинѣ хребта, если-бы съ каждой новой вершины не открывался все болѣе и болѣе обширный и чудный видъ на равнину. Этими видами можно наслаждаться съ хребта каждой изъ постепенно поднимающихся террасъ, такъ-какъ восточный ураганъ, который съ страшной силой несетъ къ этимъ горамъ изъ обширной равнины между Дономъ и Днѣстромъ, ломаетъ и сгибаетъ здѣсь всѣ молодыя деревья. На склонахъ-же, тропинка тянется постоянно среди высокаго напоротника и исполнскихъ елей. Въ одномъ мѣстѣ она вьется между голыми, буровато-желтыми, зубчатыми скалами.

Это — „Красное Ущелье“, отстоящее отъ Зулавцевъ приблизительно на разстояніи полудневнаго пути. Большая часть путниковъ, которымъ случается проѣзжать по этому ущелью, обыкновенно направляется по главной тропинкѣ, ведущей все къ западу — къ „Черному озеру“ и затѣмъ далѣе, въ Марамарошъ; лишь немногіе, дойдя до распутья, въ центрѣ этой скалистой мѣстности, — до того мѣста, гдѣ, подъ корявой сосною, стоитъ маленькій красный крестъ, — избираютъ болѣе узкую тропинку, ведущую направо. Едва протоптанную узкую полоску, которая то круто поднимается по конусообразной скалѣ, то внезапно спускается къ пропасти по хрупкому красноватому щебню, хрустя подъ ногою, какъ жженый кирпичъ, — невозможно назвать дорогою. Тотъ, кто дорожить своею жизнью, положить поводья на шею лошади и слѣпо ввѣрится ея ловкости; несмотря на то, всякій, кто когда-нибудь рѣшался на эту поѣздку, будетъ вспоминать о ней съ восторгомъ. По такой буровато-сѣрой каменистой пустынѣ дорога тянется только въ продолженіи часа, а затѣмъ, когда вы минуете узкія, гранитныя ворота, передъ вашимъ взоромъ открывается видъ на долину, полныиъ такой невыразимой прелести, такой свѣтлой красоты, какую трудно отыскать въ этихъ горахъ въ другомъ мѣстѣ.

Вокругъ маленькаго темноснлаго озера возвышаются чудныя буковныя рощи; отлогіе склоны, образующіе собою стѣны этого

защищеннаго котла, покрыты безчисленными цвѣтами, которые обыкновенно встрѣчаются только въ болѣе низменномъ предгорьѣ; между ними зрѣетъ милліонами сладкая, большая, темнокрасная земляника. Съ восточной стороны озера вытекаетъ рѣчка, съ шумомъ направляясь по узкой лощинѣ къ Пруту; со всѣхъ другихъ сторонъ маленькіе серебрястые ручейки ниввергаются къ едва колеблющейся, лазуревой зеркальной поверхности. А тамъ, наверху, мрачныя скалы и темныя еловныя дубравы столпились надъ этою жемчужною Карпатовъ, какъ-будто ревниво охраняя ее. Въ настоящее время эта мѣстность снова получила названіе, которое носила искони; ее зовутъ „Бѣлыми Ключами“; только старики дадутъ еще другое имя, созданное нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, и называютъ ее „Тарасовымъ озеромъ“.

Здѣсь Тарасъ расположился лагеремъ; сюда направился онъ въ Вербное воскресенье 1839 года. Выборъ мѣстности былъ чрезвычайно удаченъ; съ одной стороны она настолько скрыта и далека отъ проѣзжей дороги, что можетъ быть розыскана только въ случаѣ измѣны; съ другой—такъ хорошо укрѣплена самою природою, что занявшій ее отрядъ можетъ держаться противъ непріятеля, въ десять разъ болѣе многочисленнаго; а вѣстѣ съ тѣмъ отсюда и до равнины не далеко;—слѣдуя вдоль рѣчки, вытекающей изъ озера, можно въ три часа достигнуть поросшаго камнями берега Прута. Притомъ окрестности „Краснаго Ущелья“ славятся какъ самая богатая дичью мѣстность, а это обстоятельство было крайне важно для такого „гетмана,“ какъ Тарасъ, который намѣренъ былъ прокормить свою шайку на строго честныя средства.

Въ первые дни казалось даже, что ему совсѣмъ и не нужно будетъ добывать на охотѣ мясо и покушать хлѣбъ для продовольствія своихъ товарищей. Едва успѣла распространиться по поселкамъ вѣсть о его прибытіи къ „Бѣлымъ Ключамъ“, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться мужики, чтобы поклониться новому сосѣду хлѣбомъ и бараниной, масломъ и молокомъ. Тарасъ зналъ, какъ тяжело было для бѣдняковъ исполненіе этого долга гостепрїимства; къ тому-же его собственныхъ денегъ должно было хватить на нѣсколько мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился отказать отъ подарковъ, такъ-какъ зналъ, что въ глазахъ этихъ людей такой отказъ былъ-бы равносильнъ самому тяжелому оскор-

блению. Не особенно приятно было ему и появленіе ихъ сыновой и родственниковъ, желавшихъ прикннуть къ его отряду. Это были смѣлые, отважные юноши, горные пастухи и охотники, привычные ко всякой опасности, ко всякой непогодѣ. Сочувствіе мстителю, а еще болѣе страсть къ приключеніямъ побудили ихъ къ этому рѣшенію, и Тарасъ былъ увѣренъ, что они не покинули-бы его и не измѣнили-бы ему даже въ самое тяжелое время. А все-таки большинству изъ нихъ онъ отказалъ въ просьбѣ; этихъ полудикихъ людей невозможно было приучить къ повиновенію, а къ строгой дисциплинѣ—и того менѣе; на кладовыя и сундуки они, пожалуй, и не стали-бы посягать, но зато честь женщины была далеко не въ безопасности.

Только относительно троихъ онъ сдѣлалъ исключеніе, такъ-какъ полагалъ, что они вполне находятся подъ его вліяніемъ. Это были два охотника, служившіе ему проводниками во время первыхъ странствованій, и „Вречеть“, Юлько Розенко, младшій сынъ „справедливаго Илларіона“ съ „Чернаго озера“. Мужественная красота, рѣдкая сила, ловкость и отвага, обращавшая на него вниманіе даже въ этой средѣ, завоевали ему это гордое прозвище. Между всѣми гугулами, являвшимися къ Тарасу, онъ былъ единственный человѣкъ, которымъ руководила не одна жажда приключеній, но стремленіе отомстить за безвинно понесенную обиду. Будучи еще почти мальчикомъ, онъ былъ схваченъ въ Визницѣ, на ярмаркѣ, по приказанію одного офицера, отправленъ въ казармы и безъ дальнихъ разговоровъ зачисленъ въ рекруты. Его высокій ростъ погубилъ его. А когда онъ сослался на свой возрастъ, охранявшій его отъ рекрутскаго набора, капитанъ отвѣчалъ: „У насъ нѣтъ крыльевъ, чтобы добыть тебя впослѣдствіи изъ твоего гнѣзда. Смирись, соколенокъ, образумься, тебѣ будетъ хорошо у насъ“. Но хлопецъ не хотѣлъ образумиться; никакія наказанія, никакія физическія мученія не могли его заставить выговорить слова военной присяги. Восемь мѣсяцевъ продолжались эти истязанія, пока, наконецъ, объ этомъ дѣлѣ не узналъ во время своего посѣщенія какой-то высшій офицеръ; капитанъ получилъ строгій выговоръ, а плѣнникъ былъ освобожденъ. Юлько опять вернулся въ горы. Онъ слишкомъ нѣжно любилъ своего отца и зналъ, что для „справедливаго Илларіона“ будетъ величайшимъ горемъ, если младшій сынъ его очутится въ обществѣ

„отребья“ равнины; онъ не едѣлся гайдамакомъ, но безсильный гнѣвъ тѣмъ большѣ грызъ его необузданное сердце. Теперь, наконецъ, настала жаданная часть. Присоединиться къ отряду мстителя было не позоромъ, а славой.

Изъ этихъ-то семи человѣкъ, — изъ трехъ гучуловъ, двухъ наймитовъ, Лазарка и Василя, который, къ тому-же, въ качествѣ развѣдчика, почти всегда былъ въ дорогѣ, — состоялъ въ теченіи первыхъ дней весь отрядъ Тараса. Вѣрный Емельянь печально покачивалъ сѣдою головою, видя, что ожидаемое подкрѣпленіе все еще не является, а когда Василь, вернувшись изъ первой своей поѣздки, съ радостью рассказывалъ о восторженномъ настроеніи крестьянъ, старикъ отвѣтилъ съ горькимъ смѣхомъ: — „О, да, они еще и пѣсни будутъ пѣть про насъ, послѣ того какъ насъ повѣсятъ!“ Тарась, напротивъ, оставался совершенно спокойнымъ; послѣ всѣхъ ужасныхъ бурь послѣдняго времени, многострадальное сердце его, повидимому, наконецъ, успокоилось. Онъ всегда былъ серьезенъ, молчаливъ, сдержанъ, и если на губахъ порою и появлялась улыбка, то глаза зато всегда смотрѣли печально. Когда его развѣдчикъ дрожащимъ голосомъ рассказывалъ ему о безуміи Ануся, онъ недовѣрчиво покачалъ головою. „Не можетъ это быть, сказалъ онъ Емельяну; — я знаю, что можетъ вынести человѣкъ, не лишаясь разсудка. Я знаю это по собственному опыту; но теперь самое тяжелое уже пережито; многого я лишился, но зато снова овладѣлъ самимъ собою“. И другихъ онъ старался ободрить: — „Не тужите! У насъ не будетъ недостатка ни въ работникахъ, ни въ работѣ“. Онъ приказалъ приступить къ постройкѣ кладовой, конюшни и барака для тридцати человѣкъ.

Тарась не обманулся въ своей увѣренности; уже къ Благовѣщенію стало являться много охотниковъ, и первымъ изъ нихъ былъ такой человѣкъ, котораго ни Тарась, ни жители здѣшней мѣстности никогда не ожидали-бы встрѣтить въ числѣ „добровольцевъ“.

Дѣло было рано утромъ; только скалы и лѣсъ по краямъ котловины были залиты яркимъ, желтымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ зеркальная поверхность озера и луга отлогихъ береговъ его были подернуты нѣжной розовой дымкой. Тарась смѣнилъ „Бречета“, который бодрствовалъ до самаго разсвѣта, и сидѣлъ те-

перь, держа между колѣнями ружье, на одинокой скалѣ, къ задней поверхности которой долженъ былъ прислониться проектированный баракъ. Онъ сидѣлъ неподвижно; только глаза его перебѣгали отъ скалистыхъ воротъ, служившихъ входомъ въ котловину, къ поросшей кустарникомъ лощинѣ, по которой протекала рѣчка... Вдругъ онъ подался впередъ, какъ-будто къ чему-то прислушиваясь. До слуха его донеслись еще очень далекіе звуки шаговъ со стороны краснаго ущелья; шаги были тяжелые, и приближавшійся человекъ, очевидно, не привыкъ ходить по горамъ. Прошло еще нѣсколько времени, когда показалась, наконецъ, темная фигура, ясно рисовавшаяся между свѣтлыми скалами.

— Жидъ! воскликнулъ Тарасъ вполголоса и тономъ величайшаго изумленія.— Черезъ плечо у него перекинута ружье. Что ему можетъ быть нужно отъ меня?

Удивленіе это было вполне понятно; никогда еще не случалось ему видѣть вооруженнаго еврея. На востокѣ люди этой вѣры до смерти боятся всякаго оружія, а немногіе евреи, встречающіеся въ горахъ, — разнощики, бѣдные торговцы, которые съ тюкомъ товаровъ на спинѣ, смиренно пробираются отъ хаты къ хатѣ, надѣясь въ дѣлѣ защиты жизни и имущества не на собственную силу, а на Божье милосердіе и на сознаніе своей бѣдности. Но человекъ, приближавшійся къ Тарасу, шелъ съ гордо поднятой головой; на спинѣ у него не было никакой ноши кромѣ ружья, котораго дуло сверкало возлѣ головы его подъ лучами молодого солнца. Это былъ молодой человекъ, высокій и широкоплечій; по изодранному, запачканному кафтану его, но никакъ не по походкѣ, можно было заключить о томъ, какой трудный путь онъ совершилъ. Быстрыми, твердыми шагами приближался онъ къ атаману.

— Здравствуй, Тарасъ, началъ онъ;—я узналъ тебя еще издали; ты-же, вѣроятно, забылъ обо мнѣ, хотя и любилъ меня въ дѣтствѣ.

Тарасъ сталъ всматриваться въ его мрачное, рѣзко очерченное, уже изборожденное морщинами лицо.— „Нашко! воскликнулъ онъ.— Неужели это ты? Маленькій Нашко, сынъ шинкаря въ Рядовъ!“

Онъ протянулъ ему обѣ руки; еврей схватилъ ихъ, и въ лицѣ его сверкнуло радостное умиленіе. „Вотъ неожиданная для меня

радость, сказалъ онъ. Да, это я, — твой другъ Нашко, Манассе Цвейгъ, сынъ Бернша!“

— Да какъ-же это возможно? воскликнула Тарасъ, усаживая его возлѣ себя на каменную скамью. — Когда я, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, уходилъ изъ деревни, я на прощанье вырвалъ тебѣ дѣтскую дудку, а теперь...

— Теперь, докончилъ еврей съ грустною улыбкой, — теперь всякій, взглянувъ на мое лицо, удивляется, что волосы мои еще не посѣдѣли. Мнѣ, дѣйствительно, всего двадцать-четыре года, но по перенесеннымъ страданьямъ, Тарасъ, — я старикъ!

— Тебя постигло несчастье? Ты претерпѣлъ несправедливость и пришелъ просить моей помощи?

Нашко покачалъ головой. — „А если-бы я пришелъ за этими? спросилъ онъ, пристально глядя Тарасу въ лицо. Помогъ-ли-бы ты мнѣ, несмотря на то, что я еврей?“

— И ты въ этомъ сомнѣваешься? воскликнула Тарасъ. — Насиліе и несправедливость не обращаютъ вниманіе на вѣру; неужели и я стану такъ дѣлать? Какъ онѣ поражаютъ всякаго, такъ я буду всякаго защищать! Я поступилъ-бы такъ даже въ томъ случаѣ, если-бы самъ ненавидѣлъ евреевъ. Но я не ненавижу васъ, потому что съ самого дѣтства старался быть справедливымъ. Каждый разъ, когда случалось слышать, какъ бранили жидовъ, какъ утверждали, будто вы совсѣмъ не такіе люди какъ мы, я невольно думалъ о тебѣ, Нашко, и о твоёмъ отцѣ. Старикъ Берншъ не былъ относительно насъ ни обманщикомъ, ни чужимъ; онъ извлекалъ скромный доходъ изъ своего шинка и хозяйничалъ на арендованныхъ поляхъ своихъ заботливо и разумно. Потому жители Ридова и относились къ нему такъ-же, какъ ко всякому другому доброму жителю. А ты, Нашко, развѣ не былъ такимъ-же веселымъ, отважнымъ мальчикомъ, какъ любой христіанскій ребенокъ? Единственною разницею было то, что ты носилъ не крестикъ, а жилетку съ нитками! Поэтому я всегда думалъ: дѣло не въ различіи крови; евреи относятся къ намъ враждебно потому, что мы сами враждебны. Такъ говори-же; что могу, то сдѣлаю.

— Благодарю тебя, отвѣтилъ еврей, схватывая его руку. — Но я пришелъ не за помощью. Намъ уже никто не въ силахъ помочь, ни мнѣ, ни сестрѣ моей. Если-бы месть была возможна, я совершилъ-бы ее самъ. Я пришелъ съ иною цѣлью, и, слыша твою

добрыя, справедливыя слова, я рѣшаюсь сказать тебѣ свою просьбу: — Прими меня въ свой отрядъ!

— Тебя? воскликнулъ Тарасъ, вскакывая отъ изумленія. — Жидъ въ числѣ горныхъ бойцовъ! Этого никогда еще не случилось, съ тѣхъ поръ какъ созданъ міръ. Положимъ, ты выросъ между христіанами, какъ христіанинъ, а все-таки я едва могу постигнуть такую мысль. Бѣдняга! съ тобою должно было произойти что-нибудь ужасное, неслыханное.

— Да, ужасное, но не неслыханное, отвѣтилъ еврей, и голосъ его дрожалъ отъ подавленнаго волненія. — Подобныя дѣла случались часто; равница только въ томъ, что на этотъ разъ бѣда постигла такихъ людей, которые не страшиваютъ ее съ себя равнодушно, а погибаютъ отъ нея... Ты врядъ-ли помнишь мою сестру Ютту?

— Конечно, помню, воскликнулъ Тарасъ; — маленькая дѣвочка съ бѣлокурой головою, прилежный ребенокъ...

— Съ годами она становилась все красивѣе, и мы съ отцомъ берегли ее пуще зѣницы ока. Мать рано умерла, мы воспитывали ее вдвоёмъ, и она была солнцемъ и гордостью нашей жизни. Къ намъ уже являлся не одинъ зажиточный женихъ, но, хотя отецъ мой былъ и бѣдный человекъ, мы отказывали; всѣ они казались намъ недостойными нашей любимицы. Передъ смертью только отецъ сталъ тревожиться мыслью, что будущность ея не обезпечена; онъ утѣшился только тогда, когда я появился ему, что я впредь буду охранять ее заботливѣе, чѣмъ свою собственную жизнь и счастье. И я сдержалъ эту вѣзду. Арендное нами хозяйство давало, правда, немного дохода, а шиновъ — даже и совсѣмъ никакого, потому-что графъ нашъ изъ года въ годъ возвышалъ аренду; тѣмъ не менѣе я оставался въ Ридовѣ; вѣдь мнѣ пришлось-бы отдать свою Ютту въ чужимъ людямъ, если-бы я отправился искать другого промысла. Ради нея я и не хотѣлъ жениться, потому-что въ противномъ случаѣ она не была-бы господою въ моемъ домѣ и единственнымъ предметомъ моихъ заботъ. Но именно за эти два обстоятельства евреи въ Барновѣ сильно на меня сердились. Оставаться не женатымъ — въ ихъ глазахъ большое преступленіе и почти не менѣе преступно безъ особенной принудительной причины одиноко жить въ деревнѣ. Но другая, болѣе серьезная опасность заставила меня забыть о него-

дованіи евреевъ. Молодой племянникъ графа, баронъ Каминскій, гостилъ въ замѣѣ, увидѣлъ мою сестру и влюбился въ нее, — то есть влюбился такъ, какъ дворянинъ имѣетъ обыкновеніе влюбляться въ бѣдную еврейскую дѣвушку! Онъ часто заходилъ къ намъ, а когда меня не было дома, часто осаждалъ ее дерзкими рѣчами. Она скрывала это отъ меня, пока было возможно, потому-что знала мой вспыльчивый нравъ. Наконецъ, бѣдняжка потеряла терпѣніе и призналась мнѣ во всемъ. Она не ошиблась въ моемъ характерѣ; у меня побагровѣло въ глазахъ, и если бы баронъ встрѣтился со мною въ ту минуту, я задушилъ-бы его. Но поразмысливъ, я подавилъ въ себѣ этотъ первый порывъ; я отправился къ нашему графу и попросилъ его вступить въ это дѣло. Онъ обѣщалъ и, повидимому, суждѣлъ повліять на племянника. Баронъ пересталъ ходить къ намъ, а однажды, встрѣтившись со мною случайно, соблаговолить мнѣ даже выразить что-то въ родѣ извиненія.

— Знаю я это отродѣе, мрачно сказала Тарасъ; — это была хитрость; онъ желалъ усыпить твою бдительность.

— Да, отвѣтилъ Нашею, вставая и принимаясь въ волненіи ходить взадъ и впередъ; — ты угадалъ. Три недѣли спустя мнѣ случилось уѣхать на ближайшій винокуренный заводъ; вернувшись на слѣдующее утро, я узналъ, что ночью въ моемъ домѣ былъ баронъ со своими охотниками и лакеями. Едва выслушавъ рассказъ несчастнаго, уничтоженнаго созданія, я схватилъ свое ружье и побѣжалъ въ замокъ. Но злодѣя уже не было тамъ; послѣ совершенія гнуснаго преступленія онъ тотчасъ удался въ свои помѣстья. Несчастливая лежала въ горячкѣ; я боялся, что она умретъ у меня безъ врачебной помощи и потому рѣшилъ переселиться въ Барновъ. Жители этого города были противъ насъ озлоблены, и съ своей точки зрѣнія они, пожалуй, были правы; но состраданіе къ нашему ужасному несчастію заставило умолкнуть всякое злорадство. Они приняли насъ радушно и заботливо ухаживали за моей сестрой. Когда она была внѣ опасности, я перевелъ на ея имя все свое имущество, а самъ отправился отъискивать барона. Я зналъ, что меня ожидало, если я исполню то, чего требовало мое сердце; но я не могъ поступить иначе. Мои поиски опять были тщетны; оказалось, что онъ надолго уѣхалъ въ Парижъ. Туда я не могъ за нимъ послѣ-

довать и потому вернулся въ Барновъ, но уже не засталъ сестры... Онъ закрылъ лицо руками и умоляетъ.

— Неужели она тайно уѣхала къ нему? воскликнуть Тарась съ изумленіемъ.

— Что ты, помилуй! сказалъ Нашко, сурово и гордо выпрямляясь.—Вѣдь она была честная еврейская дѣвушка. Нѣтъ! Я не нашель ея потому, что Серетъ коварная рѣка, волны которой не возвращають того, что похитили. Я не могъ добиться, отчего она это сдѣлала,—отъ стыда-ли и горя только, или оттого, что злорадство и насмѣшки, которыя сдерживались во время ея болѣзни, не пощадилъ выздоравливающую. Повторяю, — это для меня не ясно, но зато цѣль всей остальной моей жизни теперь ясна для меня, какъ день. До сихъ поръ я былъ совершенно ошелоленъ горемъ, пока твой призывъ не проникъ въ мое сердце, какъ благовѣсть избавленія. Ты называешь себя судьей и мстителемъ; такъ скажи-же, согласенъ-ли ты принять меня въ свой отрядъ?

Тарась подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— „Слушай, сказалъ онъ торжественно;—если я колеблюсь, то не потому, что ты еврей. Человѣкъ, испытавшій то, что мнѣ пришлось испытать, былъ-бы не достоинъ свѣта Божьяго, если-бы дѣлалъ различіе между своими братьями. А братьями своими, Нашко, я считаю всѣхъ несчастныхъ людей. Такъ знай-же, что не ради твоей вѣры, а ради тебя самого, я спрашиваю,—дѣйствительно-ли ты окончательно потерялъ надежду когда-нибудь утѣшиться и снова быть счастливымъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ еврей рѣшительнымъ тономъ, и глаза его загорѣлись зловѣщимъ огнемъ;—я твердо держусь этой надежды. Серце мое снова станетъ спокойнымъ и счастливымъ въ тотъ день, когда я разсѣку черепъ злодѣю, сгубившему мою сестру... Не трать понапрасну словъ, Тарась; люди моего племени обыкновенно обдумываютъ свои намѣренія, прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать. Я знаю, что дѣлаю. Согласенъ-ли ты принять меня, Тарась?

— Да, отвѣтилъ Тарась коротко и позвалъ своихъ товарищей. На лицахъ ихъ выразилось удивленіе, когда они увидѣли пришельца, а у „Бречета“ уже вертѣлось на языкѣ насмѣшливое слово; но повелительный взглядъ атамана заставилъ его умолнуть.

Первый доброволецъ изъ горцевъ, Юлько Розенко, и первый—

изъ жителей равнины, Манассе Цвейгъ, или, какъ они и теперь еще величаются въ пѣснѣ, — „Кречеть“ и „Черный Нашко“ были единственными членами Тарасова отряда, которые по характеру и побудительнымъ причинамъ представляются личностями недужинными. Всѣ остальные, которыхъ побудилъ къ этому рѣшенію необузданный, мстительный нравъ, конечно, также претерпѣли какое-нибудь горе, какую-нибудь несправедливость, выдвинувшую ихъ изъ толпы и увлекшую на этотъ путь, исполненный приключеній, но сами по себѣ эти люди были лишены всякой оригинальности, да и исторія ихъ обыкновенно носила на себѣ только тотъ общій, печальный отпечатокъ, который также не представляетъ собою ничего исключительнаго въ этой странѣ, гдѣ угнетатели и угнетенные жили рядомъ, питая другъ къ другу глубокую ненависть.

Былъ тутъ крестьянинъ изъ Буковины, Оудика Сынковъ, который до сорокалѣтняго возраста мирно и спокойно жилъ на своемъ клочкѣ земли и обработывалъ свое поле, пока не сдѣлался убійцею, благодаря жестокости сборщика податей, вытащившаго подушку изъ подъ головы больной его жены. Былъ тутъ приказчикъ изъ пограничной деревни Подгорцы, Стась Барилко, котораго панъ послѣ долгой и вѣрной службы велѣлъ жестоко отстегать за то, что онъ безъ позволенія убилъ зайца. Былъ тутъ пѣвчій изъ Тарнопольскаго уѣзда, Софронъ Глинковскій, который во время спора по поводу податей, происходившимъ между попомъ и громадою, дѣйствовалъ заодно съ крестьянами; а когда взбѣшенный попъ съ разрѣшенія управы прекратилъ священнодѣйствіа, Софронъ уступилъ мольбамъ мужиковъ и согласился читать молитвы надъ могилами покойниковъ, умершихъ за это время. Въ этомъ состояло все преступленіе Софрона. По доносу священника онъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, а затѣмъ остался безъ заработка. Тѣмъ временемъ жена ему измѣнила, ребенокъ умеръ; вотъ онъ и пошолъ къ Тарасу, „чтобы пѣть царскіи пѣснями другую пѣсню“, и Тарасъ принялъ его, какъ принималъ всякаго, кого влекло подъ его знамя четное негодованіе, кому нечего было терять въ жизни и кто при этомъ обладалъ тѣми качествами, которыхъ атаманъ требовалъ безусловно: — повиновеніемъ и храбростію. Онъ твердо держался тѣхъ словъ, которыя сказалъ подъ лицомъ въ Зулавцахъ: — „Кто хо-

четь весело жить, кто чувствует себя счастливымъ,—тому незачѣмъ приходить ко мнѣ!“ Понятно, что являлось не мало и такихъ, которые не придавали этимъ словамъ особаго значенія. Но Тарасъ строго испытывалъ каждого; онъ безжалостно отталкивалъ какъ тѣхъ, которые шли въ горы, чтобы избавиться отъ справедливаго наказанія, такъ и тѣхъ, кого приводила къ нему жажда добычи или воинственный зудоръ. Несмотря на такой строгій выборъ, отрядъ его къ утру Свѣтлаго Воскресенья состоялъ уже изъ тридцати рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ бойцовъ.

Кромѣ этихъ воинственныхъ посѣтителей, къ Тарасу въ дни приходили и другіе, мирные люди,—крестьяне, которые рассказывали ему про свое личное несчастье и просили помощи, или же выборные, говорившіе отъ имени цѣлой громады. Нѣкоторые изъ ихъ требованій были, дѣйствительно, несправедливы и неразумны, но большинство жалобъ, которыя пришлось выслушать Тарасу, еще болѣе укрѣпили въ немъ убѣжденіе, что въ этой несчастной странѣ, гдѣ невозможно добиться правосудія, дѣйствительно, нуженъ мститель. Тѣмъ не менѣе онъ не довѣрялъ слѣпо всѣмъ этимъ рассказамъ, какъ-бы они ни казались правдивы и трогательны. „Хорошо! отвѣчалъ онъ; — я узнаю, правду ли вы мнѣ говорите. Горе вамъ, если вы солгали! Горе вашимъ мучителямъ, если вы сказали правду!“ На вопросы о томъ, когда можно рассчитывать на его помощь, онъ отвѣчалъ: „Скоро; но дня и часа я назначить не могу. Во-первыхъ, между вами навѣрное найдутся болтуны и въ назначенное время меня встрѣтятъ у васъ „бѣломундирники“, а во-вторыхъ, я общался прежде всего судить управляющаго въ Зулавцахъ и хотя онъ въ моихъ глазахъ имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ всякій другой негодяй, совершившій такіа-же злодѣяства, я все-таки обязанъ, по возможности, исполнить прежде всего данное обѣщаніе“.

Судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя привезъ ему въ субботу утромъ изъ Коломии Василь, предпріятіе это, повидимому, становилось почти невозможнымъ. Овладѣть управляющимъ при данныхъ условіяхъ значило идти почти на вѣрную смерть; Тарасъ не рѣшался вести товарищей въ уѣздный городъ, гдѣ стоялъ гарнизонъ, только для того, чтобы буквально исполнить свое обѣщаніе. Но колебанія его продолжались только нѣсколько ми-

нуть; затѣмъ онъ сталъ дѣйствовать съ прежнею энергіею и увѣренностью. Василь снова былъ отправленъ развѣдчикомъ въ уѣздный городъ; Сефко и Юлько были посланы въ двѣ деревни равнины, чтобы увѣриться въ основательности поступившихъ оттуда жалобъ; Емельянъ долженъ былъ отправиться въ Зулавцы, чтобы предупредить Анусю и жителей села о прибытіи „бѣломундирниковъ“.

— Тарасъ, нерѣшительно началъ старый вѣрный наймитъ, — развѣ ты забылъ, что жена твоя...

— ...Безумна? окончилъ Тарасъ. — Она никогда не лишалась разсудка, а такъ-же разумна и разсудительна, какъ мы съ тобою. Отъ перваго ошеломившаго ее горя она оправилась; она знаетъ свою обязанность и исполнить ее.

— Стало-быть, ты имѣешь о ней извѣстія? спросилъ наймитъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ; но я знаю свою жену. Мое сердце говоритъ мнѣ это.

Остальное время дня онъ посвятилъ нѣкоторымъ важнымъ распоряженіямъ. — „Я общалъ, что буду готовъ завтра утромъ, сказалъ онъ, — и хочу исполнить, по крайней мѣрѣ, это обѣщаніе.“ Прежде всего онъ указалъ каждому свое мѣсто въ баракѣ, который былъ уже совсѣмъ готовъ, затѣмъ распорядился относительно содержанія своей дружины и очереднаго караула, наконецъ, раздѣлилъ свою дружину на два отряда и назначилъ для каждаго изъ нихъ предводителя. Начальство надъ первымъ долженъ былъ принять „Кречеть-Юлько“, надъ вторымъ — „Черный Нашко“.

Произнося это послѣднее имя, Тарасъ повелительнымъ, испитаннымъ взглядомъ окинулъ лица своихъ товарищей. Нѣкоторые покраснѣли отъ досады, а одинъ, — Стась Барилко, — хотѣлъ что-то сказать, но умолкъ, встрѣтивъ взглядъ атамана. — „Итакъ, повторилъ Тарасъ громко и медленно, — второй отрядъ поведетъ нашъ братъ Нашко“. Убѣдившись, что и теперь никто не рѣшается противорѣчить, онъ приказалъ расходиться.

Еврей подошелъ къ нему. — „Тарасъ, воскликнулъ онъ, — затѣмъ ты не предупредилъ меня о своемъ намѣреніи? Я опасался, что это дурно отзовется и на мнѣ, и на тебѣ. Что касается до меня, то это-бы еще не важно, но я боюсь за тебя и за твое дѣло. Напрасно ты безъ нужды оскорбилъ этихъ людей, ко-

торое они всосали съ молокомъ матери, которое для нихъ почти священо.

— Безъ нужды? воскликнулъ Тарасъ.— Я избралъ тебя въ предводителя потому, что считаю тебя за самаго серьезнаго и дѣльнаго человѣка изъ всей моей дружины. А остальные... впрочемъ, они вскорѣ и сами убѣдятся, что ты достоинъ этой чести, а до тѣхъ поръ будутъ повиноваться тебѣ по обязанности.

— Да, но нехотя, съ неудовольствіемъ, возразилъ еврей.— Во всемъ, что не касается прямо самой высокой, священной твоей цѣли, ты долженъ избѣгать подобнаго насилія. Не забудь, что власть твоя основана на ихъ свободной волѣ.

— Нѣтъ! воскликнулъ Тарасъ.— Они вольны были предти ко мнѣ или нѣтъ. Но разъ рѣшившись на этотъ шагъ, они, подобно мнѣ, лишь орудія для достиженія нашей общей священной цѣли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТЬ.

Символь страданія, скорбей и примиренья!
Кто не носилъ тебя, кто дерзкою рукой
Не воздвигалъ тебя на зло и разрушенье,
Предъ суевѣрною и робкою толпой?
Въ ту ночь, какъ подъ Тобой Голгоа всколебалась
И неба громъ проклатіе изрѣкъ
Суду людей, — въ наслѣдье намъ осталось
Изображеніе Твое, распятый Богъ...
Съ тѣхъ поръ Ты водруженъ во всѣхъ концахъ вселенной
И звѣздами горишь въ полярныхъ небесахъ,
Но людъ идетъ стезею неизмѣнной —
И многіе-ль несутъ Тебя въ сердцахъ?
Лишь тѣ несчастные, которые, какъ птицы,
На сей землѣ, хотъ сѣють, но не жнутъ
И, въ гордомъ шествіи побѣды, — колесницы,
Съ цѣпями на рукахъ и подъ ярмомъ, влекутъ!

Е. Поллегрини.

СТЕПАНЪ ОГОНЬКОВЪ.

(Изъ разсказовъ о неудачникахъ).

I.

Дѣло происходило въ 187* году, въ одной изъ нашихъ восточныхъ провинцій.

Въ ясный и тихій июньскій вечеръ, проселочной дорогой пробирался путникъ, очень неказистый на взглядъ. Маленькая черная фуражка съ истрескавшимся околышемъ едва держалась на его длинныхъ и нечесанныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, на плечахъ его неуклюже болталось коротенькое пальто какого-то зеленоватаго, табачнаго цвѣта, сѣрые штаны были засучены почти до колѣнъ, а ноги — босы. Путникъ былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 20—22, блондинъ высокаго роста, худощавый, слегка сутуловатый. Казаюсь, вся сила волосяной растительности ушла въ его густую, всклокоченную гриву, потому что усы у него были маленькіе, чуть пробивающіеся — и жалкая, рѣденькая борода, съ рыжеватымъ отливомъ. Лицо путника также, какъ и вся его особа, было невзрачно: щеки блѣдныя и впалыя, губы толстыя, носъ также довольно толстый, лобъ небольшой, сдавленный въ вискахъ. Только его голубые, выразительные глаза были хороши, глаза свѣтлые, довѣрчивые, часто смотрѣвшіе какъ-то странно-загадочно, не то задумчиво, не то вопросительно: человѣкъ какъ-будто настойчиво хотѣлъ что-то придумать или что-то вспомнить... Путникъ одною рукой сильно помахивалъ на ходу, а другою держалъ палку, лежавшую у него на плечѣ. На палкѣ висѣли сапоги и какой-то довольно объемистый узелокъ.

Путникъ шелъ по направленію къ сѣверо-востоку, туда, гдѣ синѣли дремучіе сосновые и еловые лѣса. Ноги путника были грязны, покрыты пылью; глядя на нихъ, можно было подумать, что странникъ шелъ издалека. Онъ, повидимому, порой чувствовалъ усталость, но шелъ еще довольно бодро, твердо и самоувѣренно посматривая впередъ. Очевидно, онъ хорошо зналъ ту сторону и иногда, для сокращенія пути, сходя съ проселочной дороги, шелъ по едва протоптаннымъ тропинкамъ или прямо пробирался лугомъ или перелѣсками... Вокругъ него разстилались поля. Одни изъ нихъ отливали изумрудомъ, другія-же, вспаханныя подъ паръ, чернѣли неправильными четырехгольнымиками. Мѣстами расходились луга, пестрѣвшіе цвѣтами; мѣстами шли перелѣски. Изрѣдка видны были въ сторонѣ деревеньки, сѣрыми пятнами мелькавшія изъ-за зелени. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, вдалькѣ, путникъ могъ видѣть крестьянъ, косившихъ свои луга, и лезвія ихъ косъ, поблескивавшихъ на солнцѣ. Въ травѣ скрипѣли коростеля, въ кустахъ кое-гдѣ зацѣвали малиновки, чирикали воробьи, трясогузки и другая птичья мелкота, а высоко надъ головой, въ ясномъ воздухѣ, заливался жаворонокъ. И горячее июньское солнце свѣтомъ и блескомъ своихъ яркихъ лучей затопило всю эту тихую, глухую сторонку.

Странникъ, казалось, на все смотрѣлъ съ чувствомъ живѣйшей радости и, такъ-сказать, всѣмъ существомъ своимъ наслаждался представлявшимся ему просторомъ и волнами вольнаго воздуха, обдававшего его со всѣхъ сторонъ. То онъ взглядывалъ на небо, синѣвшее надъ нимъ и надъ всею окрестною стороной, то изъ-подъ руки посматривалъ на солнце, то взглядъ его опускался на землю, всю разубранную зеленью и цвѣтами. То онъ съ жадностью вшивалъ полною грудью ароматный, свѣжій воздухъ, то вдругъ, наклонившись, срывалъ попадавшіеся ему по дорогѣ цвѣты клевера, одуванчика или куриной слѣпоты, нюхалъ, рассматривалъ ихъ и вертѣлъ въ рукѣ... Вдругъ странникъ задумался, губы его крѣпко сжались, и онъ началъ разсѣянно, какъ-то озабоченно смотрѣть по сторонамъ. Очевидно было, что онъ думалъ теперь вовсе не о томъ, на чтѣ смотрѣли его глаза, что мысль его улетала далеко, дальше видимаго горизонта. Но, немного погодя, онъ тряхнулъ головой, словно желая этимъ движеніемъ сбросить съ себя тагостную думу, и попрежнему бодро сталъ смотрѣть въ

сіяющую даль. Онъ ускорилъ шагъ и тихо, въ полголоса за-
гълъ:

Ни кола — ни двора,
Зипунъ — весь пожитокъ.
Эхъ, живи — не тужи,
Умрешь — не убытокъ!..

Тутъ странникъ наклонился и сорвалъ лиловый дикій колоколь-
чикъ. Пропустивъ нѣсколько строкъ, онъ продолжалъ мурлыкать
себѣ подъ носъ, помахивая цвѣткомъ:

Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ...
Сторонись, богачи!
Бѣдота гуляетъ!..

Затѣмъ, странникъ замолкъ, ухмыльнулся, прищурившись по-
смотрѣлъ въ даль и речитативомъ закончилъ:

Разумѣй, кто уменъ!
Пѣсенка допѣта!..

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки, вправо, поднимался до-
вольно высокой, зеленый бугоръ. На вершинѣ его росли двѣ ели:
одна—старая, темная, лохматая, а другая—около нея—молодень-
кая ель, стройная и прямая, какъ стрѣла. Внизу эти ели густо
обросли кустарникомъ, посреди котораго особенно рѣзко выдавался
шиповникъ, весь сверху до низу покрытый розовымъ цвѣтомъ...
Путникъ взобрался на бугоръ и прилегъ на мохъ, подъ елями.
Не даромъ для своего отдыха онъ облюбовалъ этотъ холмъ..
Здѣсь было совершенно сухо, мягкой мохъ представлялъ собой
отличное ложе, и притомъ отсюда отерывался далекій видъ на
всю окрестность... Лѣса, надвигавшіеся съ сѣверо-востока, были
уже недалеко... Путникъ долго задумчиво смотрѣлъ на ихъ тем-
но-зеленныя, зубчатныя вершины, рѣзко обрисовывавшіяся на голу-
бомъ небѣ. Въ одномъ мѣстѣ изъ-за лѣса ярко поблескивалъ въ
золотѣ солнечныхъ лучей высокой колокольный шпиль. Но этотъ
шпиль былъ далеко,—и, вѣроятно, въ пасмурную погоду или въ
туманъ его не видать съ этого холма... Полулежа, облокотившись
на мохъ, путникъ взглядывалъ на этотъ колокольный шпиль
какъ-то „по-своему“ задумчиво-вопросительно.

— Ну, ужъ — поживемъ, увидимъ! прошепталъ онъ и тяжело
вздохнулъ.

Эти слова, нечаянно сорвавшіяся вслухъ съ его языка, очевидно, служили отголоскомъ занимавшихъ его думъ. Видно было, что путникъ чѣмъ-то озабоченъ, — но юность все-таки брала свое, и ей по временамъ удавалось отгонять отъ путника далеко прочь тяготившія его заботы... Солнце уже низко спускалось къ западу, — была пора продолжать путь. А странникъ все лежалъ, смотрѣлъ въ даль и прислушивался къ шопоту лохматыхъ вѣтвей, простершихся надъ нимъ. Солнце закатывалось, когда путникъ, наконецъ, оставилъ гостепримную тѣнь елей и пошелъ далѣе. Съ полудня тихо надвигалась туча... Странникъ пошелъ скорѣе и черезъ полчаса уже шагаль по лѣсу. Но туча неслась его быстрѣе и перегоняла его. Какъ темною тѣнью, закрыла она половину неба, и яркія краски заката потонули безслѣдно въ ея темныхъ клубахъ. Тяжело, съ зловѣщимъ шумомъ уже проносилась туча надъ лѣсными вершинами. Блистала молнія и трепетнымъ, голубоватымъ свѣтомъ на мгновенье озаряла лѣсныя чащи. Громъ гремѣлъ, и его трескъ и раскаты стоввучнымъ эхомъ расходились по темному лѣсу. Вѣтеръ шумѣлъ, ломалъ сухіе сучья и, качая вершины деревьевъ, какъ бѣшенный, порывисто гнулъ ихъ туда и сюда. Накрапывалъ дождь...

Въ это время, изъ-за крутого поворота лѣсной дороги показалась изба. Къ избѣ примыкало длинное строенье безъ оконъ, крытое соломой. Путникъ прямо направился къ избѣ и постучалъ въ оконницу.

— Хозяева! А, хозяева! Пустите переночевать! крикнулъ онъ. Въ избѣ послышался шорохъ и затѣмъ ворчанье.

— Да входи... Кто тутъ?.. Чего сталъ! Ворота-то не заперты... послышался грубый голосъ.

Путникъ зашелъ въ ворота и почти ощупью пробрался въ избу.

— Никакъ самъ хозяинъ! Иванъ Сергѣевъ — ты? спросилъ путникъ, войдя въ избу и всматриваясь въ полумракѣ въ стояващаго передъ нимъ мужика.

— Я! А ты-то кто будешь?.. О-о! воскликнулъ хозяинъ, распознавъ пришедшаго. — Ну... давно-же ты у насъ не былъ! Давно...

— Два года не былъ! проговорилъ странникъ, опуская на полъ все свое маленькое имущество, то есть сапоги и узелокъ, скидывая съ себя пальто и усаживаясь на лавку.

— То-то... давно тебя не видать! поддакнулъ хозяинъ. — А теперь къ Николѣ ползешь, небойсь?

— Да, домой! отвѣтилъ гость. — Ну, а ты какъ со своимъ постояльнмъ дворомъ?.. Разбогатѣлъ, поди!

— Разбогатѣешь! Какъ-же... Ужъ годъ скоро будетъ, какъ я порѣшилъ его! ворчливо проговорилъ хозяинъ. — Коего лѣшаго сидѣть-то тутъ... никакого, братецъ, проѣзду ногѣ не стало! Вотъ взялъ, да и паяннулъ... А теперь сюда-то по случаю пришелъ, на сѣнокосъ. Тутъ вѣдь у меня маленькая пѣженка есть...

Хозяинъ былъ высокій, здоровенный мужчина, широкоплечій, съ густою, темною бородой. На немъ были сѣрая ситцевая рубаха, низко опоясанная, и синія пестрадинныя порты, не доходившія до щиколдки. Изъ-за растегнутаго ворота рубахи видна была его загорѣлая, могучая грудь. Густая, всклокоченная борода прикрывала чуть не половину его лица. Этотъ мужикъ представлялъ живой, бьющій въ глаза контрастъ съ худощавымъ и хилымъ юношей, сидѣвшимъ, сгорбившись, противъ него на лавкѣ... Хозяинъ подселъ къ гостю, поговорили немного о городѣ и скоро разошлись спать. Хозяинъ ушелъ на палаты, а гость растянулся на лавкѣ.

— Ну, братъ! Хорошо, что ты успѣлъ до двора-то дойти... А то промыло-бы тебѣ... Слышь! проговорилъ хозяинъ, укладываясь спать.

Дѣйствительно, дождь съ такою силой хлесталъ въ оконницы, что даже стекла дребезжали. Гроза пронеслась, но дождь не обѣщаль пройти скоро. Сѣрныя облака быстро шли по небу, гонимыя порывистымъ вѣтромъ... Путникъ разостлалъ на лавкѣ свое пальто, вмѣсто подушки подложилъ подъ голову узелокъ и растянулся. Въ нежилой избѣ спать было хорошо: ни таракановъ, ни мухъ, ни комаровъ. Только лѣсной, крадущійся шорохъ расходился за стѣной. Странникъ усталъ, но спать не могъ. Ужъ, конечно, не лѣсной, баюкающій шорохъ, не шумъ дождя за окномъ мѣшали ему заснуть. Видно, думушки расходились... Въ то время, когда хозяинъ крѣпко спалъ и видѣлъ, можетъ быть, во свѣ свой сѣнокосъ, гость все еще ворочался на лавкѣ, вздыхая и позѣвывая...

Дождь уже пересталъ и вѣтеръ гудѣлъ уже не съ прежнею силой... Странникъ задремалъ... но вдругъ въ дали послышался колокольчикъ, все ближе, ближе, прозвенѣлъ, наконецъ, подъ са-

мыми окнами постоялаго двора и тутъ-же замолеѣ. Послышались неистовые, торопливые удары въ ворота. Хозяинъ, ворча, полѣзъ съ палатей и сталъ искать впотъмахъ лучины. Онъ шибко ругался... „Чего надо? Кого еще тамъ чортъ принесъ... не въ пору—не во-время! Да еще какъ ломаются-то!“... Хозяинъ вышелъ, и на дворъ тотчасъ-же послышался громкій разговоръ. Ночлежникъ уже спускалъ ноги съ лавки и хотѣлъ-было встать, какъ вдругъ въ сѣнцахъ раздалось звяканье шпоръ,—и онъ снова завалился на лавку.

Въ ту-жъ минуту дверь широко распахнулась и въ ней показался человекъ небольшого роста, толстенькій, съ рыжеватыми усами, въ сѣромъ пальто и форменной, полицейской фуражкѣ. За прѣзжимъ слѣдомъ выступалъ, почесываясь, полусонный содержатель бывшаго постоялаго двора съ горящей лучиной въ рукѣ и освѣщаль путь.

— А это кто у тебя тутъ? спросилъ прѣзжій, бросая на столъ мокрую отъ дождя фуражку и кивая головой на странника, который, казалось, спалъ крѣпкимъ, безпробуднымъ сномъ, оборотившись лицомъ къ стѣнѣ.

— А это отъ Никола, изъ Ремнева... Старой дьячихи сынъ! позѣывая, проговорилъ Иванъ Сергѣевъ, подходя ближе къ столу. — Можетъ, зналъ покойнаго-то дьячка, Петра? Такъ это — его сынъ... Учится въ городѣ... Степаномъ зовутъ...

— Какъ фамилія? строго, очевидно, по привычкѣ, спросилъ полицейскій чиновникъ, усаживаясь на лавку и подозрительно поглядывая на всклокоченную гриву спящаго.

— Фамиль-то? Что-й-то, какъ-будто запомнать... да никакъ, — Огоньковъ, надо быть!.. Огоньковъ! неувѣренно протяжнымъ тономъ повторилъ хозяинъ.

Прѣзжій, между тѣмъ, досталъ портфель, вынулъ изъ него какіе-то листы разграфленной бумаги, дорожную чернилицу, перо и какъ-бы собрался что-то записывать.

— Ъхалъ мимо, да ужъ давай, думаю, заѣду за-одно, по пути... началъ онъ, закуривая папиросу. — Надо, вотъ, свидѣнія собрать—о землѣ, о посѣвахъ, о числѣ строеній, обо всемъ...

— Это опять вѣдомость, значить? отозвался хозяинъ, съ очевиднымъ недовольствомъ почесывая себѣ поясницу. — И что это

нонѣ все вѣдомости пошли... А ничего отъ нихъ нѣтъ хорошаго, право слово!

— Не наше, братъ, дѣло разсуждать! Сказано тебѣ: дѣлай, — и дѣлай! съ легкимъ вздохомъ промолвилъ чиновникъ.

— Чтò и говорить! Это ужъ извѣстное дѣло... живо согласился хозяинъ.—Такъ что-же ваше благородіе... Пиши! Вотъ — старнй постояльнй дворъ, давно ужъ закрытъ... Потомъ сѣноваль тамъ, на низу, и больше никакихъ строеньевъ и заведеньевъ у меня нѣтъ... Земля-же у меня опять общественная, на арендѣ... ну, пиши ее хоть четыре десятины...

Иванъ Сергѣевъ, все зѣвая и почесываясь, стоялъ, наклонившись надъ столомъ, и то и дѣло замѣнялъ догоравшую въ его рукахъ лучину новою.

— Теперь подпиши! Вѣдь ты грамотный? сказалъ чиновникъ, когда отвѣты были вписаны по всѣмъ пунктамъ и въ надлежащія графы.

— Морокую маленько... Такъ лучинку-то поддержи, ваше благородіе... А то мнѣ ужъ не способно этакъ! проговорилъ хозяинъ.

Чиновникъ свѣтилъ, а Иванъ Сергѣевъ, клоня голову то направо, то налево, кряхтя и сопя, но безъ труда вывелъ свою подпись, которая по неразборчивости походила на министерскую. Чиновникъ убралъ бумаги, спряталъ всѣ свои канцелярскія принадлежности и, закуривъ папиросу, собрался уходить.

— А онъ куда идетъ? Ты его хорошо знаешь? спросилъ чиновникъ, кивая головой на спящаго.

— Да какъ не знать... дьячихи, Анны Михайловны, сынъ... съ отцомъ еще, бывало, все у насъ на крылосѣ пѣлъ... говорилъ хозяинъ.—Теперь дождь пробирается... да, вотъ, отъ дождика ко мнѣ зашелъ!.. Спать этакъ, не слышать... Видно, притомился!

— То-то! Вѣдь нынѣ у насъ на этотъ счетъ строго... внушительно промолвилъ полицейскій чиновникъ, идя къ двери. — Ежели немножко чтò... ежели, наприимѣръ, незнакомнй человекъ проявится... сейчас!..

— Ну, извѣстно... Чтò и говорить!.. поддакнулъ хозяинъ, идя за гостемъ и свѣта ему.

Опять зазвенѣлъ колокольчикъ и все дальше, все тише. Хозяинъ воротился на палаты и, громко зѣвая, ворчалъ себѣ подъ носъ: „Вотъ-то лѣшегоны! И оказія это... ни ночь, ни пого-

душка ихъ не держитъ! Мнчутся, ровни собаки, прости Господи!“...

II.

Утромъ рано, еще „до солнышка“ поднялся Степанъ Огоньковъ. (Имя и фамилію странника хозяинъ назвалъ совершенно вѣрно). Распрощавшись съ Иваномъ Сергѣевымъ, нашъ путникъ отправился далѣе...

Прекрасенъ былъ лѣсъ въ этотъ ранній, утренній часъ. Солнце всходило ясно, обдавая вершины деревьевъ красноватымъ свѣтомъ и разсыпая тамъ и сямъ по листьѣ, словно, золотыя искры. Внизу, на дорогѣ, по кустамъ еще лежали тѣни. Птички заводили свои пѣсни, и громче всѣхъ жаворонокъ пѣлъ свою прелестную, меланхолическую пѣсенку. Лѣсъ, омнутый дождемъ, выглядѣлъ зеленѣе вчерашнаго. Послѣ грозы, послѣ дождя весь лѣсъ благоухалъ... Въ свѣжемъ воздухѣ пахло всевозможными цвѣтами и травой, пахло лѣсною дичью, лѣсною глушью... Часа черезъ два пути, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и Огоньковъ скоро вышелъ на крутой, песчаный берегъ рѣки.

— Вотъ и она, Большая Кѣторань! промолвилъ Огоньковъ вслухъ, смотря на противоположный берегъ.

А тамъ шли поемные луга, поля—и въ верстѣ отъ берега, на возвышеніи, видѣлся погостъ — церковь съ кладбищемъ и дома церковниковъ. Рѣка, Большая Кѣторань, теперь—въ лѣтнее время—была не широка и не глубока. Огоньковъ по камнямъ перешелъ ее вбродъ. Затѣмъ, онъ умылся въ чистой, прохладной водѣ, пригладилъ гребенкой свои взъерошенные волосы, почистился кое-какъ и пошелъ далѣе. Не успѣлъ онъ еще сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ тутъ-же не подалеку отъ дороги увидалъ какого-то человѣка, усердно косившаго. Этотъ человѣкъ былъ въ одной рубахѣ, въ бѣлыхъ портахъ, запущенныхъ въ сапоги, и въ старой, поржѣвшей шляпѣ съ широкими полями; длинные волосы его были завязаны на затылкѣ узломъ.

— Отецъ дьяконъ! Богъ на помощь! Косить начинается!.. крикнулъ Огоньковъ, останавливаясь.

— А-а! Любезнѣйшій... добро жаловать! Сколько лѣтъ — сколько зимъ... пробасилъ дьяконъ, опуская косу и смотря на

прохожаго. — По Николѣ соскучился, видно! Въ гости къ намъ? Что жь, — дѣло!..

Сошлись, поздравствовались и покалякали, пока отецъ дьяконъ точилъ косу. Степанъ Огоньковъ сразу-же былъ посвященъ въ мѣстную злобудня... Новый благочинный назначенъ; у отца Алексѣя вчера корова пала, „бока этакъ вотъ вздулись—страсть!“... Въ Леонтьевскомъ приходѣ идетъ слѣдствіе о растратѣ суммъ; говорить, нынѣ лѣтомъ „въ нашей сторонѣ“ архіерей хочеть побывать и т. д.. Дьячиха, Анна Михайловна, —недавно ходила на богомолье въ Кирилловскій монастырь, а теперь—дома... „Сидитъ и не чаеть, поди, гостя къ себѣ“... У отца Алексѣя съ пасхи племянница гостить — Марья Аристарховна, все лѣто, говорятъ, прогостить. Старая попадья слаба стала, почти не видитъ и слышитъ худо... Новый псаломщикъ оказался дрянъ; у отца дьякона съ нимъ вышли большія непріятности; теперь, впрочемъ, псаломщикъ „поприжалъ хвостъ“... Однимъ словомъ, когда Огоньковъ, оставивъ дьякона, пошелъ далѣе, то современное положеніе дѣлъ „у Николы“ ему уже было извѣстно въ точности.

Погостъ былъ уже весь на виду — не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ странника. Церковь была небольшая, съ бѣлыми истрескавшимися стѣнами; немного въ сторонѣ отъ нея стояла высокая, бѣлая-же колокольня, шпиль которой Огоньковъ видѣлъ вчера съ холма. Вокругъ церкви на порядочное пространство расходились могилы безвѣстныхъ деревенскихъ людей. Сѣрая, деревянная ограда мѣстами полуразвалилась; изъ-за нея тамъ и сямъ поднимались плакучія березы, рябины и кусты ивъ. Къ кладбищу примыкали съ полуденной стороны огороды — со всякою овощью. По другую сторону кладбища, вдоль довольно широкой улицы вѣтанулись дома церковниковъ; позади ихъ видѣлись амбарушки, овины съ закопѣлыми стѣнами, сѣновалы съ соломенными крышами, далѣе раскидывались поля, луга, а еще далѣе горизонтъ замыкался сосновыми и еловыми лѣсами. Никольскіе прихожане говорили, что эти дремучіе лѣса доходятъ до „Сибирской горы“.

Войдя въ селенье, Огоньковъ прямо направился ко второй избѣ съ краю. Изба была небольшая, въ два оконца, почернѣвшая отъ времени и слегка покосившаяся на одинъ бокъ. Вѣтхія стекла въ оконцахъ расцвѣчивались всѣми семью цвѣтами радуги, причемъ

цвѣта зеленѣй и фіолетовѣй преобладали. Солома на крышѣ, какъ видно, уже давно не обновлялась — вся потемнѣла, иструхла и по краямъ стрехи висѣла клочьями, что, впрочемъ, не мѣшало ласточкамъ вить подъ стрехой свои глиняныя гнѣзда. Вообще-же изба или, какъ часто называли ее, „келья“ старой дьячихи, Анны Михайловны, выглядѣла какъ-то жалостливо, сиротливо. Склонившіяся надъ крышей ветлы и тощія рябинки, словно, все плакали надъ ея горькой долей... По двумъ скрипучимъ ступенямъ Огоньковъ прошелъ въ сѣнцы и, тутъ сбросивъ свою ношу, направился въ избу. Здѣсь на первомъ-же шагу онъ встрѣтилъ совершенно идиллическую сцену въ сельскомъ вкусѣ... На лавкѣ у окна сидѣла очень хорошенькая бѣлокурая дѣвочка лѣтъ 5—6, въ бѣлой рубахѣ и въ какой-то цвѣтной юбочкѣ. Мальчуганъ лѣтъ 4-хъ, полуголый, въ коротенькой розовой рубашенкѣ, такой-же бѣлокурый и такой-же хорошенькій, какъ дѣвочка, и очень похожій на нее, какъ только можетъ быть похожъ братъ на сестру, — лежалъ смиренхонько на лавкѣ, положивъ голову къ дѣвочкѣ на колѣни. Дѣвочка съ самымъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ „искала“ у него въ головѣ и въ ту минуту, какъ Степанъ Огоньковъ отворялъ дверь, она своимъ звонкимъ голосомъ кому-то объявляла, что „у него ни одной вошки нѣтъ“.

— Тебѣ кого надо? бойко спросила она Огонькова, когда тотъ, наклонившись, чтобы не стукнуться о палати, подвигался къ ней. — Ты къ бабушкѣ, что-ли?

— Да! А гдѣ она? спросилъ въ свою очередь Огоньковъ.

Въ ту-жъ минуту за перегородкой, отдѣлявшей печь отъ приемаго покоя, послышался шорохъ, отворилась маленькая, низенькая дверца и въ ней, съ мочалкой и кринкой въ рукахъ, показалась старуха въ затасканномъ, затрапезномъ сарафанѣ и съ платкомъ на головѣ, на подобіе грязной тряпицы.

— Никакъ, Степа — ты! крикнула старуха и, торопливо сунувъ на печурку кринку и мочалу, вышла изъ-за перегородки.

Пощлывались. Послѣ обычныхъ привѣтствій и отрывочныхъ разспросовъ, дьячиха принялась ставить самоваръ.

— А ты племянницу, да племянника-то еще и не видалъ... говорила старуха, щепля лучину и кивая головой на ребятъ. — Да! Вотъ еще Богъ надавалъ... Мало, видно, было своего-то горя, такъ еще чужое прислѣло... Охъ, Господи Воже!..

Огоньковъ, между тѣмъ, подсѣлъ къ ребятишкамъ, поцѣловалъ ихъ и ласково погладилъ ихъ по головѣ. Съ любовью посмотрѣлъ онъ на дѣтей, какъ только добрая душа можетъ смотрѣть на слабыхъ и беззащитныхъ созданий.

— Сестра-то умерла наканунѣ Егорьева дня, а дьяконъ-то и запилъ, батюшка ты мой... продолжала дьячиха какимъ-то причитающимъ тономъ.— Запилъ, запилъ, да допилъ до того, что его въ монастырь послали. Буйный этакій сталъ, и-и-и! Не приведи Богъ... Сторожу чуть всю бороду не выщипалъ! Ой, да что у нихъ было—не сказать! Чистая бѣда!.. Ну, а сиротъ куда дѣваешь? По міру ходить еще малы, — куда ихъ однихъ-то пустишь! Вотъ пошла, да и взяла ихъ къ себѣ... Съ Филиповокъ у меня и живутъ. Маеся кое-какъ старше, да малые, поколь Богъ грѣхамъ терпять... А что ужъ будетъ дальше,— не знаю...

— Слышалъ, вѣдь, я это... Отецъ Алексѣй сказывалъ, какъ былъ въ городѣ великимъ постомъ... Да что-жъ будешь дѣлать! Вѣдь не бросишь сиротъ... замѣтилъ Огоньковъ, глядя мальчугана по головѣ.

— Да не бросишь, конечно... Куда ихъ бросишь! Вѣдь не котята, прости Господи... тоже — крещенныя душеньки! дрогнувшимъ голосомъ заговорила дьячиха.— Да вѣдь и маѣ-то не легко! Жили изъ себя не вымотаешь... А имъ, гляди, одного хлѣба въ день куска по три надо... Не шутка! А нынѣ времена-то, знаешь, какія! Вонъ осенью пойдешь собирать по гумнамъ... Въ иномъ мѣстѣ дадутъ горсточку, а въ иномъ скажутъ: у самихъ нѣтъ... Поклонись, да и проваливай, куда знаешь! Да ужъ что — а! Мое дѣло — отставное, заштатное; хожу — прошу изъ милости... А ты послушай: какъ нынѣ церковники ходятъ петровщину собирать! Вѣдь ровно на турку войной идутъ... Срамъ сказать! Прежде, бывало, дьякону-то яйца два-три попадетъ съ cadaго двора, а нынѣ дай Богъ хоть одно яйцо выторжмить. И про-свириѣ — яйцо, и дьякону — яйцо... вотъ какъ у насъ сравнивали! Церковники-то больно обижаются... Да еще что! У иной избѣ и не достучатся, такъ и уйдутъ ни съ чѣмъ... Подходишь, говорятъ, къ иной избѣ, — нигдѣ не шелохнется, ровно все вымерло... Это, значить, увидали, что *они* идутъ, и поспрятались, — даже малые ребятишки забьются, кто куда: кто на повѣти, кто на сѣноваль... Охъ, только грѣхъ одинъ!.. И ужъ бѣдность-же нынѣ

пошла! Этакой и не слыхано... Вѣдь цѣлыя деревни по міру ходять, дворовъ по 30—по 40—совсѣмъ нищіе, какъ есть въ раззорь... ни скотинки, ни инструмента какого ни на есть, ни путной одежонки, — ровно, какъ цыгане... И что ужъ это такое, Богъ знаетъ!

Степанъ Огоньковъ сидѣлъ, молча, и слушалъ эти причитанія. Губы его крѣпко сжались какъ-бы подѣ влияніемъ сильной физической боли; голова поникла на грудь, брови нахмурились, и глаза задумчиво, сосредоточенно смотрѣли на грязный, щелеватый полъ. Кудластые волосы его свѣсались и позакрыли лицо... А дьячиха продолжала безконечные рассказы о своемъ горькомъ жити-бытїи. „Вѣдь и кромѣ хлѣба еще много кое-что надо... Вонъ Олъ нужно хошь кое-какое платьишко, вѣдь ей шесть лѣтъ... Не голый-же ей ходить. А къ зимѣ надо потеплѣе одежду запасать... Зимой въ избѣ холодно, вездѣ дуетъ, съ полу несетъ. Изба стара, разваливается“ и т. д. Изба, дѣйствительно, выглядѣла непривѣтно и внутри такъ-же, какъ снаружи. Стекла въ окнахъ были поразбиты и замазаны сѣрой бумагой; въ углахъ бревна совсѣмъ прогнили отъ сырости; потолокъ и полъ покривились. Особенно негостепріименъ оказывался полъ... Входящій въ избу долженъ былъ подвигаться впередъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ, какъ-бы поднимаясь въ гору; уходя-же, напротивъ, гость катился, какъ подѣ гору, и невольно ускорялъ шагъ. Большая русская печь, вся въ трещинахъ, закоптѣлая, — не могла ни мало скрасить избу. На почернѣлыхъ, бревенчатыхъ стѣнахъ—должно быть, въ видѣ украшенія—висѣлъ цѣлый рядъ раскрашенныхъ картинъ московскаго издѣлія. Картины все были религіозно-нравственнаго содержанія: „Кончина грѣшника и праведнаго“, „Богатый и Лазарь“, „Возвращеніе блуднаго сына“, „Страшный судъ“, „Лѣствица адовыхъ мученій“, „Архангелъ Гавріиль у дѣвы Марїи“ и „Изображеніе дванадесятихъ праздниковъ“. Кромѣ того, у одного окна висѣлъ въ рамкѣ портретъ московскаго митрополита Филарета, а у другого окна была приклеена хлѣбнымъ мякишемъ, очевидно, вырванная изъ какой-то старинной книги гравюра, изображавшая „Похищеніе Европы“. Всѣ эти картины въ свое время накупилъ покойный дьячекъ, бывшій большимъ любителемъ художественныхъ произведеній. Теперь всѣ эти картины до того были замараны мухами и покрыты копотью, что трудно было рассмотреть ихъ...

Въ переднемъ углу на божищѣ стоялъ большой, потемнѣвшій жѣднй складенецъ.

Иззелена-бурый самоваръ, казалось, отъ вѣка нечищенный, шипѣлъ на столѣ. Его окружали чашки и блюда, — все какой-то отчаянный, разнокалиберный сбродъ. Сынъ сидѣлъ на лавкѣ, мать помѣстилась противъ него на скамьѣ. Огоньковъ съ дороги пилъ чашку за чашкой съ большимъ аппетитомъ. Чашку жиденькаго чая и огрызокъ сахару дали и ребятамъ, сидѣвшимъ все это время смирно за столомъ и поглядывавшимъ на „дядю“. Сестра сама пила мало и усердно поила братишку. Вообще она съ невозмутимомъ серьезностью исполняла роль няньки...

— А Оля-то будетъ похожа на покойную сестру... Глаза такіе-же большіе, голубые! промолвилъ Огоньковъ, опорожнивъ послѣднюю чашку и задумчиво смотря на дѣвочку.

Дьячиха только глубоко вздохнула ему въ отвѣтъ: „Что, дескать, въ голубыхъ-то глазахъ, коли жрать нечего!“..

— А ты, матушка, за эти два года шибко постарѣла! началъ опять Огоньковъ, взглядывая на мать.

— Года-то не молодять, а горе-то не красить... отозвалась та.

Дьячихѣ уже стукнуло за 50 лѣтъ. Ея желтое лицо все было въ морщинахъ, но не утратило своей подвижности. Впалые, сѣрые глаза выглядѣли еще довольно бойко на Божій міръ изъ-подъ ея темнаго платка. Вообще, старуха казалась еще очень живою и проворною. Складки по угламъ рта и кислая усмѣшечка, нерѣдко проскользавшая по ея тонкимъ, плотно зажатымъ губамъ, — придавали ея лицу желчное, брюзгливое выраженіе. Ея, обыкновенно-недовольный тонъ отзывался причитаньемъ: она какъ-будто еже, минутно готова была на что-то жаловаться. Очевидно, жизнь этой женщины прошла не красно. Въ ея сѣрыхъ глазахъ иногда виднѣлось такое холодное, жесткое выраженіе, какъ будто-эти глаза хотѣли промолвить: „Мы думаемъ только сами о себѣ, а до другихъ намъ-дѣла нѣтъ!“... Теперь, разумѣется, глаза ея, на сколько возможно, смотрѣли на сына любовно, ласково... Еще-бы! Вѣдь она видитъ въ сынѣ своего будущаго похльца и кормильца и ожидаетъ отъ него богатыхъ и великихъ милостей. Онъ ужь скоро кончитъ въ семинаріи, женится, получитъ мѣсто священника, а старая дьячиха станетъ хозяйничать у него, учить уму-разуму его и его молодую. Ужь тогда-то она вволю поворчитъ на нихъ...

тогда ей будетъ надъ кѣмъ покомандовать. Анна Михайловна уже давно мечтаетъ на эту тему.

Освѣдомляясь о городскихъ новостяхъ, она, между прочимъ, спросила сына: часто-ли бывалъ онъ у отца Боголѣпова? Оказалось, что сынъ во всю зиму былъ у отца Боголѣпова только одинъ разъ... „Что у него дѣлать!“ — Мать была совершенно иного мнѣнія на этотъ счетъ: „По что-же такъ! Вѣдь онъ родственникомъ приходится имъ... человекъ — нужный, могъ-бы иной разъ кое-кому и словечко замолвить... Развѣ Степа не слыхалъ, что владыка хочетъ его къ себѣ въ ключари взять?.. Напрасно, напрасно не ходилъ онъ къ отцу Боголѣпову!“ и т. п.. Послѣднія разсужденія были высказаны очень сухимъ, недовольнымъ тономъ. То было первое облачко, омрачившее радость свиданья сына съ матерью послѣ двухлѣтней разлуки.

Молодой человекъ сдѣлалъ себѣ папиросу изъ своего дешеваго табаку и пошелъ отдыхать въ огородъ. За избой, обнесенная плетнемъ, тянулись гряды капусты, картофеля, свеклы и луку. Кое-гдѣ въ бороздахъ и по краямъ грядъ рѣдка высоко поднимала свои сочные, темнозеленые листья... Въ углу, между плетнемъ и задней стѣной избы, росла старая береза и кусты ивъ. Здѣсь-то въ тѣни, подъ березой, прилегалъ Огоньковъ. „Тьфу, ты! Развалился, ровно баринъ“... съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ онъ про себя, лежа на спинѣ и покуривая папиросу. Гомонъ мелкихъ насѣкомыхъ расходился кругомъ него и въ травѣ, и понадъ травой. На плетнѣ чирикали воробьи. Прищурившись, смотрѣлъ Огоньковъ на зеленую листву, едва-едва передвигавшуюся надъ его головой, и на бѣлыя, легкія облака, тихо плывшія по сіяющему, голубому небу. Огоньковъ дремалъ, но заснуть не могъ, хотя порядочно усталъ съ дороги. Очевидно, его что-то беспокоило, тревожило, не давало ему вполне предаться отдыху... Разъ онъ даже вслухъ промолвилъ вполголоса: „Надо будетъ ей сказать... Ужд, еще успѣю!“ Сказалъ и вздохнулъ. Такъ часа три пролежалъ онъ на травѣ, ворочаясь съ боку на бокъ и тяжело вздыхая, не то засыпая какимъ-то чуткимъ полусномъ, не то бодрствуя впросонкахъ. Наконецъ, онъ всталъ и пошелъ въ избу... Солнце показывало, что теперь уже было часа четыре или даже болѣе. Отецъ Алексѣй, вѣроятно, теперь уже возсталъ отъ своего послѣобѣденнаго сна. „Теперь онъ сходитъ къ о. Алексѣю, прой-

дется по погосту“... Огоньковъ сидѣлъ на лавкѣ и развязывалъ свой походный узелокъ—съ платьемъ и съ книгами. Надо было вынуть лучшей костюмъ—бѣлую, крахмаленную рубаху, темносѣрный жилетъ, черннй потертый сюртукъ и такія-же штаны... Дьячиха у окна штопала какое-то старье. Ребятишекъ на ту пору въ избѣ не было...

— До какого времени отпустили-то? До Богородицына дня? спросила дьячиха, не смотря на сына и, очевидно, не придавая своему вопросу никакого особеннаго значенія.

Въ это мгновенье, повидимому, что-то странное, загадочное происходило въ душѣ Степана Огонькова. Легкій румянецъ выступилъ на его щѣкахъ; даже уши покраснѣлись. Нѣсколько секундъ онъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ рыться въ своемъ узелкѣ, низко наклонившись надъ нимъ. Онъ какъ-будто что-то обдумывалъ или собирался съ духомъ.

— Ужъ больше не ворочусь... Совсѣмъ отпустили... выключили! отрывисто проговорилъ онъ, вытаскивая изъ узла жилетъ и встряхивая его.

Дьячиха опустила работу на колѣни и, раскрывъ ротъ, молча, посмотрѣла на сына. Каждый произносимый словомъ сынъ стучалъ ее, словно, обухомъ по лбу. Жужжанье мухъ только слышалось въ избѣ...

— Это что-жъ такое! Это что еще за радость! растерянно прошептала Анна Михайловна, не сводя своихъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ съ сына, расправлявшего въ ту минуту смятую крахмаленную рубаху.

— А вотъ! вмѣсто всякаго поясненія, промолвилъ Огоньковъ, какъ-бы желая сказать: „Что тутъ, моль, подѣлаешь!“

— Да полно тебѣ шутки-то шутить! По что выключили? За что? Ну? За какія-такія дѣла? заговорила дьячиха, почувствовавъ послѣ перваго приступа смущенія, что даръ слова снова возвратился къ ней.

— За что! повторилъ сынъ.— Да ни за что... за книги...

— Полно, полно врать-то! зама хала руками дьячиха.— За книги не выключать... безъ книгъ вѣдь не учатся! Знаемъ тоже, не бойсь! „За книги!“.. Гм! Вишь, что вывезъ... Развѣ что—какія-нибудь масонскія...

— Книги цензурныя... началъ, было, объяснять Огоньковъ.

— Ну, то-то и есть! вскричала Анна Михайловна. — Я говорю, что масонскія... подметныя! Нынѣ ихъ вездѣ подбрасываютъ всякіе сомутьяны... За хорошія книги кто-же выключать станеть!

Огоньковъ теперь, въ свою очередь, махнулъ рукой, видя невозможность остановить потокъ старушечьяго краснорѣчія, и, захвативъ платье, ушелъ переодѣваться за перегородку.

— За грѣхи, видно, Господь насъ наказываетъ... неужели причитала Анна Михайловна, адресуя свои жалобы за перегородку. — Вотъ — на всю жизнь теперь несчастный человѣкъ сдѣдался... И я дождалась... Охти, мати Пресвятая Богородица! Дождалась!.. Вотъ будетъ кормилецъ подъ старость! Вотъ успокоюсь ужъ!.. Успокоилась! Сиди, вотъ, теперь... Охъ, Господи Боже! Да что-же это такое? Чтѣ я за горемычная... Другіе, вотъ, живутъ, да радуются на дѣтей-то... А тебѣ, вотъ, ровно, на грѣхъ все... Дочь только что пристроила, — померла... итѣ же и сиротъ на руки оставила! Зятюшка спился... А теперь и послѣдняя надежда — вотъ на тебѣ!.. Согрѣшила я, грѣшная!..

Старуха заплакала. Сынъ живо одѣлся и торопливо вышелъ на улицу... Теперь онъ выглядѣлъ гораздо спокойнѣе, какъ человѣкъ, спустившій гору съ плечъ, какъ больной, вынесшій во время операціи самую острую боль. Молодцомъ шелъ онъ теперь по единственной улицѣ своего родного села.

III.

Черезъ полчаса по приходѣ Степана Огонькова, все Ремнево — отъ стараго до малаго — уже знало, что къ дьячихѣ, Аннѣ Михайловнѣ, изъ города сынъ прибылъ. Новость, представляющая громаднѣйшій интересъ для тѣхъ людей, замкнутыхъ отъ движенія міровой жизни, для которыхъ забѣжавшая со стороны собаченка или лишнее яйцо, снесенное курицей, составляютъ предметъ очень оживленныхъ, продолжительныхъ разсужденій и толковъ. Поэтому, совершенно естественно, что когда Степанъ Огоньковъ шелъ по улицѣ къ дому о. Алексѣя — всѣ ремневскіе обитатели и обитательницы выглядывали на него изъ оконъ, иные здоровались съ нимъ, иные втихомолку, молча, провожали его взглядами...

— Вотъ разбойникъ-то идетъ... чистый разбойникъ! прошам-

каля старая попадаѣ, глядя на смиренную фигуру Огонькова изъ окна мезонина высокаго священническаго дома.

— Ой, бабушка, что это! Вотъ ужъ нисколько-то не похожъ на разбойника... почти въ одинъ голосъ возразили старухѣ двѣ дѣвушки, поповна и ея гостья, двоюродная сестра, виѣсть съ нею смотрѣвшія изъ окна.

— Разбойникъ! Сущій разбойникъ! съ ожесточеннымъ упорствомъ повторила старуха, потряхивая головой.

— Бабушка людей-то не видитъ, такъ ей всякій посторонній человѣкъ разбойникомъ кажется! въ полголоса замѣтила гостья.

А Степанъ Огоньковъ той порой подходилъ къ священническому дому. Этотъ домъ отъ жилищъ прочихъ церковниковъ отличался болшею величиной и претензіями на благообразіе. Домъ былъ опушенный тесомъ, двухъ-этажный, съ мезониномъ и съ балкончикомъ при немъ. Въ большихъ окнахъ второго этажа видѣлись яркія пунцовыя занавѣски изъ кумача. Передъ домомъ, съ лицевой его стороны, былъ устроенъ небольшой полисадникъ, гдѣ подъ тѣнью тополей росли кусты малины и смородины. Съ боку дома помѣщалось крыльце съ навѣсомъ и со столбиками. Съ другого бока за невысокимъ частоколомъ далеко разбрасывали свои вѣтви бѣлостволяныя березы, черемуха и рябина, а за ними тянулся огородъ пестрѣвшій разноцвѣтнымъ макомъ. Стѣны дома посѣрѣли, крыша мѣстами подернулась зеленовато-желтымъ мохомъ, крыльце посѣбло, но домъ, повидимому, стоялъ еще крѣпко...

Огоньковъ засталъ о. Алексѣя на его любимомъ мѣстѣ отдыха — на крыльцѣ, обращенномъ на западъ. О. Алексѣй, дѣйствительно, любилъ въ свободное время сидѣть на низкой и широкой крылечной лавочкѣ — читать книгу или, просто, смотрѣть на захожденіе солнца и загадывать о погодѣ на завтрашній день. Здѣсь онъ толковалъ съ прихожанами, разсуждалъ о вопросахъ дна со своими церковниками, раздумывалъ о своихъ дѣлахъ и вспоминалъ старыя времена — тѣ давніе дни, когда онъ еще молодымъ священникомъ явился въ Ремнево. Это было слышкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Отцу Алексѣю уже стукнуло 60. Рѣдкія пряди сѣдыхъ, вьющихся волосъ окаймляютъ его лысину. Вольшая, серебристая борода придаетъ ему патріархальный видъ. Добродушный взглядъ его блѣдно-голубыхъ глазъ располагаетъ въ нему, внушаетъ довѣріе, а его морщинистое, красноватое, за-

горѣлое лицо дышетъ спокойствіемъ... Теперь онъ только-что возсталъ отъ послѣобѣденнаго сна и сидѣлъ на лавкѣ въ одномъ своемъ сѣромъ подрясникѣ, подпоясанномъ старымъ зеленымъ кушавомъ, и, по обыкновенію, безъ шапки. Глаза его еще слипались. Онъ щурился и зѣвалъ... Въ одной рукѣ онъ держалъ клѣтчатый носовой платокъ, въ другой берестяную табакерку, „тавлинку“, и, собираясь понюхать, словно, задумался надъ своею тавлинкою.

— А-а, Степанъ!?, радушно проговорилъ старикъ, увидѣвъ молодого человѣка. Ну, братъ, молодцомъ сталъ... Право! Садись-ка, потолкуемъ!.. Вотъ сюда... сюда, на лавочку! Не бойсь, мѣста будетъ!..

Огоньковъ съ малыхъ лѣтъ любилъ отца Алексѣя и съ удовольствіемъ подолгу слушалъ его рассказы про прежнее время. Священникъ также со своей стороны благоволилъ къ тихому, смиренному мальчику. Между старымъ и малымъ издавна установилась какая-то интимная связь... Теперь молодой человѣкъ передавалъ ему кое-какія городскія новости и кое-что изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій. Затѣмъ, по нѣкоторымъ признакамъ волненія, отразившагося на его лицѣ, можно было заключить, что онъ готовился приступить къ передачѣ самой шекотливой для него новости. Наконецъ, онъ сообщилъ отцу Алексѣю, что исключенъ изъ семинаріи — и рассказалъ при этомъ: какъ и за что исключили его... Товарищи вздумали завести свою бібліотеку, вскладчину выписали и купили книгъ: Рѣшетникова, Левитова, Помяловскаго, Никитина, Писарева, Добролюбова, Некрасова, Флеровскаго и др.. Каждый, участвовавшій въ складчинѣ, обязанъ былъ поочередно служить три мѣсяца бібліотекаремъ и въ теченіи этого времени держать книги на своей квартирѣ. Хотя книги были все дозволенныя, но семинарское начальство посмотрѣло на эту ученическую бібліотеку, устроенную безъ „надлежащаго разрѣшенія“, какъ на преступный продуктъ тайнаго сообщества, стремящагося къ ниспроверженію всего существующаго... Стали искать бібліотеку и напали на нее въ ту пору, когда она — согласно очереди — находилась на храненіи у Огонькова. Огоньковъ оказался не разговорчивъ и даже строптивъ, такъ-какъ имѣлъ дерзость замѣтить начальству, что „эти книги испортить человѣка не могутъ“. И Огоньковъ, безъ дальнихъ околичностей, былъ прогнанъ

изъ храма семинарской науки, какъ негодная, паршивая овца. Старичекъ-священникъ съ теплымъ участіемъ выслушалъ эту повѣсть...

— Ой, грѣхъ, грѣхъ! со вздохомъ проговорилъ о. Алексѣй, покачивая головой.— Ну, братъ, плохи твои дѣла... Вижу, что плохи... Какъ-же ты теперь думаешь быть со своей головошкой, а?

Огоньковъ еще не рѣшилъ этого вопроса; онъ еще подумаетъ... Затѣмъ, онъ освѣдомился у о. Алексѣя объ его житьи-бытьи.

— Старъ становлюсь! говорилъ о. Алексѣй.— Ноги плохи... а съ требами иногда приходится пѣшкомъ ходить по приходу. Что тутъ подѣлаешь, коли у мужика лошадки нѣтъ! И плетешься... А вѣдь, вонъ, въ Песковатое, напримѣръ, верстъ 7 будетъ! Просто, иное заморишься такъ, что—бѣда... А вѣдь у меня-то что-же—одна Карюха съ жеребенкомъ. На ней и въ лѣсъ, на ней и въ поле, и въ городъ... Плохо живемъ, да привыкли—ничего...

— Тятинька, чай пить! крикнула молодая дѣвушка, показываясь на крыльцѣ изъ сумрака сѣней.

Огоньковъ всталъ и поздравствовался... Это была Саша, младшая дочь отца Алексѣя, дѣвушка лѣтъ 16-ти, высокая, худощавая. У нея были „отцовскіе“ блѣдно-голубые глаза, смотрѣвшіе очень добродушно. Ея слегка курносое, румяное личико казалось весьма зауряднымъ. Ея свѣтло-русые волосы, густые и длинныя, заплетены въ одну косу. На ней довольно поношенное ситцевое розовое платице.

— Пойдемъ-ка, паренъ, напьемся чайку хоть съ горя! предложилъ Огонькову о. Алексѣй.

Чай пили—также, какъ и обѣдали, внизу (во второй этажъ переходили только по праздникамъ да при гостяхъ). Въ довольно просторной, но низкой комнатѣ Огоньковъ увидалъ на столѣ большой самоваръ, окруженный клубами бѣловатаго пара, а изъ-за самовара увидалъ круглое и лоснящееся лицо матушки-попадья. Попадья выглядѣла истюю Бобелиной: высокая, широкоплечая, толстая, она—по выраженію мужиковъ—„могла хвостомъ убить“. Прихожане искренно хвастались своей „матушкой“... „Вотъ это—такъ настоящая попадья, не то, что въ Никольскомъ приходѣ... Рожа-то, ровно, рѣшето, а на спинѣ хошь горохъ молоти!“ Для прихожанъ попадья, не смотря на свои 50 лѣтъ съ хвостикомъ,

представлялась идеаломъ женской дородности и красоты. „Въ кого у нихъ дочь этакая выродилась!“ разсуждали прихожане, глядя на Сашеньку. „Ровно, восковая свѣчечка... трехкопѣчная! Диво!“.. Тутъ-же у окна сидѣла гостя, Марья Аристарховна, матушкина племянница. Эта дѣвица, лѣтъ 20, а можетъ быть и болѣе, одѣвалась съ претензіями на изящество. Темные волосы ея высоко зачесаны на головѣ и даже чуть-ли не съ шиньономъ; на ней воротнички и манжеты и платье съ разными фантифлюшеами. Ея лице было-бы не дурно, еслибы не было такъ усыпано веснушками. Вообще она выглядѣла-бы привлекательнѣе, если-бы поменьше ломалась и модничала—особенно при постороннихъ.

Разговоръ за чаемъ коснулся злобы дня, то-есть павшей коро-вы. Попадья чрезвычайно протяжнымъ тономъ съ различными отступленіями и съ вводными подробностями разсказала гостю, какъ было дѣло...

— Вчера у меня попадья весь вечеръ ревѣла... замѣтилъ о. Алексѣй.— Полно говорю, глупая... слезами коровки ужъ не воротись... Что тутъ пустое! А она—куда тебѣ... извѣстно, бабье дѣло! И слушать не хочетъ... насилу уговорилъ!

Сашенька той порой носила чай бабушкѣ въ мезонинѣ. Старуха „при людяхъ“ рѣдко спускалась внизъ. Она, какъ говорили, уже выживала изъ ума и сильно побаивалась постороннихъ людей, заподозрѣвая ихъ во всякихъ дурныхъ намѣреніяхъ... Марья Аристарховна, по обыкновенію, жеманясь, спросила Огонькова о нѣкоторыхъ городскихъ знакомыхъ. Въ разсказахъ и разспросахъ прошло время до вечера. Тутъ пришелъ какой-то крестьянинъ и позвалъ отца Алексѣя „съ поганой молитвой“. (Такъ въ той мѣстности крестьяне называли очистительную молитву, читаемую священникомъ надъ родильницей). Огоньковъ, получивъ приглашеніе „бывать“, распростился со всѣми и пошелъ шляться по погосту.

Побродивъ по кладбищу, Огоньковъ остановился у отцовской могилы, присѣлъ на нее и, вытащивъ изъ кармана обрывокъ газетной бумаги, гдѣ хранились у него гильсы и табакъ, сдѣлалъ себѣ папиросу. Покуривая, Огоньковъ погрузился наполовину въ созерцаніе всего, находившагося передъ нимъ, наполовину въ свои отрывочныя думы и воспоминанья... Вокругъ него расходились могилы, густо поросшія травой и пестрѣвшія полевыми цвѣ-

тами. На иныхъ изъ нихъ стояли покривившіеся кресты, на иныхъ, просто, лежалъ кирпичъ или была воткнута палочка. Кое-гдѣ изъ-за зелени, изъ-подъ цвѣтовъ макушки и голубыхъ незабудокъ бѣлѣли человѣческія кости... Посредія пространства, усѣяннаго могилами, возвышалась бѣлая церковь съ желѣзною зеленою крышей и съ темными, рѣшетчатыми окнами. Бѣлая краска на стѣнахъ мѣстами облупилась, и были видны ряды красныхъ кирпичей. Подъ окнами темными пятнами выступали подтеки. Ветхая, старинная церковь... Она построена еще во дни императрицы Елизаветы Петровны. Съ тѣхъ поръ она уже много разъ перестраивалась, отстраивалась и подновлялась... Въ дѣтствѣ въ этой самой церкви Огоньковъ однажды пережилъ чрезвычайно сильныя впечатлѣнія, темныя и мрачныя, какъ и самая церковь. Это было лѣтомъ, стояли жары. Страшная засуха тяготѣла надъ землей. Земля давала трещины, трава увядала. Въ воздухѣ, какъ теперь Огоньковъ видитъ, стоялъ дымъ отъ горѣвшихъ лѣсовъ; дымомъ закутана была даль, дымомъ, какъ сѣрой мглой, было покрыто небо, и солнце — краснымъ шаромъ, безъ лучей — тускло мерцало посреди этой мглы. Дымомъ пахло на улицѣ, дымомъ пахло въ избахъ, дымомъ, казалось, пропахло все платье пасевозовъ. Огоньковъ помнить, какъ этотъ запахъ ночью и денно раздражалъ, мучилъ его и сдѣлался для него ненавистнымъ. Жилось какъ-то тоскливо. Всѣ ходили невеселыми и выглядѣли больными. Огоньковъ помнить, какъ сильно тогда болѣла голова у него, словно, что-то тяжелое давило и давило ему темя... Въ одинъ изъ такихъ душныхъ, тяжелыхъ дней привезли покойника на погостъ. Тогда вмѣстѣ съ прочими и онъ пробрался въ церковь. Направо отъ входа на скамейкѣ поставили покойника... Онъ по обыкновенію, лежалъ въ некрашенномъ, деревянномъ гробу. Ноги его худыя, какъ плети, были обмотаны сѣрыми онучами и перевязаны веревкой; руки, такія-же худыя, заскорузлыя — лежали на глубоко впавшей груди. Лицо — темное, обросшее бородой; на глазахъ — мѣдяки. Особенно выдавался вверху кончикъ заострившагося носа, да ступни ногъ, почти вылѣзавшія изъ гроба... Бабы вили, причитали; плакалъ какой-то ребенокъ и все кричалъ: „Ой, тятя, тятя!“.. Въ эти минуты ласточка залетѣла въ отворенное окно, покружила по церкви, на мгновенье пристѣла на

гробъ и, чирякнувъ, митомъ вылетѣла въ дверь. Вся эта картина живо врѣзалась въ его памяти...

Огоньковъ всталъ съ могилы, подошелъ къ церкви и, поднявшись на приступочекъ, заглянулъ въ окно черезъ рѣшетку. И теперь, какъ тогда, въ церкви — направо отъ входа — стоялъ гробъ, но теперь за нимъ стояли еще три дѣтскихъ гробика. Въ церкви — темно и мрачно. Огонькову казалось, что въ церкви стало еще темнѣе и мрачнѣе, чѣмъ было прежде... Онъ отошелъ и опять присѣлъ на отцовскую могилу... Грачи съ крикомъ носились около колокольни. Гдѣ-то мячала корова... Солнце закатывалось за церковью и краснымъ, золотистымъ свѣтомъ озарало всю окрестность. Спокойныя воды Большой Которани, какъ синее стекло, вставленное въ зеленую оправу, блестя издали. Еще дальѣе синѣли лѣса, черезъ которые еще такъ недавно проходилъ Степанъ Огоньковъ и которые теперь отдѣлили его отъ городского шумнаго міра... Но вотъ солнце закатилось; тѣни легли на кладбище. Свѣжестью повѣяло съ луговъ; запахло слышнѣе скошенной травой; явственнѣе доносился скрипъ коростеля изъ высокой осоки, росшей по ручью. А вонъ прошелъ на колокольню и церковный сторожъ, старикъ, Иванъ Трофимычъ — и огласилъ засыпавшую окрестность гулко разнесшимися по зарѣ звуками колокола. Наугадъ онъ пробилъ десять часовъ... Огоньковъ засидѣлся въ гостяхъ у мертвецовъ. Пора-бы ему и домой. А то мать, пожалуй, двери запретъ и съ горя завалится спать... Огоньковъ очнулся и отъ мертвецовъ обратился къ живой дѣйствительности.

Отецъ Алексѣй сказалъ, что его дѣла „плохи“, — но самъ Огоньковъ не унывалъ, думая, что не совсѣмъ плохи его дѣла. Его выгнали, ему не дали кончить курса... Это — такъ. Но вѣдь по окончаніи курса онъ хотѣлъ отправиться въ Петербургъ... Въ этомъ отношеніи обстоятельства почти не измѣнились. Онъ можетъ отправиться туда и теперь... Онъ пришелъ въ Ремнево отдохнуть, взять — если представится — какую-нибудь работу, скопить денегъ и махнуть въ Питеръ. Можетъ быть, для этого придется прожить мѣсяца два-три. Что-жъ дѣлать! Надо какъ-нибудь промышлять... Онъ пришелъ въ Ремнево на время — на короткое время. Эта-то мысль и утѣшаетъ его. Онъ съ удовольствіемъ шелъ сюда, къ матери, именно потому, что смотрѣлъ на Ремнево, какъ на

станцію по дорогѣ къ Петербургу. Потому-то такъ доброжелательно онъ и присматривался къ роднымъ, знакомымъ мѣстамъ, идя вчера по полямъ и лѣсамъ. Если бы онъ зналъ, что ему придется въ Ремневѣ вѣкъ-вѣковать, тогда онъ посмотрѣлъ-бы на родной погостъ, какъ на мѣсто своего невольнаго заключенія, какъ на мѣсто ссылки. Тогда онъ не посматривалъ-бы съ тихой, мечтательною грустью на окружавшіе его зеленые могильные бугры; тогда онъ не любовался-бы беззаботно на яркія краски заката, погасавшія въ небѣ, и на синеватый ночной сумракъ, подергивающійся съ востока и окутывающій всю окрестность полупрозрачною тѣнью. Нѣтъ! Тогда онъ смотрѣлъ-бы на Ремнево съ чувствомъ ужаса, съ тревогой,—съ тѣмъ чувствомъ холода, отчаянія и смертельной тоски, съ какимъ человекъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и надеждъ смотритъ на разверзшуюся у ногъ его темную могилу... Но, къ счастью, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Его ничто не удержитъ въ Ремневѣ. Онъ уйдетъ!.. Эта твердая увѣренность ободряетъ и успокоиваетъ Огонькова. „Уѣзжаютъ-же добрые люди лѣтомъ на дачу!“ раздумывалъ онъ. „Вотъ и я уѣхалъ... А чѣмъ здѣсь не дача? Лѣсъ, рѣка... Прелесть! Буду бродить, дышать свѣжимъ воздухомъ... Авось, тѣмъ временемъ какая-нибудь работа навернется! А осенью—прости, прощай, тихая ремневская обитель! Или, какъ въ пѣснѣ-то поется, „простите галки и сороки, кусточки и пеленки“...

Еще года два тому назадъ Огоньковъ и не думалъ о Питерѣ. Въ послѣдніе два года онъ пережилъ тотъ нравственный переворотъ, какой пережили и многіе изъ его товарищей. Злые инстинкты наживы, хищенія и всяческой неправды, инстинкты, составлявшіе краеугольный камень, альфу и омегу всего общественнаго строенія, въ Огоньковѣ глохли, заглушались развивающимися инстинктами добра и правды. Книга и бесѣда перерабатывали Огонькова въ лучшаго человека. Это дѣло перерожденія остановилось на половинѣ дороги... У Огонькова было еще мало знаній. Онъ не чурается деревни. На столько-то онъ уже знаетъ, что долженъ жить для этой деревни, не только жить, но и умереть за нее, если понадобится. Но ради этой деревни ему нужно отправиться за знаніями. Съ ними онъ возвратится сюда, съ ними онъ не будетъ здѣсь лишнимъ, не будетъ лежать лишней тяготой на мужицкой шеѣ...

Только одна мысль нагоняла за послѣдніе дни темную тѣнь на душу и на лице его. Эта мысль была о томъ: какъ онъ скажетъ матери о своемъ исключеніи, какъ приметъ она эту новость. На сколько зналъ Огоньковъ, старуха должна была страшно перетревожиться. Онъ очень хорошо зналъ всѣ ея надежды и расчеты относительно того, какъ „ужо Степанъ кончатъ въ семинаріи, женится, получить священническое мѣсто“ и т. д.. Онъ нанесетъ ей сильный ударъ, сомнетъ и притопчетъ всѣ ея надежды и мечты, какъ цвѣточки, не успѣвшіе разцвѣсть. „Мать взбунтуется, — ужъ я знаю! У нея пойдетъ дымъ коромысло!“ говорилъ себѣ Огоньковъ не разъ, идя изъ города домой. Вотъ эта-то непріятная перспектива „бунта“ со стороны матери и „дыма коромысло“ пугала и тревожила его гораздо болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ показать. Онъ былъ человекъ добрый, мягкій, съ самыми мирными наклонностями, не желавшій мухи обидѣть понапрасно и не могшій даже подумать безъ отвращенія о необходимости причинить боль своему ближнему. Но теперь дѣло уже сдѣлано, „ужасная“ новость сообщена, — и первый, бурный шеваль разбушевавшейся старухи благополучно пронесся надъ головой бѣднаго Степана Огонькова. Онъ выдержалъ потокъ неминуемыхъ упрековъ, жалобъ и слезъ — и теперь нравственно отдышалъ, какъ морякъ, благополучно добравшійся, наконецъ, до тихой пристани съвозъ шумъ и ревъ расходившейся бури...

Разумѣется, непріятностямъ еще не конецъ. Еще будетъ много разговоровъ на одну и ту-же тему, много будетъ жалобъ, оховъ, стенаній и слезъ... Много тяжелыхъ минутъ еще предстоитъ пережить Огонькову. Что-жъ дѣлать! Онъ потерпитъ, не станетъ раздражать старуху... Огонькову очень жаль ее. Онъ съ радостью осушилъ-бы слезы съ ея морщинистыхъ щекъ, еслибы только зналъ: какъ взяться за это безъ всякаго ущерба для своего „дѣла“. Онъ будетъ терпѣть, какъ христіанинъ первыхъ вѣковъ, и, какъ христіанинъ первыхъ вѣковъ, выстрадаетъ всѣ малыя и крупныя муки, но не отступится отъ своей вѣры...

Когда Огоньковъ пришелъ домой, Анна Михайловна, уже полусонная, отперла ему дверь и, молча, ушла въ избу. Въ сѣнцахъ Огоньковъ нашелъ на полу подушку и мѣшокъ съ сѣномъ, очевидно, замѣнявшій матрасъ. „На сѣнѣ спать отлично!“ въ пол-

голоса пробормоталъ онъ, укладываясь спать, и скорехонько заснулъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ.

IV.

Дьячихѣ въ эту ночь спалось плохо... Ей все снился ворохъ какихъ-то книгъ. „Масонскія!“ говорила она сама себѣ во снѣ. Книжки, какъ живныя, ходили кругомъ нея, прыгали, скакали, подкатывались ей подъ ноги, больно стучали ее по спинѣ, по головѣ и по рукамъ. А она все злилась на нихъ и пугалась... По утру встала она невеселая, надутая, съ ворчаньемъ сходила къ дьяко-ницѣ—выпросила на завтракъ кринку молока. Послѣ завтрака начались разговоры... Но Огоньковъ уже выспался, подкрѣпился и былъ готовъ бодро выдержать предстоявшія ему непріятности.

— Ну, что-же ты теперь думаешь дѣлать со своей головой? спросила его старушка, принимаясь за вязку шерстяного чулка и изъ-подлобья посматривая, какъ онъ набивалъ папиросы.

— Поищу какой-нибудь работы... отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь-то? перебила его Анна Михайловна. — Какая-же здѣсь работа! Кто для тебя ее припасъ? Никакой работы здѣсь тебѣ не найти... Вѣдь у насъ—не городъ. Молотить или коровъ пасти, поди, не пойдешь...

— А отчего молотить не пойти... Пойду! возразилъ Степанъ. — Только-бы денегъ заработать...

— Полно, дитячко! Гдѣ-жъ тебѣ молотить! иронически замѣтила ему мать. — Еще, пожалуй, молотиломъ по головѣ себя съвдиши! Нѣтъ! Что пустое-то разводять... Ты говори толкомъ! Вѣдь что же въ самомъ дѣлѣ... Пить—ѣсть то-же надо, одевонка то-же, гляди, порвется... все надо, все! А у меня—что? Не ахти-какіе капиталы... Вотъ послѣ покойника-то пятый годъ маюсь этакъ! Ворогу не приведи Богъ такъ маяться... Вотъ ребята то-же! Хоть по-міру пускай! На чулкахъ-то много-ли выработаешь... двѣнадцать копѣекъ за пару изъ ихной шерсти! Пустое дѣло...

— Я, матушка, тебѣ въ тягость покуда не буду. У меня десять рублей отъ уроковъ осталось... Одежа есть! проговорилъ Огоньковъ. — Поживу, присмотрюсь, а той порой, можетъ быть, какая-нибудь работа навернется...

— Никакой работы тебѣ, сказано, не найти! отрѣзала старуха.

— Посмотримъ—увидимъ! спокойно отозвался Огоньковъ.

— А вотъ и увидишь!...

Разговоръ на томъ и оборвался. Невеселое молчаніе наступило въ избѣ... Огоньковъ взялъ книгу, папиросъ и отправился въ огородъ, а Анна Михайловна, сердито перебирая спицами, ворчала себѣ подъ носъ: „Велики деньги—десять рублей! Что и говорить! На одно это проклятое курево сколько выйдетъ, поди... Вишь ты—богатый какой приѣхалъ! Ха!“.. Огоньковъ нашелъ въ огородѣ ребятъ, сидѣвшихъ подѣ ветлой. Они играли, но теперь, завидѣвъ дядю, вдругъ примолкли. Огоньковъ подсѣлъ къ нимъ и намѣревался познакомиться съ ними поближе. Онъ очень любилъ дѣтей, и дѣти сильно привязывались къ нему. Лишь только онъ опустился на траву, какъ дѣвочка тотчасъ-же встала и, схвативъ братишку за руку, хотѣла уйти.

— Оля! Куда-же ты? обратился онъ къ дѣвочкѣ и, ласково взявъ мальчугана за плечо, потащилъ къ себѣ. Вы, братцы, какъ будто дичитесь меня... Вѣдь я васъ не съѣмъ. Садитесь-ка лучше...

— Мы хотѣли пойти играть на дворъ... чтобы не мѣшать тебѣ... проговорила дѣвочка, видимо, чѣмъ-то стѣсняясь.

„Что за чудо!“ подумалъ Огоньковъ про себя, смотря на мальчугана, робко поглядывавшаго на него, и на понуренную головку дѣвочки. Оля встрѣтила его такъ развязно, бойко, и вдругъ этакая перемѣна... бѣгутъ отъ него, точно отъ волка.

— Вы меня боитесь, что-ли, а? спросилъ онъ, привлекая къ себѣ ребятъ.—Я—страшный... да?

— Нѣтъ... не страшный!.. тихо промолвила дѣвочка, взглядывая на дядю, а мальчикъ, между тѣмъ, уже готовъ былъ расплакаться.

Эта робость, эта застѣнчивость вдругъ напавшія на дѣвочку, живую и бойкую, шибко заинтересовали Огонькова. Онъ почти силой усадилъ ребятъ около себя и заставилъ дѣвочку разговариваться. Тутъ оказалось, что бабушка „дядей“ пугала ребятъ. „Дядя“ разыгрывалъ роль „буки“... „Вотъ ужъ дядя придетъ... дастъ онъ вамъ знать!.. Онъ васъ усмирить! Погодите, ужъ... Небо съ овчинею покажется. Онъ наломаетъ такихъ розогъ, что ой-ой, до новыхъ вѣвниковъ не забудете! Онъ ужъ проберетъ васъ... Дядя шутить не любитъ! Онъ какъ примется хлестать, такъ только клочья по-

летать во всѣ стороны!“ и т. д. Вообще бабушка не поскупилась на сильныя выраженія и такъ страшно охарактеризовала „дядю“, что ребята съ трепетомъ ожидали его пришествія и представляли себѣ, что какъ только дядя придетъ, такъ сейчасъ-же наломаетъ розогъ и, первымъ дѣломъ, жестоко выпоретъ ихъ. Аннѣ Михайловнѣ не было дѣла до дѣтскихъ страховъ: лишь-бы уговорить ребятъ. Всѣ средства для достиженія этой полезной цѣли она считала безразлично пригодными... Понятно: ребята перетрусали и присмирѣли, когда узнали, что пришедшій именно и есть тотъ дядя, который будетъ драть ихъ, „какъ сидоровыхъ козъ“,—по выраженію бабушки. Они не знали: какъ въ точности дерутъ сидоровыхъ козъ, но уже догадывались, что сидоровымъ козамъ, должно быть, житье не сладко. Ребята чувствовали себя теперь не въ безопасности. Когда дядя засталъ ихъ въ огородѣ подъ ветлами, Оля тотчасъ-же смекнула, что ихъ дѣло плохо, что приближается расправа за всѣ ихъ злодѣянія, за всѣ ихъ прегрѣшенія, вольныя и невольныя. Поэтому-то Оля и спѣшила схватить братишку и скрыться съ нимъ съ глазъ Степана Огонькова.

Но дѣло скоро объяснилось къ обоюдному удовольствію. Дядя совершенно разсѣялъ ихъ страхи. Дѣвочка скоро оправилась, но Вася продолжалъ еще смотрѣть волченокомъ... Узнавъ, что бабушка не разъ съѣда ихъ, дядя сказалъ, что этого больше не будетъ, что онъ попроситъ бабушку не бить ихъ. Оля была дѣвочка веселая, общительная,—и черезъ часъ она уже рассказывала дядѣ разныя разности, смѣялась и весело напѣвала:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!

Солнце, дѣйствительно, порой скрывалось за облака, порой выглядывало на дѣвочку изъ своего голубого окошечка.

Вася сидѣлъ, молчалъ и слушалъ. У Васи былъ другой характеръ... Онъ выглядѣлъ какимъ-то задумчиво-сосредоточеннымъ мальчуганомъ. Онъ не любилъ шумныхъ игръ, болѣею частью игралъ одинъ, самъ съ собою. Неразговорчивый, хмурый, часто прихварывавшій, онъ заслужилъ отъ бабушки прозвище „дохлаго“. Олю бабушка довольно мѣтко называла „егозой“. Оля относилась къ брату покровительственно, иногда она, просто, забавлялась съ нимъ, какъ съ куклой: причесывала, мыла, то раздѣвала, то одѣвала его.

Вася безропотно покорялся „старшей сестрѣ“. Они крѣпко любили другъ друга...

Доброму человѣку сойтись съ дѣтьми — нѣтъ ничего легче. Въ вечеру Степанъ Огоньковъ былъ уже на самой дружеской ногѣ со своимъ племянникомъ и племянницей.

Вечеромъ, передъ ужиномъ, у него опять съ матерью зашелъ разговоръ о его будущихъ перспективахъ.

— Ну, положимъ, лѣто еще проживешь какъ-нибудь... начала Анна Михайловна. — А осенью что-же ты думаешь дѣлать?

— А думаю отправиться въ Питерь! отвѣтилъ сынъ.

— Часъ отъ часу не легче... пробормотала старуха. — Ха! Въ Питерь! Тебя-то тамъ и не доставало... Безъ тебя, видно, тамъ мало народу-то...

— Мало — не мало, но и мнѣ мѣсто будетъ! проговорилъ съ улыбкой молодой человѣкъ.

Полунасмѣшливый, полупрезрительный тонъ старушки, очевидно, нисколько не раздражалъ Огонькова. Если же онъ и смущался, то смущался лишь единственно тѣмъ, что былъ вынужденъ по неволѣ причинять беспокойства и тревоги своему ближнему. Онъ ни за что не причинилъ-бы своей матери — также, какъ и всякому другому человѣку на ея мѣстѣ, — никакой нравственной боли, если-бы только зналъ: какъ это сдѣлать, не отступаясь отъ убѣжденій, которыя онъ считалъ правыми. Презрѣніе, колкія насмѣшки и вообще несправедливыя нападки на него матери — больно язвили его чуткую, чувствительную душу. Но теперь онъ готовъ былъ вынести все эти непріятности, не показывая виду, что онѣ оскорбляютъ его, — и, дѣйствительно, выносилъ ихъ безропотно въ той надеждѣ, что авось старушкѣ будетъ легче, когда она — въ видѣ ѣдкихъ насмѣшекъ и жестокой брани — выгрузитъ часть своего горя... А Огоньковъ стерпнѣть, — отчего не стерпнѣть! Не въ первый разъ шишки валялись на его неповинную голову...

— Полно, полно, парень! Брось! Все это — пустое... продолжала дьячиха. — Такое-ли теперь время, храни Богъ, чтобы по Питерамъ развѣзжать... Гдѣ сѣлъ, тамъ и сиди... А я вотъ что придумала про себя: осенью у насъ при церкви школа открывается... сходить мнѣ развѣ къ отцу Алексѣю, поклониться ему, авось, для тебя сдѣлаетъ... Какъ-никакъ, а восемнадцать рубликовъ въ мѣсяцъ пригодятся... на улицѣ тоже не поднимешь!

Дьячиха, смотря на сына, разсуждала такъ, что „съ бѣшенной собакой—хоть шерсти влокъ“, а сынъ въ то-же время думалъ про себя: „Пусть ее!.. Чего-жъ я попусту злить ее стану! А никакого мѣсто не удержитъ меня здѣсь“... Но онъ не развилъ вслухъ свою мысль.

— Только зачѣмъ-же вамъ идти кланяться... сказалъ онъ.—Я и самъ схожу къ отцу Алексѣю... И ежели мѣсто еще не занято, не обѣщано кому-нибудь, такъ...

— А наплевать, ежели и обѣщано... проговорила Анна Михайловна съ прояснившимся взоромъ.— Попроси хорошенько батюшку, такъ онъ для тебя сдѣлаетъ... Онъ и то все спрашивалъ о тебѣ...

Отъ Огонькова требовали невозможнаго,—чтобы онъ спихнулъ кого-нибудь съ мѣста и самъ усѣлся-бы на этомъ мѣстѣ. Мыслимо-ли требовать такихъ подвиговъ отъ человѣка, который постоянно и безъ того какъ-бы совѣстился за себя, совѣстился за то, что онъ существуетъ на свѣтѣ и стѣсняетъ другихъ своимъ присутствіемъ,—отъ человѣка, который искренно жалѣлъ птичекъ, испуганно вспархивавшихъ съ деревьевъ при его проходѣ!.. Слова матери шибко покоробили его, но онъ, разумѣется, смолчалъ и въ отвѣтъ ей ограничился лишь лаконичнымъ: „Ужд схожу“...

Онъ не распространялся съ матерью о своихъ дѣйствительныхъ „замыслахъ“, о своемъ будущемъ. Онъ зналъ, что мать его—женщина не глупая и не какая-нибудь злодѣйка, но все-же она не понала-бы его. Изъ ихъ разговоровъ могли-бы выйти только однѣ непріятности—и ничего болѣе. Огоньковъ сознавалъ, что между матерью и нимъ была пропасть—въ духовномъ отношеніи, то есть значить—самая глубокая пропасть, какая только можетъ залегать между людьми... Лягушка не будетъ сочувствовать жаворонку—ни его пѣнью, ни его высокому полету, а жаворонокъ, въ свою очередь, не пойметъ тѣхъ наслажденій, какія испытываетъ лягушка, погружаясь въ тину пруда и оглашая своимъ кваканьемъ прибрежную осоку...

На другой день Огоньковъ сходилъ къ отцу Алексѣю и попросилъ его о мѣстѣ. Мѣсто еще не было занято... О. Алексѣй обѣщавъ „сдѣлать все, что будетъ можно“... Только не помѣшали бы „книги!“

Такимъ-то образомъ одинъ изъ щекотливыхъ вопросовъ въ обществѣ былъ рѣшенъ, и дьячиха нѣсколько успокоилась. Въ буду-

щемъ ей представлялась возможность — „съ бѣшенной собаки содрать хоть шерсти клокъ“.

V.

Первые дни въ деревнѣ для Огонькова прошли прелестно. Онъ именно чувствовалъ себя, какъ школьникъ, вырвавшійся на волю изъ-подъ ферулы училищной жизни. Два года онъ просидѣлъ въ городѣ, за книгами, въ четырехъ стѣнахъ, словно, въ заключеннѣ. Два года онъ не бродилъ по полю, по лѣсамъ и не дышалъ чистымъ, сельскимъ воздухомъ — если исключить тѣ рѣдкія поѣздки за городъ въ лодкѣ, которыя предпринимались имъ сообща съ товарищами. Огоньковъ чувствовалъ себя въ деревнѣ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ, какъ всякая добрая, простая душа, любитъ природу, скорѣе понимая инстинктивно, нежели сознательно, что жизнь природы всего ближе къ правдѣ... Бродя по лѣсу или по полямъ, онъ наслаждался вольнымъ воздухомъ — безъ боязни, что его нѣтъ-нѣтъ, да и обдасть какою-нибудь гадостью, наслаждался просторомъ — сознаниемъ того, что его никто не толкаетъ и онъ не толкаетъ никого, что за нимъ не подсматриваютъ, не наблюдаютъ за тѣмъ: застегнуто-ли его платье на всѣ пуговицы, — наконецъ, онъ просто наслаждался деревенскою глушью... То ходилъ онъ съ книжкой, то съ пустыми руками; то обсуждалъ онъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій, то просто предавался смутнымъ мечтамъ о Петербургѣ, о людяхъ, съ которыми ему суждено судьбою столкнуться тамъ... Но ходить такимъ образомъ безъ толку, безцѣльно — постоянно нельзя или, по крайней мѣрѣ, непріятно въ томъ отношеніи, что добрые люди могутъ замѣтить про него: „Чего-же онъ бѣгаетъ по полямъ, ровно съумасшедшій, безъ всякаго дѣла!“ Надо было придумать какое-нибудь занятіе. Бродить по полямъ подъ видомъ охоты — нельзя: ружья нѣтъ, да къ тому-же Огоньковъ и не въ состояніи былъ ни съ того-ни сего, такъ себѣ „за здорово живешь“ умерщвлять живое существо, не сдѣлавшее ему ровно никакого вреда... Завести развѣ удочку и сидѣть на берегу? Это, пожалуй, возможно... Можно показывать видъ, что будто ловишь — и притомъ ничего не поймать. Очень просто: для того не надо только наслаживаться на крючекъ никакой приманки. Даже самая глупая или жадная рыба не схватится за голый крючекъ...

Огоньковъ живо сдѣлалъ себѣ удилице, лѣсу, выпросилъ у дьякона — известнаго рыболова — два вѣрчка, и дѣло оказалось въ шляпѣ. Теперь съ удочкой въ рукѣ онъ могъ, сколько угодно, бродить по уединеннымъ берегамъ Кѣторани, не обращая на себя особенно ничьего вниманія и не навлекая на себя никакихъ темныхъ подозрѣній. И вотъ иногда съ утра до ночи онъ оставался на рѣкѣ, но рыбы въ рѣкѣ не убывало, и старая дьячиха съ усмѣшкой просила его: принести ей хоть одного пискаря. Но пискарь не являлся, а Огоньковъ оставался очень доволенъ своею рыбной ловлей...

— Клянетъ? спрашивалъ при встрѣчѣ Огонькова отецъ дьяконъ.

— Плохо! отвѣчалъ Огоньковъ съ серьезнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Чтѣ такъ! Вотъ диво... изумлялся отецъ дьяконъ. Время теперь, кажется, хорошее... Вотъ только малость управиться-бы мнѣ съ сѣнокосомъ, мы, братъ, съ тобой отправимся на Низъ.. Ухъ, знаю я тамъ мѣста! И что-жъ это такое! Просто, я тебѣ скажу: рыбы тамъ... густо! Не впроворѣтъ... Глаза, братъ, у тебя разбѣгутся... Вотъ тоже подъ кустами—подъ Нагорнымъ, знаешь,—щука большая водится, — фунтовъ по двадцати есть, ежели не больше... Возьми у меня вѣрчекъ, да сходи когда-нибудь туда! Внакладѣ не останешься...

— Ладно, схожу... говорилъ Огоньковъ.

Отецъ дьяконъ шибко завидовалъ Огонькову, интересовался его похождениями по части рыбной ловли и, какъ истый, завзятый рыболовъ, страшно волновался и досадовалъ на Огонькова за его неловкость. „Какъ это можетъ быть, чтобы въ этокое хорошее время рыба не ловилась! Зѣваетъ, видно, малый“... Подобное предположеніе кололо отца дьякона, какъ вострымъ ножомъ. Онъ удивлялся: какимъ образомъ Огоньковъ могъ такъ равнодушно относиться къ своимъ неудачамъ...

Не по указаніямъ отца дьякона, а какъ-то такъ случайно—однажды Огоньковъ, бродя со своею удочкой по берегу Кѣторани, дошелъ до Нагорнаго и усѣлся тутъ на большомъ сѣромъ камнѣ, поднимавшемся изъ воды почти у самаго берега. Теченіемъ такъ отполировало этотъ камень, что верхняя часть его представляла собой отличное сидѣнье... Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ дьякона,

ловилась щука „фунтовъ по двадцати, а не то и болѣе“. Огоньковъ, разумѣется, никакой щуки не поймалъ, но зато здѣсь случилось съ нимъ маленькое приключеніе, вознигъвшее, впрочемъ, для него довольно большія послѣдствія...

Нагорное была барская усадьба съ хорошимъ садомъ, спускавшимся почти къ самой рѣкѣ. Мѣстами поломанный, низкій плетень, лѣпившійся по самой крутизнѣ берега, окружалъ садъ. Сѣрный, деревянный домъ едва былъ видѣнъ изъ-за густой зелени березъ и липъ... Огоньковъ вообще очень мало зналъ о Нагорномъ, о его владѣльцахъ и о его жителяхъ. Онъ зналъ, напримѣръ, что помещица, госпожа Гречулева, вдова, живетъ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ и умеръ ея мужъ; зналъ, что она пріѣзжаетъ въ свое Нагорное только по лѣтамъ, да и то не каждый годъ. Каково было ея семейство—о томъ Огоньковъ не имѣлъ и понятія. Раза два или три, еще ребенкомъ, бывалъ онъ въ Нагорномъ съ отцомъ, когда тотъ съ прочими причетниками ѣздилъ по приходу „славить“ о Пасхѣ и о Рождествѣ. Потомъ, когда онъ приходилъ домой лѣтомъ на вакаціи, то видѣлъ нѣсколько разъ въ церкви у обѣдни г-жу Гречулеву, но помнить ее очень смутно... И теперь онъ вовсе не думалъ о Нагорномъ, а весь предавался наслажденію прекраснымъ, лѣтнимъ днемъ. Голубая, прозрачная вода текла у его ногъ, съ легкимъ плескомъ разбиваясь о камень, на которомъ сидѣлъ онъ. Такое-же голубое, прозрачное небо сіяло надъ его головой. Чайки низко проносились надъ водою, блестя на солнцѣ своими бѣлоснѣжными крыльями. Свѣжимъ сѣномъ пахло въ воздухѣ... Въ какомъ-то странномъ, мечтательномъ состояніи сидѣлъ Огоньковъ, слегка сгорбившись и склонившись надъ водою. Онъ, какъ-будто, не могъ отервать глазъ отъ этихъ голубыхъ, прозрачныхъ струй, бѣжавшихъ у его ногъ.

А въ ту пору, когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ, не то мечтая, не то сладко подремывая,—въ барскомъ саду, у плетня, на счетъ его особы происходилъ довольно оживленный разговоръ.

— Долго-ли онъ еще просидитъ тутъ!.. Я передъ чаемъ хотѣла выкупаться... говорила молодая дѣвушка, очень красивая блондинка, облакачиваясь на плетень и съ неудовольствіемъ поглядывая на сгорбленную фигуру Огонькова.

Былъ часъ шестой вечера, но солнце еще шибко палило.

Дѣвушка расплела косу, и ея бѣлокурые волосы разсыпались

по спинѣ. Одѣта она была — для деревни — довольно щегольски, въ изящный малороссійскій костюмъ. Рубаха ея была расшита узорами — разноцвѣтными и очень затѣливыми. Рядомъ съ дѣвучкой, взобравшись на плетень и перевѣсившись черезъ него, стоялъ мальчуганъ лѣтъ 12 или 13, въ сѣрой холстинковой блузѣ и въ военно-гимназическомъ кэпи, сдвинутомъ на затылокъ. Онъ также смотрѣлъ на Огонькова, но безъ неудовольствія, а — напротивъ — даже съ большимъ интересомъ, о чемъ можно было заключить по краскорѣчиво разинутому рту.

— Женичка! Я сбѣгаю къ нему — скажу, чтобы онъ ушелъ? спросилъ мальчуганъ, не измѣняя позы.

— Не перевѣсивайся такъ... тебѣ говорить! Вѣдь шею сложишь... проговорила дѣвушка.

— Сбѣгать, а? продолжалъ мальчуганъ, не обращая никакого вниманія на сдѣланное ему предостереженіе.

— Погоди! Онъ, можетъ быть, самъ скоро уйдетъ...

— Нѣтъ! Онъ скоро не уйдетъ... Я сбѣгаю, Женичка, а? настаивалъ мальчуганъ, съ очевиднымъ желаніемъ воспользоваться случаемъ и вырваться изъ сада.

— Пожалуй... только... Пстой! Коля, Коля!..

Послѣднія слова были крикнуты въ полголоса уже тогда, какъ Коля, съ ловкостью перекувырнувшись черезъ низенькій плетень, прыгая и размахивая руками, несся по обрывистому берегу прямо къ рѣкѣ.

— У-у, сорванецъ! пробормотала дѣвушка ему въ слѣдъ.

Скоро послѣ того Огоньковъ услыхалъ за собой дѣтскій голосокъ: „Вы рыбу ловите?“ Онъ слегка вздрогнулъ и оглянулся. Въ ту-же минуту Коля сразбѣга перескочилъ узкую полосу воды, отдѣлявшую камень отъ берега, и прильнулъ рядомъ съ Огоньковымъ.

— А здѣсь — славно, отлично! Право! Какъ точно, на островѣ... заговорилъ мальчуганъ, осматриваясь по сторонамъ. — А вы какъ ловите: на мушку или на червяка?

— На червяка! смутившись отвѣтилъ Огоньковъ, вовсе не ожидавшій на себя такого бойкаго нашествія.

— А у меня нѣтъ удочки... да меня и на рѣку одного не пускаютъ! жалобнымъ тономъ продолжалъ Коля. — А вы сами сдѣлали эту удочку?.. Дайте, пожалуйста, мнѣ разъ закинуть... одинъ разикъ...

Огоньковъ, улыбаясь, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на его раскраснѣвшееся, шаловливое личико и подаль ему удочку.

— А рыба-то у васъ склевала всего червяка... Смотрите! проговорилъ Коля, поднося крючекъ почти къ самому его носу.— Смотрите! Вѣдь у васъ ничего нѣтъ... Да! А вы не замѣтили...

— Да, видно, склевала... согласился Огоньковъ и слегка покраснѣлъ отъ сознанія, что онъ вынужденъ лгать передъ ребенкомъ.— И червяковъ у меня больше нѣтъ...

— Мы ихъ живо накопаемъ... успокоилъ его мальчуганъ.— Я знаю—вотъ тутъ, на берегу, подъ доской—ихъ много... Ихъ тутъ—цѣлая куча...—Ахъ, я и забылъ... нѣсколько затуманившись и какъ-бы съ досадою вдругъ заговорилъ Коля.— Намъ вѣдь нужно уйти отсюда... Женичка хочетъ купаться! Она и то ужъ давно ждетъ: когда вы уйдете... Вотъ зайдемъ за тѣ кусты,— она не увидитъ насъ... А тамъ тоже отлично...

Огоньковъ весь вспыхнулъ. Онъ почувствовалъ себя какъ на иглокахъ... Онъ зашелъ въ чужія владѣнія и кому-то нѣшалъ, кого-то заставлялъ ждать. Это, по истинѣ, было—ужасно. Онъ проворно поднялся и соскочилъ съ камня на берегъ. Тамъ, высоко, въ саду, изъ-за зелени—онъ видѣлъ—мелькало что-то бѣлое. Онъ чувствовалъ себя страшно неловко, и когда онъ въ сопровожденіи Коли торопливо угодилъ за кусты—земля, казалось, горѣла подъ его ногами.

— Ну, вотъ здѣсь мы и сядемъ! въ полголоса промолвилъ Коля, указывая мѣстечко между кустами.— Здѣсь ничего не видно... да вѣдь мы не будемъ и смотрѣть на нее...

— Нѣтъ, ужъ я пойду... отговаривался Огоньковъ.— А если вы хотите, я оставлю вамъ удочку... У меня дома другая есть...

Мальчуганъ замаялся: вышло такъ, какъ будто онъ самъ напросился на подарокъ.

— А вы откуда? спросилъ Коля, съ восторгомъ любясь на свою удочку.

— Я—сынъ дьячка здѣшней церкви! отвѣтилъ Огоньковъ.

— Семинаристъ? допрашивалъ Коля.

— Да! Семинаристъ...

— А-а!.. Такъ—благодарствуйте... проговорилъ мальчуганъ.— А то оставались-бы... Вѣдь Женичка—ничего...

Но Огоньковъ все-таки ушелъ и, идя домой, жестоко ругалъ

себя. Какъ можно быть такимъ разсѣяннымъ и не обращать вниманіе на происходящее вокругъ него! Какъ можно до того замечаться, чтобы ничего не видать и не слышать... Это — непростительно, это — глупо...

Послѣдствія этого приключенія не заставили себя долго ждать... Черезъ нѣсколько дней послѣ того Огоньковъ ходилъ въ лѣсъ за ягодами. Возвращаясь изъ лѣсу, онъ увидалъ, что передъ ихъ покосившеюся хатой стояла отличная сѣрая лошадь, запряженная въ шарабанъ. Лошадь отъ нетерпѣнья была копытами землю и хотя была привязана къ колышку, но все-таки сторожъ, Иванъ Трофимычъ, стоялъ подлѣ нея и, съ видимымъ страхомъ, старался успокоить ее. Когда сторожъ сказалъ Огонькову, что къ нимъ пріѣхалъ управляющій изъ Нагорнаго, — нашъ малый совѣмъ растерялся. Онъ ходилъ въ лѣсъ, какъ водится, въ своемъ затрапезномъ одѣяньи, въ оборванныхъ штанахъ и босой. Явиться въ такомъ видѣ передъ управляющимъ было невозможно... На счастье, онъ въ сѣняхъ встрѣтилъ Олю и откомандировалъ ее — принести ему въ огородъ платье! „Зачѣмъ? Что такое?“ вертѣлось у него въ головѣ, пока онъ облачался въ свою лучшую пару. Дѣло скоро объяснилось...

Когда Огоньковъ пришелъ въ избу, мать его умильно улыбалась, а управляющій — живой, энергичный человекъ среднихъ лѣтъ и съ польскимъ типомъ лица — тотчасъ-же прямо приступилъ къ нему съ объясненіями. Шутливо и съ замѣтнымъ акцентомъ въ своей рѣчи, онъ рассказалъ ему, что требуется „утвердить барченка въ знаніи математики и русскаго языка“, что поэтому „Надежда Павловна послала его узнать“: не возьмется-ли онъ, Степанъ Огоньковъ, давать уроки изъ этихъ предметовъ, урока три-четыре въ недѣлю, что на это „ассигнуется рублей 15 въ мѣсяцъ“, что если онъ, Степанъ Огоньковъ, желаетъ, то можетъ на такихъ условіяхъ завтра-же придти и дать первый урокъ. Огоньковъ, разумѣется, тотчасъ-же изъявилъ свое согласіе...

— Нашъ молодецъ уже успѣлъ какъ-то познакомиться съ вами! замѣтилъ управляющій.

Огоньковъ вкратцѣ рассказалъ о своей встрѣчѣ съ нимъ на рѣкѣ.

— Вотъ, батенька, скажу вамъ — сорви голова... заключилъ управляющій. — Сущій enfant terrible...

Когда Огоньковъ вышелъ провожать управляющаго, тотъ доволь-

но фамильярно хлопнулъ его по плечу и, подмигивая и усмѣхаясь, зашѣтилъ ему въ подголоса:

— Только смотрите, батенька, не влюбитесь въ нашу барышню...

Огоньковъ смутился отъ такого неожиданнаго предостереженія, хотѣлъ тоже улыбнуться въ отвѣтъ, но, вмѣсто улыбки, вызвалъ на свое лицо какую-то жалкую, кислую гримасу. „Это опять, вѣроятно, Женичка“... подумалось ему. Это имя онъ почему-то хорошо запомнилъ...

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда жизнь Степана Огонькова уже готова была предаться очень монотонному теченію, вдругъ судьба выдвигаетъ ему на встрѣчу новыхъ, незнакомыхъ людей, вноситъ въ его жизнь разнообразіе и притомъ — въ видѣ находки — предоставляетъ ему 15 рублей въ мѣсяць, — цифра, о которой онъ едва лишь осмѣливался мечтать. Даже и старая дьячиха едѣлалась какъ будто новеселѣе...

На другой день послѣ завтрака Степанъ Огоньковъ одѣлся въ свое лучшее платье — въ потертый сюртукъ, тщательно почистилъ его, волосы смочилъ водою и, за неимѣніемъ помады, слегка на мазалъ ихъ масломъ и причесалъ ихъ такъ старательно, что на вискахъ и на темени они совсѣмъ прилипли къ кожѣ, точно кѣмъ-нибудь прилизанные. И въ такомъ-то щегольскомъ видѣ онъ отправился въ Нагорное. Когда онъ поравнялся съ дономъ о. Алексѣя, изъ окна выглянула Марья Аристарховна, а Сашенька оставалась за ней, въ тѣни.

— Что это вы такъ вырядились, Степанъ Петровичъ? Сегодня вѣдь не праздникъ... крикнула ему Марья Аристарховна.

— На урокъ иду, въ Нагорное! отвѣтилъ Огоньковъ, неловко раскланиваясь съ дѣвушками.

— А-а! Да, мы слышали... Теперь ужъ вы совсѣмъ отобьетесь отъ нашего Ремнева!

— Помилуйте! Зачѣмъ-же... оправдывался Огоньковъ, продолжая далѣе свой путь.

Нагорное отъ Ремнева находилось въ трехъ верстахъ. Дорога шла полями, проходила черезъ двѣ деревни и только въ одномъ мѣстѣ на протяженіи полуверсты шла небольшимъ перелѣскомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Елифановой пустоши... День на тотъ разъ выдался сѣренькій, идти было нежарко, но Огоньковъ все-таки подвигался очень тихо. Дѣло въ томъ, что ему было какъ-то не

по себѣ... Онъ не привыкъ сходитьса съ людьми и сближался вообще очень туго. А тутъ кромѣ того оказывались для безпокойства еще и другія причины... „Женичка!“... Какъ она встрѣтитъ его, какъ она на него посмотритъ, какъ она станетъ говорить съ нимъ? Вѣроятно, будетъ-же она говорить съ нимъ?.. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ барской усадьбѣ, тѣмъ пуше усиливались его опасенія и тревоги. Наконецъ, когда все Нагорное было уже на виду, ноги его вдругъ до того отяжелѣли, что онъ вынужденъ былъ присѣсть на краю дороги и отдохнуть. Онъ набилъ себѣ папиросу, закурилъ и, поглядывая на заоблачившее небо, принялся раздумывать о своемъ невеселомъ положеніи... „И откуда у него такая смѣлость взялась? Съ чего онъ ухватился за эти уроки!.. Мальчикъ, говорятъ, сорви-голова! И потомъ — Женичка... Бѣда!“ И какъ онъ ни разсматривалъ этотъ вопросъ, все выходила — „бѣда“. Собравшись съ силами, на сколько было возможно, Огоньковъ поднялся съ земли и съ отчаянною рѣшимостью человѣка, съ закрытыми глазами кидавшагося въ бездну, направился къ воротамъ барской усадьбы... Коля стоялъ на крыльцѣ и уже издали кричалъ ему:

— А я вчера четырехъ пискарей поймалъ!

Огоньковъ по этому поводу выразилъ сожалѣніе объ участи пискарей и, подойдя къ крыльцу, пожалъ руку Колѣ, — что, повидному, его нѣсколько удивило, но затѣмъ немедленно мальчуганъ бросился въ комнаты съ крикомъ: „Мамаша, мамаша! Учитель пришелъ!“ Огоньковъ той порой повѣсилъ свою фуражку въ передней на гвоздь, отшатнулся, страхнулъ съ сюртука какія-то пылинки и вступилъ въ залу. „Женичка... не тутъ-ли она?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ робко, но внимательно оглядѣлъ комнату. Нѣтъ, все — благополучно: въ залѣ никого не было. Но гдѣ-же, наконецъ, хозяева? Куда дѣвался этотъ пострѣленокъ? Чего они мучатъ Огонькова? Въ ту минуту, когда онъ приходилъ уже въ уныніе, не зная: какъ ему быть съ руками и со всей своей несчастной особой, — съ садовой террасы въ растворенную балконную дверь вбѣжалъ Коля, сильно запыхавшись, а за нимъ вплыла въ комнату и сама мамаша.

Надеждѣ Павловнѣ Гречуловой на видъ казалось лѣтъ около 45. Ея заурадная наружность не представляла собой ничего ни особенно замѣчательнаго, ни особенно привлекательнаго. Довольно тол-

стая блондинка, бѣлая, пухлая — она выглядѣла какимъ-то апатичнымъ созданьемъ. Походка, всѣ движенія и рѣчь ея обличали лѣниваго, раскишаго человѣка. Ея голубые, какъ бы выдвѣтшіе, глаза на все смотрѣли тускло и безучастно. Войдя въ залу, она тотчасъ-же въ изнеможеніи опустилась въ кресло, стоявшее передъ балконною дверью.

— Садитесь, пожалуста! заговорила она, указывая Огонькову на другое кресло — напротивъ себя. — Вы согласны заняться съ моимъ мальчикомъ... я очень рада! Нынѣ такъ строго... Вотъ особенно надо изъ математики... Онъ поступаетъ въ военную гимназію! Онъ, впрочемъ, ребенокъ бойкій, смысленный, такъ что вамъ... Ахъ, мухи! Просто, не возможно ничего... Хотите — въ его комнату, хотите — здѣсь... Лучше здѣсь... и я послушаю... Не стѣсняйтесь, садитесь, гдѣ вамъ удобнѣе... Ой, что это-мухи! Просто, наказанье съ ними... И изъ русскаго то-же... Вотъ вы увидите: онъ у меня очень способный... Ахъ, что это?!

Все это Надежда Павловна проговорила, тяжело дыша, отрывисто, събѣдая окончаніе фразъ, то отмахиваясь отъ мухъ, то глядя по головѣ Колю, тутъ-же стоявшаго у ея кресла. Мальчуганъ бойко поглядывалъ то на мать, то на „учителя“ и, видимо, чрезвычайно забавлялся всѣми этими предисловіями и вступленіями. Но этому пріятному для него времяпрепровожденію скоро былъ положенъ конецъ. Огоньковъ, какъ утопающій, хватающійся за соломенку, тотчасъ-же взялъ книгу и подселъ къ столу; мамаша сказала Колю „asseyez-vous“, и онъ также вынужденъ былъ последовать за Огоньковымъ. Учитель открылъ урокъ тѣмъ, что сразу-же погрузился въ грамматическій разборъ, но погрузить Колю въ этотъ-же разборъ оказался дѣломъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ предполагалъ учитель. Коля какъ-то часто отвлекался отъ книги и обращалъ свое вниманіе на то, что вовсе, повидимому, не касалось грамматическаго разбора, какъ-то: на лай дворовой собаки подъ окномъ, на перебранку двухъ бабъ, проходившихъ по двору, на какую-то маленькую птичку, порхавшую по балконнымъ периламъ и т. п. Огоньковъ не рѣшался сдѣлать ему замѣчаніе, но въ то-же время разсѣянность ученика смущала его. Напрасно онъ воображалъ, что за урокомъ онъ, такъ сказать, будетъ „царствовать“: не тутъ-то было. Только одно утѣшало его, что барыня сладко дремала подъ его грамматическій разборъ, лишь изрѣдка вприсон-

какъ приговаривая: „Ахъ, мухи, мухи!“ Очевидно, эта большая, толстая женщина окончательно изнемогала въ борьбѣ съ мухами и съ дѣтнимъ зноємъ... Но если дремлющая барыня не беспокоила Огонькова, зато его сильно тревожило опасенье: „А ну какъ явится *та?*“..

Но урокъ на этотъ разъ прошелъ безъ всякихъ „явленій“, и Степанъ Огоньковъ благополучно ретировался домой.

VI.

Прошла недѣля, даны были четыре урока; за каждымъ урокомъ Огоньковъ переживалъ не мало тягостныхъ тревоженій, не однажды мать съ сыномъ упоминали при немъ о Женичкѣ, но сама она ни разу еще не показывалась, и Огоньковъ попрежнему оставался въ лихорадочномъ ожиданіи: „А ну какъ явится?“.. Его собственно беспокоила возможность очутиться съ Женичкой одинъ-на-одинъ и необходимость въ такомъ случаѣ вести съ ней разговоръ. „О чемъ я буду съ ней разговаривать... О, Господи Боже!“ мысленно восклицалъ онъ каждый разъ, идя на урокъ. Съ Надеждой Павловной онъ еще могъ говорить о полевныхъ работахъ, о Колѣ, объ экзаменахъ, — о мухахъ, наконецъ... Мало-ли о чемъ! Да къ тому-же Надежда Павловна такъ часто дремала въ своихъ покойныхъ креслахъ, что вовсе не нуждалась ни въ какихъ разговорахъ. А Женичка — другое дѣло... Эту и сонъ, поди, не возьметъ... И опять-же о мухахъ, да объ экзаменахъ распространяться не станешь съ ней... Его прошлое не научило его „обращаться“ съ барышнями.

Но „пока Богъ милуеалъ“, какъ думалъ про себя Огоньковъ.

Однажды дорогой въ Нагорное его засталъ сильный дождь, и онъ переждалъ его на деревнѣ, зайдя въ избу къ знакомому мужику. Съ часъ оставался онъ въ избѣ и поэтому на урокъ немного опоздалъ, но все-таки пошелъ въ усадьбу... Въ передней его встрѣтила горничная и — вопреки обыкновенію — попросила его въ столовую. Тамъ за большимъ, круглымъ столомъ, передъ шипящимъ самоваромъ сидѣла молодая дѣвушка въ малороссійскомъ костюмѣ и заливала чай. „Ну, вотъ! Дождались!“ съ отчаяніемъ подумалъ Степанъ Огоньковъ, увидѣвъ передъ собой такую кар-

тину. Улизнуть, разумеется, уже не было возможности. Онъ поклонился неуклюжѣ обыкновеннаго и слегка покраснѣлъ.

— Садитесь, пожалуйста! проговорила дѣвушка, указывая ему на стулъ рядомъ съ собой.—Мамаша занята вареньемъ, а ученикъ вашъ уѣхалъ верхомъ съ кучеромъ... Онъ долженъ скоро возвратиться. А вамъ пока не угодно-ли чай?

Все это было сказано пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, но Огоньковъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя очень скверно.

— Благодарю васъ! Я... началъ онъ невнятно, а кончилъ уже, положительно, какимъ-то бормотаньемъ. Онъ отодвинулъ немного стулъ отъ указаннаго ему мѣста (подалѣе отъ барышни) и сѣлъ. Нерѣшительно и робко, изъ-подлобья посмотрѣлъ онъ на свою собесѣдницу и не удержался таки—вздохнулъ. „Вотъ она... Женичка-то! Ну, вотъ, что теперь запоешь!“ невесело раздумывалъ Огоньковъ, понуривъ голову и машинально слѣдя за тѣмъ: какъ барышня наливала ему чай... Въ описываемое время Женичка вовсе не напоминала собой Надежды Павловны, хотя лѣтъ черезъ 25, можетъ быть, и могла-бы сдѣлаться похожею на мать. Какъ уже сказано, она была красивая дѣвушка—высокая, стройная, съ блестящей волной бѣлокурыхъ волосъ; лицо у нея было овальное, носъ съ легкимъ горбикомъ, глаза каріе, бойкіе—съ длинными, темными рѣсницами, и темныя, правильно-очерченныя брови; ея лицо, шея, руки были бѣлизны матовой, а на щекахъ, какъ отсвѣтъ гаснущей зари, игралъ легкій румянецъ—признакъ лѣтняго загара. Въ общемъ—дѣвушка была очень симпатична,—съ этимъ соглашался и Степанъ Огоньковъ, посматривавшій на нее украдкой. Но это обстоятельство нимало не облегчало, если еще только не отягчало—его положенія...

Получивъ отъ барышни стаканъ чаю, Огоньковъ тотчасъ-же, хотя и порядочно обжигаясь, принялся за него. Молодая хозяйка, по разсѣянности, позабыла положить сахару въ стаканъ, сахарницы на столѣ близко не случилось, и Огоньковъ изъ двухъ золъ выбралъ меньшее, то есть, молча, продолжалъ пить чай безъ сахару.

— Сладко-ли у васъ?... я не спросила... обратилась къ нему барышня.

— Ничего! Благодарю васъ... пробормоталъ онъ.

— Ахъ, что-же это... я, вѣжета, не положила вамъ сахару...

Вотъ—онъ! и она подала ему сахарницу. Да что-же это вы одинъ кусокъ... Берите, пожалуйста! угощала барышня.

Огоньковъ съ энергіей отчаянія ухватилъ три куска и бухнулъ ихъ въ стаканъ. „Ахъ, чтобъ тебя!“... мелькало у него въ головѣ. Не то отъ горячаго чая, не то отъ болѣе еще горячаго волненія, лицо несчастнаго Огонькова, рѣшительно, начинало пламенѣть. Молча, выпилъ онъ одинъ стаканъ и, молча, принялся за другой. Барышня также молчала... Огонькову было очень тяжело.

Для посторонняго зрителя вся эта сцена могла показаться крайне смѣшной; но не до смѣху было Степану Огонькову. Но что-жъ дѣлать? Чѣмъ-же онъ былъ виноватъ, если онъ могъ разговаривать съ товарищами, съ отцомъ Алексѣемъ, съ дьякономъ, съ крестьянами и вовсе не умѣлъ бесѣдовать съ людьми изъ другого—свѣтскаго міра? А теперь онъ очутился именно въ присутствіи чловѣка изъ другого міра, да къ тому-же еще въ присутствіи молодой особы женскаго пола. Онъ чувствовалъ себя глупымъ, какъ точно связаннымъ, пришибеннымъ—однимъ словомъ, чувствовалъ себя несчастнымъ чловѣкомъ... Итакъ, Огоньковъ молчалъ, — и барышня молчала. Прошло съ четверть часа. Огоньковъ продолжалъ прихлебывать чай и потихоньку вздыхалъ про себя.

— Что-жъ это мы молчимъ! Что-жъ вы не говорите со мной? вдругъ обратилась къ нему барышня.

Огоньковъ покраснѣлъ, какъ ракъ, кашлянулъ и слегка задвигался на стулѣ. Въ ту минуту совершенно искренно онъ желалъ бы быть гдѣ-нибудь въ деревнѣ, у себя въ Ремневѣ, въ лѣсу—чортъ знаетъ гдѣ, только-бы не сидѣть здѣсь, въ столовой, передъ чайнымъ столомъ и не разыгрывать изъ себя „дурака на именинахъ“... А барышнѣ, очевидно, пришла въ голову злая мысль помучить робкаго юношу. Она не унималась...

— Ну, что-жъ! Со мной такъ-таки и не о чемъ говорить? приступала она, слегка хмуря брови.

— Да что-же... откашливаясь, началъ Огоньковъ и замолчалъ.

Онъ хотѣлъ было сказать ей: „О чемъ-же, въ самомъ дѣлѣ, я стану говорить съ вами“... но во время спохватился, подумавъ, что подобнымъ отвѣтомъ онъ могъ обидѣть барышню. А за что-жъ ее обижать? Онъ не желалъ обижать никого... И безъ того—не прогнѣвалась-ли она на него за его молчаніе? Онъ старался преодолѣть свое смущеніе и взглянуть на барышню. Въ то-же время

на губахъ его блуждала добрая, робкая улыбка: то какъ-будто онъ смѣялся надъ самимъ собой, то словно въ чемъ-то извинялся и молилъ о пощадѣ. Наконецъ, онъ взглянулъ барышнѣ въ лицо и увидалъ на лицѣ ея также улыбку. Женичка пристально и не безъ удовольствія смотрѣла на него... Чудное дѣло! Огоньковъ былъ некрасивъ и неуклюжъ, какъ медвѣжонокъ, но теперь раскрасившійся и смущенный, робко, съ усиленъ посматривавшій на дѣвушку своими добрыми, ласковыми глазами, поминутно затѣившимися дрожащими рѣсницами, — онъ выглядѣлъ очень симпатичнымъ. Даже легкомысленное сердечко барышни почувствовало состраданіе къ этому неповоротливому, растерявшемуся юношѣ.

— Вотъ... я опоздалъ на урокъ... по случаю дождя... проговорилъ онъ для начала, взглядывая на барышню вскользь.

— Ну, хорошо!.. Нѣтъ, вы лучше расскажите мнѣ что-нибудь о себѣ... промолвила та, подвинувшись къ Огонькову, и, опершись на руки головой, съ покровительственнымъ, благосклоннымъ видомъ посмотрѣла на него, какъ бы вызывая его на довѣріе и интимность.

Огоньковъ былъ глубоко благодаренъ ей, но все-таки не могъ стряхнуть съ себя разомъ всего смущенія. Онъ началъ говорить — сбивчиво, нескладно, съ ужасающей силой вертя между пальцами пуговицу своего сюртука и погружаясь, повидимому, въ созерцаніе самовара, на блестящей поверхности котораго въ расплывшемся, безобразномъ видѣ отражалось его лицо, какъ лицо нѣкоего Казимодо. Онъ говорилъ о семинарской жизни, объ ученіи, о товариществѣ и мелькомъ упоминалъ о томъ, что нѣкоторыя обстоятельства заставили его выйти изъ семинаріи до окончанія курса. Тутъ собесѣдница перебила его...

— Какія „обстоятельства?“ Политика? спросила она. — Нынѣ вѣдь молодежь все политикой занимается...

Огоньковъ опять взволновался до глубины души. Онъ не любилъ лгать и избѣгалъ даже такой лжи, которая при случаѣ могла-бы послужить ему во спасеніе. Лгать-же теперь ему казалось, просто, гнусною неблагодарностью по отношенію къ Женичкѣ. Пускай — и не сочувствуетъ она ему искренно, отъ всего сердца, но все-же она выводила его изъ тягостнаго положенія, была къ нему добра, ласкова. А съ другой стороны опять какимъ образомъ въ двухъ-трехъ словахъ передать ей ясно длинную исторію всѣхъ тѣхъ „обстоятельствъ“, по которымъ изгнали его изъ семинаріи!

— Нѣтъ... Какая же политика! промолвилъ онъ съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, что дѣвушка разомъ-же повѣрила ему, какъ повѣрилъ-бы и всякій другой на ея мѣстѣ, кромѣ развѣ ужъ очень „проницательнаго“ человѣка.

Но въ эту минуту Коля, ворвавшійся въ комнату, подобно бурѣ, прекратилъ всякую возможность вести какіе-бы то ни было разговоры. Коля былъ въ восторгѣ отъ Воронка, онъ завтра опять непременно поѣдетъ кататься, „непрѣменно“... Разкраснѣвшійся, весь въ поту, съ растрепанными волосами, съ высоко засучившимися штанишками, изъ-подъ которыхъ бѣлѣли голыя икры, онъ закружился, какъ кубарь, помахивая хлыстикомъ и наполняя комнату шумомъ и свистомъ. Теперь онъ „никакъ не можетъ заниматься“, теперь онъ „ужасно хочетъ ѣсть и пить“, пусть Жѣничка нальетъ ему чаю— „и какъ можно больше сливокъ“...

— Да не кричи-же такъ... Господи! замѣтила ему сестра.— Садись и пей!

Коля бросился въ „свое“ старинное кресло съ высокой, вычурной спинкой и началъ безъ разбору уплетать все, что было на столѣ съѣстного: хлѣбъ, масло, пирожки, американское печенье...

— А вы, Степанъ Петровичъ, видно, съ сестрицей любезничали! Ха! Вотъ я ужъ скажу про васъ мамашѣ... Я... скажу... бормоталъ Коля, набивая себѣ за обѣ щеки самую разнообразную пищу и не обращая ровно ни на кого вниманія.

Огоньковъ почти съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на этого маленькаго, жестокаго человѣка, но тотъ даже и не выдалъ его: болтая руками и ногами, словно-бы онѣ были пропитаны ртутью, Коля такъ низко наклонился надъ „своимъ“ громаднымъ стаканомъ, что кончикъ носа его едва не купался въ чаю.

— Ахъ, какой несносный болтушка! промолвила Жѣничка, съ веселымъ хохотомъ посмотрѣвъ на брата.— А вы его сегодня за урокомъ хорошенько за это... добавила она, обращаясь къ Огонькову.

Но тотъ уже покорно сложилъ руки на колѣняхъ и упорно, съ нѣмымъ укоромъ смотрѣлъ въ потолокъ...

По окончаніи урока онъ не видѣлъ барышни, такъ и домой ушелъ, уже не выдавъ ее болѣе.

На слѣдующій разъ, когда Степанъ Огоньковъ по окончаніи урока собирался идти домой и уже брался за фуражку, въ комнату явилась „сестрица“ и предложила ему пройтись съ ней по саду.

Предложеніе было сдѣлано такимъ любезнымъ и пріятнымъ тономъ, такъ просто и мило, что отказаться отъ него не представлялось никакихъ достаточныхъ резоновъ... Когда они уже шли въ тѣни аллеи и вѣтерокъ ихъ обдавалъ сладкимъ запахомъ цвѣтущихъ липъ и бузины, барышня завязала разговоръ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ порвался въ прошлый разъ за чайнымъ столомъ при нашествіи Коли, то-есть она спросила у Огонькова о тѣхъ „обстоятельствахъ“, которыя заставили его покинуть семинарію до окончанія курса. Огоньковъ, слегка тревожась, но уже безъ прежняго ужаса, приступилъ къ изложенію „обстоятельствъ“ и рассказъ: какъ было дѣло. Сначала въ разговорѣ съ нею онъ тянулъ свою рѣчь, запинался и мямлилъ, но когда онъ замѣтилъ, что барышня интересуется „обстоятельствами“, принимаетъ въ немъ участіе, сочувствуетъ ему, тогда Огоньковъ оправился и сталъ лучше распорядиться даромъ слова... Затѣмъ, барышня освѣдомилась о будущихъ его планахъ. На первый разъ онъ ограничился по этому поводу лишь общими соображеніями... Тогда Женичка завела его въ кусты малинника и предложила ему полакомиться ягодами. И, дѣйствительно, очень аппетитно выглядѣли почти изъ-подъ каждаго зеленого листочка спѣлыя, темно-малиновые ягоды, освѣщенные яркимъ солнцемъ. Въ трехъ шагахъ отъ того мѣста въ кусту орѣшника щебетала какая-то птичка. Пахло цвѣтами. Вокругъ вставали деревья все выше и выше — зеленныя, развѣсистыя, а между вершинами ихъ сквозило синее, сіяющее небо. И въ этомъ зеленомъ, тихомъ уголкѣ было хорошо, очень хорошо... Какія-то теплыя и пахучія испаренія поднимались отъ земли, и весь садъ—цвѣтущій, благоухающій—на тотъ разъ, какъ-бы, превратился въ одну громадную теплицу, насыщенную сотнею одуряющихъ запаховъ.

— Что же вы не кушаете? Кушайте, пожалуйста... Смотрите сколько ихъ!.. сказала дѣвушка, замѣтивъ, что молодой человекъ лѣниво срываетъ ягоду за ягодой.

— Очень вамъ благодаренъ! Я ужъ наѣлся... проговорилъ тотъ, думая про себя, что „не хорошо—наѣдаться въ чужихъ людяхъ—чортъ знаетъ какъ“, и въ то-же время предпочитая лучше заняться болѣе внимательнымъ обзоромъ своей новой знакомой.

Теперь онъ, въ свою очередь, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ

случаемъ, когда барышня не смотрѣла на него. Теперь его не смущалъ взглядъ ея карихъ бойкихъ глазъ... Она стояла къ нему бокомъ, и онъ съ полнымъ удобствомъ могъ разсматривать въ профиль ея лицо—лицо съ очень легкимъ изящнымъ контуромъ. Ея лицо, подернутое розовымъ румянцемъ, ея тонкій, горбаченькій носъ и ея густые, бѣлокурые волосы, поднимавшіеся надъ лбомъ—теперь отчетливо обрисовывались на фонѣ зеленыхъ листьевъ. То, поднявшись на цыпочки, она высоко тянулась за свѣтлой ягодой, почему-то особенно приглянувшейся ей, то низко наклонялась и запускала руку въ самую чашу куста. И при этихъ движеніяхъ—совершенно естественныхъ и свободныхъ—ея гибкая и стройная, прекрасная фигура являлась передъ Огоньковымъ во всей своей прелести, дыша всеми чарами, всеми обаяніемъ молодости—здоровьемъ и силой. Въ первый разъ еще Степанъ Огоньковъ рѣшился поднять на нее глаза и разсматривать ея особу такъ внимательно и пристально. За то-же онъ теперь и не могъ оторвать отъ нея глазъ, чувствуя себя какъ бы въ столбнягѣ... Вдругъ дѣвушка быстро обернулась и увидала, что Огоньковъ смотритъ на нее съ какимъ-то необыкновенно довольнымъ, сіяющимъ видомъ, съ какимъ, вѣроятно, художникъ, оставаясь наединѣ, въ минуты восторженной мечтательности останавливается передъ своимъ собственнымъ произведеніемъ и погружается въ благоговѣнное созерцаніе, забывая и кисти свои, и палитру, и весь міръ.

— Что вы смотрите такъ?.. съ улыбкой промолвила она, невольно затѣняя отъ солнца глаза своими длинными шелковистыми рѣсницами.

— Да такъ... ничего... пробормоталъ онъ, и покрасѣлъ и смутился, какъ воръ, застигнутый врасплохъ на мѣстѣ преступленія, между тѣмъ, какъ въ головѣ его мелькало: „Что теперь подумаетъ она обо мнѣ?“

Но дѣвушка нисколько не смутилась, какъ-будто такъ и слѣдовало быть, чтобы всѣ окружающіе любовались на нее, какъ на какую-нибудь классическую статую или на картину. Оно такъ и было, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Огоньковъ именно такъ и смотрѣлъ на нее, безъ всякихъ животныхъ побужденій, какъ смотрятъ на прекрасную картину или на статую, „однимъ цѣ-

ломудріемъ прикрыту?».. Простая, безхитростная душа, онъ иначе и не могъ посмотрѣть на эту дѣвушку.

Приглашеніе поѣсть малины съ одного куста съ барышней послужило для Степана Огонькова заключительной главой его перваго знакомства съ женщиной изъ „другого міра“.

Но не кустамъ малины суждено было сблизить ихъ.

У женщинъ, какъ извѣстно, есть способность незамѣтно вкрадываться въ довѣріе, ставить съ собой мужчину на короткую, дружескую ногу и заставлять его воображать, что онъ уже не со вчерашняго дня, но очень давно знакомы между собой. Это — способность сглаживать, уравнивать путь для сближенія; это — своего рода чутье для отысканія того фокуса, въ которомъ сосредоточиваются самые живые интересы даннаго субъекта. Безъ грубостей и цинизма производится эта операція; невидимая, едва осязаемая паутина раскидывается легкою, искусною рукой... Мужчины въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишены этой способности; для нихъ, какъ для представителей сильнаго пола, не представляется необходимости твять какую-бы то ни было паутину, когда у нихъ и безъ того полны руки всякихъ веревочекъ. Вотъ поэтому-то женщины въ житейскихъ дѣлахъ и выигрываютъ чаще свою партію, между тѣмъ, какъ представители сильнаго пола часто сидятъ, какъ дурачки, со своими веревками, не зная что съ ними дѣлать...

Этого такта не лишена была и Женичка.

Въ итогѣ вышло то, что черезъ недѣлю послѣ первой неловкой встрѣчи за чайнымъ столомъ, Огоньковъ по окончаніи урока не бѣжалъ домой сломя голову, но заходилъ въ столовую или въ садъ, гдѣ ожидалъ найти барышню. И онъ находилъ ее и велъ съ нею долгіе-долгіе разговоры. Онъ уже не боялся ея, но, напротивъ, находилъ неизъяснимое удовольствіе бывать вмѣстѣ съ нею и бесѣдовать съ нею въ тиши...

Но пусть читатель не ожидаетъ здѣсь романа „по всѣмъ правиламъ искусства“...

Въ дѣтствѣ Степанъ Огоньковъ не видалъ отъ матери нѣжныхъ ласкъ. Уже и въ то время — въ лучшее время своей жизни — она была женщиной сухой, эгоистической, съ такимъ подозрѣніемъ смотрѣвшей на весь Божій міръ, какъ будто всѣ только и наровили вырвать у нея кусокъ изо рта. Также и отно-

шенія ея къ дѣтямъ никогда не были согрѣты теплымъ чувствомъ... Только отецъ иногда, подвыпивши, ласкалъ по своему Степу, гладилъ его по головѣ, заставляя его вмѣстѣ съ собой тянуть всякіе церковные канты, бралъ съ собой на славенье, водилъ на колокольню и проч.. Сестра была гораздо старше его, и взаимныя отношенія ихъ были также самыя заурядныя. И въ школѣ Степанъ Огоньковъ не былъ избалованъ дружескимъ привѣтомъ... Не испыталъ онъ въ жизни и никакихъ особенныхъ жестокостей и гоненій. Сѣрою, безцвѣтною лентой развивалось за нимъ его прошлое, безъ черныхъ пятенъ и безъ яркихъ красокъ. Не представлялось ничего такого, на чемъ-бы онъ могъ развивать силу воли и упорство. Онъ шелъ, какъ въ туманѣ, лишь прислушиваясь къ глухому шороху своихъ собственныхъ шаговъ. А съ туманомъ бороться невозможно... Можно, конечно, махать руками по воздуху, но отъ такой борьбы не окрѣпнуть силы... Мягкимъ и добрымъ, безхитростнымъ человѣкомъ выросталъ Степанъ Огоньковъ. Онъ былъ такъ добръ, такъ всецѣло позабывалъ себя ради интересовъ ближняго; до того онъ былъ неспособенъ къ какой-бы то ни было жестокости, что, повидимому, вовсе не годился для той ожесточенной битвы жизни, которая кипѣла кругомъ него. Его добрыя чувства—любви и самоотверженія, не находили для себя полнаго исхода и, какъ горячій матеріалъ, накоплялись въ немъ все болѣе и болѣе до поры, до времени... На видъ онъ былъ неказистъ, невзраченъ, неуклюжъ. Въ дѣтствѣ онъ говорилъ тихо, робко и не складно... Насмѣшки товарищей смущали его еще пуще и онъ дѣлался еще молчаливѣе. Но говорить, повѣрять свои думы и чувства ему все-таки хотѣлось... Онъ началъ вести нѣчто въ родѣ дневника, и сдѣлался существомъ очень замкнутымъ. Онъ началъ рыться въ самомъ себѣ, какъ кротъ въ норѣ, сталъ дѣлаться маленькимъ философомъ...

Года за два до начала этого разсказа, съ Огоньковымъ произошли неожиданныя и большія перемѣны. Онъ услышалъ новыя рѣчи, и нѣкоторыя изъ нихъ глубоко запади въ его впечатлительную, отзывчивую душу... Говорили про то, что не слѣдуетъ „носиться со своей драгоценной особой“, что не должно смотрѣть на нее, какъ на средоточіе вселенной, что бездѣлничать человѣкъ не въ правѣ, когда въ мірѣ такъ много работы и т. д..

въ томъ-же родѣ. Огоньковъ краснѣлъ, слушая такія рѣчи. Го ворившіе, словно, иѣтили прямо въ него. Ему было ужасно стыдно, совѣстно за самого себя. „Это вѣрно!“ повторялъ онъ себѣ. „Они правду говорятъ... Такъ жить подло!“.. И онъ сталъ стараться побороть свою застѣнчивость, выйти изъ своей замкнутости. Это стоило ему большихъ усилій, но онъ добивался своего мало-по-малу. Онъ готовъ былъ хоть сейчасъ-же идти на доброе обще- ственное дѣло. Онъ охотно сдѣлается чернорабочимъ, если нужно, и если понадобится, займетъ такое мѣсто, на которомъ не будетъ ни радостей, ни спокойствія, ни житейскихъ удобствъ... Такой переворотъ былъ совершенно естествененъ въ Огоньковѣ. Горючій матеріалъ, накопившійся въ его доброй, любящей душѣ, находилъ для себя исходъ. Вотъ и все!..

Потому-то онъ и не особенно грустилъ, когда ему предложи- ли убраться изъ семинаріи, куда глаза глядятъ. Его глаза гля- дѣли по направленію къ Петербургу...

Огоньковъ, какъ уже сказано, не былъ избалованъ жизнью, не много видѣлъ ласкъ и сочувствія къ себѣ. Онъ дорожилъ каждымъ добрымъ взглядомъ, каждымъ добрымъ словомъ, обра- щеннымъ къ нему. Человѣкъ, сравнительно, „весело, хорошо жи- вущій“ даже не пойметъ Огонькова, также точно, какъ мать и н расточитель никогда не поймутъ и не перечувствуютъ того сер- дечнаго замиранья, съ какимъ жадный скрага въ сотый разъ деньгу за деньгой пересчитываетъ свое мертвое сокровище... За каждую малѣйшую ласку Степанъ Огоньковъ былъ глубоко благо- даренъ людямъ, какъ за незаслуженный подарокъ... Барышня вы- разила къ нему живое участіе, сочувствовала ему, и онъ готовъ былъ благоговѣть передъ ней. Это не было раболѣпство низшаго передъ высшимъ, передъ человѣкомъ изъ „другого міра!“ Нѣтъ! Огоньковъ не зналъ раболѣпства, также точно, какъ не зналъ ки- чливости и высокомерія передъ низшими. Ему было все равно— откуда-бы ни пригрѣлъ его солнечный лучъ, изъ крестьянской избы или изъ барскихъ палатъ. Онъ былъ равно радъ и благо- даренъ солнечному лучу и нѣжился въ его теплѣ, не размышляя о томъ, откуда, съ какой стороны упалъ на него этотъ лучъ...

А Женичка... Она завязала знакомство съ Огоньковымъ сначала, просто, отъ нечего дѣлать, со скуки, но потомъ заинтересо- валась имъ. Барышня была не глупа и скоро увидала, что не-

редъ ему не одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ людей, каковыхъ цѣлыя толпы проходили передъ нею до того времени. Если она не знавала ясно, то, по крайней мѣрѣ, догадывалась, что въ Огоньковѣ, подъ его неказистой, неуклюжей внѣшностью, скрывалось много душевной силы, много искренности и чистоты... все такія качества, которыя не каждый день встрѣчаются и въ старыхъ, и въ молодыхъ людяхъ... Иногда, слушая его рассказы о школьномъ жити, о товарищахъ, смотря на его открытое лицо, въ его добрыя, голубые глаза, дѣвушка думала про себя: „Хорошій онъ человѣкъ! Золотое у него сердце!“... И барышня не ошибалась. Дѣйствительно, у Степана Огонькова сердце было золотое. Всякій, сойдясь съ нимъ, подумаль-бы то-же. Но Огоньковъ сходилъся туго съ людьми, какъ вообще человѣкъ сосредоточенный, застѣнчивый и робкій. И съ барышней онъ сблизился не вдругъ, но сблизился скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Тутъ были двѣ причины... Простое, безцеремонное и ласковое обращеніе Женички помогало сближенію. А затѣмъ и самъ юноша уже давно изнывалъ въ одиночествѣ; ему нуженъ былъ человѣкъ, который понималъ-бы его, нуженъ былъ другъ.

Женичка отнеслась къ нему, какъ сестра къ младшему брату, какъ сильный къ слабому, и эта для нея совершенно новая роль очень занимала ее. И въ отношеніяхъ барышни къ этому застѣнчивому, неуклюжему и некрасивому человѣку было нѣчто очень трогательное, *нѣчто* лучшее, нежели, такъ-называемая, „романическая любовь“. Женичка называла иногда Огонькова „медвѣженкомъ“, „неповоротливымъ“, „разбѣяннымъ молодымъ человѣкомъ“, и Огонькову было очень пріятно, потому что всѣ эти прозвища давались ему голосомъ ласковымъ и тономъ полнѣйшаго с денія.

— Медвѣженокъ! повторялъ онъ потомъ съ добродушной улыбкой.—Такъ, такъ! Медвѣженокъ и есть...

II. Засохшій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СМЕРТЬ.

Отъ любви, сулившей воскресенье
Юныхъ чувствъ, уснувшихъ такъ давно,
Мнѣ осталось горе лишь одно,
Да разбитой жизни сожалѣнье.
Вдругъ меня, подернуть черной мглой,
Миръ простерть, какъ мрачная могила;
Смерть уже, съ своей улыбкой злой,
Взглядъ упорный на меня вперила...
Я ей радъ, охотно ей отдамъ
Жалкій трупъ, изъѣденный недугомъ;
Пусть его съ землей смѣшаетъ пахарь плугомъ, —
Духъ-же мой я возвращу богамъ:
Богу зла отдамъ я преступленья; —
Пылкихъ чувствъ несдержанный порывъ
Ихъ родилъ, въ минуты изступленья,
Тайной злобѣ злобой заплативъ...
Богу-же добра и благодати
Сердце возвращу я, полное любви
Къ всѣмъ скорбящимъ, къ бѣдной низшей братьи...
Боже, смерть мою благослови!

Е. Поллогина.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВЪ ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

I.

Минувшій годъ, во многомъ тяжелый для интеллигенціи, ознаменовался, между прочимъ, литературнымъ походомъ противъ нея, который и создалъ цѣлый «вопросъ», неразрѣшенный даже по настоящую минуту. Читатели помнятъ, конечно, сколько обвиненій сыпалось со всѣхъ сторонъ на злосчастную интеллигенцію, какъ одни уговаривали ее исправиться, другіе, болѣе рѣшительные, прямо приговаривали къ упраздненію. Давно уже не стояло въ литературѣ такого чаду и туману, какъ въ этотъ шалый годъ, и нужно сознаться, что если читатель чувствовалъ свинцовую тяжесть въ головѣ, пробѣгая филиппики реакціонеровъ, то не могъ особенно освѣжиться и въ атмосферѣ либеральной публицистики.

Представители реакціонной печати, въ своихъ нападкахъ на интеллигенцію, не считали нужнымъ перемониться съ истиной. Это, разумѣется, не похвально, но зато эти господа дѣйствовали по крайней-мѣрѣ ловко. Можетъ быть изъ нихъ поступали не по хитрому расчету, а по дѣйствительной неспособности что-нибудь понимать, но какъ-бы то ни было—они всей компаніей поставили вопросъ объ интеллигенціи на единственную почву, позволяющую кричать «распи его» и выставлять себя въ то-же время защитниками народныхъ интересовъ. *Придать интеллигенціи сословный характеръ*—вотъ единственное средство совершить подобный фокусъ, и реакціонеры имъ воспользовались. Приемъ безспорно ловкій, дѣлающій даже честь его

изобрѣтателямъ, если оставить въ сторонѣ соображенія о добросовѣстности и т. п. Но что касается противоположнаго лагеря, то въ немъ этой ловкости проявилось несравненно меньше, и литературные представители интеллигентной мысли допустили запутать вопросъ до такой степени, что если-бы мнѣнія читающей публики опредѣлялись только литературой, то дѣло интеллигенціи могло-бы очень сильно пострадать.

Для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ справедливость этого упрека, нужно вспомнить исторію «интеллигентнаго вопроса». Всѣмъ извѣстно, что мы, вступая въ какіе-бы то ни было дебаты, принуждены вести ихъ съ нѣкоторой оглядкой, въ родѣ того, напр., что не можемъ называть предметы ихъ собственными именами, и употребляемъ разные двусмысленные термины. Слово «интеллигенція», подобно многимъ другимъ словамъ нашего жаргона, само по себѣ ничего точнаго также не выражаетъ, и смыслъ его постоянно зависитъ отъ того, кто и по какому поводу его произноситъ. Публика это знаетъ и, слѣдя за литературной полемикой, понимаетъ, разумѣется, слова, сообразно съ обстоятельствами дѣла. Стало-быть, для публициста тѣмъ паче не слѣдовало упускать ихъ изъ виду, такъ-какъ въ противномъ случаѣ публика могла окончательно сбиться съ толку въ этомъ смѣшеніи языковъ. Каковы-же обстоятельства, при которыхъ возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи интеллигенціи? Вопросъ поднятъ реакціей. Интеллигенція объявляется элементомъ вреднымъ. Нетрудно, кажется, понять даже изъ этого, о комъ именно шла рѣчь. Затѣмъ начались еще болѣе вразумительныя разсужденія о «народѣ», о противоположности интересовъ этого «народа» и этой интеллигенціи, о «народной» политикѣ, при которой для «народа» дѣлается все, а «интеллигенція» по мѣрѣ возможности упраздняется. Каковъ истинный смыслъ этихъ таинственныхъ словъ—понять нетрудно. Принадлежать-ли, напр., къ этой зловредной «интеллигенціи» гг. Аксаковы, Катковы, Суворины, Марковы? Нѣтъ, конечно. Они вовсе не объявлялись зловредными, а, напротивъ, спасали общество. Г. Катковъ самъ издаетъ журналъ и газету, создалъ собственный лицей—вообще человекъ образованный и распространяющій извѣстное образованіе—но къ зловредной «интеллигенціи» не сопричислялся. То-же можно сказать и о другихъ. Евг. Марковъ, во время недавнихъ трудовъ своихъ по дѣлу литературнаго сыска, очень откровенно заявилъ, что «они» (т. е. онъ и К^о) ничего не имѣютъ противъ образованія здраваго, а приходятъ въ ужасъ только передъ той формой образованности, которая сложилась въ Россіи. Ясно, стало

быть, что интеллигенція, подлежащая упраздненію, не есть вообще «образованный слой», а только нѣкоторая его часть. Точно также и «народъ» не есть просто мужикъ, рабочій и т. д. Это г. Аксаковъ объяснял неоднократно. Далекое не всякій мужикъ найдетъ мѣсто въ этомъ «народѣ», но зато гг. Е. Марковъ и Д. Самаринъ къ нему соприсчисляются. Все это такія обстоятельства, которыя обязательно имѣть въ виду и на виду, для того, чтобы публика знала, кого именно предполагается упразднить, кому предполагается давать «все». Тогда публика не могла-бы увлекаться прелестями «народной» политики и т. п. и не могла-бы, по ошибкѣ, давать свою санкцію вовсе не симпатичнымъ ей идеямъ. Итакъ, въ интересахъ либеральной прессы никакъ не слѣдовало употреблять тѣхъ-же двусмысленныхъ словъ, не опредѣливши съ точностью ихъ значенія. Для реакціи, напротивъ, было очень выгодно затуманить терминологию. Дѣло въ томъ, что «интеллигенція», т. е. не вообще «образованный слой», а именно та интеллигенція, которая такъ ненавистна реакціонерамъ, давно заслужила себѣ очень прочную репутацію демократовъ, сторонниковъ народныхъ интересовъ. Поэтому—единственное средство дискредитировать *эту* интеллигенцію въ глазахъ сотенъ тысячъ людей, заключается въ томъ, чтобы смѣшать ее воедино съ неопредѣленнымъ «вообще образованнымъ» классомъ, который, именно по его неопредѣленности, можно обвинить въ чемъ угодно съ нѣкоторой степенью правдоподобности. Вызывая такимъ образомъ проявленіе народныхъ чувствъ противъ «образованныхъ», въ надеждѣ, что такимъ манеромъ зацѣпишь и «интеллигенцію», реакціонеры, сами принадлежащіе къ «образованнымъ», очень хорошо понимали, что ничѣмъ не рискуютъ. Г. Суворинъ очень весело говорилъ, что «интеллигенціи приходится подождать» свободы печати, ибо очень хорошо знаетъ, что не ему приходится ждать, а именно «интеллигенціи». Гг. Аксакову и Каткову также не угрожаетъ опасность ждать и молчать... Въ результатѣ реакція рассчитывала подъ акомпаниментъ народнаго одобренія очень благовидно заткнуть ротъ своимъ противникамъ, съ тѣмъ, чтобы самой преспокойно жить, говорить и Бога хвалить.

При такомъ положеніи вещей прямая обязанность журналистики, защищающей интересы дѣйствительнаго народа, интересы свободы и развитія личности, однимъ словомъ—выражающей въ печати идею русской интеллигенціи, прямая ея обязанность была не допускать подобнаго фокуса. Если эта часть прессы не имѣла возможности обуздать реакцію, то она могла

ее заставить по-крайней-мѣрѣ дѣйствовать на чистоту. Понимая, противъ кого въ сущности поднимается походъ, литература должна была какъ можно настойчивѣе указывать это публикѣ, и никакъ не допускать, чтобы кредитъ «извѣстной части интеллигенціи» подрывался путемъ смѣшенія ее съ «образованнымъ классомъ». Интересы интеллигенціи (т. е. «извѣстной части») состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы Россія знала ее такою, какова она есть въ дѣйствительности, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ не смѣшивая. Допустимъ даже (чего я, впрочемъ, не признаю), что общественное мнѣніе страны было дѣйствительно противъ этой интеллигенціи, порицало ее, считало вредной. Но даже и въ такомъ случаѣ наша выгода не въ томъ, чтобы прятаться за спину «вообще образованнаго класса». Можетъ быть, эта широкая, почтенная спина и способна укрыть насъ отъ нѣкоторыхъ неприяностей—что изъ этого? Развѣ задача интеллигенціи состоитъ въ спасеніи себя отъ неприяностей? Ея задача—сохранить въ чистотѣ свою идею и добиться того, чтобы Россія знала эту идею. Человѣкъ, дѣйствительно убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, дѣйствительно вѣрующій въ свою правду, долженъ понимать, что притягательная сила этой правды неотразима. Если противъ васъ кричитъ толпа, если она кидаетъ въ васъ камнями, это значитъ, что она васъ не понимаетъ, принимаетъ васъ за нѣчто другое. Какъ только толпа увидитъ, кого она побиваетъ, она ужаснется своего поступка, пойметъ, что побиваетъ самое себя. Стало-быть, настоящая политика интеллигенціи состоитъ не въ томъ, чтобы прикрываться какимъ-нибудь щитомъ, который, заслоняя отъ камней, заслоняетъ васъ въ то-же время и отъ народнаго пониманія. Напротивъ. Тутъ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ выставиться на видъ, на просторъ, подальше отъ всѣхъ прикрытій, отъ всего, чтó можетъ сбивать съ толку людей. Пусть бьютъ, это не важно, лишь-бы поняли, наконецъ, кого они били. Для убѣжденнаго человѣка существуетъ только одна опасность: когда его идею не понимаютъ отчетливо, смѣшиваютъ съ какою-нибудь другою. Избѣжать этой опасности—вотъ въ чемъ должна была состоять единственная забота прессы во время прошлогодняго взрыва реакціи.

Съ этой точки зрѣнія важнѣе всего отстранить смѣшенія «интеллигенціи» съ «образованнымъ классомъ». Я не хочу въ чемъ-нибудь порицать нашъ образованный классъ, но дѣло въ томъ, что интеллигенція, о которой шла рѣчь, и образованный классъ составляютъ совершенно различные общественные слои. Допускать ихъ смѣшеніе во едино—это, во-первыхъ, значитъ

погрѣшать противъ истины, а въ данномъ случаѣ, во-вторыхъ, было очень нетактично. Это смѣшеніе давало возможность реакціи выставить интеллигенцію, какъ нѣчто сословное, имѣющее свои личные интересы. Настоявши на такой постановкѣ вопроса, реакція можетъ считать себя побѣдительницей, а либеральная пресса забирается въ самую безнадежную трясиину. Дѣйствительно, интеллигенція въ своемъ собственномъ видѣ представляетъ очень опредѣленный общественный слой. Ее можно хвалить или бранить, смотря по вкусу, но расходиться въ опредѣленіи ея общественнаго характера невозможно. Совсѣмъ иное выходитъ при передержкѣ, которую продѣлала реакція. Посмотрите на интеллигенцію, какъ на сословіе, и вы ее можете обвинить рѣшительно во всемъ на свѣтѣ. Баринъ, мужикъ, буржуа, социалистическіе бредни, демагогія, крѣпостничество: все тутъ переиживается въ одну кучу, гдѣ разобрать ничего невозможно, но гдѣ каждый находитъ то, что ему враждебно, и въ результатѣ получается нечѣпное единодушіе самыхъ противоположныхъ мнѣній въ одномъ признаніи вредоноснаго характера интеллигенціи.

II.

Какимъ образомъ литература могла допустить такую передержку? Почему она въ иныхъ случаяхъ какъ-будто дѣйствительно забывала свое собственное происхожденіе, и даже тогда-когда очевидно помнила его, говорила такъ вяло, такъ мало помогала публикѣ разогнать напускаемый туманъ? Мнѣ кажется, это происходитъ оттого, что литераторъ нашъ черезчуръ оторванъ отъ общества, отъ собственной аудиторіи. Находясь внѣ живого общенія съ тѣми слоями, идею которыхъ онъ призванъ выражать, литераторъ дѣлается болѣзненно впечатлительнымъ къ житейскимъ невгодамъ. Своей собственной силы у литератора нѣтъ: онъ слишкомъ хорошо знаетъ, какъ легко его привести къ любому знаменателю; а общественной силы литераторъ не чувствуетъ. Отъ этого происходитъ вѣчно пессимистическое настроеніе, которое мѣшаетъ замѣчать, какъ у гробового входа играетъ кипучая молодая жизнь, а въ худшемъ случаѣ можетъ привести даже прямо къ малодушію. Когда вамъ кажется, что противъ васъ поднимается поголовно вся Россія, то нельзя особенно порицать даже желаніе спрятаться за чью-нибудь спину: не хорошо, положимъ, но естественно. А каково было настроеніе литератора за прошлый годъ, это замѣтнѣе

всего на художественной литературѣ. Чуть не каждый день наши лучшие, бесспорно честные и талантливые художники угощали насъ описаніями исключительно разныхъ страховъ и ужасовъ. Тамъ, смотришь, «свинья съѣдаетъ», въ другомъ мѣстѣ мужикъ сживаетъ со свѣту мирнаго интеллигентнаго инвалида, въ третьемъ—православные толкуютъ, что «ѣнъ нынче зашевелился», и что всѣхъ «господишекъ», въ томъ числѣ интеллигенцію, слѣдуетъ хорошенько проучить. Я собственно не отрицаю дѣйствительности всѣхъ фактовъ подобнаго рода, но они вовсе не выражаютъ общаго, повсемѣстнаго настроенія. На Руси, особенно теперь, можно отыскать множество самыхъ противоположныхъ явленій, и личное настроеніе играетъ очень важную роль въ выборѣ того, что намъ кажется наиболѣе типичнымъ. Достоевскій, напримѣръ, повсюду только и встрѣчалъ грѣшника да кающагося. Г. Златовратскій очень долго усматривалъ въ народѣ только проявленіе общинныхъ добродѣтелей. Оба художника ничего не выдумывали, а односторонними все-таки были. То-же самое нужно сказать по поводу деревенской жизни прошлаго года. Что разныя смуты и недоумѣнія были, это несомнѣнно и понятно, но чтобы изъ нихъ обязательно вытекало у мужика стремленіе взять cadaго цивилизованнаго человѣка за шиворотъ—это въ высшей степени преувеличено. Цивилизованный человѣкъ жилъ и деньги наживалъ даже въ такомъ апогее недоумѣній, какъ еврейскій разгромъ; мало того, человѣкъ со всѣми атрибутами «господишки» могъ даже руководить безпорядками (такъ опубликованныя дознанія сообщали это о какомъ-то телеграфистѣ и, помнится, начальникѣ станція). Вообще односторонность прошлогоднихъ художественныхъ показаній настолько очевидна, что критика и публицистика непременно замѣтили-бы ее, если-бы, въ силу субъективнаго настроенія, не были слишкомъ предрасположены вѣрить всякимъ ужасамъ.

Я не могу отвлекаться отъ своей непосредственной темы и потому останавлиюсь съ нѣскольکو бѣльшей подробностью только на статьѣ г. Златовратскаго «На родинѣ». Его герой—Серапіонъ Скорый—такъ превосходно образованъ, такъ совмѣщаетъ въ себѣ воззрѣнія, о которыхъ мнѣ и нужно говорить, что напомнивши о немъ читателю, я не отвлекаюсь собственно отъ своего предмета, и вмѣстѣ съ тѣмъ даю образчикъ того, что рисовалось нашей беллетристикой. Замѣчу еще, что, по моему мнѣнію, у г. Златовратскаго въ этомъ разсказѣ чувствуется только одна фальшь: Серапіонъ—типъ скорѣе литературно-интеллигентный, чѣмъ вообще интеллигентный, слѣдовательно, ему нужно было дать нѣскольکو иную обстановку. Не будь этой

ошибки, г. Златовратскій создалъ-бы положительно историческій типъ.

Читатели вѣроятно помнятъ въ общихъ чертахъ біографію Серапіона. Двадцать лѣтъ онъ, въ качествѣ рядового интеллигентнаго работника, мыкался по бѣлу свѣту. Этимъ лѣтомъ г. Златовратскій встрѣчаетъ своего пріятеля уже въ совершенно новомъ положеніи. Серапіонъ купилъ хуторокъ, а «съ хуторкомъ взялъ и бабу». «Собственникомъ сталъ, объясняетъ онъ, пропріетеръ, буржуа». Въ этомъ превращеніи нѣтъ еще, конечно, ничего особеннаго. Двадцать лѣтъ человѣкъ мыкался, пора и пристроиться. Но изъ дальнѣйшихъ объясненій Серапіона оказывается, что дѣло вовсе не такъ просто, и что тутъ замѣшана цѣлая философія. «Сѣмя хочу пущать. На племя себя обрекъ. Такъ-таки исключительно сѣмя плодить, приплодъ пущать: вотъ все одно, какъ свпня... *для поддержанія типа*». Вотъ что съ подобающей торжественностью объясняетъ суровый разночинецъ, а когда г. Златовратскій, повидимому, не понимая, почему идти на племя нужно непременно съ такимъ ожесточеніемъ, то Серапіонъ пускается въ новыя объясненія, изъ которыхъ и оказывается, что идти на племя ему самому очень непріятно, но это необходимо для блага отечества *).

«Двадцать лѣтъ, говоритъ Серапіонъ,—не мало мѣста! За это время зацвѣли, распустились и окрѣпли такіе дубы, о которыхъ мы тогда и не думали. Окрѣпли эти дубы и у народа, и у другихъ кой-кого, только не у насъ. Мы одни остаемся безъ почвы. Народъ даже не понимаетъ насъ. Да, не понимаетъ. Народъ можетъ конкретно понимать самоотрѣченіе только въ формѣ самопожертвованія или борьбы за нѣчто *свое*, или вообще *своихъ*, за нѣчто вполне реальное и даже эгоистическое. И у всѣхъ есть это свое. А у насъ этого своего никогда не было, нѣтъ и до сихъ поръ. Дайте-же мнѣ это *свое*, которое могло-бы защитить меня, ополчиться за меня, не дало-бы надругаться надо мной (вотъ она гдѣ основа-то душевная серапіоновской философіи!), или по-крайней-мѣрѣ оставило-бы то утѣшеніе, что если я погибну, и меня пожрутъ, то оно, это *свое*, останется всегда, сѣмя мое останется. Вотъ этого-то и нѣтъ. Погибнешь, никто и не вспомнить о тебѣ. Какое есть плевое слово, и то о тебѣ никто не скажетъ, потому-что некому. Но съ этимъ еще, пожалуй, можно помириться. А вотъ какъ тобою, твоей идеей,

---

*) Разсужденія Серапіона я передаю, для сбереженія мѣста, въ сокращенномъ видѣ, а кое-гдѣ своими словами. Надѣюсь, однако, что смыслъ его философіи переданъ вполне вѣрно.

твоими приобрѣтеніями, воспользуются мерзеды, негодники, для своихъ собственныхъ цѣлей, а тебя зашвырнуть и растопчуть— вотъ чего невозможно подумать безъ пѣны у рта.

«Мы-же, продолжаетъ Серапіонъ,—мы сами словно нарочно играемъ на руку этимъ «мерзецамъ». Въ то время, когда все кругомъ свое сѣмя пускаетъ, мы живо, да еще съ какимъ-то ожесточеніемъ обрекаемъ себя на вымираніе. И жизнь насъ этимъ изморомъ давно-бы дошла, если-бы помимо насъ, и отчасти даже вопреки намъ, не шло своимъ чередомъ живое, органическое теченіе разночинца вотъ сюда, къ почвѣ... Есть у меня тутъ одинъ знакомый, сынъ діакона, такъ тотъ кузницу завелъ; хорошій-бы человекъ былъ, если-бы не пилъ запоемъ, да не буйнилъ... Но это не мѣшаетъ ему пускать свое сѣмя въ почву, такъ-какъ ребята при землѣ, да при кузницѣ. Есть другой знакомый—еще нѣкогда со мной въ семинаріи учился, теперь у него здѣсь кабакъ и землишка собственная есть. Плодится и пускаетъ сѣмя! Положимъ, претить кабатчикъ, но у него здоровая семья рабочихъ людей, у него сыновья книги и газеты читаютъ. Вѣдь тутъ новая умственная сила (?) растетъ, сила органическая, не нами, не вѣянiami насажденная. Вѣдь съ этой силой-то считается нужно. А я — что насадилъ, что укрѣпилъ за 20 лѣтъ своихъ скитаній! Одинъ братишка у меня пропагъ, другой въ червонные валеты пошелъ; двѣ сестры въ чахоткѣ умерли надъ перепиской и шитьемъ, третья погибла... А дѣти? Понимаете-ли, что «упраздня» насъ, упраздняется за нами все, стирается всякое сѣмя!..»

«Я и поряшилъ — «сѣмя пускать», заключаетъ Серапіонъ, «Оскотинюся я точно, но зато въ ближайшемъ пиршествѣ, среди чужихъ дубовъ, мое сѣмя тоже органически возрастетъ и свое мѣсто займетъ! Ты его тогда изморомъ не изведешь, не надругаешься надъ нимъ, нѣтъ, нѣтъ!»

Выслушавши всю эту галиматью, г. Златовратскій замѣчаетъ, что «по своему Серапіонъ правъ». «По своему», разумѣется, правъ каждый, даже съумасшедшій. Но если судить вообще по-человѣчески, то Серапіонъ не только не правъ, а прямо-таки рассуждаетъ, какъ человекъ въ ненормальномъ душевномъ состояніи. Съ точки зрѣнія сохраненія общественнаго типа, о чемъ Серапіонъ и хлопочетъ, у него нѣтъ вѣрнаго ни одного соображенія, ни единого слова. Напротивъ, вся его семинарски-глубокомысленная философія въ-концѣ-концовъ приводитъ прямо къ политическому самоубійству. Это по-истинѣ «философія отчаянія», которая такъ часто звучитъ въ разсужденіяхъ современнаго литератора. Дѣло не въ системѣ философіи,

конечно. Серапіонъ придумалъ, что могъ. Человѣкъ болѣе развитой и знающій придумываетъ систему болѣе остроумную, не поражающую своею нелѣпостью. Но духъ-то, руководящій философию—въ обоихъ случаяхъ одинъ. Забвеніе истиннаго значенія интеллигенціи, вотъ почва, на которой вырастаетъ этотъ духъ, съ его фантастической погоней за разными призраками силы, и пренебреженіемъ къ тому, что составляетъ единственную истинную силу интеллигенціи. Онъ порождаетъ болѣзненное же-ощущенное безсиліе своего общественнаго типа и приводитъ къ самымъ невѣроятнымъ средствамъ «спасенія», вродѣ того, какъ у Серапіона, который въ-концѣ-концовъ съ самымъ трагическимъ видомъ ныряетъ въ свиное корыто. Много нынче Серапіоновъ на свѣтѣ, и въ разные корыта они погружаются, погибая бесполезно для себя и для людей, а между тѣмъ спасеніе такъ близко, такъ въ сущности понятно!..

Общественный типъ слабъ, онъ даже погибаетъ... Его нужно спасать. Но, позвольте узнать, какой это типъ, кого это собственно нужно спасать? Серапіонъ говоритъ «разночинецъ», понимая въ то-же время подъ этимъ «интеллигенцію». Но развѣ это одно и то-же — разночинецъ и интеллигенція? Сколько путаницы въ понятіи вноситъ это обособливанье интеллигенціи! Вѣдь если требуется спасать, положимъ, дворянина, котораго иные также отождествляютъ съ интеллигенціей, такъ рационаленъ одинъ путь; если спасать разночинецъ — то путь требуется совсѣмъ другой, если интеллигенцію, то ужъ и вовсе иной путь. Очень можетъ быть, не хочу разбирать, что если намъ нужно сохранить и размножить «сѣмя» разночинецъ, т. е. пономарскаго, подъяческаго и т. д. сына, то свиное корыто дѣйствительно годится. Не спорю и не утверждаю. Но я-бы желалъ знать, кому нуженъ этотъ «разночинецъ» самъ по себѣ? Я понимаю, что для пополненія кадровъ интеллигенціи онъ былъ весьма важенъ, потому-что онъ, находясь въ междусословномъ, такъ-сказать, положеніи, легче чѣмъ кто другой становился носителемъ общечеловѣческой правды. Но какъ только разночинецъ замыкается въ сословіе и отказывается отъ роли интеллигентнаго человѣка, онъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго купца, дворянина, крестьянина, а ужъ тѣмъ паче, если заранѣе увѣренъ, что «оскотинится». Изъ-за чего его сохранять? Кому онъ нуженъ? Будетъ-ли содержать кабакъ поповичъ или крестьянинъ, это совершенно безразлично.

Правда, Серапіонъ полагаетъ, что его сѣмя будетъ семенемъ интеллигентнымъ; онъ увѣряетъ, будто изъ оскотинившагося разночинецъ растетъ «новая умственная сила». Но всѣ эти при-

ятныя иллюзіи происходятъ только по глубокому непониманію сущности и силы интеллигенціи. Серапіонъ не умѣетъ привести даже доказательства похитрѣ того, что молъ сынъ кабатчика газету читаетъ. Газету нынче много народу читаютъ, и въ Охотномъ ряду и даже въ клубѣ червонныхъ валетовъ газету читаютъ, но это, полагаю, ровно ничего не доказываетъ. А вотъ интересно-бы знать, *какія* это газеты станутъ читать дѣти Серапіоновъ, когда отцы сплошь займутся кабаками. Хороши будутъ газеты, нечего сказать. Нѣтъ-съ, газету читать это еще не есть дѣло интеллигенціи. Ея дѣло, если ужъ на то пошло,— скорѣе создавать газету, или точнѣе — вообще создавать, формулировать и проводить идеаль общественнои правды. А что касается «сѣмени» интеллигентнаго, то оно произростаеъ и размножаеъ также совершенно инымъ способомъ. Можно расплодить кучу ребятишекъ, но это значитъ поддержать свой «и-вическій», а не общественный типъ. Можно на сотни тысячъ душъ увеличить число людей своего общественнаго типа, не родивши ни одного сына или дочери. Серапіонъ спрашиваетъ: «что я насадилъ за 20 лѣтъ?» Мы этого, конечно, не знаемъ, но если онъ былъ не вовсе глупъ, и дѣйствительно былъ проникнуть честной идеей, то можно ручаться, что кое-что насадилъ. Что насадили Бѣлинскій, Добролюбовъ? Гдѣ ихъ дѣти? Про дѣтей мы что-то не слышали, а свой общественный типъ они расплодили, можетъ быть, въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ. Какое несчастное заблужденіе—смѣшивать распространеніе идеи съ распространеніемъ тирольскаго скота.

На самомъ дѣлѣ героическое средство суроваго разночинца есть просто самоубійство его общественнаго типа. Человѣкъ интеллигенціи, носитель идеи здѣсь безо всякаго измора превращается въ рабочаго-ли, въ кабатчика-ли, во всякомъ случаѣ въ нѣчто совершенно иное. Въмѣсто людей извѣстныхъ мнѣній и извѣстной общественной роли, которыхъ прежде создавалъ изъ рабочихъ и кабатчиковъ, онъ начинаетъ создавать просто Ивановъ Серапіоновичей, которые точь-въ-точь похожи на дѣтей всѣхъ прочихъ кабатчиковъ, и даже въ отношеніи грамотности едва-ли перецегаютъ дѣтей Колупаевыхъ и Старовѣровыхъ. Искра идеи потухаетъ, и черезъ Серапіона уже не прожигаетъ общественную мысль и совѣсть. Однимъ рабочимъ или кабатчикомъ стало больше, однимъ сподвижникомъ меньше. Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего.

III.

Составитель внутренняго обозрѣнія въ «Дѣлѣ» (февр.), объясняясь съ «Русск. Курьеромъ», замѣчаетъ между прочимъ: «Никогда не нужно забывать, что у насъ идутъ два теченія, и каждое изъ нихъ оканчивается своей интеллигенціей, поэтому мысль легко сбивается съ толку». Это обстоятельство дѣйствительно очень важно, и только ежеминутно помня его, возможно избѣгать вавилонскаго смѣшенія языковъ. Поэтому я ранѣе успѣшилъ объяснить, что разбираю свойства именно той интеллигенціи, которую такъ ненавидятъ господа политическаго полусвѣта. Мы видѣли, что ловкимъ, хотя довольно топорнымъ маневромъ они навязываютъ этой интеллигенціи сословный характеръ, и это заблужденіе раздѣляютъ по недоразумѣнію иногда даже люди противоположнаго лагеря. Серапіонъ, напр., прямо строитъ на основаніи этого цѣлую систему дѣйствій. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ какимъ-бы то ни было сословіемъ и никакихъ признаковъ сословности въ себѣ не заключаетъ.

Всякая совокупность людей, составляющая *сословіе*, характеризуется одинаковыми условіями труда, одинаковымъ социальнымъ положеніемъ, вообще единствомъ какихъ-нибудь *материальныхъ интересовъ*. Одинаковое присутствіе или отсутствіе какихъ-либо гражданскихъ правъ, обязанностей, доходовъ, расходовъ и т. п. вотъ что связываетъ людей въ одно сословіе. Конечно, въ результатъ такой общности матеріальнаго интереса сословіе можетъ выработать и нѣкоторые нравственные интересы, общіе для всѣхъ его членовъ. Но это можетъ случиться, можетъ и не случиться, и вообще не лежитъ въ основаніи сословнаго единенія. Доказательствомъ можетъ хорошо послужить тотъ общеизвѣстный фактъ, что при измѣненіи матеріальныхъ условій, когда исчезаетъ единство матеріальнаго интереса, въ сословіи немедленно потрясается и нравственное единство, происходитъ даже расслоеніе на новыя сословія. Такъ, напр., во Франціи «третье сословіе» включало въ себѣ безразлично рабочаго и буржуа до тѣхъ поръ, пока они были одинаково безправны и связаны единствомъ общей самозащиты противъ феодализма; какъ только эти условія исчезли, исчезло и единство третьяго сословія; оно раскалывается на два сословія, не только чуждыя прежняго единодушія, но даже непримиримо враждебныя. У насъ, въ Россіи, въ средѣ недавно еще единого крестьянства точно также происходитъ теперь раздвоеніе; исче-

зло общее безправіе, исчезла общность труда, появилось противорѣчіе въ матеріальныхъ интересахъ, и мы замѣчаемъ немедленно исчезновеніе и нравственного единства; низшій слой крестьянства начинаетъ относиться къ верхнему иной разъ болѣе враждебно, чѣмъ къ иноплеменному и иновѣрному татарину, нѣмцу; верхній слой, въ свою очередь, утрачиваетъ основныя черты крестьянской нравственности и вообще міросозерцанія, такъ-что, напр., почти повсюду отрицаетъ право передѣла и т. п. Такимъ образомъ нравственное единство существуетъ въ сословіи до тѣхъ поръ, пока жива душа сословія, единство матеріальнаго интереса *).

Обращаясь къ анализу того общаго, благодаря которому интеллигенція составляетъ нѣчто единое, мы не находимъ здѣсь именно общности какого-нибудь матеріальнаго интереса. Мы видимъ здѣсь людей всевозможныхъ сословій. Чиновникъ, помѣщикъ, священникъ, рабочій, учитель одинаково могутъ принадлежать къ интеллигенціи, а между тѣмъ нравственная связь здѣсь между, положимъ, купцомъ и учителемъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у того-же купца съ его односословниками Китъ Китычами. Ученый профессоръ здѣсь чувствуетъ себя гораздо ближе къ какому-нибудь «недоучкѣ-студенту», чѣмъ къ сотоварищамъ своимъ—гг. Цитовичу, Леонтьеву, Любимову. Переберите всѣ условія матеріальной, сословной связи, и вы увидите, что ни одна изъ нихъ не объединяетъ людей интеллигенціи. Степень благосостоянія—объ этомъ смѣшно и говорить. Одинаковость занятій: но я уже перебралъ сейчасъ цѣлый десятокъ профессій. Гражданскія права: но обладаетъ ими интеллигентный человѣкъ или нѣтъ, онъ отъ этого не только не становится болѣе или менѣе связанъ съ своимъ общественнымъ слоемъ, но даже не выигрываетъ и теряетъ въ своемъ вліяніи на этотъ слой. Въ чемъ-же состоитъ то общее, которое объединяетъ разношерстную толпу народа въ одну и ту-же интеллигенцію? Чѣмъ должно обладать для того, чтобы принадлежать къ этому слою, утратою чего обуславливается разрывъ съ нимъ? Нетрудно видѣть, что этотъ объединяющій элементъ состоитъ въ *идеѣ*. Умственное движеніе известнаго характера, охватывая массу людей разныхъ состояній, званій и профессій, объединяетъ ихъ собою и больше ничѣмъ. Мнѣ нѣтъ надобности, разумѣется, характеризовать особенностей этого умственнаго движенія, одина-

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній напомню, что я говорю именно о *сословіи*. Бываютъ другія общественныя группы съ другими связующими элементами. Но въ *сословіи* этотъ элементъ несомнѣнно матеріальный.

ково близкаго мнѣ и моимъ читателямъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что, отличаясь просвѣтительнымъ характеромъ, оно всегда имѣло своимъ главнымъ объектомъ общественныя отношенія. Общественное благо — вотъ цѣль, оживлявшая духовныхъ отцовъ современной интеллигенціи, заставлявшая ихъ погружаться въ науку, руководившая ихъ практической дѣятельностью. Духъ отцовъ сохранило, съѣмъ думать, и потомство.

Послѣ всего этого, какъ странно звучать упреки въ барственности, въ буржуазности и т. п., адресованные такой группѣ лицъ, которая по существу не имѣетъ въ себѣ ничего общаго, кромѣ идеи. Я останавлиюсь, однако, на этихъ обвиненіяхъ, такъ-какъ они нерѣдко повторяются даже людьми, достойными всякаго уваженія, а потому наиболѣе способны сбивать съ толку общественное сознание. Ни самоѣ дѣлѣ всѣ упреки такого рода цѣлкомъ основаны на недоразумѣніи: въ нихъ интеллигенцію судятъ по виѣшнимъ и случайнымъ признакамъ, совершенно игнорируя признаки основныя.

Чаще всего, кажется, приходится слышать фразу, что интеллигенція наша буржуазна по своему положенію. Въ общемъ это, пожалуй, вѣрно, но я все-таки скажу, что разговоры о подобныхъ вещахъ совершенно бесполезны и только затемняютъ суть дѣла. Важно вовсе не общественное положеніе, а общественная роль. Общественное положеніе большинства людей опредѣляется самимъ социальнымъ строемъ, независимо отъ чьей-нибудь личной воли. Когда общество устроено по извѣстному типу, то сообразно съ этимъ типомъ складывается и жизнь каждой отдѣльной личности. Это распространяется не на одну интеллигенцію конечно. Много-ли въ Россіи найдется людей, даже рабочихъ, которые чаще или рѣже не фигурировали-бы въ буржуазномъ положеніи? Возьмите, напр., крестьянина. Г. Успенскій въ одномъ своемъ очеркѣ («Равнены подъ одно») описываетъ операцію сѣнной торговли и назвавши десятка полтора крестьянъ, чрезъ руки которыхъ прошло сѣно, спрашиваетъ: «Кто здѣсь кулакъ?» Дѣйствительно, иногда нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ кончается рабочій и начинается кулакъ, особенно если судить не по ловкости человѣка и не по количеству барышей, а по способу дѣйствій (а вѣдъ въ способъ-то вся суть). Но *буржуазное положеніе* и *кулачество* вещи разныя. Буржуазность—это состояніе болѣе общее и болѣе неизбѣжное, чѣмъ кулачество. Кулакомъ вы можете и не быть, если не хотите, а въ буржуазномъ положеніи находитесь обязательно. Въ настоящее время весь обмѣнъ услугъ между людьми совершается по типу буржуазному, а такъ-какъ вы нуждаетесь въ осталь-

ныхъ людяхъ и обойтись безъ нихъ не можете, то волей неволей должны входить въ общую колею. Въ настоящее время даже тотъ, кто трудится болѣе чѣмъ получаетъ, по формѣ своей дѣятельности буржуазенъ. Каждый крестьянинъ бываетъ нанимателемъ и перекупщикомъ. Какой-нибудь кустарь двадцать разъ въ годъ является попеременно то рабочимъ, то нанимателемъ, то скупщикомъ. При существованіи известной общей системы, иначе не можетъ и быть. Что-же толковать о буржуазномъ положеніи интеллигенціи! Вѣдь это вовсе не объясняетъ ни характера ея, ни роли и значенія въ жизни народа. Позволю себѣ, для уясненія мысли, употребить нѣкоторое сравненіе. Допустимъ, что существуетъ какой-нибудь гениальный ученый NN, открывающій чело-вѣчеству новыя блестящія перспективы социальнаго развитія. Допустимъ, что намъ поручено опредѣлить историческое значенія этого гения, и мы исполняемъ порученія приблизительно такимъ отчетомъ: «Профессоръ NN живетъ на казенное жалованье, имѣетъ *собственный* домъ, *нанимаетъ* кухарку и даже переписчика своихъ сочиненій; вообще онъ живетъ совершеннымъ чиновникомъ и буржуа, а стало быть, ничего новаго въ общественную жизнь не вноситъ». Что сказалъ-бы каждый, прочитавъ такой остроумный отчетъ? А вѣдь мы приступаемъ къ оцѣнкѣ интеллигенціи, право, не съ лучшими пріемами...

Еще менѣе основательны тѣ сужденія объ интеллигенціи, которыя основаны на происхожденіи ея или внѣшнемъ сходствѣ съ кѣмъ-нибудь въ одеждѣ, манерахъ, привычкахъ и т. п. Не говорю уже о томъ, что по сословному происхожденію интеллигенція была и остается величайшимъ сбродомъ; не говорю о томъ, что вопросъ о степени участія разныхъ сословій въ выработкѣ средняго интеллигентнаго типа, совершенно необслѣдованъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Некрасовъ, Бѣлинскій, Достоевскій, Шевченко являлись дѣятелями интеллигенціи лишь тогда и постолько, когда и поскольку отрѣшались отъ сословныхъ традицій и на мѣсто ихъ вырабатывали общественный идеалъ, основанный на общечеловѣческой правдѣ. Конечно, привычки дѣтства, воспитаніе оставляютъ на каждомъ свой слѣдъ. Но тотъ, кто не сумѣлъ въ должной мѣрѣ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, кто не сумѣлъ хоть до средняго уровня отрѣшиться отъ узъ ветхаго чело-вѣка—тотъ и не дѣлается подвижникомъ интеллигенціи, не имѣетъ на нее нравственнаго вліянія. А насколько возможна такая переработка самого себя, легко видѣть на живыхъ примѣрахъ. Дворянинъ Некрасовъ и вѣрнопостной хоходъ Шевченко дѣлали одно дѣло, они оказывались между собою нравственно болѣе близки, чѣмъ къ роднымъ

отдамъ своимъ. Я не говорю, разумѣется, о частной жизни, а разбираю только общественную роль. Дворянинъ Салтыковъ не вносилъ крѣпостничества въ идею интеллигенціи, лавочникъ Никитинъ не заражалъ ее буржуазностью. Въ этомъ смыслѣ разговоры о происхожденіи интеллигенціи представляютъ совершенно пустую болтовню. Не большее значеніе имѣеть и внѣшнее обличье интеллигенціи, обыкновенно сходное съ обличьемъ высшихъ классовъ, тѣмъ болѣе, что и сходство-то довольно отдаленное. Еще гр. Толстой (повѣсть) упрекалъ интеллигенцію, что

И манеры у нихъ дубоватны
И ученье у нихъ грязноватое...

Впрочемъ, оставимъ это. Во всякомъ случаѣ внѣшнее сходство не имѣетъ ничего общаго съ нравственнымъ типомъ. Оно не исключаетъ нравственной связи, но тѣмъ болѣе не предполагаетъ ее, и вообще въ основаніи какихъ нибудь соображеній не можетъ быть положено. Происхожденіе этого внѣшняго сходства объясняется очень просто. Интеллигентный человѣкъ, въ своихъ поискахъ правды, разумѣется, обращается къ наукѣ. Но наука наша—по происхожденію европейская,—и познается не иначе, какъ вкупѣ съ вообще европейской цивилизаціей. Желаетъ этого искатель истины или нѣтъ, происходитъ-ли дѣло въ Парижѣ или Москвѣ,—все равно наука преподносится обязательно въ европейски-цивилизованной обстановкѣ. Между тѣмъ къ той-же цивилизаціи, ради ея изысканныхъ наслажденій, жизненныхъ удобствъ, могучихъ средствъ производства, всегда стремятся и высшіе классы. Такимъ образомъ выходитъ само собою, что въ одну и ту-же російско-европейскую цивилизацію, хотя съ разными дѣлями, окунаются одинаково интеллигенція и высшіе классы, вслѣдствіе чего интеллигенція 1850 г. непременно имѣетъ извѣстное сходство съ дворянскимъ типомъ, въ 1880 г. съ буржуазнымъ. Едва-ли стоитъ доказывать, что такое сходство не имѣетъ никакого значенія. Безпокойтесь по поводу его могъ-бы развѣ особый доброжелатель интеллигенціи, въ видахъ того, что барскій или буржуазный обликъ способенъ до извѣстной степени подрывать кредитъ интеллигенціи въ народныхъ массахъ. Обстоятельство это, однако, черезчуръ раздувается и значеніе его преувеличивается. Цивилизованный обликъ сдѣлался въ Россіи настолько обычнымъ и соединяется съ такими разнообразными общественными положеніями, что врядъ можетъ сопровождаться для крестьянина особенно опредѣленной ассоціаціей идей. На эту внѣшность мужикъ обращаетъ вниманіе во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ господа Аксаковы. А когда мужикъ косится на интеллигенцію или относится къ ней

прямо враждебно, то дѣлаетъ это не столько изъ-за внѣшняго обличья, сколько изъ-за необычныхъ мыслей, рѣчей и поступковъ интеллигентнаго человѣка. Точно также мужикъ носится на своего брата, шалопута или штундиста, котораго нерѣдко бьетъ и гонить, несмотря на его полное внѣшнее сходство съ собой.

Возвратимся, однако, къ дѣлу. Я съ особенной настойчивостью указывалъ нѣсколько разъ, что *своею*, дѣйствительно общаго, отличительнаго и объединяющаго, у интеллигенціи нѣтъ ничего, кромѣ известнаго нравственнаго настроенія, идеи и затѣмъ соотвѣтственной дѣятельности. Этимъ создается общественная и, если угодно, историческая роль интеллигенціи. Стало-быть, если мы желаемъ судить интеллигенцію, то должны разбирать именно эти ея свойства, а не родословную, не костюмы, не манеры. Если кто желаетъ обвинить интеллигенцію въ барствѣ или буржуазности, то обязанъ доказать, что этими тенденціями отличается идея, вносимая интеллигенціей въ русскую жизнь. Вотъ единственно вѣрная постановка вопроса, который при этомъ сразу очищается отъ всякихъ напущенныхъ на него тумановъ. Недобросовѣстность обвиненій сразу становится очевидной. Каждому ясно, что, напротивъ, вся война противъ интеллигенціи начата именно потому, что ея общественная тенденція отличается совсѣмъ противоположными свойствами. Еще недавно, когда враги интеллигенціи были болѣе добросовѣстны или болѣе увѣрены въ своихъ силахъ, они иначе формулировали свои обвинения. Они кричали тогда объ анархизмѣ, коммунизмѣ, демагогіи... Это была тоже ложь, но все-таки менѣе нахальная. Эта старая ложь рисовала каррикатуру, утрировала то, что въ дѣйствительности было демократичностью и преданностью интересамъ массы. Но послѣдняя ложь вышла далеко горше первой и перевираетъ дѣло просто безпримѣрнымъ въ исторіи образомъ. Нигдѣ въ свѣтѣ еще, кажется, люди не рѣшались, для подрыва репутаціи враговъ своихъ, приписывать имъ свою собственную идею и свои собственные стремленія.

IV.

Изображая своего Серапіона, г. Златовратскій не позабылъ приписать ему большихъ попеченій объ органическомъ развитіи общества. Черта глубоко вѣрная. Мы нынче сдѣлались дѣйствительно такими органистами, что просто бѣда. Скоро, должно быть, нельзя будетъ закурить папирсы, не обсудивши предварительно, насколько куреніе папирсы совмѣстимо съ органи-

ческимъ развитіемъ Россіи. Печальный признакъ печальной эпохи! Эти разсужденія выступаютъ съ тѣмъ бѣльшей силой, чѣмъ болѣе теряется живое чувство своей органической связи съ жизнью.

Человѣкъ, вѣрующій въ правоту своего дѣла, любящій то, за чтѣ борется, ненавидящій то, противъ чего дѣйствуетъ, такой человѣкъ никогда не размышляетъ о сообразности своихъ дѣйствій съ законами органическаго развитія. Бисмаркъ и Лассаль, Магометъ и Вольтеръ довольствуются сознаніемъ своей правоты и въ другой санкціи не нуждаются. А между тѣмъ законы органическаго развитія именно черезъ такихъ людей всего сильнѣе проявляются и осуществляются въ жизни народовъ. Страстная любовь, ненависть, вѣра—это признакъ глубокой кровной связи съ жизнью, а разъ эта связь есть—человѣкъ независимо отъ старанія своего становится орудіемъ органическаго развитія. Наоборотъ—тотъ, кто почему-либо стоитъ внѣ жизни и кровно съ нею не связанъ—непремѣнно погружается въ размышленія о законахъ. Это понятно, когда нѣтъ чувства, внутренняго голоса, то, конечно, поневолѣ приходится разсуждать. Но фатальное положеніе этихъ резонеровъ заключается въ томъ, что они физически неспособны быть орудіемъ органическаго развитія по той самой причинѣ, которая заставляетъ ихъ размышлять о его законахъ. Замѣчательно, что нынѣшнюю моду на разговоры объ «органичности» ввела именно самая безнадежно-мертвая «партія»—славянофилы. Замѣчательно, что и г. Катковъ нынче заговорилъ о «національныхъ законахъ развитія» и т. п. Въ старые годы, когда г. Катковъ чувствовалъ себя нравственнымъ центромъ многихъ десятковъ тысячъ людей, онъ просто дѣлалъ свое дѣло, не интересуясь этими отвлеченностями. Нынче онъ видно почувствовалъ потребность въ костылѣ. Что-жъ, въ добрый часъ. Говорятъ, что чѣмъ больше у дома подпорокъ, тѣмъ скорѣй онъ свалится. Что касается интеллигенціи, то она, слава Богу, до сихъ поръ въ костыляхъ не нуждается. Она слишкомъ хорошо чувствуетъ свою связь съ русскою жизнью. Въ этой жизни все для интеллигенціи—свое, близкое, родное. Народный интересъ для нея не отвлеченная формула, а источникъ жгучей боли и личной радости. Прочная духовная связь съ жизнью дѣлають интеллигенцію такимъ-же орудіемъ органическаго развитія Россіи, какимъ служитъ мужикъ, отъ роду не помышлявшій ни о какихъ «законахъ».

Несмотря на многочисленные толки и разсужденія, у насъ въ сущности очень плохо понимаютъ идею органическаго развитія. Намъ все кажется, будто это какой-то идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться. Въ дѣйствительности, органическое развитіе

вовсе не идеаль, а законъ, дѣйствующій совершенно независимо отъ чьего-нибудь желанія или нежеланія. Жизнь обществъ развивается всегда органически и если ходъ ея развитія не совпадаетъ съ «типомъ», который мы себѣ теоретически выработали, то это доказываетъ только неосновательность нашей теоріи. И дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣе грубые, лубочные приемы социологическаго анализа, чѣмъ тѣ, при помощи которыхъ у насъ опредѣляются свойства «національно-русскаго» типа развитія. Оттого только и возможно недѣльное воззрѣніе на Русскую исторію, при которомъ она сплошь состоитъ изъ случайностей, вѣяній, уклоненій отъ собственныхъ законовъ.

Идея общественнаго организма до сихъ поръ очень мало разработана. Нельзя сомнѣваться въ ея важномъ научномъ значеніи. Общественный организмъ, какъ-бы его ни понимать, составляетъ фактъ вполне реальный, а потому должно быть не менѣе реальнымъ существованіе общаго типа его развитія. Но дѣлать отсюда какія-нибудь выводы прикладнаго характера до сихъ поръ очень трудно. Единственный практической результатъ, какой дастъ намъ органическая теорія—это усиленіе нашей увѣренности въ законмѣрности общественныхъ явленій, а стало быть, въ ихъ независимость отъ личнаго произвола. Большаго получить отъ этой теоріи нельзя до тѣхъ поръ, пока не обследована самая природа социальнаго организма и хоть общіе законы его развитія. Наши «органисты» такими пустяками не смущаются. Ничтоже сумняся, они малюютъ свои «типы національнаго развитія» и потомъ громить дѣйствительную жизнь, не укладывающуюся на прокустовомъ ложѣ ихъ школьнической теоріи.

На самомъ дѣлѣ — получить понятіе о типѣ развитія обществъ — задача очень трудная и до сихъ поръ не рѣшенная. Какъ извѣстно, наука, въ результатъ своихъ изысканій, давно приходитъ къ убѣжденію, что каждое общество, даже зоологическаго характера, дѣйствуютъ по нѣкоторымъ общимъ законамъ, нѣкоторому общему плану. Но эти законы, этотъ типъ до сихъ поръ намѣченъ наукой только въ самыхъ общихъ чертахъ, съ огромными пробѣлами и въ большинствѣ случаевъ безъ достаточной степени достовѣрности. Было бы, очевидно, крайнимъ легкомысліемъ считать развитіе какого-нибудь общества ненормальнымъ на томъ лишь основаніи, что оно не подходитъ подъ этотъ гипотетическій и еле набросанный средній типъ. Наши «органисты» совершаютъ, однако, гораздо большее легкомысліе. Они оцѣниваютъ русскую жизнь даже не по сравненію со среднимъ типомъ общественнаго организма, а по сравненію съ «національнымъ типомъ». Но если средній типъ

еще сколько-нибудь обследованъ, представляетъ нѣчто сколько-нибудь вѣроятное, то этого уже окончательно нельзя сказать о «національномъ» типѣ развитія какого-бы то ни было народа, а всего менѣе русскаго. Національный типъ, если онъ существуетъ (чему я лично вѣрю, но что отнюдь не доказано), отличается отъ средняго слишкомъ тонкими чертами, подмѣтить и констатировать которыя гораздо труднѣе. Для того, чтобы узнать «національный» типъ развитія, недостаточно даже знать всѣ законы социальной жизни, всю, такъ-сказать, физиологію общественнаго организма. Нужно сверхъ того подробное, специальное обследованіе данной народности. Нужно узнать, какъ общій законъ проявилъ себя въ той комбинаціи общественныхъ силъ, которая отличаетъ данное общество отъ всѣхъ прочихъ. Національный типъ это послѣдняя, заключительная глава социологіи, а мы теперь едва разучиваемъ Введеніе.

Многіе, впрочемъ, не знаютъ даже самой азбуки, да и учиться не желаютъ, а просто рубятъ направо—налѣво всѣ гордіевы узлы и вѣтви удовлетворяются. Перечитать лѣтописи, Домострой, опредѣлять времяпровожденіе нашихъ почтенныхъ пращуровъ, а затѣмъ торжественно объявить, что типъ національнаго развитія найденъ—ужь чего проще! Только потомъ много приходится плакаться на «вѣянія», о которыхъ у попа Сильвестра ничего не сказано. Если-бы г. И. Аксаковъ былъ клѣточкой желудка, много разъ пришлось-бы ему врать о ненормальномъ развитіи дуба. Привыкнувши къ спокойному разбуханію желудка и тихому процессу дифференціаціи его клѣточекъ, г. И. Аксаковъ не замедлилъ-бы въ этомъ указать національный типъ развитія дуба. Но вдругъ—съ нами крестная сила—изъ желудка начинаютъ выплываться вольнодумные самопэмъническіе корни и стебли... Они лезутъ куда-то на чужбину, кто въ глубь земли, кто вверху, къ какому-то невиданному въ желудѣ свѣжему воздуху и свѣтлому солнцу... Разбродъ, смута, вѣяніе! А тамъ дальше—еще хуже. То, смотришь, появляются какія-то листья, то вѣтви, то цвѣты. Ненормальность, вѣяніе, ни дать, ни взять какъ въ Русской Исторіи. *Saveant consules!*

Оцѣнивать какое-бы то ни было общественное явленіе на основаніи того, насколько оно соответствуетъ національно-русскому типу развитія, я, разумѣется, не стану. Для серьезнаго рѣшенія такого вопроса нѣтъ данныхъ; опредѣлять-же національный типъ по-славянофильски—это значитъ быть просто гасильникомъ жизни, проповѣдовать обязательный застой, не позволять корнямъ и стеблямъ расти изъ желудка. Но дѣло въ томъ, что органичность общественнаго явленія уясняется намъ вовсе

не по сравненію съ «типомъ». Въ основаніи здоровой органической идеи лежитъ законмѣрность общественныхъ явленій. Общество, народъ, государство живутъ и развиваются законмѣрно, т. е. строго соответственнo съ количествомъ, качествомъ и соотношеніемъ заключающихся въ немъ силъ. Это обстоятельство даетъ развитію общества стройность, порождая, между прочимъ, и то, что мы называемъ «общимъ типомъ» развитія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что общественный организмъ, какъ и всякій другой, существуетъ въ извѣстныхъ условіяхъ среды, обстановки, исторіи. Вліяніе среды также неизбежно, также опредѣляетъ развитіе организма, какъ и взаимодѣйствіе его внутреннихъ силъ. Живой организмъ отличается отъ механизма именно способностью вступать во взаимодѣйствіе съ окружающей средой, приспособлять ее къ себѣ и самому приспособляться къ ней, въ цѣляхъ собственнаго самосохраненія и развитія. Рабское воспроизведеніе и повторенія пережитаго вовсе не обозначаютъ вѣрности своему типу развитія, а указываютъ просто на потерю жизнеспособности. Здоровымъ органическимъ явленіемъ называется такое, которое сообразно съ цѣлями самохраненія и развитія организма, а эти цѣли, при новомъ фазисѣ развитія при новыхъ условіяхъ обстановки, далеко не всегда достигаются старыми приемами. Старые приемы въ свое время могли быть вполне цѣлесообразны и, можетъ быть, выражали могучую жизнеспособность организма, но повторяясь не у мѣста, некстати—они могутъ оказаться губительны и воспроизведеніе ихъ при такихъ условіяхъ доказало-бы полную дряхлость организма, истощеніе его создающей жизненной силы. Это обстоятельство упускаютъ изъ виду наши сторонники Домостроя и политики Ивана Грознаго.

Законмѣрность и цѣлесообразность служатъ намъ, такимъ образомъ, гораздо лучшимъ способомъ оцѣнки общественныхъ явленій, чѣмъ сравненіе съ никому неизвѣстнымъ «общимъ типомъ». Когда мы видимъ, что данное общественное явленіе глубоко коренится въ условіяхъ народной жизни, логически вытекаетъ изъ нихъ, мы должны его признать явленіемъ органическимъ. Если мы видимъ, что оно сообразно съ цѣлями сохраненія и развитія общества, то должны признать его явленіемъ здоровымъ. При такихъ приемахъ оцѣнки общественныхъ явленій можетъ быть сдѣлана не только основательно, но даетъ даже цѣнныя практическія указанія. Съ этой точки зрѣнія мы должны разсматривать и интеллигенцію.

Я замѣчу, однако, предварительно, что если-бы аналогія съ какимъ-нибудь уже пережитымъ типомъ могла служить указаніемъ

на органичность явленія, то интеллигенція наша все-таки должна быть причислена именно къ такимъ явленіямъ. Исканіе истины и способовъ осуществленія правды въ общественной жизни — это весьма знакомо русскому народу. Многочисленные народные странники, подвижники древней Руси исполняли именно функцію современной интеллигенціи. Впослѣдствіи съ появленіемъ раскола эта народная интеллигенція сильнѣе и ярче всего проявляется въ средѣ его дѣятелей. Вспомните «юродствующихъ», обличающихъ земную неправду предъ лицомъ самого Грознаго, Башкиныхъ, размышляющихъ о грѣховности рабства въ христіанскомъ обществѣ, просмотрите лѣтописи раскола, созидающаго типъ новой общины въ разныхъ «Выгорѣцяхъ» — и вы убѣдитесь, что русская земля никогда не оскудѣвала способностью выдѣлять изъ себя людей, фанатически отыскивающихъ идеалы добра и правды. Конечно, древняя Русь искала правды на религіозной основѣ... Но вѣдь тогда религія была единственнымъ источникомъ знанія. Умъ подвижника, побуждаемый чувствомъ къ отысканію правды и средствъ ея осуществленія, неизбѣжно обращался къ религіи, гдѣ находилъ всѣ необходимые для него свѣденія. Религія сообщала ему о законахъ божественныхъ, о судьбахъ человѣческихъ обществъ, о путяхъ, посредствомъ которыхъ правда исчезала на землѣ и снова на ней укрѣплялась. А насколько подвижникъ жаждалъ знанія, мы видимъ даже изъ того, что онъ не ограничивался источниками, такъ-сказать, оффиціальными. Онъ старался возможно болѣе расширить кругъ своихъ свѣденій, углубляясь въ Ветхій Заветъ (что считалось большимъ вольнодумствомъ) и доходилъ даже до книгъ, прямо «отрѣченныхъ». Нравственный обликъ современнаго-искателя истины представляетъ совершенно аналогичныя черты, и, право, между нашимъ аристократомъ и древнимъ бояриномъ, чиновникомъ и дьякомъ, солдатомъ и стрѣльцомъ можно найти несравненно менѣе сходства.

Впрочемъ, это не важно. Не въ аналогіяхъ дѣло. Намъ нужно опредѣлить, насколько сильны и глубоки причины, порождающія интеллигенцію, какова ея общественная функція и т. д., вообще—насколько органическое и здоровое явленіе представляетъ этотъ слой народа.

Каждое общественное явленіе имѣетъ первоначальнымъ источникомъ какое-нибудь чувство или потребность личности. Интеллигенцію создаетъ возбужденное и доведенное до значительной интенсивности нравственное чувство. Въ человѣкѣ отъ природы существуетъ потребность гармоніи между его нравственными идеалами и дѣятельностью окружающей жизни. Жить и соз-

навать, что все вокругъ тебя—ложь, и самъ ты такая же ложь, это состояніе для всякаго и всегда очень мучительное. Но, разумѣется, есть люди съ выдающемся тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, которые ощущаютъ общественную ложь съ особенной болѣзненностью. Точно также бываютъ эпохи, когда разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью становится особенно рѣзкимъ. Современная Россія переживаетъ несомнѣнно такую эпоху. Въ этомъ согласны всѣ наблюдатели нашей жизни, и останавливаться на характеристики этой «смутной» эпохи мнѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой надобности. Разладъ между нашими представленіями о справедливости и нашей собственной житейской практикой заставляетъ каждаго чувствовать себя въ какомъ-то непріятномъ раздраженіи. Можно себя представить, до чего онъ способенъ доводить натуры особенно чуткія. Тутъ важны даже не поступки наши и не поступки окружающихъ, а именно разладъ нравственный. Башибузукъ со спокойной совѣстью рѣжетъ гууровъ. Французскій буржуа возбуждаетъ иногда отвращеніе, но зато онъ выработалъ себѣ и міросозерцаніе, сообразное со своей житейской практикой; у него и духовникъ находитъ смѣлость утверждать, что если человѣкъ нажилъ деньги, то, стало быть, на то была воля Божья и значить этотъ человѣкъ угодилъ Господу. По нашему это возмутительное богохульство, но буржуа во всякомъ случаѣ чувствуетъ свою совѣсть спокойной. Добродѣтель у него давно отождествилась съ силою, ловкостью, хитростью. Мы-же до такого зоологическаго состоянія не дошли, а въ жизни нашей зоологическое homo homini lupus господствуетъ все-таки въ полной силѣ. Это вопіющее противорѣчіе лишаетъ нашу жизнь прочныхъ устоевъ, поражаетъ «смуту», «разладъ» и ту «апатію», которая есть ничто иное, какъ отчаяніе человѣка, созвующаго себя безнадежной дрянью.

Это неестественное, болѣзненное состояніе общества мучительно для всѣхъ, но оно совершенно невыносимо для людей, одаренныхъ болѣе тонкимъ нравственнымъ чутьемъ. Какъ голодъ побуждаетъ человѣка къ работѣ, къ эмиграціи, къ разбою, производитъ вообще сотни органическихъ явленій, вродѣ теченія равночинца въ кабачки, такъ точно этотъ нравственный голодъ, это неудовлетворенное и ежечасно оскорбляемое исканіе правды порождаетъ современнаго интеллигентнаго подвижника. Онъ—логическій и неизбежный результатъ современнаго состоянія русскаго общества, и въ этомъ смыслѣ составляетъ глубоко органическое явленіе. Жизнь, съ ея неправдою, поруганіемъ идеаловъ, фанатизируетъ нравственное чувство отдѣльныхъ личностей и неудержимо гонитъ ихъ къ отысканію способовъ

возстановить нарушенное равновѣсіе, осуществить правду совѣсти въ дѣйствительности жизни.

Въ древней Руси человекъ, выдвинутый жизнью на такой путь, изучалъ св. Писаніе, дѣлался монахомъ, подвижникомъ. Вѣчные вопросы религіи, конечно, и теперь сохранили свою притягательную силу. Исканіе абсолютной истины, провѣрка собственныхъ идеаловъ и теперь составляютъ первый этапъ умственного процесса, возбужденнаго зрѣлищемъ общественнаго хаоса. Но въ настоящее время искатель истины имѣетъ у себя подъ рукой огромный арсеналъ науки, отъ котораго, разумѣется, ожидаетъ очень многого, ожидаетъ даже большаго, чѣмъ въ дѣйствительности можетъ получить. О безконечныхъ сокровищахъ науки современный русскій человекъ, какъ только начинаетъ исканіе правды, не можетъ не узнать, не услышать отъ кого-нибудь. Наука объясняетъ строеніе міра, всѣ явленія природы, она говоритъ о человекѣ, о законахъ общественной жизни... Проснувшаяся мысль обязательно тянется къ тому источнику знанія, какъ растение къ солнечному свѣту. Такимъ образомъ, естественно и неизбежно, алчущій и жаждущій правды дѣлается «образованнымъ» и въ результатъ складывается полный типъ человека современной интеллигенціи.

Что происходитъ дальше? Научился-ли нашъ искатель чему-нибудь, или обстоятельства не допустили до этого, или онъ во все разочаровался въ наукѣ, но такъ или иначе онъ въ концѣ концовъ «доходить» до чего-нибудь и выступаетъ въ жизнь проповѣдникомъ чего-то новаго. Онъ, въ качествѣ неисправимаго идеалиста или разсудительнаго практика, въ званіи учителя или чиновника, рабочаго или человека «безъ опредѣленныхъ занятій» неустанно хлопочетъ о какомъ-то переустройствѣ жизни, объ осуществленіи какой-то правды. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, насколько все это нужно и полезно, но скажите по совѣсти—неужели это появленіе интеллигентнаго человека не создано органически нашею жизнью, не обусловлено до мельчайшихъ подробностей современнымъ нашимъ положеніемъ?

V.

Но человекъ интеллигенціи есть не только явленіе органическое—онъ еще нуженъ обществу, даже необходимъ для него. Не чувствовать надобности въ особенномъ, такъ-сказать, специализировавшемся интеллигентномъ словѣ, можетъ только или совершенно дикое стадо или общество, достигшее небывалаго,

идеальнаго совершенства. Что касается современныхъ народовъ, то они, со своими свѣтлыми, широкими идеалами и своей безурядицей въ дѣйствительной жизни, безъ интеллигенціи совершенно немислимы.

Человѣкъ современнаго общества не дикарь. Каково-бы ни было его социальное положеніе, степень образованія, благосостоянія и т. д.—онъ, во всякомъ случаѣ, одаренъ достаточно тонкимъ умомъ, въ его совѣсти живутъ высокіе идеалы добра и правды. Но не легко на свѣтѣ прожить по правдѣ. Тысячи житейскихъ заботъ увлекаютъ каждаго, богатаго и бѣднаго, вельможу и пролетарія, въ глубокой омутъ всевозможныхъ дрязгъ, борьба за существованіе оскотиниваетъ человѣка и мытьемъ, и катаньемъ. Такое положеніе вещей, до извѣстной степени, неизбежно, но оно бываетъ болѣе или менѣе обостреннымъ. Когда общій строй жизни сообразенъ все-таки съ нашими представленіями о справедливости, мы, во многомъ грѣша, не терпимъ, однако, вѣры въ силу и обязательность своихъ идеаловъ. Стараясь исправить свой грѣхъ, мы вѣримъ въ возможность этого и потому не опускаемся нравственно. Такое состояніе общества, гдѣ грѣхъ является исключеніемъ изъ правила, можно считать еще здоровымъ. Подвижникъ нуженъ и здѣсь, но онъ играетъ роль не Граковъ, а Катоновъ. Современное положеніе общества гораздо хуже. Условія жизни крайне осложнились и перепутались. Поступокъ, противорѣчащій нашимъ собственнымъ убѣжденіямъ, пересталъ быть слабостью или грѣхомъ, потому-что сдѣлался неизбеженъ. Какъ могу я жить честнымъ трудомъ, если это угрожаетъ голодною смертью, нищетою семьи, презрѣніемъ окружающихъ? Какъ не соблазниться, если видишь, что стоитъ только протянуть руку, и ты обезпеченъ? Особенно если всѣ кругомъ дѣйствуютъ такимъ способомъ... Заблѣваемые житейской грязью и пылью, наши идеалы тускнѣютъ. Мы не видимъ для нихъ мѣста въ дѣйствительности, и они начинаютъ казаться чѣмъ-то не отъ міра сего, непримѣнимымъ и безсильнымъ. Въ довершеніе всего такое положеніе вещей представляется не временнымъ, не случайнымъ, а вѣчнымъ, постояннымъ. Конца ему совершенно не предвидится, потому-что средства къ устраненію «царства грѣха» совершенно не ясны. Усложнившаяся жизнь выдвигаетъ столько вопросовъ, ставитъ столько загадокъ, такъ вообще непонятна и запутана, что способна сбить съ толку даже очень сильный и вооруженный большими знаніями умъ. Что-же сказать о массѣ общества и народа, массѣ, погруженной съ ногъ до головы въ заботу о кускѣ хлѣба, судьбѣ семьи и т. д. Человѣкъ массы часто не

имѣть возможности даже просто охватить взглядомъ эту сложную машину жизни, узнать всѣ ея детали. Конкретное осуществленіе смутныхъ идеаловъ правды окончательно затуманивается. Мы всѣ сознаемъ, что люди равны, что они должны поступать по совѣсти, сознаемъ, что честный труженникъ имѣть нравственное право на обеспеченное существованіе и общественное уваженіе, и что безчестный миллионеръ, пользующійся властью и почетомъ—явленіе невозможное, безобразное. Но какъ осуществить эти начала справедливости, какъ примирить безчисленные противорѣчія жизни, мы не знаемъ и принуждены безсильно смотреть, какъ жизнь возвеличиваетъ и укрѣпляетъ неправду, унижаетъ и искореняетъ справедливость.

Состояніе въ высшей степени опасное! Если примиреніе жизненныхъ противорѣчій затягивается и въ сознаніи народа окончательно будетъ признано невозможнымъ, то идеаль погибъ. Безсильная отвлеченность никому не внушаетъ уваженія, и народъ непремѣнно долженъ погрузиться въ зоологическій культъ силы, ловкости и удачи. Но здѣсь-же кончается жизненная дѣятельность общества. Пока нравственное развращеніе заразило только нѣкоторыя сословія, напр., буржуазію, государство, при помощи здоровыхъ народныхъ слоевъ еще можетъ держаться. Но горе, если мы допустимъ заразу охватить массу. Лишенное того, что составляетъ самую душу его, общество быстро разлагается и умираетъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ національной и культурной единицы.

Въ такія историческія эпохи интеллигентный подвижникъ получаетъ особенно важное значеніе. Онъ необходимъ, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій для прекращенія начавшагося разложенія общества и жизненная сила социальнаго организма могучими толчками начинаетъ повсюду выдѣлять этотъ выздоравливающій элементъ.

Но создавать его, однако, не легко. Пригнетающія условія жизни далеко не каждому человѣку позволяютъ въ должной мѣрѣ сохранить чувство правды и стремленіе къ идеалу. Иной тупѣетъ умственно и нравственно подъ гнетомъ нищеты, другой еще сильнѣе развращается роскошью и грубымъ физическимъ наслажденіемъ. Многие ожесточаются и доходятъ до ненависти къ людямъ, а еще чаще просто примиряются съ фактомъ. Нужно исключительное, особенно здоровое чувство, чтобы выдержать всѣ развращающія вліянія жизни. Да и здоровой натуры самой по себѣ мало. Нужно, чтобы она, пока успѣетъ окрѣпнуть и развиться, находилась въ сколько-нибудь сносной нравственной обстановкѣ. Это уже совсемъ дѣло случая, и бываетъ

еще рѣже. А затѣмъ, даже такой человѣкъ, сохранившій въ чистотѣ свою душу, все-таки еще не можетъ служить «солю земли». Для этого нужно, чтобы онъ еще понималъ жизнь, или хотя воображалъ, что понимаетъ. Онъ долженъ знать дѣйствительныя или воображаемыя средства для торжества правды надъ неправдой. Только эта увѣренность въ своемъ пониманіи жизни и путей спасенія даютъ человѣку смѣлость идти противъ теченія. Только въ присутствіи такой увѣренности нравственное чувство человѣка дѣлается могучей активной силой. Но въ настоящее время, при чрезвычайной сложности жизни, эта увѣренность *редко* (говорю *редко*, потому-что возможны исключенія) вырабатывается иначе, какъ при нѣкоторой степени образованія. Человѣкъ, знающій о существованіи науки, но ненашедшій къ ней доступа, въ большинствѣ случаевъ будетъ робѣть передъ жизнью, сознавать себя безсильнымъ, и на призывы внутренняго голоса легко можетъ отвѣтить, какъ Моисей: «Господи, возьми кого-нибудь изъ братьевъ моихъ, они умны и краснорѣчивѣ меня». Вотъ какъ много условій нужно, чтобы въ средѣ общества выработался подвижникъ правды. Нелегко сохранить въ себѣ искру Божьяго огня, еще труднѣе раздуть ее до степени активной силы и тѣмъ дороже для общества счастливыя, которыхъ судьба допустила до этого.

Я не хочу сказать, чтобы каждый такой человѣкъ дѣйствительно обладалъ истиной. Но убѣжденный въ своей правотѣ, каждый изъ нихъ способенъ воскресать и поддерживать въ массахъ увѣренность въ томъ, что идеалы правды не фантазія, не безусловная мечта, а выраженіе мирового закона. Въ этомъ состоитъ великое значеніе интеллигенціи, дѣлающее ее въ полномъ смыслѣ «солю земли», предохраняющей общество отъ нравственнаго разложенія. Фанатическое убѣжденіе личности передается массѣ хотя-бы въ болѣе мягкой формѣ увѣренности и даже только надежды. Страстная защита правды, неукротимый протестъ противъ неправды даютъ массѣ хоть изрѣдка образчикъ той силы, которая заключается въ правдѣ, а доставляя ей хоть случайное торжество, доказываютъ, что она не пустая абстракція. Колеблющееся нравственное чувство большинства, задавленнаго житейскими невзгодами, отдыхаетъ и укрѣпляется этими великими примѣрами. Но значеніе подвижника не исчерпывается такимъ оздоравливающимъ влияніемъ. Онъ не только будитъ общественное чувство и призываетъ къ правдѣ, а указываетъ и практическіе способы ея осуществленія. Эти способы часто могутъ быть непримѣны, фантастичны, но въ общей сложности еще чаще бываютъ очень основательны, иногда

даже гениальны. Даже оставаясь односторонни каждый въ отдельности, дѣятели интеллигенціи, взятые въ совокупности, всегда бросаютъ въ народное сознание много вѣрныхъ соображеній, переработавши которые своимъ практическимъ умомъ, народъ получаетъ возможность дѣйствительно во многомъ реформировать жизнь. Наконецъ, нужно замѣтить, что и неприимчивость, утопичность и т. п. все это вещи тоже условныя. Во времена Платона крайне утопичнымъ казалось существованіе постоянной арміи, а ужь, кажется, что можетъ быть проще. Когда Сеяъ Симонъ рекомендовалъ правительственную статистику производства, какъ средство регулировать его, идея казалась непрактичной, а между тѣмъ у насъ лучшія и наиболее точныя свѣденія собраны именно правительственными комиссіями. Наша собственная исторія послѣднихъ лѣтъ даетъ хорошій образчикъ того, какъ эластично понятіе объ «непрактичности». Цѣлыя 15 лѣтъ со стороны реакціи раздавались обвиненія противъ лучшей части интеллигенціи за то, что она указывала необходимость экономическихъ реформъ. Между тѣмъ въ настоящее время само правительство признало ихъ необходимость и своевременность. Ту-же роль интеллигенція играла въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Когда литература, въ самый разгаръ крѣпостничества, восстанавливала фактъ человѣческаго достоинства мужика и его нравственной равноправности со всѣми другими сословіями,—какъ дико, утопичны и опасны считались эти рѣчи. Но пришло 19 февраля—и оказалось, что свобода и равноправность крестьянина не только не утопія, но несравненно болѣе естественное состояніе, чѣмъ рабство и безправіе.

Такимъ образомъ, интеллигентный подвижникъ, пробуждая чувство, даетъ путеводную нить и разуму. Но затѣмъ общественная роль подвижника все-таки еще не оканчивается. Онъ самъ, именно вслѣдствіе страстнаго стремленія къ реформѣ и глубокой вѣры въ ея возможность, является всегда первымъ инициаторомъ въ каждой попыткѣ осуществленія своей идеи. Онъ вмѣстѣ съ Демуленомъ открываетъ первый актъ паденія феодализма, вмѣстѣ съ Р. Овенонъ тратитъ сотни тысячъ на устройство Нью Ланарка, вмѣстѣ съ Броуномъ гибнетъ первой жертвой за освобожденіе негровъ... Онъ вездѣ первый, не думая о своихъ выгодахъ и удобствахъ, отзывается на каждый запросъ времени. Конечно, многія изъ попытокъ интеллигентнаго человѣка оказываются несвоевременны, неудачны. Но зато онъ-же уважаетъ тысячи своевременныхъ и удачныхъ. Притомъ своевременность часто только и выясняется неудачными

опытами и обусловливается поддержкой. Много благородныхъ силъ было уложено, напр., въ «несвоевременныхъ» попыткахъ объединенія Италіи, но вѣдь безъ нихъ Италія до сихъ поръ оставалась-бы «географическимъ терминомъ» и разумная дѣятельность Кавуровъ по сю пору, пожалуй, не оказалась-бы «своевременной». Вообще, въ дѣлѣ практическаго выполненія своихъ задачъ, интеллигенція, по своей малочисленности, безъ поддержки массъ не можетъ сдѣлать многого, но въ качествѣ неуничтожимаго фермента и постояннаго инициатора она играетъ огромную роль въ жизни народовъ.

VI.

Интеллигентный человѣкъ, по статистическимъ карточкамъ, можетъ числиться въ дворянскомъ или мѣщанскомъ сословіи, онъ по средствамъ къ жизни можетъ быть литераторомъ или рабочимъ; но по своей общественной роли, которая составляетъ его единственную существенную черту, онъ не можетъ принадлежать ни къ какому сословію. Онъ отыскиваетъ и осуществляетъ всенародную правду, по отношенію къ которой для него нѣтъ ни дворянства, ни крестьянства. Если онъ симпатизируетъ, напр., нашему крестьянину, болѣе чѣмъ купцу, или французскому рабочему болѣе, чѣмъ французскому-же крестьянину, то исключительно потому, что въ одномъ сословіи жизненная правда сказывается сильнѣе, чѣмъ въ другомъ. По своему характеру, по своей общественной роли, интеллигентный человѣкъ—вообще «мірской радѣтель». Какой-же смыслъ послѣ этого имѣютъ непродуманныя или недобросовѣстные толки о какой-то противоположности между интересами народа и интеллигенціи? У интеллигенціи никакихъ своекорыстныхъ интересовъ нѣтъ вовсе. Ея интересъ—весь въ идеѣ. Стало-быть, интересъ интеллигенціи можетъ придти въ столкновение только съ тѣмъ, что враждебно ея идеѣ. Но идея интеллигенціи чужда сословности; она отыскиваетъ правду общечеловѣческую. Стало-быть, вопросъ сводится къ тому, можетъ ли существовать противорѣчіе между идеалами правды и интересами народа?

Поставить такой вопросъ значитъ разрѣшить его. Нелѣпость обвиненія очевидна. Идеаль правды и интересъ народа—это два названія одного и того-же предмета. Правильно понятый интересъ народа именно и составляетъ идеаль правды. Разумно осуществленный идеаль правды—это и есть интересы народа. Конечно, можно замѣтить, что требуется именно «правильное»

пониманіе, «разумное» осуществленіе, а интеллигенція молъ и понимаетъ неправильно и осуществляетъ неразумно. Совершенно согласенъ, что въ такомъ случаѣ дѣйствительность интеллигенціи можетъ оказаться въ противорѣчій съ народными интересами. Но я положительно утверждаю, что подобные случаи возможны только въ видѣ рѣдкаго исключенія и по частнымъ вопросамъ, а никакъ не въ смыслѣ общей дѣятельности интеллигенціи. Иначе это выходитъ просто какое-то чудо. Разсудимъ. Чтѣ нужно для правильнаго пониманія и разумнаго осуществленія? Нужно желаніе правильно понять и осуществить, нужна способность это сдѣлать, или другими словами—нужна добросовѣстность, умъ, знаніе. Но кто-же въ народѣ обладаетъ этими свойствами въ бѣльшей степени, чѣмъ его интеллигенція. Вѣдь въ интеллигенцію уходятъ лучшіе соки народа, люди съ наиболѣе развитымъ чувствомъ, съ наиболѣе развитымъ умомъ, наконецъ, наиболѣе жадно ищущіе знанія. Если допустить, что даже эти люди, лучше которыхъ у народа во всякомъ случаѣ никого нѣтъ, оказываются все-таки поголовно и по всѣмъ пунктамъ неспособными понять жизнь и осуществить ея требованія, то это будетъ фактъ, безъ сомнѣнія, очень печальный. Надъ такимъ народомъ, который не сумѣлъ создать лучшей интеллигенціи, исторіи остается только поставить черный крестъ: народъ, очевидно, умирающій. Не спорю, можетъ быть, возможны и такіе случаи. Но что касается народовъ живыхъ, то ихъ интеллигенція, въ общемъ, всегда вѣрно намѣчаетъ, какъ ближайшія задачи реформы, такъ и самыя средства ея. Историческій инстинктъ народа наиболѣе ясно сказывается именно у интеллигенціи и историческія задачи наиболѣе точно формулируются ею.

Сила и значеніе интеллигенціи въ народѣ опредѣляются именно этими ея свойствами, а никакъ не тѣмъ, что староста Федотъ дастъ въ шею писарю Лиссабонскому. Еще менѣе, разумѣется, способны измѣнить роль интеллигенціи хотя-бы сотни ругательныхъ передовицъ. Интеллигенція—*нужна*, и въ этомъ ея сила. Интеллигенція, взятая въ массѣ, лучше всѣхъ понимаетъ дѣло, она въ массѣ состоитъ изъ лучшихъ людей; въ этомъ причина ея авторитета, который, чтобы тамъ ни говорили, очень великъ въ Россіи. Сознаніе ея значенія, страхъ передъ нею и уваженіе къ ея нравственной силѣ въ полной мѣрѣ существуютъ даже у враговъ ея. Сознаніе въ ея необходимости болѣе или менѣе ясно или смутно существуетъ даже въ наиболѣе темныхъ слояхъ народа. Да и на самомъ дѣлѣ, Россіи, въ упорядоченіи ея хаотическихъ внутреннихъ отноше-

ній, въ приспособленіи къ новымъ условіямъ жизни и т. д. предстантъ такая сложная задача, разрѣшить которую было бы весьма трудно, если бы какой-нибудь злой волшебникъ отнялъ у народа этотъ живой, энергичный и развитой слой — интеллигенцію.

Необходимость этого слоя видна даже въ его разростаніи. Отчего въ самомъ дѣлѣ чуткій нравственный человѣкъ, происходитъ-ли онъ изъ князей или изъ крестьянъ, складывается непременно въ типъ интеллигентный? Почему онъ не можетъ удовлетвориться интересами своего сословія? Это доказываетъ, что по общему сознанію, болѣзнь Россіи заключается въ какомъ-то *общемъ* извращеніи жизни, въ общемъ несоотвѣтствіи съ народными представленіями о правдѣ. Не будь этого, большая часть интеллигентныхъ дѣятелей спокойно осталась бы въ средѣ своего сословія, и удовольствовались бы ролью просто честныхъ людей, поддерживающихъ (а не насаждающихъ) правду каждый въ своемъ уголку. Но видно такая работа недостаточна въ настоящее время, если каждый пробуждающійся человѣкъ стремится прежде всего провѣрить всю совокупность русской жизни. Сознаніе какого-то общаго, конституціональнаго порока, парализующаго успѣхъ всякаго мѣстнаго леченія—это сознаніе живетъ въ массахъ и передается интеллигенціи. Дѣйствительно, самый послѣдній мужиченка замѣчаетъ нынче съ уныніемъ: «нѣтъ правды». Сектантъ новѣйшихъ формаций имѣетъ вездѣ, во всѣхъ сѣтахъ, характеръ соціальнаго реформатора. Конечно, ясность сознанія можетъ быть различна. У интеллигенціи она доходитъ до точно формулированнаго убѣжденія, въ наиболѣе темныхъ слояхъ массы — остается смутнымъ предчувствіемъ. Но во всякомъ случаѣ это сознаніе поражаетъ тѣсную нравственную связь интеллигенціи съ народомъ.

Я говорю о той связи, о томъ единствѣ, которыя наиболѣе крѣпки и не зависятъ отъ нашего желанія, а существуютъ сами по себѣ, потому что обуславливаются единствомъ нравственнаго *настроенія*. Его не можетъ уничтожить никто и ничто, потому что это просто фактъ жизни. Допустимъ, что человѣкъ массы даже не понимаетъ и не одобряетъ положительнаго требованія интеллигенціи: единство духовное не уничтожается даже въ этомъ случаѣ. Масса и интеллигенція все-таки одинаково чувствуютъ присутствіе въ русской жизни одинаково имъ нежелательнаго факта, они одинаково страдаютъ отъ этого, одинаково убѣждены въ необходимости устраненія его. Ихъ душевное настроеніе одинаково, и въ этомъ смыслѣ я говорю о нравственномъ единствѣ. Мы могутъ возразить—какая изъ него польза, если

нѣтъ согласія въ средствахъ? Но я замѣчу, что это нравственное единство поважнѣе согласія въ средствахъ. Соглашеніе въ средствахъ—дѣло случайное и условное. Можно въ извѣстныхъ случаяхъ вступить въ союзъ даже со врагомъ, съ которымъ завтра-же начнешь опять бороться. Единство нравственное—напротивъ, дѣло, такъ-сказать, вѣчное. Когда оно есть—взаимное пониманіе и соглашеніе въ средствахъ непременно являются рано и поздно, или когда явятся, то будутъ уже прочны, постоянны. Вотъ это единство, составляющее залогъ всего прочаго, есть въ полной мѣрѣ у народа и интеллигенціи. Народъ понимаетъ душевное настроеніе подвижника, и даже тогда, когда не понимаетъ его средствъ, все-таки сознается, что это человѣкъ честный, хорошій и сильный. Въ этомъ отношеніи авторитетъ интеллигенціи вполне проченъ и подорвать его не можетъ никакая клевета. Разнаго рода обморочиванье можетъ заставить народъ временно и въ частныхъ случаяхъ возставать противъ интеллигенціи, какъ возстаетъ онъ иногда и противъ собственныхъ «мірскихъ радѣтелей», но бессильно подорвать духовное единство, вытекающее изъ общихъ условій русской жизни. А разъ оно есть, взаимное соглашеніе въ средствахъ, не болѣе какъ вопросъ времени. Ужъ и теперь интеллигенція во многомъ болѣе понятна массамъ, чѣмъ еще недавно, и придетъ время—станетъ понятна и совсѣмъ.

Вотъ почему мнѣ кажется страннымъ настроеніе, проявляющееся нерѣдко въ литературныхъ представителяхъ интеллигенціи. Этому малодушному пессимизму, этому унылому виду и особенно этой дрожащей рѣчи совершенно нѣтъ разумныхъ оснований. Напротивъ, именно теперь, когда въ лагерѣ ликующихъ и торжествующихъ самое слово «интеллигенція» употребляется исключительно въ ругательномъ смыслѣ, когда на интеллигенцію, кто во что гораздъ и кому что нравится, возводятся съ успѣхомъ самыя противоположныя обвиненія: выставляя ее передъ мужикомъ скопищемъ крѣпостниковъ и буржуа, а передъ баринномъ и буржуа—шайкой демагоговъ и социалистовъ; именно въ это смутное время помраченія умовъ и совѣстей человѣкъ честный и здравомыслящій долженъ возвысить голосъ и связать: «Милостивые государи! Лгите сколько вамъ угодно, мутите воду хоть до черной грязи, но вы ничего не сдѣлаете. Вы какъ отдѣльныя личности, безъ сомнѣнія, преуспѣете въ вашихъ стремленіяхъ; вы конечно, погубите много отдѣльныхъ личностей и цѣной ихъ жизни и счастья успѣшно набьете свои карманы, составите карьеру и т. д. Но интеллигенцію, какъ обще-

ственный слой, вы побить не можете, и она восторжествуетъ надъ всѣми темными силами».

Ни вы, спекулирующіе на жизнь и счастье другихъ людей, ни вы, въ невѣденіи и невѣжествѣ поднимающіе руки на самихъ себя, поднимая ихъ на соль земли своей, не можете измѣнить закономъ жизни, не можете сдѣлать такъ, чтобы знаніе, частное убѣжденіе и любовь къ человѣчеству перестали быть величайшей на землѣ силой.

И. Кольцовъ.

ЛЮБОПЫТНАЯ ИСПОВѢДЬ.

(„Лоринъ“. Романъ графа П. А. Валуева.)

I.

Выражаясь своеобразнымъ слогомъ почтеннаго автора романа «Лоринъ», я «принялъ на себя сказать» нѣсколько словъ по поводу названнаго произведенія, увѣренный, что читатель весьма «любопытенъ узнать» не столько объ его художественныхъ прелестяхъ, сколько о взглядахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ самого автора, извѣстнаго по своей долговременной, разнообразной и вліятельной административной дѣятельности.

Это тѣмъ болѣе любопытно и въ нѣкоторомъ родѣ даже поучительно, что намъ, русскимъ, представляются очень рѣдко случаи ближайшаго ознакомленія съ міросозерцаніемъ и умственнымъ багажемъ нашихъ современныхъ дѣятелей. Имѣя въ своемъ распоряженіи мало данныхъ — вѣрнѣе: почти никакихъ — и обладая въ то-же время естественнымъ любопытствомъ проникнуть тайну, — мы, поневолѣ, при сужденіи о нашихъ руководителяхъ и о мотивахъ, направляющихъ ихъ дѣятельность, — бродимъ въ потемкахъ. О «направленіи» того или другаго лица, мы, большей частью, узнаемъ по слухамъ, или-же — что едва-ли не опаснѣе — по такимъ шаблоннымъ, «комплиментарнымъ» передовымъ статьямъ, какими газеты, въ родѣ «Новаго Времени», привѣтствуютъ обыкновенно каждое новое восходящее административное свѣтило, памятуя извѣстное мудрое правило: о восходящемъ свѣтилѣ говорить восторженно и больше междометіями, а о нисходящемъ — осторожно и при случаѣ даже съ легкой укоризной, глядя по «вѣяніямъ». Для примѣра такого отношенія можно указать на отзывы названной газеты о графѣ Лорисъ-Меликовѣ при вступленіи его въ долж-

ность министра и при его отставкѣ. Примѣръ этотъ довольно характеристиченъ и, надѣюсь, достаточенъ.

Согласитесь, что какъ свѣденія, почерпнутыя изъ вторыхъ рукъ, такъ точно и хвалебныя свѣденія изъ газетъ, едва-ли достаточны для безпристрастной оцѣнки и весьма легко могутъ подавать поводъ къ одностороннимъ и ошибочнымъ сужденіямъ о дѣятеляхъ, единственно лишь благодаря недостаточному знакомству съ ихъ взглядами и намѣреніями. Смѣю полагать, что подобное незнакомство не совсѣмъ выгодно и для самихъ дѣятелей, по-крайней-мѣрѣ для тѣхъ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ нѣкоторую щекотливость къ общественному мнѣнію и ищутъ въ немъ содѣйствія своимъ планамъ. Очевидно, обыватель, даже при желаніи содѣйствовать хотя-бы платонически, не въ состояніи выполнить своей миссіи сколько-нибудь удовлетворительно, при незнаніи чего именно отъ него хотятъ; такое взаимное непониманіе ведетъ къ весьма грустнымъ недоразумѣніямъ; обыватель можетъ подумать, что отъ него требуютъ выраженія одной только радости, между тѣмъ какъ отъ него требуютъ совсѣмъ другого, и наоборотъ. Я не говорю уже о такихъ рѣдкихъ общественныхъ дѣятеляхъ, которые въ общественномъ одобреніи находятъ лучшую награду своимъ трудамъ. Положеніе ихъ воистину трагическое.

Правда, на глазахъ у всѣхъ факты; ихъ можно не только видѣть, но нерѣдко и чувствовать; но дѣло въ томъ, что не всегда легко — иногда и невозможно — уяснить себѣ мотивы, ихъ вызывающіе, вслѣдствіе чего обыватель — болѣе чѣмъ прежде любознательный — нерѣдко становится въ тупикъ, любопытно задавая себѣ вопросъ: «Какъ, почему и зачѣмъ?» Очень вѣроятно, что недоумѣніе легко-бы разъяснилось при объясненіи, но такъ-какъ объясненія прискиваются за свой счетъ и страхъ, то, понятно, сколь велика можетъ быть область предположеній.

Коротко говоря, мы совсѣмъ не знаемъ или очень мало знаемъ объ общественныхъ и политическихъ идеалахъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, вотъ почему всякій поводъ къ ближайшему съ ними знакомству — будь то романъ, брошюра или застольная рѣчь — является весьма цѣннымъ матеріаломъ для избѣжанія всякихъ превратныхъ толкованій.

Можно только искренно жалѣть, что подобные романы появляются очень рѣдко; едва-ли примѣръ почтеннаго автора не единственный въ своемъ родѣ. И публика должна быть весьма благодарна автору, давшему своимъ произведеніемъ случай познакомиться довольно коротко съ его задушевными стремленіями

и взглядами. Въ этомъ отношеніи авторъ оказалъ существенную услугу опубликованіемъ своего сочиненія.

II.

Даже при полной снисходительности къ начинающему автору надо сознаться, что романъ въ художественномъ отношеніи плохъ. Тщетна надежда встрѣтить въ немъ хоть одно лицо, сколько-нибудь похожее на живое, хоть одинъ діалогъ, похожій на обыкновенную разговорную рѣчь, каковой говорятъ простые смертные. Въ романѣ выведено множество лицъ, но все это манекены, къ которымъ авторъ пришилъ ярлыки съ надписью: «се левъ, а не собака» и всѣ они, всѣ безъ исключенія, безъ различія званій и пола, говорятъ однимъ и тѣмъ-же вылощеннымъ, сухимъ, часто не русскимъ, языкомъ канцелярскихъ докладовъ, не только въ обыкновенныхъ свѣтскихъ бесѣдахъ, но даже и во время рѣшительныхъ любовныхъ объясненій, когда, казалось-бы, языкъ канцеляріи совсѣмъ неумѣстенъ.

Явись «Лоринъ» безъ имени почтеннаго автора, онъ не только-бы не произвелъ—какъ выражается одинъ изъ персонажей романа—никакого «*éclat*», но безслѣдно кануль-бы въ лету среди общаго равнодушія, какъ канула, наприимѣръ, повѣсть «У Покрова въ Левшинѣ», печатавшаяся въ прошломъ году въ «Отголоскахъ» и нисколько не уступающая «Лорину».

Я нарочно упомянулъ объ этой повѣсти, едва-ли извѣстной публикѣ; она удивительно напоминаетъ «Лорина» и по языку, и по манерѣ, и по наивности концепціи и, наконецъ, по авторскому апломбу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ произведеніи дѣйствующія лица недовольны судебными учрежденіями, университетами, печатью, только недовольство это въ повѣсти неизвѣстнаго автора выражено болѣе рѣзко и откровенно, чѣмъ въ романѣ графа Валуева. И въ повѣсти, какъ и въ романѣ, всѣ добродѣтельные персонажи состоятъ на службѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, кромѣ судебного, а не добродѣтельные службы избѣгаютъ или поступаютъ въ судебное вѣдомство. Въ повѣсти даже выведенъ судебный чинъ въ образѣ злоумышленника, волнующаго студентовъ; въ романѣ фигурируетъ прокуроръ, хотя и не въ столь ужасномъ видѣ, но во всякомъ случаѣ прокуроръ неблагонамѣренный, не обнаруживающій тѣхъ благородныхъ чувствъ, которыя мы, обыкновенные смертные, привыкли обыкновенно видѣть въ прокурорахъ. Какъ въ повѣсти, такъ и въ романѣ въ качествѣ героинь дѣй-

ствуютъ во всѣхъ статьяхъ примѣрныя дѣвицы (въ повѣсти дочь совѣтника губернскаго правленія; въ романѣ дочь директора канцеляріи) и столь хорошо воспитанныя, что съ лицами генеральскаго званія говорятъ не иначе, какъ титулуя ихъ: «ваше превосходительство» и при томъ такимъ языкомъ, что хоть сейчасъ въ докладную записку.

— *Ваше превосходительство*, говорятъ дѣвица посѣтившему ея камергеру, — меня не обезпекли; я только опасалась, что не сумѣю объяснить моему отцу того, что вы *изволили* сказать по интересующему дѣлу.

— *Ваше превосходительство* весьма любезны, еще разъ покрасивъ, рѣшилась сказать Вѣра. («Отголоски» 1881 г., № 6, стр. 804 и 805).

Какъ въ повѣсти, такъ и въ романѣ дѣйствующія лица высказываютъ по всѣмъ вопросамъ одинаковыя мнѣнія и почти одними и тѣми-же словами. Такъ, наприм., одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, говоря о нашей прессѣ и выдѣляя изъ нея «Московскія Вѣдомости», даетъ петербургскимъ газетамъ такую аттестацию:

— «Въ Петербургѣ-же всѣ газеты на одинъ ладъ... Есть отгѣнки по формѣ; по существу ихъ нѣтъ. Постоянно *прихорашивается нехорошее*, извиняется невинимое, проповѣдуется ложное, поощряется несомнѣнно вредное. Постоянно твердятъ молодежи, что она имѣетъ какія-то права на домогательства или притязанія, никакимъ уставомъ не оправдываемыя; постоянно натапливаютъ ее на попытку выходить изъ своей роли и дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы учиться» («Отголоски», 1881 г., № 6, стр. 812—813).

Въ дальнѣйшихъ lamentаціяхъ противъ печати персонажъ даже безъ всякой церемоніи свидѣтельствуетъ, будто пресса «*поставляетъ броженію въ университетъ, если даже не возбуждаетъ этого броженія*». («Отголоски» 1881 г., стр. 815).

То-же самое по существу, хотя и мигче по формѣ, говорятъ о прессѣ и персонажи романа. Уязвленію прессѣ посвящена даже цѣлая глава подъ названіемъ «Губернаторъ» съ коварнымъ эпитаграмомъ: «Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»; въ этой главѣ приводится корреспонденція, наполненная клеветой на добродѣтельнаго губернатора и его супругу и напечатанная въ петербургской газетѣ «Звукъ». Корреспондентъ само собой выставленъ авторомъ въ очень непривлекательномъ видѣ.

— «Вотъ плата за нашу любезность и гостепріимство!» восклицаетъ, прочитавъ корреспонденцію, губернаторша.

— Быть можетъ, и не за то, а просто за то, что я князь Пронскій и губернаторъ, а онъ Кучилинъ и чиновникъ какой-нибудь палаты. *Благодаря газетамъ всякая жемчугъ теперь можетъ сдѣлаться чернилами!*» отвѣтствовалъ супругъ. (Стр. 287, II ч.).

Самъ герой Лоринъ, защищая какой-то великовсѣтскій романъ, осмѣянный «Звукомъ» и «Невскими Записками», говоритъ, между прочимъ, что романъ уже тѣмъ хорошъ, что въ немъ «по

крайней мѣрѣ нѣтъ ни тѣхъ циническихъ подробностей, ни того систематическаго прихорашиванія нехорошаго (*припомните отзвѣвъ въ повѣсти: «постоянно прихорашивается нехорошее»*), ни того старательнаго изображенія разной грязи, которыя встрѣчаются даже подъ перомъ нашихъ лучшихъ писателей. Все это, конечно, только отрицательныя достоинства; но мнѣ кажется, что въ наше время и отрицательныя достоинства имѣють цѣну». (Стр. 331—332). Тотъ-же Лоринъ, въ другомъ мѣстѣ, жалуется на литературу въ такихъ выраженіяхъ:

„Передовыя элукубраціи слишкомъ стереотипны. Всякая тема переворачивается по нѣскольку разъ съ лица на изнанку и съ изнанки на лицо. Когда болѣе или менѣе знаешь, что у насъ творится внѣ дневнаго обихода и какое различіе существуетъ на дѣлѣ между есть и кажется,—то печатная жвачка становится приторною. Въ концѣ концовъ сосредоточиваешься на журналахъ. Она такъ толсты, что обѣщаютъ матеріала для препровожденія времени. Однако, и здѣсь есть цѣлые отдѣлы, которыхъ я недоирогиваюсь. Вся современная матеріалистическая пропаганда, всѣ тенденціозныя научныя статьи, анализы Дарвинизма, теоріи мозговыхъ рефлектовъ,—не для меня. Я штабъ-ротмистръ. Читаю обзорныя, критическія статьи, историческія или біографическія очерки и романы. По части романовъ не могу надвинуться господствующему стилистическому пошбу. Почему и къ чему какое-то исцаніе локальной краски въ грубоватыхъ и даже грубыхъ оттѣнкахъ? Въ нашемъ богатомъ, сильномъ, чудесномъ языкѣ, до сихъ поръ наименѣе разработана та именно часть, которая необходима для романа, часть обыденно разговорная и повѣствовательная. Романисты могли-бы принести, въ этомъ отношеніи, величайшую пользу. Но романы, которые мнѣ попадаютъ подъ руку, этой пользы не обѣщаютъ. Формы и обороты рѣчи иногда безъ всякой надобности спускаются на не пригодный уровень. Даже въ журналѣ издателя, знающаго свое дѣло, романы отличаются тѣми-же атрибутами. NN *калѣкаетъ* съ NN'. X *долженъ непремѣнно крикнуть* прежде, чѣмъ заговоритъ съ Y или отвѣтитъ Z, и т. п. Въ одномъ романѣ я насчиталъ одинадцать разъ слово *крикнуть* въ трехъ главахъ. Если такіе атрибуты не различны *отъ* различныхъ типовъ, то къ чему обиліе такихъ типовъ?“ (Томъ I, стр. 201—202).

Кромѣ приведеннаго, такъ сказать, штабъ-ротмистрскаго отзыва, въ романѣ есть еще и другой, совсѣмъ ужъ похожій на аттестацію, данную въ повѣсти, очевидно, гражданскимъ чиновномъ. Рассказывая, что наши суды подрываютъ авторитетъ власти, одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа говоритъ: «въ этомъ отношеніи суды и газеты на одной доскѣ». (Томъ II, стр. 214).

Повторяю, сходство между повѣстью и романомъ настолько значительно, что едва-ли не слѣдуетъ считать одно произведеніе дополненіемъ другого. Такъ, въ повѣсти кромѣ добродѣтельныхъ чиновниковъ V и VI классовъ и недобродѣтельныхъ судебныхъ чиновъ выведены еще злоумышленники нигилисты, подъ прозвищами «Барсука», «Кота», «Волка» и «Бѣгуна», и добрый капитанъ, накрывающій нигилистовъ, а въ романѣ преимущественно дѣй-

ствуютъ особы первыхъ трехъ классовъ и въ качествѣ «героя» конногвардеецъ; о нигилистахъ, а слѣдовательно, и о добромъ капитанѣ, не упоминается; такимъ образомъ, картина нравовъ современнаго общества въ романѣ была-бы не полной, еслибъ подспорьемъ не являлась повѣсть «У Покрова на Левшинѣ».

Впрочемъ, пораженный сходствомъ, я забѣжалъ впередъ и началъ съ конца, цитируя мнѣнія тѣхъ лицъ романа, устами которыхъ поучаетъ самъ почтенный авторъ... Въ надлежащемъ мѣстѣ я приведу сводъ всѣхъ этихъ поученій и lamentацій, а пока надо познакомить читателя съ содержаніемъ, съ дѣйствующими первыми трехъ классовъ особами и героемъ штабъ-ротмистромъ, имѣющимъ, сколько можно судить, специальное назначеніе служить образцомъ по меньшей мѣрѣ для кавалерійскихъ юнкеровъ, какъ по благородству чувствъ, такъ и по верховой ѣздѣ.

III.

Великолѣпный во всѣхъ статьяхъ, благородный, какъ только можетъ быть благороденъ герой великосвѣтскаго романа добраго стараго времени, штабъ-ротмистръ Лоринъ обладалъ рѣшительно всѣми добродѣтелями. Нечего и говорить, что велъ онъ себя во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно. По примѣру князя Ширвашидзе, мирныхъ гражданъ въ ресторанѣ не рубилъ, въ Ливадіи никакихъ скандаловъ не учинялъ, на мѣлокъ въ карты не игралъ, а рачительно занимался службой и верховой ѣздой, посвящая свободное отъ занятій время, натурально, Амуру. Иначе, какой-бы онъ былъ штабъ-ротмистръ и герой.

Авторъ знакомитъ насъ съ нимъ въ то время, когда онъ состоитъ въ амурахъ съ не менѣе великолѣпной графиней Искрицкой, которая «была однимъ изъ блистательныхъ явленій петербургскаго великосвѣтскаго міра». Нечего и говорить, что герой окружалъ глубочайшей тайной свои отношенія къ замужней женщинѣ; тѣмъ не менѣе объ этихъ отношеніяхъ догадывались въ обществѣ, но громко о нихъ не говорили, такъ-какъ конвенансы были соблюдены. Такимъ образомъ, репутація молодой женщины не была посрамлена и оба великосвѣтскіе персонажи наслаждались возможнымъ на землѣ счастіемъ.

На основаніи кодекса благородства, принятаго къ руководству въ высшемъ обществѣ и обязательно рекомендуемаго романистомъ, въ подражаніе прочимъ штабъ-ротмистрамъ,—обоихъ благородныхъ любовниковъ, повидимому, мало шокировалъ ихъ обманъ

отсутствующаго мужа, вдобавокъ челоуѣка «безъ характера и безъ всякихъ правилъ»; по всей вѣроятности, любовная связь продолжалась-бы въ тайнѣ, безъ какихъ либо «трагедій», если-бъ почтенный авторъ не задумалъ написать своего нравоучительнаго романа и не сдѣлалъ завязкой его открытіе тайны съ большимъ «*éclat*».

Случилось это такъ: въ одинъ зимній вечеръ, именно въ «театральный» часъ, удобный, по удостовѣренію автора, «для всѣхъ выѣздовъ, которые желательно охранять отъ посторонняго любопытства», штабъ-ротмистръ, исправный въ любовныхъ свиданіяхъ точно также какъ и по службѣ, въ 8 часовъ вечера подѣхалъ къ дому на Мойкѣ и только что хотѣлъ отворить карманнымъ ключемъ двери «пріюта любви», устроеннаго въ квартирѣ родственницы своей г-жи Долинской, какъ съ верхняго этажа штабъ-ротмистра оклинула образцовая дѣвица Ольга Соболина, дочь директора канцеляріи (тоже бывшаго штабъ-ротмистра), пріѣхавшая въ этотъ-же домъ навѣстить одну больную въ квартирѣ чиновника, подчиненнаго ея отца. Дѣло въ томъ, что карета за дѣвицей не пріѣзжала и она была очень смущена, боясь опоздать домой и тѣмъ огорчить своего папу. Выйти-же изъ дому безъ провожатаго и сѣсть на извозчика образцовая и въ страхъ воспитанная дѣвица не рѣшалась. Разумѣется, увидавъ Лорина, она обрадовалась и объявила, что имѣетъ «до него просьбу»—проводить ее до извозчика.

Положеніе штабъ-ротмистра было изъ тѣхъ, которыя часто эксплуатировалъ Поль-де-Кокъ въ своихъ веселыхъ романахъ. Минуты свиданія приближались—графиня тоже была аккуратная дама и на rendez-vous не опаздывала—а тутъ вдругъ такой неожиданный случай—надо проводить дѣвицу. Если прибавить къ этому, что графиня была ревнива и что штабъ-ротмистръ считалъ неудобнымъ отпустить дѣвицу на извозчикѣ, а долженъ былъ провести ее до своихъ саней, стоявшихъ за угломъ (изъ предосторожности), то легко вообразить себѣ положеніе бѣднаго штабъ-ротмистра. Ситуація эта усложнилась еще внезапнымъ появленіемъ на гѣстницѣ нѣкоего князя Чекалова, «злодѣя» романа (впрочемъ, почти единственнаго; въ романѣ добродѣтель доминируетъ) со «слѣдами страстей въ чертахъ лица» и съ измѣнчивымъ выраженіемъ глазъ. Онъ былъ дипломатомъ, но какъ «злодѣй» нигдѣ при миссіяхъ не уживался, жилъ теперь въ Петербургѣ, числился гдѣ-то и занимался «салонной критикой правительственныхъ распоряженій», что натурально только усиливало его злодѣйство.

Князь Чекаловъ таинственно скрылся въ дверяхъ квартиры

какого-то присяжнаго повѣреннаго, но внизу гѣстницы благороднаго штабъ-ротмистра и трепетавшую (отъ страха при видѣ Чекалова) дѣвицу ожидала еще болѣе непріятная встрѣча. Дама подъ вуалемъ, явившаяся на подъѣздъ, рѣшительно загородила дорогу и спросила по-французски у штабъ-ротмистра:

— Кто эта дама?

— Что дѣлаете вы, въ полголоса сказалъ ей на томъ-же языкѣ офицеръ.— Я сейчасъ вернусь.

— Я хочу знать кто съ вами, сказала она.

— Вы себя губите... тихо проговорилъ молодой человекъ.

— Мнѣ все равно, съ горячностью отвѣтила дама, откидывая вуаль, который закрывалъ ея лицо.— Я не скрываюсь. Вы видите, что я графиня Искрицкая, продолжала она, обращаясь прямо къ Ольгѣ Николаевнѣ.— Кто вы?

Молодая дѣвушка дрожала, какъ листъ. Пораженная внезапностью и своимъ встрѣчи, она инстинктивно сознавала трудность своего положенія. Ей было неловко за себя, и какъ-то жаль и досадно за офицера. Но на вопросъ графини она отвѣтила твердымъ голосомъ, тоже по-французски:

— Мнѣ нѣтъ причины себя скрывать. Я Ольга Соболина. (Т. I, стр. 11).

Штабъ-ротмистръ увелъ дѣвицу, посадилъ ее въ сани, но, возвратившись, уже не засталъ графини, а получилъ изъ рукъ швейцара визитную карточку (экая неосмотрительность), на которой было написано по-французски: «ждать не въ моихъ привычкахъ».

Вышеизложенная «се-конъ-апель-истуаръ», быть можетъ, и даже навѣрное, не подверглась-бы дальнѣйшему оглашенію, въ виду скромности Ольги Соболиной и тѣмъ паче отца ея, директора канцеляріи, воздержанность котораго отъ разглашенія тайнъ гарантировалась самимъ его служебнымъ положеніемъ. (О швейцарѣ я и не говорю. Какую роль можетъ играть швейцаръ въ великосвѣтскомъ романѣ?). Но на бѣду свидѣтелемъ встрѣчи героя съ дѣвицей былъ «злодѣй» князь Чекаловъ. Черезъ нѣсколько дней, на балу у графовъ Турскихъ, тотъ великосвѣтскій «Яго», занимающійся вдобавокъ «салонной критикой правительственныхъ распоряженій», возбуждаетъ еще сильнѣе ревность графини и когда Лоринъ на балу подходитъ къ ней, то между ними происходитъ горячее объясненіе, такъ-сказать, при «открытыхъ дверяхъ»... Графиня тотчасъ-же уѣхала съ бала. «Éclat» былъ полный... «Позоръ» графини былъ, такъ-сказать, оглашенъ на всю бальную залу.

Послѣ такого «оглашенія» оставаться въ Петербургѣ, разумѣется, было нельзя и графиня рѣшается уѣхать совсѣмъ за границу. Передъ отъѣздомъ она пишетъ Лорину длинное письмо, похожее болѣе на докладную записку о «воспособленіи» изъ свободныхъ участковъ казенныхъ земель, чѣмъ на вопль любя-

щей женщины; — въ этомъ письмѣ графиня объясняетъ, что «жребій брошенъ», такъ-какъ «покрывало сброшено», и обращается за доказательствомъ любви. «Вы мнѣ теперь это докажете. Но знайте, что если вы и не докажете такъ, какъ я это разумѣю, то я на васъ сѣтовать не буду...» «Я не зову васъ. Я не прошу васъ. Я освѣдомляюсь»... Письмо оканчивается: «Засимъ до свиданія или прощайте на всегда». (Т. I, стр. 50).

Подобное «освѣдомленіе» подѣйствовало на благороднаго штабъ-ротмистра угнетающимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, приходилось выбирать между любимой женщиной, съ одной стороны, — службой и «Углемъ», любимымъ жеребцомъ, съ другой. Вопросъ жгучій. Конечно, для обыкновеннаго смертнаго вопросъ этотъ не представлялся-бы такимъ жгучимъ по-крайней-мѣрѣ въ первое время, но для героевъ великосвѣтскаго романа вѣдь существуетъ особый кодексъ нравственныхъ понятій. Хотя Лоринъ былъ и молодъ, но, по похвальному аттестату автора, «рѣзкость ума и характера въ немъ опередили лѣта»... Онъ, правда, «не поколебался дать графини Искрицкой *ожиданный* отвѣтъ, но *ущемленіе* сердца, съ которымъ онъ далъ отвѣтъ, его встревожило. Онъ принесъ жертву, но кому?—графинѣ, а не своей любви къ ней» (Томъ I, стр. 53). «Въ мысляхъ Лорина быстро сопоставлялось все то, отъ чего онъ отказывался и съ чѣмъ разставался. Полкъ, товарищи, служебная будущность, домашнія отношенія къ дядѣ, общественныя и дружескія связи».

«Лихорадочный холодъ смѣнялся въ Лоринѣ съ лихорадочнымъ жаромъ», «взглядъ его скользилъ по оружію, которымъ была убрана одна изъ стѣнъ кабинета, по портретамъ товарищей, которые украшали другую стѣну. Прощайте товарищи, проговорилъ Лоринъ. — Взглядъ перешелъ къ портрету его любимаго коня, которымъ гордился полкъ и на которомъ Лоринъ столько разъ былъ блистательнымъ ординарцемъ; прощай мой добрый Уголь,—подумалъ онъ» (Томъ I, стр. 54—55).

Благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ старыхъ холостяковъ-дядюшекъ, генералъ Рошинъ, ходившій скорымъ «шагомъ, хотя всегда съ наклономъ на одну сторону», и котораго «рѣшимость и самообладаніе доходили до того, что называется *позой*»,—совѣтовалъ своему племяннику «опротетчиво не играть своей судьбой и однимъ шагомъ предрѣшать свою будущность». Онъ не согласенъ на выходъ Микки въ отставку. Онъ проситъ, умоляетъ, грозитъ разрывомъ.

— Любезный дядя, проговорилъ Лоринъ глухимъ голосомъ, — зачѣмъ искушаете вы меня? Зачѣмъ колеблете вы рѣшимость, которую вы не можете внутренно не одобрить? Привязанность къ вамъ, и благодарность, и повиновеніе

мнѣ не новы; я вамъ всегда повиновался легко и охотно; но теперь я не властенъ повиноваться. Если-бы вы вчера утромъ отъ меня потребовали, чтобы я расстался съ графинею, я-бы еще могъ это сдѣлать. Теперь поздно. Жребій брошенъ. (Томъ I, стр. 68).

Поставленный такимъ образомъ, между долгомъ и повиновениемъ, штабъ-ротмистръ, охотно готовый повиноваться и бросить на произволъ судьбы графиню, если-бы дядя говорилъ съ нимъ вчера, а не сегодня, — вышелъ въ отставку и уѣхалъ за-границу къ графинѣ. Тамъ они странствовали по разнымъ мѣстамъ и все это время штабъ-ротмистръ, такъ-сказать, перегоралъ въ горнилѣ очищенія, писалъ письма о текущей литературѣ, философствовалъ насчетъ римлянъ и, между прочимъ, восклицалъ: «Какая линія еорпостовъ отъ Каледоніи до Эракии!» Между тѣмъ, заря другой любви, любви къ Ольгѣ Соболиной, занявшаяся въ его сердцѣ еще въ Петербургѣ, загорѣлась сильнѣе при встрѣчѣ съ Ольгой въ Римѣ. За границей дѣло не обошлось безъ дуэли. Графъ Раитинъ сказалъ Лорину, что «лейбъ-гвардіи конный полкъ теперь не то, чѣмъ онъ былъ прежде».

Лоринъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Что хотѣли вы сказать, графъ, про лейбъ-гвардіи конный полкъ? спросилъ онъ сдержаннымъ голосомъ.

— Что прежде его офицеры не отказывались стрѣляться, а теперь отказываются.

Лоринъ посмотрѣлъ Раитину прямо въ глаза и отвѣтилъ:

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите, графъ. Но вы вашей цѣли достигли. Вы тронули струну, на которой отвѣтъ вамъ былъ обезначенъ. (Томъ I, стр. 426).

Дуэль окончилась-бы роковымъ образомъ, если-бы не медальонъ, данный Ольгой (ахъ, если-бы солдатамъ давали медальоны, то вѣрно убитыхъ на войнѣ было меньше!). Между тѣмъ, графиня давно, конечно, видитъ, выражаясь языкомъ автора, «бифуркацію» чувствъ штабъ-ротмистра и великодушно сама оставляетъ его. Лоринъ уѣзжаетъ въ Россію, надѣваетъ «мундирный фракъ», т. е. поступаетъ въ гражданское вѣдомство, но затѣмъ, помирившись съ дядей, лишившимъ-было племянника своего благоволенія и денежной помощи, — просвѣтленный и болѣе умудренный опытомъ, тѣмъ-же чиномъ поступаетъ въ прежній полкъ. Нужно-ли прибавлять, что графиня Искрицкая умираетъ въ чахоткѣ, а Лоринъ женится на давно любящей его высокодобродѣтельной Ольгѣ...

III.

Такова фабула романа и главные герои его. Кроме главных героев въ романѣ есть еще множество другихъ лицъ, которыя произносятъ различныя поученія въ длинныхъ резонерскихъ тирадахъ и высказываются по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ распредѣленіи добродѣтелей на долю каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ романа любопытно слѣдующее обстоятельство. Всѣ лица, имѣющія отъ автора аттестатъ государственной зрѣлости или благородства, занимаютъ административныя посты или, если не служатъ, то служили и преимущественно въ кавалеріи; если-же не служатъ и не служили нигдѣ, то—крупные землевладѣльцы. Такъ, добрый и благонамѣренный князь Пронскій—губернаторъ; трудолюбивый, благородный и умный дѣйствительный статскій совѣтникъ Соболинъ—директоръ канцеляріи; горячій и честный Рошинъ, дядя героя, генералъ-лейтенантъ; баронъ Рингшталъ, рыцарь изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, бывший кавалеристъ; добродѣтельный врачъ—инспекторъ врачебной управы. Князь Забѣлинъ, поклонникъ энциклопедистовъ и превосходный семьянинъ—крупный землевладѣлецъ, и т. д. всѣхъ не перечеть. Исключеніе составляютъ только вице-губернаторъ (и то скорѣе не по своей винѣ, а по винѣ жены, интригующей въ пользу мужа), чины судебного вѣдомства да чиновникъ Кучилинъ, онъ-же и корреспондентъ «Звучка». Я не упоминаю, конечно, о «злодѣѣ» романа—князь Чекаловъ. На то онъ и злодѣѣй, чтобы кроме зла ничего не желать людямъ. Но почему князь—и крупный землевладѣлецъ, и камергеръ, и дипломатъ—изъ ангеловъ свѣта сдѣлался ангеломъ тьмы—этого романъ не объясняетъ, впрочемъ, точно такъ, какъ и не объясняетъ на какомъ основаніи остальные персонажи превозмогаютъ другъ друга въ благородствѣ и являются такими «отдами-начальниками» безкорыстными, правдивыми, готовыми помочь правдѣ и преслѣдовать неправду, что, читая всѣ ихъ дѣянія, кажется, будто сенатское обвиненіе Токарева, Лошкарева и К^о, вся эта исторія объ оренбургскихъ и уфимскихъ земляхъ, всѣ эти нареканія на хищеніе и произволъ не болѣе какъ клевета, умышенная клевета.

Въ самомъ дѣлѣ, читая нѣкоторыя главы романа (напр., главу о губернаторѣ), при нѣкоторомъ воображеніи можно представить себѣ даже, что гуляешь въ благоустроенномъ административномъ раю, наполненномъ ангелами-чиновниками и слышишь со всѣхъ сторонъ—даже изъ дамскихъ устъ—очарова-

тельный языкъ канцелярскихъ бумагъ. И если-бы не беспомощность администраціи, не беззащитность крупныхъ землевладельцевъ, не тенденціозность суда, не злонамѣренность печати...

Но я опять забѣгаю впередъ... Прежде чѣмъ связать, такъ сказать, въ одинъ букетъ всѣ поученія, разъясненія въ романѣ, необходимо сказать два слова объ его языкѣ и привести образцы, чтобы читатели не обвинили меня въ голословномъ порицаніи.

Конечно, слѣдуетъ быть снисходительнымъ къ начинающему автору и притомъ автору-диллетанту и не предъявлять къ нему серьезныхъ требованій; я охотно пропустилъ-бы безъ особаго вниманія своеобразный языкъ романа, вполне понимая авторскія «*circonstances atténuantes*»,—но дѣло въ томъ, что въ романѣ чувствуется не только большая претензія на художественность, но чуть-ли не самъ авторъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, выражая неудовольствіе противъ разговорнаго языка романовъ, появляющихся въ литературѣ, указываетъ на свое произведеніе, какъ на образецъ изыскаго стиля. Быть можетъ, въ средѣ, которая описывается въ романѣ, слогъ романа и считается образцовымъ, но намъ съ вами, читатель, знакомымъ, слава Богу, съ произведеніями Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова и другихъ, подобная претензія можетъ показаться нѣсколько смѣлой...

Вотъ образчики этого «художественнаго» языка. Раскрываю книгу на удачу и выписываю слѣдующій діалогъ:

— Я васъ еще разъ искренно благодарю, любезный баронъ, сказалъ Андрей Михайловичъ прощавшемуся съ нимъ послѣ утренняго посѣщенія барону Рингштау,—за то, что вы сообщили, хотя все это до крайности непріятно.

— *И на дѣтъ стороны непріятно*, замѣтилъ баронъ.

— Нужно подумать о томъ, что и какъ сдѣлать. Впрочемъ, вы знаете французскую поговорку: прямо наступить на непріятность,—лучшій способъ отъ нея отдѣлаться.

— Да, но въ данномъ случаѣ это правило пригодно только въ одну сторону. (Томъ I, стр. 61—62).

Раскрываю второй томъ романа и останавливаюсь на такомъ разговорѣ между княгиней Пронской и Лоринимъ:

— На мой взглядъ я танцовалъ сегодня слышкомъ много, а не слышкомъ мало, княгиня, и признаюсь не вообразилъ, что вы за мной изволили наблюдать.

— Не я; мнѣ некогда, а другіе... Спросите, если вы любопытны, г-жу Мошину.

— Г-жу Мошину! сказалъ поблѣднѣвшій отъ осерчанія Лоринъ.—Позвольте оставить въ вашемъ распоряженіи этотъ источникъ наблюденій. Вы изволите знать, что я только въ угоду вамъ, только для васъ, записался здѣсь въ танцоръ; но я не считаю себя обязаннымъ танцовать съ дочерью г-жи Мошиной или танцовать именно столько, сколько г-жи Мошиной угодно... (Стр. 140).

Такъ и хочется прибавить: «о чемъ считаю долгомъ поставить въ извѣстность ваше превосходительство».

Это, видите-ли, называется «образцовымъ» разговорнымъ языкомъ, который, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, въ другихъ романахъ очень мало разработанъ!

Такимъ языкомъ говорятъ всѣ дѣйствующія лица. Даже въ сценахъ страсти, гдѣ, казалось-бы, каждый способенъ заговорить по-человѣчески, персонажи изъясняются вычурнымъ книжнымъ слогомъ. Вотъ вамъ отрывки изъ длиннѣйшаго и рѣшительнаго объясненія графини Искрицкой съ Лоринымъ:

— Я берегу остатки сокровища, переполнявшаго мою душу. Что было-бы со мною, если-бы, разставшись, я не могла-бы тебя съ любовью помнить, мысленно слышать рѣчь твою, хранить въ душѣ твой образъ, въ мысляхъ обнимать его и къ нему обращать тѣ слова любви, *глубокой, искренней, неизмѣнной, непрерывной* любви, которыя я къ тебѣ обращала? Не лишаю меня этого послѣдняго сокровища. Повторяю, лучше во время, лучше рано, *лишь* (1) бы не поздно; *лишь* (2) бы не залегла въ моей памяти *мила упрека*; *лишь* (3) бы смертельная рана сердцу была нанесена еще любящею, еще теплою, а не холодною рукою; *лишь-бы* (4) я вынесла только печаль, горе,—но не оскорбленіе! (Томъ I, стр. 306).

И далѣе, продолжая все то-же объясненіе, графиня говоритъ:

— *Если* (1) ты еще не любишь Ольгу, *если* (2) въ тебѣ возникло только одно изъ тѣхъ колебаній, которыя, какъ говорятъ, свойственны сердцу мужчины,—одумайся правдиво и чистосердечно рѣши. *Если* (3) ты хочешь, чтобы я осталась твоею, *если* (4) я тебѣ нужна, *если* (5) для твоей жизни нужно, чтобы я сама болѣе жила тобою, скажи это“. (Томъ I, стр. 310—311).

Но не довольно-ли? Я чувствую, что подѣ влияніемъ этихъ «лишь» и «если» способенъ заговорить подобнымъ художественнымъ языкомъ и сочинить романъ, въ которомъ мои лица будутъ выражаться, пожалуй, совсѣмъ по образцовому стилю. Такъ, напримѣръ, героиня моя, влюбленная въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лакрицу, изъяснится съ нимъ примѣрно въ такомъ родѣ:

— Ваше превосходительство! Принимая въ соображеніе, что мила страсти обуреваетъ мою душу,—что возбужденіе оной не противорѣчить видамъ родителей, а, напротивъ, ими поощряется,—что бифуркація, то есть перемѣщенія чувства моего, до гробовой доски не предвидится,—и на основаніи опредѣлительно вашимъ превосходительствомъ выраженныхъ комплиментарныхъ движеній,—имѣю честь почтительно доложить вашему превосходительству, что я согласна быть вашей любящей глубоко, неизмѣнно, непрерывно, искренно, нелицемерно и неукоснительно любящей супругой, *лишь-бы* чувство мое споспѣшествовало видамъ вашего превосходительства; *лишь-бы* я могла увѣренной быть, что въ состояніи доставить вамъ счастье на обѣ стороны и сама быть двойю счастливою; *лишь-бы* ваше превосходительство касательно чувствъ своихъ не столько внималъ внушеніямъ холоднаго разума, сколько голосу сердца... Но.. ваше превосходительство! Милый, желанный, дорогой мой, ваше превосходительство! Если вы не изволите ощущать во всѣхъ изгибахъ существа своего, чувства, крутымъ опытомъ про-

вѣреннаго; если комплиментарныя ваши движенія были внушены лишь мимолетной прихотью; если любовь ваша не есть плодъ долговременныхъ впечатлѣній, неизмѣнно и съ одинаковыми оттѣнками повторяющихся; если съ теченіемъ времени ваше превосходительство не будете любопытно наслаждаться силой моихъ чувствъ,—о, въ такомъ случаѣ,—не жалѣйте меня и предувѣдомьте меня вслѣдъ за симъ, дабы я могла своевременно и, не дожидаясь офансивныхъ съ вашей стороны взглядовъ, удалиться въ монастырь и тамъ, вдали отъ свѣта, молиться за ваше превосходительство равно какъ и за успѣхъ вашего служебнаго поприща. Да хранить васъ Богъ.

— Княжна Макрида! отвѣтствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лакрица, поспѣшая поблѣднѣть, чтобы вслѣдъ затѣмъ медлительно покраснѣть.—Я тройко радостенъ, и знаю, что вы мнѣ принесете счастье не на двѣ, а на четыре стороны. Богъ да хранить васъ!

Чѣмъ мое «объясненіе» хуже, скажите, положи руку на сердце, читатель?..

Трудно перечислить всѣ галлицизмы и совсѣмъ не «вѣроподобные» обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ романѣ. «Я приняла на себя сказать» (стр. 123); «на двѣ стороны не пріятно» (стр. 61); «онъ своей рукой срубилъ двухъ турокъ» (стр. 63); «я была любопытна узнать» (стр.); «я буду радоваться этому для княгини» (стр. 135); «комплиментарное движеніе» (стр. 32); «мнѣ нужно съ кѣмъ-нибудь сообщиться» (стр. 279); «я поручилъ блюсти вѣнокъ и охранять его отъ выброшенія» (стр. 293); «постановленный столъ» (стр. 323); «просьба до васъ»—такими выраженіями испещрены страницы романа.

Подобный «арго» выдаютъ намъ за образецъ изящнаго и выразительнаго литературнаго стиля! Употреби одну изъ приведенныхъ фразъ гимназистъ въ ученическомъ сочиненіи, гимназисту навѣрное поставили-бы неудовлетворительную отмѣтку и, чего добраго, не дали-бы аттестата зрѣлости, пока онъ не выучится по-русски.

IV.

Обратимся теперь къ «идейной» сторонѣ романа, къ многочисленнымъ поученіямъ, совѣтамъ и ламентациямъ общественнаго характера разныхъ дѣйствующихъ лицъ, пользующихся очевиднымъ расположеніемъ почтеннаго автора.

Въ началѣ своей статьи я уже привелъ выписки изъ повѣсти неизвѣстнаго автора и изъ романа «Лоринъ», свидѣтельствующія, какъ смотрять «Добромыслы» названныхъ произведеній на печать. По ихъ мнѣнію оказывается, что печать наша свершаетъ множество преступленій: «едва-ли не возбуждаетъ броженіе въ университетахъ», «прихорашиваетъ нехорошее», уси-

ливааетъ краски дурного, клеветаетъ на администрацію, подрываетъ авторитетъ власти, — не говоря уже о томъ, что даже лучшіе наши писатели, по мнѣнію штабъ-ротмистра, совсѣмъ не умѣютъ писать образцовыхъ романовъ.

Помимо взглядовъ на печать, высказываемыхъ въ романѣ военными и гражданскими чинами, въ «Лоринѣ» самимъ романистомъ выставленъ къ позорному столбу одинъ изъ представителей прессы, нѣкто Кучилинъ, хотя и чиновникъ одной изъ палатъ, но совсѣмъ безстыжій человекъ, ухаживавшій и безуспѣшно за приданымъ одной добродѣтельной дѣвицы и писавшій корреспонденціи. «Онъ былъ настоящимъ редакторомъ и хозяиномъ мѣстной газеты, издававшейся подъ наименованіемъ «Краснозерскій Телескопъ». Официальнымъ издателемъ и редакторомъ состояло другое лицо, изъ служащихъ по земству; но всѣ знали, что это лицо подставное, что на дѣлѣ такимъ издателемъ и редакторомъ былъ Эрастъ Өомичъ»... «Въ Краснозерскѣ вообще боялись его колкаго и часто беззастѣнчиваго пера, а нападать на хозяина пера боялись потому, что онъ былъ приуроченъ къ извѣстной палатѣ». Вотъ этотъ-то «безстрашный» Эрастъ Өомичъ, котораго, надо думать, мѣстная администрація, лишь по своей безпомощности, не могла «отъурочить» отъ палаты и «приурочить» куда-нибудь въ болѣе безопасное мѣсто, написалъ въ столичную газету «Звукъ» корреспонденцію, полную несправедливыхъ намековъ на губернатора князя Пронскаго и вообще весьма неблагонамѣренную. Въ романѣ приводится корреспонденція цѣликомъ; въ ней, между прочимъ, корреспондентъ пишетъ такія ужасныя вещи:

„Благодѣтельныя реформы нашего времени не дадутъ покоя консерваторамъ. Ихъ сѣтованіямъ нѣтъ конца; ихъ опасеніямъ нѣтъ числа. Напрасно факты опровергаютъ опасенія и обнаруживаютъ лживость сѣтованій. Консерваторы продолжаютъ бояться и жаловаться. Предметы сѣняются, настроеніе неизмѣнно. Крѣпостники жаловались на освобожденіе крестьянъ, будто-бы раззорившее помѣщиковъ; но помѣщики не потерпѣли раззоренія, кромѣ тѣхъ, которые упорно сами себя раззорили, напримѣръ, переѣзжали изъ столицы въ деревню на жительство и привозили съ собою подложныя англійскіе груммовъ. Стронники полицейскихъ суда и расправы жаловались на нашу молодую юстицію, утверждая, что она оправдываетъ разбойниковъ и осуждаетъ или оскорбляетъ невинныхъ; но недавній приговоръ надъ милліонеромъ, который поджегъ свою фабрику, опровергъ и эту клевету... Теперь наши консерваторы твердятъ на всѣ лады, что умалилось значеніе и вліяніе власти, что администрація утратила свой престижъ, и что ей не оказываютъ должнаго почета. У насъ всѣ такія нареканія недавно опровергнути,—мы не скажемъ блестятельно,—но скажемъ,—блеста и даже сверкала“.

(Стр. 233—234).

Далѣе корреспондентъ описываетъ празднество, бывшее у губернатора, по случаю именинъ его супруги, самымъ отча-

яннымъ образомъ извращаетъ факты, утверждая, будто въ «издержкахъ по огневой части участвовали всѣ подчиненные» и даже дѣлаетъ неблаговидные намеки относительно причины дурного состоянія духа губернаторши. Князь Пронскій былъ, разумѣется, возмущенъ. «C'est infect», сказалъ онъ, бросивъ газету на столъ и, подъ вліяніемъ благороднаго негодованія, рѣшилъ было не пускаться къ себѣ въ домъ этого господина, но болѣе дипломатичная княгиня отсовѣтовала. «Слѣдуетъ, напротивъ того, доказать, что мы опѣнили низость поступка, но платимъ презрѣніемъ». (Стр. 218).

Вотъ она какова печать! Вотъ каковы корреспонденты петербургскихъ газетъ!

Безпомощность администраціи заботитъ многихъ персонажей романа не менѣе чѣмъ распушенность печати. Въ самомъ дѣлѣ, добрый, благожелательный губернаторъ князь Пронскій, готовый творить добро и обратитъ подвѣдомственную ему губернію въ рай земной, встрѣчаетъ противодѣйствіе и со стороны земства и со стороны представителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Князь Пронскій на одномъ совѣщаніи прямо «указывалъ на нѣсколько случаевъ явно преднамѣреннаго возбужденія затрудненій со стороны земства. То, что теперь готовится для губернскаго собранія—сказалъ онъ—имѣетъ то-же свойство. C'est un coup monté». (Стр. 243).

На замѣчаніе вице-губернатора, что вліяніе князя среди гласныхъ сильно, князь замѣчаетъ, что добрая половина вліянія этого «совершенно частнаго свойства» и «въ рѣшительную минуту, подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь громкихъ фразъ и криковъ двухъ или трехъ умѣлыхъ жожаковъ, мое отсутствующее вліяніе не удержитъ извѣстную часть собранія отъ неудобныхъ увлеченій» (Стр. 244). «Я не могу рассчитывать на поддержку нѣкоторыхъ вѣдомствъ, которыя здѣсь имѣютъ своихъ представителей». (Стр. 245).

— «Они какъ-будто пользуются каждымъ случаемъ показать, что они не подчинены вашему сіятельству, добавилъ Скородумовъ (правитель канцеляріи)».

Въ другомъ мѣстѣ авторъ уже отъ себя говоритъ, что предмѣстникъ князя Пронскаго, «человѣкъ весьма разсудительный и распорядительный, оставилъ свое мѣсто потому, что ему наскучили постоянныя столкновенія съ одною изъ мѣстныхъ палатъ и съ предсѣдателемъ губернской управы». (Стр. 241). Даже неслужащіе персонажи и тѣ жалуются, что «бѣдная наша полиція, всѣми бранимая», оробѣла, что администрація, несмотря на желаніе, не имѣетъ силы дѣлать добро, встрѣчая повсюду

препоны. Нѣкоторые добропорядочные земцы, выведенные въ романѣ, по счастью, не оказываютъ противодействию губернаторамъ и разсуждаютъ такъ-же «здравомысленно», какъ и благонадежные чиновники. Въ лицѣ председателя управы Карина и уѣзднаго предводителя Муромскаго, людей, всегда готовыхъ содѣйствовать администраціи, авторъ какъ-бы провидитъ будущихъ «свѣдущихъ людей». Но, къ сожалѣнію, такихъ вліятельныхъ и благонамѣренныхъ земцевъ, постоянно живущихъ въ деревняхъ, немного.

«Ряды наши рѣдѣютъ, а не усиливаются!» говорить такой земець. — «Почему-же такъ?» — «Охраны и защиты мало, сказалъ Каринъ, и не замѣтно, чтобы въ наше время считалось нужнымъ, чтобы ихъ было болѣе». (Стр. 342).

Такия-же жалобы, на счетъ недостатка охраны и защиты, но въ болѣе выразительной формѣ, высказываются и крупными землевладѣльцами. Они претерпѣваютъ со всѣхъ сторонъ. Князь Забѣлинъ, у котораго умышленно подожгли сѣнные сарай, а присяжные оправдали поджигателя, вслѣдствіе того, что прокуроръ не достаточно настаивалъ на обвиненіи, на вопросъ Лорина, будетъ-ли князь строить новые сарай, — безнадежно отвѣчаетъ: «я не намѣренъ поощрять здѣшнихъ воровъ къ безнаказаннымъ поджогамъ и товарищамъ прокуровъ давать случай меня упрекать въ томъ, что я *позволяю себѣ* быть княземъ Забѣлинымъ и владѣть тѣмъ, что принадлежало моему отцу». «Мы со всѣхъ сторонъ нуждаемся въ защитѣ», жалуется, въ свою очередь, и княгиня Забѣлина. (Томъ I, стр. 175). Несмотря на самыя заботливыя попеченія князя Забѣлина о крестьянахъ, несмотря на помощь, оказываемую имъ то дѣсомъ, то деньгами, «есть какой-то затаенный разладъ», говорить князь. «Словно ихъ *подбиваютъ* противъ меня. Разъ два одна изъ деревень даже пыталась приносить жалобы на меня, за какія-то мнимыя притѣсненія по угодыямъ и за неотводъ въ надѣлъ пустоши, въ которой никогда не бывала нога крестьянъ той деревни. Меня въ особенности дразнить, что крестьяне подиѣтили мое отвращеніе отъ всякихъ судебныхъ разбирательствъ. Потравы и порубки случаются все чаще и чаще». (Стр. 183).

— Если вы не преслѣдуете ихъ, князь, сказалъ Муромскій, — то это довольно естественно.

— Но и преслѣдовать мнѣ ихъ не удобно. Я родился въ Бѣломъ-Селѣ, почти безвыѣдно въ немъ выросъ; я знаю лично всякаго мужика во всѣхъ деревняхъ; они всѣ мнѣ кланяются; я всѣмъ имъ говорю ты и всѣхъ зову по имени. Какъ-же мнѣ идти съ ними судиться передъ какимъ-нибудь *напѣжимъ господиномъ, который, во время разбирательства, можетъ глубокомысленно на меня поглядывать и пошрывать своей мишурной цѣпью?* Положимъ, что я не побѣду самъ, а пошлю

повѣреннаго. Но развѣ мой повѣренный не я, если вопросъ въ соблюденіи моего достоинства? Одно изъ двухъ: я выигралъ или проигралъ дѣло. Въ томъ и другомъ случаѣ тотъ Архипъ или Пахомъ, съ кѣмъ я судился, и, следовательно, сталъ на одну доску, можетъ послѣ суда не снять шляпы передо мною. Не сними одинъ,—перестанутъ снимать и другіе и тогда трудно будетъ оставаться на жительствѣ въ Бѣломъ-Селѣ". (Томъ II, стр. 184).

Далѣе, изъ жалобъ князя оказывается, что онъ даже не можетъ теперь «свое имѣніе назвать имѣніемъ», потому-что владѣть «пятью земельными обрубками, между которыми нѣтъ сообщенія иначе, какъ черезъ угодыя крестьянъ». Положеніе бѣднаго князя въ самомъ дѣлѣ до того безпомощно, что онъ не смѣетъ «проложить отводную канаву, потому-что на это не согласна то сельское общество, которому не удалось оттянуть у князя пустошь». (Стр. 186). Короче говоря, несчастный князь рѣшительно уподобляется злополучному путнику, очутившемуся среди разбойниковъ и нѣтъ никакой защиты! Ни малѣйшей! Дошло до того, что бѣдному князю просто житья нѣтъ. Судите сами:

„Рядомъ со мною, говоритъ онъ,—между клочками моего владѣнія, вездѣ власть, не только равная мнѣ, но даже выше меня, потому-что она признава закономъ. Волостной старшина, сельскій староста, даже волостной писарь, люди официальные, официально власть предержавшіе,—а я простой обыватель, домохозяйинъ, Николай Петровъ, князь сынъ Забылинъ. Я даже вовсе не желаю власти себѣ; но желалъ-бы, чтобы по близости была власть, которой я-бы могъ подчиниться. Очевидно, что я не могу быть подначаленъ волостному старшинѣ и его писарю". (Томъ II, стр. 186).

Здравомыслящій предводитель дворянства Муромскій пожалѣлъ при этомъ, что «при составленіи положеній 1861 г. не создали какихъ-нибудь территоріальныхъ единицъ, въ составъ которыхъ могли бы войти и крестьянскія и помѣщичьи земли». Правда, прибавляетъ онъ, есть становой—низшая территоріальная единица въ административномъ смыслѣ—«но этому бѣдному становому не до объединенія чего-бы то ни было. Онъ самъ у разныхъ властей по посылкамъ, и половину своего времени проводить въ разъѣздахъ». (Стр. 187).

— «Желали удалить, оттолкнуть отъ насъ крестьянъ, быть можетъ, возбудить ихъ противъ насъ. Что-жъ? Отчасти успѣли въ этомъ», говоритъ князь Забылинъ уже совсѣмъ языкомъ бѣлаго террориста (Т. II, стр. 187).

Другой лантъ-лордъ Басаргинъ, менѣе князя раздраженный и болѣе практичный, и, разумѣется, благороднѣйшій чловѣкъ, богобоязненный и отчасти склонный къ мечтательности, объясняетъ Лорину, что съ мужикомъ можно ладить; «его можно купить и закабалить добрымъ словомъ», не слѣдуетъ только

устанавливать хозяйственныхъ отношеній къ крестьянамъ на почвѣ строгой законности.

«И что значитъ законность, когда законъ охраняетъ по бумагѣ двѣ стороны, а на практикѣ только одну? Въ сельскомъ обиходѣ крестьянинъ можетъ жаловаться на помѣщика, но помѣщику судиться нельзя съ крестьяниномъ потому, что оно почти всегда бесполезно» (Т. II, стр. 200).

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на незащищенность нашихъ несчастныхъ ландъ-лордовъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ рѣшительно утверждаетъ, что нынче нельзя даже и говорить объ этомъ, такъ-какъ «порядочные люди беззащитны противъ всякой брани и клеветы».

Но не только безпомощность администраціи, полная незащищенность крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще бѣдственное положеніе всѣхъ порядочныхъ людей (по масштабу романиста) вызываютъ въ дѣйствующихъ лицахъ романа меланхолическія сѣтованія, ехидные упреки и, наконецъ, энергическія пророчества.

Не мало обвиненій сыплется въ романѣ и на судебныя учрежденія. Я [уже упоминалъ въ началѣ, что въ повѣсти «У Покрова по Левшинѣ», какъ и въ романѣ, чины судебного вѣдомства выставлены далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ (въ повѣсти даже чинъ судебного вѣдомства оказался просто злоумышленникомъ)]; за то чины другихъ вѣдомствъ, и преимущественно министерства внутреннихъ дѣлъ, фигурируютъ, какъ читатель замѣтилъ, окруженные ореоломъ всевозможныхъ добродѣтелей и если не всегда успѣшно дѣйствуютъ, то единственно вслѣдствіе своей административной безпомощности и преднамѣренныхъ затрудненій со стороны земства, «нѣкоторыхъ» вѣдомствъ и, пожалуй, оторопѣлости бѣдной, всѣми бранимой, полиціи.

Такъ, на примѣръ, прокуроръ Жутинъ, выведенный въ романѣ, оказывается совсѣмъ не похожимъ на тѣхъ прокуроровъ, съ какими мы знакомы по обвинительнымъ рѣчамъ. Господынъ Жутинъ не надежный человекъ; онъ «мутитъ городской людъ», «гдѣ только можетъ подбиваетъ противъ насъ» (землевладѣльцевъ), дразнить мѣстную администрацію и вдобавокъ ухаживаетъ за женой городского головы главнѣйшимъ образомъ потому, что «любить хорошо пообѣдать». «Любить, особливо безъ расхода. У насъ это замѣтно и насъ нужно благодарить — говорить добродѣтельный земецъ. Тамъ ему еще пока благодарны». Вотъ каковой оказывается неблагонамѣренный прокуроръ!

Вообще «юстиція» порицается почти всѣми дѣйствующими ли-

цами. Ужь на что Басаргинъ, добрый, хорошій помѣщикъ съ любовью занимающійся разводкой цвѣтовъ въ своемъ имѣніи, а и тотъ говоритъ: «эти господа (т. е. судейскіе) какъ-то странно бываютъ подобраны».

— „Намедни по важному уголовному дѣлу въ имѣніи Терпигоревыхъ, тамъ былъ судебный слѣдователь изъ тѣхъ, которыхъ называютъ, кажется, кандидатами на судебныя должности. Вы себѣ не можете вообразить, что за личность, судя по наружности и манерамъ. Не желалось-бы съ нимъ, гдѣ-нибудь, повстрѣчаться въ сумерки, съ глазу на глазъ“. (Т. II, стр. 212).

То есть, просто-на-просто въ судебномъ вѣдомствѣ «въ родѣ какъ бы разбойники».

Еще многозначительнѣе слѣдующая діатриба того-же почтеннаго садовода-помѣщика:

„Въ моемъ уединеніи, говоритъ онъ штабъ-ротмистру Лорину, — я теперь чаще задаю себѣ вопросъ: чѣмъ собственно обезпечивается у насъ общественное спокойствіе? Не вооруженною силой, которой нѣтъ; не полиціей, — потому-что стеновой за десять верстъ, и исправникъ за тридцать; не самими, такъ-называемымъ, обществомъ, потому-что въ немъ нѣтъ никакой организованной силы. Что-же заставляетъ массу повиноваться не многимъ, а отдѣльныхъ злоумышленниковъ остерегаться? Смутное почитаніе правительственной власти и обаяніе этой власти. Но обаяніе можно сравнить съ видомъ предмета, видимаго въ увеличительное стекло. Что-же дѣлаютъ наши суды? Они какъ-будто стараются перевернуть стекло и при всякомъ удобномъ случаѣ умалить значеніе власти и поколебать ея авторитетъ. Конечно, у насъ еще нельзя глумиться надъ правительствомъ въ его цѣломъ составѣ; но глумленіе по частямъ, въ особенности надъ нашею бѣдной полиціей, бесцельной, приниженной и съ толку сбитой, обратилось въ привычку. Въ этомъ отношеніи суды и газеты на одной доскѣ. А политическіе процессы? Читая стенографическіе отчеты, иногда кажется, что предсѣдатель и судьи пересѣли на скамью подсудимыхъ, защитники разъясняютъ социальныя теоріи, а важные сановники вѣздятъ на эти судебныя сатурналіи, какъ въ театр! Удивляюсь хладнокровію, съ которымъ у насъ смотрятъ на все это. Если подъ конецъ удастся при переворачиваніи разбить увеличительное стекло, то уже не склеить его осколковъ“. (Т. II, стр. 213—215).

Подобнымъ угрожающимъ пессимизмомъ преисполнены и другіе персонажи, высказывающіеся съ такимъ-же невѣроподобнымъ апломбомъ, какъ и садоводъ-помѣщикъ, и воображающіе, что «разбить увеличительное стекло» могутъ лишь суды, печать и глумленіе надъ «бѣдной полиціей». На вопросъ Лорина, много-ли въ губерніи такихъ умницъ, какъ ораторъ, произнесшій вышеприведенную рѣчь, — г. Басаргинъ отвѣтствовалъ, что «помѣщики и служащіе моего поколѣнія почти всѣ такъ думаютъ» (стр. 216). Во всякомъ случаѣ надо принять замѣчаніе г. Басаргина съ нѣкоторой осторожностью хотя, судя по многимъ даннымъ, и рѣшительно опровергать его нельзя.

Мрачный пессимизмъ доходитъ, наконецъ, до того, что даже

любянецъ Карлъ Карловичъ Бруммъ, управляющій генерала Рощина, не совѣтуетъ покупать теперь имѣній. «Если у кого есть лишнія деньги, то мой совѣтъ кратокъ: *переводите ихъ за-границу!*» (стр. 370).

„Я вчитываюсь въ газеты, вслушиваюсь въ толки, присматриваюсь къ дѣйствію властей, и вижу, что вамъ (генералу Рощину)—не вамъ лично, а всѣмъ, кто на васъ походитъ и кто въ вашемъ положеніи,—нигдѣ нѣтъ опоры. Никто не заываетъ о васъ заботы. Кромѣ всѣми бранимой и передъ бравью оробѣвшей полиціи,—вы ни на кого надѣяться не можете“ (Стр. 369).

Итакъ: «переводите капиталы за-границу!» вотъ до чего мы дожили, благодаря «язвамъ», указаннымъ добропорядочными персонажами романа.

Признаюсь, было-бы очень долгимъ и скучнымъ занятіемъ, продолжать дальнѣйшими выписками указывать на мрачный пессимизмъ, которымъ проникнуты почти всѣ благонамѣренныя лица романа.

Резюмируя всѣ ихъ совѣты, предостереженія и пророчества, получимъ слѣдующее:

- 1) Администрація не достаточна сильна.
- 2) Суды и печать подрываютъ авторитетъ власти.
- 3) Крупные землевладѣльцы беззащитны.
- 4) Крестьянъ возбуждаютъ противъ помѣщиковъ.
- 5) Печать распущена и сознательно клеветаетъ на все доброе.
- 6) Духовенство приижено.
- 7) «Порядочные» люди беззащитны противъ всякой брани и клеветы.
- 8) Земства и «нѣкоторыя» вѣдомства противодействуютъ администраціи.
- 9) Препедржащія власти бездѣйствуютъ.
- 10) Переводите свои капиталы за границу!

Короче, если вѣрить фаворитамъ автора, мы находимся въ состояніи полной анархіи. Вотъ къ какому выводу можно придти, проштудировавъ внимательно романъ.

Но да успокоится читатель; въ самихъ указаніяхъ на бѣдственное положеніе нашего отечества указаны и средства къ его врачеванію. Стоитъ только поспѣшить исполненіемъ совѣтовъ, преподанныхъ романомъ, и тогда, конечно, не придется исполнять и совѣта предусмотрительнаго Карла Карловича Брумма.

Разбирать пригодность этихъ средствъ по существу и рѣшать, насколько онѣ опровергнутъ мрачный пессимизмъ Карла Карловича, — не входитъ въ задачу настоящей статьи. Мнѣ остается заключить ее тѣмъ, чѣмъ началъ, что почтенный ав-

торъ оказалъ существенную услугу своимъ романомъ, давши случай читающей публикѣ довольно близко ознакомиться съ политическими и общественными взглядами маститаго автора, занимавшаго видный административный постъ и приводившаго въ исполненіе многіе изъ широко-задуманныхъ реформъ прошлаго царствованія.

К. С.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. М. Маркевичъ. Переломъ. Правдивая исторія. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1882.

«Слава Богу, восклицалъ при одномъ случаѣ Гейне,—дураки отлично уродились въ этомъ году и я, какъ богатый купецъ среди своихъ тюковъ, хожу, потирая руки, среди своего народа». Если-бы Гейне былъ на нашемъ мѣстѣ—на мѣстѣ современнаго русскаго рецензента—его восторгу не было-бы границъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что никогда еще въ нашей литературѣ (которая, какъ всегда, является и въ данномъ случаѣ только отраженіемъ общества) не было такого наплыва всевозможнаго рода Мартыновъ Задекъ, говоря выраженіемъ г. Щедрина, Мартыновъ, заваливающихъ насъ своими книгами, брошюрами и даже беллетристическими издѣліями, въ которыхъ изображаются, во-первыхъ, наши такъ-называемыя «язвы», а во-вторыхъ, предлагаются средства для уврачеванія этихъ язвъ. Въ принципѣ, противъ этого явленія ровно ничего нельзя сказать: въ общемъ дѣлѣ и Мартыны должны имѣть право голоса и если у нихъ есть что-нибудь за душой, кромѣ специальныхъ познаній по водочной части— пусть будетъ предоставлена имъ полная возможность высказаться. Они Мартыны, они Задеки, они гадаютъ на бобахъ и на кофейной гущѣ но, какъ-никакъ, они все же люди и наши сограждане, которыхъ мы, конечно, въ правѣ не послушать, но не въ правѣ не выслушать. Но одно дѣло отвлеченный принципъ, другое дѣло— практика. Пусть будутъ выслушаны и Мартыны— это резонно, но слушать *только* Мартыновъ— это, согласитесь, ни съ чѣмъ несообразно. Между тѣмъ, въ современной литературѣ нашей на десять человекъ, разсуждающихъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, навѣрное

приходится сотня Мартыновъ, давно потерявшихъ память и никогда не имѣвшихъ ума. Апломбъ этихъ нынѣшнихъ именинниковъ зачастую переходитъ даже границы простого литературнаго приличія. Тенденціи и вождѣнія, которыя еще немного дѣтъ, можно почти сказать немного мѣсяцевъ, не осмѣливались выступать предъ глаза общества безъ нѣкотораго болѣе или менѣе густого вуаля, разгуливаютъ теперь совершенно дезабиле и не только разгуливаютъ, но и дебоширятъ да при томъ еще и уваженія къ себѣ требуютъ. Покойная скарятинская «Вѣсть» погибла, какъ помнитъ, конечно, читатель, буквально раздавленная подъ тяжестью общественнаго презрѣнія и негодованія, а между тѣмъ тенденціи этой газеты были ничуть не хуже, не грязнѣе нежели поползновенія большинства современныхъ Мартыновъ. Взять хоть-бы г. Маркевича. Между нашими Мартынами—онъ нѣкоторымъ образомъ особа. Онъ дѣлаетъ съ ними одно и то-же дѣло—спасаетъ отечество, проводитъ «истинно-русскую идею», гадаетъ, прорицаетъ и пр. — но исполняетъ все это далеко не съ тою первобытною наивностью, какая отличаетъ настоящаго Мартына. Когда какой-нибудь възгравшій духомъ помѣщикъ (въ родѣ г. Неплюева) или дѣлецъ (въ родѣ г. Новосельскаго) берутся за перо — они идутъ къ своей цѣли по прямой линіи и скорымъ шагомъ и, вслѣдствіе этого, очень быстро опорожняются: десятокъ-другой и ужъ много-много сотня страницъ и дѣло въ шляпѣ, вопросы всѣ рѣшены, а отечество спасено. Г. Маркевичъ не такъ простъ. Онъ неопытный «дѣлецъ» (таковымъ, по крайней мѣрѣ, находилъ его г. Баймаковъ, сколько помнится), но онъ очень опытный писатель. Онъ знаетъ, что даже нашъ, издавшій всякіе виды, читатель возмутится и вознегодуетъ, если ему безъ всякихъ экивоковъ и церемоній выложить такую «программу»: «раззорю», «расточу», «не потерплю!» Въ силу этихъ соображеній, г. Мартынь Маркевичъ (зовутъ его, если не ошибаемся, Болеславомъ, но всежь-таки онъ Мартынь) пишетъ не худосочныя брошюры, а жирныя романы, въ которыхъ имѣется и дѣва на скалѣ и трели соловья, —

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь,

а поскудство стоитъ какъ-бы на второмъ планѣ, хотя, въ сущности, весь этотъ замысловатый эшафодажъ изъ дѣвъ, скалъ и соловьевъ только затѣмъ и сложенъ, чтобы служить пьедесталомъ мартыновскому поскудству. Это продѣлывается отнюдь не ради остатковъ стыдливости, а просто ради... культурности, что-ли, ради благообразія, вишняго приличія. Настоящій Мар-

тынъ, какъ человѣкъ дивій, преть на читателя съ какимъ-нибудь дрекольемъ въ рукахъ, тогда-какъ г. Маркевичъ, въ изящномъ фракѣ, съ любезной улыбкою и съ ловкостью почти военнаго человѣка предлагаетъ намъ бокалъ шампанскаго, въ который совершенно незамѣтнымъ образомъ и только въ самую послѣднюю минуту подливаетъ хорошую дозу синильной кислоты. Сущность стремленій — во что-бы ни стало и какъ-бы то ни было искалечить читателя—остается одна и та-же, но форма, оболочка этихъ стремленій, какъ видите, совсѣмъ другая.

Г. Маркевичъ задался цѣлью категорически прослѣдить происхожденіе той общественной и литературной ереси, которая осмѣливается не уважать гг. Батковыхъ, осмѣивать гг. Аксаковыхъ, гнушаться гг. Маркевичами и рекомендовать холодныя души всѣмъ вообще нашимъ Мартынамъ. Въ результатъ этого беллетристическаго изслѣдованія оказывается, что «корень зла» заключается въ тѣхъ реформахъ, которыя ознаменовали собою первую половину прошлаго царствованія и, главнымъ образомъ, въ крестьянской реформѣ. Такой результатъ, естественно, ставить г. Маркевича въ трудное и щекотливое положеніе, изъ котораго онъ, однако-же, выпутывается довольно находчиво. Инициатива реформъ, какъ извѣстно, принадлежала власти и г. Маркевичу, рабу и по натурѣ и по убѣжденіямъ — такова иронія судьбы—приходится становиться въ оппозицію къ власти. Изъ этого положенія г. Маркевичъ выкручивается такимъ ловкимъ манеромъ. Древніе софисты рассуждали, между прочимъ, такимъ образомъ: жизнь принадлежитъ намъ потому, что она намъ дана; но жизнь принадлежитъ не намъ потому, что она намъ дана. Точно такой-же діалектической фокусъ продѣлываетъ и г. Маркевичъ. Реформы намъ дарованы, но именно потому, что они намъ дарованы, онъ не принадлежатъ намъ и съ полнымъ правомъ и съ легкимъ сердцемъ могутъ быть отобраны обратно. Пути и средства для этого г. Маркевичъ предоставляетъ обсудить другимъ Мартынамъ, самъ-же настаиваетъ лишь на необходимости возврата къ тому «доброму старому времени», когда не было ни этой (чтобъ ей ни дна, ни покрывки!) гласности, мѣшающей срывать пятитысячныя и всякіе другіе куши, ни либеральной печати (чтобъ ей провалиться!), дерзко осмѣивающей геніевъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», ни общества (ежевыя-бы рукавицы 48 года ему!), позволяющаго себѣ смѣть свое сужденіе имѣть. Въ этомъ основная, благородная тенденція произведенія г. Маркевича. Всѣ литературныя финтифлюшки и завитушки романа — только аксес-

суары, назначенія которыхъ — облагородить и приграсить центральную идею романа.

Какъ романистъ, г. Маркевичъ долженъ говорить образами и картинами, отчего, впрочемъ, его золотыя рѣчи приобрѣтаютъ только большую выразительность. Герою романа и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ фаворитомъ автора является нѣкто Троекуровъ, напоминающій своими несказанными доблестями самыя блестящія времена рыцарства. Нѣтъ ему равнаго въ мірѣ. Достаточно ему «уронить» слово, «бросить» взглядъ, покрутить усами, пошевелить ноздрями, моргнуть глазами, пожать плечами и его противники—а ихъ много и все одинъ другого глупѣе или подлѣе—смущаются, теряются, начинаютъ городить жалкій вздоръ, къ большому удовольствію гг. Маркевича и Троекурова. Нигилистовъ Троекуровъ бьетъ по корявому рылу нагайкой, либераловъ укрощаетъ презрительными взглядами, а разнымъ увлекающимся духомъ времени, сановникамъ твердо читаетъ нотации, противъ которыхъ эти несчастные не имѣютъ лучшаго возраженія, какъ жалобное: «le torrent nous emporte!» При всемъ томъ, Троекуровъ отнюдь не крѣпостникъ — такъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ самъ говоритъ и г. Маркевичъ подтверждаетъ. Это не мѣшаетъ, однако-же, ни автору, ни самому герою при каждомъ случаѣ инсинуировать косвенно читателю, что освобожденіе крестьянъ — очень опасная затѣя и что гораздо было-бы лучше все оставить по-старому. Происходить, наприм., такой многозначительный разговоръ:

— Дворянство по міру пустякъ! заплѣлъ опять свое графъ, — а кѣмъ замѣнять? На дворянствѣ тронъ держался! Жили вѣка такъ! Худъ-ли, хорошъ, порядокъ былъ какой-нибудь! А какъ тронете, между трономъ и вилуномъ ничего не оставите, что тогда? Теперь всякъ мѣсто свое знаетъ, а тогда каждый вверхъ захочетъ лѣзть. А не попалъ—за топоры! Такое государство развѣ можно вдругъ безъ фундамента? Скута пойдетъ одна, мерзость, вотъ какъ во Франціи было!..

— Я позволю себѣ замѣтить, однако, вашему сіятельству, упрено повторилъ Федоръ Федоровичъ, — что дворянство и такъ теперь разорено до тла, или въ долгахъ все...

— Кто съ крестьянъ дракъ послѣднее и въ карты проигрывалъ, невозмутимо отпустилъ на это графъ, — тотъ и остался безъ ничего! А хорошей помѣщикъ и свою выгоду знаетъ, и народу пользу приноситъ.

— Мнѣ кажется, однако, графъ, сказалъ Троекуровъ, заинтересовавшійся и личностью, и оригинальною рѣчью этого представителя нинѣшнихъ временъ и возвращеній, и оставшійся стоять подлѣ него, прислушиваясь къ разговору, — хорошей помѣщикъ ничего не потеряетъ отъ уничтоженія крѣпостного права; ихъ, мнѣ кажется, даже можетъ больше у насъ явиться, потому-что каждый тогда человекъ съ умомъ и капиталомъ будетъ имѣть право приобрѣсти землю.

— А кто онъ будетъ? Говори! Бородачъ? Онъ въ три года землю эту выпашетъ, лѣсъ спуститъ весь на срубъ, капиталъ свой съ процентомъ вернетъ, — и кинетъ! А примѣръ народу забылъ? Духъ какой, подчеркнул старикъ, — не-

рейдеть отъ него въ народъ? Народъ знаетъ теперь барина; воспитаніе его и службу уважаетъ. Знаетъ и солдатъ, потому впередъ его идетъ баринъ въ сраженія! А этого чему научить? Обиѣривать и обиѣшивать своего-же брата мужика? Кавказецъ не нашелъ отвѣта и замолокъ. (I, 201).

«Кавказецъ (т. е. Троекуровъ) не нашелъ отвѣта и замолокъ», понимаете читатель? Тотъ самый Троекуровъ, которому во всѣхъ другихъ случаяхъ достаточно «процѣдить» или «уронить» пару словъ, чтобы сокрушить противника — этотъ Троекуровъ «не нашелъ отвѣта» на сей разъ и «замолокъ». Причина очевидна: по мнѣнію нашего автора, рѣчи стараго графа, по своей глубокой справедливости, исключаютъ всякую возможность возраженія. А что это за рѣчи? Да тѣ самыя, которыя мы слышали и отъ г. Сварятина съ компаніей, которыя когда-то возмущали насъ своимъ цинизмомъ, и которыя мы считали уже совершенно невозможными въ наше время. Мы указываемъ на этотъ фактъ только какъ на своего рода знаменіе времени, рѣшиительно отказываясь входить въ его детальное обсужденіе.

Этимъ указаніемъ на основную тенденцію произведенія г. Маркевича мы и ограничимся. Разобрать эту «Правдивую исторію», какъ романъ — значило-бы оказать автору слишкомъ большую, совершенно имъ незаслуженную честь. Всѣ персонажи романа — марionетки, обязанныя воспѣвать прелесть дореформенныхъ порядковъ и изобличать современность и современниковъ, а самый романъ — это какая-то лирическая, чисто-субъективная, пѣснь огорченнаго и озлобленнаго Мартына, досаждующаго на то, что плетью обуха не перешибешь. Если-бы личность г. Маркевича могла представлять собою какой-нибудь интересъ — на его lamentаціяхъ стоило-бы остановиться, но какой-же интересъ въ г. Маркевичѣ? Мелкій представитель отживающаго общественнаго типа, онъ не способенъ возбуждать даже негодованія нашего.

Деревенскіе будни. Н. Златовратскаго. Спб. 1882.

«Мною, говоритъ г. Златовратскій въ предисловіи къ своей замѣчательной книгѣ,—руководила всегда одна цѣль—констатировать результаты безпристрастнаго анализа народной души—одна надежда,—что, можетъ быть, этотъ анализъ укрѣпитъ въ честныхъ людяхъ, богатыхъ опытомъ и знаніемъ, вѣру въ народъ и вызоветъ стремленіе придти на помощь стихійной, но глубокой и сильной работѣ народной критической мысли».

Какъ видитъ читатель, г. Златовратскій задался очень ши-

рокой задачей. Можно даже спросить—не слишкомъ-ли широка эта задача—задача «анализировать народную душу» и вызвать въ образованныхъ людяхъ «стремленіе придти на помощь» народу, работъ его критической мысли? Говоря откровенно, если мы расчленимъ поставленную г. Златовратскимъ задачу на ея составныя части, мы получимъ въ результатъ рядъ какихъ-то шарадъ, способныхъ привести въ тупикъ не только насъ, профановъ, но и людей «богатыхъ опытомъ и знаніемъ». «Народная душа»—признаемся, мы не знаемъ въ нашей литературѣ ни дѣятелей, ни произведеній, которые-бы могли авторитетно свидѣтельствовать намъ о свойствахъ и качествахъ этой «души». О «душѣ» народа развѣзно разглагольствуютъ у насъ только гг. Аксаковъ и Суворинъ, для которыхъ въ сферѣ мысли не существуетъ ни затрудненій, ни сомнѣній, но настоящіе изслѣдователи народа, въ томъ числѣ и самъ г. Златовратскій, только въ очень немногихъ случаяхъ позволяли себѣ обобщенія. «Укрѣпить въ честныхъ людяхъ вѣру въ народъ»—но эта вѣра, несмотря на ея совершенно апіорное происхожденіе, всегда отличала русскихъ интеллигентныхъ людей, безъ различія партій. Болѣе того: безъ всякой парадоксальности можно сказать, что эта вѣра въ народъ явилась именно какъ результатъ отсутствія въ насъ знанія народа. Всѣ мы вѣримъ въ народъ, но вѣримъ каждый по своему, подъ угломъ своихъ общихъ симпатій и антипатій. Г. Златовратскій вѣритъ, напр., «въ прочность и силу народныхъ устоевъ»; г. Суворинъ вѣритъ, что народъ нашъ спитъ и видитъ какъ-бы расквасить носъ «нѣмцу» и стереть съ лица земли «жида»; г. Аксаковъ вѣритъ, что народъ ненавидитъ пуще всего «пошлыхъ либераловъ», усматривая въ нихъ беззаконное «средостѣніе»; мы, наконецъ, какъ и большинство образованныхъ людей, наблюдавшихъ народъ изъ прекраснаго далека, вѣримъ, заодно съ нашимъ поэтомъ, что рано или поздно нашъ народъ «вынесетъ все и широкую, ясную, грудью дорогу проложитъ себѣ». Все это крайне шатко, смутно и неопредѣленно, какъ оно и всегда бываетъ, гдѣ нѣтъ положительнаго знанія и существуютъ только одні правдоподобныя или неправдоподобныя догадки. Но мы имѣемъ въ нашей литературѣ одинъ въ высшей степени рѣзкій и, по своей типичности, замѣчательный примѣръ того неустойчиваго отношенія къ народу, которое составляетъ характеристическую черту нашей интеллигенціи. Мы говоримъ о дѣятельности Гл. Успенскаго. Эта дѣятельность, почти цѣлкомъ посвященная народу и его жизни, въ общемъ представляетъ собою какой-то огромный вопросительный знакъ, что-то мятущееся, вѣчно сомнѣвающееся, болѣзненное, почти отчаянное.

Не угодно ли вздуматься въ этотъ фактъ, не лишенный своего рода трагизма. Человѣкъ замѣчательной наблюдательности, съ страстной—несмотря ни на что, ни на какія разочарованія—любовью къ народу, съ непреодолимою жаждою добраться, наконецъ, до самаго корня дѣла, до «души» народа, обращается къ изученію народной жизни и даетъ намъ... что даетъ? Рядъ картинъ, нарисованныхъ съ огромнымъ талантомъ, съ неподражаемымъ юморомъ и блескомъ, но картинъ не только не тождественныхъ между собою по ихъ внутреннему смыслу а, наоборотъ, зачастую другъ другу рѣзко противорѣчащихъ. Успенскій именно только анализируетъ душу народа и въ этомъ аналитическомъ процессѣ ему, естественно, попадаются и драгоценныя перлы и старыя подошвы, явленія свѣтлыя и явленія темныя и печальныя, которыя нетрудно разсортировать, но очень мудроно обобщить. А безъ синтеза нѣтъ и знанія и, признаемся, для насъ понятіе и, если такъ можно выразиться, родственнѣе тревожная мнительность Успенскаго, нежели эпическое спокойствіе г. Златовратскаго, спокойствіе, которому мы, пожалуй, можемъ позавидовать, но котораго не въ силахъ раздѣлять.

Далѣе: «стихийная, но глубокая и сильная работа народной критической мысли». Это вопросъ первостепенной важности, въ особенности теперь, когда отъ имени, будто-бы, русскаго народа говорятъ такіе люди и такія партіи, что если-бы солидарность ихъ съ народомъ была дѣйствительно доказана, намъ, западникамъ, не оставалось-бы ничего другого какъ поселиться въ тѣхъ «монастыряхъ для интеллигенціи», которые, по газетнымъ извѣстіямъ, серьезно проектируются какимъ-то чудачкомъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій, въ народѣ началась усиленная работа мысли и мысли именно критической, направленной къ уясненію вопросовъ, далеко выходящихъ за предѣлы общинно-деревенской жизни. Эта умственная работа не есть, разумѣется, явленіе совершенно новое, небывалое среди народа: наши молодые изслѣдователи сектанства—гг. Абрамовъ, Федосѣевецъ, Пругавинъ и масса газетныхъ корреспондентовъ дають на этотъ счетъ рѣшительно поразительныя свидѣтельства. Наши «темные» люди, оказывается, умѣли выработать себѣ самыя свѣтлыя принципы общежитія; эти «мистики» и «суевѣры» возвышаются иногда до самыхъ вершинъ раціоналистической мысли. Работа пробудившагося народнаго ума, разумѣется, не остановится и будетъ развиваться все шире и шире и изученіе процесса и результатовъ этой работы—дѣло огромной важности.

Но дѣло въ томъ, что собственно г. Златовратскій этой за-

дачи, имъ-же самимъ поставленной, вовсе не касается. И вообще его книга, говоря безотносительно—прекрасная, сильно разочаруетъ того читателя, который возьмется за нее въ надеждѣ найти въ ней отвѣты на вопросы, поставленные авторомъ въ предисловіи. Г. Златовратскій прекрасно рѣшаетъ задачу, но только не ту, которую общаетъ рѣшить читателю, а гораздо болѣе скромную и простую. Онъ даетъ намъ обильный запасъ добросовѣстныхъ наблюденій надъ различными сторонами народной жизни, но обѣщанной «души народа», а тѣмъ болѣе изображенія и формулы «народной критической мысли» въ книгѣ найти никакъ нельзя. Мы склонны даже думать, что г. Златовратскій досаднымъ образомъ просто проговорился въ предисловіи, невѣрно выразился, такъ-какъ въ книгѣ своей онъ самъ-же признается, что онъ «не могъ взяться за всестороннее воспроизведеніе тѣхъ будней маленькой деревенской общины, которыя служили фономъ для моихъ замѣтокъ, такъ-какъ для исполненія одной этой задачи съ подобающею добросовѣстностью мнѣ необходимо было-бы прожить въ этой деревнѣ годы, сдѣлаться самому общиннымъ, мірскимъ человѣкомъ. Но нашему поколѣнію не суждено этого. Мы вынуждены ограничиться крайне узкой и неудобной ролью «стороннихъ наблюдателей»... Моя-же скромная задача—дать «нѣсколько отвѣтовъ» на запросы нашей читающей публики о наиболѣе характерныхъ и существенныхъ сторонахъ деревенскихъ будней» (153). Это, по нашему мнѣнію, единственно правильная точка зрѣнія на предметъ и мы очень жалѣемъ, что г. Златовратскій примѣняетъ ее только по отношенію къ самому себѣ, къ другимъ-же изслѣдователямъ народной жизни предъявляетъ совершенно инныя требованія. Такъ онъ говоритъ: «Пора, наконецъ, убѣдиться, что «свяжіи человѣкъ»—плохой наблюдатель; что наблюденіе деревенской жизни безъ предварительной подготовки—недобросовѣстно, что, въ противномъ случаѣ, наши выводы, какъ-бы они ни были остроумны—ложь, что, наконецъ, сами художники, вышедшіе изъ среды интеллигенціи и берущіеся за сюжеты изъ народной жизни, должны, во имя добросовѣстности, измѣнить методъ своихъ отношеній къ деревнѣ, основывая ихъ до сего времени только на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ: они должны заняться такой-же предварительной солидной подготовкой, какую имѣетъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни. Иначе, повторяю, будетъ, какъ было до сихъ поръ,—кое какіе единичные типики, сцены семейной жизни, построенныя на общихъ, банальныхъ основахъ любви, ревности и пр. Но общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ-бы черезъ всѣ типы, ту неизгладимую идею, ко-

торая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы, отъ нихъ не ждите» (68). Это и нелогично и несправедливо. Если «нашему поколѣнію не суждено» ассимилироваться съ народомъ, если «мы вынуждены» ограничиться ролью «стороннихъ наблюдателей» и если, съ другой стороны, для «всесторонняго воспроизведенія» народной жизни необходимо «сдѣлаться самому общиннымъ, мірскимъ человѣкомъ» — нечего, стало-быть, и требовать отъ современныхъ изслѣдователей изображенія «общаго смысла народной жизни» и пр.

Этого «общаго смысла» не даетъ намъ и г. Златовратскій, въ чемъ онъ и самъ сознается, но тѣмъ не менѣе оправдываетъ себя, горячо обвиняя въ то-же время другихъ. А затѣмъ мы не понимаемъ ясно требованій г. Златовратскаго, ни его ироніи, направленной противъ «свѣжихъ людей». О какой собственно «солидной подготовкѣ» говоритъ онъ и что дурного усматриваетъ въ непосредственныхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ? Подготовка, необходимая для каждаго изслѣдователя народа, заключается, сдается намъ, въ достаточно высокомъ умственномъ развитіи да въ знакомствѣ съ бытовыми, исторически сложившимися формами народной жизни, что составляетъ дѣло простой, заурядной начитанности, обязательной даже для средне-образованнаго человѣка. Что-же касается «непосредственныхъ впечатлѣній», то значеніе ихъ очень относительно, потому-что самыя эти впечатлѣнія совершенно субъективны. Это значеніе будетъ велико, если даровать и наблюдателенъ самъ изслѣдователь; оно будетъ ничтожно, если наблюдатель не умѣетъ, по пословицѣ, за деревьями видѣть лѣса. Всѣ очерки хотя-бы того-же Гл. Успенскаго имѣютъ въ своемъ фундаментѣ именно «непосредственныя впечатлѣнія», но кто-же, кромѣ палладиновъ «средостѣнія», отрицаетъ ихъ правду, жизненность, значительность?

Книга г. Златовратскаго не столько рѣшаетъ вопросы, сколько возбуждаетъ ихъ. Намъ, читателямъ, не изучавшимъ самостоятельно народной жизни, тѣмъ труднѣе успокоиться на выводахъ г. Златовратскаго, что эти выводы зачастую противорѣчатъ заключеніямъ другихъ авторитетныхъ знатоковъ народной жизни. Приведемъ одинъ, но зато рѣзкій примѣръ. Разсуждая объ общинномъ и подворномъ владѣніи, г. Златовратскій беретъ для примѣра участокъ земли, отданной въ пользованіе «группѣ людей, не имѣющихъ никакого понятія объ общинномъ владѣніи и вообще не знающихъ никакихъ общинныхъ традицій, напр., группѣ оставленныхъ за штатомъ чиновниковъ». Что получилось въ результатъ? Г. Златовратскій отвѣчаетъ очень категорично: «эта чиновничья поземельная коммуна, въ скоромъ вре-

мени, превратилась-бы въ 3—4 большихъ участка, перешедшихъ въ собственность 3—4 разбогатѣвшихъ и болѣе счастливыхъ собратій. Прочіе чиновники, съ ихъ семьями, должны будутъ неминуемо или поступить въ *батраки* къ разбогатѣвшимъ собратамъ, или арендовать у нихъ нѣкогда бывшую собственность, или-же идти искать другихъ заработковъ на сторонѣ, превратившись въ бездомныхъ пролетаріевъ. Таковъ неизбѣжный ходъ такого владѣнія землей» (82). Прекрасно. Разсужденія г. Златовратскаго очень логичны, его гипотетическій примѣръ убѣдительнъ и намъ ничего не остается какъ согласиться съ нимъ. Но вотъ *тотъ-же самый примѣръ*, буквально, беретъ («Равненіе подъ одно», стр. 232) Гл. Успенскій и еще съ болѣшимъ, нежели г. Златовратскій, остроуміемъ доказываетъ, что силою вещей наши чиновники-земледѣльцы будутъ фатально приведены къ общинному пользованію землей. Идея общиннаго землевладѣнія, говоритъ Успенскій, «рождается въ сознаніи этихъ людей, не имѣющихъ понятія объ общинѣ, сама собою, совершенно естественно и даже противъ воли». Извольте разобраться въ этомъ хаосѣ! Одинъ говоритъ: «*неизбѣжно* подворное владѣніе», другой утверждаетъ: «*совершенно естественно* возникаетъ община». Кому вѣрить, кого слушать? Но мы именно и доказываемъ все время, что въ вопросахъ народной жизни безапелляціонныхъ авторитетовъ нѣтъ, равно какъ нѣтъ и точныхъ знаній, а есть пока наблюдатели и экспериментаторы и есть кое-какіе общіе выводы, достаточные, чтобы служить исходной точкой для дальнѣйшихъ работъ, но рѣшительно недостаточные для сужденій о «душѣ народа».

За всѣмъ тѣмъ, читатель прочтетъ книгу г. Златовратскаго и съ пользой и, благодаря беллетристическому таланту автора, съ удовольствіемъ. Нѣкоторыя изъ указаній г. Златовратскаго имѣютъ огромный современный интересъ. Въ наше время, время травли интеллигенціи и запугиванія ее народомъ, не безъ радостнаго чувства можно остановиться, напр., на такомъ фактѣ: «*мужикъ жаждетъ «ума», жаждетъ реабилитации своего человѣческаго достоинства, жаждетъ всѣми силами и средствами доказать, что онъ—равноправное существо со всѣми. Хозяйственный мужичекъ жаждетъ «ума», онъ льнетъ къ интеллигентному человѣку—это неоспоримо. И льнетъ вовсе не тогда только, когда онъ нуженъ ему, какъ адвокатъ; нѣтъ—онъ ищетъ въ немъ себѣ собесѣдника, умственной пищи» (232). Подобныхъ фактовъ въ книгѣ г. Златовратскаго приведено не мало и большинство изъ нихъ не новость ни для кого, но ясный и простой смыслъ ихъ величественно игнорируется тѣми новѣйшими народолоб-*

нами нашими, для которыхъ народъ, какъ сарафанъ въ извѣстной пѣснѣ, когда надо—вездѣ пригожается, а не надо—и подъ лавкой лежитъ.

Темная вода. Романъ въ трехъ частяхъ. П. Лѣтнева. Слб. 1882.

Счастливые люди и счастливые писатели есть на свѣтѣ, съ крѣпкими нервами, съ хорошимъ пищевареніемъ, съ безмятежнымъ міросозерцаніемъ, ничѣмъ не волнующіеся, ни въ чемъ не сомнѣвающіеся. Современный русскій человекъ сохнетъ, мечется, тяготится настоящимъ, тревожится за будущее, а они, эти счастливыя, только нагуливаютъ себѣ тѣло и знать не хотятъ никакихъ «проклятыхъ вопросовъ». Къ числу этихъ счастливыхъ, повидимому, принадлежитъ и г. Лѣтневъ. Судя по роману, все міросозерцаніе г. Лѣтнева сводится къ тому, что «для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела»—это первыхъ и что «сердца любовниковъ смыкаетъ не цѣпь, а тонкій волосокъ»—это во-вторыхъ. Всѣ персонажи г. Лѣтнева только и дѣлаютъ, что другъ въ друга влюбляются, другъ въ другъ разочаровываются, снова влюбляются, опять расходятся и т. д. и т. д. Передъ читателемъ совершается какая-то амурная кадрили, въ которой трудно разобрать, какая дама съ какимъ кавалеромъ совершаютъ «пантомимъ любви». Героиня романа Лидія Корнилова влюблена въ нѣкоего Агринскаго, который, однако-же, любитъ не ее, а нѣкую Магдалину Колонтаеву, которая платитъ ему взаимностью. Зато въ Лидію Корнилову влюбленъ докторъ Замятинъ, который, на протяженіи всего романа, и ходитъ за ее хвостомъ, ходитъ и вздыхаетъ. Агринскій, проникши въ тайну Лидіи Корниловой (т. е. что она любитъ его) въ свою очередь влюбляется въ нее, не переставая, что особенно замѣчательно, любить въ то-же время и Магдалину, которая уже стала его женой. Но—бываютъ-же такія пассажи! Въ то время какъ Агринскій возгорѣлъ, Лидія уже къ нему остыла и влюбилась въ нѣкоего Максима Петровича Колонтаева, который, съ своей стороны, любитъ ее страстной, но почтительной, молчаливой любовью. Читатель, подъ конецъ, просто запутывается въ этихъ перекрещивающихся, переплетающихся любвахъ и не знаетъ какъ ему быть. Все, впрочемъ, кончается благополучно—цѣлымъ рядомъ законныхъ браковъ, но тутъ-то именно читателю и приходится поломать себѣ голову надъ моралью автора. Дѣло въ томъ, что прелестныя парочки, сочетавшись бракомъ, чрезвычайно быстро утратили всю

свою интересную идеальность и даже воздушнѣйшая изъ всѣхъ дамъ романа—Магдалина превратилась въ заботливую Марфу, въ зоркую и скуповатую хозяйку, а интереснѣйшій кавалеръ—Агринскій—въ кулака-помѣщика, живо напоминающаго Собакевича. Даже sentimentalный докторъ Замятинъ, женившись (по ходу дѣла правильнѣе было-бы сказать—«выйдя за-мужъ») на какой-то разлнхой акушеркѣ, пересталъ вздыхать и благополучно собираетъ съ пациентовъ кредитки. Чтѣ всѣмъ этимъ хотѣлъ сказать авторъ? Мы, читатели,—и это дѣлаетъ честь нашей журналистикѣ—приучены искать въ беллетристическихъ образахъ и картинахъ непремѣнно какую-нибудь идею—иначе, сдается намъ, зачѣмъ огородъ городить и капусту садить? Намъ нужны именно идеи, полезныя указанія, совѣты, поученія, а не побасенки, хотя-бы то и красивыя, и не пѣсенки о томъ, какъ Ванька Таньку полюбилъ. Это—азбука. Обращаясь съ этими элементарными требованіями къ г. Лѣтневу, мы не получаемъ отъ него никакого отвѣта. Его романъ—истинно-«темная вода» для читателя, въ которой ничего не видно, ничего не разберешь, ничего не поймешь. Прочитавши его, хочется спросить: «ну такъ чтожъ?» и вопросъ этотъ такъ и остается открытымъ.

Лекціи зоологіи профессора Поля Бера (Paul Bert), переводъ съ французскаго доктора Л. Н. Симонова. Предисловіе проф. И. Р. Тарханова. Анатомія и Физиологія. Съ 402 рис. въ текстѣ. Спб. Изданіе И. И. Вилибина и К°. 1882 г.

«Если хотите быть нравственными, говорить Бреть-Гартъ, пародируя Виктора Гюго, — учите вашу бабушку». Вѣроятно наши отечественные педагоги приняли въ серъезъ совѣтъ Бреть-Гарта и пишутъ свои учебники исключительно для бабушекъ, хотя на оберткахъ своихъ книжекъ и не упоминаютъ объ этомъ. Чѣмъ инымъ, скажите на милость, возможно объяснить то, что всероссійскіе суррогаты «Анатомій и физиологій» pag eхemple гг. Анниевыхъ, Герасимовыхъ и Паульсенъ-Боговъ насквозь пропитаны гнилью и пылью, какъ нежеланіемъ понравиться беззубымъ бабушкамъ и безумнымъ дѣдушкамъ?

Впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь, можетъ быть, именно сами беззубыя бабушки и безумныя дѣдушки пишутъ для нашего юношества «краткіе очерки» и «начатки», а гг. Анниевы и Герасимовы только псевдонимы? Возможно, даже очень возможно, ибо чтѣ у насъ невозможно? Это слово мы выкинули

изъ лексикона и замѣнили фразой—«смѣлымъ Богъ владѣть!» Во избѣжаніе упрековъ въ пристрастіи считаю, однако, нужнымъ оговориться: отрицая за твореніями гг. педагоговъ-натуралистовъ вообще и анатоми-физиологовъ въ частности (кромя гг. Бекетова, Герда и Ковальскаго, разумѣется) какое-либо значеніе на мирномъ поприщѣ науки, я придаю громадное значеніе ихъ твореніямъ въ военное время—по обилію сего хлама на книжныхъ рынкахъ и по его абсолютной негодности, имъ гораздо удобнѣе, чѣмъ пресловутыми шапками закидать гнилой западъ при Drang nach West.

Съ появленіемъ книги Поля Бера, однако, слѣдуетъ позаботиться объ участи, по крайней мѣрѣ, анатоми-физиологическаго хлама, ибо онъ, пожалуй, исчезнетъ безслѣдно изъ книжныхъ лавокъ, «яко таетъ воскъ отъ лица огня». «Едва-ли настоящее произведеніе, принадлежащее перу талантливаго французскаго физиолога и депутата, нуждается въ чьей-либо рекомендаціи», говоритъ проф. Тархановъ въ предисловіи къ русскому изданію и принимается рекомендовать книгу. Это весьма скромно сказано. Среди массы образованной публики рекомендація Поля Бера проф. Тархановымъ вызоветъ, конечно, улыбку и улыбку весьма недвусмысленнаго свойства. Поль Беръ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ министерствѣ Гамбетты, извѣстенъ публикѣ образованной, разумѣется, и какъ физиологъ и какъ профессоръ, болѣе чѣмъ профессоръ Тархановъ, а не образованная публика не знаетъ, конечно, Поля Бера и всеконечно не знаетъ проф. Тарханова. Только у насъ на святой Руси могутъ случаться такіа курьезныя рекомендаціи! Можно ожидать, что когда г. Билибинъ примется за изданіе посмертнаго труда Клодь-Бернара или послѣдняго сочиненія Маррея, то и Клодь-Бернару и Маррею г. Тархановъ скажетъ рекомендательный комплиментъ «Sancta simplicitas!

Но можетъ быть, рекомендація проф. Тарханова настолько талантлива, что лекціи Поля Бера отъ нея только выигрываютъ въ глазахъ публики?

Можетъ быть, сочиненіе Поля Бера на столько мало эффектно, что рекомендація не только желательна, но даже неизбѣжна?

Ничуть не бывало. Предисловіе проф. Тарханова ничто иное, какъ шаблонный и водянистый перифразъ ходячихъ мнѣній о необходимости серьезнаго преподаванія анатоміи и физиологіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и вялая передача энергическихъ словъ Поля Бера о желательности и возможности преподаванія анатоміи и физиологіи женской молодежи. Все предисловіе проф.

Тарханова можно замѣнить двумя фразами изъ предисловія Поля Бера: «Мы, мужчины, склонны заблуждаться самымъ страннымъ образомъ при оцѣнкѣ умственныхъ способностей или, лучше сказать, умственной зрѣлости дѣвицъ, имѣя привычку давать имъ въ руки только пошлыя или элементарныя книги, говорить съ ними особымъ языкомъ, полнымъ банальностей... мы невольно расположены думать, что серьезныя вещи имъ недоступны». «Для меня пріятна увѣренность, что мои бывшія ученицы будутъ рекомендовать эту книгу и своимъ подругамъ и своимъ братьямъ, которые найдутъ въ ней многое, что относится къ официальной программѣ ихъ классовъ. Книга пригодилась-бы и очень многимъ папенькамъ и маменькамъ!» Сильнѣе этихъ двухъ фразъ—фразы о возможности серьезнаго естественно-научнаго знанія и причинахъ настоящаго невѣжества среди женской молодежи и фразы о папенькахъ и маменькахъ, которымъ слѣдуетъ взяться за книжки дѣтокъ,—г. Тархановъ ничего не сумѣлъ сказать, а между тѣмъ первая фраза примѣнима не только къ женской молодежи, но и къ мужской, а вторая, пожалуй, еще болѣе относится къ русскимъ отцамъ и матерямъ, чѣмъ къ французскимъ pères и mères. Спрашивается, зачѣмъ пишутся предисловія такого рода? Остается предположить, что предисловіе было написано съ цѣлью подразнить доктора Симонова, извѣстнаго переводчика, безъ согласія котораго издатель пригласилъ проф. Тарханова написать предисловіе. Г. Симоновъ даже протестовалъ въ газетахъ и протестовалъ задорно. И понятно, еще-бы не протестовать! Человѣкъ сдѣлалъ хорошій переводъ прекрасной книги, а ее взяли да и снабдили водянисто-скучнымъ предисловіемъ, какъ-бы съ нагнетаніемъ колынуть: а вы, дескать, г. Симоновъ, и такого не напишете!

По счастью и предисловіе Поля Бера и его книга говорятъ сами за себя и даже диллетантъ-рецензентъ оставилъ безъ вниманія «жалкія слова» автора предисловія къ русскому изданію «о вопіющей необходимости» и «не заслуженныхъ опасеніяхъ», можетъ изъяснить значеніе книги Поля Бера публикѣ по своему крайнему разумнію, потому-что тѣ господа, по адресу которыхъ выкликаютъ выше приведенныя докучныя фразы, и сами знаютъ отлично «вопіющую необходимость» и «незаслуженныя опасенія», не менѣе проф. Тарханова.

Книга Поля Бера отличается отъ суррогатовъ «Анатомій и физиологій» двумя существенными чертами: во-первыхъ, она написана человѣкомъ не только знающимъ и понимающимъ физиологію, но и работавшимъ въ этой области науки, во-вторыхъ,

она написана талантливымъ писателемъ. Поэтому авторъ заботится не только о знаніи и пониманіи, но и о возможности дальнѣйшаго знанія, дальнѣйшей работы юныхъ головъ. Кромѣ знанія по чистой физиологіи, онъ даетъ массу свѣденій по патологіи и даетъ такъ талантливо, такъ смѣло и умѣло, что его читатели послѣ штудированья его книги могутъ быть сразу au courant современныхъ знанія нормальныхъ и аномальныхъ явлений жизни. Они могутъ взяться за изученія самостоятельно, безъ помочей гг. педагоговъ, могутъ слушать гг. профессоровъ, не связывая имъ руки абсолютнымъ невѣжествомъ, подобно большинству новичковъ-студентовъ-классиковъ. Наконецъ, книга Поля Бера и его предисловіе дышатъ такою силой правды, такимъ отвращеніемъ отъ арлекинады полужнанія, что юные читатели его неизбежно должны проникнуться и уваженіемъ къ истинѣ и любовью къ ней. Они не откажутся отъ выводовъ, логическихъ выводовъ изъ усвоенныхъ ими истинъ, и не остановятся на школьномъ знаніи, а, говоря высокимъ слогомъ, желаютъ войти полноправными гражданами и въ храмъ науки—аудиторию и въ мастерскую знанія—лабораторію.

Да, дѣло мастера боится! Въ рукахъ Поля Бера изъ анатоміи и физиологіи вышла «книга интересная, какъ романъ, и дающая такія-же твердыя знанія, какъ математика», такъ наивно высказался про книгу Поля Бера одинъ изъ молодыхъ читателей ея русскаго перевода.

Разумѣется, въ книгѣ Поля Бера есть и промахи, не въ области анатоміи и физиологіи, а въ области зоологіи. Какъ физиологъ—онъ, очевидно, относится небрежно къ зоологіи, какъ французъ—легкомысленно къ современному состоянію конкретныхъ описательныхъ знаній. Въ классификаціи животныхъ и морскія звѣзды и кораллы у него попали въ типъ лучистыхъ, какъ-будто онъ и знать не хочетъ, что послѣ работъ Лейкарта типъ лучистыхъ распался, но типъ Coelenteratu (губки, гидроиды, полипы) и Echinodermatu (морскія звѣзды, ежи и голотуріи). Наконецъ, въ группу инфузурій онъ сваливаетъ кучей и амёбъ и радіоларіи и коловратокъ даже, словно наука застыла со временъ Эренберга и Кювье. Этого рода ошибки свойственны французамъ. «Если великіе люди ошибаются, не бѣда, если ошибусь и я»—вѣроятно въ душѣ разсуждалъ и Поль Беръ въ подобныхъ случаяхъ. Самолюбивая небрежность такъ-же въ модѣ у французскихъ таламандровъ, какъ у нѣмцевъ скучная кропотливость и хроническое ковырянье.

Но легкомысліе иногда является синонимомъ смѣлости. Поль Беръ, не боясь оговориться, не повторяя на нѣмецкій ладъ—

«это съ одной стороны вѣроятно, даже навѣрно такъ, а съ другой — можетъ быть и нѣтъ», не сообщая по 10 увѣреній на 100 сомнѣній, первый подалъ примѣръ гг. ученымъ, не стыдяся юности публики, откровенно-смѣло и честно-увѣренно говорить ей все; во чтó онъ вѣритъ самъ.

Этотъ смѣлый защитникъ свободнаго знанія и обязанности этого знанія, вѣроятно, обѣими руками подписался-бы подъ фразой Бѣлинскаго: «чортъ-ли въ истинѣ, когда ее нельзя высказывать».

Да, книга Поля Бера не нуждается въ рекомендаціи, она нуждалась только въ хорошемъ переводѣ г. Симонова, въ изящномъ изданіи г. Билибина и въ одобреніи гг. членовъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—послѣднее, разумѣется, важно по отношенію къ молодежи, находящейся подъ опекой.

Книгѣ, очевидно, предстоитъ большой успѣхъ въ особенности потому, что она написана ученымъ не изъ числа тѣхъ, которые знаютъ то, чтó другіе не знаютъ, и не знаютъ того, чтó всѣмъ извѣстно».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ПОВОДУ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОНЕНІЙ.

I.

16-го февраля 1882 года петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ посвятило цѣлый вечеръ разсужденіямъ о китайскомъ горохѣ — соя. Царемъ вечера, какъ и слѣдовало, былъ К. А. Скачковъ. Онъ сообщилъ подробно какъ китайцы ухаживаютъ за горохомъ, какъ его жнутъ, молотятъ и какъ изготовляютъ изъ него цзянь. Цзянь—японская подливка, замѣняющая у китайцевъ поваренную соль. Китайцы поваренную соль въ чистомъ видѣ не употребляютъ; а вмѣсто соли подливаютъ къ кушанью сою. И хлѣба не ѣдятъ китайцы, суррогатомъ-же его служатъ кусочки вяленыхъ и хорошо просушенныхъ корней, овощей и бобовъ—сян-цай. Понятно поэтому, что сян-цай и соя составляютъ принадлежность стола каждаго китайца, начиная съ Богдыхана и кончая послѣднимъ бѣднякомъ. Вѣдь и у насъ хлѣбъ и соль такая-же принадлежность каждаго стола, но никто этому не удивляется, а еще менѣе думаетъ спасти человѣчество русскимъ ржанымъ хлѣбомъ. Петербургскіе сельскіе хозяева думаютъ, однако, иначе и г. Совѣтовъ нарисовалъ даже картины блестящаго будущаго, ожидающаго Россію, когда соя будетъ принадлежностью каждой крестьянской избы. Соя, по словамъ г. Совѣтова, можетъ быть употреблена въ очень разнообразныхъ видахъ, отваръ изъ нея очень питателенъ и напоминаетъ говяжій бульонъ, бобы сои можно употреблять вмѣсто фасоли. Г. Совѣтовъ пробовалъ ѣсть сою съ картофелемъ и нашелъ, что это «превкусное блюдо». Смѣшанная сою пополамъ съ рисомъ или кукурузой, получается тоже очень питательная и вкусная пища. По словамъ г. Совѣтова, сою можно рекомендовать нашему

рабочему населенію вмѣсто гороха, потому-что, по увѣренію почтеннаго профессора, мужику «не надо ничего, если есть горохъ». Далѣе, соя можетъ найти въ высшей степени полезное примѣненіе въ арміи и флотѣ; это не то, что консервы г. Данилевскаго и К^о, которыхъ солдаты не ѣдятъ. Повтому г. Совѣтову чрезвычайно желательно, чтобы интендантское управленіе обратило вниманіе на сою и ввело ее въ употребленіе. Но на этомъ г. Совѣтовъ не остановился. Увлекаясь картинами будущаго благополучія, которыя сулить Россіи соя, г. Совѣтовъ желаетъ такого развитія культуры этого растенія, чтобы его можно было употреблять въ кормъ для скота и тогда, при посредствѣ соя, хозяева получили-бы возможность скармливать скоту массу такихъ кормовъ, которые теперь оказываются не удобными. Ну а послѣдствія этого вполне очевидны для всякаго.

Счастливые идеалисты! Какъ для васъ все просто и легко! И кто-же эти мечтатели?—Мечтателями являются люди совѣта, сельскіе хозяева, люди, знающіе условія нашей деревни, знающіе быть и нужду мужика. Все, что нынче обсуждается и въ печати, и въ комиссіяхъ о передѣлѣ земель, о переселеніяхъ, о пониженіи налоговъ и измѣненіи финансовой политики, все это, по мнѣнію петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, пустыя палліативы; спасетъ насъ только китайская соя и когда она явится на русскихъ поляхъ—въ каждой русской избѣ будетъ на столѣ жареная курица и въ каждой деревнѣ заведется свой Борель!

II.

Нѣтъ, читатель, это вовсе не смѣшно и не обижайте вы своимъ смѣхомъ ни г. Совѣтова, ни г. Скачкова; лучше спросите себя, отчего теперь каждый мечтаетъ о спасеніи отечества? Если это дума засѣла въ каждой русской головѣ, то не праздно-же она явилась—желать спасать можно только то, что находится въ опасности. И вотъ каждый, считающій отечество въ опасности, предлагаетъ свои мѣры спасенія, каждый сочиняетъ проекты, кто за-границей, кто въ Россіи, кто на страницахъ «Руси», кто—«Московскихъ Вѣдомостей». Всѣ подобные проекты пишутся на свой личный страхъ, въ разбродѣ, отдѣльно, и нѣтъ для болѣющей русской мысли ни вѣтрила, ни руля, ни мѣста соглашенія. Но подумайте еще вотъ о чемъ, уважаемый читатель. Если въ сей моментъ наберется пять милліоновъ человѣкъ, которые думаютъ о Россіи и каждый хочетъ сказать свое слово и ходить съ напряженною мыслью о спасеніи отечества, то, конечно,

это очень важный психологическій фактъ, отъ котораго нельзя отворачиваться!

«Голосъ», между прочимъ, указываетъ на повальное стремленіе къ составленію «записокъ», на неудержимое желаніе высказываться публично, печатно, выражающееся размноженіемъ заграничныхъ брошюръ. Все это, по мнѣнію «Голоса», ясно свидѣлствуетъ, что въ нашемъ обществѣ идетъ какая-то незримая, но очень сильная работа мысли, вызываемая непреодолимыми жизненными условіями. Этой работы мысли уничтожить, разумѣется, нельзя. Если мысль не будетъ высказываться гласно—она будетъ работать внутри себя, и мы будемъ вариться еще сильнѣе въ собственномъ соку. Но что-же выйдетъ изъ этого хорошаго?

Какъ ни худо вариться въ собственномъ соку, но, по словамъ «Голоса», возможенъ еще и худшій результатъ: если охота составлять записки и издавать брошюры за-границею свидѣлствуютъ о силѣ гражданскаго духа, то этотъ духъ можетъ иссякнуть отъ явной бесплодности работы. И что-же получится тогда? вмѣсто единства общественныхъ силъ—ихъ раздробленіе, вмѣсто сознанія общественнаго интереса—грубое своекорыстіе, вмѣсто мужества и твердой воли на служеніе благу народному—трусость и продажность. Сможетъ-ли такое общество выдержать тяготу лежащихъ на немъ задачъ? Но что-же дѣлать? «Голосъ» думаетъ, что «разширеніе предѣловъ сужденія въ открытой печати будетъ спасительнымъ средствомъ». Такъ-ли? Одно «разширеніе предѣловъ сужденія въ печати»—такой-же суррогатъ, какъ и китайскій горохъ, предлагаемый гг. Скачковымъ и Совѣтовымъ. Печать, конечно, большая умственная и двигающая сила, но ею одною намъ не выльчится.

III.

Въ одномъ изъ №№ «Русь» вспоминаетъ съ горечью о прошломъ политическомъ значеніи Россіи и о той рѣшающей роли, которую играла она въ Европѣ; «Русь» приводитъ и факты. Да и въ Россіи бывали орлы! Мы спасли Европу отъ татаръ, спасли отъ турокъ, спасли, наконецъ, и отъ Наполеона; но, спасая Европу отъ Наполеона, что-же мы дали ей въ замѣнъ? .. Сокрушаясь, что упало политическое значеніе Россіи, «Русь» для восстановленія его предлагаетъ очень простое средство.

Читателю извѣстно, что каждую весну изъ Одессы отправляется пароходъ добровольнаго флота на ахалинъ съ транспор-

томъ каторжныхъ. Каторжные сопровождаютъ военной командой и потому на пароходѣ развѣвается не коммерческій, а военный флагъ. Но такъ-какъ военные пароходы чрезъ Босфоръ безъ согласія турецкаго правительства проходить не могутъ, то всякій разъ спрашивается согласіе порты. Давая его нынче, турки прибавили, что даютъ пропускъ въ послѣдній разъ.

Къ этому нужно прибавить еще вотъ какіе факты. По Санъ-Стефанскому и Берлинскому трактатамъ турки должны были заплатить намъ 1.200.000,000 франковъ; цѣлый годъ шли переговоры съ турками объ уплатѣ контрибуціи и кончились тѣмъ, что цифра ея уменьшилась до восьмисотъ милліоновъ франковъ; но турки не думаютъ платить даже и этой суммы и, не только не думаютъ, но даже не хотятъ серьезно говорить о способѣ уплаты; наконецъ, тѣже турки дѣлаютъ мелкія придирки изъ-за судна безъ пушекъ, изображающаго собою плавающую каторжную тюрьму. «Нов. Время» справедливо замѣчаетъ, что всему на свѣтѣ есть свои причины, но причинъ этихъ не высказываетъ, а только совѣтуетъ нашимъ дипломатамъ «не думать и не давать думать, что Россія шутки ради издержала полтора милліарда и пролила кровь сотни тысячъ людей на Востокъ». Итакъ, если наши дипломаты не будутъ дремать, чего они, кажется, и не думали дѣлать, потому-что г. Новиковъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ очень энергически, то Россія, по мнѣнію «Нов. Время», приобрететъ опять рѣшающій голосъ. «Русь»-же думаетъ, что есть средство болѣе дѣйствительное—«выломать врата Царяграда». По мнѣнію «Руси», «дѣло обстоитъ такъ:» у султана и ключъ, и флотъ, у насъ въ Черномъ Морѣ—ни ключа, ни флота. Если нужно во что-бы то ни стало выйти, а дверь заперта и ключа отъ нея не имѣется, то дверь обыкновенно выламываютъ». Совершенно справедливо, что если-бы турки знали, что мы дѣйствительно придемъ и «выломаемъ дверь», какъ это могутъ сдѣлать нѣмцы, то, разумѣется, турецкой заносчивости никогда-бы и не явилось; были-же турки прежде смиренны и уступчивы, было время, когда и Европа относилась къ намъ, Славянамъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ страха, а потомъ она стала говорить, что Россія «колѣсь на глиняныхъ ногахъ». «Московскія Вѣдомости», какъ извѣстно, тоньше и проникательнѣе «Руси» и въ щекотливыхъ вопросахъ они умѣютъ дѣлать отступленіе съ видомъ достоинства. По словамъ «Моск. Вѣдом.», «пользующихся достовѣрнымъ источникомъ», «слухъ о затрудненіяхъ, которыя, будто-бы, Порты дѣлала при пропускѣ русскаго военнаго парохода черезъ проливы, оказывается крайне преувеличеннымъ. Вотъ въ точности какъ происходило дѣло. Во время стоянки парохода Москва въ Константинополь, къ пароходу по-

дошелъ паровой барказъ, подъ турецкимъ флагомъ. На барказѣ прибыли: капитанъ надъ военнымъ портомъ и генералъ-адъютантъ султана. Войдя на палубу, лица эти обратились къ командиру пароходомъ Чирикову съ просьбой сообщить свѣденія, касательно имѣющихся на пароходѣ пассажировъ. Оказалось, что султанъ, смотря въ бинокль на проливъ во время прохода «Москвы», замѣтилъ на ней массу войска и, заинтересовавшись этимъ обстоятельствомъ, послалъ своего генералъ-адъютанта узнать: куда везутъ войска, какое количество ихъ и кто эшелонный начальникъ. Получивъ отвѣты на всѣ эти вопросы, генералъ-адъютантъ, затѣмъ, спросилъ Чирикова: когда еще будутъ отправлены войска во Владивостокъ и будутъ-ли этою перевозкою заниматься пароходы добровольнаго флота или другіе? Послѣ официальныхъ разспросовъ гости приглашены были командующимъ въ каюту, гдѣ имъ было предложено угощеніе. Г. Чириковъ предложилъ тостъ за здоровье и долгоденствіе султана, на что генералъ-адъютантъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье нашего Государя. Генералъ-адъютантъ пригласилъ Чирикова, по возвращеніи изъ Китая, посѣтить его во дворцѣ, гдѣ онъ проживаетъ, начальству надъ тѣлохранителями султана.

IV.

Если объясненія «Моск. Вѣдом.» доказываютъ тактичность этой газеты, то тѣмъ не менѣе факты остаются фактами. Было время, когда отношеніе Россіи къ Европѣ и къ Турціи оказывалось нѣсколько инымъ, чѣмъ нынче. Петръ съ ничтожной арміей велъ двадцати лѣтнюю войну и кончилъ ее тѣмъ, что маленькое Московское княжество стало великой сѣверной державой. При Екатеринѣ II правительственная Россія выставила цѣлый рядъ знаменитыхъ полководцевъ, политиковъ и государственныхъ людей, занявшихъ видное мѣсто въ исторіи. При Александрѣ I мы опять видимъ рядъ орловъ и Россія выноситъ страшныя войны съ первымъ полководцемъ своего времени. Конечно, войны эти очень насъ обезсильли; но какже и не обезсильтъ, когда пришлось воевать пятнадцать лѣтъ со всей Европой. Въ Крымскую войну намъ было не въ мочь и трехлѣтнѣе напряженіе. А нынче? Если вѣрить г. Суворину, то достаточно нашимъ дипломатамъ погрозить Турціи пальцемъ, чтобы они смирились; потому что иначе редакція «Руси» можетъ «выломать двери». Какая, право, простая, не головоломная и въ то-же время гениальная политика, — истинно московская! Стоитъ толь-

но грозить, ломить, держать всѣхъ въ ежесѣкундныхъ руковицахъ и повсюду будетъ царить миръ и спокойствіе. Но довольно-ли у васъ сила, чтобы «выломать двери» и способна-ли московская политика создавать національную и государственную несокрушимость.

Да, есть что-то роковое въ московской традиціи и въ московской системѣ. Къ чему она ни прикоснется—все гибнетъ во мракѣ. Москва всегда боялась свѣта и свободы и то, что говоритъ объ ней Котошихинъ, и до сихъ поръ остается, пожалуй, вѣрнымъ. А Котошихинъ говоритъ, что въ Московіи повсюду выемки, да запрещенія, что всѣ другъ за другомъ приглядываютъ, да приглядываютъ, что нѣтъ ни въ чемъ свободы и что умы народа косны и неподвижны.

Исторія Россіи началась при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя въ ней потомъ развились. Такъ, на примѣръ, Генрихъ I, французскій, былъ женатъ на дочери Ярославъ, Святославъ былъ женатъ на нѣмецкой принцессѣ, императоръ германскій Генрихъ IV былъ женатъ то-же на русской; но затѣмъ мы начинаемъ развивать *свою* цивилизацію подъ Византійско-татарскимъ вліяніемъ, перестаемъ выдавать своихъ дочерей замужъ за иностранцевъ, сами не женимся на иностранцахъ, все дальше и дальше уходимъ отъ запада, прекращаемъ съ нимъ сношенія, строимъ китайскую стѣну, и, наконецъ, Москва слагается въ такой страшный центръ невѣжества, зажима и насилія, что московское царство, скрѣпявшееся восемьсотъ лѣтъ, готово рассыпаться на свои составные элементы. Московская система забыла все, что было въ Россіи свѣжаго; ей всегда была невыносима свобода и свободное развитіе личности, и Московскіе князья съ гениальной послѣдовательностію вели свою желѣзную политику. Москва покончила былыя свободныя отношенія князей съ боярами и съ дружиной и Иванъ III, этотъ самый послѣдовательный изъ московскихъ князей, велѣлъ отрубить голову князю Рязанскому за «высокоумничаніе». Преслѣдованіе бояръ стало системою и вызвало между ними такое-же явленіе, какъ и въ народѣ. Недовольные изъ народа уходили въ казаки, недовольные изъ бояръ уѣзжали за-границу. Иванъ IV сильно боялся бояръ и сталъ держаться такъ-называемой народной политики, т. е. противъ бояръ выставилъ опричину. Въ политикѣ Ивана IV централизационный элементъ былъ доведенъ до крайняго развитія, Москва старалась искоренить всѣ зачатки интеллигенціи, и все думающее, мыслящее и самнѣвающееся высылалось въ Сибирь. Достаточно вспомнить вину Башкина, чтобы оцѣнить московскую систему.

Вся московская система, какъ вѣрно опредѣлялъ Котошихинъ,

была основана на зажимѣ; а такъ-какъ московскіе правители сами ничего не могли придумать и для ихъ личныхъ цѣлей были опасны свободныя отношенія, то и сложилась политика запрещенія, что казалось гораздо удобнѣе и спокойнѣе. Еще при великомъ князѣ Василіѣ, сынѣ Іоанна III, Геберштейнъ замѣтилъ, что по силѣ своей власти московскій государь превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, что онъ имѣетъ безусловную власть надъ имуществомъ и жизнью каждаго; никто изъ подданныхъ не смѣетъ ему противорѣчить или не повиноваться; князю Ряповскому, положимъ, отрубаетъ голову за «высокоумничаніе»,— тутъ есть резонъ; Василій просто уже не позволяетъ имѣть свое мнѣніе и, когда разъ бояринъ Берсенъ-Беклемишевъ высказалъ мнѣніе, только не согласное съ мнѣніемъ московскаго великаго князя, тотъ ему сказалъ: «ступай смердъ прочь, не надобенъ ты мнѣ». Система эта привела къ тому, что никто не имѣлъ своего мнѣнія и о неизвѣстномъ дѣлѣ говорили: «знаетъ то Богъ да великій князь».

Много послѣ, когда Алексѣй Михайловичъ вздумалъ собрать въ 1642 г. Земскій Соборъ, чтобы разрѣшить вопросъ, удержатъ ли Азовъ, взятый казаками, и защищать его, или уступить туркамъ, собранные «добрые и умные люди» только обнаружили свою покорность и не дали ни одного умнаго совѣта. Духовенство сказало, что если царь «изволятъ рать строить, то они готовы помогать ратнымъ людямъ, сколько у нихъ силъ будетъ»; столытники отвѣтили, что «взять или не взять Азовъ—въ этомъ будетъ царская воля»; головы и сотскіе стрѣлцкіе отвѣчали, что «во всемъ воля государева»; дворяне отвѣчали то-же, но жаловались на свою бѣдность. Купцы тоже жаловались на бѣдность, народъ жаловался на раззореніе отъ пожаровъ, отъ сборовъ, отъ рекрутчины, отъ подводъ, отъ земляного и городского дѣла, отъ великихъ податей, отъ цѣловальническихъ службъ. Какъ видно никому не хотѣлось войны и никто, однако, не сказалъ объ этомъ ни слова; очевидно, что московская система, не допускавшая высокоумничанья, принесла свои плоды. Дальше этого смиренномудрія, въ которомъ воспитывали всѣхъ, конечно, не могла идти; а смиренномудріе воспитывалось весьма послѣдовательно: выемка, подозрѣніе и поощреніе доносовъ были одною изъ принадлежностей этой страшной системы. При Борисѣ Годуновѣ, когда шпіонство и доносы поощрялись съ особеннымъ усердіемъ, «доносили другъ на друга попы, чернецы, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ и, какъ говоритъ современникъ, «отъ такого ужаса мужья отъ женъ тапались и въ этихъ окоянныхъ доносахъ много крови пролилось

неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами раззорили... Бѣдность была вообще ужасная, народу платить было не изъ чего и все-таки его выводили на правезь; одинъ изъ усердныхъ воеводъ, посланный собирать деньги, доносилъ разъ государю, что онъ къ посадскимъ людямъ не норовилъ, отсрочекъ не давалъ и «правилъ» государевы доходы нещадно, побивалъ на-смерть. Вѣдь казалось-бы, если взять нечего, то, или не брать ничего и дать народу собраться съ силами, или-же держаться такой системы, при которой-бы развивалась промышленность, торговля и росло-бы общее благосостояніе; но Москва, боявшаяся высокоумничанья, разсуждала гораздо проще: она только требовала или запрещала. Богатыхъ она раззоряла, умныхъ изгоняла, самостоятельныхъ казнила. Вообще Москва производила нивелировку не по верхнему, а по нижнему уровню и все, что поднималось выше этого уровня, вала на прокустово ложе или стрижа подъ одну гребенку. Отъ всего, что было не свое, московская система отрещивалась и для борьбы съ умственнымъ превосходствомъ европейцевъ она придумала только одно—запрещеніе: всѣхъ иностранцевъ считали погаными, запрещали даже съ ними пить и ѣсть изъ одного сосуда. Если у иностранца нѣтъ посуды, то разрѣшалось дать ему поѣсть и изъ своей, но потомъ слѣдовало эту посуду вымыть и прочитать надъ ней молитву. Дѣло дошло до того, что разъ псковичи спрашивали митрополита Фотія, можно-ли имъ пользоваться хлѣбомъ и овощами, приходящими къ нимъ изъ нѣмецкой земли; митрополитъ, отличавшійся либеральными воззрѣніями на международныя сношенія, разрѣшилъ ввозъ иностранныхъ жизненныхъ продуктовъ, но велѣлъ очищать ихъ іерейскою молитвою. Когда Софія Палеологъ подъѣзжала къ Москвѣ, то митрополитъ Филиппъ не позволилъ послу папы войти въ городъ впереди Софіи и чтобы передъ нимъ несли латинскій крестъ; у делегата отняли крестъ и положили его въ сани.

Народъ былъ только ширмой, или служилъ пугаломъ и его именемъ говорили и распоряжались, какъ хотѣли ловкіе люди: такъ, по поводу плача и мольбы, при выборѣ на царство Бориса Годунова сохранилось такое преданіе: «народъ былъ пригнанъ приставами, рассказываетъ современникъ,—не хотящихъ ведѣно было бить, пристава принуждали народъ, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили». Смѣху достойно! Какъ слезамъ быть, коли сердце дерзновенія не имѣетъ? Вѣсто слезъ глаза слюнами мочили; тѣ, которые пошли въ келью царицу просить, приказали приставамъ: когда царица подоѣ-

дѣть къ ояну, то они дадутъ имъ знакъ и чтобы въ ту-же минуту народъ падалъ на колѣни, не хотѣвшихъ—били-бы безъ милости». И вотъ является смутное время. Смутное время есть собственно итогъ московской системы; оно есть безсознательное стихійное историческое явленіе, стремленіе общественныхъ элементовъ къ освобожденію, ибо при прежнемъ общественномъ укладѣ общественная гармонія была не возможна. Петръ В., выразившій собою русское общественное здравомысліе, явился лишь сознательнымъ выразителемъ безсознательной общей потребности въ перемѣнѣ общественного типа. Таковой новый общественный типъ давала намъ Европа, и русскій разумъ, конечно, не ошибся, когда только въ европейской общественной комбинаціи видѣлъ спасеніе отъ прежней московской смуты. И вотъ мы сближаемся съ Европой, становимся европейской державой; наступаетъ періодъ европейскаго уклада, и вмѣстѣ съ попытками его устроить является и внутреннее успокоеніе.

Европейское просвѣтительное вліяніе принесло-бы у насъ скоро свои плоды, еслибъ противъ него не работала постоянно старая московская традиція и старая московская система. Въ борьбѣ этихъ двухъ системъ, одной — хотѣвшей сохранить старый общественный типъ, другой — стремившійся къ типу новому прошло все время петербургскаго періода русской исторіи. Перевѣсъ стремленій къ европейскому типу былъ всегда временемъ подъема общественнаго духа, сильнаго умственнаго возбужденія, энергическихъ стремленій къ прогрессивнымъ перемѣнамъ внѣшнимъ и внутреннимъ могуществомъ Россіи. Напротивъ, перевѣсъ московской традиціи обнаруживался затишьемъ внутренней жизни, умственной спячкой, разбродомъ мысли, упадкомъ экономическихъ средствъ и даже утратой внѣшняго политическаго значенія. Этого вывода не станутъ, конечно, отрицать ни г. Аксаковъ, ни г. Суворинъ. Впрочемъ, г. Аксаковъ не только его не отрицаетъ, онъ даже скорбѣлъ, что Россія въ настоящее время не играетъ той руководящей политической роли, которую играла въ началѣ настоящаго столѣтія. Да и какъ отрицать факты. Весь вопросъ только въ томъ, какъ г. Аксаковъ понимаетъ ихъ, а онъ, конечно, не станетъ понимать ихъ такъ, какъ понимаемъ мы. Наши-же факты будутъ такими: Петръ Великій борется съ первымъ полководцемъ своего вѣка и побѣждаетъ его; ничтожное московское государство, въ началѣ царствованія Петра бѣдное, сонное, инертное, создаетъ небывалые до того времени производительные источники, заводитъ флотъ, устраиваетъ международный обмѣнъ и обнаруживаетъ во всемъ необыкновенную созидая-

шую и творческую дѣятельность. Все это дѣлается какимъ-то чудомъ, а чудо заключается только въ энергіи мысли, въ сознаніи необходимости перестроить всѣ внутреннія отношенія по иному типу. Въ петербургскій періодъ русской исторіи, Петръ, единственный государь, царствовавшій котораго было послѣдовательно-прогрессивно во все время. Зато въ другія царствованія гораздо удобнѣе наблюдать разницу между московской и петербургской системой. Лучшіе блестящіе эпохи или моменты принадлежали всегда петербургскому вліянію, московское-же было всегда слѣдствіемъ и признакомъ упадка творческихъ государственныхъ силъ. Европейское вліяніе—всегда порывъ силы къ свѣту, къ знанію, къ свободному проявленію мысли и общественныхъ стремленій. Московское-же было всегда реакціей и безвѣріемъ въ силу общественного русскаго разума и общественныхъ чувствъ. Въ первую пору царствованія Екаторины II, императора Александра I и Александра II общество, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей, дѣлаетъ быстрые успѣхи въ государственной, общественной и политической жизни: литература оживляется, являются талантливые писатели и ученые, промышленность и торговля дѣлаютъ быстрые успѣхи, силы государства точно удваиваются, военное могущество вырастаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ являются знаменитые полководцы и замѣчательные государственные люди; но когда беретъ перевѣсъ московское вліяніе—мысль гложетъ, блескъ куда-то внезапно исчезаетъ, вмѣсто рѣшительности является колебаніе, вмѣсто движенія—застой, вмѣсто силы—бессиліе. Въ эти-же моменты съ необыкновенной яркостью выступаютъ повсюду факты того порядка или того общественного типа, который довелъ ужъ разъ Россію до смутнаго времени и вызвалъ появленіе Петра.

Факты подобнаго подъема и упадка силъ признають, конечно, и политики Москвы, потому-что нельзя-же отрипать фактовъ, но дѣло въ томъ, что упадокъ они приписываютъ вліянію европеизма, а подъемъ—вліянію Москвы. Это слишкомъ явная подтасовка, чтобы ея не видѣть; съ нею можно развѣ обмануть тѣ два миліона русскаго «общества», которые, перебивавъ за-границей послѣдніе десять лѣтъ, воротились подобно тому нѣмецкому гусенку, который полетѣлъ за Рейнъ птенцомъ, а воротился гусемъ. Да, пожалуй, и этихъ образованныхъ гусей московскіе политики едва-ли провели. Образованнымъ гусямъ гораздо выгоднѣе московская политика, чѣмъ европейская, это они отлично понимаютъ. Тутъ просто рука руку моетъ.

V.

И въ то-же время сколько благороднаго негодованія, сколько патриотическаго пафоса высказывается противъ запада и его культурнаго вліянія, когда Москва говоритъ о любви къ Россіи, о благѣ народа, объ общемъ счастьѣ... И кого вы обманываете! На свѣтѣ нѣтъ двухъ правдъ и двухъ истинъ. Нельзя въ одно и то-же время считать человѣческимъ счастьемъ и зажимъ и свободу, бѣдность и богатство, образованіе и невѣжество, гуманность и жестокость, справедливость и безсудіе. Благороднымъ и честнымъ будетъ всегда только то, что хорошо, и что дѣлаетъ людей счастливыми. Дѣлать другого несчастнымъ не значитъ быть честнымъ. Но нынче хорошія слова являются въ въ такомъ маскарадѣ, что иногда трудно понять, что называютъ благороднымъ и честнымъ, что неблагороднымъ и безчестнымъ. Вотъ, на примѣръ, газетная статья, говорящая самими благородными и отборными выраженіями о русскомъ обществѣ и скорбящая о его безхарактерности.

«Характеръ общества, говоритъ газета,—какъ и характеръ отдѣльнаго лица, познается въ трудные моменты. При спокойномъ теченіи жизни, слѣдуя рутинѣ и подражая окружающей средѣ, самый слабый человѣкъ можетъ прожить всю жизнь, и никто не узнаетъ, что этотъ приличный и разсудительный человѣкъ нигуда негодная тряпка, что у него нѣтъ ни ума, ни воли, точно также какъ дряхлая, дрянная лодочка, покрытая яркими красками, можетъ десяти лѣтъ качаться въ тихой бухтѣ, не только никого не смущая своей негодностью, а даже веселя взоръ вѣншимъ благообразіемъ. Но въ часъ испытанія силы обнаруживаются также ярко, какъ безсиліе и дряхлость. Тогда какъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, привыкшій управлять своими дѣйствіями, въ трудный моментъ старается ясно опредѣлить свое положеніе и затѣмъ избираетъ планъ дѣйствій, который неуклонно и сознательно выполняетъ до конца; человѣкъ безхарактерный мечется во всѣ стороны, безъ плана и системы, хватаясь то за одно, то за другое, все болѣе и болѣе ухудшая свое положеніе. Если счастливый случай не придетъ на помощь (а счастливые случаи всегда рѣдки!), онъ пойдетъ ко дну, и безплодныя, отчаянныя барахтанья только ускорятъ его гибель. То-же бываетъ и съ цѣлымъ обществомъ... «Русское общество переживаетъ опасную болѣзнь; оно испытало цѣлый рядъ кризисовъ, принесшихъ въ прошломъ тяжкія страданія и грозящихъ въ будущемъ неисчислимыми бѣдствіями. Обнаружило-ли оно въ это тяжкое время свои силы или дова-

„Дѣло“, № 4, 1882 г. II.

зало только безсиліе? Какъ ни тяжело сознаваться, но придется признать послѣднее. Вѣдь не годъ, не два, а двадцать лѣтъ въ этомъ русскомъ обществѣ царствуетъ хаосъ понятій и невообразимая сутолога дѣйствій; вѣдь нѣсколько поколѣній выросло среди этого хаоса; у юношей начала 60-хъ годовъ появилась уже сѣдина и ихъ собственныя дѣти стали нынѣ юношами. Но, увы: положеніе вещей не улучшилось, ума мы не нажили, а только по-прежнему безпорядочно мечемся.

Угадайте, кто это говорить? Какой порядокъ защищаетъ газета? Петра великаго или Ивана IV, Петербургъ или Москву, освобожденіе крестьянъ или крѣпостное право? Общество наше дѣйствительно безсильно. Нѣтъ у него ни общественныхъ понятій, ни политическаго развитія. Что полезно, что вредно, что хорошо, что дурно общество не знаетъ. Сегодня оно набрасывается на либеральныя реформы и въ своихъ требованіяхъ опережаетъ Европу на тысячу лѣтъ, а на завтра въ припадкѣ шовинизма и патріотическаго увлеченія, готово закидать европейскій прогрессъ шапками. Не ищите въ этихъ крайностяхъ ни самостоятельности, ни стойкости, ни чувства собственного достоинства. Все это такъ, хотя-бы въ то-же время жестоко и несправедливо обвинять во всемъ этомъ общество. Тутъ и дѣло не въ жестокости, потому-что своему и ее иногда нужно простить, тутъ дѣло въ томъ, кто обвиняетъ. Газета, изъ которой мы сдѣлали выдержку, была-бы права, если-бы въ ней говорило возмущенное чувство за угнетенныхъ и страдающихъ, за бѣдныхъ и обобранныхъ; но газета принадлежитъ къ лживо-щему лагерю и ратуетъ за московское начало, за зажимъ, за изгнаніе, за запрещеніе, за избіеніе. И такіе идеалы проповѣдуются во имя благородныхъ чувствъ! Теперешняя реакціонная печать играетъ безъ мѣры, и именно этимъ манеромъ, въ благородныя слова и окончательно спутываетъ общественную мысль и безъ того уже сбитую съ толку. Конечно, это приѣмъ довольно ловкій, потому-что факты нельзя раскрашивать произвольными красками, а благородными словами можно играть такъ-же, какъ играютъ шарами фокусники. Таковъ приѣмъ удастся только на короткое время, ибо, какъ-бы общество не было неразвито, въ цѣломъ у него, все-таки, есть чутье правды и инстинкты блага и дѣбра и оно, наконецъ, разберетъ, гдѣ истина и гдѣ ложь.

VI.

Нужно, наконецъ, размежеваться и установить точныя понятія тому, что для насъ общественно хорошо и что общественно дурно, что полезно и что вредно.

Мы ставимъ свой вопросъ чисто-исторически. Русская исторія устанавливаетъ два рода фактовъ: одни—порожденные порядками, сложившимися по московскому типу и приведшіе общество къ кризису, и другіе, когда Россія является просвѣтленной, стремящейся, занятой внутренней работой, богатѣющей, могучей и уважаемой.

Многіе факты, повидимому, мрачнаго свойства, страшны не сами по себѣ: страшны только причины, создавшія ихъ. Григорій Отрепьевъ могъ казаться карой Божіей, но не онъ былъ страшенъ и казнь его не повела ни къ чему, потому что причинъ, его породившихъ, никто не коснулся, и вотъ исторія указываетъ, что, вмѣсто одного казеннаго самозванца, явилось ихъ десять. Факты важно знать для того, чтобы пріучиться ихъ анализировать, сортировать и опредѣлять причины, ихъ создавшія. Петръ Великій казнилъ своего сына и Иванъ Грозный убилъ своего сына. Вели войны камизары и табориты и велъ войны Людовикъ XIV. Внѣшняя сторона этихъ фактовъ одинакова, а смыслъ ихъ разный. Со старымъ моральнымъ аршиномъ, при однихъ подобныхъ фактовъ, легко провалиться. Въ однихъ русскихъ фактовъ важно только одно: уметь различать факты, сгубившіе московское царство, отъ фактовъ, создавшихъ изъ Россіи европейское государство и давшихъ ей европейскія идеи и прогрессивныя стремленія. Если среди того свѣта, который создали въ Россіи ея лучшіе представители европеизма, темными пятнами выступаютъ факты московскаго типа, значитъ ясно, что въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ еще существуютъ московскія причины, а исторія дала намъ уже горькій урокъ и мы знаемъ, къ чему ведутъ эти причины и гдѣ противъ нихъ спасеніе. Насъ всегда губила погоня за Москвой, всякое замыканье въ самихъ себя и спасало только общеніе съ Европой и сліяніе нашихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ съ идеалами гуманности и прогресса.

Вотъ, на примѣръ, факты, которые представляютъ газеты за послѣднее время: въ «Голосѣ» пишутъ, что «2-го марта, вечеромъ, пріѣхалъ въ Радзивиличи какой-то капитанъ, повидимому, морякъ. Ему нужно было ѣхать до слѣдующей станціи «Бейсагола», но такъ-какъ товарный поѣздъ отходитъ отъ стан-

ціи Радзивилишкѣ въ 12 часовъ ночи, то морякъ зашелъ въ трактиръ, находящійся недалеко отъ вокзала, въ самомъ центрѣ мѣстечка. Въ трактирѣ находились пьяные машинисты и слесаря, служащіе при депо той-же станціи. Когда морякъ началъ дѣлать имъ замѣчанія по поводу ихъ грубаго обращенія, одинъ изъ машинистовъ отвѣтилъ ему — «не ваше дѣло вмѣшиваться въ наши ссоры» и, затѣмъ, машинисты и слесаря вышли изъ трактира. Офицеръ послѣдовалъ за ними на вокзалъ, и толпа пьяныхъ машинистовъ и слесарей напала на него и стала безпощадно бить. Наконецъ, ему удалось вырваться изъ ихъ рукъ и спрятаться въ одномъ изъ пустыхъ вагоновъ товарнаго поѣзда № 157, который долженъ былъ отправиться въ Кошедары (на Бейсагодо). Но пьяная толпа бросилась за несчастнымъ офицеромъ, вытащила его изъ вагона и *избила его до такой степени, что онъ потерялъ сознание*. Когда поѣздъ № 157 началъ отходить со станціи, то машинисты бросили несчастнаго офицера въ пустой вагонъ, и когда поѣздъ ушелъ, разошлись. Блюстители порядка на станціи Радзивилишкахъ узнали объ этомъ происшествіи только на другой день. Начальникъ станціи немедленно телеграфировалъ въ Кошедары, чтобы осмотрѣли всѣ вагоны поѣзда № 157, и оттуда былъ полученъ отвѣтъ, что въ одномъ изъ вагоновъ оказалась только въ большомъ количествѣ кровь, залитая свѣжей смолой. Предполагаютъ, по этому, что офицеръ *былъ выброшенъ, по пути слѣдованія поѣзда, въ Кошедары, — въ рѣку Вилію, при проходѣ поѣзда черезъ мостъ*. Корреспондентъ затѣмъ рассуждаетъ такъ: «Не надо забывать, что все это дѣло происходило почти противъ платформы. Въдѣ, по всей вѣроятности, на станціи были тогда и дежурный и кондуктора, назначенные для слѣдованія съ поѣздомъ. Почему-же никто изъ нихъ не принялъ никакихъ мѣръ къ спасенію несчастнаго? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы никто не замѣтилъ, какъ пьяная толпа съ крикомъ и шумомъ убиваетъ около поѣзда человека, пытается положить его подъ колеса вагона и, наконецъ, бросаетъ его въ вагонъ! Наконецъ, — кто-же могъ выбросить трупъ изъ вагона? Слѣдствіе по этому дѣлу уже начато».

Конечно, и начальникъ станціи, и дежурные, и кондукторы, и рабочіе, убившіе моряка, и тѣ, кто выбросили его трупъ, всѣ они виноваты. Но къ чему приведетъ слѣдствіе? Предположите, что всѣ виновные, начиная съ начальника станціи и кончая тѣми, кто выбросилъ трупъ, будутъ сосланы въ Сибирь. Бто вамъ поручится, что на другой день другіе, подобные-же люди, не повторятъ и съ вами подобную-же исторію. Тутъ важенъ не

фактъ убійства и даже не разрушительные инстинкты народа, а тѣ общія причины, которыя создаютъ возможность и почву для подобныхъ необщественныхъ явленій. Инстинкты жестокосердія и насилія питаются не частными случаями, а, напротивъ, частные случаи только служатъ выраженіемъ, благопріятствующимъ имъ общимъ условіямъ. На югѣ опять поднимается «еврейскій вопросъ», о которомъ, впрочемъ, я буду говорить дальше, а теперь приведу еще нѣсколько фактовъ дикаго безобразія и варварства, точно мы образуемъ собою не христіанскую и благоустроенную страну, а дикій индѣйскій станъ. Въ «Голосѣ» изъ Зарайска пишутъ, что 3-го февраля, «во время гулянья, на улицѣ, поручикъ 20-й конной батареи, Гамзинъ, избилъ хлыстомъ мѣстнаго нотаріуса Филимонова, гулявшаго вмѣстѣ съ женою и нѣкоторыми знакомыми. Говорятъ, что причина этого столкновенія была уважительная, что нотаріусомъ была оскорблена честь какой-то дѣвушки и что онъ, несмотря на настойчивыя требованія Гамзина, не хотѣлъ извиниться передъ ней. Но, конечно, большинство такой причины не знало и видѣло только одно—что офицеръ избилъ коренного жителя, избилъ публично, днемъ, среди улицы, и въ городѣ явилось возбужденіе. Утромъ 4-го февраля, нѣкоторые гласные думы подали заступающему мѣсто городского головы, за отсутствіемъ его, заявленіе, прося, на основаніи 3-го пункта 56-й ст. «Городового Положенія», о немедленномъ созывѣ думы, для обсужденія этого случая. Собраніе думы было назначено въ шесть часовъ вечера, 5-го февраля. Между тѣмъ, часа за полтора до собранія, на улицахъ, между катающимися, появляется верхомъ тотъ-же поручикъ Гамзинъ, сильно веселый, скачетъ и путается между катающимися, завязываетъ на троттуары между гуляющими и вообще обнаруживаетъ признаки ненормальнаго состоянія. Нѣкоторые изъ гласныхъ думы обращаются къ исправнику съ настойчивыми просьбами удалить офицера изъ района катанья и гулянья и тѣмъ устранить печальныя послѣдствія, могущія произойти отъ бѣшеннѣйшей ѣзды пьянаго человѣка; но просьбы эти остаются безъ вниманія. Проходитъ немного времени, пьяный поручикъ завязываетъ на брата заступающаго мѣсто городского головы и на замѣчаніе того-объ осторожности въ ѣздѣ начинаетъ его бить. Это было искрой, попавшей въ порохъ. Толпа, возбужденная случаемъ 3-го февраля и озлобленная предъидущими эволюціями поручика, стащила его съ лошади, и началась дикая расправа. Въ дѣло вступились, какъ и слѣдовало ожидать, бывшіе на гуляньѣ и катаньѣ офицеры и солдаты, желавшіе вырвать у озлобленной толпы своего сослуживца. Въ нѣсколько минутъ

толпа увеличилась до очень внушительныхъ размѣровъ; съ другой стороны, явилась на мѣсто расправы дѣлая, кѣмъ-то вызванная батарея; все смѣшалось въ какой-то безобразный хаосъ, и яростные, неслыханные въ Зарайскѣ крики «бей» начали раздаваться все болѣе и чаще. Завязалась самая ожесточенная рукопашная схватка. Наконецъ, военнымъ удалось вытащить своего избитаго, въ изорванномъ мундирѣ, съ оторванными погонами поручика; вся батарея окружила его, и началось постепенное отступление, сопровождаемое отдѣльными схватками по сторонамъ».

Или: «Таганрогскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что «восемь крестьянъ изъ Донской Гниловской Станицы, выбравшись на взморье, съ рыболовными снастями, едва только опустили ихъ воду, какъ казачій офицеръ, фамилія котораго неизвѣстна, съ шестью казаками, вооруженными огнестрѣльнымъ оружіемъ, подплыли на баркасѣ къ хозяевамъ снастей и стали кричать на нихъ и бранить за установку снастей «на запрещенныхъ мѣстахъ». Крестьяне, понимая опасность передѣлки съ вооруженными людьми, сочли за благо подобрать снасти и пуститься на баркасѣ въ открытое море. Казакъ-офицеръ съ своими гребцами, на баркасѣ же, поплылъ за ними въ погоню и, требуя остановиться, сталъ въ нихъ стрѣлять изъ винтовки. Крестьяне, слыша пролетавшіе снаряды, въ страхѣ, успѣли добраться до берега на армянскую землю, въ слободу Куричью, находящуюся въ районѣ не Донской Области, а екатеринославской губерніи, выскочили изъ баркаса и, бросивъ его и снасти у берега, стали кричать: «караулъ, стрѣляютъ!» Собралась толпа народа, и изъ короткихъ и торопливыхъ объясненій бѣгущихъ, узнали суть дѣла; между тѣмъ, преслѣдователь, оставивъ гребцовъ на баркасѣ, выскочилъ съ ругательствами на берегъ и требовалъ выдачи хозяевъ снастей. Въ это время подошелъ староста слободы, Поваровъ, и объяснилъ весьма вѣжливо и логично, что снасти и баркасъ у него въ рукахъ и что хозяйева ихъ не уйдутъ и будутъ арестованы; офицеръ-же можетъ составить протоколъ и требовать нарушителей закона къ суду законнымъ путемъ. Казакъ-офицеръ, принявъ это за дерзость и не дозволяя подходить къ себѣ для объясненій даже на нѣсколько шаговъ, настигалъ на своемъ и хотя сидѣвшіе на баркасѣ гребцы и убѣждали его не юрочиться и оставить дѣло, но этимъ, какъ видно, больше только раздражали его, а на бѣду, въ это время, одинъ изъ сельчанъ Куричьей Слободы, Василій Тимошенко, сдѣлавъ шагъ въ офицеру съ поклономъ, повторилъ уже сказанное, даже не возвышая голоса. Офицеръ, въ пылу гнѣва, принявъ это за противорѣчіе власти,

моментально прицѣлился въ него изъ винтовки и тутъ-же положилъ его на мѣстѣ. Видя такую возмутительную, ничѣмъ невызыванную со стороны Тимошенка и другихъ крестьянъ, расправу, другой крестьянинъ обратился къ офицеру съ энергическимъ протестомъ и съ словами: «за что ты, баринъ, застрѣлилъ чело­вѣка?» но, въ отвѣтъ на это, офицеръ выхватываетъ изъ кобуры револьверъ и убиваетъ на повалъ и этого крестьянина, *грозя перестрѣлять всѣхъ*. Видя такую бѣду, крестьяне разбѣжались, а офицеръ бросилъ баркасъ и снасти преслѣдуемыхъ, вскочилъ въ свой баркасъ и уплылъ. Никакой драки съ крестьянами, никакого другого баркаса не было, не было даже разговора, похожаго на ссору, кромѣ *изступленной брани офицера*. На другой день послѣ этой страшной драмы, къ мѣсту дикой и необъяснимой въ наше время чудовищной расправы собралась толпа народа со всего побережья; стоны жонъ, родственниковъ и осиротѣвшихъ дѣтей раздирали душу. Такимъ образомъ совершилась возмутительная расправа съ совершенно мирными обитателями Куричьей. У Тимошенка осталось восемь душъ семейства, а у другого убитаго—шесть душъ! Изъ объясненій Поварова выяснилось слѣдующее: запрещенныя для рыболовли мѣста у гирлъ Дона никакими знаками *не отмѣчены*, никакой правительственной команды для наблюденія за рыбною ловлей, въ родѣ береговой таможенной стражи или иного чего, *не существуетъ*, и, вслѣдствіе этого, преслѣдованіе рыболововъ есть, такъ-сказать, *охота обитателей и хозяевъ береговъ Дона въ родѣ стрѣлка-офицера*».

Я не суммировалъ и не подбиравалъ фактовъ. Я даже готовъ предположить, что подобные факты не правило, а исключеніе. Моя рѣчь не о количествѣ фактовъ, а о тѣхъ возможностяхъ, которыя существуютъ для нихъ, и о размѣрѣ безобразія, до котораго они возвышаются. Я напомню читателю еще и о «хищеніяхъ», о которыхъ трубятъ и до сихъ поръ всѣ газеты; напомню читателю и еще объ одномъ судебномъ дѣлѣ, на которомъ обнаружались героическіе подвиги становаго, при взысканіи имъ податей и недоимокъ и не менѣ замѣчательное правосудіе волостного суда, который, подъ давленіемъ авторитета становаго, высылъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, 797 чело­вѣкъ! Скажите читатель, факты это стройныхъ европейскихъ отношеній и гражданскаго общежитія или это факты изъ исторіи Россіи XVI вѣка. Я уже говорилъ о воеводѣ Образцовѣ, который при взысканіи податей не давалъ отсрочекъ и «правилъ доходы нещадно». Чѣмъ лучше теперешній слободскій становой воевода Образцова? Конечно, время сдѣлало свое, но вѣдь мы не знаемъ

всѣхъ подвиговъ судившагося становаго и на сколько онъ дѣйствовалъ нещадно. А вопросы хищеній! Приведу для иллюстраціи слѣдующій фактъ: Ивану IV вздумалось сдѣлать себѣ золотую посуду. Онъ призываетъ мастера англичанина, даетъ ему слитки золота, велитъ ему хорошенько смотрѣть за дѣломъ, и прибавляетъ: «мои русскіе всѣ воры». Англичанинъ улынулся. Грозный взглянулъ на него и спросилъ, чему онъ улыбается. «Ваше Величество забыли, что вы сами русскій», отвѣчалъ англичанинъ. «Я не русскій, возразилъ Иванъ IV, — мои предки были германцы». Этотъ отвѣтъ московскаго царя я особенно рекомендую г. Аксакову. Или еще фактъ: послѣ смерти патріарха Іосифа, Алексѣй Михайловичъ писалъ къ Никону: «а кейейной казны у него государя осталось 13,400 руб. слишкомъ, а сосудовъ серебрянныхъ, блюдъ, сковородокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ; а переписывалъ я самъ велейную казну, а если-бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины-бы мнѣ не сыскать, потому-что записки нѣтъ; не осталось-бы ничего, все-бы раскрасили»...

Факты нашего времени, конечно, мягче этихъ, чтó и должно быть, но я хочу сказать, что всѣ подобные и аналогичные имъ факты выработавшееся у насъ историческое сознаніе привыкло относить къ общественнымъ основамъ, господствовавшимъ до Петра Великаго. Наконецъ, то-же историческое сознаніе научило насъ понимать, что подобнаго рода факты вызвали преобразованія Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II. Газета, которую я цитировалъ, винитъ во всѣхъ безурядицахъ общество, но справедливо-ли дѣлать козломъ отпущенія того, кто самъ-то и страдаетъ больше всѣхъ. Общество-ли тѣ 797 человекъ, которые были высѣчены по требованію становаго и чтó они могли сдѣлать, чтобы не подвергнуться такому акту несправедливости и насилія? Развѣ привычки, въ которыхъ выросла до-петровская Россія, давали обществу какую-либо другую компетенцію, кромѣ компетенціи повиновенія? Весь до-петровскій порядокъ держался на томъ, что богатый притѣснялъ бѣднаго, сильный слабого. Государь Великій Новгородъ практиковалъ такую систему, что черезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ Рюрика, призваннаго для устройства внутренняго порядка, лѣтописецъ съ горечью восклицаетъ: «не было въ Новгородѣ ни правды, ни справедливаго суда; востали ябедники и цѣловали на неправду; и стали грабить по селамъ, и на волостяхъ, и по городу; и стали мы въ поруганіи сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было раззорѣніе, и частые поборы, крикъ и рыданіе,

и вопль, и проклятіе людей на старѣйшинъ, и на нашъ городъ, ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія».

Конечно, наша теперешняя московская партія не защищаетъ ни анархіи, ни произвола, ни смуты и требуетъ она законности и порядка. Не понятно только одно: какимъ образомъ подобные результаты гражданственности, она можетъ связать съ основами до-петровской Москвы и Государя Великаго Новгорода! Какимъ образомъ г. Аксаковъ и его сторонники и эпигоны думаютъ достигнуть плодовъ, создаваемыхъ свободными гражданскими отношеніями и значеніемъ личности, когда въ то-же время они куютъ для свободной личности цѣпи и ложатся на жизнь плитой, подъ которой должно задохнуться все живое, самостоятельное, думающее и ищущее выхода изъ московской неправды и неурядицы. Я думаю, что мы расходимся съ московскою партіею не въ одномъ выборѣ средствъ для умиротворенія, мы расходимся въ нравственныхъ основаніяхъ.

VII.

Еще одна аналогія и, пожалуй, послѣдняя, потому что мое обозрѣніе вышло нѣсколько длинно, мысль-же моя читателю выяснилась—аналогія между политикой теперешнихъ москвичей и Москвы XVI столѣтія. Аналогія эта въ томъ гоненіи и крестовомъ походѣ, который проповѣдуется противъ евреевъ, нѣмцевъ и вообще противъ культурныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Слухи, которые были пущены Москвой, о томъ, что всѣ иностранцы, проживающіе въ Россіи, должны принять русское подданство, произвели за-границей переполохъ и ужь конечно, не поведутъ къ возбужденію въ иностранцахъ симпатическихъ къ намъ чувствъ. Конечно, международная политика, какъ увѣряютъ нѣкоторые, поддерживается не симпатическими чувствами, а расчетомъ выгоды, но есть основаніе предполагать, что вроткія гуманныя отношенія, ведущія къ внутреннему миру и согласію, представляютъ тоже матеріальную выгоду. Когда въ Англіи узнали, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Н. К. Гирсъ, наши бумаги сейчасъ-же поднялись на Лондонской биржѣ на 2 проц. Гоненіе на евреевъ и безпорядки, которые были надѣланы въ прошедшемъ году, выразились потерями не только имущественными, но и умственными. Но московскіе просвѣщенные гонители этого не понимаютъ.

Политика и травля, которую практиковали въ прошедшемъ

году гг. Аксаковъ и Суворинъ, приносятъ горькіе плоды до сихъ поръ. Въ «Голосъ» пишутъ изъ Херсона, «что изъ разныхъ мѣстностей губерніи получаютъ тревожныя извѣстія, предвѣщающія повтореніе прошлогоднихъ безпорядковъ противъ евреевъ. Въ предупрежденіе этого, г. херсонскій губернаторъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ съ просьбою—принять энергическія мѣры къ наблюденію за тѣмъ, чтобы порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, и чтобы изъ среды крестьянъ была учреждена въ этихъ видахъ постоянная стража. Ходитъ упорный слухъ, что въ Мардаровкѣ (близъ Одессы) начались уже безпорядки; подробности пока неизвѣстны; въ Мардаровку 21-го марта отправленъ изъ Одессы взводъ казаковъ».

«Одескій Вѣстникъ» передаетъ, что на-дняхъ вновь начались анти-еврейскіе безпорядки въ мѣстечкѣ Валегоцуловѣ, ананьевскаго уѣзда. Въ мѣстечкѣ былъ базарный день, къ которому собралось не мало народа. Вслѣдствіе неизвѣстно какого случая, буйная толпа набросилась на евреевъ-торговцевъ, стала опрокидывать товаръ, а затѣмъ, видимо воодушевившись, употребила въ дѣло керосинъ, разливая его въ еврейскихъ лавкахъ. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ и имущество, принадлежащее евреямъ, сдѣлалось жертвой пламени. Толпа со свистомъ и гиваньемъ, разбивъ еврейскіе шинки, намѣревалась продолжать буйство, но само христіанское населеніе вмѣшалось въ дѣло и энергическимъ увѣщаніемъ и противодействіемъ спасло мѣстечко отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ».

Эти и другіе тревожные слухи вызвали въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Въ виду появляющихся извѣстій о еврейскихъ безпорядкахъ, передающихся въ искаженномъ видѣ въ печати и телеграммахъ, о всѣхъ поступающихъ по этому предмету донесеніяхъ будутъ сообщаться извѣстія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»».

«Въ теченіи послѣднихъ дней послушали слѣдующія извѣстія:

«Въ овручскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, между проходившими по дорогѣ старообрядцами и евреямъ-корчмаремъ завязалась драка, въ которой приняли участіе сидѣвшіе въ корчмѣ евреи. 14 человекъ арестовано.

«Въ ананьевскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи, въ вербное воскресенье, произошелъ во время базара разгромъ еврейскаго имущества. Исправникъ, получивъ извѣстіе о безпорядкахъ, немедленно поѣхалъ на мѣсто; было покушеніе на поджогъ. Смерт-

ныхъ случаевъ не было; порядокъ восстановленъ; арестовано болѣе 30-ти человекъ; убытки не приведены еще въ извѣстность. Мѣры для предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ приняты.

«Никакихъ другихъ безпорядковъ не было, а предпринимавшіяся передвиженія войскъ вызывались исключительно необходимостью принять всѣ предупредительныя мѣры для предупрежденія, по возможности, нарушенія порядка во время предстоящихъ праздниковъ. Въ тѣхъ-же видахъ сдѣланы распоряженія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ о закрытіи питейныхъ заведеній на первые три дня праздника и объ усиленіи состава полиціи».

Но если-бы не было и вовсе этихъ прискорбныхъ фактовъ насилія и буйства, общій смыслъ явленія не утратилъ-бы своей противообщественной яркости, ибо проповѣдь московскихъ политиковъ противъ евреевъ привела къ выселенію наиболѣе интеллигентныхъ представителей этого даровитаго народа. Какъ пишетъ «Южный Край» толки объ эмиграціи все усиливаются и могутъ привести къ массовому выселенію. И переселяются не голы и бѣдняки, а лучшіе изъ евреевъ. Такъ «Южный Край» пишетъ, что «нѣкто Бенціонъ Гринбергъ, служившій въ банкѣ, человекъ образованный, уѣхалъ въ Америку. За Гринбергомъ послѣдовало еще нѣсколько отдѣльныхъ семействъ. Теперь среди евреевъ идутъ уже болѣе горячіе толки, и, повидимому, въ началѣ августа изъ Ростова двинется сразу масса эмигрантовъ. На дняхъ распродалъ все свое добро и уѣхалъ за границу зубной врачъ Крамеръ, и, какъ положительно извѣстно, два доктора медицины (одинъ изъ нихъ практикуетъ въ Ростовѣ въ продолженіе 35 лѣтъ) продали свою недвижимость и въ маѣ переселяются въ Германію. Вообще мѣстнымъ евреямъ, которымъ до сихъ поръ жилось довольно хорошо, со дня безпорядковъ стало плохо; дѣла идутъ вяло, а изъ Елисаветграда, Кіева и другихъ мѣстъ наѣхало столько бѣдняковъ, что каждой мѣстной семьѣ приходится содержать на свои средства семью пришлую. Извѣстіе, что комиссія по еврейскому вопросу выработала нѣсколько положеній, влонящихся не въ пользу евреевъ, подлило масла въ огонь. Очень многіе окончателно порѣшили какъ можно скорѣе выселиться изъ Россіи.

Не частныя факты важны въ этомъ случаѣ, а общая идея, ихъ породившая. Тѣмъ, кто проповѣдовалъ свободный выходъ изъ Россіи всему даровитому и способному, ужъ конечно, не ясны всѣ послѣдствія, ожидающія Россію отъ подобнаго движенія. О, бессмертный Котошихинъ, какъ ты былъ правъ, когда говорилъ, что москвичи, несмотря на всю свою грубость и

невѣжество, жестокость и неизобрѣтательность, ужасно заносчивы, высокомерны и считаютъ себя умнѣе всѣхъ. Я знаю, что Котошихинъ говорилъ это не о народѣ, онъ говорилъ о боярахъ, объ Аксаковыхъ XIV столѣтія и о политикѣ преслѣдованія всего иноземнаго. Франція нѣкогда изгнала отъ себя гугенотовъ и отъ этого не стала не только умнѣе и богаче, но отстала на цѣлое столѣтіе. Мы, изгоняя отъ себя все даровитое, все, болѣе насъ культурное и создавая эмиграцію интеллигентной молодежи, еврейской и въ то-же время удерживая татаръ, черемисовъ и чувашъ, — едва-ли ведемъ тонкую игру, едва-ли служимъ идеѣ прогресса и чувству справедливости.

Любопытно извѣстіе, сообщаемое газетой «Суэлеръ»:

На дняхъ, по словамъ газеты, антрепренеру сада «Эрми тажъ», въ Москвѣ, была прислана бумага о томъ, чтобы въ его труппѣ всѣ артисты еврейскаго происхожденія немедленно оставили службу, возвратили контракты и отправились изъ столицы въ мѣста своей родины. Подобное распоряженіе распространилось не только на всѣхъ хористовъ, но даже на нѣкоторыхъ артистовъ. Напримѣръ, въ труппѣ г. Лентовскаго есть пѣвцы еврейскаго происхожденія, окончившіе курсъ въ московской консерваторіи и получившіе званіе свободного художника; несмотря на подобный дипломъ, и ихъ выселяютъ изъ столицы. Разрѣшается-же не покидать столицу евреямъ-банкирамъ и ремесленникамъ, за что-же несчастные труженики-хористы, которые служили нѣсколько лѣтъ на императорской сценѣ, вдругъ теперь должны лишиться куска насущнаго хлѣба. Г. Лентовскій ѣздилъ къ генералъ-губернатору ходатайствовать объ отмианіи этого распоряженія, заявляя, что онъ готовъ за всѣхъ артистовъ евреевъ ручаться передъ правительствомъ въ ихъ полнѣйшей и безукоризненной нравственности и мы не сомнѣваемся, что просьба г. Лентовскаго будетъ уважена.

Чѣмъ всѣ эти преслѣдованія, или, точнѣе принципъ ихъ отличаются отъ того принципа, которымъ руководствовалась Москва, замыкавшаяся въ свою китайскую стѣну и служившая дѣлу просвѣщенія Россія не тѣмъ, что создавала для нее источники развитія, а тѣмъ, что мѣриломъ гражданина брала какого-нибудь московскаго дурана и тѣхъ, кто оказывался умнѣе его, клала на прокустово ложѣ или высылала вонъ? Г. Аксакову и и всѣмъ его сподвижникамъ незачѣмъ притворяться, что они не знаютъ горькихъ плодовъ этой системы, при которой надъ невѣжественнымъ мужикомъ сидѣлъ такой-же невѣжественный бояринъ. И кромѣ сплошнаго невѣжества не было нигдѣ ни чего. Что-же заставляетъ московскихъ политиковъ искать свѣтъ

въ этой московской Руси и бѣжать отъ свѣта правды и справедливости европейской культурной Россіи? Я этого не знаю и говорить объ этомъ не стану, я только хотѣлъ показать историческую правду московской системы, поднявшей теперь высоко голову и проповѣдуемой цѣлымъ рядомъ публицистовъ московскихъ, кіевскихъ и одесскихъ. Одно только можно сказать, что если даже и при попыткахъ къ водворенію у насъ европейскихъ порядковъ намъ не всегда дышалось легко, то оставшись съ черемисами и чувашами и заколотивъ окно въ Европу, мы будемъ жить еще хуже. Заколачивайте, замазывайте окна и двери, въ которыя и безъ того едва входитъ къ намъ европейскій свѣтъ, господа поборники старой Москвы, но не спѣшите ликовать своему успѣху. Конечно, вамъ не страшень ни судъ исторіи, ни судъ общественной совѣсти, потому-что это слишкомъ далеко; но все-таки подумайте, что вы дѣлаете.

Н. Ш—ъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЛЬГИНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Еще одна потеря, еще жертва, вырванная изъ рядовъ литературы, еще однимъ меньше изъ писателей шестидесятыхъ годовъ и изъ бывшихъ работниковъ «Дѣла». Благосвѣтловъ точно открылъ дорогу смерти: за нимъ умеръ Зайцевъ, теперь, въ ночь съ 20 на 21 марта, умеръ Шульгинъ. Похороны его имѣли семейный характеръ и не привлекли толпы; не было ни знаменъ, ни вѣнковъ, ни депутацій; но зато тѣ немногіе изъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ, которые шли за гробомъ, всѣ были лично близки къ покойному, знали его, любили его, чтли въ немъ честнаго работника мысли и гуманнаго, добраго человѣка.

Н. И. Шульгинъ родился 25-го ноября 1832 года въ Херсонской губ., въ имѣніи его дѣда с. Тимофѣевѣ. Онъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и, окончивъ курсъ въ 1851 году, вышелъ въ артиллерію. Затѣмъ участвовалъ въ крымской кампаніи и вынесъ осаду Севастополя. Подъ Инкерманомъ неприятельскимъ ядромъ убило подъ Шульгинымъ лошадь и онъ получилъ тяжелую книтузію, отъ послѣдствій которой страдалъ всю жизнь. Въ 1858 году Н. И. оставилъ военную службу и до 1860 г. жилъ въ Ново-Миргородѣ.

Въ ту пору всеобщаго нравственнаго и умственнаго обновленія каждый, кто чувствовалъ въ себѣ искру Божію, кто искалъ осуществленія въ русской жизни идеаловъ правды, добра и справедливости и кто хотѣлъ служить имъ—отдавался или литературѣ, или искалъ дѣла на другомъ свободномъ поприщѣ. Въ этой общей волнѣ нашелъ свое мѣсто и Шульгинъ.

Поселившись въ 1860 г. въ Петербургѣ, Шульгинъ отдался литературному труду и принялъ участіе въ переводѣ «Исторіи

цивилизациа» Бокля. Затѣмъ онъ работалъ во «Времени», въ «Современномъ Словѣ», въ «Якорѣ», въ «Осѣ», въ газетѣ «Русь», наконецъ, въ «Народномъ Богатствѣ». Последнюю газету онъ и редактировалъ, хотя и не былъ ея официальнымъ редакторомъ. Но зависимый литературный трудъ въ мелкихъ газетахъ не удовлетворялъ Шульгина, онъ искалъ себѣ дѣла болѣе широкаго и круга умственной дѣятельности болѣе вліятельнаго. Въ это время, какъ разъ, были закрыты «Русское Слово» и «Современникъ». Шульгинъ, задумавъ издавать большой журналъ, составилъ его программу, вошелъ съ прошеніемъ въ Цензурное управленіе и получилъ разрѣшеніе. Разрѣшенный журналъ назывался «Дѣло». Когда послѣдовало разрѣшеніе, къ Шульгину пріѣхалъ Благосвѣтловъ и предложилъ ему издавать журналъ вмѣстѣ.

Пятнадцать лѣтъ работалъ Шульгинъ въ «Дѣлѣ», какъ редакторъ и подъ подписью «редакторъ-издатель» ставилъ свое имя. Шульгинъ работалъ очень много и очень усидчиво; онъ читалъ рукописи, редактировалъ ихъ, писалъ статьи, дѣлалъ компиляціи, занимался переводами. Имъ было переведено нѣсколько большихъ романовъ. Кромѣ того, съ французской рукописи Реялю онъ переводилъ постоянно «политику». Шульгинъ хорошо зналъ иностранные языки и переводилъ съ французскаго, англійскаго и итальянскаго; ему были извѣстны языки польскій и сербскій, зналъ онъ и нѣмецкій, но не любилъ его. Шульгинъ работалъ очень быстро и много, но работалъ всегда больше, чѣмъ могли выносить его силы.

Въ 1879 году, послѣ смерти Карчъ-Карчевскаго, Шульгинъ принялъ на себя изданіе «Живописнаго Обзорѣнія».

Но и въ «Живописномъ Обзорѣніи», которое, подъ редакціей Шульгина, приняло совсѣмъ иной характеръ, работы оказалось больше, чѣмъ онъ могъ вынести. Вообще Шульгинъ принадлежалъ къ тѣмъ горячимъ и зарывающимся людямъ, которые не умѣютъ беречь себя. И онъ истомилъ себя непосильной работой и разстроилъ свои нервы и свое здоровье до того, что никакая медицина уже не могла его спасти. Шульгинъ умеръ въ томъ возрастѣ, когда для человѣка, живущаго въ нормальныхъ условіяхъ, только наступаетъ пора разцвѣта силъ и наивысшаго ихъ проявленія: онъ умеръ 49 лѣтъ. Одно изъ свѣтилъ петербургской медицины совѣтовало Шульгину «не брать пера въ руки цѣлый годъ». Это былъ совѣтъ правильный, но для Шульгина невозможный.

Литературная дѣятельность Шульгина была, повидимому, не блестяща. Онъ, дѣйствительно, не оставилъ послѣ себя никакого капитальнаго произведенія, не написалъ, повидимому, ничего,

что-бы поставило его имя въ ряду извѣстныхъ писателей. Но это зависѣло частью отъ особенностей характера Шульгина, а частью отъ той области, которую онъ отмежевалъ себѣ въ журналистикѣ. Онъ бралъ на себя всегда черновую редакціонную работу, ту, которая меньше всего на виду и заключаетъ именно душу дѣла, сообщая журнальному органу стройность, цѣльность и единство.

Шульгинъ не принадлежалъ къ боевымъ характерамъ. Онъ былъ добрый, скромный и въ высшей степени справедливый и гуманный человекъ. Его мягкой, симпатизирующей натурѣ была невыносима всякая форма насилія, какъ-бы она не маскировалась и умственный деспотизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Глубоко уважая человеческое достоинство, Шульгинъ въ этомъ отношеніи напоминалъ Уго-Фосколо. Для нихъ обоихъ руководящимъ правиломъ въ отношеніяхъ къ людямъ и въ оцѣнѣ ихъ было: «все возможно и всякій правъ». Только въ этомъ правилѣ и въ томъ, что Шульгинъ цѣнилъ всякаго по «его» совѣсти, заключается секретъ той доброй памяти, которую онъ по себѣ оставилъ. Шульгинъ не нуждается въ панегирикѣ. Никакая правда не страшна этому гуманному, глубоко честному и справедливому человеку и онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ нужно умереть, чтобы объ нихъ сказали доброе слово.

Каждому изъ людей общественное мнѣніе къ пятидесяти годамъ выставляетъ баллъ за его жизнь; а баллъ, который заслужилъ Шульгинъ, вы прочтете и въ честномъ направленіи всей его редакторской дѣятельности, которой онъ отдалъ 20 лѣтъ своей жизни и въ памяти всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ въ немъ нужду или имѣлъ съ нимъ дѣло. Молодой-ли литераторъ, нуждающійся въ совѣтѣ и поддержкѣ, переводчикъ или переводчица, ищущіе работы, человекъ-ли, нуждающійся въ деньгахъ, никто не уходилъ отъ него безъ помощи или поддержки, которой искалъ.

Въ современной дѣйствительности, девизомъ которой служить «homo homini lupus», Шульгинъ не могъ создать себѣ мѣста на пиру природы. Онъ всю жизнь работалъ только на другихъ и, несмотря на то, что былъ «издателемъ», оставилъ своимъ роднымъ въ наслѣдство только честное имя, незапятнанное никакой двусмысленной сдѣлкой, да память хорошаго человека.

Шульгинъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

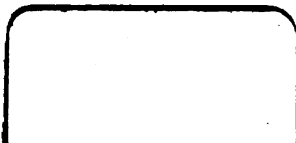
Издано 1948

Widener Library

3 2044 079 302 683